МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Тимоти Снайдер

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ:

Европа между Гитлером и Сталиным

ДУЛІБИ

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Тимоти Снайдер

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ:

Европа между Гитлером и Сталиным

Перевод с английского Лукии Зурнаджи

Київ
Дуліби
2015

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
С 53

First published in the United States by Basic Books,
a member of the Perseus Books Group

Впервые опубликовано в Соединенных Штатах Америки
издательством Basic Books, членом Perseus Books Group

Перевод с английского Лукии Зурнаджи

Издание осуществлено при содействии Посольства США в Украине

Перевод осуществлен по изданию:
Timoty Snyder
Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. New York:
Basic Books, 2010

В дизайне обложки использована фотография из журнала «Life»
от 3 ноября 1941 г.

Снайдер Т.
С 53 Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным / Тимоти Снайдер ; [пер. с англ Л. Зурнаджи] – К.: Дуліби, 2015. – 584 с.

ISBN 978-966-8910-97-5

С 1933-го по 1945 год в Восточной Европе было уничтожено 14 миллионов человек. Книга профессора Йельского университета (США), блестящего историка и искусного рассказчика Тимоти Снайдера, «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» посвящена трагическим страницам в истории Восточной Европы. Украинский Голодомор, сталинские массовые экзекуции, Холокост, расстрелы немцами гражданского населения в ходе антипартизанских операций, преднамеренное морение голодом советских военнопленных, послевоенные этнические чистки… Две тоталитарные системы совершали одинаковые преступления в одно и то же время, в одних и тех же местах, содействуя друг другу и подстрекая друг друга.

Книга Тимоти Снайдера мгновенно стала мировым бестселлером, пережила 29 изданий на 26 языках мира. На русском языке публикуется впервые.

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)

ISBN 978-966-8910-97-5

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ К УКРАИНСКОМУ РУССКОЯЗЫЧНОМУ ИЗДАНИЮ

«Кровавые земли» – это место, где разговаривали (и продолжают разговаривать) на русском языке, и уже по одной лишь этой причине я очень рад русскоязычному изданию. На просторах от Балтийского и до Черного моря, от Берлина и до Москвы люди, разговаривавшие на русском языке, были в числе жертв, очевидцев и исполнителей тех преступлений, которым посвящена эта книга. Для понимания исключительности периода с 1933 по 1945 год, начиная от первой программы массового уничтожения, которую я описываю (политического голодомора в Украине), и до последней (Холокост в Восточной Европе), архивные материалы на русском языке, а также исторические публикации на русском являются незаменимыми. Хочу, пользуясь случаем, поблагодарить российских ученых, которые своей работой с оригинальными источниками подготовили почву для некоторых из моих собственных интерпретаций.

Без русской литературы я бы никогда не пришел к теме массового уничтожения при Гитлере и Сталине и не надумал бы использовать территориальный метод исследования и объяснения, которыми здесь пользуюсь. Интеллектуальным компаньоном в течение пятнадцати лет, пока я вынашивал этот проект, был Василий Гроссман. Именно его личный опыт, представленный на страницах книг «Жизнь и судьба» и «Все течет», помог мне понять, что опыт нацистского и советского террора был прежде всего человеческой историей. То, что писатель и очевидец такого уровня таланта и мужества смог описать жизнь нескольких людей, которых коснулись как нацистская, так и советская системы, позволило мне задумать более масштабную историю жизни всех людей, которых коснулись оба режима. Судьба семьи, друзей и знакомых Гроссмана не была исключительной, но была им записана с исключительной тщательностью. Фактически, она была типичной: на «кровавых землях» обе системы затронули десятки миллионов человек, и около тринадцати миллионов были уничтожены намеренной политикой какой-то одной

из них. В некоторых случаях, например, в случае с депортациями и убийствами, последовавшими за подписанием Пакта Молотова-Риббентропа в 1939 году, невозможно рассказать историю жертв одной системы без упоминания о другой системе.

Даже заглавие книги русское. На Западе никто не заметил аллюзии, а вот несколько проницательных украинских читателей догадались (книга была издана на украинском и на всех других языках «кровавых земель», прежде чем появилась на русском). Многие русскоязычные читатели, без сомнения, уже уловили связь с творчеством Анны Ахматовой. Пережитое ею фигурирует в книге, а в нескольких моментах отрывки из ее «Реквиема» задают направление моим впечатлениям. Строки из стихотворения «Не бывать тебе в живых», написанного в 1921 году после ареста ее мужа Николая Гумилева, послужили источником для названия моей книги: «Любит, любит кровушку / Русская земля». Когда я начинаю думать о том, в какой момент русские слова и мысли приблизили меня к моим собственным интересам и заданиям, мое чувство долга только усиливается. К Ахматовой меня привел Исайя Берлин – один из моих преподавателей в Оксфордском университете, который всегда призывал меня серьезно относиться к русской интеллектуальной истории. Я многим обязан Исайе Берлину, который, конечно же, среди всего прочего, и сам был русским мыслителем. Таким образом, мой долг миру русской мысли огромен.

Основной метод книги состоит в том, чтобы начать с людей, со всех тех, кто проживал на европейских землях, которых коснулись и нацистская, и сталинская власть. Это значит, что данная книга – не национальная история. Она повествует о многих нациях, но также и о многих людях, которые, возможно, не считали себя представителями какой бы то ни было нации. Она затрагивает основные вопросы национальных историй, но не является ни совокупностью национальных историй, ни попыткой найти компромисс между ними, ни разрешить споры между ними. Она рассказывает о государственной власти, но не является историей ни одного из государств. Четыре государства (Польша, Литва, Латвия и Эстония) рушатся по мере того, как разворачивается история. Меняются границы Советского Союза и нацистской Германии. Политика «кровавых земель» меняется в зависимости от разных форм контакта между Советским Союзом и нацистской Германией: сначала – предвкушение, затем – союзничество и наконец – вражда.

Хотя история территории, населяющих ее народов и массового политического уничтожения – это не национальная история, она все же привносит новые перспективы и знания в национальные истории. Ни одна национальная история, какой бы обширной она ни была, не может дать всех ответов или даже задать всех вопросов. Многие главные темы современной истории России, такие как политическое массовое уничтожение, выходят за пределы политических границ государства и эмоциональных границ нации. Когда русские погибали в ходе кампаний по политическому массовому уничтожению, вместе с ними погибали и другие. Российская история

является неполной без опыта пережитого украинцами, поляками, беларусами, евреями и людьми других национальностей, проживавшими вместе с русскими в самом опасном месте на земле.

Через несколько дней после того, как я завершил эту книгу, весной 2010 года, польский самолет, на борту которого находилось много представителей политической элиты Польши, разбился под Смоленском и все его пассажиры погибли. Они спешили почтить память тысяч польских граждан, расстрелянных советским НКВД в Катыни в 1940 году, – возможно, память о самом печально известном советском преступлении периода советско-германского альянса. Российские лидеры выразили сочувствие по поводу их трагической гибели. О Катынском преступлении, столь долго замалчивавшемся в российской общественной памяти, стали широко говорить. Пять лет спустя многое поменялось. Тон и содержание официального российского почтения памяти изменились радикальным образом. Президент Российской Федерации теперь официально реабилитировал Пакт Молотова-Риббентропа, который Советский Союз заключил с нацистской Германией и который, среди всего прочего, непосредственно привел к Катынской бойне. Реабилитация Пакта Молотова-Риббентропа означает реабилитацию всего совершенного Сталиным вплоть до момента подписания им соглашения с Гитлером. Это ставит под вопрос европейский консенсус по поводу того, что Вторая мировая война была катастрофой. Поскольку одним из предметов этой книги как раз и являются советско-германские взаимоотношения, это может помочь в деле современной оценки значения Пакта Молотова-Риббентропа.

Политическим контекстом того, что президент обращается к событиям 1939 года, было вторжение России в Украину в 2014 году – агрессорская война, которую российские лидеры иногда оправдывают как ответ на историю, являющуюся предметом этой книги. В заключении к этой книге, написанном пять лет тому назад, я упомянул об опасности «мартирологического империализма». Я имел в виду, что попытка монополизировать безмерные страдания «кровавых земель» внутри одной национальной истории может привести к предубеждению, враждебности и войне. Теоретически, такой риск существует для всех народов, населяющих территорию «кровавых земель». На практике же, сейчас, когда я пишу эти строки весной 2015 года, это, похоже, касается России. Присущая ей узость национальной истории – это, конечно же, не единственная причина, по которой Россия вторглась в Украину. Однако, учитывая то, сколько раз российские лидеры преподносили историю 1930-х и 1940-х годов как оправдание для вторжения в Украину, это может быть подходящим моментом для истории рассматриваемого периода, который тяготеет к универсальным выводам.

Нью-Хейвен,
15 апреля 2015 года

ПРЕДИСЛОВИЕ:

ЕВРОПА

«Теперь будем жить!» – повторял голодный мальчик, бредя вдоль тихих дорог и через пустые поля, но еда, которую он видел, существовала лишь в его воображении. Всю пшеницу забрали во время бесчеловечных реквизиций, после которых началась в Европе эра массового уничтожения. Шел 1933 год, и Иосиф Сталин целенаправленно морил голодом Советскую Украину. Маленький мальчик умер, как умерли более трех миллионов других людей. «Я встречусь с ней под землей», – сказал молодой человек о своей жене. Он оказался прав: его расстреляли после неё; их похоронили в числе семисот тысяч жертв сталинского террора 1937–1938 годов. «Они спросили про обручальное кольцо, которое я...» – на этой фразе обрывается дневник польского офицера, расстрелянного советскими сотрудниками НКВД в 1940 году. Он был одним из двухсот тысяч польских граждан, расстрелянных советским и немецким правительством в начале Второй мировой войны, в то время как нацистская Германия и Советский Союз совместно оккупировали его страну. В конце 1941 года одиннадцатилетняя ленинградская девочка завершила свой простой дневник такими словами: «Осталась только Таня». Адольф Гитлер предал Сталина, Танин город был осажден немцами, а ее семья была среди четырех миллионов советских граждан, которых немцы заморили голодом. Следующим летом двенадцатилетняя еврейская девочка из Беларуси[1] написала отцу последнее письмо: «Я прощаюсь с тобой перед смертью. Я так боюсь этой смерти, потому что они бросают маленьких детей в общие могилы живьем». Она была среди более пяти миллионов евреев, уничтоженных в газовых камерах или расстрелянных немцами.

[1] Тут и далее по тексту сохранено авторское написание названия страны «Беларусь» и этнонима «беларусы» как исторически правильных (*прим. пер.*).

В середине XX века посреди Европы нацисты и советский режим вместе уничтожили около 14 миллионов человек. Все эти жертвы погибли на «кровавых землях», которые простираются от Центральной Польши до Западной России и располагаются на территории Украины, Беларуси и стран Балтии. В годы консолидации национал-социализма и сталинизма (1933–1938), совместной германско-советской оккупации Польши (1939–1941), а затем германско-советской войны (1941–1945) на эти земли пришли доселе невиданные в истории массовые злодеяния. Их жертвами были преимущественно евреи, беларусы, украинцы, поляки, русские и прибалты – коренное население этих земель. Четырнадцать миллионов человек были убиты всего за двенадцать лет (1933–1945), пока Гитлер и Сталин находились у власти. Хотя родные края этих людей в середине этого периода превратились в поля сражений, они стали жертвами не войны, а смертоносной политики. Вторая мировая война была самым летальным конфликтом за всю историю войн, и около половины солдат, погибших на полях сражений по всему миру, полегли именно здесь, на «кровавых землях». Но ни один из погибших четырнадцати миллионов человек не был солдатом, исполнявшим свой долг. Большинство их составляли женщины, дети и старики; ни у кого из них не было оружия; у многих отобрали все, что они имели, даже одежду.

Аушвиц – самое известное место уничтожения на «кровавых землях». Сегодня Аушвиц – это символ Холокоста, а Холокост – символ наибольшего зла столетия. И все-таки у узников Аушвица, зарегистрированных в качестве рабочей силы, был шанс выжить: имя лагеря известно благодаря мемуарам и художественным повестям, написанным выжившими. Гораздо больше евреев (преимущественно польских) лишились жизни в газовых камерах других немецких фабрик смерти, практически все узники которых погибли и чьи названия всплывают в памяти гораздо реже: Треблинка, Хелмно, Собибор, Белжец. Еще больше евреев (польских, советских и прибалтийских) было расстреляно надо рвами и ямами. Большинство этих евреев умерли рядом с местом своего проживания – в оккупированной Польше, Литве, Латвии, в Советских Украине и Беларуси. Немцы свозили евреев отовсюду, чтобы уничтожить их на «кровавых землях». Евреи прибывали в Аушвиц поездами из Венгрии, Чехословакии, Франции, Нидерландов, Греции, Бельгии, Югославии, Италии и Норвегии. Немецких евреев депортировали на «кровавые земли» (в Лодзь, Каунас, Минск или Варшаву), чтобы отравить газом или расстрелять. Людей, живших там, где я сейчас пишу

эту книгу, в 9-м районе Вены, депортировали в Аушвиц, Собибор, Треблинку и Ригу – все они расположены на «кровавых землях».

Массовое уничтожение евреев немцами происходило не только в Германии, но и в Польше, Литве, Латвии и в Советском Союзе. Гитлер проводил антисемитскую политику в стране, где еврейская община была маленькой. Евреи составляли *менее одного процента* немецкого населения, когда в 1933 году Гитлер стал канцлером Германии, а на момент начала Второй мировой войны – *около четверти процента*. Первые шесть лет правления Гитлера немецким евреям разрешалось эмигрировать (в унизительных и бедственных обстоятельствах). Большинство немецких евреев, которые были свидетелями того, как Гитлер выиграл выборы 1933 года, умерли естественной смертью. Уничтожение 165 тысяч немецких евреев – это само по себе ужасное преступление, но оно было лишь малой частью трагедии европейских евреев – менее 3% от всех смертей Холокоста. Только когда нацистская Германия вторглась в Польшу в 1939 году, а в Советский Союз – в 1941-м, идея Гитлера уничтожить евреев по всей Европе пересеклась с двумя самыми крупными группами еврейского населения в Европе. Его амбициозный план уничтожения евреев в

Европе можно было осуществить только в тех частях Европы, где жили евреи.

Холокост затмевает планы Германии, предусматривавшие еще больше убийств. Гитлер хотел не только уничтожить евреев, но и разрушить Польшу и СССР как государства, уничтожить их правящие классы и убить десятки миллионов славян (русских, украинцев, беларусов и поляков). Если бы война Германии против СССР пошла по намеченному плану, то тридцать миллионов человек гражданского населения погибли бы от голода в первую зиму и еще десятки миллионов были бы высланы, убиты, ассимилированы или порабощены. Хотя этим планам не суждено было сбыться, они служили моральным основанием, на котором базировалась оккупационная политика на Востоке. За время войны немцы уничтожили приблизительно равное количество евреев и неевреев, преимущественно моря голодом советских военнопленных (более трех миллионов человек) и жителей осажденных городов (более миллиона человек), расстреливая мирное население в ходе карательных операций (не менее миллиона человек, в основном беларусов и поляков).

Советский Союз победил нацистскую Германию на Восточном фронте во Второй мировой войне, тем самым обеспечив Сталину благодарность миллионов и решающую роль в устройстве послевоенной Европы. Однако список массовых уничтожений Сталина был почти таким же внушительным, как и у Гитлера. Можно даже сказать, что в мирное время он даже был значительно длиннее. Во имя защиты и модернизации Советского Союза по приказу Сталина были заморены голодом миллионы и расстреляны семьсот пятьдесят тысяч человек в 1930-х годах. Сталин убивал собственных граждан не менее эффективно, чем Гитлер – граждан чужих государств. Из четырнадцати миллионов людей, намеренно убитых на «кровавых землях» в 1933–1945 годах, треть – на совести СССР.

Эта книга об истории политического массового уничтожения. Четырнадцать миллионов были жертвами либо советской, либо нацистской кровожадной политики, часто – жертвами взаимодействия СССР и нацистской Германии, но не войны между ними. Четверть из них были убиты еще до начала Второй мировой войны. Еще двести тысяч человек погибли в 1939–1941 годах, когда нацистская Германия и Советский Союз перекраивали Европу, будучи *союзниками*. Уничтожение четырнадцати миллионов иногда отражалось в экономических планах или оправдывалось экономическими соображениями, но ни в коей мере не было вызвано экономической необходимостью. Сталин знал,

что произойдет, когда реквизировал продовольствие у голодающих крестьян Украины в 1933 году, точно так же, как Гитлер знал, что произойдет, когда морил голодом советских военнопленных восемь лет спустя. В обоих случаях погибло более трех миллионов человек. Сотни тысяч советских крестьян и рабочих, расстрелянных в годы Большого террора (1937–1938), были жертвами прямых указаний Сталина, точно так же, как миллионы евреев, расстрелянных и уничтоженных в газовых камерах в 1941–1945 годах, были жертвами недвусмысленной политики Гитлера.

Война изменила баланс уничтожения. В 1930-х годах Советский Союз был единственным государством в Европе, проводившим политику массового уничтожения. До начала Второй мировой войны, в течение первых шести с половиной лет после прихода к власти, нацистский режим уничтожил приблизительно десять тысяч человек. Сталинский режим на тот момент уже заморил голодом миллионы и расстрелял более полумиллиона человек. Германская политика массового уничтожения стала соперничать с советской в 1939–1941 годах, после того, как Сталин позволил Гитлеру начать войну. Вермахт и Красная армия напали на Польшу в сентябре 1939 года, немецкие и советские дипломаты подписали «Договор о дружбе и границе», а немецкие и советские войска совместными усилиями почти два года оккупировали страну. После того, как немцы в 1940 году расширили свою империю на запад, захватив Норвегию, Данию, страны Бенилюкса и Францию, советские войска оккупировали и аннексировали Литву, Латвию, Эстонию и северо-восточную Румынию. Оба режима расстреливали образованных польских граждан десятками тысяч и депортировали их сотнями тысяч. Для Сталина подобные массовые репрессии были продолжением старой политики на новых землях, для Гитлера же это было существенным достижением.

Самое жуткое уничтожение началось, когда Гитлер предал Сталина и немецкие войска в июне 1941 года перешли границу недавно расширенного Советского Союза. Хотя Вторая мировая началась в сентябре 1939 года с совместного германско-советского вторжения в Польшу, подавляющее большинство убийств последовало за вторым восточным вторжением. В Советской Украине, Беларуси и Ленинградской области (там, где сталинский режим заморил голодом и расстрелял около четырех миллионов человек за предыдущие восемь лет) войска Германии заморили голодом и расстреляли еще больше людей всего за четыре года. Сразу после вторжения Вермахт начал морить

голодом советских военнопленных, а специальные айнзацгруппы[2] начали расстреливать политических врагов и евреев. Совместно с полицией, войсками СС и Вермахтом, а также при участии местной вспомогательной полиции и ополчения айнзацгруппы тем же летом приступили к полному уничтожению еврейского населения как такового.

Большинство европейских евреев проживали как раз на «кровавых землях», где пересеклись имперские планы Гитлера и Сталина, где сражались Вермахт и Красная армия и где концентрировали свои силы советский НКВД и немецкие СС. Большинство мест массового уничтожения находилось на «кровавых землях»: в терминах геополитики 1930-х и начала 1940-х это означало Польшу, страны Балтии, Советскую Беларусь, Украину и западную часть России. Преступления Сталина часто ассоциируют с Россией, а Гитлера – с Германией, но больше всего жертв Советского Союза погибло на его периферии, за пределами России, а нацисты убивали, как правило, за пределами Германии. Считается, что ужасы XX века происходили в концлагерях, но большинство жертв национал-социализма и сталинизма погибли не там. Ошибочные представления о местах и методах массового уничтожения не позволяют нам постичь весь ужас XX века.

В Германии сосредотачивались концлагеря, узников которых освободили в 1945 году американцы и британцы. На территории Сибири, соответственно, находилось большинство лагерей ГУЛАГа, о которых Западу поведал Александр Солженицын. Образы этих лагерей, запечатленные на фотографиях или в прозе, только намекают на историю немецкой и советской жестокости. Около миллиона человек погибло, потому что они были приговорены к работам в немецких концлагерях – принципиально отличных и от немецких газовых камер, и от немецких «полей смерти», и от немецких голодающих регионов, где погибло *десять миллионов* человек. Жизни более миллиона человек оборвались из-за физического истощения и болезней в 1933–1945 годах в советском ГУЛАГе – принципиально отличном и от советских «полей смерти», и от советских голодающих регионов, где погибло около *шести миллионов* человек, из них около *четырех миллионов* – на «кровавых землях». Девяносто процентов узников ГУЛАГа остались живы. Большинство тех, кто попал в немецкие концлагеря (в отличие от попавших в газовые камеры, ямы смерти

[2] Einsatzgruppen – эскадроны смерти нацистской Германии (*прим. пер.*).

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ
Август 1941
Немецкая оккупация
Дважды оккупированные к августу 1941 г.
СССР
РСФСР
Москва
Волга
Сталинград
Дон
Курск
Сталино
Смоленск
Ленинград
Новгород
Карело-финская ССР
ФИНЛЯНДИЯ
Хельсинки
Таллин
Эстонская ССР
Рига
Латвийская ССР
Литовская ССР
Вильнюс
Минск
Белорусская ССР
Белосток
Киев
Днепр
Украинская ССР
Одесса
Кишинев
Молдавская ССР
Крым (РСФСР)
Черное море
Грузинская ССР
Львов
Линия Молотова-Риббентропа
Люблин
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
Варшава
Краков
Кенигсберг
Данциг
Висла
Лодзь
Позен
ВАРТЕЛАНД
Балтийское море
ШВЕЦИЯ
Стокгольм
НОРВЕГИЯ
Осло
ДАНИЯ
Гамбург
Берлин
Дрезден
Прага
Протекторат Богемия и Моравия
ГЕРМАНИЯ
Мюнхен
Дунай
Вена
Братислава
СЛОВАКИЯ
Будапешт
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
Бухарест
СЕРБИЯ
ХОРВАТИЯ
ИТАЛИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
ФРАНЦИЯ Виши
Эльзас-Лотарингия
ФРАНЦИЯ
Люкс.
Рейн
БЕЛЬГИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
Северное море

и лагеря военнопленных), тоже выжили. Судьба узников концлагерей хоть и была ужасной, но отличается от судьбы миллионов, погибших в газовых камерах, расстрелянных или замученных голодом.

Трудно обозначить разницу между концлагерями и местами массового уничтожения, так как в лагерях людей тоже и казнили, и морили голодом. И все же есть разница между приговором отправить в лагерь и смертным приговором, между физическим трудом и газом, между рабством и пулями. Подавляющее большинство тех, кто погиб от рук немецкого и советского режимов, никогда не были в концлагерях. Аушвиц представлял собой «два в одном» – трудовую колонию и место уничтожения. Судьба неевреев, отправленных на принудительные работы, и евреев, отобранных для работ, очень отличалась от судьбы евреев, отправленных в газовые камеры. Таким образом, Аушвиц заключает в себе две истории, связанные друг с другом, но и отличающиеся друг от друга: Аушвиц как трудовой лагерь характерен для судеб огромного числа людей, испытавших на себе немецкую (или же советскую) политику концлагерей, тогда как Аушвиц как место массового уничтожения более типичен для судеб тех, кого намеренно уничтожали. Большинство евреев, прибывших в Аушвиц, были попросту уничтожены в газовых камерах. Они, как почти все четырнадцать миллионов человек, погибших на «кровавых землях», не отбывали срок в концлагере.

Немецкие и советские концлагеря окружали «кровавые земли» с востока и запада, размывая их черный цвет своими оттенками серого. В конце Второй мировой войны американские и британские войска освободили узников немецких лагерей (например, Бельзена и Дахау), но западные союзники не освободили *ни одного* из мест массового уничтожения. Немцы проводили свою кровожадную политику на землях, впоследствии оккупированных Советским Союзом. Красная армия освободила Аушвиц, а также концлагеря Треблинка, Собибор, Белжец, Хелмно и Майданек. Американские и британские войска не дошли до «кровавых земель» и не видели *ни одного* из мест массового уничтожения. Дело не в том, что американские и британские войска не увидели мест, где СССР уничтожал людей, и тем самым отсрочили процесс документирования преступлений сталинизма до окончания холодной войны, когда открылись архивы. Дело в том, что они никогда не видели мест, где *немцы* массово уничтожали людей, и поэтому осознание преступлений Гитлера заняло столько времени. Фотографии и фильмы о немецких концлагерях – вот и все, на основании чего большинство жителей западных стран представляли себе массовое

уничтожение. Но какими бы ужасающими ни были эти снимки и кадры, они представляли собой только слабое подобие того, что творилось на «кровавых землях». Эти снимки и кадры – еще не вся история тех полей. К сожалению, они даже не вступление к ней.

Массовое уничтожение в Европе обычно ассоциируется с Холокостом, а Холокост – с быстрыми убийствами в промышленных масштабах. Но такой образ слишком упрощенный и чистенький. Способы убийства и в немецких, и в советских местах массового уничтожения были достаточно примитивными. Из четырнадцати миллионов гражданских лиц и военнопленных, убитых на «кровавых землях» в период с 1933-го по 1945 год, больше половины умерли от голода. Европейцы намеренно морили голодом европейцев в чудовищных количествах в середине XX столетия. Два самых массовых уничтожения людей после Холокоста (организованный Сталиным Голодомор в начале 1930-х годов и смерть от голода советских военнопленных в начале 1940-х, санкционированная Гитлером) использовали именно этот способ уничтожения. Смерть от голода существовала не только в реальности, но и в воображении. Согласно «Плану голода»[3], нацистский режим намеревался заморить голодом десятки миллионов славян и евреев зимой 1941–1942 годов.

Следующим способом после голода были расстрелы, а затем – газовые камеры. Во время сталинского Большого террора 1937–1938 годов было расстреляно около семисот тысяч советских граждан. За время совместной оккупации Польши Германия и Советский Союз расстреляли приблизительно двести тысяч поляков. В ходе немецких карательных операций были расстреляны более трехсот тысяч беларусов и примерно столько же поляков. Евреи, уничтоженные по время Холокоста, с равной долей вероятности могли быть расстреляны или отправлены в газовые камеры.

Газовые камеры не были чем-то принципиально новым. Около миллиона евреев, отравленных газом в Аушвице, были убиты цианистым водородом, полученным в XVIII веке. Около 1,6 миллиона евреев, уничтоженных в лагерях Треблинка, Хелмно, Белжец и Собибор, задохнулись окисью углерода, убийственные свойства которой были известны еще древним грекам. В 1940-е годы цианистый водород использовали в качестве пестицида, а окись углерода получали в результате работы двигателей внутреннего сгорания. Как Совет-

[3] Der Hungarplan, или же План Бакке (der Backe-Plan) (*прим. пер.*).

ский Союз, так и Германия полагались на технологии, которые даже в 1930-х и 1940-х годах не могли считаться новыми: продукты внутреннего сгорания, железные дороги, огнестрельное оружие, пестициды и колючая проволока.

Независимо от применяемой технологии, убийства совершали люди. За голодавшими наблюдали (часто с вышек) те, кто не давал им есть. На расстреливаемых смотрели через прицелы винтовок с очень близкого расстояния, или же двое держали, а третий приставлял дуло пистолета к затылку. Тех, кого отравляли газом, сначала сгоняли всех вместе, сажали на поезда, а потом везли в газовые камеры. У них отбирали все вещи, одежду и даже – когда речь шла о женщинах – волосы. Все они умерли разной смертью, поскольку и жили по-разному.

Количество жертв было таким, что нам трудно за цифрами ощутить каждого отдельного человека. «Хотелось бы всех поименно назвать, // Но отняли список и негде узнать», – писала Анна Ахматова в «Реквиеме». Благодаря кропотливой работе историков у нас есть некоторые из этих списков; благодаря тому, что открыты архивы Восточной Европы, нам есть где узнать. У нас есть на удивление большое количество голосов жертв: например, воспоминания молодой еврейки, которая сумела выбраться из Бабьего Яра в Киеве, или другой, которая выбралась из ямы в Понарах под Вильнюсом. У нас есть мемуары некоторых из тех нескольких десятков, кто выжил в Треблинке. У нас есть архив Варшавского гетто, собранный по крупицам, закопанный, а позже найденный (бóльшая его часть). У нас есть дневники польских офицеров, расстрелянных советским НКВД в 1940 году в Катыни, раскопанные вместе с телами. У нас есть записки, выброшенные из автобусов, которые везли поляков к ямам смерти во время немецких карательных операций в том же году. У нас есть слова, нацарапанные на стене синагоги в Ковеле и на стене тюрьмы гестапо в Варшаве. У нас есть воспоминания украинцев, переживших советский Голодомор 1933 года, советских военнопленных, переживших голод в немецких лагерях в 1941 году, и ленинградцев, переживших блокаду 1941–1944 годов.

У нас есть некоторые записи преступников, изъятые у немцев после их проигрыша в войне, или найденные в российских, украинских, беларусских, польских либо прибалтийских архивах после распада Советского Союза в 1991 году. У нас есть отчеты и письма немецких полицейских и солдат, которые расстреливали евреев, и немецких антипартизанских отрядов, которые расстреливали

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ
1933 г.
СССР
РСФСР
Москва
Волга
Сталинград
Дон
Закавказская СФСР
Курск
Сталино
Харьков
Днепр
Крым (РСФСР)
Черное море
Смоленск
Ленинград
Новгород
Белорусская ССР
Минск
Киев
Украинская ССР
Одесса
Кишинев
РУМЫНИЯ
Бухарест
Дунай
ФИНЛЯНДИЯ
Хельсинки
Таллин
ЭСТОНИЯ
ЛАТВИЯ
Рига
Вильно
ЛИТВА
Каунас
Белосток
ПОЛЬША
Варшава
Люблин
Львов
Кенигсберг
Восточная Пруссия (Германия)
Балтийское море
Гданьск
Познань
Лодзь
Краков
ШВЕЦИЯ
Стокгольм
НОРВЕГИЯ
ДАНИЯ
Копенгаген
Берлин
Гамбург
ГЕРМАНИЯ
Дрезден
Прага
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
Вена
АВСТРИЯ
Будапешт
ВЕНГРИЯ
Белград
ЮГОСЛАВИЯ
Мюнхен
Дунай
Венеция
ИТАЛИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
Рейн
Люксембург
ФРАНЦИЯ
БЕЛЬГИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
Амстердам
Северное море

гражданское население Беларуси и Польши. У нас есть прошения активистов Коммунистической партии, поданные перед тем, как они учинили Голодомор в Украине 1932–1933 годов. У нас есть квоты казней крестьян и представителей национальных меньшинств, которые рассылались из Москвы в местные отделения НКВД в 1937 и 1938 годах, а также ответы, в которых просили эти квоты увеличить. У нас есть протоколы допросов советских граждан, приговоренных впоследствии к смерти и расстрелянных. У нас есть немецкие подсчеты количества евреев, расстрелянных над ямами и отравленных в газовых камерах. У нас есть советские подсчеты количества расстрелянных во время Большого террора и в Катыни. Мы можем судить об общем числе евреев, убитых в главных местах массового уничтожения, на основании немецких записей и материалов, свидетельских показаний выживших, а также советских документов. Мы можем оценить количество людей, погибших в Советском Союзе от голода, хотя не все они были учтены. У нас есть письма Сталина к его ближайшим друзьям, застольные беседы Гитлера, ежедневник Гиммлера и многое другое. Выход этой книги стал возможен благодаря работе других историков и тому, что они воспользовались этими источниками, а также множеством других. Хотя некоторые моменты в этой книге основаны на моих собственных архивных исследованиях, на ее страницах и в примечаниях я выражаю глубокую признательность моим коллегам и предыдущим поколениям историков.

На протяжении всей книги будут представлены свидетельства самих жертв, их друзей и родственников. Я также буду цитировать преступников – тех, кто убивал, и тех, кто приказывал убивать. В качестве свидетелей будет привлечена и небольшая группа европейских писателей и поэтов: Анна Ахматова, Ханна Арендт, Юзеф Чапски, Гюнтер Грасс, Василий Гроссман, Гарет Джоунс, Артур Кёстлер, Джордж Оруэлл и Александр Вайсберг. (В книге также будет прослежено за карьерой двух дипломатов: американского специалиста по России, Джорджа Кеннана, который оказывался в Москве в самые важные моменты, и японского шпиона Тиунэ Сугихара, принимавшего участие в том политическом курсе, которым Сталин оправдывал массовый террор, а затем спасавшем евреев во время гитлеровского Холокоста). Некоторые из этих людей описывают один метод массового уничтожения, другие – два и больше. Одни предлагают полный анализ, другие – спорные сравнения, третьи создают образы, которые невозможно забыть, но всех их объединяет непрерывная попытка рассматривать Европу между Гитлером и Сталиным, зачастую вопреки бытовавшим в то время табу.

Сравнивая советский и нацистский режимы, политолог Ханна Арендт писала в 1951 году, что фактическая действительность «зависит в своем непрерывном существовании от существования нетоталитарного мира». Американский дипломат Джордж Кеннан в 1944 году в Москве записал ту же самую мысль проще: «...здесь люди решают, что правда, а что ложь».

Истина – это всего лишь решение властей или же правдивые исторические свидетельства все-таки могут избежать влияния политики? Как нацистская Германия, так и Советский Союз хотели управлять самой историей. Советский Союз был марксистским государством, чьи лидеры провозгласили себя учеными-историками. Национал-социализм был апокалиптическим видением полной трансформации, которую должны были осуществить люди, верившие, что воля и раса могут сбросить бремя прошлого. Двенадцать лет нацизма и семьдесят четыре года советской власти давят на нас и мешают оценивать мир. Многие полагают, что преступления нацистского режима были настолько ужасны, что занимают особое место в истории. Это тревожный отголосок собственной убежденности Гитлера в том, что воля побеждает факты. Другие же считают, что преступления Сталина были хоть и ужасны, но оправданы необходимостью создавать или защищать современное государство. Это напоминает мнение Сталина о том, что у истории есть только одно направление, которое он понимал и которое в ретроспективе оправдывает его политику.

Без истории, выстроенной и укрепленной на совершенно другом основании, мы обнаружим, что Гитлер и Сталин продолжают за нас определять свои деяния. Каким же может быть это основание? Хотя книга включает в себя военную, политическую, экономическую, социальную, культурную и интеллектуальную историю, три ее основополагающих принципа просты: первый состоит в том, что ни одно событие прошлого не находится за пределами исторического понимания и не является недостижимым для исторического исследования; второй допускает возможность рассмотрения альтернативных вариантов и принимает непреодолимую реальность выбора в человеческой жизни; третий требует аккуратной хронологии всех сталинских и нацистских программ, приведших к уничтожению огромного количества гражданских лиц и военнопленных. Ее структура основана не на политической географии империй, а на человеческой географии жертв. «Кровавые земли» не были поли-

тической территорией, реальной или воображаемой. Это земли, на которых самые кровожадные режимы Европы творили свои кровавые дела.

На протяжении десятилетий национальная история (еврейская, польская, украинская, беларусская, российская, литовская, эстонская и латвийская[4]) сопротивлялась нацистской и советской концептуализации злодеяний. Историю «кровавых земель» сохраняли (зачастую грамотно и отважно), деля европейское прошлое на национальные части, а затем оберегая эти части от соприкосновения. Однако внимание к какой-либо одной группе преследуемых – как бы досконально это ни было прослежено в истории – не даст полного представления о том, что же происходило в Европе с 1939-го по 1945 год. Доскональное знание прошлого Украины не объяснит причин Голодомора. Изучение истории Польши – не лучший способ понять, почему столько поляков было уничтожено во время Большого террора. Никакое знание истории Беларуси не поможет объяснить лагеря военнопленных и антипартизанские операции, в которых погибло столько беларусов. Описание еврейской жизни может включать в себя Холокост, но не может объяснить его. Часто то, что происходило с одной группой, объясняется только в свете происходившего с другой. Но это только начало состыковок. Нацистский и советский режимы тоже можно понять в свете того, как их лидеры боролись за господство на этих землях, как они рассматривали эти группы и как воспринимали друг друга.

Сегодня существует распространенное мнение о том, что массовое уничтожение людей в XX веке имеет огромное нравственное значение для живущих в XXI веке. В таком случае поразительно, что не существует истории «кровавых земель». Массовое уничтожение людей отделило историю евреев от европейской истории, а историю Восточной Европы – от Европы Западной. Убийство не определяло наций, но все еще обуславливает их интеллектуальное обособление даже спустя десятилетия после падения национал-социализма и сталинизма. Эта книга сводит воедино нацистский и сталинский режимы, еврейскую и европейскую историю, а также историю наций. В ней описаны и жертвы, и палачи. В ней пойдет речь об идеологиях и планах, системах и обществах. Это история людей, уничтоженных политикой лидеров, находившихся далеко от них. Родные земли жертв простираются от Берлина до Москвы; они стали кровавыми после прихода к власти Гитлера и Сталина.

[4] Тут и далее по тексту «латвийский/-ая» употребляется применительно к более широкой категории государственных символов, территории и политики Латвии, а «латышский/-ая» – к более узкой и применительной только к латышскому этносу (*прим. пер.*).

ВСТУПЛЕНИЕ

ГИТЛЕР И СТАЛИН

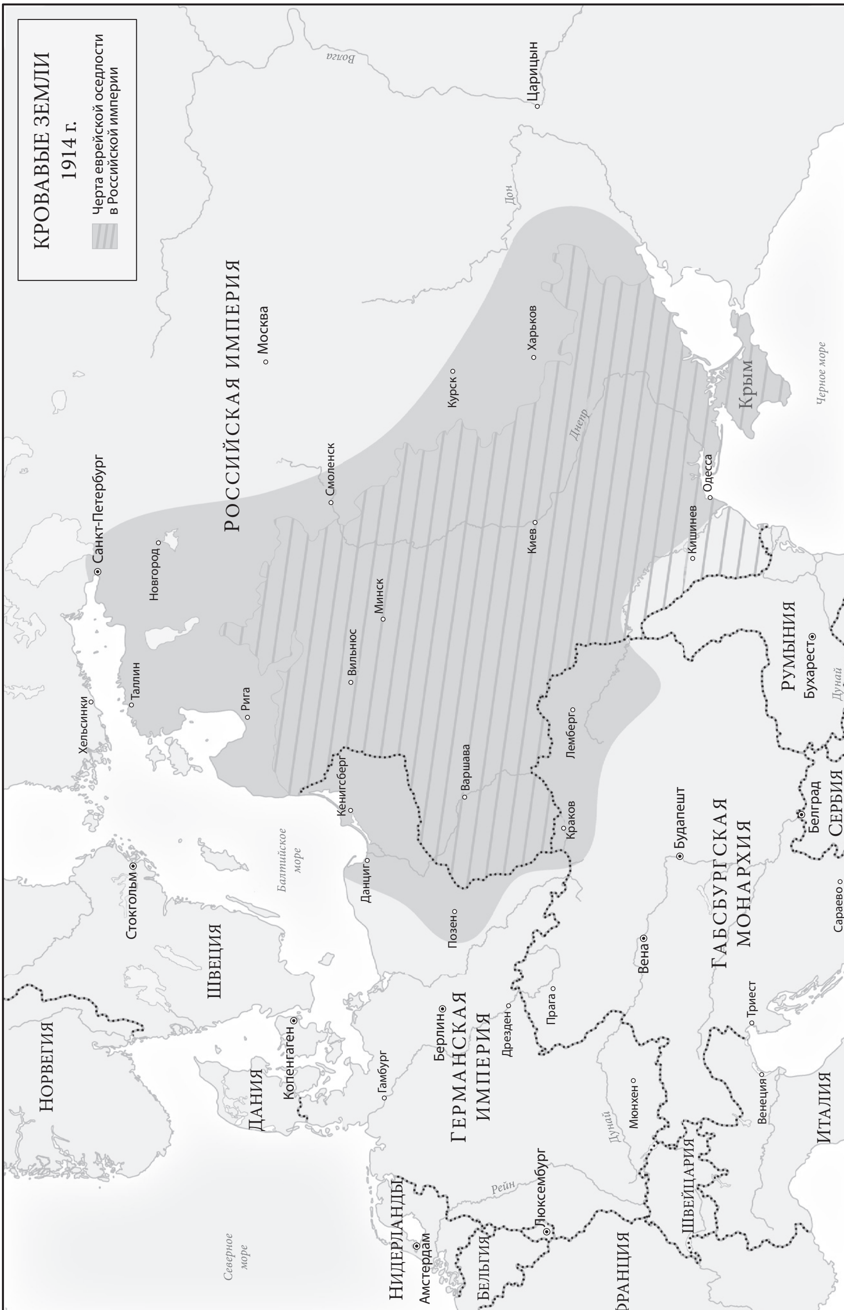
Происхождение нацистского и советского режимов и их действий на «кровавых землях» уходит корнями в Первую мировую войну 1914–1918 гг. Та война расколола старые империи Европы, уступив место мечтам о новых. Она заменила династический принцип правления императора хрупкой идеей народного правления. Она показала, что миллионы человек подчинятся приказу сражаться и умереть (по причинам абстрактным и далеким) во имя родины, которая либо уже прекращала свое существование, либо только зарождалась. Новые государства создавались практически из ничего, а огромные группы гражданского населения перемещались или же уничтожались с применением простых методов. Власти Оттоманской империи уничтожили более миллиона армян. Российская империя депортировала немцев и евреев. После войны национальные государства обменивались болгарами, греками и турками. Важно еще и то, что война разрушила объединенную мировую экономику. Никто из взрослых европейцев, живших в 1914 году, не стал свидетелем возобновления свободной торговли сопоставимого уровня; большинство взрослых европейцев, живших в 1914 году, до конца своей жизни так и не вернулись к довоенному уровню благосостояния.

В сущности, Первая мировая война была вооруженным конфликтом между двумя силами: с одной стороны – Германская империя, Габсбургская монархия, Оттоманская империя и Болгария («Центральные державы»), а с другой – Франция, Российская империя, Великобритания, Италия, Сербия и Соединенные Штаты («Силы Антанты»). Победа сил Антанты в 1918 году положила конец трем европейским империям: Габсбургской, Германской и Оттоманской.

По условиям послевоенных договоров, подписанных в Версале, Сен-Жермене, Севре и Трианоне, многонациональные территории заменялись национальными государствами, а монархии – демократическими республиками. Большие европейские государства – Британия и особенно Франция – были хоть и не разрушены войной, но существенно ослаблены ею. Победители после 1918 года питали иллюзию, что жизнь каким-то образом вернется в свое довоенное русло. Революционеры, надеявшиеся возглавить побежденных, мечтали о том, что кровопролитие легитимизирует дальнейшие радикальные преобразования, которые придадут войне смысл и компенсируют урон от нее.

Самым важным политическим образом была коммунистическая утопия. К моменту окончания войны исполнилось семьдесят лет самому известному лозунгу Карла Маркса и Фридриха Энгельса – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Марксизм вдохновил целые поколения революционеров призывами к политическим и нравственным преобразованиям: положить конец капитализму и частной собственности как источнику конфликта, заменить его социализмом, призванным освободить рабочий класс и возродить неиспорченную душу всего человечества. Для марксистов исторический прогресс был следствием борьбы между классами, набирающими и теряющими власть, группами, созданными и преобразованными в результате изменений в способах экономического производства. Новые социальные группы, сформированные новыми экономическими технологиями, ставили под вопрос каждый господствовавший политический порядок. Современная классовая борьба происходила между теми, кто владел заводами, и теми, кто на них работал. Соответственно Маркс и Энгельс ожидали, что революции начнутся в более развитых индустриальных странах, где есть огромный класс рабочих, например, в Германии и Великобритании.

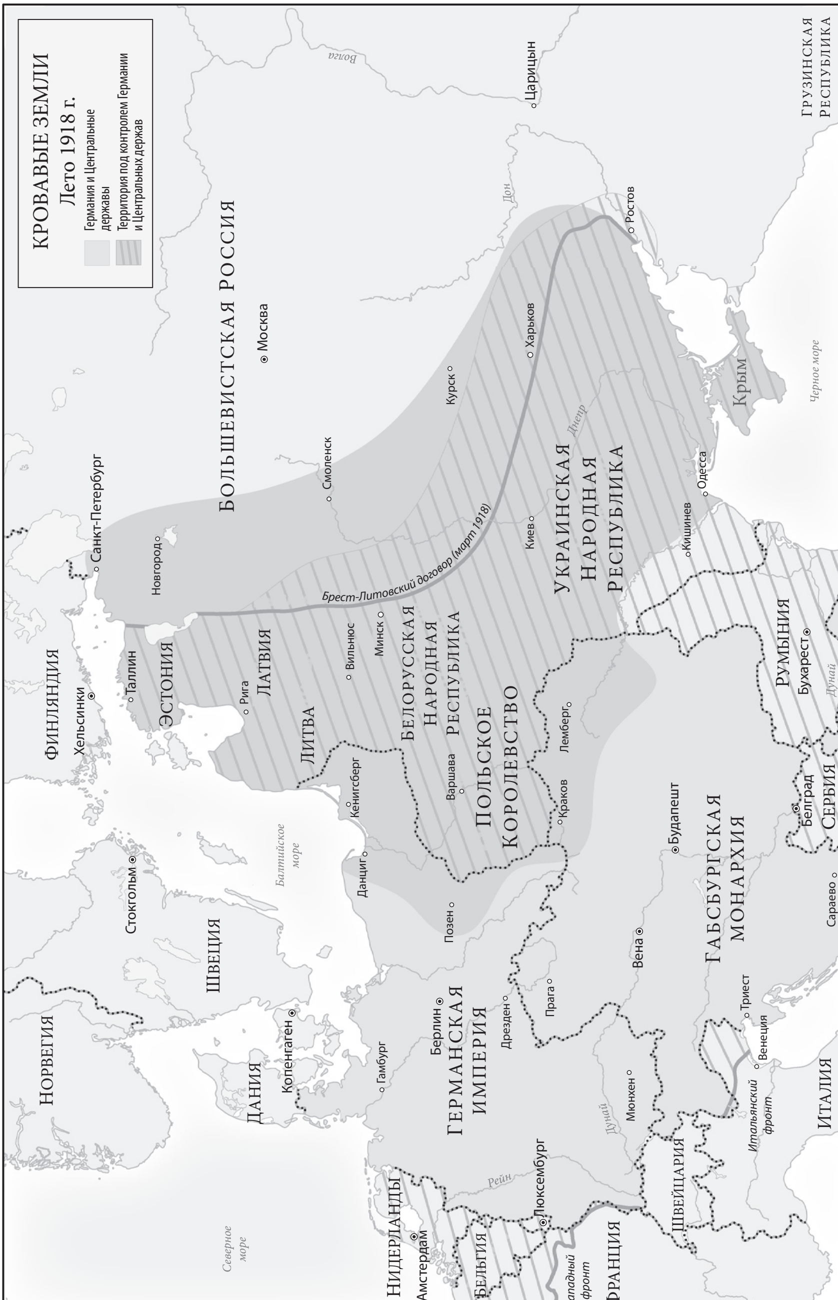
Разрушив капиталистический строй и ослабив могучие империи, Первая мировая война дала революционерам очевидный шанс. Однако большинство марксистов к тому моменту уже привыкли работать в рамках национальных политических систем и предпочли во время войны поддержать свое правительство. Чего не сделал Владимир Ленин, гражданин Российской империи и лидер большевиков. Его волюнтаристское понимание марксизма, вера в то, что историю можно подтолкнуть в должном направлении, привели к тому, что он рассматривал войну как свой самый благоприятный шанс. Для таких волюнтаристов, как Ленин, принять вердикт истории означало дать марксистам право вынести вердикт самостоятельно. Маркс рассматривал историю не как предо-

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ
1914 г.
Черта еврейской оседлости в Российской империи
РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
Москва
Волга
Царицын
Дон
Харьков
Курск
Крым
Черное море
Днепр
Смоленск
Одесса
Киев
Кишинев
Санкт-Петербург
Новгород
Минск
Вильнюс
Таллин
Хельсинки
Рига
Лемберг
Варшава
Кенигсберг
Краков
Балтийское море
Данциг
Стокгольм
ШВЕЦИЯ
Позен
РУМЫНИЯ
Бухарест
Дунай
Будапешт
Белград
СЕРБИЯ
ГАБСБУРГСКАЯ МОНАРХИЯ
Сараево
Вена
Прага
Дрезден
Берлин
ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
НОРВЕГИЯ
Копенгаген
ДАНИЯ
Гамбург
Триест
Венеция
Мюнхен
ИТАЛИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
Рейн
Люксембург
НИДЕРЛАНДЫ
Амстердам
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
Северное море

пределенную, а как такую, которую создают личности, понимающие ее принципы. Ленин был родом из преимущественно крестьянской страны, в которой, с точки зрения марксизма, не было экономических предпосылок для революции. Зато у него была революционная теория для оправдания собственных революционных импульсов. Он полагал, что колониальные империи выдали капиталистической системе долгосрочный контракт на жизнь, но война между империями приведет ко всеобщей революции. Российская империя рухнула первой, и Ленин приступил к действиям.

Страдающие солдаты и обнищавшие крестьяне Российской империи в начале 1917 года стали бунтовать. После того, как народное восстание в феврале привело к свержению российской монархии, новый либеральный режим пытался выиграть войну при помощи еще одного нападения на врагов – Германскую империю и Габсбургскую монархию. Именно в этот момент Ленин стал секретным оружием Германии. Немцы в апреле переправили Ленина из швейцарской ссылки в российскую столицу Петроград для организации революции, которая вывела бы Россию из войны. В ноябре, при помощи своего харизматичного союзника Льва Троцкого и обученных большевиков, Ленин совершил переворот, получивший определенную поддержку народа. В начале 1918 года новое правительство Ленина подписало мирный договор с Германией, согласно которому Беларусь, Украина, Прибалтика и Польша перешли под контроль Германии. Отчасти благодаря Ленину, Германия выиграла войну на Восточном фронте и на короткое время ощутила вкус того, что значит быть восточной империей.

За ленинский мир было заплачено немецким колониальным правлением на тех землях, которые находились на востоке бывшей Российской империи. Большевики, однако, рассчитывали, что Германская империя вскоре рухнет вместе с угнетающей капиталистической системой, а революционеры России и других стран расширят свой новый строй на запад, на эти земли и дальше. Война, как утверждали Ленин и Троцкий, приведет к неизбежному поражению Германии на Западном фронте и революции трудящихся в самой Германии. Себе и другим марксистам Ленин и Троцкий объясняли революцию в России ожиданием неминуемого пролетарского восстания в индустриальных странах Центральной и Западной Европы. В конце 1918-го и в 1919 году казалось, что Ленин был прав: осенью 1918 года французы, британцы и американцы действительно разбили немцев на Западном фронте и те были вынуждены отступить

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ
Лето 1918 г.
Германия и Центральные державы
Территория под контролем Германии и Центральных держав
БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РОССИЯ
Москва
Волга
Царицын
Дон
Ростов
Харьков
Курск
Смоленск
Санкт-Петербург
Новгород
Брест-Литовский договор (март 1918)
Днепр
Киев
УКРАИНСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
Крым
Черное море
Одесса
Кишинев
ГРУЗИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ФИНЛЯНДИЯ
Хельсинки
Таллин
ЭСТОНИЯ
Рига
ЛАТВИЯ
Вильнюс
Минск
ЛИТВА
БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА
Кенигсберг
Варшава
ПОЛЬСКОЕ КОРОЛЕВСТВО
Лемберг
Краков
РУМЫНИЯ
Бухарест
Дунай
Белград
СЕРБИЯ
Будапешт
Сараево
ГАБСБУРГСКАЯ МОНАРХИЯ
Вена
Триест
Венеция
Итальянский фронт
ИТАЛИЯ
Балтийское море
Стокгольм
ШВЕЦИЯ
НОРВЕГИЯ
Копенгаген
ДАНИЯ
Данциг
Позен
Берлин
ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
Гамбург
Дрезден
Прага
Мюнхен
ШВЕЙЦАРИЯ
Рейн
Люксембург
НИДЕРЛАНДЫ
Амстердам
БЕЛЬГИЯ
Западный фронт
ФРАНЦИЯ
Северное море

(не будучи побежденными) из своей новой восточной империи. Немецкие революционеры начали разрозненные попытки захвата власти. Большевики же собирали трофеи в Украине и Беларуси.

Крах Российской империи и поражение старой Германской империи создали вакуум власти в Восточной Европе, который большевики, как ни старались, не могли заполнить. Пока Ленин с Троцким задействовали свою новую Красную армию в гражданской войне в России и Украине, пять стран вокруг Балтийского моря (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша) стали независимыми республиками. После таких территориальных потерь большевистская Россия стала менее западной, чем была Россия царская. Из пяти новых независимых государств Польша имела больше населения, чем остальные вместе взятые, стратегически же она была самой важной из них. Польша изменила баланс власти в Восточной Европе как никакое другое государство, появившееся в конце войны. Она не была настолько большой, чтобы считаться великой державой, но все же достаточно большой, чтобы представлять собой проблему для любого крупного государства с планами на расширение. Впервые за более чем столетие она отделила Россию от Германии. Самим своим существованием Польша создала буферную зону между Российским и Германским государствами, чем вызывала негодование как в Москве, так и в Берлине.

Идеологией Польши была ее независимость. Польского государства не существовало с конца XVIII века, когда Речь Посполитую расчленили ее имперские соседи. Польская политика все же продолжала функционировать под имперским правлением на протяжении XIX века, и идея польской нации смогла консолидироваться. Провозглашение независимости Польши в ноябре 1918 года стало возможным только благодаря тому, что расчленившие ее три государства (Германская, Габсбургская и Российская империи) исчезли после войны и революции. Этим уникальным стечением исторических обстоятельств воспользовался польский революционер Юзеф Пилсудски. Социалист в юности, Пилсудски позже стал прагматиком, способным сотрудничать с одной империей против других. Когда же все империи рухнули, он и его последователи, которые за время войны успели организоваться в военные легионы, оказались совершенно готовы провозгласить и защищать польское государство. Главный политический соперник Пилсудского, националист Роман Дмовски, представил доводы Польши странам-победительницам в Париже. Новая Польша была создана как демократическая республика. Заручившись поддержкой победив-

ших сил Антанты, Варшава могла рассчитывать на более-менее благоприятную обстановку на западной границе с Германией, но вопрос восточной границы Польши оставался открытым. Поскольку Антанта не выиграла никаких сражений на Восточном фронте, она не могла диктовать условий Восточной Европе.

В 1919-м и 1920 годах поляки воевали с большевиками за земли на границе между Польшей и Россией, и война эта имела решающее значение для европейского порядка. Красная армия вошла в Украину и Беларусь, когда отступили немцы, но польские власти не признали этих завоеваний. Пилсудски считал эти пограничные земли независимыми политическими субъектами, чья история была связана с историей Польши и чье руководство могло бы желать восстановления былого королевства в Беларуси и Литве. Он надеялся, что польская армия при поддержке украинских союзников сможет помочь в создании независимого украинского государства. После того, как в 1919 году большевики взяли Украину под свой контроль и остановили там наступления Польши весной 1920 года, Ленин и Троцкий решили, что устроят собственную революцию в Польше, вдохновив штыками рабочих на выполнение их исторической роли, а после падения Польши немецкие товарищи при поддержке молодой Красной армии обеспечат спасение Русской революции несметными ресурсами Германии. Но в августе 1920 года, на пути в Берлин, советские войска были остановлены польской армией в Варшаве.

Пилсудски провел контрнаступление, отбросив Красную армию назад – в Беларусь и Украину. Сталин, тогда военно-политический руководитель в частях Красной армии в Украине, оказался в числе побежденных. Его собственные просчеты привели к раскоординации большевистских сил, чем Пилсудски и воспользовался. Военная победа Польши не означала поражения большевистского строя: польская армия была слишком истощена, чтобы идти на Москву, и в польском обществе не было единодушной поддержки такого предприятия. В конце концов земли, на которых жили беларусы и украинцы, были поделены между большевистской Россией и Польшей. Таким образом, Польша стала многонациональным государством: две ее трети составляли поляки (носители языка), приблизительно пять миллионов украинцев, три миллиона евреев, миллион беларусов и от полумиллиона до миллиона немцев. Согласно конституции, Польша была государством «польского народа», занимала первое место в Европе по количеству проживавших в ней евреев и второе (после большевистской России) – по количеству украинцев и беларусов. У Польши

и ее восточной соседки были три одинаково больших группы национальных меньшинств – евреи, украинцы и беларусы.

Подобно тому, как границы в Восточной Европе определялись на полях сражений Украины, Беларуси и Польши, так же и победители Первой мировой войны диктовали условия в Центральной и Западной Европе. Пока Польша сражалась с большевиками на землях, находившихся на Восточном фронте Первой мировой войны, побежденная Германия старалась демонстрировать странам-победительницам свое миролюбие. Она провозгласила себя республикой, чтобы легче было вести переговоры с французами, британцами и американцами. Ее главная марксистская партия, социал-демократическая, отвергла пример большевиков и не организовывала революций в Германии. Большинство немецких социал-демократов во время войны были верны Германской империи, а теперь восприняли провозглашение Германской республики как прогресс. Но такие действия по демонстрации сдержанности мало чем ей помогли. Послевоенное устройство не обсуждалось, а скорее диктовалось: в нарушение давней европейской традиции побежденным не предоставили место за столом мирных переговоров в Париже. Германскому правительству не оставалось ничего другого, кроме как подписать Версальский договор в июне 1919 года, но мало кто из германских политиков считал своим долгом выполнять его условия.

Поскольку договор был составлен морализаторствующими победителями, его с легкостью могли назвать лицемерным документом. Ведя войну с континентальными империями, силы Антанты провозгласили себя сторонниками освобождения народов Центральной Европы. Американцы, в частности, характеризовали свое участие в войне как «крестовый поход» во имя национального самоопределения. Но больше всех пострадавшие французы хотели наказания для Германии и вознаграждения для своих союзников. Версальский договор действительно противоречил самому принципу, ради которого силы Антанты сражались в войне, – принципу национального самоопределения. В Версале, как и в Трианоне (июнь 1920 года) и Севре (август 1920 года), народы, считавшиеся союзниками Антанты (поляки, чехи и румыны), получили больше территорий и соответственно большее количество национальных меньшинств в пределах своих границ, а народы, считавшиеся ее врагами (немцы, венгры и болгары), получили меньше территорий и, соответственно, большие диаспоры на территории других государств.

Польско-большевистская война шла в период между началом версальских переговоров и подписанием договора в Севре. Поскольку война все еще дли-

лась на востоке Европы, в то время как эти договоры обсуждались и подписывались на ее западе, новый послевоенный порядок был несколько эфемерным. Ему угрожала революция со стороны левых, инспирированная или даже осуществленная большевиками. Пока продолжалась польско-большевистская война, революционеры могли надеяться на помощь Красной армии. Молодой Немецкой республике угрожала и революция со стороны правых. Немецкие солдаты, возвращавшиеся с Восточного фронта, где они были победителями, не видели причин соглашаться на то, что они считали унижением своей родины со стороны новой республики и Версальского договора, который она подписала. Многие ветераны присоединились к военным образованиям правых, которые боролись против революционеров с левыми взглядами. Социал-демократическое правительство Германии, полагая, что другой альтернативы нет, прибегло к помощи военных образований правых для подавления попыток коммунистов устроить революцию.

Победа поляков над Красной армией в Варшаве в августе 1920 года положила конец надеждам на социалистическую революцию в Европе. Договор между Польшей и большевистской Россией, подписанный в марте 1921 года в Риге, был реальным завершением послевоенного урегулирования. Он установил восточную границу Польши, превратил разделенные территории Украины и Беларуси в яблоко раздора на последующие годы и представил большевизм как государственную идеологию, а не вооруженную революцию. Советский Союз, который был образован в следующем году, был государством с границами, то есть такой же политической единицей, как и другие. Конец масштабного вооруженного конфликта был также концом надежд правых на то, что революция может привести к контрреволюции. Те, кто мечтал о ниспровержении новой Германской республики (будь то ультраправые или ультралевые), могли рассчитывать только на собственные силы. Немецкие социал-демократы продолжали поддерживать республику, а немецкие коммунисты воспевали советскую модель и следовали советским путем. Они получали инструкции от Коммунистического интернационала, основанного Лениным в 1919 году. Немецким ультраправым пришлось переосмыслить конец послевоенного порядка как цель исключительно Германии, которую можно достичь только после того, как сама Германия будет перестроена и переделана.

Перестройка Германии представлялась делом более сложным, чем оказалось в реальности. Германия, которую обвиняли в развязывании войны, потеря-

ла не только территорию и население, но и право иметь обычные вооруженные силы. В начале 1920-х она страдала от гиперинфляции и политического хаоса. Но даже при всем этом Германия оставалась, по крайней мере, потенциально, самой могущественной страной Европы. По количеству населения она уступала только Советскому Союзу, по индустриальному потенциалу ей не было равных, во время войны ее территории не были оккупированы, а возможности для расширения территорий скрыто подразумевались в логике мирных договоров. Когда бои в Европе прекратились, немецкое правительство быстро нашло общий язык с Советским Союзом. В конце концов, и Берлин, и Москва желали изменить европейский порядок за счет Польши. Обе страны хотели быть менее изолированными в международной политике. Таким образом, демократическое немецкое правительство подписало с Советским Союзом Рапалльский договор в 1922 году, возобновив дипломатические отношения, упростив торговлю и положив начало секретному военному сотрудничеству.

Для многих немцев самоопределение было и наказанием, и надеждой. Около десяти миллионов носителей немецкого языка, бывших подданных Габсбургской монархии, оказались за пределами Германии. Приблизительно три миллиона таких людей населяли северо-западную кромку Чехословакии, прямо на границе Чехословакии и Германии. В Чехословакии немцев было больше, чем словаков. Почти все население Австрии, находившейся между Чехословакией и Германией, говорило по-немецки. Тем не менее, согласно Сен-Жерменскому договору, Австрия должна была стать отдельным государством, хотя большинство ее населения предпочло бы присоединение к Германии. Адольф Гитлер, лидер Немецкой национал-социалистической рабочей партии, основанной в 1920 году, был австрийцем и сторонником аншлюса – присоединения Австрии к Германии. Подобные идеи национального единства, какими бы волнующими они ни были, на самом деле не раскрывают всего масштаба амбиций Гитлера.

Позднее Гитлер станет канцлером Германии и подпишет с Советским Союзом договор о разделе Польши. Этим шагом он доведет до крайности идею, которую разделяли многие немцы: границы Польши нелегитимны, а ее народ не достоин иметь государство. Что отличало Гитлера от других немецких националистов, так это четкая идея о том, каким должен быть следующий шаг после объединения немцев внутри Германии и покорения Польши: искоренение европейских евреев и разрушение Советского Союза. Тем временем Гитлер предлагал дружбу и Польше, и Советскому Союзу и скрывал свои более радикальные

планы от немцев, пока не стало слишком поздно. Впрочем, катастрофические идеи присутствовали в национал-социализме с самого начала.

Когда в 1921 году в Восточной Европе наконец-то закончился катаклизм войны, Ленину и его революционерам пришлось перегруппироваться и подумать. Большевикам, у которых Польша отобрала возможность европейского триумфа, оставалось только притушить пожар революции и строить некое социалистическое государство. Ленин и его соратники считали само собой разумеющимся, что власть должна принадлежать им, а провал европейской революции стал оправданием их исключительного стремления к политической власти. Власть нужно было централизовать, чтобы завершить революцию и защитить ее от врагов-капиталистов. Они быстро запретили другие политические партии и преследовали политических соперников, называя их реакционерами. Они проиграли на единственных конкурентных выборах и после этого их больше не устраивали. Красная армия, хотя и одержала поражение в Польше, была вполне способна победить всех вооруженных противников на территории бывшей империи. Спецслужба большевиков, ЧК, убила тысячи человек во имя укрепления нового Советского государства.

Легче было преуспеть в жестоком насилии, чем установить новый порядок. Польза от марксизма как программы построения многонациональной страны крестьян и кочевников была только частичная: Маркс предполагал, что революция вначале происходит в промышленно развитом мире, поэтому он уделил совсем мало внимания крестьянству и национальному вопросу. Теперь же каким-то образом нужно было убедить крестьян России, Украины, Беларуси, а также кочевников Центральной Азии строить социализм для рабочего класса, жившего преимущественно в русскоговорящих городах. Большевикам нужно было преобразовать доставшееся им в наследство доиндустриальное общество, дабы построить индустриальное, доселе в истории невиданное. Только в таком случае они смогут изменить это индустриальное общество так, чтобы рабочим в нем отдавали предпочтение.

Большевикам сначала нужно было проделать всю созидательную работу капитализма, прежде чем начинать преобразовательную работу социализма. Они решили, что создание промышленности обеспечит им большую политическую преданность представителей бесчисленных народов Советского Союза, которая преодолеет любые национальные различия. Повести за собой и крестьян, и народы было поистине грандиозной целью, за которой большевики скрывали

главное – то, что они были врагами собственного народа, обозначенного хоть в классовых терминах, хоть в национальных. Они полагали, что общество, которым они управляют, в историческом смысле мертво, что оно подобно закладке, которую нужно вынуть, прежде чем перелистнуть страницу книги.

Чтобы упрочить свою власть после окончания войны и заручиться преданными кадрами для будущей экономической революции, большевикам пришлось пойти на компромиссы. Народам, которые оказались под их контролем, конечно же, не разрешалось создавать собственные независимые государства, но и на забвение они не были обречены. Хотя марксисты обычно считали, что тяга к национализму уменьшается в ходе модернизации, большевики решили вовлечь народы (или, по крайней мере, их элиты) в свою кампанию по индустриализации Советского Союза. Ленин одобрял национальное самоопределение нерусских народов. Советский Союз был очевидной федерацией России с соседними народами. Политика льгот на образование и при трудоустройстве должна была обеспечить преданность и доверие нерусских народов. Будучи сначала подданными одного многонационального государства, а затем став правителями другого такого же государства, большевики обладали достаточным тактом и умением тонко рассуждать о национальных вопросах. Да и сами лидеры революции были далеко не русскими: Ленин, которого считали русским и помнят как русского, имел шведские, немецкие, еврейские и калмыцкие корни; Троцкий был евреем, а Сталин – грузином.

Нации нужно было создавать по новому коммунистическому образцу; крестьян следовало утешать, пока не удастся от них избавиться. Большевики пошли на компромисс с сельским населением, осознавая, что компромисс этот временный, чего и боялись крестьяне. Новый советский режим разрешил крестьянам оставить себе землю, отобранную у бывших помещиков, и торговать собственной продукцией на рынке. Из-за войны и революции в стране была нехватка продовольствия; большевики реквизировали зерно для себя и преданных им людей. В 1921-м и 1922 годах от голода и сопутствующих болезней умерли несколько миллионов человек. Большевики из этого опыта извлекли для себя урок: продовольствие – это оружие. Однако когда конфликт закончился и большевики победили, им нужен был надежный запас продовольствия. Они пообещали собственному народу мир и хлеб и должны были обеспечить хотя бы минимум того и другого, по крайней мере, временно.

Ленинское государство было совокупностью политических предпосылок для грядущей экономической революции. Советское государство признавало

различные народы, хотя марксизм обещал мир без наций. Его советская экономика разрешала рынок, хотя коммунизм обещал коллективную собственность. Еще до смерти Ленина в январе 1924 года шли споры о том, когда и как эти переходные компромиссы должны поступиться второй революции. И именно дискуссия в рамках нового советского порядка определила судьбу советского населения. От Ленина большевики унаследовали принцип «демократического централизма», перевод марксистской историософии на язык бюрократической реальности. Рабочие представляли авангард истории; дисциплинированная Коммунистическая партия представляла рабочих; Центральный Комитет представлял партию; Политбюро (состоявшее из нескольких человек) представляло Центральный Комитет. Общество подчинялось государству, контролируемому партией, которой в действительности управляла группка из нескольких человек. Споры между членами этой группки преподносились не как политика, а скорее как история, а результаты этих споров – как ее вердикт.

Сталинская интерпретация ленинского наследия была решающей. Когда Сталин в 1924 году говорил о «социализме в отдельно взятой стране», он имел в виду, что Советский Союз должен построить рай для рабочих без значительной помощи от рабочих всего мира, которые так и не объединились. Хотя коммунисты не могли прийти к единому мнению относительно приоритетов аграрной политики, все воспринимали как само собой разумеющееся то, что советскому селу в скором времени придется профинансировать собственное уничтожение. Но где взять начальный капитал для болезненного перехода от аграрной экономики к индустриальной? Нужно найти способ изъятия «излишков» у крестьян, которые можно было бы продавать за валюту, необходимую для закупок оборудования, а также для набивания животов все возрастающего рабочего класса. В 1927 году, когда государственные инвестиции решительно сместились в сторону промышленности, это обсуждение вошло в критическую стадию.

Дебаты вокруг модернизации были прежде всего дуэлью между Троцким и Сталиным. Из всех соратников Ленина Троцкий был самым образованным, однако во главе партийной бюрократии в качестве генерального секретаря Коммунистической партии Советского Союза (большевиков) поставили Сталина. Умение контролировать кадры и прагматичность Сталина на собраниях комитета способствовали его продвижению наверх. Он не блистал во время теоретических прений, но знал, как собрать коалицию. Внутри Политбюро он сначала примкнул к тем, кто выступал за более медленный путь экономи-

ческих преобразований, и избавлялся от тех, чьи взгляды были более радикальными. Затем он сам встал на более радикальную позицию и избавился от прежних союзников. К концу 1927 года его бывшие левые противники (Лев Троцкий, Григорий Зиновьев и Лев Каменев) были изгнаны из партии. К концу 1929 года Сталин придерживался политики своих уничтоженных противников и избавился от своего главного правого союзника, Николая Бухарина. Бухарин, как и Зиновьев с Каменевым, остался в Советском Союзе, но лишился былой власти. Сталин нашел верных сторонников в Политбюро, в частности Лазаря Кагановича и Вячеслава Молотова; Троцкий же уехал за границу.

Будучи искусным в определении советской политики, Сталин, однако, теперь должен был обеспечить выполнение обещаний. В 1928 году в рамках плана первой пятилетки Сталин предложил изъять сельскохозяйственные земли, заставить крестьян обрабатывать их посменно под контролем государства и считать урожай государственной собственностью. Это была политика «коллективизации». Земля, техника и люди теперь принадлежали колхозу – большому образованию, которое, как предполагалось, должно было работать эффективнее. Колхозы создавались вокруг машинно-тракторных станций, которые распределяли современную технику и в которых жили политические агитаторы. Коллективизация позволяла государству контролировать сельхозпродукцию, то есть кормить рабочих и тем самым обеспечивать себе их поддержку, а также экспортировать эту продукцию в другие страны и зарабатывать твердую валюту для инвестиций в промышленность.

Дабы представить коллективизацию как неизбежность, Сталину пришлось ослабить свободный рынок и заменить его государственным планированием. Каганович, соратник Сталина, заявил в июле 1928 года, что крестьяне подняли «хлебный бунт» и единственный выход из ситуации – реквизиция всего урожая. Узнав об этом, крестьяне урожай продавать не стали, а спрятали. Так рынок стал еще более ненадежным, хотя виной этому было само государство. Тогда у Сталина появилась возможность заявить, и он это сделал, что основополагающей проблемой является рынок и что государство должно контролировать запасы продовольствия.

Начало Великой депрессии, казалось, подтверждало правоту Сталина насчет ненадежности рынка. В «черный четверг» 29 октября 1929 года обрушился американский фондовый рынок, а 7 ноября 1929 года, в двенадцатую годовщину большевистской революции, Сталин обозначил социалистическую альтернативу

рынку, которую его политика вскоре воплотит в Советском Союзе. Он пообещал, что 1930 год будет «годом великих перемен», когда коллективизация принесет стабильность и процветание. Старое село прекратит существование, тогда можно будет завершить революцию в больших городах, где пролетариат разрастется за счет продовольствия, производимого усмиренным крестьянством. Эти рабочие создадут первое в истории социалистическое общество и могучее государство, способное защитить себя от внешних врагов. Представляя свое видение модернизации, Сталин вместе с тем заявлял о своем праве на власть.

Пока Сталин трудился, Гитлер вдохновлял. Пока Сталин институционализировал революцию и обеспечивал себе место на верхушке однопартийного государства, Гитлер делал политическую карьеру, отвергая институты власти. От многолетней подпольной работы во времена Российской империи большевики унаследовали принцип «обсудить и подчиниться». У национал-социалистов (нацистов) не было никаких значимых традиций подчинения или конспиративной работы. Нацисты, как и большевики, отрицали демократию, но во имя Лидера, который лучше всех мог выразить волю расы, а не во имя Партии, которая понимала предписания истории. Мировой порядок был устроен не капиталистами-империалистами, как считали большевики, а скорее евреями-заговорщиками. Проблема современного общества состояла не в том, что накопление собственности приводит к господству класса; проблема состояла в том, что евреи контролировали *и* финансовый капитализм, *и* коммунизм, то есть и Америку, и Великобританию, и Советский Союз. Коммунизм был всего лишь еврейской сказочкой о невозможном равенстве, придуманной для того, чтобы поработить наивных европейцев. Ответом на бессердечный еврейский капитализм и коммунизм мог быть только национальный социализм, означавший справедливость для немцев за счет других народов.

В демократические 1920-е годы нацисты были склонны подчеркивать то, что у них было общим с другими немцами. Гитлеровские национал-социалисты походили на большинство других немецких партий 1920-х годов в своей неприязни к условиям Версальского договора. У нацистов была навязчивая идея о своем предназначении на Востоке – там, где немецкие солдаты побеждали на полях Первой мировой войны и где Германия правила в 1918 году большой оккупированной зоной, состоявшей из Польши, Беларуси, Украины и Прибалтики. В отличие от таких европейских соперников, как Франция и Великобритания, у Германии не было огромной мировой империи, она отказалась

от своих скромных заокеанских владений после поражения в войне. Таким образом, восточноевропейские рубежи были для нее особенно привлекательны. Советский Союз, воспринимавшийся как незаконный и деспотичный еврейский режим, должен был пасть. Польшу, которая лежала на пути Германии к ее восточной судьбе, нужно было на этом пути перешагнуть. Она не будет препятствием для немецкой державы – в предстоящих войнах за Восток она станет либо слабым союзником, либо поверженным врагом.

В ноябре 1923 года Гитлер попытался, но не смог начать в Мюнхене немецкую национальную революцию, в результате чего оказался ненадолго в тюрьме. Хотя суть национального социализма придумал он сам, на переворот его вдохновил успех итальянских фашистов, которыми он восхищался. Бенито Муссолини захватил власть в Италии годом раньше, после «марша на Рим», который Гитлер безуспешно попытался повторить в Мюнхене. Итальянские фашисты, как и Гитлер с нацистами, ставили прославление национальной воли выше скуки политических компромиссов. Муссолини (а вслед за ним и Гитлер) использовал факт существования Советского Союза во внутренней политике. Восхищаясь порядком Ленина и моделью однопартийного государства, оба использовали угрозу коммунистической революции как аргумент в пользу собственного правления. Хотя эти двое во многом отличались друг от друга, оба они представляли новый тип правого европейского политика, который принимает как данность то, что коммунизм – злейший враг, но при этом подражает определенным аспектам коммунистического строя. Подобно Муссолини, Гитлер был изумительным оратором и единственной властной личностью в своем движении. Он с легкостью вернул себе власть в нацистской партии после того, как освободился из тюрьмы в декабре 1924 года.

Сталин взял власть в свои руки во второй половине 1920-х годов в значительной мере благодаря кадрам, которых сам назначал и которым доверял. Гитлер получал поддержку благодаря личной харизме и ожидал, что соратники и приверженцы будут разрабатывать политические меры и язык, соответствующие его риторике и воображению. Сталин использовал идею марксизма как необходимую для своего скорейшего восхождения к власти и для защиты своей политики, но, по крайней мере, до 1933 года никогда не позволял себе вольной интерпретации марксизма. Гитлер же воодушевлял других заниматься обдумыванием тактических шагов вместо него. В тюрьме Гитлер написал первый том своего биографического манифеста «Mein Kampf» («Моя борьба»). Здесь и в

других его произведениях (особенно в так называемой «Второй книге») ясно изложены его планы, но они не были частью канона. Сталин сначала опасался того, что его товарищи могут сделать, а потом – того, что они могут сказать. Гитлеру никогда не приходилось даже создавать видимость диалога или последовательности.

Гитлер пошел на определенный компромисс с Немецкой республикой после освобождения из тюрьмы. Он попрактиковался в парламентской политике в качестве лидера Национал-социалистической партии – просто ради распространения пропаганды, выявления врагов и приближения к институтам власти. Он старался больше не попадать в тюрьму, даже когда нацистские вооруженные формирования участвовали в уличных драках со своими врагами из левого крыла. В 1928 году, после нескольких лет уверенного роста немецкой экономики, нацисты занимали в парламенте всего двенадцать мест, получив лишь 2,6% голосов. Затем настала Великая депрессия, ставшая для Гитлера подарком даже большим, чем для Сталина. Крах немецкой экономики стал предзнаменованием коммунистической революции; и то, и другое помогло Гитлеру прийти к власти. Международный экономический кризис как будто бы оправдывал радикальные перемены. Реальная возможность революции, возглавляемой большой Коммунистической партией Германии, породила страхи, которые Гитлер сумел направить на пользу национализма. В сентябре 1930 года нацисты на выборах получили уже 18% голосов и 107 мест, а затем, в июле 1932 года, победили на выборах, получив целых 37% голосов.

К 1932 году немецкие парламентские выборы стали демонстрацией народной поддержки, а не прямой дорогой к власти, поскольку демократия в Германии существовала лишь формально. За предыдущие два года главы правительства (канцлеры) убедили президента издать указы, имевшие силу закона. В 1932 году Парламент (Рейхстаг) созывался всего лишь тринадцать раз. В январе 1933 года Гитлер был назначен канцлером при содействии консерваторов и националистов, полагавших, что с его помощью они смогут не допустить к власти большое левое крыло Германии. Гитлер объявил внеочередные выборы и воспользовался своей новой должностью, чтобы обеспечить своей партии превосходство в немецком обществе. Когда 5 марта 1933 года были объявлены результаты, то оказалось, что нацисты победили социал-демократов и коммунистов с огромным отрывом – 43,9% голосов и 288 из 647 мест в Рейхстаге.

В 1933 году и советское, и нацистское правительство делали вид, что у них достаточно сил, чтоб отреагировать на мировой экономический крах. Оба они излучали динамизм, в то время как либеральная демократия, казалось, была не способна спасти людей от нищеты. Большинство правительств Европы (в том числе немецкое правительство до 1933 года) полагали, что у них очень мало средств, чтобы справиться с экономическим коллапсом. Преобладало мнение, что бюджет нужно сбалансировать, а расходы сократить. Это, как мы теперь знаем, только ухудшило положение. Великая депрессия, казалось, дискредитировала политическую реакцию на окончание Первой мировой войны: свободный рынок, парламенты, национальные государства. Рынок стал причиной катастрофы, у парламентов не было ответов, а у национальных государств, казалось, не было инструментов для защиты своих граждан от обнищания.

И у нацистов, и у советского государства была своя убедительная версия того, кто виноват в Великой депрессии (евреи-капиталисты или просто капиталисты), и подлинно радикальный подход к политэкономии. И те, и другие не только отвергали законную и политическую форму послевоенного порядка, но также ставили под вопрос его экономический и социальный фундамент. Они оглядывались на экономические и социальные корни послевоенной Европы, переосмысливали жизнь и роль мужчин и женщин, работавших на земле. В большинстве стран Европы 1930-х годов крестьяне все еще составляли большинство, а сельскохозяйственные земли были драгоценным природным ресурсом, который подпитывал экономику, все еще приводимую в действие за счет мышечной силы людей и животных. Калории тогда подсчитывали так же, как и сейчас, но по другим причинам: тем, кто занимался экономическим планированием, нужно было добиться, чтобы население было сытым, здоровым и работоспособным.

Большинство стран Европы не имели перспектив социальных преобразований, поэтому у них было мало возможности конкурировать с нацистами или противостоять им и СССР. Польша и другие новые государства Восточной Европы попытались в 1920-х годах осуществить земельную реформу, но безуспешно. Землевладельцы прилагали усилия к тому, чтобы земли у них не отнимали, а банки скупились на кредиты крестьянам. Конец демократии в странах этого региона (кроме Чехословакии) поначалу не приносил ощути-

мых изменений в экономических вопросах. Авторитарные режимы в Польше, Венгрии и Румынии были более решительно настроены относительно ареста своих оппонентов и красноречивее говорили о нации. Но во время Великой депрессии никто не мог предложить ничего существенного в вопросе новой экономической политики.

В 1933 году советская и нацистская альтернативы демократии состояли в отрицании простой земельной реформы, дискредитированной пустышки стран, в которых демократия провалилась. Гитлер и Сталин, несмотря на все многочисленные различия между ними, полагали, что одной из причин проблемы является сельскохозяйственный сектор и что решение этой проблемы состоит в решительном вмешательстве государства. Если государству удастся воплотить радикальные экономические преобразования, это станет фундаментом политической системы нового типа. Сталинским подходом, который стал государственным с момента начала пятилетки в 1928 году, была коллективизация. Советские руководители позволили крестьянам в 1920-х годах процветать, но в начале 1930-х отобрали у них землю ради создания колхозов, в которых крестьяне трудились на государство.

Гитлер решил крестьянский вопрос так же изобретательно и так же завуалированно. Еще до прихода Гитлера к власти в 1933 году и даже первые несколько лет после этого казалось, что его больше всего волнует немецкий рабочий класс и что он собирается решить проблему недостатка продовольствия путем его импорта. В результате политики быстрого (и незаконного) перевооружения безработные немцы оказались в казармах или на военных заводах. Программы общественных работ начали функционировать через несколько месяцев после прихода Гитлера к власти. Оказалось, что нацисты помогают немецким фермерам даже *меньше*, чем обещали. Хотя программа нацистской партии сулила перераспределение земли от богатых фермеров к тем, которые победнее, но после того, как Гитлер стал канцлером, этот традиционный вариант земельной реформы тихо отложили в долгий ящик. Гитлера больше интересовали международные соглашения, а не аграрная политика перераспределения. Он искал торговых договоров с европейскими соседями на особых условиях, по которым немецкие промышленные товары обменивались бы на продовольствие. Сельскохозяйственная политика Гитлера в 1930-е годы была немного похожа на ленинскую политику 1920-х годов: это была политическая подготовка к восприятию почти неслыханно радикальных экономических пе-

ремен. И национал-социализм, и советский социализм завлекали крестьян обещаниями земельной реформы, но готовили для них более радикальные планы.

В действительности аграрная политика нацистов состояла в создании империи на восточных границах. Немецкий сельскохозяйственный вопрос предполагалось решать не на территории Германии, а за ее пределами, отобрав плодородные земли у польских и советских крестьян, которые умрут от голода, будут депортированы или же станут рабами. Вместо ввоза зерна с Востока, Германия собиралась экспортировать туда своих фермеров, где они колонизировали бы земли Польши и западной части Советского Союза. Хотя Гитлер в основном говорил о необходимости увеличения «жизненного пространства», он никогда не разъяснял немецким фермерам, что ожидает от них переселения на Восток большими группами. Точно так же и большевики не разъясняли советским крестьянам, что ожидают от них передачи их собственности государству. Во время коллективизации 1930-х годов Сталин воспринимал кампанию против крестьян как «войну» за хлеб; Гитлер же рассчитывал на победу в будущей войне, чтобы накормить Германию. Советская программа была создана во имя общечеловеческих принципов; нацисты же планировали завоевать Восточную Европу ради блага господствующей расы.

Гитлер и Сталин пришли к власти в Берлине и Москве, но их представления о преобразованиях касались прежде всего территорий, простиравшихся между этими городами. Их утопии о контроле над ними столкнулись в Украине. Гитлер помнил эфемерную германскую восточную колонию 1918 года как немецкий доступ к украинской житнице. Сталин, который служил делу революции в Украине вскоре после этого, воспринимал эту землю примерно так же: плодородные земли и крестьян нужно использовать для создания современного индустриального государства. Гитлер считал коллективизацию фатальной ошибкой и видел в ней доказательство провала советского коммунизма как такового, но не сомневался в том, что немцы смогут превратить Украину в край с молочными реками и кисельными берегами.

И для Гитлера, и для Сталина Украина значила гораздо больше, чем просто источник продовольствия. Она была местом, которое позволит им нарушить правила традиционной экономики, спасти свои страны от бедности и изоляции, а также переделать весь континент по собственному усмотрению. Их программы и их власть полностью зависели от контроля над украинским чернозе-

мом и над миллионами украинских крестьян. В 1933 году украинцы умирали миллионами от самого крупного в истории человечества искусственно созданного голода. Это было началом особой истории Украины, но не ее концом. В 1941 году Гитлер отнимет у Сталина Украину и попытается воплотить в жизнь собственный план колонизации, начав с расстрела евреев и лишения пищи советских военнопленных. Сталинисты колонизировали собственную страну, нацисты же оккупировали Советскую Украину. А жители Украины тем временем страдали и страдали. За годы, когда Сталин и Гитлер находились у власти, в Украине было уничтожено людей больше, чем в любом другом месте «кровавых земель», в Европе или даже во всем мире.

РАЗДЕЛ 1

ГОЛОД В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

1933-й год был голодным для всего западного мира. Улицы американских и европейских городов кишели мужчинами и женщинами, потерявшими работу и привыкшими стоять в очередях за едой. Предприимчивый молодой валлийский журналист Гарет Джоунс видел, как в Берлине безработные немцы оживлялись, заслышав голос Гитлера. В Нью-Йорке его поразила беспомощность американских рабочих через три года после начала Великой депрессии: «Я видел сотни и сотни бедняков, выстроившихся гуськом, на некоторых были обноски некогда хорошей одежды, все ожидали, что им каждому выдадут по два бутерброда, пончику, чашке кофе и сигарете». В Москве, куда Джоунс прибыл в марте, голод в капиталистических странах был поводом для празднований: казалось, Депрессия была предвестницей мировой социалистической революции. Сталин и его ближайшее окружение хвастались неизбежным триумфом системы, построенной ими в Советском Союзе[1].

Вместе с тем, в 1933 году голодали и советские города, особенно города Советской Украины. В Харькове, Киеве, Сталино и Днепропетровске сотни тысяч людей ежедневно простаивали в очередях за простой буханкой хлеба. В Харькове, тогдашней столице республики, Джоунс видел новый тип страдания: люди в два часа ночи выстраивались в очереди возле магазинов, которые открывались в семь утра. В обычный день сорок тысяч человек стояли за хлебом. Люди так от-

---

[1] Цит.: *Colley M.S.* More Than a Grain of Truth: The Biography of Gareth Richard Vaughan Jones. – Newark: self-published, 2006. – P. 161.

чаянно старались удержать свое место в очереди, что цеплялись за пояс впереди стоящего. Некоторые настолько ослабевали от голода, что не могли стоять без посторонней помощи. Ожидание растягивалось на целый день, а иногда на два. Беременные женщины и калеки-ветераны лишились права не стоять в очередях; чтобы поесть, им приходилось ждать вместе со всеми. Где-то в очереди заголосит женщина, и по всей очереди эхом прокатываются стоны – так, что многотысячная группа становится похожа на зверя, испытывающего инстинктивный страх[2].

Жители городов Советской Украины боялись потерять место в хлебной очереди и боялись умереть от голода. Они знали, что только в городе была

---

[2] См. о журналисте Гарете Джоунсе: *Colley M.S.* More Than a Grain of Truth. – Pp. 224–238; *Jones G.* Will there be soup // Western Mail. – 17.10.1932; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. – New York: Oxford University Press, 1986. – P. 309; *Dalrymple D.G.* The Soviet Famine of 1932–1934: Some Further References // Soviet Studies. – 1965. – № 16 (4). – P. 473. О Харькове: *Falk B.* Sowjetische Städte in der Hungersnot 1932/33. – Cologne: Böhlau Verlag, 2005. – Pp. 140, 172–175, 288; 33-й: Голод: Народна книга-меморіал / Під ред. Коваленко Л., Маняка В. – Київ: Радянський письменник, 1991. – С. 557; *Werth N.* La terreur et le désarroi: Staline et son système. – Paris: Perrin, 2007. – P. 130. Образное описание принадлежит Василию Гроссману.

надежда на пропитание. За предыдущие пять лет украинские города быстро разрослись, впитывая в себя крестьян и превращая их в рабочих и служащих. Сыновья и дочери украинского села, вместе с евреями, поляками и русскими, населявшими эти города значительно дольше, зависели от продовольствия, которое они покупали в магазинах. У их семей, оставшихся в селах, не было ничего. Это была нетипичная ситуация. Обычно в голодные времена горожане устремлялись в села. В Германии или США фермеры почти никогда не голодали, даже во время Великой депрессии. Рабочим и дипломированным специалистам в городах приходилось продавать яблоки или воровать их, но всегда где-нибудь в Альтеланде или Айове были сад, зернохранилище или мясная кладовая. Украинским же горожанам некуда было податься и тщетно было искать помощи на селе. У большинства были продуктовые карточки, по которым они могли купить хлеба. Чернила на бумаге давали шанс выжить, и они это понимали[3].

Доказательства этому встречались на каждом шагу. Голодающие селяне просили милостыни у стоявших в очередях за хлебом, просили крошек. В одном городе пятнадцатилетняя девочка дошла до головы очереди и была забита до смерти продавцом. Городским домохозяйкам, стоявшим в очередях, приходилось смотреть, как крестьянки умирали от голода на тротуарах. Школьница утром по дороге в школу видела умирающих, а после обеда, возвращаясь из школы, – уже мертвых. Молодой коммунист увидел крестьянских детей и сказал, что это «живые скелеты». Член партии в индустриальном Сталино сокрушался, находя на пороге собственного дома трупы умерших от голода. Парочки, прогуливающиеся в парке, не могли не замечать знаков, запрещающих копать могилы. Врачам и медсестрам не разрешали лечить (или кормить) голодающих, которые приходили в госпиталя. Городская милиция хватала и увозила изголодавшихся уличных мальчишек. В городах Советской Украины милиция ежедневно арестовывала сотни детей; в один из дней в начале 1933 года харьковская милиция должна была выполнить план на арест двух тысяч детей. Приблизительно двадцать тысяч детей были обречены на смерть в харьковских бараках. Дети просили милиционеров разрешить им, по крайней мере, умереть от голода на свежем воздухе: «Дайте умереть спокойно. Я не хочу умирать в застенках»[4].

---

[3] *Falk B*. Sowjetische Städte. – Pp. 284–285, 288, 298–300.

[4] Цит.: *Falk B*. Sowjetische Städte. – P. 299, а также 297–301; *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – Toruń: Grado, 2005. –

Голод в городах Советской Украины был намного ужаснее голода в любом из городов западного мира. В 1933 году в Советской Украине от голода умерло несколько десятков тысяч горожан, однако подавляющее большинство мертвых и умирающих в Советской Украине были селяне – именно те люди, чьим трудом был выращен хлеб, который теперь продавался в городе. Украинские города жили, а украинское село вымирало. Горожане не могли не замечать бедственного положения крестьян, которые, вопреки, казалось бы, здравому смыслу, уходили с полей в поисках пропитания. Железнодорожная станция в Днепропетровске была заполнена голодающими селянами, слишком ослабленными даже для того, чтобы просить подаяния. В поезде Гарет Джоунс повстречал крестьянина, раздобывшего немного хлеба, который у него конфисковала милиция. «Они забрали у меня хлеб», – повторял он снова и снова, зная, как подвел свою голодающую семью. На станции в Сталино голодающий крестьянин совершил самоубийство, прыгнув под поезд. Этот город, индустриальный центр юго-востока Украины, основал в имперский период Джон Хьюз, валлийский промышленник, на которого в свое время работала мать Гарета Джоунса. Город какое-то время назывался в честь Хьюза, теперь же носил имя Сталина (ныне это город Донецк)[5].

Сталинская пятилетка, завершившаяся в 1932 году, вызвала развитие промышленности ценой обнищания народа. Страшным свидетельством таких новых контрастов были смерти крестьян вдоль железнодорожных путей. По всей Советской Украине пассажиры железных дорог становились невольными участниками жутких несчастных случаев. Голодные селяне шли в города по железной дороге, теряя от слабости сознание и падая на рельсы. В Харцизске селяне, которых прогнали со станции, повесились на привокзальных деревьях. Советский писатель Василий Гроссман, возвращаясь из родного Бердичева от родственников, видел женщину, которая просила хлеба под окном его купе. Политический эмигрант Артур Кёстлер, приехавший в Советский Союз помогать строить социализм, столкнулся с похожей ситуацией. Много позже он писал,

---

Pp. 157, 160. Про школьницу и госпиталя см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. – London: Palgrave, 2004. – Pp. 160, 220. См. также: *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – Pp. 171, 184. Про использование свидетельских показаний см.: *Graziosi A.* The Great Soviet Peasant War. – Cambridge: Harvard University Press, 1996. – P. 4.

[5] Цит.: *Colley M.S.* More Than a Grain of Truth. – P. 233. О Днепропетровске см.: *Kravchenko V.* I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. – New York: Charles Scribner's Sons, 1946. – P. 111. Про г. Сталино см.: *Maksudov S.* Victory over the Peasantry // Harvard Ukrainian Studies. – 2001. – № 25 (3/4). – P. 211.

что за пределами харьковской станции крестьянки протягивали на руках «к окнам вагонов жутких младенцев с огромными недержащимися головами, тонкими, как палочки, руками и ногами и раздутыми выпирающими животами». Он считал, что дети в Украине выглядели как «эмбрионы в бутылках со спиртом». Все это происходило за много лет до того, как эти двое, считающиеся теперь моральными свидетелями двадцатого века, написали об увиденном[6].

Городским жителям привычнее было видеть селян на рынке, где те раскладывали дары природы и продавали свои товары. В 1933 году селяне ездили на знакомые городские рынки не торговать, а просить милостыню. Рыночные площади, на которых теперь не было ни товаров, ни покупателей, излучали только дисгармонию смерти. Ранним утром единственным звуком было тихое дыхание умирающих, съежившихся под лохмотьями, некогда бывшими одеждой. Одним весенним утром среди кучи мертвых крестьян на харьковском рынке лежал младенец и сосал грудь матери, чье лицо было безжизненно-серым. Прохожие видели такое и раньше – не только беспорядочно лежащие трупы, не только мертвую мать с живым младенцем, но именно такую сцену: крошечный ротик, последние капли молока, холодный сосок. У украинцев было для нее название. Проходя мимо, они тихонько говорили сами себе: «Вот они, почки социалистической весны»[7].

Массовый голод 1933 года был результатом сталинской пятилетки, воплощенной в жизнь с 1928 по 1932 гг. В те годы Сталин взял под контроль верхушку Коммунистической партии, протолкнул политику индустриализации и коллективизации, а также стал суровым отцом побежденного населения. Он трансформировал рынок в план, превратил крестьян в рабов, а пустыни Сибири и Казахстана – в ряд концентрационных лагерей. Его политический курс уничтожил десятки тысяч человек посредством казни, сотни тысяч – посредством измождения и подверг миллионы риску умереть от голода. Не без оснований

[6] О теряющих сознание от голода см.: 33-й: Голод. – С. 61, а также: *Colley M.S.* More Than a Grain of Truth. – P. 235. Про г. Харцизск см.: *Kuromiya H.* Freedom and Terror. – P. 170. Про Гроссмана см.: *Todorov Tz.* Mémoire du mal, Tentacion du Bien: Enquête sur le siècle. – Paris: Reober Laffont, 2000. – С. 61, а также: *Koestler A.* The Yogi and the Commissar. – New York: Macmillan, 1946. – P. 137.

[7] Цит.: *Serbyn R.* The Ukrainian Famine of 1932–1933 and the United Nations Convention on Genocide // Famine in Ukraine by 1932–1933: Genocide by Other Means / Ed. by Hunczak T. and Serbyn R. – New York: Shevchenko Scientific Society, 2007. – P. 131, а также: *Falk B*. Sowjetische Städte. – P. 289.

Сталин беспокоился еще и из-за оппозиции внутри Коммунистической партии, но он обладал огромным политическим талантом, ему прислуживали угодливые сатрапы и он был на вершине бюрократического аппарата, утверждавшего, что предвидит будущее и создает его. А будущим был коммунизм, предполагавший тяжелую индустрию, которая, в свою очередь, требовала коллективизированного сельского хозяйства, а оно, в свою очередь, требовало контроля над огромнейшей социальной группой Советского Союза – над крестьянством[8].

Крестьянин (особенно, видимо, украинский) вряд ли видел себя инструментом в великой механизации истории. Даже если он и осознавал полностью конечную цель советской политики (что мало вероятно), вряд ли он мог ее одобрять. Он был вынужден сопротивляться политике, вознамерившейся забрать у него землю и свободу. Коллективизация должна была означать большую конфронтацию между самой многочисленной группой в Советском Союзе (крестьянством) и Советским государством с его милицией, тогда именовавшейся ОГПУ. Ожидая этого сопротивления, Сталин приказал в 1929 году совершить самое массовое развертывание государственной власти в советской истории. Труд построения социализма, как говорил Сталин, будет как «прилив океана». В декабре того года он объявил, что «кулаки» будут «ликвидированы как класс»[9].

Большевики представляли историю как борьбу классов, когда бедные устраивают революцию против богатых, чтобы двигать историю вперед. Поэтому официально план уничтожения «кулаков» был не простым решением набирающего силу тирана и его верной свиты – это была историческая необходимость, подарок из рук суровой, но великодушной Клио. За неприкрытой атакой органов государственной власти на категорию людей, не совершивших никакого преступления, последовала вульгарная пропаганда. На плакате под заголовком «Уничтожим кулака как класс!» один «кулак» изображен под колесами трактора, второй – в виде обезьяны, собирающей зерно, а третий – сосущим молоко прямо из коровьего вымени. Эти люди не были людьми, они были животными – таков был смысл изображенного[10].

---

[8] Детальный анализ значения пятилетки см.: *Harrison M.* Soviet Planning in Peace and War. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – Pp. 1–5.

[9] Цит.: *Kuromiya H.* Stalin. – Harlow: Pearson Longman, 2005. – P. 85; *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 37.

[10] Цитата и плакат: The War Against the Peasantry, 1927–1930: The Tragedy of the Soviet Countryside / Ed. by Viola L., Danilov V.P., Ivnitskii N.A., Kozlov D. – New Haven: Yale University Press, 2005. – P. 177; *Viola L.* The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. – New York: Oxford University Press, 2007. – P. 32.

На практике государство решало, кто «кулак», а кто нет. Милиция должна была депортировать успешных крестьян, которые теряли от коллективизации больше всех. В январе 1930 года Политбюро распорядилось, чтобы милиция проверяла крестьян по всему Советскому Союзу. В соответствующем приказе ОГПУ от 2 февраля указывалось, какие именно меры необходимы для «уничтожения кулака как класса». В каждой отдельной местности группа из трех человек, «тройка», решала судьбу крестьян. «Тройка» состояла из работника государственных органов милиции, местного члена партии и представителя прокурорских органов. Она была уполномочена выносить быстрые и жесткие приговоры (смерть или ссылка) без права опротестования. Местные коммунисты могли выдвигать свои предложения. «На собраниях сельского совета, – говорил местный партиец, – мы записываем в кулаки тех, кого посчитаем нужным». Хотя в Советском Союзе существовали законы и суды, их теперь игнорировали в пользу простых решений трех человек. Около тридцати тысяч советских граждан были расстреляны по приговору таких «троек»[11].

За первых четыре месяца 1930 года 113 637 человек были насильно вывезены из Советской Украины как «кулаки». Это означало, что около тридцати тысяч крестьянских домов опустели один за другим, а их ничего не подозревавшим обитателям дали мало времени (или же совсем не дали) приготовиться к неизвестности. Это означало тысячи неотапливаемых товарных вагонов, наполненных перепуганными и больными людьми, увозящих их в восточноевропейскую часть России, на Урал, в Сибирь или Казахстан. Это означало ружейные выстрелы и крики ужаса на рассвете последнего дня, встреченного крестьянами дома; это означало обморожение и унижение в вагонах во время пути, а также страдание и смирение, когда крестьян выгружали в качестве рабсилы в тайге или в степи[12].

[11] Цит.: The War Against the Peasantry. – P. 238; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 121. Детальнее о расстрелах и депортациях см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 20, 46; *Werth N.* La terreur et le désarroi. – P. 463; *Viola L.* The Unknown Gulag. – Pp. 6, 32; *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – Pp. 51, 56; *Khlevniuk O.V.* The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror. – New Haven: Yale University Press, 2004. – P. 11; *Graziosi A.* The Great Soviet Peasant War. – P. 48.

[12] О 113 637 людях, насильно переселенных, см.: The War Against the Peasantry. – P. 289, а также: *Kulczycki S.* Hołodomor: Wielki głód na Ukrainie w latach 1932–1933 jako ludobójstwo. – Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej, 2008. – P. 158. Подробнее о некоторых прибывших см.: *Kotkin S.* Peopling Magnitostroi: The Politics of Demography // Social Dimensions of Soviet Industrialization / Ed. by Rosenberg W.G., Siegelbaum L.H. – Bloomington: Indiana University Press, 1993. – Pp. 70–72.

Украинские крестьяне знали о депортациях в лагеря заключенных, которые коснулись их, начиная с середины 1920-х годов. Теперь они пели то, что было традиционным причитанием:

Ой Соловки, Соловки,
далека дорога,
Сердце млiє, болять груди,
На душi тривога.

Соловки были тюремным комплексом на острове в Арктическом море. В представлении украинских крестьян Соловки символизировали все чужое, репрессивное и находившееся невыносимо далеко от родины. Для коммунистических же лидеров Советского Союза Соловки стали первым местом, где труд депортированных обернулся прибылью для государства. В 1929 году Сталин решил воплотить пример Соловков по всему Советскому Союзу и приказал соорудить «специальные поселения» и концентрационные лагеря. Концлагеря были разграниченной зоной труда, обычно огороженной забором и охраняемой. Специальные поселения были новыми селами, построенными самими же заключенными после того, как их выгружали в пустой степи или тайге. Как бы там ни было, среди 1,7 миллиона «кулаков», депортированных в специальные поселения Сибири, европейской части России и Казахстана[13], насчитывалось около трехсот тысяч украинцев.

Массовая депортация крестьян в качестве наказания совпала с массовым использованием принудительной рабочей силы в советской экономике. В 1931 году спецпоселения и концлагеря свели в единую систему, известную как ГУЛАГ, который сам советский режим называл «системой концлагерей». ГУЛАГ начался вместе с коллективизацией сельского хозяйства и зависел от нее. Он в конечном итоге состоял из 476 лагерей, где отбывали заключение около восемнадцати миллионов человек, из которых от полутора до трех миллионов умрут до окончания срока своего заключения. Свободный крестьянин стал рабсилой, занятой построением гигантских каналов, шахт и заводов, призванных, как полагал Сталин, модернизировать Советский Союз[14].

---

[13] О причитаниях см.: 33-й: Голод. – С. 260. О Соловках см.: *Applebaum A.* Gulag: A History. – New York: Doubleday, 2003. – Pp. 18–20, 49. О спецпоселениях см.: *Viola L.* The Unknown Gulag (количество депортированных украинских крестьян указано на страницах 195 и 32).

[14] Цит.: *Applebaum A.* Gulag. – P. 48. О статистике смертности см.: *Viola L.* The Unknown Gulag. – P. 3; *Applebaum A.* Gulag. – P. 583. О самом ГУЛАГе см.: *Khlevniuk O.V.* The History of the Gulag. – Pp. 1–10; *Applebaum A.* Gulag. – Pp. xvi–xvii; *Viola L.* The Unknown Gulag. – Pp. 2–7.

Украинских крестьян чаще всего посылали копать Беломорский канал (канал между Белым и Балтийским морем), идеей которого Сталин был особенно одержим. В течение года и девяти месяцев около ста семидесяти тысяч людей долбили промерзшую землю кирками, лопатами, иногда глиняными черепками и даже голыми руками. Они умирали тысячами от истощения и болезней на дне сухого канала, который после окончания работ в 1933 году оказался малопригодным для водных перевозок. Уровень смертности в спецпоселениях тоже был высоким. Советские власти рассчитывали, что в спецпоселениях умрут пять процентов заключенных, но на деле показатель достигал от десяти до пятнадцати процентов. Житель Архангельска, главного города у Белого моря, жаловался на бессмысленность затеи: «Одно дело уничтожить “кулаков” в экономическом смысле, но уничтожить их детей в физическом смысле – это ничто иное, как варварство». Дети умирали на дальнем севере в таком количестве, что «их трупы привозили на кладбище по три–четыре без гробов». Группа рабочих в Вологде сомневалась в том, действительно ли «дорога к мировой революции» должна пролегать «по трупам этих детей»[15].

Уровень смертности в ГУЛАГе был высоким, но не выше того, который скоро придет в украинские села. Рабочие Беломорканала получали очень хорошие пайки: примерно 600 граммов хлеба (около 1300 калорий) в день. Такой рацион был лучше, чем тот, что в это же самое время был в Советской Украине. Рабсила на Беломорканале получала в два, в три, а то и в шесть раз больше того, что получали в колхозах в 1932-м и 1933 годах крестьяне, оставшиеся в Советской Украине (если они вообще что-нибудь получали)[16].

В первые недели 1930 года коллективизация в Советской Украине и по всему Советскому Союзу продвигалась ошеломляющими темпами. Москва присылала в столицы Советских республик план на то, сколько районов нужно коллективизировать, а партфункционеры на местах обещали план перевыполнить. Украинское руководство обещало коллективизировать всю республику за год. Затем партактивисты на местах, желая выслужиться пе-

---

[15] Цит.: *Siegelbaum L, Sokolov A.* Stalinism as a Way of Life. – New Haven: Yale University Press, 2004. – P. 45 (первые два); *Viola L.* The Unknown Gulag. – P. 53. О Беломорканале см.: *Khlevniuk O.V.* The History of the Gulag. – Pp. 24–35; *Applebaum A.* Gulag: A History. – New York: Doubleday, 2003. – Pp. 62–65.

[16] *Applebaum A.* Gulag. – Pp. 64–65.

ред начальством, пошли еще дальше и пообещали завершить коллективизацию за девять–двенадцать недель. Угрожая депортацией, они принуждали крестьян подписывать документы об отказе от земли и вступать в колхозы. ОГПУ в случае необходимости применяло силу, иногда – смертоносную. Для подкрепления работникам ОГПУ и чтобы покорить крестьян, на село были присланы двадцать пять тысяч рабочих. Рабочие, которых инструктировали, что крестьяне виноваты в нехватке продовольствия в городах, обещали пустить «кулака на мыло»[17].

К середине марта 1930 года семьдесят один процент возделываемых земель Советского Союза принадлежал (по крайней мере, теоретически) колхозам. Это означало, что большинство крестьян отписали свою землю колхозу и вступили в коллектив. У них больше не было формального права использовать землю для собственных нужд. Как члены коллектива они зависели от руководителей коллектива в вопросах найма, зарплаты и продовольствия. Они уже потеряли или все еще постепенно теряли свою скотину, а в плане оборудования зависели от машин (которых обычно не хватало) из новых машинно-тракторных станций. На этих станциях, которые были центрами политического контроля на селе, никогда не было нехватки в начальстве и представителях ОГПУ[18].

Вероятно, крестьян в Советской Украине ужасала потеря собственной земли даже больше, чем в Советской России, где традиционно существовали общины. Вся их история была нескончаемой борьбой с землевладельцами, которых они, казалось, наконец-то победили во время большевистской революции. Но сразу же после нее, с 1918 по 1921 год, большевики, сражаясь на фронтах гражданской войны, реквизировали у крестьян продовольствие. Поэтому у крестьян были все причины не доверять Советскому государству. Ленинскую политику компромисса 1920-х годов встречали очень хорошо, хотя крестьяне и подозревали (не без основания), что в один прекрасный день ее могут отменить. В 1930 году коллективизация казалась им «второй панщиной», началом нового рабства – только теперь не у господ, как было раньше, а у Коммунистической партии. Крестьяне Советской Украины боялись потери независимости, доставшейся им такой

[17] Цит.: *Viola L*. The Unknown Gulag. – P. 35. См. также: *Viola L*. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. – Oxford: Oxford University Press, 1987. О темпах коллективизации см. *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 39.

[18] О проценте возделываемых земель см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 40.

дорогой ценой, но еще они боялись голода и того, что будет с их бессмертными душами[19].

Сельское население Советской Украины было преимущественно тихим, религиозным. Многие молодые и амбициозные люди под влиянием официального коммунистического атеизма уехали в большие украинские города или же в Москву и Ленинград. Хотя православная церковь подвергалась гонениям со стороны атеистического коммунистического режима, крестьяне все равно оставались православными верующими и многие рассматривали вступление в колхоз как сделку с дьяволом. Некоторые верили, что сам дьявол пришел на землю в человеческом обличии партийного активиста, а его книга учета трудодней – это книга ада, обещающая муки и проклятие. Новые машинно-тракторные станции выглядели как форпосты «геенны огненной». Некоторые польские крестьяне в Украине, которые были римо-католиками, также рассматривали коллективизацию в терминах апокалипсиса. Один поляк так объяснял сыну, почему они не вступают в колхоз: «Не хочу продавать свою душу дьяволу». Зная о такой религиозности, партийные активисты распространяли то, что они называли первой заповедью Сталина: колхоз снабжает сначала государство, а уже затем – людей. Насколько крестьяне знали, первая библейская заповедь звучала так: «Да не будет у тебя других богов перед лицом Моим»[20].

Из-за депортации «кулаков» в ГУЛАГ украинские селяне остались без своих лидеров, но и в отсутствие депортированных «кулаков» они пытались спасти себя и своих односельчан. Они старались сберечь свои небольшие огороды – эти маленькие клочки автономии. Они стремились держать свои семьи подальше от государства, которое теперь физически воплощало себя в колхозах и машинно-тракторных станциях. Они продавали или забивали скотину, не желая отдавать ее колхозам. Отцы и мужья посылали своих дочерей и жен

[19] Цит.: *Snyder T.* Sketches from a Secret War: A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. – New Haven: Yale University Press, 2005. – P. 93. О борьбе крестьян Украины за землю см.: *Beauvois D.* La Bataille de la terre en Ukraine, 1863–1914: Les polonais et les conflits socio-ethniques. – Lille: Presses Universitaires de Lille, 1993; *Edelman R.* Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest. – Ithaca: Cornell University Press, 1987; *Hildermeier M.* Sozialrevolutionäre Partei Russlands: Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich. – Cologne: Böhlau, 1978; *Kingston-Mann E.* Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. – New York: Oxford University Press, 1983; *Lih L.T.* Bread and Authority in Russia, 1914–1921. – Berkely: University of California Press, 1990.

[20] Цит.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947 / Ed. by Dzwonkowski R. – Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2004. – P. 84. О «первой заповеди» сталиниста см.: *Kulczycki S.* Hołodomor. – P. 170, а также: *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 70.

драться с партийными активистами и милицией, считая, что женщин вряд ли станут депортировать. Иногда мужчины переодевались в женское платье, чтобы воткнуть тяпку или лопату в местного коммуниста[21].

Важно, однако, помнить, что у крестьян было мало оружия и они были плохо организованы. У государства фактически была монополия на огнестрельное оружие и боеприпасы. Действия крестьян протоколировал могущественный аппарат ОГПУ, который, видимо, хоть и не понимал их мотивов, но понимал общее направление их протестов. ОГПУ зарегистрировало почти миллион случаев индивидуального сопротивления в Украине в 1930 году. Из всех массовых крестьянских восстаний в Советском Союзе в марте того года почти половина произошла в Украине. Некоторые украинские крестьяне «голосовали ногами» – бежали на запад, через границу в соседнюю Польшу. Их примеру следовали целые села: селяне поднимали церковные хоругви, кресты, а иногда просто привязанные к палкам черные флаги и так двигались на запад к границе. Тысячи из них достигли Польши, где все больше людей узнавали о голодной жизни в Советском Союзе[22].

Бегство крестьян в Польшу было международным позором и, видимо, источником серьезной обеспокоенности для Сталина и Политбюро. Это значило, что власти Польши, которые в то время пытались наладить отношения с собственным большим украинским национальным меньшинством, узнали о планах и последствиях коллективизации. Польские пограничники терпеливо проводили интервью с беженцами и узнавали детали проведения коллективизации и ее провала. Некоторые из крестьян умоляли Польшу вмешаться и прекратить их муки. Кризис беженцев также вооружил Польшу главным оружием пропаганды против Советского Союза. Во времена Юзефа Пилсудского Польша никогда не планировала наступательной войны на Советский Союз, но строила планы на случай непредвиденного развала Советского Союза вдоль национальных границ и даже предпринимала некоторые шаги по ускорению такого курса событий. Даже когда украинцы бежали из Советского Союза, Польша засылала своих шпионов в противоположном направлении – подстрекать украинцев к восстанию. На своих пропагандистских плакатах они называли Сталина «голодным царем», который экспортирует зерно, в то время

---

[21] О домашней скотине и женских бунтах см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – Pp. 66, 72; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 158.

[22] *Graziosi A*. The Great Soviet Peasant War. – Pp. 53–57; The War Against Peasantry. – P. 320; *Kulczycki S.* Hołodomor. – P. 131; *Snyder T.* Sketches from a Secret War – P. 92–94.

как его собственные люди голодают. В марте 1930 года члены Политбюро опасались того, что «польское правительство может вмешаться»[23].

Коллективизация была общей политикой, Советский Союз был громадным государством, и нестабильность на одном пограничье нужно было рассматривать в свете общих сценариев войны.

Сталин и советское руководство считали Польшу западной частью международного капиталистического окружения, а Японию – восточной его частью. Польско-японские отношения были достаточно хорошими, и весной 1930 года Сталина, кажется, больше всего волновала угроза совместного польско-японского вторжения. Советский Союз, будучи самой большой страной в мире, простирался от Европы до Тихого океана, и Сталину приходилось следить не только за европейскими режимами, но и за азиатскими амбициями Японии.

Военная репутация Токио была создана за счет россиян: Япония возникла как мировая держава, победив Российскую империю в русско-японской войне 1904–1905 годов и отобрав себе железную дорогу, построенную россиянами и ведущую в тихоокеанские порты. Сталину было хорошо известно, что и Польшу, и Японию интересовали Советская Украина, а также национальный вопрос внутри Советского Союза. Похоже, что Сталин довольно глубоко переживал историю российского унижения в Азии. Ему нравилась песня «На сопках Маньчжурии», в которой японцам была обещана кровная месть[24].

Таким образом, подобно тому, как хаос, принесенный коллективизацией, на западе Советского Союза усилил страхи польской интервенции, так и беспорядки на востоке Советского Союза, казалось, были на пользу Японии. В Советской Центральной Азии, особенно в преимущественно мусульманском Казахстане, коллективизация вызвала еще больший хаос, чем в Советской Украине. Там требовались гораздо более серьезные социальные преобразования. Население Казахстана составляли не крестьяне, а кочевники, поэтому первый шаг по советской модернизации состоял в том, чтобы сделать их оседлыми. Еще даже до начала коллективизации кочевое население должно было превратиться в крестьян. Политика «оседлости» отобрала у пастухов их стада,

---

[23] Цит.: *Morris J.* The Polish Terror: Spy Mania and Ethnic Cleansing in the Great Terror // Europe-Asia Studies. – 2004. – № 56/5 (July). – P. 753. О советских опасениях по поводу новой польской политики в отношении украинского национального меньшинства см.: Доклад АВПРФ от 13 июля 1926 года 122/10/34, а также: *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 83–114.

[24] *Kuromiya H., Pepłoński A.* Między Warszawą a Tokio: Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009. – Pp. 20–32.

а значит, и возможность себя прокормить. Люди перегоняли своих верблюдов или лошадей через границу в мусульманский Синьцзян-Уйгурский регион Китая (Туркестан), что вызывало у Сталина подозрения, будто они могли быть японскими агентами – мощной иностранной движущей силой во внутренних конфликтах Китая[25].

Все происходило не так, как планировалось. Коллективизация, которая должна была подкрепить советский порядок, вместо этого, казалось, дестабилизировала границы. В Советскую Азию, как и в советскую европейскую часть, пятилетка, которая должна была принести социализм, принесла вместо него невероятные страдания, а государство, которое должно было представлять справедливость, ввело очень традиционные меры защиты. Советских поляков депортировали из западного приграничья, а пограничные заставы были повсеместно укреплены. Мировая революция произошла бы за закрытыми границами, а Сталин предпринял бы меры по защите того, что он называл «социализмом в отдельно взятой стране»[26].

Сталину пришлось отвлечься от иностранных противников и переосмыслить внутренние планы. Он попросил советских дипломатов инициировать

[25] *Cameron S.* The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934: Ph.D. Dissertation. – Yale University, 2010 (раздел 6). Про Синьцзян-Уйгурский регион см.: *Millward J.A.* Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. – London: Hurst & Company, 2007. – Pp. 191–210.

[26] *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 101–102.

переговоры с Польшей и Японией относительно пактов о ненападении. Он проследил за тем, чтобы Красная армия на западных рубежах Советского Союза была приведена в полную боевую готовность. Самым показательным было то, что Сталин временно приостановил коллективизацию. В статье от 2 марта 1930 года под блестящим заголовком «Головокружение от успехов» Сталин утверждал, что проблема с коллективизацией заключается в том, что ее претворяли в жизнь с чрезмерным энтузиазмом. Теперь он заверял, что принуждение крестьян вступать в колхозы было ошибкой. После этого колхозы стали исчезать с такой же скоростью, с какой и создавались. В 1930 году крестьяне Украины собрали урожай озимой пшеницы и посеяли зерновые так, как если бы земля принадлежала им. Можно было простить им мысль о том, что победа была за ними[27].

Сталинское отступление было тактическим приемом.

Получив время на обдумывание, Сталин и Политбюро нашли более эффективные способы подчинить крестьян государству. В следующем году советская политика на селе внедрялась намного активнее. В 1931 году наступила коллективизация, так как у крестьян больше не было выбора. Низшие чины украинского отделения советской Коммунистической партии были уничтожены, чтобы те, кто работает с селом, были верны своему делу и понимали, что их ожидает в противном случае. Независимого крестьянина обложили налогами так, что вступление в колхоз было единственным спасением. Когда колхозы медленно перегруппировались, им дали непрямую власть над соседними независимыми крестьянами. Например, им разрешалось голосовать за то, чтобы отобрать у независимых крестьян зерно для посевной. Посевные зерновые, которые хранились от посева до посева, крайне необходимы любому крестьянину, работающему на земле. Отбор и сохранение посевного зерна составляет базовый принцип сельского хозяйства. Большую часть человеческой истории поедание посевного зерна было синонимом крайней степени отчаяния. Человек, у которого коллектив отбирал контроль над посевным зерном, терял возможность сам себя прокормить[28].

---

[27] *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 74; *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 103–104.

[28] *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 8–11; 24–37; *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – Pp. 86–90.

Возобновились депортации, коллективизация продолжалась. В конце 1930 и в начале 1931 годов около 32 127 семей были депортированы из Советского Союза – приблизительно столько же, сколько и во время первой волны депортации годом ранее. Крестьяне считали, что умрут либо от истощения в ГУЛАГе, либо от голода, но поближе к дому (чему и отдавали предпочтение). Письма от высланных друзей и родственников иногда прорывались сквозь цензуру; в одном из них был совет: «Что бы ни случилось, не едьте. Мы здесь умираем. Лучше прятаться, лучше умереть там, но что бы ни случилось – не едьте сюда». Украинские крестьяне, подчинившиеся коллективизации, предпочитали, по выражению одного партактивиста, «смотреть в лицо голоду дома, чем ссылку в неизвестность». Поскольку коллективизация в 1931 году продвигалась медленнее (семья за семьей, а не все село сразу), сопротивляться было сложнее. Не было неожиданных атак, которые провоцировали бы отчаянное сопротивление. К концу того года новый подход одержал победу: около 70 процентов возделываемых земель в Советской Украине были коллективизированы. Снова был достигнут показатель марта 1930 года и на этот раз – надолго[29].

После фальцстарта 1930 года Сталин одержал политическую победу в 1931-м. Однако триумф в политике не распространился на экономику. Что-то было не так с заготовкой зерна. Урожай 1930 года был обильным. Крестьяне, депортированные в начале 1930 года, на тот момент уже посеяли озимую пшеницу, а урожай ее мог собрать кто-нибудь другой. Январь и февраль, когда большинство сел были коллективизированы на бумаге в 1930 году, – это время, когда крестьяне в любом случае ничем особо не заняты. После марта 1930 года, когда колхозы распустили, у крестьян в качестве свободных людей было время собрать весенний урожай. Погода в то лето была необычайно хорошей. Урожай 1930 года в Украине задал стандарт, которого не могли добиться в 1931 году, даже если бы коллективизированное сельское хозяйство было таким же эффективным, как индивидуальное (а оно таковым не было). Обильный урожай 1930 года стал базовым показателем, который партия использовала для планирования рек-

[29] Цит.: *Viola L.* The Unknown Gulag. – P. 75; *Kravchenko V.* I Chose Freedom. – P. 106. О депортированных из Советской Украины 32 127 семьях см.: *Kulczycki S.* Hołodomor. – P. 158. О процентах коллективизированной земли см.: *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 86.

визиций в 1931 году. Москва ожидала от Украины значительно большего, чем Украина могла дать[30].

К осени 1931 года стал очевидным провал первого коллективизированного урожая. Причин этому было много: плохая погода, вредители сельхозкультур, нехватка рабочей скотины (поскольку крестьяне продали или забили скот); выпуск тракторов был не на таком уровне, как ожидалось; лучших крестьян депортировали; и посеву, и жатве мешала коллективизация; и, наконец, крестьяне, лишившись собственной земли, не видели причин работать очень старательно. Станислав Косиор, генеральный секретарь Коммунистической партии Украины, докладывал в августе 1931 года, что выполнить план реквизиции нереально из-за низких урожаев. Лазарь Каганович ответил ему, что настоящая проблема – это кражи и сокрытие зерна. Косиор, хоть и знал ситуацию лучше, приказал своим подчиненным действовать именно в этом направлении[31].

Почти половина урожая (неиспорченного) была вывезена из Советской Украины в 1931 году. Многие колхозы смогли выполнить возложенные на них нормы по реквизиции, только сдав и посевное зерно. Сталин 5 декабря приказал, чтобы колхозы, не выполнившие годовой план, сдали все свои посевные запасы. Возможно, Сталин полагал, что крестьяне прячут зерно, а угроза отобрать посевной материал заставит их сдать спрятанное. Однако к тому времени у многих из них действительно ничего уже не было. К окончанию 1931 года многие крестьяне уже начинали голодать. Не имея собственной земли и с минимальной возможностью сопротивляться реквизициям, они просто не могли обеспечить себе достаточно калорийного питания. Потом, в начале 1932 года, у них не было посевного зерна, чтобы посеять озимые. Партийное руководство Украины попросило о посевном зерне в марте 1932 года, но к тому времени посевная уже откладывалась, и это значило, что осенний урожай будет плохим[32].

---

[30] *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 48–56.

[31] Об урожае см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 57–69, 110–111; *Graziosi A.* The Soviet 1931–1933 Famines and the Ukrainian Holodomor: Is a New Interpretation Possible, and What Would Its Consequences Be? // Harvard Ukrainian Studies. – 2004–2005. – № 37 (1/4). – Pp. 1–5; *Dronin N.M., Bellinger E.G.* Climate Dependence and Food Problems in Russia 1900–1990. – Budapest: Central European Press, 2005. – P. 118. О Косиоре и Кагановиче см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 72, 82, 89, 95.

[32] *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – Pp. 102–103; *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 112–114.

В начале 1932 года люди просили о помощи. Украинские коммунисты взывали к своим руководителям по украинской Коммунистической партии, чтобы те попросили Сталина пригласить Красный Крест. Колхозники пытались писать письма государственному и партийному руководству. Одно из них, после нескольких абзацев формальной административной прозы, заканчивалось горькими словами: «Дайте хлеба! Дайте хлеба! Дайте хлеба!» Украинские коммунисты написали Сталину напрямую, в обход Косиора, в раздраженном тоне: «Как мы можем строить социалистическую экономику, когда мы все обречены на голодную смерть?»[33]

Советские власти ясно осознавали угрозу массового голода; осознавал ее и Сталин. Партактивисты и офицеры НКВД писали несчетное количество донесений о случаях смерти из-за голода. В июне 1932 года руководитель Компартии Харьковской области писал Косиору, что о голоде докладывают во всех районах вверенной ему области. Косиор получил письмо от комсомольца 18 июня 1932 года с детальным описанием того, что на тот момент, видимо, стало уже очень привычным: «Колхозники идут в поля и исчезают. Через несколько дней находят их трупы и безо всяких эмоций, как будто это нормально, хоронят в могилах. На следующий день можно найти тело того, кто только что копал могилы для других». В тот же день, 18 июня 1932 года, Сталин сам себе признался, что в Советской Украине «голод». За день до этого украинское партийное руководство просило о продовольственной помощи. Он не разрешил. Ответил, что все зерно в Советской Украине должно быть собрано согласно плану. Они с Кагановичем условились, что «вывозить обязательно необходимо немедленно»[34].

---

[33] О Красном Кресте см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 112–113. Цитаты: Колективізація і голод на Україні 1929–1933 / За ред. Кульчицького С.В. – Київ: Наукова думка, 1993. – С. 434; *Кульчицький С.В.* Трагічна статистика голоду // Голод 1932–1933 років на Україні: Очима істориків, мовою документів / За ред. Рудих Ф.М., Кураса І.Ф., Панчука М.І., Пирога П.Я., Солдатенко В.Ф. – Київ: Видавництво політичної літератури України, 1990. – С. 151.

[34] Про докладные о голодных смертях см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – Pp. 104–105. О Сталине см.: The Stalin-Kaganovich Correspondence 1931–36 / Ed. by Davies R.W., Khlevniuk O.V., Rhees E.A., Kosheleva Liudmila P., Rogovaya Larisa A. – New Haven: Yale University Press, 2003. – P. 138. Про просьбу о продовольственной помощи см.: Stalin’s Letters to Molotov / Ed. by Lih L.T., Naumov O.V., Khlevniuk O. – New Haven: Yale University Press, 1995. – P. 230. Про Кагановича (23 июня 1932 года) см.: Famine in Ukraine 1932–1933: Genocide by Other Means / Ed. by Hunczak T., Serbyn Roman – New York: Shevchenko Scientific Society, 2007. – P. 119.

Сталин прекрасно знал (в том числе и по личным наблюдениям), что за этим последует. Он знал, что при советском строе голод возможен. Голод прокатился по России и Украине во время гражданской войны и после нее. Плохие урожаи в сочетании с реквизициями принесли голод сотням тысяч крестьян в Украине, особенно в 1921 году. Нехватка продовольствия была одной из причин, по которым Ленин пошел на компромисс с крестьянами. Сталин прекрасно знал об этой истории, в которой и сам принимал участие. То, что сталинская политика коллективизации могла вызвать массовый голод, тоже было ясно. До лета 1932 года, насколько Сталину было известно, более миллиона человек умерли от голода в Советском Казахстане. Сталин обвинил секретаря Казахского крайкома ВКП(б) Филиппа Голощекина, но он, должно быть, осознал некоторые из структурных проблем[35].

Сталин, мастер личностной политики, представил украинский голод в личностных терминах. Его первым импульсом (и тенденцией вообще) было видеть в голоде украинских крестьян предательство со стороны членов украинской Коммунистической партии. Он не мог допустить мысли, что виной была его собственная политика коллективизации; проблема виделась ему в исполнении, в местном руководстве – в чем угодно, но только не в самом замысле. Проталкивая идею трансформации в первой половине 1932 года, он считал, что проблемой было не страдание людей, а опасность опорочить политику коллективизации. Он жаловался, что голодающие украинские крестьяне уезжали из своей республики и деморализовывали других советских граждан своим «нытьем»[36].

Весной и летом 1932 года Сталин несколько расплывчато думал, что если голод просто отрицать, то он пройдет. Возможно, он рассуждал, что Украина в любом случае перенаселена и что смерть нескольких сотен тысяч человек ни на чем не скажется. Он хотел, чтобы местные украинские начальники выполнили план хлебозаготовок, несмотря на определенную вероятность низких урожаев. Местные партийцы оказались между раскаленным молотом Стали-

---

[35] *Cameron S.* The Hungry Steppe. – Раздел 2; *Pianciola N.* The Collectivization Famine in Kazakhstan // Hunger by Design: The Great Ukrainian Famine in Its Soviet Context / Ed. by Hryn H. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – Pp. 103–112; Hungersnot: Authentische Dokumente über das Massensterben in der Sowjetunion. – Vienna, 1933. – P. 119.

[36] Цит.: The Stalin-Kaganovich Correspondence. – P. 138. О предрасположенности Сталина персонализировать политику см.: *Kulczycki S.* Hołodomor. – P. 180; *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 152.

на и серпом безжалостной старухи с косой. Проблема, с которой они столкнулись, была объективной и не могла разрешиться при помощи идеологии и риторики: нехватка посевного зерна, поздний посев, плохая погода, недостаточное количество оборудования на замену живой тягловой силе, хаос после предыдущего рывка коллективизации в конце 1931 года и голодные, не в силах работать, крестьяне[37].

Мир, каким его видели местные партийные активисты в украинских селах, гораздо лучше описан в этой украинской детской песенке, чем в немногословных командах и пропагандистских фантазиях, присылаемых из Москвы:

Батьку Сталін, подивися,
Як ми в СОЗі розжилися:
Хата раком, клуня боком,
Троє коней з одним оком.
    А на хаті серп і молот,
    А у хаті смерть і голод.
    Ні корови, ні свині,
    Тільки Сталін на стіні.
Тато в СОЗі й мама в СОЗі,
Діти плачуть по дорозі.
Нема хліба, нема сала,
Бо місцева власть забрала.
    Не шукайте домовину,
    Батько з'їв свою дитину.
    З бучьом ходить бригадир,
    Виганяє на Сибір[38].

Местных партийных активистов окружала смерть, а наверху все отрицали. Голод был жестоким фактом, безразличным к словам и формулам, депортациям и расстрелам. После определенного момента голодающие крестьяне больше не могли продуктивно работать, и никакое количество идеологической

---

[37] О Сталине см.: *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років: Хроніка. – Київ: Києво-Могилянська Академія, 2008. – С. 21. Про объективные проблемы, с которыми столкнулись местные партийные руководители, см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 105–111, 117–122.

[38] 33-й: Голод. – С. 110.

правоты или личных обязательств не могли этого изменить. Но пока этот довод поднимался наверх через каналы разных заведений, он терял свою силу. Правдивые отчеты о голоде «снизу» натыкались на политическое сопротивление «сверху» на Пленуме Центрального Комитета украинской Компартии, проходившем 6–9 июля 1932 года в Харькове. Украинские докладчики жаловались на невозможность выполнения годового плана по хлебозаготовкам. Но им закрывали рот Лазарь Каганович и Вячеслав Молотов – члены Политбюро и сталинские эмиссары из Москвы. Сталин дал им инструкцию победить «украинских дестабилизаторов»[39].

Молотов и Каганович были верными и преданными союзниками Сталина и вместе с ним доминировали в Политбюро, а значит, управляли Советским Союзом. Сталин еще не был непревзойденным диктатором, а Политбюро все еще в принципе было чем-то вроде коллективной диктатуры. Но эти двое, в отличие от некоторых предыдущих его союзников по Политбюро, были безгранично ему преданы. Сталин непрерывно манипулировал ими, но ему не нужно даже было стараться. Они служили делу революции, служа Сталину, и не отделяли одно от другого. Каганович уже называл Сталина «наш отец». В июле 1932 года в Харькове они сказали украинским товарищам, что разговоры о голоде – просто оправдание лени со стороны крестьян, не желающих работать, а также активистов, не желающих дисциплинировать крестьян и изымать зерно[40].

К этому времени Сталин был в отпуске, ехал на поезде, наполненном изысканным провиантом, из Москвы через голодающую Украину в красивый город-курорт Сочи на Черном море. Он и Каганович писали друг другу письма, подтверждая свое взаимное мнение о голоде как о заговоре против них лично. Сталин ловко придумал перенос: это не он, а крестьяне использовали голод в качестве оружия. Каганович заверял Сталина, что разговоры об украинцах как о «невинных жертвах» были просто «гнилым прикрытием» украинской Компартии. Сталин выразил опасение: «Мы можем потерять Украину». Украину нужно

[39] Цит.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 146. См. также: *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 107; *Werth N.* La terreur et le désarroi. – P. 119.

[40] Про «нашего отца» см.: *Sebag M.S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. – New York: Knopf, 2004. – P. 69. О разговоре про голод как оправдании лени см.: *Šapoval J.* Lügen und Scherigen: Die underdrückte Erinnerung an den Holodomor // Osteuropa. – 2009. – № 54 (12). – P. 136. О связи между Молотовым, Кагановичем и Сталиным см.: Stalin's Letters to Molotov, а также: The Stalin – Kaganovich Correspondence.

было превратить в «крепость». Оба согласились, что единственным разумным подходом было жестко следовать политике реквизиций и экспортировать зерно как можно быстрее. К этому времени Сталин обосновал (по крайней мере, к своему собственному удовольствию) связь между голодом и отсутствием верности у украинских коммунистов: голод был результатом саботажа, местные партактивисты были саботажниками, предательская партийная верхушка покрывала своих подчиненных и все работали на польскую разведку[41].

Возможно, уже в 1931 году Сталин действительно интерпретировал польскую и японскую политику как предвестие окружения Советского Союза. На 1930 год пришелся пик польской разведки в Советском Союзе. Польша тайно основала украинскую армию на украинской же территории и проводила обучение десятков украинцев и поляков для выполнения спецзаданий внутри Советского Союза. Япония представляла собой еще б*о*льшую угрозу. В 1931 году СССР перехватил записку от японского посла в Москве, в которой тот поддерживал подготовку наступательной войны по завоеванию Сибири. В том же году Япония вторглась в Маньчжурию, северо-восточный регион Китая, у которого была протяженная граница с Советской Сибирью[42].

Осенью 1931 года, согласно донесению советской разведки, Польша и Япония подписали секретное соглашение относительно совместного нападения на Советский Союз. Это не было правдой, но, поскольку уже существовал зарождающийся польско-японский альянс, искусная советская внешняя политика предотвратила его. И хоть Япония отказалась обсуждать пакт о ненападении в Москве, Польша согласилась. Советский Союз хотел подписать договор с Польшей, чтобы его экономические преобразования проходили в мирной обстановке; Польша же никогда не намеревалась начать войну, а сейчас испытывала экономическую депрессию. Ее преимущественно нереформированная аграрная экономика не могла поддерживать растущие военные затраты в период экономического коллапса. Советский военный бюджет, который в течение многих лет был сопоставим с польским, был сейчас значительно превосходящим. Советско-польский договор был подписан в январе 1932 года[43].

---

[41] Цит.: The Stalin – Kaganovich Correspondence. – Pp. 175, 183.

[42] *Snyder T.* Sketches from a Secret War.– Pp. 83–95; *Kuromiya H*. The Great Terror and «Ethnic Cleansing»: The Asian Nexus, 2009. – Pp. 2–4 (unpublished paper).

[43] *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 102–104; *Haslam J.* The Soviet Union and the Threat from the East. – Houndsmills: Macmillan, 1992. – P. 31.

В 1932-м и 1933 годах Польшу не воспринимали всерьез как угрозу. Польская армия пострадала от существенных бюджетных урезаний. НКВД и пограничники поймали большое количество польских шпионов. Польские агенты не препятствовали коллективизации во время хаоса 1930 года и оказались бессильны поднять голодающее население на восстание в 1932 году. Они пытались, но не смогли. Даже самые ярые польские сторонники агрессивной политики поняли летом 1932 года, что нужно успокоиться. Если СССР обещал мир, то лучше уж было воздержаться от провокационных выпадов. Польские дипломаты и шпионы были свидетелями голода. Они знали, что «каннибализм стал чем-то привычным» и что «целые села вымерли полностью». Но они не были причастны к причинам голода и ничем не могли помочь жертвам. Польша не разглашала на весь мир то, что знали о голоде ее дипломаты. Например, в феврале 1932 года в польское консульство в Харькове пришло анонимное письмо с мольбой к полякам рассказать всему миру о голоде в Украине. Но к тому времени договор о ненападении с Советским Союзом уже вступил в силу и Варшава не могла пойти на такой шаг[44].

У Сталина теперь было гораздо больше пространства для маневра на западных границах, чем в 1930 году: Польша приняла *status quo*, подписав в июле 1932 года пакт о ненападении, поэтому украинские крестьяне были в его милости. С педантичным энтузиазмом Сталин в августе (все еще будучи в отпуске) предлагал своим ближайшим соратникам теорию о том, что коллективизации не хватало всего лишь правильной правовой базы. Социализму, по его утверждениям, как и капитализму, нужны были законы для защиты собственности. Государство станет сильнее, если всю сельскохозяйственную продукцию объявить государственной собственностью, любой несанкционированный сбор урожая считать воровством, а такое воровство карать немедленной казнью. Так голодающего крестьянина могли застрелить, если он подбирал картофельные очистки из борозды на земле, которая совсем недавно была его собственной. Возможно, Сталин действительно считал, что это сработает; в результате, конечно, крестьяне лишились какой-либо легальной защиты от полнейшего произвола победоносного государст-

[44] Цит.: Донесение от 6 июня 1933, CAW I/303/4/1928. О польском консульстве см.: *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років. – С. 36. О польской осторожности см.: *Snyder T.* Sketches from a Secret War.– Pp. 102–108; *Папуга Я.* Західна Україна і голодомор 1932–1933 років. – Львів: Астролябія, 2008. – С. 80.

ва. Даже простое наличие продуктов было гипотетическим доказательством преступления. Закон вступил в силу 7 августа 1932 года[45].

Советские судьи обычно игнорировали букву закона, но остальные представители партийного и государственного аппарата понимали его дух. Иногда самыми ярыми поборниками закона были молодые люди, которые учились в советских школах и верили обещаниям новой системы. Комсомольцам говорили, что их «главная задача» – «борьба против воровства и сокрытия зерна, а также против саботажа кулаков». Младшему поколению в городах коммунизм дал возможность социального повышения, а мир, демонизированный такой агитацией, был миром, из которого они вышли. Коммунистическая партия в Советской Украине (хотя большинство ее членов составляли русские и евреи) теперь включала немало молодых украинцев, веривших в реакционность села и готовых присоединиться к акциям, направленным против крестьян[46].

В полях возвышались сторожевые вышки, чтобы крестьяне ничего не могли взять себе. Только в Одесской области было сооружено более семисот таких вышек. Бригады (среди их членов было пять тысяч комсомольцев) ходили от дома к дому, отбирая все, что находили. По воспоминаниям одного крестьянина, активисты использовали «длинные металлические прутья для обыска в конюшнях, свинарниках, печках. Они смотрели всюду и забирали все до последнего зернышка». Они прокатывались по селу, «как черная смерть», выкрикивая: «Крестьянин, где твое зерно? Признавайся!» Бригады забирали всю еду, даже ужин из печки, и сами ее съедали[47].

Подобно вражеской армии, партактивисты жили с земли, забирая все, что могли, наедаясь до отвала и не оставляя после себя ничего, кроме горя и смерти. Возможно, из-за чувства вины, а может быть, из чувства триумфа они повсеместно унижали крестьян. Они мочились в бочки с солеными огурцами, приказывали голодным крестьянам ради забавы колотить друг друга, лазить на четвереньках и лаять, как собаки, или же заставляли их становиться на колени в грязь и молиться. В одном колхозе женщин, пойманных на краже,

[45] *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 108; *Maksudov S*. Victory over the Peasantry. – P. 204.

[46] О советских судьях см.: *Solomon P. J.* Soviet Criminal Justice Under Staling. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Pp. 115–116. Цит.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu – P. 116.

[47] Цит.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 139; 33-й: Голод. – С. 188. О сторожевых вышках и их количестве см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 115; *Maksudov S*. Victory over the Peasantry. – P. 213; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – Pp. 223–225.

раздели, избили и провели по селу голыми. В другом селе бригада напилась в доме крестьянина и совершила групповое изнасилование его дочери. Одиноко живущих женщин по ночам насиловали под предлогом конфискации зерна, а после надругательства над телом отбирали и продукты. Такой была победа сталинского закона и сталинского государства[48].

Рейды и указы не могли создать продовольствия там, где его не было. Конечно же, крестьяне будуть прятать продукты, а голодные люди будут красть продовольствие. Но проблемой украинского села были не кражи или обман, которые действительно можно было бы пресечь, применив силу. Проблемой были голод и смерть. План хлебозаготовок не выполнялся, потому что коллективизация провалилась, осенний урожай 1932 года был скудным, а планы реквизиций – очень высокими. Сталин послал Молотова в Украину, чтобы подстегнуть товарищей «на борьбу за зерно». Но энтузиазм сталинских слуг не мог изменить того, что уже случилось. Даже Молотов был вынужден рекомендовать 30 октября, чтобы квоты для Украины немного снизили. Сталин принял эту рекомендацию, но вскоре стал еще более категоричным, чем был ранее. По состоянию на ноябрь 1932 года годовой план хлебозаготовок был выполнен приблизительно лишь на треть[49].

Когда рапорты о провале реквизиций дошли до Кремля, жена Сталина покончила с собой. Она выстрелила себе в сердце 8 ноября, после дня празднования пятнадцатой годовщины Октябрьской революции. Что эта смерть означала для Сталина, нельзя сказать с абсолютной точностью, но, по-видимому, это был шок. Он угрожал покончить и с собой. Кагановичу, который не узнавал прежнего Сталина, пришлось произнести похоронную речь[50].

На следующий же день Сталин подошел к проблеме голода с новой степенью злобы. Он переложил вину за проблемы в Украине на украинских партийцев и крестьян. Его настрой отражают две телеграммы Политбюро, отправленные 8 ноября 1932 года: крестьяне-единоличники и колхозники в Советской Украине, не выполнившие план по хлебозаготовкам, лишались

---

[48] Про скудность зерна при таких методах реквизиций см.: *Maksudov S*. Victory over the Peasantry. – P. 192. О злоупотреблениях партийных активистов см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – Pp. 144–145, 118–119; *Kuromiya H*. Freedom and Terror. – Pp. 170–171.

[49] От общего показателя 57% для всего СССР (см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 183). О Молотове см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 171–172.

[50] О Сталине см.: *Sebag M.S.*. Stalin. – Pp. 21, 107.

права на торговое обеспечение. В Украине была создана специальная «тройка» для ускорения вынесения приговоров и казней партийных активистов и крестьян, которые якобы несли ответственность за саботаж. В том же месяце были арестованы 1623 колхозных представителя власти. В Украине возобновились депортации: до конца года было выслано еще 30 400 человек. Активисты говорили крестьянам: «Открывай, а то выбьем дверь. Заберем – и сгниешь в тюрьме»[51].

Когда Сталин интерпретировал бедственное положение коллективизации в последние недели 1932 года, он достиг новых высот идеологической дерзости. Голод в Украине, наличие которого он признавал ранее, когда тот еще не был таким ужасным, стал теперь «сказкой», клеветнической сплетней, распускаемой врагами. Сталин разработал новую интересную теорию, согласно которой сопротивление социализму усиливается по мере его успешного продвижения, потому что его враги сопротивляются все с большим отчаянием, понимая свое окончательное поражение. Таким образом можно было отрицать любую проблему в Советском Союзе как пример вражеских происков, а вражеские происки можно было рассматривать как доказательство прогресса[52].

Сталин утверждал, что сопротивление его политике в Советской Украине было особого сорта, возможно, невидимым для невосприимчивого наблюдателя. Оппозиция больше не была открытой, так как враги социализма были теперь «тихие» и даже «святые». «Нынешние кулаки, – говорил он, – люди “тихие”, “сладенькие”, почти святые». Люди, казавшиеся невинными, были виноватыми. Крестьянин, умирающий от голода, вопреки очевидному, был саботажником, работавшим на капиталистические державы в их кампании по дискредитации Советского Союза. Голод был сопротивлением, а сопротивление – знаком, что победа социализма не за горами. Это были не просто размышления Сталина в Москве – это была идеологическая линия, претворявшаяся в жизнь Молотовым и Кагановичем, когда они проезжали по регионам массовых смертей в конце 1932 года[53].

[51] Цитата: 33-й: Голод. – С. 45. О двух телеграммах Политбюро см.: *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років. – С. 152; *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 174. Об арестованных 1623 колхозных начальниках см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 174. О депортации 30 400 человек см.: *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 59.

[52] Про «сказку» см.: *Šapoval J.* Lügen und Scherigen. – P. 159; *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 199.

[53] Цит.: *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 124. Также см.: Васильєв Валерій. Ціна голодного хліба. Політика керівництва СРСР і УССР у 1932–1933 рр. // Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ 1932–1933 рр. / Під ред. Васильєва В., Шаповала Ю. – Київ: Геneза. – 2001. – С. 60;

Сталин никогда лично не был свидетелем голода, о котором рассуждал, но товарищи в Советской Украине были, следовательно, им нужно было каким-то образом примирить идеологическую линию Сталина с доказательствами собственного рассудка. Вынужденные интерпретировать вспухшие животы как политическую оппозицию, они пришли к чрезвычайно мучительному выводу: саботажники ненавидят социализм настолько, что намеренно позволяют собственным семьям умирать. Таким образом, обезображенные тела сыновей і дочерей, отцов и матерей – не более, чем фасад, за которым враги замышляют разрушить социализм. Даже самих голодающих иногда представляли как вражеских пропагандистов, которые сознательно стремятся разрушить социализм. Молодых украинских коммунистов в городах учили, что голодающие являются врагами народа, «которые рискуют собственной жизнью, чтобы подорвать наш оптимизм»[54].

Украинцы в Польше собирали деньги на продовольственную помощь, но узнали, что советское правительство категорически отказалось от таковой. Украинским коммунистам, которые просили заграничной продовольственной помощи, полученной советскими властями в начале 1932 года во время предыдущего голода, вообще ничего не ответили. По политическим причинам Сталин не желал принимать никакой помощи из-за рубежа. Возможно, он считал, что если хочет остаться во главе партии, то не должен признавать, что следствием его первой большой программы стал голод. Однако Сталин мог сохранить жизнь миллионам человек, не привлекая иностранного внимания к Советскому Союзу. Он мог на несколько месяцев отменить экспорт продовольствия, открыть зерновые резервы (три миллиона тонн) или просто разрешить крестьянам доступ к местным зернохранилищам. Эти простые меры, если бы их приняли хотя бы в ноябре 1932 года, могли ограничить показатели смертности сотнями тысяч, а не миллионами. Но Сталин не принял ни одной из этих мер[55].

В течение последних недель 1932 года Сталин, не испытывая ни проблем внешней безопасности, ни проблем внутри страны и не имея никаких по-

Kuromiya H. Stalin. – P. 110.

[54] Цит.: *Kuromiya H.* Freedom and Terror. – P. 174. О высказывании Станислава Косиора касательно семей см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 206.

[55] Похожие доводы см.: *Jahn E.* Der Holodomor im Vergleich: Zur Phänomenologie der Massenvernivhtung // Osteuropa. – 2004. – № 54 (12). – P. 25; *Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G.* Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932–33 // Soviet Studies. – 1995. – № 54 (3). – P. 657; *Kulczycki S.* Hołodomor. – P. 237; *Graziosi A.* The Soviet 1931–1933. – P. 11.

нятных оправданий, кроме стремления доказать неизбежность своей власти, принял решение уничтожить миллионы людей в Советской Украине. Он переместился на позицию чистого зла, исходя из которой украинский крестьянин был агрессором, а он, Сталин, – жертвой. Голод был формой агрессии (для Кагановича – в классовой борьбе, для Сталина – в украинской национальной борьбе), против которой голод же был единственной защитой. Казалось, что Сталин твердо решил продемонстрировать свою власть над украинским крестьянством и даже получал удовольствие от глубины тех страданий, которых требовало такое отношение. Амартия Сен писал, что голод – это «функция социальных выплат, а не вопрос наличия продовольствия как такового». Не нехватка продовольствия, а распределение этого продовольствия убило миллионы человек в советской Украине, и именно Сталин решал, кто на что имеет право[56].

Хотя коллективизация обернулась катастрофой по всему Советскому Союзу, но доказательство явно запланированного массового уничтожения миллионов наиболее очевидно в Советской Украине. Коллективизация предполагала массовые расстрелы и депортацию по всей стране, и крестьяне с кочевниками, составлявшие большинство рабочей силы в ГУЛАГе, стекались туда со всех Советских республик. Голод 1932 года поразил части Советской России так же, как и большую часть Советской Украины. Тем не менее, реакция на Украину была особая и смертоносная. В конце 1932-го – начале 1933 годов только (или преимущественно) в Советской Украине были использованы семь ключевых политических практик. Каждая из них может показаться болеутоляющим административным средством, и каждую из них именно так и преподносили, но тем не менее каждая из них должна была убивать.

18 ноября 1932 года от крестьян в Украине потребовали вернуть зерно, оставшееся у них после выполнения предыдущего плана по хлебозаготовкам. Это означало, что в тех редких селах, где крестьяне получили хороший урожай, у них отобрали тот небольшой запас, который они себе заработали. Партийные бригады и ОГПУ рыскали в таких местностях, неистово охотясь за любыми

[56] *Sen A.* Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. – Oxford: Oxford University Press, 1982. – Pp. 7, 154–155. Убедительную национальную интерпретацию голода см.: *Martin T.* The 1932–1933 Ukrainian Terror: New Documentation on Surveillance and the Thought Process of Stalin // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – P. 109 и по тексту; *Simons G.* Holodomor als Waffe: Stalinismus, Hunger und der ukrainische Nationalismus // Osteuropa. – 2004. – № 54 (12). – Pp. 45–47; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 219. О Кагановиче в ноябре 1932 года см.: *Kulczycki S.* Hołodomor. – P. 236.

припасами продовольствия. Поскольку крестьянам не выдавали расписок за уже сданное зерно, их бесконечно обыскивали и обирали. Руководство украинской Компартии пыталось заступиться за посевное зерно, но безуспешно[57].

Двумя днями позже, 20 ноября 1932 года, был введен штраф на мясо. Крестьяне, которые не могли выполнить план по зерну, должны были теперь платить специальный налог мясом. Крестьян, у которых еще оставалась скотина, вынуждали теперь сдать ее государству. Коровы и свиньи были последним ресурсом перед угрозой голода. По воспоминаниям сельской девочки, «у кого была корова, тот не голодал». Корова давала молоко, а в случае крайней необходимости ее можно было зарезать. Другая крестьянская девочка помнила, как у семьи забрали последнего поросенка, а за ним и единственную корову. Она держала корову за рога, когда ее уводили. Это, видимо, была привязанность, которую сельские девочки-подростки чувствуют к своим животным, но это также было и отчаяние. Но и после того, как был заплачен мясной штраф, крестьяне все равно должны были выполнить изначальный план на зерно. Если они не могли его выполнить даже под угрозой потери скотины, они, уж конечно, не могли его выполнить после этого. Они голодали[58].

Через восемь дней, 28 ноября 1932 года, советские власти ввели «черный список». Согласно новым правилам, колхозы, не выполнившие план по хлебозаготовкам, были обязаны немедленно сдать зерна в пятнадцать раз больше, чем обычная месячная норма. На практике это опять-таки означало прибытие орды партийных активистов и ОГПУ с обысками и легальным правом забирать все вчистую. Ни одно село не могло выполнить многократный план, поэтому все его население теряло те запасы продовольствия, которые у него еще оставались. Села в черных списках также не имели права торговать или получать какие-то посылки из других частей страны. Они были отрезаны от продовольствия и вообще от любой помощи извне. Села Советской Украины, внесенные в черные списки в далекой Москве, становились зоной смерти[59].

[57] *Graziosi A*. The Soviet 1931–1933. – P. 8; *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 143; *Maksudov S*. Victory over the Peasantry. – Pp. 188, 190; *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 175, 151 (о посевном зерне).

[58] О мясном штрафе см.: *Шаповал Ю*. III конференція КП(б)У: пролог трагедії голоду // Командири великого голоду / За ред. Васильєва В., Шаповала Ю. – Київ: Генеза, 2001. – С. 162; *Maksudov S*. Victory over the Peasantry. – P. 188. Цит.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – P. 71. Приведенный пример см.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – Pp. 160, 219. Об уменьшении поголовья скота вообще см.: Famine in Ukraine. – P. 59.

[59] *Шаповал Ю*. III конференція КП(б)У. – С. 162; *Maksudov S*. Victory over the Peasantry. – P. 188; *Марочко В., Мовчан О*. Голодомор в Україні 1932–1933 років. – С. 171; *Werth N*. La terreur

5 декабря 1932 года назначенный лично Сталиным особый уполномоченный ОГПУ в Украине представил украинскому партийному начальству оправдание бесчинств, связанных с реквизицией зерна. Всеволод Балицкий лично разговаривал со Сталиным в Москве 15 и 24 ноября. По мнению Балицкого, голод в Украине нужно было понимать как результат заговора украинских националистов, в частности, эмигрантов, имевших связи в Польше. Таким образом, любой, кто не выполнял своих обязанностей по реквизиции, был предателем государства[60].

Но эта политическая линия имела еще более глубокий подтекст. Причастность украинских националистов к голоду в Украине давала право наказывать тех, кто принимал участие в предыдущих советских программах по поддержке развития украинской нации. Сталин верил, что национальный вопрос – по своей сути вопрос крестьянский, и так же, как он отменил ленинский компромисс с крестьянством, он теперь отменял ленинский компромисс в национальном вопросе. Четырнадцатого декабря Москва санкционировала депортацию местных украинских коммунистов в концентрационные лагеря, мотивируя это тем, что они злоупотребляли советским политическим курсом для того, чтобы распространять украинский национализм, и поэтому позволяли националистам срывать хлебозаготовки. Балицкий утверждал, что выявил «украинскую военную организацию», а также польские повстанческие отряды. В январе 1933 года он докладывал о разоблачении более тысячи нелегальных организаций, а в феврале – о планах польских и украинских националистов свергнуть советский строй в Украине[61].

Доказательства были сфабрикованы, но эта установка имела свои последствия. Польша отозвала своих агентов из Украины и оставила всякую надежду воспользоваться бедствием коллективизации. Правительство Польши, стараясь быть верным советско-польскому договору о ненападении, подписанному в июле 1932 года, отказывалось даже привлечь международное внимание ко все более усугубляющейся проблеме голода в СССР. Однако стратегия Балицкого, хотя тот и делал карьеру за счет призраков, привела к покорности московской политике на местах. Массовые аресты и массовые депортации по

---

et le désarroi. – P. 123.

[60] *Шаповал Ю.* Голодомор і його зв'язок із репресіями в Україні у 1932–1934 роках // Harvard Ukrainian Studies (forthcoming).

[61] *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 190; *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років – С. 171.

его приказу четко давали понять, что любой, кто защищает крестьян, будет объявлен врагом. В эти решающие недели декабря, когда уровень смертности в Советской Украине достиг сотен тысяч, украинские активисты и администрация понимали, что партийной линии лучше не перечить. Если они не будут заниматься хлебозаготовками, то сами окажутся в лучшем случае в ГУЛАГе[62].

21 декабря 1932 года Сталин через Кагановича подтвердил, что годовой план хлебозаготовок для Советской Украины должен быть выполнен до января 1933 года. Политбюро 27 ноября назначило Украине выполнить целиком треть оставшегося плана по всему Советскому Союзу. Теперь, после сотен тысяч смертей от голода, Сталин послал Кагановича держать руку с занесенным хлыстом над украинским партийным руководством в Харькове. Сразу после прибытия Кагановича вечером 20 декабря Центральный комитет украинской Компартии был вынужден собраться на заседание. Заседая до четырех часов утра, Комитет постановил, что нужно выполнить план по хлебозаготовке. Это был смертный приговор приблизительно трем миллионам человек. Каждый присутствующий на заседании знал в те утренние часы, что нельзя собрать хлеб у уже голодающего населения без самых катастрофических последствий. Простая отсрочка хлебозаготовки на три месяца не повредила бы советской экономике, но сохранила бы жизни большинства из тех трех миллионов. Но Сталин и Каганович настаивали на прямо противоположном. Государство будет драться «ожесточенно», как выразился Каганович, чтобы выполнить план[63].

После завершения своей миссии в Харькове Каганович отправился в поездку по Советскому Союзу, требуя «стопроцентного» выполнения плана, карая по пути следования местное начальство и приказывая депортировать семьи. Он вернулся в Харьков 29 декабря 1932 года напомнить украинскому партийному руководству о том, что посевное зерно тоже нужно забирать[64].

Когда голод свирепствовал в Украине в первые недели 1933 года, Сталин закрыл границы республики, чтобы крестьяне не могли бежать, а также закрыл города, чтобы крестьяне не могли там побираться. Начиная с 14 января 1933 года советские граждане были обязаны иметь внутренние паспорта

---

[62] *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 107–114.

[63] Цит.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 187. О заседании 20 декабря см.: Васильєв. Ціна. – С. 55; *Graziosi A.* The Soviet 1931–1933. – P. 9; *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 135.

[64] *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 190–192.

для легального проживания в городах. Крестьянам паспортов не выдавали. 22 января 1933 года Балицкий предупредил Москву, что украинские крестьяне бегут из республики, и Сталин с Молотовым приказали ОГПУ остановить это бегство. На следующий день была запрещена продажа железнодорожных билетов крестьянам. Сталин объяснял это тем, что крестьяне-беженцы на самом деле не хлеба просят, а готовят «контрреволюционный заговор», будучи наглядной пропагандой для Польши и других капиталистических государств, желающих дискредитировать колхозную систему. К концу февраля 1933 года около 190 тысяч крестьян были пойманы и отосланы назад в свои села умирать от голода[65].

Сталин получил свою «крепость» в Украине, но это была цитадель, напоминавшая огромный умирающий от голода лагерь с вышками, закрытыми границами, бессмысленным и болезненным трудом, а также бесконечными и предсказуемыми смертями.

Даже после того, как годовой план по хлебозаготовкам на 1932 год был выполнен в конце января 1933 года, зерно продолжали отбирать. Реквизиции происходили в феврале и марте, поскольку партийцы искали зерно для весенней посевной. В конце декабря 1932 года Сталин одобрил предложение Кагановича насчет того, что посевное зерно для весны нужно изымать ради выполнения годового плана хлебозаготовок. Из-за этого у колхозов не осталось, чем сеять следующей осенью озимые. Семена для весенней посевной можно было забрать из груженых составов, предназначенных на экспорт, или же взять из тех трех миллионов тонн, которые Советский Союз сберегал как резерв. Но вместо этого зерно изымали из тех скудных запасов, которые еще оставались в Советской Украине. Зачастую это был последний запас продовольствия, который бы помог крестьянам продержаться до весеннего урожая. В советских селах было в том месяце арестовано 37 392 человека, многие из которых пытались уберечь собственные семьи от голода[66].

Этот финальный забор зерна был убийством, хотя исполнители часто считали, что поступают правильно. По воспоминаниям одного активиста, той весной он «видел людей, умирающих от голода. Я видел женщин и детей со

[65] О том, что голодающие считались шпионами, см.: *Шаповал Ю.* Голодомор. Про 190 тысяч пойманных и отправленных назад крестьян см.: *Graziosi A.* The Soviet 1931–1933. – P. 7. О событиях 22 января см.: *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років. – С. 189; *Graziosi A.* The Soviet 1931–1933. – P. 9.

[66] Об 37 392-х арестованных см.: *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років. – С. 192, а также: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – Pp. 161–163.

вздутыми животами, посиневших, они все еще дышали, но их глаза были пустыми и безжизненными». И все же он «видел все это, и не сошел с ума, и не покончил с собой». У него была вера: «Как и раньше, я верил, потому что хотел верить». У других активистов, без сомнения, не было такой веры, но было больше страха. В прошлом году прошли чистки на всех уровнях украинской Компартии; в январе 1933 года Сталин направил своих людей туда на ключевые позиции. Вокруг коммунистов, которые больше не говорили о своей вере, была возведена «стена молчания», означавшая, что они обречены. Они усвоили, что сопротивление приводит к чистке, а вследствие чистки они разделят участь тех, кого сейчас обрекают на смерть[67].

В Советской Украине в начале 1933 года партийные активисты, отбиравшие зерно, оставляли после себя мертвую тишину. В селе существует свой оркестр звуков, который мягче и медленнее городского, но для рожденных в селе он звучит не менее предсказуемо и ободряюще. Украина же онемела.

Крестьяне забили скот (или же его отобрало государство), зарезали курей, съели котов и собак. Охотясь на птиц, они распугали их. Люди тоже сбежали, если им повезло, но скорее всего умерли или же были слишком слабы, чтобы издавать звуки. Отрезанные от внимания мира государством, которое контролировало прессу и шаги зарубежных журналистов, отрезанное от официальной помощи и сочувствия партийной линией, согласно которой голод приравнивался к саботажу, отрезанные от экономики невероятной бедностью и несправедливым планированием, отрезанные от остальной страны правилами и милицейскими кордонами, люди умирали в одиночку, семьи умирали в одиночку, целые села умирали в одиночку. Двумя десятилетиями позже политический философ Ханна Арендт представит этот голод в Украине как решающее событие в создании современного «атомизированного» общества, где все обособлены ото всех[68].

Голод вел не к восстанию, а к аморальности, преступлениям, равнодушию, безумию, парализованности и, наконец, – к смерти. Крестьяне неописуемо страдали в течение месяцев, неописуемо – из-за продолжительности и боли,

[67] Воспоминания активиста см.: *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 233. Цитату и детали о чистках см.: Šapoval. Lűgen. – P. 133. О чистке в верхах см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 138.

[68] Про мертвую тишину в Советской Украине см.: 33-й: Голод. – С. 31; Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – P. 104, а также: *Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. – New York: Harcourt Brace, 1951. – Pp. 320–322.

но еще и потому неописуемо, что были слишком слабы, бедны, безграмотны, чтобы методично записывать то, что с ними происходит. Но выжившие помнили. По воспоминаниям одного из них, что бы крестьяне ни делали, «они умирали, умирали, умирали». Смерть была медленной, унизительной, вездесущей и универсальной. Умереть от голода с каким-то подобием достоинства не удавалось почти никому. Петр Бельдий был примером редкостной силы, когда в день предполагаемой смерти тащился по селу. Другие селяне спрашивали его, куда он идет; ответ был – на кладбище, лечь в могилу. Он не хотел, чтобы чужаки пришли и поволокли его тело в яму. Поэтому он сам выкопал себе могилу, но, пока дошел до кладбища, она уже была занята. Он выкопал себе другую могилу, лег и стал ждать[69].

Очень немногие люди со стороны могли сделать записи о том, что происходило в те самые ужасные месяцы. Журналист Гарет Джоунс на собственные деньги купил билет до Москвы и в нарушение запрета на поездки в Украину сел 7 марта 1933 года на поезд до Харькова. Он сошел на первой попавшейся маленькой станции и прошелся по селу с рюкзаком, полным провианта. Он увидел «голод колоссальных размеров». Повсюду он слышал две одинаковые фразы: «Все пухнут от голода» и «Мы ждем смерти». Он спал на земляном полу рядом с голодающими детьми и узнавал правду. Однажды, когда он поделился своими продуктами, маленькая девочка воскликнула: «Теперь, когда я съела такие чудесные вещи, я могу умереть счастливой»[70].

Мария Ловинска той же весной путешествовала по Советской Украине, сопровождая мужа, который пытался продать свои изделия ручной работы. Села, знакомые им по предыдущим поездкам, теперь были пустынны. Пару напугала нескончаемая тишина. Заслышав пенье петуха, они были настолько счастливы, что их самих изумила собственная реакция. Украинский музыкант Йосып Панасенко был отправлен центральными властями со своей труппой бандуристов нести культуру голодающим крестьянам. Даже забрав у крестьян последние крохи продовольствия, власти демонстрировали гротескную склонность возвышать умы и поднимать дух умирающих. Музыкантам одно за другим попадались совершенно пустые села. Затем они наконец наткнулись на нескольких человек: увидели двух мертвых девочек в кровати, мужские ноги, торчавшие из печки, и старуху, которая голосила и скребла ногтями землю.

[69] Цит.: *Dalrymple D.G.* The Soviet Famine of 1932–1934 // Soviet Studies. – 1964. – № 15 (3). – P. 261. Про Бельдия см.: 33-й: Голод. – С. 132.

[70] Цит.: *Jones G.* Famine grips Russia // New York Evening Post. – 30.03.1933.

Партийный начальник Виктор Кравченко однажды вечером заехал в село помочь со сбором урожая. На следующий день он нашел семнадцать трупов на площади. Такие сцены можно было увидеть по всей Советской Украине, где весной 1933 года люди умирали по десять тысяч в день[71].

Украинцы, решившие не противиться колхозам, верили, что они, по крайней мере, избежали депортации. Но теперь их могли депортировать, потому что колхозная система не работала. Около пятнадцати тысяч крестьян были депортированы из Советской Украины с февраля по апрель 1933 года. Непосредственно на востоке и юге от Советской Украины, в регионах Российской республики, населенной украинцами, около 60 тысяч человек были депортированы за невыполнение плана по сдаче зерна. В 1933 году около 142 тысяч советских граждан были отправлены в ГУЛАГ; большинство из них были истощены голодом, больны тифом и многие – из Советской Украины[72].

В лагерях они старались найти достаточно пропитания. Поскольку в ГУЛАГе царила политика, при которой кормили сильных и гнобили слабых, а эти депортированные уже были ослаблены голодом, то ситуация была крайне сложная. Когда голодные узники травились от поедания диких растений и отходов, лагерное начальство наказывало их за отлынивание от работы. Как минимум 67 297 человек умерли в лагерях от голода и сопутствующих болезней, а на спецпоселениях в 1933 году погибло 241 355 человек, многие из которых были из Советской Украины. Еще тысячи неучтенных умерли во время длительного переезда из Украины в Казахстан или на крайний север. Их тела снимали с поездов и хоронили на местах; ни их имен, ни их количества никто не записывал[73].

У тех, кто уже страдал от голода, покидая свой дом, было мало шансов выжить в чужой среде. Один государственный начальник в мае 1933 года записал: «В поездках я часто был свидетелем того, как административные выселенцы бродили по селам, словно тени, в поисках куска хлеба или отходов. Они едят падаль, режут собак и кошек. Селяне держат двери на замке. Те,

[71] Про Ловинску см.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – P. 104. Про Панасенко см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 105. Кравченко писал о своем подобном опыте (см.: *Kravchenko V*. I Chose Freedom. – Pp. 104–106).

[72] О 15 тысячах депортированных см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 210. О 60 тысячах человек, депортированных из Кубани, см. *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. – 1998. – № 70 (4). – P. 846.

[73] Про 67 297 человек, умерших в лагерях, см.: *Khlevniuk O.V*. The History of the Gulag. – Pp. 62, 77. Про 241 355 человек, умерших на спецпоселениях, см.: *Viola L*. The Unknown Gulag. – P. 241.

кому удается войти в дом, падают перед хозяином на колени и со слезами просят куска хлеба. Я видел несколько смертей на дороге между селами, в банях и в сараях. Я сам видел голодных агонизирующих людей, ползущих на четвереньках по обочине. Их забрала милиция, и они умерли спустя несколько часов. В конце апреля следователь и я проезжали мимо сарая и нашли труп. Когда мы послали за милиционером и фельдшером забрать его, они нашли еще одно тело внутри сарая. Оба умерли от голода, без насилия». Украинское село уже экспортировало свое продовольствие остальному Советскому Союзу; теперь же оно экспортировало то, что осталось от голода, в ГУЛАГ[74].

Дети, рожденные в Советской Украине в конце 1920-х – начале 1930-х годов, оказались в мире смерти, рядом с беспомощными родителями и враждебно настроенными властями. Продолжительность жизни мальчика, рожденного в 1933 году, составляла семь лет. Даже в этих обстоятельствах некоторые маленькие дети умели радоваться. Ганна Соболевска, у которой отец, пятеро братьев и сестер умерли от голода, вспоминала болезненную надежду младшего братишки Юзефа. Даже уже распухнув от голода, он все находил знаки жизни. В один день он думал, что может видеть урожай, вырастающий из земли; на другой день он думал, что нашел грибы. «Теперь будем жить!» – радостно вскрикивал он и повторял эти слова, засыпая ночью. А однажды утром он проснулся и сказал: «Всё умирает». Школьники сначала писали в соответствующие инстанции в надежде, что голод был результатом непонимания. Один класс начальной школы, например, отослал письмо партийному руководству с просьбой о «вашей помощи, поскольку мы падаем от голода. Мы должны учиться, но мы слишком голодные, чтобы ходить»[75].

Вскоре на это перестали обращать внимание. В Харьковской области, в школе, где учился восьмилетний Юра Лысенко, девочка из его класса просто упала, как будто заснула. Взрослые бросились к ней, но Юра знал, что она была безнадежна, «что она умерла и что они похоронят ее на кладбище, как хоронили людей и вчера, и позавчера, и каждый день». Мальчики из другого класса, когда рыбачили, выловили из пруда отрезанную голову одноклассника.

---

[74] Цит.: *Khlevniuk O.V*. The History of the Gulag. – P. 79.

[75] Цит.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – Pp. 215–219; Колективізація і голод на Україні 1929–1933 / За ред. Кульчицького С.В. – Київ: Наукова думка, 1993. – С. 365. О продолжительности жизни в Советской Украине см.: *Vallin J., Meslé F., Adamets S., Pyrozhkov S.* A New Estimate of Ukrainian Population Losses During the Crises of the 1930s and 1940s // Population Studies. – 2002. – № 56 (3). – P. 256.

Вся его семья умерла. Съели ли они его сначала? Или он пережил родителей, но был убит каннибалом? Никто не знал, но подобные вопросы были обычными для детей Украины в 1933 году[76].

Родители не могли выполнить своих обязанностей. Брак страдал, поскольку жены, иногда с вымученного согласия собственных мужей, продавали себя местным партийным начальникам за муку. Родители, даже если были живы, находились рядом с детьми и делали все возможное, вряд ли могли заботиться о детях. Отец в Винницкой области пошел хоронить одного из своих двух детей, а вернувшись, обнаружил, что умер и второй. Одни родители любили своих детей и защищали их, запирали дома, чтобы уберечь от бродячих банд каннибалов. Другие отсылали детей подальше в надежде, что люди спасут их. Родители отдавали своих детей дальним родственникам либо чужим людям или оставляли их на железнодорожных станциях. Отчаявшиеся родители, поднимая на руках младенцев перед окнами железнодорожных вагонов, не обязательно просили хлеба, часто они пытались отдать своих детей кому-нибудь в поезде, кто наверняка был из города и поэтому не умрет с голоду. Отцы и матери посылали детей в город побираться, но судьба их складывалась по-разному: некоторые дети умирали от голода по дороге или же добравшись до города; иных забирала городская милиция и им было суждено умереть в темноте чужой столицы и быть погребенными в братской могиле вместе с другими детскими телами. Даже если дети возвращались, новости редко бывали хорошими. Петр Савгира пошел со своим братом в Киев побираться, а вернувшись, узнал, что двое других его братьев умерли[77].

Перед угрозой смерти от голода некоторые семьи разделялись, родители шли против детей, а дети – друг против друга. Как было вынуждено записать ОГПУ, «семьи убивают своих самых слабых членов, обычно детей, а мясо съедают». Бесчисленное количество родителей убивали и съедали своих детей, но позже все равно умирали от голода. Мать сварила сына, чтобы прокормить себя и дочь. Шестилетняя девочка, спасенная родственниками, видела своего отца в последний раз, когда тот точил нож, чтобы ее зарезать. Другие комбинации, конечно, тоже имели место. В одной семье убили невестку, скормили

[76] О школьнице и отрезанной голове см.: 33-й: Голод. – С. 481 и 46 соответственно.

[77] О продаже себя за муку см.: *Kuromiya H*. Freedom and Terror. – P. 173. О Виннице см.: 33-й: Голод. – С. 95. О страхе перед каннибалами см.: 33-й: Голод. – С. 284. О крестьянах на железнодорожных станциях см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 155. О городской милиции см.: *Falk B*. Sowjetische Städte. О Савгире см.: 33-й: Голод. – С. 290.

ее голову свиньям, а остальные части тела пожарили[78].

В более широком смысле, однако, именно политика в сочетании с голодом разрушала семьи, настраивая молодое поколение против старших. Комсомольцы работали в бригадах по реквизиции продовольствия. От пионеров ожидали, что они будут «глазами и ушами партии внутри семьи». Тем, кто был поздоровее, поручали присматривать за полями, дабы предотвратить воровство. Полмиллиона детей доподросткового и раннеподросткового возраста стояли на вышках, следя за взрослыми в Советской Украине летом 1933 года. Все дети должны были доносить на собственных родителей[79].

Борьба за выживание была и моральной, и физической. Женщина-врач писала подруге в июне 1933 года, что каннибалом пока еще не стала, но «не уверена, что не стану до того, как до тебя дойдет мое письмо». Добрые люди умирали первыми. Те, кто отказывался красть или продавать себя, умирали. Те, кто отдавал еду другим, умирали. Те, кто отказывался есть трупы, умирали. Те, кто отказывался убивать других, умирали. Родители, противившиеся каннибализму, умирали раньше своих детей. В Украине в 1933 году было полно сирот и иногда люди брали их к себе. Но без еды даже добрейшие чужаки мало что могли сделать для таких детей. Мальчики и девочки лежали на простынях и одеялах в ожидании смерти, поедая собственные экскременты[80].

В одном селе Харьковской области несколько женщин делали все возможное для детей. По воспоминаниям одной из них, они организовали «что-то вроде сиротского дома». Палаты в нем были в ужасном состоянии: «Дети были опухшие, все в ранах, в струпьях, тела их лопались. Мы выносили их на улицу, укладывали на тряпки, а они стонали. Как-то раз дети вдруг замолчали, мы пришли посмотреть, что происходит, а они самого маленького Петьку едят. Струпья от него отрывают и едят. И Петька то же самое делает, отрывает струпья и ест, аж запихивается. Другие дети припали губами к Петькиным ранам

---

[78] Цит.: *Czech M.* Wielki Glód // Gazeta Wyborcza. – 22–23.03.2003. – P. 23. О съеденном сыне см.: 33-й: Голод. – С. 132. Об инциденте с точением ножа см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 168. Про свиней см.: *Kuromiya H*. Freedom and Terror. – P. 172.

[79] Про полмиллиона девочек и мальчиков на вышках см.: *Maksudov S*. Victory over the Peasantry. – P. 213. Цит.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 119.

[80] О женщине-враче см.: *Dalrymple D.G*. Soviet Famine. – P. 262. О сиротах см.: *Kuśnierz R*. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 157; Głód i represje. – P. 142; *Graziosi A*. Italian Archival Documents on the Ukrainian Famine 1932–1933 // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – P. 41.

и пили сукровицу. Мы забрали ребенка прочь от голодной оравы и плакали»[81].

Каннибализм – табу и в литературе, и в жизни, поскольку общество пытается сохранить чувство собственного достоинства путем сокрытия такого отчаянного способа выживания. Для украинцев Советской Украины и тогда, и после каннибализм был огромным позором. Но каннибализм в Советской Украине в 1933 году говорит многое о советской системе, а не об украинском народе. Каннибализм приходит с голодом. В Украине наступил момент, когда зерна не было совсем или было очень мало и единственным доступным мясом было человеческое. На черном рынке появилась человечина; она даже могла попасть в официальную торговлю. Милиция расследовала деятельность всех, кто продавал мясо, а государственные власти строго следили за бойнями и мясными лавками. Молодой коммунист в Харьковской области докладывал своим начальникам, что может выполнить план по мясу, но только с использованием человечины. В селах дым из печной трубы был подозрительным знаком, поскольку обычно означал, что каннибалы едят убитого или что семьи жарят одного из своих членов. Милиция шла на дым и проводила аресты. По крайней мере 2505 человек были осуждены за каннибализм в Украине в 1932–1933 годах, хотя действительное число случаев было несомненно бóльшим[82].

Люди в Украине никогда не считали каннибализм приемлемым. Даже на пике голода селяне были возмущены выявленными среди них каннибалами настолько, что могли таковых избить или даже сжечь. Большинство людей не поддались каннибализму. Ребенок, которого не стали есть собственные родители, становился сиротой. И даже те, кто ел человечину, поступали так по разным причинам. Некоторые каннибалы действительно были преступниками самого худшего типа. У Василия Граневича, например, от рук каннибала погиб брат Коля. Когда каннибала арестовала милиция, в его доме нашли одиннадцать человеческих голов, в том числе и Колину. Но иногда каннибализм был преступлением без жертвы. Некоторые матери и отцы убивали и ели собственных детей. В таких случаях дети действительно были жертвами. Но другие родители просили своих детей использовать их тела, когда они умрут. Не одному украинскому ребенку приходилось говорить брату или сестре: «Мама сказала, что мы должны ее съесть, если она умрет». Это было проявлением

[81] *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 158.

[82] Про 2505 человек, осужденных за каннибализм, см.: *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 173. Про случаи с дымом из трубы см.: 33-й: Голод. – С. 31. О плане на мясо см.: *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 227.

заботы и любви[83].

Одной из самых последних функций, выполнение которой взяло на себя государство, было избавление от мертвых тел. Как написал украинский студент в январе 1933 года, задание было трудным: «Не всегда есть возможность хоронить умерших там, где голодные гибнут, разыскивая пропитание в полях или же скитаясь от села к селу». В городах телеги по утрам объезжали и собирали крестьян, умерших ночью. В селе крестьяне поздоровее организовывались в группы, собирали трупы и хоронили их. Редко когда они были склонны или имели силу копать глубокие могилы, так что руки и ноги торчали из ям. Похоронным бригадам платили за каждое подобранное тело, из-за чего случались злоупотребления: бригады забирали слабых вместе с мертвыми и хоронили их еще живыми. Они по дороге даже разговаривали с таковыми, объясняя голодающим, что те все равно скоро умрут, так что какая разница? В редких случаях такие жертвы умудрялись выбраться из неглубоких братских могил. Копальщики в свою очередь тоже слабели и умирали, а их трупы оставались лежать там, где их настигла смерть. Как рассказывал агроном, тела потом «поедали собаки, которых самих не съели и которые одичали»[84].

Осенью 1933 года по селам Советской Украины урожай убирали солдаты Красной армии, активисты Коммунистической партии, рабочие и студенты. Принужденные работать даже умирающими от голода, крестьяне сеяли весенний урожай 1933 года, до сбора которого они не доживут. В опустевшие дома и села приехали переселенцы из Советской России, откуда им сначала нужно было убрать тела предыдущих хозяев. Часто разложившиеся тела распадались у них в руках. Иногда после этого вновь прибывшие возвращались в дома и понимали, что как ни скреби и ни крась – от запаха не избавиться. Однако же иногда они все-таки оставались там жить. Украинский «этнографический материал», как один советский начальник сказал итальянскому дипломату, был изменен. Как ранее в Советском Казахстане, где изменения носили еще более драматичный характер, демографическое равновесие в Советской Украине пошатнулось в сторону русских[85].

---

[83] Об этике антиканнибализма см.: *Kuromiya H.* Freedom and Terror. – P. 173. Про Колю Граневича см.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – P. 76. О просьбе матери см.: *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 258.

[84] Цит.: *Bruski J.J.* Hołodomor 1932–1933: Wielki głód na Ukrainie w dokumentach polskiej dyplomacji i wywiady. – Warszawa: PISM, 2008. – P. 179. Про агронома см.: *Dalrymple D.G.* Soviet Famine. – P. 261. О похоронных командах см. 33-й: Голод. – С. 31, 306, 345.

[85] Цит.: *Graziosi A.* Italian Archival; *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 316.

Сколько людей погибли от голода в Советском Союзе и Украинской республике в начале 1930-х? Мы никогда не узнаем точных цифр. Никто детально не подсчитывал. Те данные, которые все же есть, подтверждают огромный масштаб происходившего: в докладной записке Народного комиссариата охраны здоровья УССР ЦК КП(б)У о голодающем населении Киевской области, например, указывается, что в апреле 1933 года только по этой области голодали 493 644 человека. Местные власти боялись подсчитывать смерти от голода, а через какое-то время уже не могли вообще ничего подсчитывать. Очень часто единственными представителями государственной власти, имевшими непосредственный контакт с мертвыми, были бригады могильщиков, а они ничего систематически не записывали[86].

Согласно советской переписи 1937 года, населения было на восемь миллионов человек меньше ожидаемого: большинство из них были жертвами голодомора в Советских Украине, Казахстане и России, а также их нерожденными детьми. Сталин скрыл эти цифры, а демографов уничтожил. В 1933 году советское руководство в частных беседах чаще всего озвучивало примерные цифры жертв голодомора как пять с половиной миллионов человек. Эта цифра выглядит достаточно точной, может быть, даже заниженной для Советского Союза в начале 1930-х годов (включая Украину, Казахстан и Россию)[87].

Один ретродемографический подсчет дает цифру 3,3 млн жертв Голодомора в Советской Украине. Эта цифра очень близка к показателю повышенной смертности – примерно 2,4 миллиона человек. Она, должно быть, существенно занижена, поскольку многие смерти не регистрировались. В другом демографическом подсчете, проведенном по заказу правительства независимой Украины, фигурирует цифра 3,9 миллиона человек. Истина, наверное, находится где-то посередине, между двумя этими цифрами, что совпадает с оценкой большинства авторитетных ученых. Цифра 3,3 миллиона жертв голодомора и связанных с голодом болезней кажется наиболее приемлемой

[86] Про 493 644 голодающих в Киевской области см.: *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років. – С. 233.

[87] О советской переписи см.: *Schlögel K.* Terror und Traum: Moskau 1937. – Munich: Carl Hanser Verlag, 2008. О цифре пять с половиной миллионов жертв как обычно высказываемой см.: *Dalrymple D.G.* Soviet Famine. – P. 259.

для Советской Украины в 1932–1933 годах. Из этого числа около трех миллионов составляют украинцы, а остальные – русские, поляки, немцы, евреи и другие. Среди примерно полутора миллиона погибших в Российской республике было по крайней мере двести тысяч украинцев, поскольку голод свирепствовал на землях, заселенных украинцами. Возможно, до ста тысяч украинцев было среди 1,3 миллиона человек, умерших от голода ранее в Казахстане. Как бы там ни было, не менее 3,3 миллиона советских граждан погибли в Советской Украине от голода и связанных с ним болезней и приблизительно столько же украинцев (по национальности) погибли в целом по Советскому Союзу[88].

Рафал Лемкин, юрист-международник, который первым использовал термин «геноцид», называл произошедшее в Украине «классическим примером советского геноцида». Полотно сельского уклада жизни в Украине подверглось испытаниям, было растянуто и разорвано. Украинские крестьяне были мертвы, или унижены, или же разбросаны по лагерям по всему Советскому Союзу. Выжившие несли в себе чувство вины и беспомощности, а иногда – воспоминания о сотрудничестве с властями либо каннибализме. Сотни тысяч сирот росли советскими гражданами, а не украинцами, по крайней мере, не такими, какими их могли бы сделать полноценная украинская семья и украинское село. Те из украинских интеллектуалов, кто пережил эту катастрофу, утратили веру. Известный украинский советский писатель, а также украинский советский политический активист совершили самоубийства – один в мае, а другой в июле 1933 года[89]. Советское государство сломало тех, кто хотел определенной независимости для Украинской республики, и тех, кто хотел не-

---

[88] О демографическом ретроанализе см.: *Vallin J., Meslé F., Adamets S., Pyrozhkov S.* A New Estimate of Ukrainian Population Losses. – P. 255, где указано 2,6 миллиона «внеплановых смертей» в Советской Украине в 1928–1937 годах, из которых нужно вычесть другие случаи массовых смертей, чтобы получить показатель смертности от голода. Про выводы государственного отчета от января 2010 года см.: Вирок остаточний: винні! // Дзеркало тижня. – 15–20.01.2010. О примерной цифре два с половиной миллиона человек *на основании только зарегистрированных смертей* см.: *Кульчицький С.В.* Трагічна статистика голоду. – С. 73–74. Еллмен приводит общую цифру 9–12,3 миллиона жертв голода в Советском Союзе за 1933 и 1934 годы (*Ellman M.* A Note on the Number of 1933 Famine Victims // Soviet Studies. – 1991. – № 43 (2). – P. 376). Максудов пишет о гибели 3,9 миллиона украинцев за 1926–1937 годы (*Maksudov S.* Victory over the Peasantry. – P. 229). Грациози указывает цифру 3,5–3,8 миллиона для Советской Украины (см. *Graziosi A*. The Soviet 1931–1933. – P. 6).

[89] Речь идет о Мыколе Хвылевом и Николае Скрипнике (*прим. пер.*).

которой независимости для себя и своих семей[90].

Иностранные коммунисты в Советском Союзе, ставшие свидетелями голодомора, каким-то образом разглядели в нем не национальную трагедию, а шаг вперед для всего человечества. Писатель Артур Кёстлер в то время верил, что голодавшие были «врагами народа, которые предпочитали просить милостыню, а не работать». Деливший с ним квартиру в Харькове физик Александр Вайсберг знал, что погибли миллионы крестьян. Тем не менее, он продолжал верить. Кёстлер наивно жаловался Вайсбергу, что советская пресса не пишет о том, что у украинцев «нечего есть и поэтому они мрут, как мухи». Он и Вайсберг знали, что это было правдой, как знал каждый, у кого были контакты с селом. Однако писать о голодоморе для них значило потерять свою веру. Каждый из них верил, что разрушение села может быть оправдано прогрессом человечества. Смерти украинских крестьян были платой за развитие цивилизации. Кёстлер уехал из Советского Союза в 1933 году. Когда Вайсберг провожал его на вокзале, то сказал на прощанье: «Что бы ни случилось, держи знамя Советского Союза высоко!»[91]

Впрочем, если конечным результатом голода и был социализм, то только в сталинской интерпретации этого термина. В одном селе Советской Украины вокруг триумфальной арки, построенной в честь окончания пятилетки, лежали тела мертвых крестьян. У советских начальников, уничтожавших кулаков, денег было больше, чем у их жертв, а у городских членов партии – гораздо лучшие перспективы жизни. У крестьян не было права на продуктовые карточки, а партийная верхушка выбирала продукты из широкого ассортимента в специальных магазинах. Если они, впрочем, слишком толстели, то должны были опасаться бродячих «колбасников», особенно по ночам. Богатые женщины в украинских городах (обычно это были жены высокопоставленных чиновников) выменивали свои продуктовые карточки на вышивки, украденные из сельских церквей. В этом плане коллективизация отбирала у украинского села его идентичность, даже когда уничтожала украинских крестьян сначала морально, а затем физически. Голод заставлял украинцев и представителей других национальностей

---

[90] Цит.: *Serbyn R.* Lemkin on Genocide of Nations // Journal of International Criminal Justice. – 2009. – № 7 (1). – Pp. 123–130. См. также: *Martin T.* Affirmative Action Empire. – Ithaca: Cornell University Press, 2001; *Snyder T.* Sketches from a Secret War.

[91] Цит.: *Koestler A.* Untitled // The God That Failed / Ed. by Crossman R. – London: Hamilton, 1950. – Pp. 68, 77; *Weissberg-Cybulski A.* Wielka czystka / Transl. by Ciołkosz A. – Paris: Institut Litteraire, 1967. – P. 266.

обнажаться самим и обнажать святые места, прежде чем уничтожить их[92].

Хотя Сталин, Каганович и Балицкий объясняли репрессии в Советской Украине ответом на украинский национализм, Советская Украина была многонациональной республикой. Голод коснулся русских, поляков, немцев и многих других. Евреи Советского Союза преимущественно проживали в больших и маленьких городах, но те из них, кто жил в селе, подвергались такому же риску, как и все. Однажды в 1933 году штатный корреспондент партийной газеты «Правда», отрицавший голод, получил письмо от своего еврейского отца. «Хочу, чтобы ты знал, – писал отец, – что твоя мать мертва. Она умерла от голода после нескольких месяцев мучений». Ее предсмертным желанием было, чтоб их сын произнес молитву кадиш по ней. Этот пример показывает разницу между поколением отцов, выросших до революции, и детей, выросших после нее. Не только среди евреев, но и среди украинцев, а также представителей других национальностей поколение, получившее образование в 1920-х, было гораздо более склонно принять советскую систему, чем поколения, повзрослевшие в Российской империи[93].

Немецкие и польские дипломаты информировали свое начальство о страданиях и смертности в среде немецкой и польской национальных меньшинств Советской Украины. Немецкий консул в Харькове писал, что «почти каждый раз, когда я отваживаюсь выйти на улицу, я вижу, как люди падают от голода». Польские дипломаты имели дело с длинными очередями голодающих людей, жаждущих получить визу. Один из них докладывал: «Часто клиенты, взрослые мужчины, плачут, рассказывая о женах и детях, умирающих или пухнущих от голода». Эти дипломаты знали, что многие крестьяне Советской Украины (не только поляки и немцы) надеялись на иностранное вторжение, освободившее бы их от агонии. До середины 1932 года они возлагали самые большие надежды на Польшу. Сталинская пропаганда в течение пяти лет твердила им, что Польша планировала нападение и аннексию Украины. Когда начался голод, многие украинские крестьяне надеялись, что эта пропаганда была правдой. По донесениям одного польского шпиона, они цеплялись за надежду, что «Польша или

[92] Про арку см.: *Kuśnierz R.* Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – P. 178. О переходе богатства см.: *Falk B.* Sowjetische Städte. – P. 288; *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* The Years of Hunger. – P. 158; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 237. О «колбасниках» см.: *Kuromiya H.* Freedom and Terror. – P. 172.

[93] Цит.: *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 256. См. также: *Slezkine Y.* The Jewish Century. – Princeton: Princeton University Press, 2006; *Fitzpatrick S.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

же любое другое государство придет и освободит их от нищеты и угнетения»[94].

Когда Польша и Советский Союз подписали в июле 1932 года договор о ненападении, эта надежда рухнула. С этого времени крестьяне могли надеяться только на немецкое вторжение. Через восемь лет те, кто выживет, смогут сравнить советский и нацистский строй.

Хотя основные факты массового голодомора и смертей иногда и освещались в европейской и американской прессе, однако никогда не преподносились с безоговорочной ясностью. Почти никто не утверждал, что Сталин сознательно морит голодом украинцев; даже Адольф Гитлер предпочитал возлагать вину на марксизм. Было спорно писать, что голод вообще имеет место. Гарет Джоунс написал об этом в нескольких газетных статьях; казалось, он был единственным, кто писал об этом на английском языке под собственным именем. Когда венский кардинал Теодор Иннитцер летом и осенью 1933 года призывал помочь голодающим продовольствием, советские власти едко оборвали его, сказав, что в Советском Союзе нет ни кардиналов, ни каннибалов, – это утверждение было правдой лишь наполовину[95].

Хотя журналисты знали меньше дипломатов, большинство из них понимали, что миллионы человек умирают от голода. Влиятельный московский корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс», Уолтер Дюранти, делал все от него зависящее, чтобы дискредитировать правдивые репортажи Джоунса. Дюранти, получивший Пулитцеровскую премию в 1932 году, назвал описание Джоунсом голодомора «большой страшной историей». Утверждение Дюранти о том, что это был «не настоящий голод», а только «повсеместная смерть от болезней из-за недоедания», вторило советской позиции и использовало эвфе-

[94] Цит.: *Subtelny O.* German Diplomatic Reports on the Famine of 1933 // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – P. 17; Polish Consul-General, 4 февраля 1933, CAW I/303/4/1867; Border Defense Corps, 15 ноября 1933, CAW I/303/4/6906. О надеждах на войну см.: *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – P. 110. Про письма советских немцев в Германию см.: Hungersnot: Authentische Dokumente über das Massensterben in der Sowjetunion. – Vienna, 1933. Также см.: *Berkhoff K.C.* The Great Famine in Light of the German Invasion and Occupation // Harvard Ukrainian Studies. – 2008. – № 30 (1/4). – Pp. 165–181.

[95] См. речь Гитлера об этом: Die Weltgefahr des Bolschewismus. Rede des Reichskanzlers Adolf Hitler im Berliner Sportpalast // Deutschösterreichische Tageszeitung. – 03.03.1933. – P. 2. О кардиналах см.: *Dalrymple D.G.* Soviet Famine. – P. 254. О вмешательстве Иннитцера см.: Kardinal Innitzer ruft die Welt gegen den Hungertod auf // Reichspost. – 20.08.1933. – P. 1; Die Halfsaktion für die Hungernden in Rußland // Reichsport. – 12.10.1933. – P. 1, а также: Helft den Christen in Sowjetrußland // Die Neue Zeitung. – 14.10.1933. – P. 1.

мизм как ложь. Это было различие по Оруэллу, и сам Джордж Оруэлл считал украинский Голодомор 1933 года главным примером черной правды, которую мастера слова раскрасили в яркие краски. Дюранти знал, что миллионы человек погибли от голода, однако в своих журналистских статьях твердил, что голод служит высокой цели. Дюранти считал, что «нельзя сделать омлет, не разбив яиц». Единственным, кроме Джоунса, журналистом, писавшим серьезный материал на английском языке, был Малком Маггеридж, который анонимно печатался в «Манчестер Гардиан». Он писал, что голод – «одно из самых чудовищных преступлений в истории, настолько ужасное, что люди в будущем будут с трудом верить, что он в действительности имел место»[96].

По правде говоря, даже людям, имевшим самый непосредственный интерес к событиям в Советской Украине, то есть украинцам, жившим за границей, понадобились месяцы, чтобы понять масштабы голода. Около пяти миллионов украинцев жили в соседней Польше, и их политическое руководство неустанно работало над тем, чтобы привлечь международное внимание к массовому голодомору в Советском Союзе. Но даже они осознали масштаб трагедии только в мае 1933 года, однако к тому времени большинство жертв уже были мертвы. В течение того лета и осени украинские газеты в Польше писали о голодоморе, а украинские политики в Польше организовывали марши и протесты. Руководительница украинской феминистической организации пыталась организовать международный бойкот советских товаров, обращаясь за поддержкой к женщинам мира. Было предпринято и несколько попыток достучаться до президента США Франклина Рузвельта[97].

Ничто из перечисленного не помогло. Законы международного рынка гарантировали, что зерно, отобранное у Советской Украины, будет кормить других. Рузвельт, занятый прежде всего положением американских рабочих во время Великой депрессии, хотел установления дипломатических отношений с Советским Союзом. Телеграммы от украинских активистов пришли к нему

[96] О Дюранти см.: *Duranty W.* Russians Hungry, but not Starving // New York Times. – 31.03.1933. – P. 13. О Маггеридже (Maggeridge) см.: *Taylor S.J.* A Blanket of Silence: The Response of the Western Press Corps in Moscow to the Ukrainian Famine of 1932–1933 // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / [Ed. by Isajiw W.]. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – P. 82. Об Оруэлле см.: *Orwell G.* Orwell and Politics. – London: Penguin, 2001. – Pp. 33–34. Также см.: *Engerman D.* Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. – Cambridge: Harvard University Press, 2003. – P. 211. К чести «Нью-Йорк Таймс» нужно заметить, что в двух анонимных статьях от 1 и 11 января 1933 года использовались выражения «искусственный голод» и «война с крестьянством».

[97] *Папуга Я.* Західна Україна і голодомор 1932–1933 років. – С. 33, 46, 57.

осенью 1933 года – именно тогда, когда его личная инициатива по установлению американско-советских отношений начала приносить плоды. Соединенные Штаты расширили дипломатическое признание на Советский Союз в ноябре 1933 года.

Главным результатом летней кампании украинцев в Польше стала искусная советская контрпропаганда. Французский политический деятель Эдуард Эррио прибыл 27 августа 1933 года в Киев по официальному приглашению. Лидер Радикальной партии, Эррио трижды был премьер-министром Франции, последний раз в 1932 году. Это был дородный мужчина с хорошим аппетитом, который о форме собственного тела говорил, что она напоминает женщину, беременную близнецами, на восьмом месяце. На приемах в Советском Союзе Эррио держали подальше от немецких и польских дипломатов, которые могли испортить веселье неуместным словом о голоде[98].

За день до приезда Эррио Киев был закрыт, а населению приказали все почистить и украсить. Витрины магазинов, пустующие круглый год, неожиданно наполнились продуктами. Продукты были не на продажу, а для демонстрации – для глаз единственного иностранца. Милиционерам, одетым в новую униформу, приходилось отгонять изумленные толпы. Всем, кто жил или работал в зоне предполагаемого маршрута Эррио, приходилось проходить костюмированные репетиции, на которых они демонстрировали, что знают, где нужно стоять и в чем быть одетыми. Эррио провезли по самой широкой улице Киева – по Крещатику. Крещатик был полон автомобилей, набранных по нескольким городам. Машинами управляли партийные активисты, создавая видимость городской суеты и процветания. Женщина на улице тихо заметила: «Может, хоть этот буржуй расскажет миру о том, что у нас творится». Ее ждало разочарование: Эррио выразил восхищение тем, как прекрасно Советский Союз сумел возвеличить одновременно и «дух социализма», и «украинское национальное чувство»[99].

---

[98] О советской контрпропаганде см.: *Папуга Я.* Західна Україна і голодомор 1932–1933 років. – С. 56. О габаритах Эррио см.: France: Herriot a Mother // Time. – 31.10.1932. См. также: Der ukrainische Hunger-Holocaust / Ed. by Zlepko D. – Sonnenbühl: Helmut Wild, 1988. – P. 177; *Conquest R.* The Harvest of Sorrow. – P. 314.

[99] Цит.: 33-й: Голод. – С. 353; Der ukrainische. – P. 180, а также 175–179. См. также: Hungersnot. – Pp. 26–27. *Subtelny O.* German Diplomatic Reports. – P. 21; *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років. – С. 256–257, 283; Russia: Starvation and Surplus // Time. – 22.01.1934.

Эррио посетил 30 августа 1933 года детскую коммуну им. Феликса Дзержинского в Харькове – школу, названную в честь создателя НКВД. В это время дети в Харьковской области все еще умирали от голода. Детей, которых он видел, отобрали из числа самых здоровых и крепких. На них наверняка была одежда, выданная им в то утро. Картинка, конечно же, была не полностью фиктивной: советская власть строила школы для украинских детей и двигалась в направлении искоренения безграмотности. Дети, которые были живы в конце 1933 года, с большой долей вероятности вырастут и будут уметь читать. Именно это и должен был увидеть Эррио. Без тени иронии француз спросил учеников, что те ели на обед. Это был вопрос, заданный мимоходом, но от ответа на который зависел имидж Советского Союза. Василий Гроссман опишет этот эпизод в обоих своих замечательных романах. По воспоминаниям Гроссмана, дети были готовы к такому вопросу и дали устраивающий ответ. Эррио поверил тому, что увидел и услышал. Он уехал назад в Москву, где во дворце его кормили икрой[100].

После своего возвращения Эррио рассказал французам, что колхозы Советской Украины – это хорошо ухоженные сады. Официальная советская партийная газета «Правда» с удовольствием написала об этой фразе Эррио. Эта история закончилась. Или, возможно, эта история происходила где-то в другом месте.

---

[100] *Марочко В., Мовчан О.* Голодомор в Україні 1932–1933 років. – С. 257, 283; Der ukrainische. – P. 176–177; Time. – 11.09.1933; *Werth N.* Un État contre son peuple // Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, repression / Ed. by Courtois S., Werth N., Panné J.-L, Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L. – Paris: Robert Laffont, 1997. К чести Эррио, он отказался голосовать в парламенте в июне 1940 года за передачу Петену всех полномочий власти во Франции и был арестован и сослан в Германию в конце немецкой оккупации.

РАЗДЕЛ 2

КЛАССОВЫЙ ТЕРРОР

Вторую сталинскую революцию в Советском Союзе (его коллективизацию и последовавший за ней голод) затмил приход Гитлера к власти в Германии. Многие европейцы, пораженные нацификацией Германии, с надеждой смотрели на Москву как на союзницу. Гарет Джоунс был одним из немногих, кто в начале 1930-х повидал обе системы, когда и Гитлер, и Сталин укрепляли свою власть. Он полетел 25 февраля 1933 года вместе с Адольфом Гитлером из Берлина во Франкфурт в качестве первого журналиста, путешествующего по воздуху с новым канцлером Германии. «Если бы этот аэроплан разбился, – писал он, – вся история Европы пошла бы по-другому». Джоунс прочитал «Майн Кампф» и разглядел амбиции Гитлера: доминирование Германии, колонизацию Восточной Европы и уничтожение евреев. Гитлер, уже будучи канцлером, с удовольствием наблюдал за роспуском Рейхстага и находился посреди предвыборной кампании, намереваясь получить большие полномочия для себя и больше мест для своей партии в немецком парламенте. Джоунс видел, как реагировали немцы на своего нового канцлера – сначала в Берлине, а затем на митинге во Франкфурте. Он ощущал их «чисто примитивное поклонение»[1].

Когда Джоунс поехал в Москву, он, по его словам, ехал с «земли, где только-только началась диктатура», в «диктатуру рабочего класса». Джоунс понимал важную разницу между двумя режимами. Подъем Гитлера знаменовал начало нового режима в Германии. Сталин тем временем прибирал к своим рукам однопартийное государство, имевшее мощный милицейский аппарат, способный на массивное и скоординированное применение силы. Его

[1] Цит.: *Colley M.S.* More Than a Grain of Truth. – Pp. 212, 216.

политика коллективизации потребовала расстрела десятков тысяч граждан и депортации сотен тысяч, а еще миллионы человек подтолкнула к голодной смерти – Джоунс все это увидит и напишет об этом. В конце 1930-х годов Сталин прикажет расстрелять еще сотни тысяч советских граждан во время кампаний, организованных против представителей определенных социальных классов и этничностей. Все это было недосягаемо для возможностей Гитлера в 1930-е годы, да, наверное, и не было у него таких намерений[2].

Некоторым немцам и представителям других европейских народов, которым нравились Гитлер и его затея, жестокость советской политики казалась аргументом в пользу национал-социализма. В своих волнующих предвыборных выступлениях Гитлер изображал коммунизм и Советское государство наибольшими врагами Германии и Европы. Во время самого первого кризиса после избрания его канцлером Гитлер играл на страхе перед коммунизмом, чтобы заполучить больше власти для себя и своей партии. Через два дня после того, как Гитлер и Джоунс приземлились во Франкфурте, 27 февраля 1933 года, датчанин поджег здание немецкого парламента. Хотя поджигатель был схвачен на месте преступления и во всем сознался, Гитлер немедленно использовал этот инцидент для демонизации оппозиции в глазах своего нового правительства. В театрализованном припадке гнева он кричал: «Любой, кто стоит у нас на пути, будет уничтожен». Гитлер обвинял в поджоге Рейхстага немецких коммунистов, которые, по его утверждениям, планировали дальнейшие террористические атаки[3].

Гитлеру поджог Рейхстага пришелся как нельзя более кстати. Как глава правительства он мог выступить против своих политических оппонентов; как участник предвыборной гонки он мог обернуть страх на свою пользу. Указ от 28 февраля 1933 года упразднил права всех граждан Германии, разрешив их «превентивное задержание». В атмосфере нестабильности нацисты уверенно выиграли выборы 5 марта, получив 43,9% голосов и 288 мест в Рейхстаге. В последующие недели и месяцы Гитлер использовал немецкую политику и нацистских парламентариев, чтобы раздавить две партии, которых считал «марксистами» – коммунистов и социал-демократов. Близкий союзник Гитлера, Генрих Гиммлер, основал 20 марта первый нацистский концентрационный лагерь, Дахау. Штат лагеря составили гиммлеров-

---

[2] Цит. Джоунса см.: *Colley M.S.* More Than a Grain of Truth. – P. 218.
[3] Цит.: *Evans R.J.* The Coming of the Third Reich. – New York: Penguin, 2003. – P. 330.

ские СС – парамилитарная организация, поднявшаяся в качестве личной охраны Гитлера. Хотя концлагерь не был новым институтом, гиммлеровские СС должны были использовать его для устрашения и террора. Как сказал офицер СС охранникам Дахау: «Кто из товарищей не переносит вида крови, должен уволиться. Чем больше этих выродков подохнет, тем меньше нам придется их кормить»[4].

После победы на выборах Гитлер-канцлер быстро превратился в Гитлера-диктатора. 23 марта 1933 года, когда в Дахау уже были первые узники, новый парламент принял законодательный акт, разрешающий Гитлеру управлять Германией на основе чрезвычайных полномочий, без согласования действий с президентом или парламентом. Этот акт возобновят, и он будет оставаться в силе до конца жизни Гитлера. Гарет Джоунс вернулся в Берлин из Советского Союза 29 марта 1933 года, через месяц после своего отъезда, и дал пресс-конференцию о голодоморе в Советской Украине. Самый ужасный политический голод в истории казался мелкой новостью по сравнению с установлением новой диктатуры в столице Германии. Действительно, страдания в Советском Союзе уже стали – за время отсутствия Джоунса – частью истории восхождения Гитлера к власти[5].

Гитлер использовал голодомор в Украине в своей предвыборной кампании, сделав из него предмет яростной идеологической политики еще до того, как тот был признан историческим фактом. Кипя гневом по поводу «марксистов», Гитлер использовал украинский голодомор как обвинительный акт против марксизма на практике. Собравшимся в берлинском Дворце спорта 2 марта 1933 года Гитлер объявил, что «миллионы людей голодают в стране, которая могла бы быть житницей для целого мира». Одним-единственным словом – «марксисты» – Гитлер объединил массовую смерть в Советском Союзе с немецкими социал-демократами, оплотом Веймарской республики. Большинству было легче отвергать (или же принимать) целиком его взгляды, чем вычленить правду из лжи. Для людей, которые не были хорошо знако-

---

[4] О немецких избирателях см.: *King G., Rosen O., Tanner M., Wagner A.F.* Ordinary Voting Behavior in the Extraordinary Election of Adolf Hitler // Journal of Economic History. – 2008. – № 68 (4). – Pp. 987–988 и по тексту. Про Дахау см.: *Goeschel C., Wachsmann N.* Introduction // Nazi Concentration Camps, 1933–39: A Documentary History / Ed. by Goeschel C., Wachsmann N. – Lincoln: Nebraska University Press, 2010. – P. 14. Цитату и об анализе Гиммлера см.: *Eiber L.* Gewalt in KZ Dachau. Vom Angang eines Terrorsystems // Das Jahr 1933: Die nationalsozialistische Machteroberung und die deutsche Gsellschaft / Ed. by Wirsching A. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2009. – P. 172.

[5] *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – London: Penguin, 2005. – P. 23.

мы с советской политикой (то есть для большинства), принять гитлеровскую оценку голодомора значило сделать шаг в сторону принятия его же осуждения политиков левого толка, которое в его риторике было смешано с отказом от демократии как таковой[6].

Действия Сталина облегчали Гитлеру подбор аргументов, поскольку давали схожий бинарный взгляд на политический мир. Сталин, чье внимание было сосредоточено на коллективизации и голоде, невольно выполнил большую часть идеологической работы, которая помогла Гитлеру прийти к власти. Когда Сталин начал коллективизировать сельское хозяйство в Советском Союзе, Коминтерн дал инструкции братским коммунистическим партиям следовать линии «класс против класса». Коммунисты должны были сохранять идеологическую чистоту и избегать союзов с социал-демократами. Только коммунисты могли играть законную роль в человеческом прогрессе, а другие, утверждавшие, что говорят от имени угнетенных, были мошенниками и «социал-фашистами». Им нужно было группироваться вместе с каждой партией правого толка, включая нацистов. В Германии коммунисты должны были считать своим главным врагом не нацистов, а социал-демократов.

Во второй половине 1932 года и в течение первых месяцев 1933 года, во время долгого провоцирования Сталиным катастрофы, ему было бы сложно отказаться от международной линии «класс против класса». Классовая борьба против «кулаков», в конце концов, была официальным объяснением ужасных страданий и массовых смертей в Советском Союзе. В немецкой внутренней политике эта линия удерживала немецких левых от объединения усилий против Гитлера. Однако месяцы, которые оказались решающими для последствий голодомора, были также решающими для будущего Германии. То, что немецкие коммунисты настаивали на необходимости немедленной классовой революции, обеспечило нацистам голоса избирателей среднего класса. Это также привело к тому, что служащие и те, кто был занят в частном секторе, проголосовали за нацистов, а не за социал-демократов. Но даже при этом у коммунистов вместе с социал-демократами было больше народной поддержки, чем у нацистов; однако сталинская линия привела к тому, что вместе они работать

[6] Цит.: Die Weltgefahr des Bolschewismus. Rede des Reichskanzlers Adolf Hitler im Berliner Sportpalast // Deutschösterreichische Tageszeitung. – 03.03.1933.

не могли. В любом случае, бескомпромиссная позиция Сталина во внешней политике во время коллективизации и голода в Советском Союзе помогла Гитлеру выиграть выборы и в июле 1932-го, и в марте 1933 года[7].

Если настоящие последствия экономической политики Сталина от иностранных репортеров скрывали, то Гитлер намеренно привлекал внимание к политике перераспределения, которая была в числе первых, к коим он прибегнул в роли диктатора. Именно в то время, когда смерть от голода в Советском Союзе достигла своего пика, немецкое правительство начало красть у своих граждан-евреев. После победы на выборах 5 марта 1933 года нацисты организовали экономический бойкот еврейских предприятий по всей Германии. Подобно коллективизации, бойкотирование указывало на то, в каком секторе общества будет больше всего потерь в ходе предстоящих социальных и экономических преобразований: пострадают не крестьяне, как в СССР, а евреи. Бойкотирование, хотя и аккуратно оркестрировалось нацистскими лидерами и нацистскими же военными, преподносилось как результат «спонтанного раздражения» народа по поводу эксплуатации со стороны евреев[8].

В этом отношении политика Гитлера напоминала сталинскую. Советский лидер преподносил беспорядки в советских селах, а затем и раскулачивание как результат настоящей классовой войны. Политический вывод был одинаковым и в Берлине, и в Москве: государству придется вмешаться, чтобы обеспечить необходимое перераспределение благ относительно мирным путем. В то время, как Сталин к 1933 году добился власти и собрал все силы принуждения для продвижения массовой коллективизации, Гитлеру приходилось двигаться значительно более медленными темпами. Бойкотирование дало всего лишь ограниченный эффект; главным же последствием стала эмиграция около тридцати семи тысяч немецких евреев в 1933 году.

[7] Про «класс против класса» см.: *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. – New York: HarperCollins, 2009. – P. 85. О выборе голосующих см.: King et al. Ordinary. – Pp. 987–988. См. также: *Bayerlein B.H.* Abschied von einem Mythos: Die UdSSR, die Komintern, und der Antifaschismus 1930–1941 // Osteuropa. – 2009. – № 59 (7/8). – Pp. 125–148.

[8] *Longerich P.* Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. – Munich: Piper, 1998. – Pp. 26–32, 38; *Tooze A.* The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. – New York: Viking, 2007. – P. 73.

Однако пройдет еще пять лет, прежде чем будут происходить значительные трансферы имущества евреев нееврейским немцам (нацисты называли это «ариенизацией»)[9].

Советский Союз начинал с пребывания в международной изоляции и при помощи многих сторонников за рубежом смог с некоторым успехом контролировать собственный имидж. Многие искали оправдания для Сталина, когда его политика двигалась от расстрелов к депортации и к голодомору. Гитлеру, напротив, приходилось считаться с международным мнением, в котором слышались голоса критики и возмущения. В Германии в 1933 году было полно международных журналистов и путешественников, а Гитлеру нужен был мир и торговые отношения на несколько последующих лет. Поэтому, даже призывая к окончанию бойкота, Гитлер использовал недоброжелательное внимание в иностранной прессе, чтобы выстроить рациональное объяснение грядущих радикальных действий. Нацисты говорили, что европейские и американские газеты принадлежат евреям, а любую иностранную критику расценивали как часть международного еврейского заговора против немецкого народа[10].

Таким образом, важным следствием бойкотирования весной 1933 года было следствие риторическое. Гитлер ввел аргумент, который никогда потом не прекратит использовать, даже много позже, когда его армия завоюет большую часть Европы, а его институции уничтожат миллионы евреев. Что бы ни делала Германия или немцы, это происходило потому, что они защищались от международного еврейства. Евреи всегда были агрессором, а немцы – жертвами.

Вначале гитлеровский антикоммунизм имел больше отношения ко внутренней политике, чем его антисемитизм. Чтобы контролировать немецкое государство, ему бы пришлось разделить коммунистов и социал-демократов. В течение 1933 года около двухсот тысяч немцев были арестованы, большинство из них – как представители левой оппозиции. Целью террора Гитлера в 1933 году было устрашить, а не уничтожить: большинство арестованных были выпущены после короткого периода «защитного содержания под стражей». Ком-

---

[9] Про тридцать семь тысяч немецких евреев см.: *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – London: Penguin, 2005. – P. 15. См. также: *Longerich P.* Politik der Vernichtung. – P. 126.

[10] *Longerich P.* Politik der Vernichtung. – P. 35.

мунистической партии не позволялось занять восемьдесят одно место, выигранное в ходе выборов; вскоре все ее имущество было конфисковано государством. К июлю 1933 года в Германии запрещалось принадлежать к любой другой партии, кроме нацистской. В ноябре нацисты устроили парламентские выборы, в которых баллотироваться и победить могли только их представители. Гитлер очень быстро сделал Германию однопартийным государством, и это точно был не тот тип однопартийного государства, какого мог ожидать Сталин. Немецкая Коммунистическая партия, которая долгие годы была сильнейшей за пределами самого Советского Союза, сломалась всего за несколько месяцев. Ее поражение было серьезным ударом по престижу международного коммунистического движения[11].

Сначала Сталин как будто надеялся, что особые советско-германские отношения можно сохранить, несмотря на приход Гитлера к власти. Начиная с 1932 года, два государства сотрудничали друг с другом в военной и экономической сферах, основываясь на негласном понимании того, что оба были заинтересованы в перекраивании Восточной Европы за счет Польши. Рапалльский договор 1922 года был подтвержден Берлинским договором о нейтралитете, подписанным в 1926 году и продолженным еще на пять лет в 1931 году. Самым верным признаком хороших взаимоотношений и общей цели были немецкие военные учения на советской территории. Они закончились в сентябре 1933 года. В январе 1934 года нацистская Германия подписала с Польшей договор о ненападении. Этот неожиданный шаг, казалось, сигнализировал о базовой переориентации во внешней политике Германии. Казалось, что Варшава нашла Москве замену как лучшему партнеру на Востоке. Могли ли теперь немцы и поляки совместными усилиями бороться против Советского Союза?[12]

Вероятно, новые отношения Германии и Польши значили для Сталина больше, чем репрессии немецких коммунистов. Сталин сам всегда проводил внешнюю политику на двух уровнях – дипломатическом и идеологическом: первый был направлен на государства, второй – на общества, в том числе его собственное. Для первого у него был комиссар иностранных дел Максим Литвинов, а для второго – Коминтерн. Он, видимо, предполагал, что подход Гитлера аналогичен, а значит, неприкрытый антикоммунизм не дол-

[11] *Goeschel C., Wachsmann N.* Introduction. – P. 7.

[12] См.: *Krüger P.* Die Außenpolitik der Republik von Weimar. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985; *Turner H.A.* Stresemann and the Politics of the Weimar Republic. – Princeton: Princeton University Press, 1963; *Snyder T.* Sketches from a Secret War.

жен мешать хорошим отношениям между Берлином и Москвой. Но подход к Польше добавил к антикоммунистической идеологии нечто, выглядевшее как антисоветская дипломатия. Как Сталин правильно подозревал, Гитлер пытался сделать Польшу младшим союзником в походе против Советского Союза. Когда в конце 1933 года проводились немецко-польские переговоры, советские лидеры небезосновательно беспокоились, что Германия пытается купить территорию Польши на Западе обещаниями того, что Польша позже сможет аннексировать земли Советской Украины. Однако Польша никогда не выявляла интереса к немецким предложениям продлить соглашение таким образом. Германско-польский договор на самом деле не включал секретного протокола о военном сотрудничестве против СССР, несмотря на утверждения советской пропаганды и разведки. И все же Гитлер хотел использовать германско-польский договор как начало возобновления дружественных отношений с Варшавой, которые перерастут в военный альянс против СССР. Весной 1934 года он рассуждал вслух о необходимости соответствующих стимулов[13].

В январе 1934 года казалось, что Советский Союз находится в жутком положении: его внутренняя политика заморила голодом миллионы собственных граждан, а его внешняя политика помогла прийти к власти грозному диктатору-антикоммунисту Гитлеру, который помирился с некогда общим немецко-советским врагом – Польшей.

Сталин нашел выход и в риторическом, и в идеологическом плане: на советском съезде Коммунистической партии в январе–феврале 1934 года, известном как «Съезд победителей», он заявил, что внутри Советского Союза завершена вторая революция. Про голод, самый незабываемый опыт советских людей, не было сказано ни слова – он поблек на фоне общей истории того, как Сталину и его верной свите пришлось преодолеть сопротивление врагов, дабы воплотить в жизнь пятилетку. Лазарь Каганович восхвалял своего хозяина Сталина как создателя «величайшей революции в истории человечества».

---

[13] *Roos H.* Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik. – Tübingen: J.C.B. Mohr, 1957. – Pp. 130–154; *Ken O.* Collective Security or Isolation: Soviet Foreign Policy and Poland, 1930–1935. – С.-Петербург: Европейский Дом, 1996. – Pp. 94, 157; *Kornat M.* Polityka równowagi: Polska między Wschodem a Zachodem. – Cracow: Arcana, 2007. – Pp. 32–33; *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland: Blitzkrieg, Ideology, and Atrocity. – Lawrence: University Press of Kansas, 2003. – P. 2.

Приход к власти Гитлера, несмотря на очевидность противоположного, был знаком надвигающейся победы советской системы в мире. Брутальность нацистов свидетельствовала о том, что капитализм вскоре падет под гнетом собственных противоречий и что европейская революция не за горами[14].

Такая интерпретация имела смысл только для убежденных революционеров, для коммунистов, уже привязанных к своему лидеру узами веры и страха. Нужно было обладать особым складом ума, чтобы действительно верить в то, что чем хуже выглядит ситуация, тем лучше она на самом деле. Подобные рассуждения назывались диалектикой, но на этот раз это слово (несмотря на свое благородное происхождение из Древней Греции, а затем благодаря Гегелю и Марксу) означало гораздо больше, чем физическую возможность приспосабливать собственное восприятие к переменчивому волеизъявлению Сталина[15].

Со своей стороны Сталин знал, что одной риторики недостаточно. Даже провозгласив, что гитлеровская революция – признак надвигающейся победы социализма, Сталин поспешил изменить свою внутреннюю политику. Он не мстил украинским крестьянам год за годом. Крестьянам, запуганным и униженным, нужно было жить дальше и обеспечивать потребности советского государства в продовольствии. Советская политика теперь разрешила всем крестьянам иметь небольшой огород для собственного пользования. Прекратилось неразумное повышение плана по реквизициям и экспорту продовольствия. Голод в Советском Союзе закончился в 1934 году[16].

Приход Гитлера к власти действительно был возможностью представить Советский Союз защитником европейской цивилизации. Через год с небольшим, в июне 1934 года, Сталин наконец сделал это. Согласно распространенной тогда новой линии Коминтерна, политика больше не сводилась просто к принципу «класс против класса». Вместо этого Советский Союз и коммунистические партии по всему миру объединяли левых в лагерь «антифашистов». Вместо бескомпромиссной классовой борьбы коммунисты будут спасать цивилизацию от надвигающейся волны фашизма. Советский Союз преподносил фашизм (этот термин сделал популярным Муссолини в Италии) как общее разложение позднего капитализма. Хотя распространение фашизма означало конец старого ка-

---

[14] Цит.: The Stalin-Kaganovich Correspondence. – P. 33.

[15] См. *Kołakowski L.* Main Currents of Marxism, Vol. 3: The Breakdown. – Oxford: Oxford University Press, 1978. Самое известное определение диалектики дал ветеран-коммунист Жорж Семпрун, находясь в Бухенвальде: «Это искусство и способ всегда выходить сухим из воды, старик!»

[16] *Graziosi A*. The Soviet 1931–1933.

Европа в период между мировыми войнами 1933 г.

питалистического порядка, его яростная ненависть к Советскому Союзу (следуя этой аргументации) оправдывала советские и коммунистические компромиссы с другими капиталистическими странами (ради защиты Советского Союза). Европейским коммунистам нужно было перестроиться в «антифашистов» и сотрудничать с социал-демократами, а также другими партиями левого толка. От коммунистов Европы ожидалось, что они присоединятся к народным фронтам, избирательным альянсам и выиграют выборы вместе с социал-демократами, а также иными партиями левого толка. Пока что коммунистам нужно было работать внутри демократического строя, а не пытаться его разрушить[17].

Понимание этого, конечно, пришло слишком поздно для немецких коммунистов и социал-демократов. Однако в Западной и Южной Европе люди, же-

[17] См.: *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. – Houndsmills: Macmillan, 1984; *Furet F.* Le passé d’une illusion: Essai sur l’idée communiste au XXe siècle. – Paris: Rober Laffont, 1995; *Brown A.* The Rise and Fall of Communism.

лавшие остановить Гитлера и фашизм, прославляли новый советский подход. Преподнося Советский Союз как родину «антифашизма», Сталин хотел получить монополию на добро. Разве благоразумные люди не предпочтут сторону антифашистов стороне фашистов? Предполагалось, что тот, кто был против Советского Союза, был фашистом или, по крайней мере, фашизму симпатизировал. В течение периода существования Народного фронта, с июня 1934 по август 1939 года, около 750 тысяч советских граждан будут расстреляны по приказу Сталина и еще большее их количество – сосланы в ГУЛАГ. Большинство репрессированных будут крестьянами и рабочими – людьми, которым советская социалистическая система должна была служить. Будут среди них и представители национальных меньшинств. Так же, как приход Гитлера к власти отвлек внимание от советского голода 1933 года, так и ответ Сталина будет отвлекать внимание от Большого террора[18].

У Народного фронта были все шансы на успех в западноевропейских демократических системах, расположенных дальше всех от Советского Союза – во Франции и Испании. Самый большой триумф был в Париже, где Народный фронт в правительстве действительно пришел к власти в мае 1936 года: на выборах победили левые партии (в том числе радикалы Эррио), а Леон Блюм стал премьер-министром. Французские коммунисты, которые были частью победоносной коалиции, формально не присоединились к правительству, но обеспечили парламентское большинство и влияли на политику. Теперь можно было получить голоса для реформ, хотя коммунисты прежде всего заботились о том, чтобы внешняя политика Франции была дружественной по отношению к Советскому Союзу. В Париже Народный фронт рассматривали как триумф местных левых традиций, но многие (и не только политические беженцы из нацистской Германии) усматривали в нем советский успех и даже подтверждение того, что СССР поддерживает демократию и свободу. Народный фронт во Франции значительно усложнил для некоторых наиболее видных европейских интеллектуалов критику Советского Союза[19].

В Испании коалиция из партий тоже сформировала Народный фронт и выиграла выборы в феврале 1936 года. Там события стали развиваться

---

[18] Подробнее об этих цифрах будет идти речь в этом и следующем разделах.

[19] Об этой диалектике см.: *Burrin P.* Fascisme, nazisme, autoritarisme. – Paris: Seuil, 2000.– Pp. 202, 209. См. также: *Weber E.* The Hollow Years: France in the 1930s. – New York: Norton, 1994. О Блюме см.: *Junt T.* The Burden of Responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French Twentieth Century. – Chicago: University of Chicago Press, 1998.

иначе. В июле армейские офицеры при поддержке крайне правых групп попытались свергнуть законно избранное правительство. Правительство оказало сопротивление, и началась Испанская гражданская война. Хотя для испанцев это была, в принципе, внутренняя борьба, идеологические враги эры Народного фронта примкнули к ней: Советский Союз начал поставлять оружие приведенной в боевую готовность Испанской республике в октябре 1936 года, а нацистская Германия и фашистская Италия поддерживали правые силы генерала Франческо Франко. Гражданская война в Испании обусловила сближение отношений между Берлином и Римом и стала центром внимания советской политики в Европе. Испания ежедневно была на первых страницах главных советских газет на протяжении многих месяцев[20].

Испания стала знаменем европейских социалистов, которые прибывали сражаться на стороне подвергнутой опасности республики и многие из которых принимали на веру то, что Советский Союз стоит на стороне демократии. Один из наиболее проницательных европейских социалистов, писатель Джордж Оруэлл, был встревожен борьбой сталинистов в Испании за доминирование над испанскими левыми. Он видел, что вместе с оружием СССР экспортирует свои политические методы. Сталинская поддержка Испанской республики имела свою цену – право вести фракционную борьбу на испанской территории. Самый большой соперник Сталина, Троцкий, все еще был жив (хотя и находился в изгнании в далекой Мексике), а многие испанцы, дравшиеся за свою республику, были больше привязаны к личности Троцкого, чем к Советскому Союзу Сталина. Вскоре коммунистическая пропаганда представит испанских троцкистов как фашистов, а офицеров Советского НКВД пошлют в Испанию расстрелять их за «предательство»[21].

----

[20] *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe. – Pp. 120–121. О советской прессе см.: *Schlögel K.* Terror und Traum. – Pp. 136–137. См. также: *Beevor A.* The Battle for Spain: The Spanish Civil War 1936–1939. – London: Penguin, 2006. По главным моментам я ссылаюсь на книгу: *Furet F.* Le passé d'une illusion.

[21] *Orwell G.* Homage to Catalonia. – San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1980. – Pp. 53–64. Цит.: *Schlögel K.* Terror und Traum. – P. 148. См. также: *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. – P. 89.

Враги Народного фронта преподносили это как заговор Коминтерна с целью править миром. Народный фронт дал Японии и Германии удобный предлог упрочить свои взаимоотношения. Германия и Япония заключили Антикоминтерновский пакт 25 ноября 1936 года, согласно которому обе стороны обязывались консультироваться друг с другом в случае нападения на одну из них. Договор между японской и немецкой разведкой от 11 мая 1937 года обуславливал взаимообмен информацией касательно СССР и включал в себя план использования обеими национальных движений на советском пограничье против Советского Союза[22].

С советской точки зрения Япония представляла собой более непосредственную угрозу, чем Германия. В течение первой половины 1937 года Германия уже казалась дополнением к японской угрозе, а не наоборот. В японской политике преобладали соперничающие представления об империи – одно на юге и одно на севере. Влиятельная клика в японских войсках полагала, что ресурсы Сибири являются ключевыми для будущего экономического развития страны. У сателлита Японии на территории Манчьжурии, Маньчжоу-го, была протяженная граница с советской Сибирью, и казалось, что она была плацдармом для вторжения. Японцы играли с идеей создания марионеточного украинского государства на советской территории Восточной Сибири, поскольку там находилось около миллиона украинцев, депортированных или переселенных. В понимании Токио украинцы, депортированные в ГУЛАГ, могли успешно сопротивляться советской власти, имея гарантированную иностранную поддержку. Польские шпионы, знавшие об этой идее, называли ее «Маньчжоу-го–2»[23].

Очевидно, что у японцев были долгосрочные интересы в Сибири. Специальная японская академия в Маньчжоу, в городе Харбин, уже выпустила первое поколение молодых русскоговорящих империалистов, таких как Тиунэ Сугихара. Он принимал участие в переговорах, когда СССР в 1935 году продал права на железную дорогу в Маньчжурии японцам. Сугихара также был главой кабинета внешней политики Маньчжоу-го. Навернувшийся в российское православие и женатый на русской, Сугихара называл себя Сергеем и большую часть времени проводил в русской части Харбина. Там он знакомился с русскими эмигрантами

[22] Про 11 мая см.: *Kuromiya H., Mamoulia G.* Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion: The Caucasian-Japanese Nexus, 1904–1945 // Europe-Asia Studies. – 2009. – № 61 (8). – P. 1427.

[23] Цит.: *Kuromiya H., Libera P.* Notatka Włodzimierza Bączkowskiego na temat współpracy polsko-japońskiej wobec ruchu prometejskiego (1938) // Zeszyty Historyczne. – Pp. 133, 119.

и вербовал их для шпионской миссии в Советском Союзе. Драма советско-японского противостояния в Восточной Азии привлекла внимание Гарета Джоунса, и в том же году он отправился в Маньчжурию. Валлиец со сверхъестественным нюхом на новости был прав в своем видении этого региона как сцены глобального конфликта между «фашистами» и «антифашистами». Он был похищен и убит бандитами при довольно загадочных обстоятельствах[24].

Сталину приходилось беспокоиться не только о прямом нападении Японии на Советский Союз, но и о крепнущей Японской империи на Востоке Азии. Маньчжоу-го было японской колонией, которую отобрали у китайской исторической территории; кто знает, чего можно было ожидать после этого. У Китая была самая протяженная граница с Советским Союзом и нестабильная политика. Националистическое правительство Китая одержало превосходство в продолжающейся гражданской войне с китайской Коммунистической партией. В «Великом походе» китайские коммунистические войска под предводи-

[24] *Levine H.* In Search of Sugihara. – New York: The Free Press, 1996. – Pp. 13–89; *Kuromiya H., Pepłoński A.* Między Warszawą a Tokio: Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009. – Pp. 160–175; *Colley M.* Gareth Jones: A Manchukuo Incident. – Newark: self-published, 2001.

тельством Мао Цзедуна были вынуждены отступить на север и запад страны. Однако ни одной из сторон не удавалось достигнуть в стране чего-то, что напоминало бы монополию силы. Даже в регионах с превосходящими силами националистов они зависели от местных военачальников. Возможно, самым главным для Сталина было то, что националисты и коммунисты не могли вместе сотрудничать против продвижения японцев.

Советской внешней политике приходилось балансировать между поддержкой братских коммунистических партий (что было менее важным) и заботами о безопасности Советского государства (что было более важным). Хотя в принципе Коминтерн поддерживал китайских коммунистов, Сталин вооружал и финансировал националистическое правительство в надежде обезопасить собственные границы. В преимущественно мусульманской китайской провинции Синьцзян, имевшей протяженную границу с Советским Казахстаном, Сталин применял такой же неидеологический подход: он поддерживал местного военачальника Шэн Шицая, посылая туда инженеров и шахтеров для добычи природных ресурсов, а также энкавэдистов для обеспечения безопасности[25].

В глобальном смысле немецко-японское сближение можно рассматривать как завершение окружения советской территории Японией, Германией и Польшей. Эти три страны были самыми важными соседями Советского Союза; они также были тремя государствами, которые побеждали Советский Союз (или Российскую империю) в войнах, происходивших при жизни Сталина. Хотя Германия проиграла в Первой мировой войне, ее войска разбили российскую армию на Восточном фронте в 1917 году. Япония унизила российскую армию и флот в русско-японской войне 1904–1905 годов. Польша же разбила Красную армию в недавнем 1920 году. Теперь, после заключения немецко-польского и немецко-японского соглашений, казалось, что все три державы развернулись в сторону Советского Союза. Если бы Антикоминтерновский пакт и немецко-польский договор о ненападении на самом деле включали секретные протоколы относительно наступательной войны с Советским Союзом, то Сталин был бы прав по поводу окружения. Однако в действительности ничего этого не было: наступательный альянс

[25] Хаслам предлагает анализ Китая в рамках Народного фронта. См.: *Haslam J.* The Soviet Union and the Threat from the East. – Pp. 64–70. О Синьцзян см.: *Millward J.A.* Eurasian Crossroads. – Pp. 206–207. О «Великом походе» см.: *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. – P. 100.

между Токио, Варшавой и Берлином был крайне маловероятен, если вообще возможен. Хотя отношения между Польшей и Японией были хорошими, Варшава не хотела предпринимать никаких шагов, которые можно было бы интерпретировать как неприятельские по отношению к Советскому Союзу. Польша отказалась от предложения Германии присоединиться к Антикоминтерновскому пакту[26].

Частью политического таланта Сталина была его способность отождествлять внешнюю угрозу с неудачами во внутренней политике, как будто они были одним и тем же и как будто он лично не нес ответственности ни за то, ни за другое. Это избавляло его от обвинений в неудачах политики и позволяло называть его избранных внутренних врагов агентами иностранных держав. Еще в 1930 году, когда проблемы коллективизации стали очевидными, он уже говорил о международном заговоре троцкистов и различных иноземных государств. Было очевидно, как провозгласил Сталин, что, «пока существует капиталистическое окружение, среди нас будут вредители, шпионы, саботажники и убийцы». В любой проблеме советской политики были виноваты реакционные государства, желавшие замедлить нормальный ход истории. Любые ошибки пятилетки были результатом иностранного вмешательства – отсюда и самые жесткие кары для предателей, и постоянная виновность Варшавы, Токио, Берлина, Лондона или Парижа[27].

В эти годы сталинизм практиковал своего рода двойной блеф. Успех Народного фронта зависел от скорости продвижения к социализму, который был по большей части предметом пропаганды. Вместе с тем объяснение голода и нищеты дома зависело от идеи иностранной диверсии, которая, в сущности, была безосновательной. Возглавляя советский партаппарат и Коминтерн, Сталин создавал оба эти блефа одновременно и знал, как именно их можно было называть – иностранной военной интервенцией государства, достаточно ловкого для того, чтобы привлечь на свою сторону советских граждан, пострадавших от сталинской политики. Сила комбинирования иностранной войны и

[26] См.: *Kuromiya H.* Stalin. – P. 136.

[27] Цит.: *McLoughlin B.* Mass Operations of the NKVD, 1937–8: A Survey // Stalin’s Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Ed. by McLoughlin B., McDermott K. – Houndsmill: Palgrave, 2003. – P. 121.

домашней оппозиции была, в конце концов, первым уроком советской истории. Даже Ленин был секретным немецким орудием в Первой мировой войне; даже большевистская революция была побочным эффектом германской иностранной политики 1917 года. Двадцатью годами позже Сталину приходилось бояться, что его оппоненты в Советском Союзе используют надвигающуюся войну, чтобы сбросить его режим. Троцкий был в эмиграции, как и Ленин в 1917 году. Во время войны Троцкий мог вернуться, чтобы собрать своих приверженцев, как это сделал Ленин двадцатью годами раньше[28].

К 1938 году у Сталина не было значительной политической оппозиции в Советской Коммунистической партии, но это, кажется, лишь убеждало его в том, что враги научились быть политически невидимыми. Так же, как и во время наивысшего пика голодомора, он снова утверждал в этом году, что самые опасные враги государства притворяются безобидными и преданными. Со всех врагов, даже невидимых, нужно было сорвать маски и уничтожить их. 7 ноября 1937 года, в двадцатую годовщину большевистской революции (и накануне пятой годовщины самоубийства жены) Сталин поднял тост: «И мы будем уничтожать каждого такого врага... каждого, кто своими действиями и мыслями, да, мыслями, покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!»[29]

В отличие от Гитлера, в распоряжении Сталина был механизм влияния на такую политику: государственная милиция, известная как «Чека» и ОГПУ, а к этому времени переименованная в НКВД. Советская государственная милиция возникла еще во время большевистской революции, когда она называлась «Чека». Вначале ее миссия была скорее политической, нежели юридической: уничтожение оппонентов революции. Когда был основан Советский Союз, «Чека» (ОГПУ, НКВД) стала могучей силой госмилиции, которой предписывалось охранять советские законы. В исключительных ситуациях, например, во время коллективизации 1930 года, стандартные юридические процедуры упразднялись, а офицеры ОГПУ (возглавлявшие «тройки») выполняли функции судей, присяжных заседателей и приводили приговоры в исполнение. Это

---

[28] *Khlevniuk O.* The Objectives of the Great Terror, 1937–1938 // Soviet History 1917–1953: Essays in Honour of R.W. Davis / Ed. by Cooper J., Perrie M., Rhees E.A. – Houndmills: Macmillan, 1995; *Kuromiya H.* Stalin. – Pp. 118–119.

[29] Цит.: *Kuromiya H.* Stalin. – Pp. 134, 101.

был возврат к революционной традиции «Чека», и возврат этот оправдывало наличие революционной ситуации: либо движение вперед к социализму, либо угроза социализму. Чтобы иметь возможность давить врагов по собственному выбору во второй половине 1930-х годов, Сталину было необходимо, чтобы НКВД признал, что происходит какой-то кризис, для решения которого нужны особые меры[30].

Драматичное убийство дало Сталину возможность установить контроль над НКВД: в декабре 1934 года в Ленинграде был убит один из ближайших друзей Сталина Сергей Киров. Сталин использовал убийство Кирова так же, как в предыдущем году Гитлер – поджог Рейхстага: он обвинил в этом убийстве внутренних политических оппонентов и утверждал, что они планируют дальнейшие террористические покушения на советских лидеров. Хотя убийцу, Леонида Николаева, арестовали в день самого убийства, Сталину было недостаточно простого милицейского действия. Он протолкнул специальный закон, разрешавший незамедлительно казнить «террористов». Делая акцент на угрозе терроризма, он провозгласил, что его бывшие оппоненты в Политбюро, имевшие левые взгляды, планировали убийство советского руководства и свержение советского строя[31].

Сталинская интерпретация ленинградского убийства была прямым вызовом советской государственной милиции. НКВД не был склонен принять его версию хотя бы потому, что отсутствовали ее доказательства. Когда руководитель НКВД Генрих Ягода посмел наводить справки о Сталине, ему посоветовали поостеречься, чтобы не «нарваться». Сталин нашел сообщника, Николая Ежова, который был готов пропагандировать сталинскую версию событий. Ежов, миниатюрный мужчина родом из польско-литовского пограничья, уже был известен своими взглядами на оппозицию как на терроризм. В феврале 1935 года он возглавил «контрольную комиссию», которая собирала для Политбюро компрометирующую информацию на членов Центрального комитета. Сталин и Ежов, казалось, усиливали убежденность друг друга в сущест-

---

[30] Об истории «троек» см.: *Wheatcroft S.G.* Towards Explaining the Changing Levels of Stalinist Repression in the 1930s: Mass Killings // Challenging Traditional Views of Russian History / Ed. by Wheatcroft S.G. – Houndmills: Palgrave, 2002. – Pp. 126–139. Общую информацию о государственной милиции см.: *Andrew C., Gordievsky O.* KGB: The Inside Story of Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. – London: Hodder & Stoughton, 1990; *Dziak J.* Chekisty: A History of the KGB. – Lexington: Lexington Books, 1988.

[31] *Getty J.A, Naumov O.V.* Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist». – New Haven: Yale University Press, 2008. – P. 140; *Kuromiya H.* Stalin. – P. 116.

вовании повсеместных заговоров. Сталин стал полагаться на Ежова до такой степени, что в качестве редкого признака близости выражал озабоченность здоровьем Ежова. Ежов сначала стал первым заместителем Ягоды, а потом и вовсе заменил его. В сентябре 1936 года Ежов стал комиссаром внутренних дел, руководителем НКВД. Ягоду сначала перевели на другой пост, а затем, через два года, расстреляли[32].

Начиная с августа 1936 года, Ежов во время публичных показательных процессов предъявлял бывшим политическим оппонентам Сталина фантастические обвинения. Признания этих известных людей привлекли внимание всего мира. Льва Каменева и Григория Зиновьева, бывших когда-то союзниками Троцкого и оппонентами Сталина, судили 19–24 августа. Они сознались в том, что принимали участие в террористическом заговоре с целью убить Сталина; вместе с другими четырнадцатью обвиняемыми они были приговорены к смертной казни и расстреляны. Эти старые большевики были запуганы и избиты и не делали ничего, лишь бормотали заученные фразы. Однако их признания, которым многие верили, стали своего рода альтернативной историей Советского Союза, в которой Сталин всегда был прав. В ходе последующих показательных процессов Сталин даже следовал ритму конца 1920-х годов: расправившись со своими бывшими левыми оппонентами Каменевым и Зиновьевым, он повернулся против бывшего правого оппонента – Николая Бухарина. В 1928 году, когда дебаты все еще были возможны, Бухарин угрожал назвать Сталина организатором голодомора. Хоть он никогда и не выполнил своей угрозы, но все равно погиб. Троцкий, которого не судили на показательном процессе, поскольку он жил за границей, был якобы предводителем. Партийная газета «Правда» ясно указывала на связь между ними в заглавии от 22 августа 1936 года: «Троцкий–Зиновьев–Каменев–Гестапо». Могли ли эти трое большевиков, люди, построившие Советский Союз, действительно быть платными агентами капиталистических держав? Были ли трое коммунистов еврейского происхождения агентами тайной полиции нацистской Германии? Не были, но обвинениям серьезно поверили даже за пределами Советского Союза[33].

---

[32] О помощниках Ежова и их методах работы см.: *Wheatcroft S.G.* Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin’s Great Terror // Australian Journal of Politics and History. – 2007. – № 53 (1). – Pp. 38–40. Об озабоченности Сталина здоровьем Ежова см.: *Getty J.A, Naumov O.V.* Yezhov. – P. 216.

[33] Цит.: *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe. – P. 129. Об угрозе Бухарина см.: *Kuromiya H.* Stalin. – P. 83.

Для многих европейцев и американцев показательные процессы были просто судами, а признания – надежным доказательством вины. Некоторые обозреватели, симпатизировавшие Советскому Союзу, видели в них позитивное развитие: британская социалистка Беатриса Вебб, например, была довольна, что Сталин «срубил мертвое дерево». Другие советские симпатики без сомнения подавили свои подозрения на том основании, что СССР – враг нацистской Германии, а значит – надежда цивилизации. Европейское общественное мнение в 1936 году было настолько поляризировано, что действительно было трудно критиковать советский режим без того, чтобы не одобрить фашизм и Гитлера. Это, конечно, была совместная бинарная логика национал-социализма и Народного фронта: Гитлер называл своих врагов «марксистами», а Сталин своих – «фашистами»[34]. Они сходились на том, что середины не существует.

Сталин назначил Ежова именно тогда, когда решил вмешаться в дела Испании; показательные процессы и Народный фронт были, с его точки зрения, проявлениями одной и той же политики. Народный фронт позволял определять друзей и врагов – это, конечно же, зависело от меняющейся линии Москвы. Имея дело с некоммунистическими политическими силами, он должен был проявлять большую осторожность как дома, так и за границей. Для Сталина гражданская война в Испании была одновременно и битвой против вооруженных фашистов в Испании, и борьбой против левых, а также еще и внутренних врагов. Он считал испанское правительство слабым, так как оно не сумело найти и уничтожить достаточное количество шпионов и предателей. Советский Союз был одновременно и государством, и концепцией, внутриполитической системой и международной идеологией. Его внешняя политика всегда была внутренней политикой, а внутренняя – внешней. В этом была одновременно и его сила, и его слабость[35].

Оруэлл понимал, что общественная советская история схватки с европейским фашизмом совпадала с кровавым уничтожением бывших или потенциальных оппонентов внутри страны. В Барселоне и Мадриде советские

[34] Цит.: *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. – P. 122. Были, конечно же, и исключения, например, Антоний Слонимский (см.: *Shore M.* Caviar and Ashes: A Warsaw Generation's Life and Death in Marxism. – New Haven: Yale University Press, 2006. – P. 150). О фашизме и антифашизме см.: *Furet F.* Le passé d'une illusion.

[35] *Werth N.* La terreur et le désarroi. – P. 282. См. также: *Kuromiya H.* Stalin. – P. 121. Тема силы в слабости развита в книге: *Furet F.* Le passé d'une illusion: Essai sur l'idée communiste au XXe siècle. – Paris: Rober Laffont, 1995

миссии были открыты именно тогда, когда начались показательные процессы. То, что в Испании господствовал фашизм, оправдывало проявление бдительности внутри Советского Союза, а чистки в Советском Союзе оправдывали проявление бдительности в Испании. Гражданская война в Испании показала, что Сталин вознамерился (несмотря на риторику Народного фронта о плюрализме) ликвидировать оппозицию, согласно собственной версии социализма. Оруэлл наблюдал, как коммунисты провоцировали столкновения в Барселоне в мае 1937 года, а затем как испанское правительство, будучи признательным Москве, запретило партию троцкистов. Оруэлл писал об этой стычке в Барселоне: «Эта жалкая уличная драка в далеком городе значительно важнее, чем кажется на первый взгляд». Он был совершенно прав. Сталин думал, что Барселона разоблачила фашистскую пятую колонну. Событие обнажило единственную мощную сталинскую логику безотносительно к географии и местным политическим реалиям. Это стало предметом трогательного раздела книги Оруэлла «Памяти Каталонии» – военных мемуаров, из которых, по крайней мере, некоторые западные левые и демократы усвоили, что фашизм – не единственный враг[36].

Внутри Советского Союза признания на показательных процессах, казалось, создавали доказательство организованных заговоров, которые Ежов называл «центрами», поддерживаемых иноземными разведывательными агентствами. В конце июня 1937 года в Москве Ежов проинформировал Центральный комитет партии о сделанных им выводах. Партийной элите Ежов заявил, что существует один главный центр заговорщиков, «Центр центров», который включает всех политических оппонентов, вооруженные силы и даже НКВД. Его цель – ни много ни мало разрушить Советский Союз и восстановить на его территории капитализм. Агенты «Центра центров» не остановятся ни перед чем, в том числе и перед кастрацией племенных овец – именно о таком акте саботажа упомянул Ежов. Все это оправдывало чистки в рядах партии, армии и НКВД. Восьмерых членов высшего командного состава армии в том же месяце судили на показательных процессах; около половины генералов Красной армии казнят в последующие месяцы. Из ста тридцати девяти членов Центрального комитета, принявших участие в партийном съезде 1934 года («Съезд победителей») 98 были расстреляны.

[36] *Orwell G.* Homage to Catalonia. – Pp. 145–149 (цитата на с. 149). См. также: *Furet F.* Le passé d'une illusion. – Pp. 296, 301, 306; *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe. – P. 133.

В целом, чистка рядов армии, государственных заведений и Коммунистической партии привела к казни примерно пятидесяти тысяч человек[37].

В эти же годы, с 1934-го по 1937-й, Гитлер также использовал силу для установления контроля над институтами власти – партией, полицией и военными. Подобно Сталину, он проанализировал свой приход к власти и призвал смерть на некоторых своих соратников. Хотя масштаб убийств был намного меньше, гитлеровские чистки продемонстрировали, что закон в Германии – прихоть вождя. В отличие от Сталина, который прямо подчинил себе НКВД, Гитлер использовал террор как способ развить свои любимые военизированные войска, СС, и утвердить их превосходство над различными немецкими силами государственной полиции. Если Сталин прибегал к чисткам для запугивания советского личного состава вооруженных сил, то Гитлер приближал к себе немецких генералов, расправляясь с теми из нацистов, в ком высшее армейское командование видело для себя угрозу.

Самой яркой мишенью гитлеровских чисток был Эрнст Рём, лидер одного из нацистских военизированных формирований, штурмовых отрядов «коричневорубашечников». Штурмовые отряды (СА) помогли Гитлеру закрепить личный авторитет, запугать оппонентов (и тех, кто голосовал) и прийти к власти в 1933 году. Уличные бои штурмовых отрядов были менее полезны для Гитлера-канцлера, чем они когда-то были для Гитлера-политика. Рём говорил в 1933-м и 1934 годах о необходимости второй революции, но Гитлер отверг эту идею. Рём также вынашивал личные амбиции, которые плохо сочетались с планами Гитлера по перестройке немецкой армии. Рём утверждал, что его штурмовые отряды отражают нацитсткий дух лучше, чем немецкие вооруженные силы, которые он желал контролировать сам. Три миллиона человек в его штурмовых отрядах «коричневорубашечников» значительно превосходили сотни тысяч солдат, позволенных

[37] Число казненных (56209) получается после вычитания тех, кто погиб в национальных акциях (см. следующий раздел) и как «кулаки» из числа 681 692 человек, уничтоженных во время Большого террора в 1937–1938 годах. Я привожу среднюю цифру, потому что существуют немного отличающиеся цифры по казненным «кулакам» – см.: *Jansen M., Petrov N.* Stalin’s Loyal Executioner: Nikolai Ezhov, 1895–1940. – Stanford: Hoover University Press, 2002. – P. 75. См. также: *Wieczerkiewicz P.P.* Łańcuch śmierci. Czystka w Armii Czerwonej 1937–1939. – Warszawa: Rytm, 2001. – P. 296 (это фундаментальное исследование о репрессиях в рядах военных).

Германии по Версальскому договору. Гитлер хотел разорвать этот договор, но путем перестройки немецкой армии, а не путем замены или слияния ее с военизированными формированиями[38].

В конце июня 1934 года Гитлер приказал войскам СС убить Рёма и несколько десятков его коллег, а также других соперников по нацистскому движению и немало политиков. Возглавлял СС Генрих Гиммлер, который настаивал на расовой чистоте, идеологическом воспитании и личной преданности Гитлеру. Во время так называемой «Ночи длинных ножей» Гитлер использовал одно из военизированных формирований (СС) для овладения другим (СА). Он одобрял работу Гиммлера и покончил с Рёмом (и десятками других людей). Гитлер 14 июля 1935 года сказал в Парламенте, что было убито семьдесят четыре человека; в действительности погибли по меньшей мере восемьдесят пять человек, некоторые из которых были (нацистскими) депутатами парламента. Он, естественно, утверждал, что Рём и другие планировали переворот с целью свергнуть легитимное правительство и их нужно было заблаговременно остановить. Кроме руководства СА, кровавые гитлеровские чистки коснулись консерваторов и бывших глав правительства. Из трех канцлеров, которые занимали пост до Гитлера, один был убит, другой арестован, а третий сбежал[39].

Поскольку СС были выбраны инструментом убийственной кампании, Гиммлер продвинулся ближе к центру власти. Теперь СС были институционально отделены от СА и стали самым мощным институтом внутри Национал-социалистической партии. После «Ночи длинных ножей» их заданием было подчинять немецкие институты полиции нацистской идеологии. Гиммлер хотел объединить СС с уже существующими немецкими силами полиции посредством ротации кадров и централизации институтов власти под его личным командованием. В 1936 году Гитлер назначил Гиммлера начальником немецкой полиции. Он возглавил мужчин в униформах из полиции порядка, следователей криминальной полиции и сыщиков Секретной государственной полиции (Гестапо). Полиция была государственным институтом (или же состояла из разных государственных институтов), а СС были институтом Нацистской партии; Гиммлер хотел объединить их в единое целое. В 1937 году Гиммлер учредил пост высших руководителей СС и полиции (региональных начальников,

[38] *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – Pp. 21–22.

[39] *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – Pp. 34, 39; *Shore Z.* What Hitler Knew: The Battle for Information in Nazi Foreign Policy. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – Pp. 31, 37.

которые теоретически командовали и СС, и силами полиции) и унифицировал единую структуру Управления[40].

Возвышение СС над СА было настолько же важно, как и улучшение отношений между Гитлером и генералами. Казнью Рёма Гитлер снискал огромную благодарность высшего командования армии. До 1934 года армия оставалась единственным важным государственным институтом, которым Гитлер еще не завладел полностью. Но как только он дал понять, что его намерение состоит в том, чтобы отстроить армию, а не подчинить ее силами СА, ситуация быстро изменилась. Когда несколько недель спустя умер немецкий президент, военные поддержали выдвижение Гитлера на роль главы государства. Гитлер никогда не использовал титул «президент» – он предпочитал «вождь». Начиная с августа 1934 года, немецкие солдаты давали клятву абсолютной личной верности Гитлеру и с того момента обращались к нему «мой фюрер». Позже в том же месяце титулы Гитлера «вождь и рейхсканцлер» были одобрены на национальном плебисците. В марте 1934 года Гитлер публично отказался от обязанностей Германии по Версальскому договору, ввел призыв в армию и начал восстанавливать немецкие вооруженные силы[41].

Подобно Сталину, Гитлер показал, что он – хозяин органов власти, представляя себя жертвой заговоров, а затем избавляясь от реальных или воображаемых врагов. В то же время он создавал те инструменты принуждения, которые Сталин унаследовал от Ленина и большевистской революции. Ни СС, ни немецкая полиция никогда не будут способны на организованный террор внутри Германии в таких масштабах, как НКВД в Советском Союзе. «Ночь длинных ножей» с ее десятками жертв не шла ни в какое сравнение с советскими чистками в рядах партии, вооруженных сил и НКВД, в результате которых были казнены десятки тысяч человек. Число казненных значительно превышало число людей, убитых нацистским режимом до начала Второй мировой войны. Войскам СС нужны были время и практика, прежде чем они смогли бы состязаться с НКВД. Гиммлер видел в своих подопечных «идео-

---

[40] О продвижении Гиммлера к власти см.: *Longerich P.* Heinrich Himmler: Biographie. – Berlin: Siedler, 2008. О структуре полиции см.: *Westermann E.B.* «Ordinary Men» or «Ideological Soldiers»? Police Battalion 310 in Russia, 1942 // German Studies Review. – 1998. – № 21 (1). – P. 45. Я значительно упрощаю картину и не затрагиваю тему федерального устройства немецкого государства. Это, по мнению Гиммлера, было проблемой, которую нужно было решать. К институтам полиции, указанным здесь, я вернусь в Разделах 5, 6 и 7.

[41] *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – P. 627; *Lee S.J.* European Dictatorship 1918–1945. – London: Routledge, 2000. – P. 172.

логических солдат», но они выполняли свою миссию расового покорения и доминирования только лишь за спинами настоящих солдат – в польском тылу после 1939 года и в Советском Союзе после 1941 года[42].

Логикой внутреннего террора Гитлера была будущая наступательная война (в которой воевал расширенный Вермахт, преданный Гитлеру), трансформированная в разрушительную войну войсками СС и полиции. В этом смысле сталинские опасения насчет войны были абсолютно оправданы. Однако немцы не рассчитывали на помощь советского населения в будущей войне. В этом отношении сталинский сценарий угрозы (объединение иностранных врагов с внутренними оппонентами) был довольно ошибочным. Поэтому еще больший террор, развязанный Сталиным против собственного населения в 1937-м и 1938 годах, был абсолютно бесполезным и на самом деле контрпродуктивным.

Советские чистки в рядах армии, партии и НКВД были прелюдией к сталинскому Большому террору, который в 1937-м и 1938 годах унесет жизни сотен тысяч людей по причине их классовой или этнической принадлежности. Допросы десятков тысяч человек во время чисток породили множество «организаций», «заговоров» и «групп» – категорий, в которые могло попасть все больше и больше советских граждан. Расправы над коммунистами несомненно вызвали страхи внутри Коммунистической партии, но партию в целом щадили, если ее члены летом 1937 года поддерживали Сталина и соглашались преследовать настоящих врагов внутри советского общества. Чистки также были проверкой НКВД на преданность, поскольку его верхушка менялась по прихоти Сталина, а офицеров заставляли смотреть на преследования своих коллег. Тем не менее летом 1937 года осажденный НКВД настроят против социальных групп, которые многие из его офицеров готовы были назвать врагами. В течение месяцев верховное руководство Советского Союза готовило удар по группе, которую они, видимо, все-таки боялись, – по «кулакам»[43].

«Кулаки» были крестьянами, упрямым пережитком сталинской революции – пережитком коллективизации, голода и зачастую ГУЛАГа. Как социальный класс «кулак» (зажиточный крестьянин) никогда на самом деле не су-

[42] Этим убийствам немецкой полиции посвящены Разделы 6 и 7.

[43] Сравните с: *Wheatcroft S.G.* Towards Explaining the Changing Levels of Stalinist Repression in the 1930s. – P. 139.

ществовал, этот термин был скорее советским определением, которое обрело политическую самостоятельность. Попытка «ликвидировать кулаков» во время первой пятилетки уничтожила огромное количество людей, но вместо того, чтобы уничтожить класс, она его создала: класс тех, кого стигматизировали и репрессировали, но кто выжил. Миллионы людей, которых депортировали или которые сбежали во время коллективизации, впоследствии всегда считались «кулаками» и иногда они принимали такое определение. Советскому руководству приходилось думать о том, что, возможно, революция сама создала собственных оппонентов. На пленуме Центрального комитета Коммунистической партии в феврале–марте 1937 года несколько выступавших пришли к таким логическим выводам. «Чуждые элементы» портили чистый пролетариат в городах. Кулаки были «заклятыми врагами» советской системы[44].

Быть кулаком значило не только пострадать, но и выжить в переездах на огромные расстояния. Коллективизация вытолкнула миллионы «кулаков» в ГУЛАГ или в город. Это означало путешествия длиной в сотни или даже тысячи километров. По меньшей мере около трех миллионов крестьян нанялись на работу во время первой пятилетки. В конце концов, план в том и состоял, чтобы Советский Союз превратился из аграрной страны в индустриальную. Возможно, двести тысяч человек, стигматизированных как «кулаки», перебрались в города до того, как их уничтожили или депортировали. Около 400 тысячам «кулаков» удалось бежать из спецпоселений – некоторым в город, но преимущественно – на село. Еще десяткам тысяч разрешили покинуть концентрационные лагеря и спецпоселения после отбытия срока наказания. Пятилетнее ГУЛАГовское заключение в 1930-м, 1931-м и 1932 годах означало массовые освобождения из ГУЛАГа в 1935-м, 1936-м и 1937 годах[45].

Существовало оптимистическое допущение, что перемещения и наказания избавят «кулака» от его вредного социального происхождения и сделают из него советского человека. Ко второй половине 1930-х годов сталинизм отбросил подобные ожидания прогресса. Сама социальная мобильность, присущая его политике индустриализации, теперь вызывала тревогу. «Кулаки» вступали в колхозы – возможно, они будут поднимать бунты, как делали крестьяне в 1930 году. «Кулаки» возвращались к социальному устройству, которое во многом было традиционным. Сталин знал по данным переписи населения 1937

---

[44] Цит.: *Baberowski J.* Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus. – Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. – Pp. 758–759.

[45] *Werth N.* La terreur et le désarroi. – P. 280; *Viola L.* The Unknown Gulag. – P. 195.

года, которые он скрыл, что подавляющее большинство взрослого населения все еще отрицало атеизм советского государства и верило в Бога. Наличие религиозной веры спустя двадцать лет после большевистской революции озадачивало и, видимо, раздражало. А вдруг «кулаки» возродят некогда существовавшее общество?[46]

«Кулаки», осужденные позже или на более длительные сроки в ГУЛАГе, все еще отбывали их в Сибири или Казахстане, в советской Восточной или Центральной Азии – разве такие люди не могли поддержать японское вторжение? НКВД докладывал в июне 1937 года, что сосланные в Сибирь «кулаки» составляли «широкую базу для повстанческих движений». Конечно, заручившись иностранной поддержкой и под прикрытием войны, «кулаки» будут сражаться против советского государства. Тем временем они были врагами внутри страны. Одна репрессивная политика создавала базу для другой: сосланные «кулаки» не любили советскую систему, а место их ссылки, хоть и было очень далеко от дома, находилось близко к источнику иностранной угрозы – к расширяющейся Японской империи[47].

В донесениях НКВД с Дальнего Востока содержался сценарий альянса между внутренними оппонентами и иностранным государством. В апреле 1937 года вспыхнули бунты против советского присутствия в китайской провинции Синьцзян. В японском марионеточном государстве Маньчжоу-го японцы вербовали российских эмигрантов, которые налаживали контакты с сосланными «кулаками» по всей Сибири. Согласно данным НКВД, «Русский общевоинский союз» при поддержке Японии планировал подбить сосланных «кулаков» на восстание после нападения Японии. В июне 1937 года региональное отделение НКВД получило разрешение провести массовые аресты и казни людей, подозреваемых в сотрудничестве с «Русским общевоинским союзом». Мишенью этой операции были сосланные «кулаки» и бывшие офицеры царской армии, которые якобы ими командовали. Первых, естественно, было значительно больше, чем вторых. Так началось уничтожение «кулаков» в их сибирской ссылке[48].

[46] О религиозности см.: *McLoughlin B.* Mass Operations of the NKVD, 1937–8. – P. 124; *Binner R., Junge M.* «S etoj publikoj ceremonit'sja ne sleduet»: Die Zielgruppen des Befehls Nr. 00447 und der Große Terror aus der Sicht des Befehls Nr. 00447 // Cahiers du Monde russe. – 2002. – № 43 (1). – Pp. 181–183.

[47] *Shearer D.R.* Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD During the 1930s // Cahiers du Monde russe. – 2002. – № 42 (2–3/4). – Pp. 527–531 (цитата на с. 531).

[48] О сибирском терроре см.: *Ablažej N.* Die ROVS-Operation in der Westsibirischen Region //

Советское руководство всегда воспринимало японскую угрозу в качестве восточной части глобального капиталистического окружения, включавшего также Польшу и нацистскую Германию. Подготовка к войне против Японии в Азии была и подготовкой к войне в Европе. Именно из-за того, что многие «кулаки» возвращались домой в это время из советской Азии в советскую Европу, можно было вообразить сеть врагов, которая простиралась от одного конца Советского Союза до другого. Хотя убийства крестьян начались в Сибири, Сталин, очевидно, решил наказать «кулаков» не только в восточной ссылке, но и по всему Советскому Союзу.

В телеграмме под названием «Об антисоветских элементах» Сталин и Политбюро изложили 2 июля 1937 года общие инструкции для массовых репрессий в каждом регионе Советского Союза. Советское руководство считало «кулаков» ответственными за недавно прокатившиеся волны саботажа и преступности, то есть фактически за все то плохое, что происходило в Советском Союзе. Политбюро приказало офицерам областных НКВД регистрировать всех «кулаков», проживающих на их территории, и рекомендовало квоты на казни и депортации. Большинство региональных офицеров НКВД просили разрешить им добавить в список представителей различных «антисоветских элементов». К 11 июля Политбюро уже имело на руках первые списки людей, которые будут репрессированы. По инициативе Сталина эти начальные цифры были округлены, что добавило «лишнюю тысячу». Это подняло значение операции и послало четкий сигнал НКВД, что от него ожидается больше, чем просто посадить всех тех людей, на которых уже были заведены дела. Чтобы продемонстрировать свое усердие в атмосфере угроз и чисток, офицеры НКВД расширяли списки жертв[49].

Сталин и Ежов хотели «прямой физической ликвидации всей контрреволюции», что означало уничтожение врагов «раз и навсегда». Пересмотренные квоты прислали назад из Москвы на места как часть Приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 года «Об операции по репрессированию бывших кулаков,

---

Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938 / [Ed. by Binner R., Bonwetsch B., Junge M. – Berlin: Akademie Verlag, 2010. – Pp. 287–298; *Baberowski J.* Der rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus. – Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003. – Pp. 189–190; *Kuromiya H.* Accounting for the Great Terror // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2003. – № 53 (1). – P. 93.

[49] *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde: Massenmord und Lagerhaft nach Befehl 00447 // Cahiers du Monde russe. – 2001. – № 42 (2-3/4). – Pp. 561–562; *Werth N.* La terreur et le désarroi. – P. 283. О «дополнительной тысяче» см.: *Jansen M., Petrov N.* Stalin’s Loyal Executioner. – Pp. 82, 87.

уголовников и других антисоветских элементов». Согласно ему Сталин и Ежов рассчитывали казнить 79 950 советских граждан через расстрелы, а также отправить в ГУЛАГ 193 тысячи человек на сроки от восьми до десяти лет. Не то, чтобы Политбюро или центральное руководство НКВД в Москве имели в виду конкретных 272 950 человек для репрессий. Не указывалось, какие именно советские граждане составят эти квоты, – решение по этому поводу будут принимать местные НКВД[50].

Квоты на убийства и заключения официально назывались «лимитами», хотя все причастные знали, что их нужно превысить. Офицеры местных НКВД должны были объяснять, почему не могут выполнить «лимиты», а их поощряли перевыполнять их. Ни один офицер НКВД не хотел продемонстрировать недостаточное «усердие», имея дело с «контрреволюцией», тем более, что ежовский принцип гласил: «Лучше сделать слишком много, чем недостаточно». В ходе «кулацкой операции» расстреляют не 79 950 человек, а в пять раз больше. К концу 1938 года НКВД в рамках выполнения Приказа № 00447 казнил 386 798 советских граждан[51].

Приказ № 00447 должен был выполнять тот же институт, который устроил террор на советском селе в начале 1930-х годов, – «тройки». Состоящие из начальника областного НКВД, руководителя партийной организации крайкома и прокурора области, «тройки» отвечали за воплощение лимита в расстрелы, а цифр – в тела. Общая квота Советского Союза была поделена на шестьдесят четыре региона, в каждом из которых была своя «тройка». На практике «тройками» руководили начальники областных НКВД, которые обычно возглавляли заседания. Прокурорам было приказано игнорировать юридические процедуры. У руководителей парторганизаций были другие обязанности, они не были знатоками вопросов безопасности и боялись сами стать мишенью. Начальники НКВД чувствовали себя в своей стихии[52].

---

[50] Про «раз и навсегда» см.: *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. Wie der Terror. – Pp. 565, 567. Про указанные цифры см.: *Никольський В.М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні. – Донецьк: Видавництво Донецького Національного університету, 2003. – С. 93.

[51] *Вашлин А.Ю.* Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – Москва: Росспэн, 2004. – С. 38. По поводу «лучше сделать слишком много...» см.: *Baberowski J.* Der rote Terror. – P. 192.

[52] *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. – Pp. 565–568.

Выполнение Приказа № 00447 началось с освобождения ящиков столов. У НКВД уже были какие-то материалы на «кулаков», поскольку «кулак» был категорией, созданной государством. Уголовники (вторая группа, указанная в приказе) были по определению людьми, имевшими за плечами опыт встречи с юридической системой. Из практических соображений другие «антисоветские элементы», упомянутые в приказе, были просто людьми, на которых местные НКВД завели дела. Офицеры местных НКВД, при поддержке милиции, проводили расследования в «операционных секторах» каждом из шестидесяти четырех регионов. «Операционная группа» составляла список людей для допросов. Попавших в список арестовывали, из них выбивали признание и подталкивали их к тому, чтобы они называли имена других людей[53].

Признания выбивали пытками. НКВД и другие органы милиции применяли метод «конвейера», то есть непрерывные допросы днем и ночью. К этому добавлялся метод «стояния», когда подозреваемого заставляли стоять, выпрямившись у стены, и били, если тот ее касался или падал, засыпая. Поскольку времени на выполнение квоты было мало, офицеры часто просто избивали заключенных, пока те не признавали свою вину. Сталин разрешил так делать 21 июля 1937 года. В Советской Беларуси следователи опускали заключенных головой в туалет и били, если те пытались подняться. Некоторые следователи имели при себе заготовленные признания и попросту вписывали туда личные сведения о заключенном и потом лишь исправляли от руки тот или иной факт. Другие же просто заставляли заключенных подписываться под чистыми листами бумаги, а затем сами заполняли их на досуге. Таким образом советские органы «срывали личину» с «врага», перенося его «мысли» в заведенное дело[54].

Цифры поступали сверху из центра, но трупы делали на местах. «Тройки», выполнявшие Приказ № 00447, отвечали за вынесение приговора заключенным без необходимости подтверждения его из Москвы и без возможности его обжаловать. Члены «тройки» встречались ночью со следователями. По каждому делу они выслушивали очень краткий рапорт, а также предложения

[53] *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. – P. 567.

[54] *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. – P. 568. О случае с туалетом см.: *Michniuk W.* Z historii represji politycznych przeciwko Polakom na Białorusi w latach trzydziestych // Polska-Białoruś 1918–1945: Zbiór studiów i materiałów / Ed. by Balcerak W. – Warszawa: IH PAN, 1993. – P. 118. См. также: *Weissberg-Cybulski A.* Wielka czystka / Transl. by Ciołkosz A. – Paris: Institut Litteraire, 1967. – P. 293. О подписывании чистых страниц см.: *McLoughlin B.* Mass Operations of the NKVD, 1937–8. – P. 127.

по вынесению приговора – смерть или ГУЛАГ (только очень немногим из арестованных не было вынесено никакого приговора вообще). «Тройки» почти всегда соглашались с предложениями. Они иногда рассматривали по нескольку сотен дел за раз со скоростью шестьдесят и более дел в час; человеческая жизнь или смерть решалась за минуту или того меньше. Например, за одну ночь ленинградская «тройка» вынесла смертный приговор 658 заключенным концлагеря на Соловках[55].

Террор царил в ГУЛАГе, как и повсюду. Непросто понять, как заключенные концлагеря могли угрожать советскому государству, но, подобно регионам СССР, система ГУЛАГа имела собственные квоты, которые надо было выполнить или перевыполнить. Так же, как люди, которых назвали «кулаками», могли представлять опасность, ее могли представлять и заключенные «кулаки» – таковой была логика. Лагеря ГУЛАГа имели начальную квоту десять тысяч казней, но в конечном результате было расстреляно 30 178 узников. Омск, город на юго-востоке Сибири, в окрестностях которого жило много спецпоселенцев, депортированных туда во время коллективизации, был местом самых ужасных кампаний. Омский начальник НКВД 1 августа 1937 года уже запросил дополнительно восемь тысяч казней, еще до того, как Приказ № 00447 вступил в силу. Его подчиненные за одну ночь вынесли приговор 1301 человеку[56].

«Кулацкую операцию» проводили тайно. Никому, даже осужденным, не говорили о приговоре. Приговоренных просто забирали – сначала в какую-то тюрьму, а затем – либо сажали в грузовик, либо отправляли на место расстрела. Места расстрелов строили или выбирали так, чтобы они были неприметны. Расстрелы всегда устраивали ночью и в безлюдном месте. Они происходили в звуконепроницаемых помещениях под землей, в больших зданиях, таких как гаражи, где шум покрывал звуки выстрелов, или же подальше от людского жилья, в лесу. Приговор всегда приводили в исполнение офицеры НКВД, обыч-

---

[55] *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. – Pp. 571–577. Иногда приказы Сталина были очень локальными и точными, например, см.: Канвеер сьмерци / Пад ред. Кузьняцоӯа И. – Минск: Наша Нива, 1997. – Сс. 72–73. На Соловках были расстреляны около 1825 заключенных.

[56] Про Омск см.: *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. – Pp. (557–580). О вынесении приговоров 1301 осужденному за одну ночь см.: *McLoughlin B.* Mass Operations of the NKVD, 1937–8. – P. 129. См. также: *Khlevniuk O.V.* The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror. – New Haven: Yale University Press, 2004. – С. 150.

но используя наган. Двое держали заключенного за руки, а палач производил выстрел в затылок, в основание черепа, а затем часто еще и «контрольный» в висок. «После приведения приговора в исполнение, – указывалось в одной из инструкций, – тела положить в яму, вырытую заранее, потом тщательно засыпать, а яму замаскировать». Когда пришла зима 1937 года и земля замерзла, ямы рыли при помощи взрывчатки. Все участники таких операций клялись не разглашать тайну. Только несколько человек принимали в них участие напрямую. Команда из двенадцати московских энкавэдистов расстреляла в 1937-м и 1938 годах 20 761 человека в Бутово, пригороде Москвы[57].

«Кулацкая операция» предполагала расстрелы от начала до конца; Ежов докладывал Сталину с явной гордостью, что 35 454 человека были расстреляны до 7 сентября 1937 года. Однако в течение 1937 года число приговоренных к ГУЛАГу превышало число приговоренных к расстрелу. С течением времени расстрелы стали преобладать над ссылкой. В конечном итоге, убитых за время «кулацкой операции» было приблизительно столько же, сколько и сосланных в ГУЛАГ (378 326 и 389 070 человек соответственно). Переход от ссылки к расстрелам имел практические причины: легче было убить, чем депортировать, а лагеря быстро заполнялись до предела и от многих депортированных не было никакой пользы. Одно расследование в Ленинграде привело к расстрелу (не депортации) тридцати пяти глухонемых. В Советской Украине руководитель НКВД Израиль Леплевский приказал своим офицерам расстреливать, а не ссылать стариков. В таких случаях советских граждан убивали только за то, кем они были[58].

Советская Украина, где «сопротивление кулаков» во время коллективизации было распространено, была главным центром по расстрелам. Леплевский расширил рамки Приказа № 00447, включив туда украинских националистов, которых после голодомора рассматривали как угрозу территориальной

---

[57] Цитаты и о приемах расстрелов см.: *McLoughlin B.* Mass Operations of the NKVD, 1937–8. – Pp. 130, 131; *Schlögel K.* Terror und Traum. – Pp. 602, 618. О взрывчатке см.: *Gregory P.R.* Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin. – New Haven: Yale University Press, 2009. – P. 71.

[58] О расстреле 35 454 человек см.: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. – Москва: Новый Хронограф, 2008. – С. 201. Об остальных цифрах см.: *Binner R., Junge M.* «S etoj publikoj ceremonit'sja ne sleduet». – С. 207. О лагерях см.: *Werth N.* La terreur et le désarroi. – P. 285; *Khlevniuk O.* The History of the Gulag. – С. 332. О стариках см.: *Никольський В.М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні. – С. 99. О расстреле тридцати пяти глухонемых см.: *Schlögel K.* Terror und Traum. – P. 624; *McLoughlin B.* Mass Operations of the NKVD, 1937–8. – P. 136; *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. – P. 590.

целостности Советского Союза. Около 40 530 человек в Советской Украине были арестованы по обвинению в национализме. По одной версии, украинцы были арестованы за то, что якобы в 1933 году просили Германию о продовольственной помощи. Когда квоты по Советской Украине (на тот момент уже повышенные в два раза) были выполнены в декабре 1937 года, Леплевский попросил опять их увеличить. В феврале 1938 года Ежов накинул еще 23 650 к смертной квоте для республики. В целом, в 1937-м и 1938 годах энкавэдисты расстреляли 70 868 жителей Советской Украины за время выполнения «кулацкой операции». Соотношение расстрелов и других приговоров было особенно высоким в Советской Украине в 1938 году. Между январем и августом 35 563 человек были расстреляны, в то время как в лагеря было сослано только 830 человек. «Тройка» в Сталинской области, к примеру, встречалась семь раз в период с июля по сентябрь 1938 года и приговорила к смерти каждого из 1102 обвиняемых. Аналогично этому, «тройка» в Ворошиловграде приговорила к смерти всех 1226 человек, чьи дела рассматривала в сентябре 1938 года[59].

Эти огромные цифры означали обычные и массовые расстрелы над огромными и многочисленными ямами. В индустриальных городах Советской Украины рабочих с действительным или придуманным кулацким прошлым приговаривали к смерти за саботаж и обычно расстреливали в тот же день. В Виннице людей, приговоренных к смерти, связали, заткнули рот кляпом и отвезли на автомойку. Там ожидал грузовик с включенным мотором, чтобы заглушать звуки выстрелов. Тела затем погрузили на грузовик и вывезли в какое-то место в черте города – возможно, в сад, или парк, или на кладбище. Перед тем, как закончить свою работу, энкавэдисты выкопали не менее восьмидесяти семи братских могил в Виннице и вокруг города[60].

---

[59] О событиях декабря и февраля см.: *Nikol'skij V.* Die «Kulakenoperaion» im ukrainischen Donbass // Stalimismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938 / Ed. by Binner R., Bonwetsch B., Junge M. – Berlin: Akademie Verlag, 2010. – P. 623; *Никольський В.М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні. – С. 100. Об интерпретации Леплевского категорий из Приказа № 00447 см.: *Šapoval J.* Die Behandlung der «ukrainischen Nationalisten» im Gebiet Kiev // Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938 / Ed. by Binner Rolf, Bonwetsch Bernd, Junge Marc. – Berlin: Akademie Verlag, 2010. – Pp. 339, 341. Об аресте 40 530 человек см.: Нікольський. Репресивна діяльність. – С. 153. О добавленных 23 650 человек к смертной квоте см.: *Šapoval J.* Die Behandlung der «ukrainischen Nationalisten» im Gebiet Kiev. – P. 343. О цифрах 70 868, 35 563 и 830 см.: Юнге и др. Вертикаль большого террора. – С. 533. О цифрах 1102 и 1226 см.: *Nikol'skij V.* Die «Kulakenoperaion» im ukrainischen Donbass. – Pp. 634–635.

[60] *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – Warszawa: Wspólnota Polska, 1998. – P. 243.

Подобно показательным процессам, «кулацкая операция» позволила Сталину пережить заново конец 1920-х – начало 1930-х годов – тот период, когда он был особенно политически уязвим, но на этот раз с предсказуемыми последствиями. Бывшие политические оппоненты, которые ассоциировались с политическими дебатами вокруг вопроса коллективизации, были физически уничтожены. То же самое произошло с «кулаками», представлявшими момент массового сопротивления коллективизации. Так же, как убийство партийной верхушки подтвердило преемственность Сталина от Ленина, так и убийство «кулаков» подтверждало его интерпретацию ленинской политики. Если коллективизация привела к массовому голоду, то виноваты в этом были сами голодающие, а также иностранные разведки, которые все это и устроили. Если в результате коллективизации возникло чувство недовольства среди населения, то виноваты в этом тоже были сами пострадавшие, а также их иностранные спонсоры. Именно потому, что сталинская политика была такой катастрофичной, для ее защиты требовалась такая искаженная логика и массовые уничтожения. Когда эти меры были приняты, их можно было преподнести как вердикт истории[61].

Но даже когда Сталин представлял свою политику как неизбежную, он отходил (никогда того не признавая) от марксизма, который позволял руководителям дискутировать о будущем и претендовать на его знание. Поскольку марксизм был наукой истории, его естественной средой была экономика, а предметом ее исследования – социальный класс. Даже исходя из самых грубых ленинских интерпретаций марксизма, люди противились революции из-за своего классового происхождения. Но при сталинизме кое-что изменилось; обычные заботы государственной безопасности внедрились в марксистскую риторику и изменили ее до неузнаваемости. Обвиняемые на показательных процессах якобы предали Советский Союз иноземным державам. Согласно обвинениям, их борьба была классовой только в самом непрямом и ослабленном смысле: они якобы были пособниками государств, которые представляли собой империалистические государства, окружившие родину социализма.

Хотя «кулацкая операция» была, на первый взгляд, классовым террором, убийства были иногда направлены, как в Советской Украине, против «националистов». И здесь тоже сталинизм внедрял нечто новое. В ленинской версии марксизма разные национальности должны были принять советский про-

[61] Пастернак пишет об этом в «Докторе Живаго».

ект по мере того, как их социальное продвижение совпадало с построением Советского государства. Поэтому крестьянский вопрос с самого начала был связан с национальным вопросом в позитивном смысле: люди, перешедшие из крестьянства в рабочий класс, духовенство или интеллигенцию, должны были обрести национальную сознательность как верные советские граждане. Теперь же, при Сталине, крестьянский вопрос был соединен с национальным вопросом в негативном смысле. Обретение украинским крестьянством украинской национальной сознательности представляло опасность. Другие, меньшие по численности национальные меньшинства были даже более опасными. Большинство жертв Приказа № 00447 по Советской Украине были украинцы, но среди жертв насчитывалось и непропорционально большое число поляков. Здесь связь между классом и национальностью была, возможно, выражена наиболее ярко. В одной из стенограмм офицеры НКВД говорили: «Если поляк – то всегда “кулак”»[62].

Нацистский террор 1936–1938 годов проходил приблизительно в том же ключе: обычно карали членов политически обозначенных социальных групп за то, кем они были, а не наказывали отдельных людей за то, что они совершили. Для нацистов самой важной категорией были «асоциалы» – группы людей, которые, как считалось (а иногда так оно и было в действительности), противились нацистскому мировоззрению. К ним относились гомосексуалы, бродяги, те, кого считали алкоголиками и наркоманами, а также те, кто не желал работать. К ним также относились Свидетели Иеговы, которые отвергали нацистское мировоззрение намного откровеннее, чем другие христиане Германии. Нацистское руководство считало таких людей хоть по расе и немцами, но немцами испорченными, а следовательно, их нужно было исправлять путем тюремного заключения и наказания. Подобно советскому НКВД, немецкая полиция в 1937-м и 1938 годах проводила организованные рейды в областях, пытаясь выполнить установленные квоты на поимку определенных слоев населения. Они тоже часто перевыполняли эти квоты в страстном стремлении доказать начальству свою преданность и приятно

[62] *Гурьянов А. Е.* Обзор советских репрессивных кампаний против поляков и польских граждан // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Под ред. Липатова А.В. и Шайтанова И.О. – Москва: Индрик, 2000. – С. 202.

удивить его. Однако результат арестов был другим: почти всегда тюрьма и очень редко – расстрел[63].

Нацистские репрессии против неугодных социальных групп требовали создания сети немецких концентрационных лагерей. К лагерям Дахау и Лихтенберг (оба были созданы в 1933 году) добавились Заксенхаузен (1936), Бухенвальд (1937) и Флоссенберг (1938). По сравнению с ГУЛАГом, эти пять лагерей были достаточно скромными. Если в конце 1938 года количество советских граждан, содержащихся в советских концлагерях и на спецпоселениях, составляло более миллиона человек, то немецких граждан в немецких концлагерях было около двадцати тысяч. Если принять во внимание разницу в численности населения, советская система концлагерей того времени была примерно в двадцать пять раз больше немецкой[64].

Советский террор на этот момент был не только гораздо более масштабным, он был несравнимо более смертельным. Ничто в гитлеровской Германии даже отдаленно не напоминало расстрел почти четырехсот тысяч человек за восемнадцать месяцев, как это произошло по Приказу № 00447 в Советском Союзе. В течение 1937-м и 1938 годов в нацистской Германии к смерти были приговорены 267 человек, а в Советском Союзе только за время «кулацкой операции» – 378 236. Опять же, учитывая разницу в численности населения, шанс, что советский гражданин будет расстрелян во время «кулацкой операции», был примерно в семьсот раз выше, чем шанс немецкого гражданина быть приговоренным к смерти в нацистской Германии за любое преступление[65].

После чистки руководящего состава и утверждения своей власти над ключевыми государственными институтами как Сталин, так и Гитлер продолжали проводить социальные репрессии в 1937 и 1938 годах. Но «кулацкая операция» – это еще был не весь Большой террор. Ее можно рассматри-

[63] *Goeschel C., Wachsmann N.* Introduction. – Pp. 26–27. Возможно, от пяти до пятнадцати тысяч человек отправили в лагеря за гомосексуализм, из них около половины умерли до окончания Второй мировой войны (см.: *Evans R.J.* The Third Reich at War. – New York: Penguin, 2009. – P. 535).

[64] *Goeschel C., Wachsmann N.* Introduction. – Pp. 4, 20, 21, 27; *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – P. 87. О качающемся маятнике национальной политики очень хорошо сформулировано в книге: *Martin T.* Affirmative Action Empire. – Ithaca: Cornell University Press, 2001.

[65] О 267 приговорах в нацистской Германии см.: *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – Pp. 69–70.

вать (или, по крайней мере, представлять) как классовую войну. Но даже когда Советский Союз убивал классовых врагов, он в то же время убивал и врагов этнических.

К концу 1930-х годов гитлеровский режим национал-социализма уже был хорошо известен своим расизмом и антисемитизмом, но именно сталинский Советский Союз провел первые кампании уничтожения внутренних национальных врагов.

РАЗДЕЛ 3

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕРРОР

Представителей национальных меньшинств «нужно поставить на колени и застрелить, как бешеных собак». Эти слова, отражающие дух национальных операций сталинского Большого террора, принадлежат не офицеру СС, а одному из лидеров Коммунистической партии. В 1937-м и 1938 годах были расстреляны четверть миллиона советских граждан фактически за их этническую принадлежность. Пятилетки должны были продвинуть Советский Союз вперед по пути процветания национальных культур при социализме. На деле же в конце 1930-х годов Советский Союз был землей беспрецедентных национальных гонений. Даже когда Народный фронт представлял Советский Союз родиной толерантности, Сталин распорядился о массовом уничтожении нескольких советских национальных групп. Самыми преследуемыми европейскими национальными меньшинствами во второй половине 1930-х годов были не около четырехсот тысяч немецких евреев (их количество уменьшалось из-за эмиграции), а около шестисот тысяч советских поляков (их количество уменьшалось из-за казней)[1].

Сталин был пионером в области национальных массовых уничтожений, а поляки – жертвой, преобладающей среди всех других советских национальных групп. На польское нацменьшинство, как и на «кулаков», возложили ответственность за провал коллективизации. Объяснение было придумано во время самого голода 1933 года, а затем использовано во время Большого террора 1937-го и 1938 годов. В 1933 году руководитель Украинского НКВД, Всеволод Балицкий, объяснял массовый голод провокацией шпионской сети, которую он назвал «Польской военной организацией». По словам Балицкого, эта Польская военная организация внедрилась в украинскую ветвь Коммунистической

[1] Отличный анализ национальных операций см.: *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. – 1998. – № 70 (4). – Pp. 813–861. Цит.: *Jansen M., Petrov N.* Stalin's Loyal Executioner. – P. 96. См. также: *Baberowski J.* Der rote Terror. – P. 198.

партии и поддерживала украинских и польских националистов, которые срывали сбор урожая, а затем использовали тела умерших от голода украинских крестьян в целях антисоветской пропаганды. Этим якобы было вдохновлено создание националистической Украинской военной организации – двойника, выполнявшего такую же подрывную деятельность и разделявшего с поляками ответственность за голод[2].

Это была вдохновленная историческими фактами выдумка. Польской военной организации в 1930-х годах не существовало – ни в Советской Украине, ни где-либо еще. Она действительно существовала, но во время большевистско-польской войны 1919–1920 годов как разведгруппа Польской армии. Польская военная организация была раскрыта «Чека» и прекратила свое существование в 1921 году. Балицкий знал историю, поскольку сам принимал участие в раскрытии и уничтожении Польской военной организации. В 1930-х годах польские шпионы не играли никакой политической роли в Советской Украине. У них не хватало возможностей играть такую роль даже в 1930-м и 1931 годах, когда СССР был особенно уязвим и когда поляки все еще могли засылать агентов за границу. У них не было намерения вмешиваться после советско-польского договора о ненападении, подписанного в январе 1932 года. После голодомора они растеряли остатки уверенности относительно собственной способности понять советскую систему, а тем более – изменить ее. Польских шпионов шокировал наступивший массовый голод, и они не могли определиться с ответными действиями. Именно потому, что реальной угрозы от Польши в 1933 году не исходило, Балицкий мог манипулировать символом польского шпионажа по своему усмотрению. Это было проявлением типичного сталинизма: всегда было легче использовать гипотетические действия несуществующей «организации»[3].

Как утверждал Балицкий летом 1933 года, Польская военная организация протащила в Советский Союз несчетное число агентов разведки, которые представлялись коммунистами, бежавшими из родной Польши от преследований. Коммунизм в Польше был маргинальным и нелегальным, а польские коммунисты считали Советский Союз своим естественным прибежищем. Хотя польская военная разведка, несомненно, пыталась вербовать польских

---

[2] Детальнее про польский вопрос см.: *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 115–132.

[3] *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 115–116. Идея о Польской военной организации, видимо, возникла в 1929 году, когда советский агент был назначен ответственным за комиссию по безопасности Коммунистической партии Польши – см.: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – P. 210.

коммунистов, большинство польских левых, приехавших в Советский Союз, были просто политическими беженцами. Аресты польских политиммигрантов в Советском Союзе начались в июле 1933 года. Польского коммуниста и драматурга Витольда Вандурского посадили в тюрьму в августе 1933 года и вынудили признаться, что он был членом Польской военной организации. После того, как связь между польским коммунизмом и польским шпионажем была задокументирована в протоколах допросов, было арестовано еще больше польских коммунистов в СССР. Один из них, Ежи Сохацки, оставил записку, написанную собственной кровью, прежде чем разбиться, выпрыгнув из здания московской тюрьмы в 1933 году: «Я верен партии до конца»[4].

Существование Польской военной организации давало возможность объяснить поиски «козлов отпущения» среди поляков за провалы советской политики. После подписания немецко-польского договора о ненападении в январе 1934 года поляков обвиняли не только в произошедшем голоде, но и в ухудшении советских позиций на международном уровне. В том же месяце Балицкий обвинил Польскую военную организацию в продолжавшихся проявлениях украинского национализма. В марте 1934 года в Советской Украине были арестованы около 10 800 советских граждан польской и немецкой национальностей. В 1935 году, когда уровень активности НКВД по всему Советскому Союзу снизился, он продолжал повышаться в Советской Украине, причем особое внимание уделялось советским полякам. В феврале и марте 1935 года около 41 650 поляков, немцев и «кулаков» были переселены из Западной Украины в Восточную. С сентября по июнь 1936 года 69 283 человека, преимущественно советские полякои, были депортированы из Украины в Казахстан. Польских дипломатов смущало такое развитие событий. Польша поддерживала политику равноудаленности от Советского Союза и нацистской Германии: с обоими были подписаны договоры о ненападении, но ни с одной не было альянса[5].

---

[4] *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – Pp. 211–213. О Сохацком см.: *Kieszczyński L.* Represje wobec kadry kierowniczej KPP // Tragedia Komunistycznej Partii Polski / Ed. by Maciszewski J. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. – P. 202. Детальнее о Вандурском см.: *Shore M.* Caviar and Ashes. По крайней мере один известный польский коммунист вернулся из Советского Союза и работал на поляков (см. его книгу: *Reguła J.A. Mitzenmacher Józef* or *Mützenmacher Mieczysław*. Historia Komunistycznej Partji Polski. – Toruń: Portal, 1994 (1934)).

[5] Про январь 1934 года см.: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – Pp. 226–227. О мотивах и масштабах последующих депортаций см.: *Kupczak J.* Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. – P. 324.

Польская военная организация, выдуманная во время голодомора 1933 года, поддерживалась в Советской Украине исключительно как бюрократическая фантазия, а затем ее приспособили к оправданию национального террора против поляков по всему Советскому Союзу. Сталин дал первую подсказку в декабре 1934 года, попросив, чтобы поляка Ежи Сосновского удалили из НКВД. Сосновски, в прошлом член Польской военной организации, был завербован «Чека» и продуктивно работал более десяти лет на СССР. Частично из-за того, что советский НКВД был основан польским коммунистом Феликсом Дзержинским, многие его выдающиеся офицеры были поляками – часто это были люди, начавшие работать еще в те далекие дни. Нарком внутренних дел Ежов, казалось, боялся этих старых польских офицеров; он определенно не любил поляков вообще. Склонный верить в замысловатые заговоры, оркестрированные зарубежными разведками, он отводил особую роль Польше, потому что поляки, по его мнению, «знали все». Расследование дела Сосновского, арестованного в декабре 1936 года, могло привлечь внимание Ежова к исторически существовавшей Польской военной организации[6].

Ежов следил за антипольской кампанией Балицкого в Советской Украине, а затем изменил ее концепцию. Когда в Москве в 1936 году начались показательные процессы, Ежов заманил своего подчиненного Балицкого в западню. Пока известные коммунисты давали признательные показания в Москве, Балицкий докладывал из Киева, что в Советской Украине возродили Польскую военную организацию. Он, без сомнения, хотел лишь обеспечить вниманием и ресурсами себя и свой местный аппарат в ситуации паники по поводу безопасности. Но теперь, при повороте событий, которые, должно быть, удивили Балицкого, Ежов провозгласил, что Польская военная организация представляет гораздо *большую* опасность, чем утверждает Балицкий. Это дело не для регионального НКВД в Киеве, а для центрального НКВД в Москве. Балицкий, выдумавший историю про Польскую военную организацию, теперь утратил контроль над ней. Вскоре было выбито признание из польского коммуниста Томаша Домбаля, который утверждал, что руководил Польской военной организацией по всему Советскому Союзу[7].

---

[6] Про первую подсказку см.: *Kuromiya H.* The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. – London: Yale University Press, 2007. – P. 221. Про «знаю все» см.: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – Pp. 226–227. См. также: *Morris J.* The Polish Terror: Spy Mania and Ethnic Cleansing in the Great Terror // Europe-Asia Studies. – 2004. – № 56/5 (July). – Pp. 756–757.

[7] *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – P. 227; *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 119–120.

Благодаря инициативе Ежова, Польская военная организация утратила какой бы то ни было остаток своего исторического и регионального происхождения и превратилась в угрозу Советскому Союзу как таковому. Ежов представил свою теорию огромного польского заговора Сталину 16 января 1937 года, а после его одобрения – на пленуме Центрального комитета. В марте Ежов очистил НКВД от польских офицеров. Хотя Балицкий был по национальности не поляком, а украинцем, он теперь оказался в очень щекотливом положении: если Польская военная организация была настолько важной, спрашивал Ежов, почему Балицкий не проявлял большей бдительности? Таким образом, Балицкий, вернув к жизни призрак Польской военной организации, стал жертвой собственного творения. Его позицию занял в мае его собственный бывший заместитель, Израиль Леплевский – офицер НКВД, который с таким усердием проводил «кулацкую операцию» в Советской Украине. Балицкий был арестован 7 июля по обвинению в шпионаже в пользу Польши; через неделю его имя убрали из названия стадиона, где клуб «Динамо–Киев» проводил футбольные матчи, и заменили именем Ежова. В ноябре того же года Балицкого расстреляли[8].

В июне 1937 года, когда Ежов с целью объяснения «кулацкой операции» и продолжения показательных процессов сообщил о существовании воображаемого «Центра центров», он также объявил и об угрозе такой же нереальной Польской военной организации. Эти две структуры были как будто связаны друг с другом. Как оправдание для «кулацкой операции», так и оправдание для «польской операции» позволяло заново переписать советскую историю таким образом, чтобы возложить всю ответственность за политические проблемы на врагов, а врагов этих четко назвать. По версии Ежова, Польская военная организация действовала в Советском Союзе с самого начала и проникла не только в Коммунистическую партию, но также в Красную армию и в НКВД. Она была, по утверждению Ежова, невидимой именно потому, что была такой важной; у нее были свои агенты на высоких

[8] *Никольський В.М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні. – С. 337; *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – P. 227. Детальнее о Балицком см.: *Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В.* Всеволод Балицький // ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: Особи, факти, документи. – Київ: Абрис, 1997. – С. 69–74. Похожая судьба постигла Станислава Косиора, бывшего генсека Компартии Украины, который был поляком. Он тоже сыграл огромную роль в кампании голодомора 1933 года, и его точно так же расстреляли как польского шпиона.

должностях, умевшие маскировать себя и свою работу[9].

Ежов 11 августа 1937 года подписал Приказ № 00485, согласно которому НКВД должен был провести операцию, «направленную к полной ликвидации местных организаций “ПОВ”»[10]. Он был принят вскоре после начала «кулацкой операции» и заметно радикализовал Большой террор. В отличие от Приказа № 00447, направленного против знакомых категорий врагов, которые по крайней мере теоретически обозначались классовыми рамками, Приказ № 00485 рассматривал в качестве врагов государства национальную группу. Точнее сказать, в качестве врагов различных видов. Но в нем присутствовал, по крайней мере, нерешительный ореол классового анализа. «Кулаков» как класс можно было хотя бы описать в терминах марксизма. Национальная вражда в Советском Союзе по отношению к советскому проекту была совсем другим явлением. Она выглядела как отступление от основного социалистического принципа братства народов[11].

Советское влияние в мире в годы Народного фронта зависело от образа толерантной страны. Основное притязание Москвы на моральное превосходство по сравнению с Европой, где фашизм и национал-социализм набирали обороты, и американским югом, где все еще существовала расовая дискриминация и линчевали чернокожих, состояло в том, что СССР был поликультурным государством, проповедовавшим политику равных возможностей. Например, в популярном советском фильме «Цирк» 1936 года героиня была американской артисткой, которая, родив черного ребенка, находит защиту от расизма в Советском Союзе[12].

Интернационализм не был лицемерным, поэтому этнические убийства стали шоком для советской системы. В НКВД работали представители разных национальностей, и он представлял собой некий интернационал. Когда в 1936

---

[9] Больше про «польскую операцию» см.: *Рубльов О., Репрінцев В.* Репресії проти поляків в Україні у 30-ті роки // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 1995. – № 1 (2). – С. 126; *Paczkowski A.* Pologne, la «nation ennemie» // Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, repression / Ed. by Courtois S., Werth N., Panné J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L. – Paris: Robert Laffont, 1997. – P. 400; *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – P. 220.

[10] ПОВ – Польская военная организация (от польск. POW). Текст оригинального Приказа № 00485 см.: http://www.memorial.krsk.ru/DOKUMENT/USSR/370811.htm *(прим. пер.)*.

[11] О Приказе № 00485 см.: Ленинградский мартиролог 1937–1938. – С.-Петербург: Российская национальная библиотека, 1996. – Т. 4. – С. 454–456.

[12] Другие примеры см.: *Gilmore G.* Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950. – New York: Norton, 2008.

году начались показательные процессы, в верхушке НКВД доминировали мужчины, происходящие из советских национальных меньшинств, причем больше всего в нем было евреев. Около 40 процентов высшего офицерского состава НКВД и более половины генеральского состава НКВД по документам значились евреями. В том политическом климате у евреев, наверное, было больше причин, чем у других, противиться политике этнических чисток. Возможно, чтобы противостоять интернационалистскому инстинкту (или же инстинкту самосохранения) своих офицеров, Ежов выдал специальный циркуляр, уверяющий их, что им надлежит карать шпионаж, а не этничность: «О фашистско-повстанческой, шпионской, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР». Тридцать страниц циркуляра развивали теорию, которую Ежов уже представил Центральному комитету и Сталину: Польская военная организация связана с другими шпионскими «центрами» и проникла внутрь каждого ключевого советского института власти[13].

Даже если идея о глубоком польском проникновении в советские институты власти убедила Ежова и Сталина, она не могла служить доказательной базой для индивидуальных арестов. В Советском Союзе попросту не было ничего и близко напоминавшего массовый польский заговор. У офицеров НКВД было слишком мало указаний, которым нужно было следовать. Даже при большой изобретательности было бы затруднительно документировать связи между польским государством и событиями в Советском Союзе. Двух самых заметных групп польских граждан – дипломатов и коммунистов – было явно недостаточно для проведения операции массового уничтожения. Дни расцвета польского шпионажа в Советском Союзе давно минули, и НКВД знал все, что нужно было знать, о том, что поляки пытались делать в конце 1920-х и в начале 1930-х годов. Вообще-то польские дипломаты все еще пытались собирать секретную информацию. Они были защищены статусом дипломатической неприкосновенности, их было не очень много, и они находились под постоянным наблюдением. К 1937 году они по большей части понимали, что лучше не иметь контактов с советскими гражданами, подвергая этим их жизнь опасности: то было время, когда они сами были снабжены инструкциями о

[13] *Petrov N., Roginskii A.* The «Polish Operation» of the NKVD // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Ed. by McLoughlin B. and McDermott K. – Houndsmill: Palgrave, 2003. – P. 154; *Никольський В.М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні. – С. 105. Показатели представителей национальных меньшинств будут приведены позже в этом разделе.

том, как себя вести в случае ареста. Ежов сказал Сталину, что польские политические иммигранты были преимущественно «поставщиками шпионов и провокаторских элементов в СССР». На тот момент некоторые известные польские коммунисты уже находились в СССР и некоторые из них были уже в могиле. Из 100 членов Центрального комитета польской Компартии 69 были расстреляны в СССР. Из оставшихся большинство сидели в тюрьмах в Польше, то есть были недоступны для казни. В любом случае их количество было слишком незначительным[14].

Именно потому, что не существовало никакого польского заговора, у офицеров НКВД не было другого выбора, кроме как преследовать советских поляков и других советских граждан, которые ассоциировались с Польшей, польской культурой или римо-католичеством. Польский этнический характер операции быстро стал преобладать на практике, как, видимо, и должно было быть с самого начала. Письмо Ежова санкционировало арест националистических элементов и членов Польской военной организации, *которых еще предстояло выявить*. Эти категории были настолько расплывчаты, что офицеры НКВД могли применить их практически к любому человеку польской национальности или же имеющему некоторое отношение к Польше. Энкавэдистам, желавшим продемонстрировать подобающее усердие в выполнении операции, приходилось выдвигать довольно туманные обвинения против конкретных людей. Предыдущие операции Балицкого против поляков создали круг подозреваемых, которого было достаточно для нескольких чисток, но этим дело не ограничилось. Местным офицерам НКВД приходилось брать на себя инициативу – не прибегать к картотеке, как при «кулацкой операции», а прокладывать новую бумажную тропинку. Один из московских начальников НКВД понял суть приказа так: его организация должна «уничтожить поляков полностью». Его офицеры отыскивали польские имена по городским картотекам[15].

Советским гражданам нужно было «сорвать с себя маски» польских агентов. Поскольку группы и сценарии якобы польского заговора нужно было со-

---

[14] Про «поставщиков» см.: *Kuromiya H.* Stalin. – P. 118. О польских дипломатах см.: *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 121–127. Про цифры о Центральном комитете см.: *Kieszczyński L.* Represje wobec kadry kierowniczej KPP. – P. 198. Бесценную информацию про жизнь польских коммунистов в СССР см.: *Budzyńska C.* Strzępy rodzinnej sagi. – Warsaw: Żydowski Instytut Historyczny, 1997.

[15] Цит.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. Гурьянова А.Е. – Москва: Звенья, 1997. – С. 23. Об использовании телефонной книги см.: *Brown K.* A Biography of No Place. – Cambridge: Harvard University Press, 2004. – P. 158.

здать из ничего, важную роль во время допросов играли пытки. В дополнение к традиционному методу «конвейера» и стояния у стены, многих советских поляков подвергали одной из форм коллективных пыток, называемых «конференция»: когда подозреваемых поляков собиралось большое количество в подвале общественного здания в городе или селе Советской Украины либо Беларуси, энкавэдист пытал одного из них на глазах у остальных; когда жертва сознавалась, остальным предлагали сделать то же самое и не подвергать себя пыткам. Если они хотели избежать боли и увечий, то должны были оговорить не только себя, но и других. В такой ситуации у каждого был стимул сознаться как можно скорее: было очевидно, что в любом случае оговорят каждого, поэтому быстрое признание, по крайней мере, сохранит тело. Таким образом можно было очень оперативно собрать свидетельские показания, в которых оговаривали всех присутствующих[16].

Легальные процедуры иногда отличались от тех, что применялись во время «кулацкой операции», но их было не меньше. Во время «польской операции» следователь составлял краткий отчет на каждого заключенного с описанием якобы совершенного преступления (обычно саботаж, терроризм или шпионаж) и предлагал один из двух приговоров: смерть или ГУЛАГ. Каждые десять дней он посылал все отчеты начальнику и прокурору регионального НКВД. В отличие от «троек» времен «кулацкой операции», теперь комиссия, состоявшая из двух человек («двойка»), не могла выносить приговор самостоятельно, а должна была получить разрешение вышестоящих инстанций. «Двойка» собирала отчеты в альбом, писала рекомендации относительно приговора по каждому делу и отсылала их в Москву. Альбомы потом должна была пересматривать центральная «двойка»: комиссар внутренних дел Ежов и государственный прокурор Андрей Вышинский. На деле же Ежов и Вышинский лишь ставили подписи на альбомах после того, как те наспех просматривали их подчиненные. За один день они могли утвердить две тысячи смертных приговоров. «Альбомный метод» создавал впечатление формального рассмотрения дел высшими советскими инстанциями. В реальности же судьбу каждой жертвы решал следователь, а затем это решение более-менее автоматически подтверждалось[17].

---

[16] *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – P. 240.

[17] *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. – С. 28; *Werth N.* La terreur et le désarroi. – P. 294.

Биография превращалась в смертный приговор, поскольку причастность к польской культуре или римо-католичеству становилась доказательством участия в международном шпионаже. Люди получали приговоры за самые незначительные провинности: десять лет ГУЛАГа – за четки, смерть – за невыполнение плана по производству сахара. Детали биографии каждого человека могли повлечь за собой рапорт, внесение в альбом, подпись, вердикт, выстрел и, наконец, труп. После двадцати дней (то есть двух циклов альбомов) Ежов отрапортовал Сталину, что в ходе «польской операции» были арестованы 23 216 человек. Сталин выразил удовольствие: «Очень хорошо! Надо до конца вычистить эту польскую грязь. Давайте уничтожим ее окончательно в интересах Советского Союза»[18].

На ранних этапах «польской операции» в Ленинграде, где у НКВД были большие отделения и где проживали тысячи поляков в пределах легкой досягаемости, было произведено много арестов. Город был традиционным местом поселения поляков еще со времен Российской империи.

Жизнь Янины Юревич, тогда юной ленинградки, изменилась из-за этих ранних арестов. Будучи младшей из трех сестер, она была очень привязана к старшей, Марии. Мария влюбилась в молодого человека по имени Станислав Выгановски, и втроем они ходили гулять, а маленькая Янина выполняла роль провожатой. Мария и Станислав поженились в 1936 году и были счастливой парой. Когда Марию арестовали в августе 1937 года, ее муж, кажется, догадался, что это означало. «Я встречусь с ней, – сказал он, – под землей». Он пошел к властям узнать о судьбе жены и сам был арестован. В сентябре энкавэдисты пришли домой к семье Юревич, конфисковали все книги на польском языке и арестовали вторую сестру Янины, Эльжбету. Ее, Марию и Станислава казнили выстрелом в затылок и закопали безымянными в общей могиле. Когда мать Янины спросила в НКВД об их судьбе, ей сказали типичную ложь: ее дочерей и зятя приговорили к «десяти годам без права переписки». Поскольку такой приговор действительно существовал, люди верили и надеялись. Многие из них продолжали надеяться десятилетиями[19].

---

[18] Цитата и цифры: *Наумов Л.* Сталин и НКВД. – Москва: Яуза, 2007. – С. 299–300. Примеры см.: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – Pp. 223, 246.

[19] О семье Юревич см.: *Głębocki H.* Pierwszy naród ukarany: świadectwa Polaków z Leningradu // Arcana. – 2005. – №№ 64–65. – Pp. 158–166.

Такие люди, как семья Юревичей, совершенно непричастная к польскому шпионажу, были «грязью», о которой говорил Сталин. Семью Ежи Маковского, молодого ленинградского студента, постигла похожая участь. Он и его братья были амбициозны, хотели сделать в Советском Союзе карьеру и воплотить мечту покойного отца о получении сыновьями профессии. Ежи, самый младший из братьев, хотел стать кораблестроителем. Он ежедневно занимался со старшим братом, Станиславом. Однажды утром их разбудили трое энкавэдистов, пришедшие арестовать Станислава. Хоть он и пытался успокоить младшего брата, но сам так нервничал, что не мог завязать шнурки на ботинках. Ежи видел брата в последний раз. Через два дня арестовали и другого брата, Владислава. Станислава и Владислава расстреляли, они были двумя из 6597 советских граждан, расстрелянных в Ленинградской области в ходе «польской операции». Их матери сказали типичную ложь: сыновей сослали в ГУЛАГ без права переписки. Третий брат, Эугениуш, мечтавший стать певцом, пошел работать на завод, чтобы прокормить семью. Он заболел туберкулезом и умер[20].

У российской поэтессы Анны Ахматовой, жившей тогда в Ленинграде, сын во время Большого террора попал в ГУЛАГ. Она вспоминала, как «безвинная корчилась Русь/ Под кровавыми сапогами/ И под шинами “черных марусь”». Безвинная Русь была многонациональной страной, Ленинград – городом-космополитом, а представители национальных меньшинств – людьми, которые были подвержены наибольшему риску. В Ленинграде в 1937-м и 1938 годах у поляков шансы на арест были в тридцать четыре раза выше, чем у их советских сограждан. Будучи арестованным, человек польской национальности в Ленинграде имел все шансы быть расстрелянным: 89% приговоренных в ходе «польской операции» в этом городе были расстреляны, как правило, в течение десяти дней после ареста. Такая ситуация была несколько хуже, чем у поляков в другой местности: в среднем по Советскому Союзу 78% арестованных в ходе «польской операции» были расстреляны. Остальных, конечно же, не отпустили: большинство из них отсидели в ГУЛАГе по восемь–десять лет[21].

---

[20] О семье Маковских см.: *Głębocki H.* Pierwszy naród ukarany: świadectwa Polaków z Leningrau // Arcana. – 2005. – № 64–65. – Pp. 166–172. О цифре 6597 см.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. – С. 168.

[21] *Ilic M.* The Great Terror in Leningrad: A Quantitative Analysis // Europe–Asia Studies. – 2000. – № 52 (8). – P. 1522.

Ленинградцы и поляки смутно представляли себе эти соотношения. Был только страх стука в дверь ранним утром и вида тюремного грузовика, который называли «черной марусей», «душегубкой» или «воронком». По воспоминаниям одного поляка, люди ложились спать каждый вечер, не зная, что их разбудит – утреннее солнце или черный «воронок». Индустриализация и коллективизация разбросали поляков по огромной стране. Теперь же они просто исчезали с заводов, из бараков и из своих домов. Вот один пример из тысячи: в скромном деревянном домике в городе Кунцево, на запад от Москвы, жило немало квалифицированных рабочих, среди которых были польский механик и польский металлург. Их обоих арестовали (одного – 18 января, другого – 2 февраля 1938 года) и расстреляли. Евгения Бабушкина, третья жертва «польской операции» в Кунцево, даже не была полькой. Она была подающим надежды и, кажется, лояльным химиком-органиком, но ее мать когда-то работала прачкой у польских дипломатов, поэтому Евгению тоже расстреляли[22].

Большинство советских поляков жили не в городах Советской России, таких как Ленинград или Кунцево, а на западе Советской Беларуси и Украины – на землях, где поляки жили столетиями. Эти земли были частью бывшего Польско-Литовского княжества в XVII и XVIII столетиях. В течение XIX столетия, когда эти земли были восточными регионами Российской империи, поляки утратили свой статус и во многих случаях начали ассимилироваться с местным населением украинцев и беларусов. Иногда, правда, ассимиляция происходила в обратном направлении, когда носители беларусского и украинского языка, считавшие польский языком цивилизации, выдавали себя за поляков. Советская политика 1920-х годов в сфере национальных отношений намеревалась сделать из этих людей настоящих поляков, обучая их литературному польскому языку в польскоязычных школах. Теперь же, во время Большого террора, советская политика снова выделила этих людей, но в негативном смысле – приговаривая их к смерти или лагерям. Как и при гонениях на евреев в нацистской Германии, преследование отдельного человека на основа-

[22] О просыпании см.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – P. 236. «Воронок» используется в польском и русском языках, «Черная Маруся» – в русском. Свидетельства о «душегубках», которые позже будут использовать для обозначения немецких газенвагенов, см.: *Schlögel K.* Terror und Traum. – P. 615. О Кунцево см.: *Вашлин А.Ю.* Террор районного масштаба. – С. 40, 44.

нии его этнической принадлежности не означало, что этот человек идентифицирует себя с преследуемой нацией[23].

В Советской Беларуси Большой террор совпал с массовыми чистками партруководства в Минске, проводившимися наркомом внутренних дел Борисом Берманом. Он обвинил местных коммунистов Беларуси в злоупотреблении советской политикой равных возможностей и активизации беларусского национализма. Позже, чем в Украине, но с такой же формулировкой, НКВД представил Польскую военную организацию как вдохновительницу якобы беларусского предательства. Советских граждан в Беларуси обвинили в том, что они были «беларусскими национал-фашистами», «польскими шпионами» или теми и другими одновременно. Поскольку беларусские земли, как и украинские, были разделены между Советским Союзом и Польшей, подобные заявления можно было делать с легкостью. Беспокоиться о беларусской или украинской культуре как таковой означало проявлять внимание к ситуации по другую сторону государственной границы. Массовые убийства в Советской Беларуси включали намеренное уничтожение образованных представителей беларусской национальной культуры. Как позже сформулировал один из коллег Бермана, он «уничтожил цвет беларусской интеллигенции». Не менее двухсот восемнадцати писателей страны были уничтожены. Берман сказал своим подчиненным, что их карьера зависит от быстрого выполнения Приказа № 00485: «Скорость и качество работы по обнаружению и аресту польских шпионов будут главными в оценке каждого руководителя»[24].

Берман и его подчиненные разработали экономически эффективные методы убийства на одном из самых крупных мест уничтожения в Советском Союзе: они проводили казни в Курапатском лесу, за двенадцать километров от Минска. Лес был известен своими белыми цветами («кураслепы» на литературном беларусском, «курапаты» – на местном диалекте). Бессчетное число «воронков» днем и ночью ездили по белым цветам, образовав узкие борозды, которые местные жители называли «дорогой смерти». В самом лесу было рас-

---

[23] Об истоках польской приграничной идентичности см.: *Snyder T.* The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1956–1999. – New Haven: Yale University Press, 2003. Редефиниция советских поляков – центральная тема книги: *Brown K.* A Biography of No Place. – Cambridge: Harvard University Press, 2004.

[24] Про национальные чистки см.: *Наумов Л.* Сталин и НКВД. – С. 262–266 (цитата о цвете нации – на с. 266). Цитата Бермана см.: *Michniuk W.* Z historii represji politycznych przeciwko Polakom na Białorusi w latach trzydziestych. – P. 115. Про 218 писателей см.: *Mironowicz E.* Białoruś. – Warszawa: Trio, 1999. – Pp. 88–89. См. также: *Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р.* Вертикаль большого террора. – С. 624.

чищено пятнадцать гектаров соснового леса и выкопано сотни ям. После того, как обреченных советских граждан завозили через ворота, их сопровождали два чекиста до края ямы. Там их расстреливали в затылок и сталкивали вниз. Когда не хватало пуль, энкавэдисты заставляли жертв сесть рядом так, чтобы головы располагались на одной линии и можно было одной пулей прострелить сразу несколько черепов. Тела складывали ярусами и засыпали песком[25].

Из 19 931 человек, арестованных за время «польской операции» в Беларусской республике, 17 772 были приговорены к смерти. Некоторые из них были беларусами, некоторые – евреями, но большинство были поляками, которых в Беларуси подвергали арестам и в ходе «кулацкой операции», и во время других чисток. В целом, в результате казней и смертных приговоров число поляков в Советской Беларуси сократилось за время Большого террора более чем на шестьдесят тысяч человек[26].

«Польская операция» была более обширной в Советской Украине, где жило примерно 70% от числа поляков всего Советского Союза, которых было шестьсот тысяч. В ходе «польской операции» в Советской Украине были арестованы 55 928 человек, из которых 47 327 были расстреляны. В 1937-м и 1938 годах у поляков вероятность быть арестованным была в двенадцать раз выше, чем у остального населения Советской Украины. Именно голодомор в Советской Украине породил теорию о Польской военной организации, именно здесь Балицкий годами преследовал поляков и именно здесь его бывшему заместителю, Израилю Леплевскому, пришлось доказывать свою бдительность после того, как его бывшего начальника убрали со сцены. Леплевскому это мало помогло: его самого арестовали в апреле 1938 года и расстреляли еще до завершения в Украине «польской операции» (его преемник А.И. Успенский был достаточно предусмотрителен и исчез в сентябре 1938 года, правда, впоследствии его все равно нашли и расстреляли)[27].

---

[25] Детальнее об этом способе убийства см.: *Goujon A.* Kurapaty (1937–1941): NKVD Mass Killings in Soviet Belarus. – Unpublished paper, 2008; *Marples D.* Kuropaty: The Investigation of a Stalinist Historical Controversy // Slavic Review. – 1994. – № 53 (2). – Pp. 513–517; *Ziółkowska E.* Kurapaty // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2009. – № 96/97. – Pp. 47–49.

[26] Про 17 772 приговоров см.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. – С. 168. Об общем количестве смертей (61 501) см.: *Morris J.* The Polish Terror. – P. 759.

[27] Jancen et al. Stalin's Executioner. – P. 258. Про Успенского см.: *Parris Michael.* The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953. – Santa Barbara: Praeger, 1996. – Pp. 6, 11; *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas. – P. 240.

Один из заместителей Леплевского, Лев Райхман, изобрел критерии для арестов, которые можно было приложить к большому количеству поляков в Советской Украине. Интересно, что одной из подозреваемых групп оказались советские энкавэдисты, работавшие среди поляков. Это возродило дилемму бдительности, с которой столкнулись Балицкий, Леплевский и другие офицеры НКВД. Как только было «установлено», что Польская военная организация уже повсеместно распространена в Советской Украине и мощно действует по всему Советскому Союзу, НКВД смог утверждать, что его сотрудники и информаторы не сумели проявить достаточной бдительности на ранней стадии. Многие из этих агентов НКВД сами были советскими поляками, были среди них и украинцы, и евреи, и русские[28].

В эту ловушку угодила Ядвига Мошинска. Польская журналистка, работавшая в польскоязычной газете, она доносила в НКВД на своих коллег. Когда их арестовали и обвинили в шпионаже в пользу Польши, Мошинска очутилась в щекотливом положении: почему она не информировала власти о том, что вся польская община была гнездом иностранных агентов? Чеслава Ангельчик, офицер НКВД польско-еврейского происхождения, доносившая на учителей польского языка, разделила их судьбу. Когда «польская операция» была в зените и учителей постоянно арестовывали, ее тоже обвинили в том, что она ранее проявляла недостаточную бдительность в своей работе. Обеих женщин расстреляли и похоронили возле поселка Быковня, на северо-востоке от Киева – там, где находится огромное число массовых захоронений. По крайней мере десять тысяч советских граждан были расстреляны в этом месте во время Большого террора[29].

В украинских селах «польская операция» была даже более деспотичной и свирепой, чем в Киеве и в городах. По воспоминаниям выжившего поляка, «черные воронки летали» из города в город, от села к селу, принося полякам горе. НКВД привозил бригады в города в надежде выполнить задание по аресту и расстрелу поляков за несколько недель или даже дней. В Жмеринке, которая была важным железнодорожным узлом, представители НКВД появились в марте 1938 года, согнали сотни поляков и пытали их, чтобы выбить признательные показания. В городе Полонное «двойка» из начальника НКВД и прокурора использовала оскверненное здание римо-

[28] *Werth N.* La terreur et le désarroi. – P. 292.

[29] Про Мошинску и Ангельчик см.: *Kuromiya H.* The Voices of the Dead. – Pp. 49–51, 221–223.

католической церкви. Поляков из Полонного и соседних сел арестовали и держали взаперти в церковном подвале. Сто шестьдесят восемь человек были убиты в этой церкви[30].

В самых маленьких населенных пунктах трудно было узреть соблюдение даже пустейших судебных формальностей. Энкавэдисты появлялись неожиданно, с указанием арестовать и расстрелять определенное количество людей. Они начинали с предположения, что все село, фабрика или колхоз виновны, окружали местность ночью, а затем пытали людей до получения нужного результата. После этого они проводили расстрелы и двигались дальше. Во многих таких случаях жертвы были мертвы еще задолго до того, как альбомы с личными делами были собраны и просмотрены в Москве. По селам отряды энкавэдистов исполняли роль расстрельных команд. В селе Черниевка энкавэдисты ждали до 25 декабря 1937 года (день, когда поляки-католики праздновали Рождество) и затем арестовали всех собравшихся в костеле. Арестованные, по воспоминаниям местной жительницы, просто исчезли, как «камень в воду» канул[31].

Арестовывали почти всегда мужчин, и после их ареста семьи оставались в отчаянии. Зефирина Кошевич видела своего отца в последний раз, когда его арестовали на заводе, где тот работал, и забрали в Полонное для допросов. Его последними словами, обращенными к ней, были: «Слушайся маму!» Однако большинство мам не были беспомощны. В украинском селе, как и по всему Советскому Союзу, жены навещали мужей в тюрьме ежедневно, приносили еду и чистую одежду. Тюремная охрана выдавала им грязное белье в обмен. Поскольку это был единственный знак того, что мужья все еще живы, они с радостью его забирали. Иногда мужчине удавалось передать записку, как это сделал один муж в белье, переданном жене: «Страдаю без вины». Иногда белье было запачкано кровью. А на следующий день белье не выдавали, а потом не было уже и мужа[32].

---

[30] Цит.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – P. 94. Про Жмеринку см.: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – P. 225.

[31] Цит.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – P. 244. См. также: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – P. 235; IIwanow Mikołaj. Pierwszy naród ukarany: Stalinizm wobec polskiej ludności kresowek 1921–1938. – Warszawa: Omnipress, 1991. – P. 153.

[32] Про Кошевич, белье и записку см.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – Pp. 90, 101, 148.

В октябре и ноябре 1937 года, до того, как заполнились лагеря и спецпоселения, жен после расстрела мужей высылали в Казахстан. В течение этих недель НКВД часто похищал польских детей в возрасте от десяти лет и старше и отправлял их в сиротские приюты – таким образом они точно не будут воспитываться как поляки. Начиная с декабря 1937 года, когда в ГУЛАГе уже больше не было мест, женщин обычно не высылали,

а оставляли вместе с их детьми. Людвика Пивинского, например, арестовали, когда его жена рожала сына. Он не мог сказать жене о своем приговоре, поскольку ему никогда больше не разрешили с ней повидаться и он сам о нем узнал только в поезде: десять лет на лесоповале в Сибири. Он был одним из счастливчиков, одним из тех немногих поляков, кого арестовали, но кто выжил. Элеанора Пашкевич видела, как забирали ее отца 19 декабря 1937 года, а затем видела, как мать рожала в Рождественскую ночь[33].

«Польская операция» была самой лютой в Советской Украине – именно на тех землях, где намеренная политика голодомора уничтожила миллионы человек всего лишь за несколько лет до этого. Некоторые польские семьи, потерявшие мужчин во время Большого террора в Советской Украине, уже и так ужасно пострадали от голода. Ганна Соболевска, например, стала свидетельницей того, как в 1933 году от голода умерли пять ее братьев и сестер, а также отец. Один из ее младших братьев, Юзеф, был тем самым маленьким мальчиком, который перед смертью от голода повторял: «Теперь будем жить!» В 1938 году «воронок» увез одного из ее выживших братьев и мужа. О периоде Большого террора в польских селах Украины она вспоминала так: «Дети плачут, остались одни женщины».

В сентябре 1938 года методы проведения «польской операции» напоминали методы «кулацкой операции», когда НКВД был уполномочен сажать в тюрьму, убивать и депортировать без формального соблюдения законности. «Альбомный метод», каким бы простым он ни был, стал слишком громоздким. Хотя альбомы подвергались только лишь очень беглой проверке в Москве, они тем не менее прибывали быстрее, чем их можно было просмотреть. К сентябрю 1938 года более ста тысяч дел ожидали рассмотрения. В результате на местном уровне были созданы «специальные тройки» для чтения документов. Они состояли из местного партначальника, местного начальника НКВД и местного прокурора – часто это были те же люди, которые проводили «кулацкую операцию». Теперь их заданием было перечитать собравшиеся альбомы своей области и по каждому делу высказать свои

[33] Про осень 1937 года и сиротские приюты см.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. – С. 26; *Kupczak J.* Polacy na Ukrainie. – Pp. 327, 329; *Jansen M., Petrov N.* Stalin's Loyal Executioner. – P. 97. О Пивинском и Пашкевич см.: Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947. – Pp. 151, 168.

соображения. Поскольку новые «тройки» обычно представляли собой лишь «двойку» плюс коммуниста, они только одобряли свои же собственные предыдущие рекомендации[34].

Рассматривая по нескольку сотен дел в день, разбирая дела, накопившиеся за приблизительно шесть недель, «специальные тройки» приговорили к смерти около семидесяти двух тысяч человек. В украинском селе «тройки» теперь работали, как во время «кулацкой операции», подписывая приговоры и расстреливая людей в огромных количествах и в большой спешке. В Житомирской области, что тогда находилась на западе Советской Украины, и возле Польши, «тройка» приговорила 22 сентября 1938 года ровно сто человек к расстрелу, на следующий день – сто тридцать восемь человек, а 28 сентября – четыреста восемь человек[35].

«Польская операция» в определенном смысле была самой кровавой главой Большого террора в Советском Союзе. Она не была самой массовой, но занимала второе место после «кулацкой операции». Хотя процентное соотношение смертных приговоров к количеству арестованных в ходе этой операции и не было самым высоким, но «польская операция» ненамного отставала от других, а сопоставимые с ней по летальности операции имели гораздо меньший размах.

Из 143 810 человек, арестованных по обвинению в шпионаже в пользу Польши, расстреляно было 111 091. Не все, но подавляющее большинство из них были поляками. Несоразмерно много поляков также пострадали во время «кулацкой операции», особенно в Советской Украине. Если принять во внимание количество смертей, соотношение смертных приговоров к количеству арестов и риск ареста, то этнические поляки пострадали за время Большого террора сильнее, чем какая-либо другая группа Советского Союза. По скромным предположениям, около восьмидесяти пяти тысяч поляков были расстреляны в 1937-м и 1938 годах, а это значит, что поляки составляли восьмую часть от общего количества жертв Большого террора (681 692 человек). Это поразительно высокий процент, учитывая, что поляки были крошечным национальным меньшинством в Советском Союзе и составляли менее 0,4% от общего населения. У советских поляков вероятность погибнуть во время Большого

[34] *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. – С. 30; *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. – P. 591; *Werth N.* La terreur et le désarroi. – Pp. 294, 470.

[35] О приговорах, вынесенных для 100 и 138 человек см.: *Stroński H.* Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – P. 228.

террора была примерно в сорок раз выше, чем у других советских граждан[36].

«Польская операция» стала образцом для серии других национальных операций. Все они были направлены на диаспорные национальности, «вражеские национальности», по новой сталинской терминологии, на группы с реальными или воображаемыми связями с иностранными государствами. В «латвийской операции» было расстреляно около 16 573 человек за шпионаж в пользу Латвии. Еще 7998 советских граждан были расстреляны за шпионаж в пользу Эстонии, а 9078 – в пользу Финляндии. Суммарно в ходе национальных операций (включая и «польскую операцию») было расстреляно 247 157 человек. Эти операции были направлены против этнических групп, которые – вместе взятые – составляли всего лишь 1,6% советского населения, однако составили не менее 36% от общего числа жертв Большого террора. Таким образом, у членов преследуемых национальных меньшинств вероятность быть расстрелянными во время Большого террора была более чем в двадцать раз выше, чем у обычных советских граждан. У арестованных во время национальных операций также был высокий шанс погибнуть: во время «польской операции» вероятность расстрела составляла 78%, а во всех национальных операциях, вместе взятых, эта цифра достигала 74%. Если у советских граждан, арестованных в ходе «кулацкой операции», были равные шансы на расстрел и ссылку в лагерь, то у арестованного в ходе национальной операции шанс быть расстрелянным составлял три из четырех. Пожалуй, это было скорее совпадением во времени, чем знаком особенно летального намерения: основная масса арестов в ходе «кулацкой операции» произошла раньше, чем основная масса арестов в ходе национальных операций. В целом, чем позже был арестован советский гражданин во время Большого террора, тем большей была вероятность его расстрела по той простой причине, что в ГУЛАГе не было мест[37].

Хотя Сталин, Ежов, Балицкий, Леплевский, Берман и другие связывали польскую этничность с советской безопасностью, уничтожение поляков не улучшило международного положения Советского государства. За время Большого террора было арестовано больше людей в качестве польских шпио-

[36] Про цифру 111 091 см.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. – С. 32. О предполагаемой цифре 85 тысяч расстрелов советских поляков см.: *Петров Н.В., Рогинский А.Б.* Польская операция НКВД 1937–1938 гг. – С. 171. Похожая цифра озвучена и в: *Jansen M., Petrov N.* Stalin's Loyal Executioner. – P. 99. Наумов предполагает, что поляков погибло 95 тысяч, – см.: *Наумов Л.* Сталин и НКВД. – С. 299. См. также: *Schlögel K.* Terror und Traum. – P. 636.

[37] Сравните с почти идентичными подсчетами Морриса (*Morris J.* The Polish Terror. – P. 762).

нов, чем немецких и японских шпионов вместе взятых, но мало кто из арестованных (а очень возможно, что вообще никто) действительно занимался шпионажем в пользу Польши. В 1937 и 1938 годах Варшава осторожно соблюдала политику равноудаленности от нацистской Германии и Советского Союза. Польша не вынашивала планов наступательной войны на Советский Союз[38].

Возможно, Сталин считал, что уничтожение поляков ничему не повредит. Он был прав, думая, что Польша не будет союзницей Советского Союза в войне с Германией. Поскольку Польша простиралась между Германией и Советским Союзом, она не могла быть нейтральной ни в какой войне за Восточную Европу: ей надлежало либо сопротивляться Германии и быть побежденной, либо же стать союзницей Германии и вторгнуться в Советский Союз. При любом варианте массовое уничтожение советских поляков не навредит интересам Советского Союза, пока интересы Советского Союза не имеют ничего общего с жизнью и благополучием его граждан. Даже такие циничные размышления были ошибочны: как отмечали озадаченные дипломаты и шпионы в то время, Большой террор оттянул на себя огромную часть энергии, которую можно было с пользой направить в иное русло. Сталин неправильно понимал положение и проблему безопасности Советского Союза, а более традиционный подход к вопросам разведки мог бы сослужить ему лучшую службу в конце 1930-х годов.

В 1937 году непосредственной угрозой казалась Япония. Японская активность в Восточной Азии была оправданием «кулацкой операции». Японская угроза была предлогом для проведения операций против китайского нацменьшинства в Советском Союзе, а также против советских железнодорожников, возвращавшихся из Маньчжурии. Японский шпионаж также оправдывал депортацию всего советского корейского населения (около ста семидесяти тысяч человек) с Дальнего Востока в Казахстан. Корея сама тогда находилась под японской оккупацией, поэтому советские корейцы стали своего рода диаспорной национальностью, имевшей связи с Японией. Шэн Шицай, клиент Сталина в восточной китайской провинции Синьцзянь, самостоятельно проводил

---

[38] Про сравнительное число арестов см.: *Хаустов В.* Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР (1934–1941 гг.). – Дис. на соискание.... докт. истор. н. – М.: Академия Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации, 1997. – С. 316. Здесь и далее замечания о слабом присутствии польской разведки в 1937 и 1938 годах основаны на многонедельных обозрениях соответствующих файлов Второго Департамента Польского генеральского состава в Польских военных архивах (Centralne Archiwum Wojskowe, CAW) – детальнее о спектре архивных цитат см.: *Snyder T.* Sketches from a Secret War. – Pp. 83–112. Там же я касаюсь вопроса о вреде, нанесенном Большим террором по позициям советской безопасности.

террор, в котором погибли тысячи людей. Народная республика Монголия на север от Китая была сателлитом Советского Союза с момента ее основания в 1924 году. Советские войска вошли в союзную Монголию в 1937 году, и монгольские власти провели собственный террор в 1937–1938 годах, в ходе которого были расстреляны 20 474 человека. Все это было направлено против Японии[39].

Ни одно из этих убийств не служило какой-либо стратегической цели. Японское правительство решилось на южную стратегию – на Китай, а затем на Тихий океан. Япония вошла в Китай в июле 1937 года, именно в то время, когда начался Большой террор, и двинулась дальше в южном направлении. Таким образом, аргументация оправдания и «кулацкой операции», и этих восточных национальных операций была ложной. Вполне возможно, что Сталин боялся Японии и у него на это были причины. Японские намерения в 1930-х годах были действительно агрессивными и единственный вопрос стоял о направлении экспансии: на север или же на юг. Японское правительство было нестабильным и склонным к частой смене политического курса. В конечном итоге, однако, массовые убийства не смогли уберечь Советский Союз от готовившегося нападения.

Возможно, что, как и в случае с поляками, Сталин рассуждал, что массовые убийства ничему не повредят. Если Япония собирается напасть, то у нее будет меньше поддержки внутри Советского Союза. Если же она нападать не собирается, то упреждающие массовые расстрелы и депортации не повредят советским интересам. Опять же, такие рассуждения имеют смысл, только если интересы Советского государства рассматривать как обособленные от жизни и благополучия его населения. И опять же, использование НКВД против внутренних врагов (и против самого НКВД) не позволяло применить более систематический подход к реальной угрозе, стоявшей перед Советским Союзом, – к немецкому нападению без содействия японцев и поляков и без содействия внутренних оппонентов советской системы.

В отличие от Японии и Польши, Германия действительно помышляла об агрессивной войне против Советского государства. В сентябре 1936 года

---

[39] На Кавказе меньшее число людей тоже были насильно переселены – см.: *Baberowski J.* Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus. – Pp. 771–772. О расстреле 20 474 человек см.: *Kuromiya H.* The Great Terror and «Ethnic Cleansing»: The Asian Nexus. – Неизданная статья, октябрь 2009. – P. 13. Также см.: *Gelb M.* An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // Russian Review. – 1995. – № 54 (3). – Pp. 389–412.

Межвоенная Восточная Азия
Декабрь1937 г.

Гитлер дал знать своему кабинету, что главная цель его внешней политики – уничтожение Советского Союза. Он говорил: «Суть и цель большевизма – уничтожение тех слоев человечества, которые до сих пор держали лидерство, и замена их мировым еврейством». Германия, по мнению Гитлера, должна быть готова к войне в ближайшие четыре года. Таким образом, Герман Геринг в 1936 году был назначен уполномоченным по «четырехлетнему плану», который должен был подготовить общественный и частный сектор к наступательной войне. Гитлер представлял собой реальную угрозу для Советского Союза, но Сталин, казалось, не оставлял надежды, что советско-германские отношения можно исправить. Возможно, по этой причине репрессии против советских немцев были не такими жестокими по сравнению с репрессиями против советских поляков. В ходе «немецкой операции» были расстреляны 41 989 человек, большинство из которых немцами не являлись[40].

[40] Цит.: *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – P. 357. О «немецкой операции» см.: Приказ № 00439 (55 005 вынесенных приговоров, 41 989 – смертных приговоров). См. также: *Schlögel K.* Terror und Traum. – P. 628.

В эти годы Народного фронта в Европе убийства и депортации внутри Советского Союза проходили незамеченными. Если Большой террор и замечали, его рассматривали только как вопрос показательных процессов, а также партийных и армейских чисток. Но эти события, на которые обращали внимание специалисты и журналисты того времени, не составляли сущность Большого террора. Его сущность составляли «кулацкие» и национальные операции. Из 681 692 казней за политические преступления в 1937-м и 1938 годах на «кулацкие» и национальные операции приходилось 625 483 смертные казни; на них же приходилось более девяти десятых смертных приговоров и три четверти приговоров к ссылке в ГУЛАГ[41].

Таким образом, Большой террор состоял преимущественно из «кулацкой операции», больнее всего ударившей по Советской Украине, а также серии национальных операций, самой главной из которых была «польская операция», в ходе которой снова больше всего пострадала Советская Украина. Из 682 692 задокументированных смертных приговоров в ходе Большого террора 123 421 были приведены в исполнение в Советской Украине, причем эта цифра не включает в себя советских украинцев, расстрелянных в ГУЛАГе. Украина как Советская республика была чрезмерно широко представлена в Советском Союзе, а поляки были чрезмерно широко представлены в Советской Украине[42].

Большой террор был третьей советской революцией. Если большевистская революция принесла изменение политического режима после 1917 года, то Большой террор 1937–1938 годов включал в себя революцию сознания. Сталин воплотил в жизнь свою теорию о том, что с врага можно сорвать маску только через допрос. Его небылицы об иностранных агентах и внутренних заговорщиках рассказывали в пыточных камерах и записывали в протоколы допросов. Если и можно сказать, что советские граждане принимали участие в высокой политике конца 1930-х годов, то только лишь как

---

[41] *Khlevniuk O.* The History of the Gulag. – P. 147. Я цитирую цифры из: *Binner R., Junge M.* «S etoj publikoj ceremonit'sja ne sleduet». – P. 207. Мартин приводит цифру 386 798 смертных приговоров по Приказу № 00447 (см.: *Martin T.* The Origins of Soviet Ethnic Cleansing. – P. 855).

[42] Советская Украина представляла 22% от общего населения, и на ее долю пришлось 27% обвинительных приговоров (см.: *Gregory P.R.* Terror by Quota. – P. 265). О 123 421 смертном приговоре см.: *Никольський В.М.* Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні. – С. 402; на ст. 340 приведено национальное соотношение арестованных в 1937–1938 годах в Советской Украине: 53,2% украинцев (78,2% от общего населения), 7,7% русских (11,3% от общего населения), 18,9% поляков (1,5% от общего населения) и 10,2% немцев (1,4% от общего населения).

инструмент нарратива. Чтобы большая история Сталина продолжала жить, их собственные истории должны были закончиться.

Однако превращение списка крестьян и рабочих в колонки цифр, казалось, поднимало настроение Сталина, а линия Большого террора точно подтверждала сталинскую властную позицию. Приказав остановить массовые операции в ноябре 1938 года, Сталин еще раз сменил начальника НКВД. На смену Ежову, которого позже расстреляют, пришел Лаврентий Берия. Такая же участь ожидала многих из высшего руководства НКВД, обвиненных якобы в превышении полномочий, что на деле было сущностью сталинской политики. Заменив Ягоду Ежовым, а Ежова – Берией, Сталин оказался на верхушке аппарата госбезопасности. Умением использовать как НКВД против партии, так и партию против НКВД он показал себя неоспоримым лидером Советского Союза. Советский социализм стал тиранией, при которой власть тирана демонстрировалась через призму мастерства его придворной политики[43].

Советский Союз был многонациональным государством и использовал многонациональный репрессивный аппарат для проведения национальных кампаний по уничтожению неугодных. В то время, когда НКВД убивал представителей национальных меньшинств, большинство его руководства сами принадлежали к нацменьшинствам. В 1937-м и 1938 годах офицеры НКВД, многие из которых были евреями, латышами, поляками или немцами, воплощали в жизнь политику национального уничтожения, которая размерами превосходила все, что предприняли (на тот момент) Гитлер и его СС. Устраивая эти этнические бойни (что им, конечно же, приходилось делать, если они хотели сохранить собственную должность и жизнь), они прибегали к этике интернационализма, которая для некоторых из них была важной. Потом их все равно убивали по мере продолжения террора и обычно замещали русскими.

Еврейские офицеры, проводившие «польскую операцию» в Украине и Беларуси, такие как Израиль Леплевский, Лев Райхман и Борис Берман, были арестованы и расстреляны. Это была часть большей тенденции. Когда начались массовые убийства Большого террора, примерно треть руководящей верхушки НКВД составляли евреи. Когда Сталин прекратил террор 17 ноя-

[43] *Khlevniuk O.* Party and NKVD: Power Relationships in the Years of the Great Terror // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Ed. by McLoughlin B., McDermott K. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – Pp. 23, 28; *Binner R., Junge M.* Wie der Terror «Gross» wurde. – Pp. 591–593.

бря 1938 года, их осталось около 20%. Уже через год цифра составляла менее 4%. В Большом терроре можно обвинить (и многие обвинят) евреев. Так рассуждать – значит, попасться в сталинскую ловушку: Сталин точно понимал, что еврейские офицеры НКВД будут удобным козлом отпущения для национальных операций по уничтожению граждан, особенно после того, как и еврейские энкавэдисты, и национальная элита были мертвы. В любом случае, институциональную выгоду от террора получали не евреи или члены других нацменьшинств, а русские, которые продвигались вверх по рангам. К 1939 году русские (две трети состава) заменили евреев на высших постах НКВД – такое состояние дел станет постоянным. Русские стали непропорционально большим национальным меньшинством; их удельная численность в верхушках НКВД была выше, чем их удельная численность среди советского населения в целом. Единственное нацменьшинство, очень широко представленное в НКВД на момент окончания Большого террора, были грузины, к которым принадлежал и сам Сталин[44].

Третья революция была на самом деле контрреволюцией, непрямо признававшей, что марксизм и ленинизм провалились. За свое примерно пятнадцатилетнее существование Советский Союз добился многого для тех своих граждан, которые все еще были живы; например, когда Большой террор достиг своего пика, были введены государственные пенсии. Однако некоторые из существенных посылок революционной доктрины были оставлены без изменений. Бытие, как сказали марксисты, больше не определяло сознания. Люди были виновны не из-за своего места в социоэкономическом порядке, а из-за своей персональной идентичности или культурных связей. Политика больше не определялась в терминах классовой борьбы. Если диаспорные национальности Советского Союза не были лояльными, как утверждалось в делах против них, то не потому, что они были приверженцами старого экономического

---

[44] О соотношении офицерского состава см.: *Петров Н., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД, 1934–1941. – Москва: Звенья, 1999. – С. 475; *Gregory P.R.* Terror by Quota. – P. 63. Представленность евреев летом 1936 года была все еще выше в генеральских чинах (54%) и в центральном аппарате НКВД в Москве (64%) и среди высшего руководящего состава в Советской Украине (67%) – о первых двух категориях см.: *Наумов Л.* Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. – Москва: Модерн-А, 2006. – С. 119; о третьей – *Золотарьов В.* Начальницький склад НКВС УРСР у середині 30-х рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2001. – № 2. – С. 326–331. Латвийцы, немцы и поляки полностью исчезли из высшего руководящего состава НКВД за время Большого террора. Например, поляк Станислав Реденс был начальником московского НКВД и подписал приказы о расстреле 20 761 человека за время террора. Его самого арестовали и позже расстреляли как польского националиста.

строя, а потому, что они своей этничностью якобы были связаны с иностранным государством[45].

Связь между лояльностью и национальностью в Европе образца 1938 года принимали как данность. Гитлер использовал этот же аргумент в то же самое время, чтобы доказать, что трем миллионам немцев Чехословакии и землям, которые они населяли, нужно разрешить присоединиться к Германии. В сентябре 1938 года на конференции в Мюнхене Британия, Франция и Италия согласились разрешить Германии аннексировать западную часть Чехословакии, где жило большинство этих немцев. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен заявил, что это соглашение принесло «мир для нашего времени». Французский премьер-министр Эдуард Даладье этому не верил, но разрешил французам тешиться иллюзиями. Чехословаков даже не пригласили на конференцию, от них просто ожидали принятия результата. Мюнхенское соглашение лишило Чехословакию естественной защиты горных хребтов и находящихся там укреплений, открыв страну будущему вторжению немцев. Сталин интерпретировал договор как уступку, которую западные державы хотели сделать Гитлеру, чтобы развернуть его на Восток[46].

В 1938 году советское руководство заботилось о том, чтобы представить собственную национальную политику как нечто совершенно отличное от расизма нацистской Германии. Кампания того года, посвященная этой цели, включала в себя публикацию детских рассказов, среди которых была «Сказка про цифры». Советские дети читали о том, что нацисты «роются в старых документах», чтобы установить национальность немецкого населения. Это, конечно, была правда. Немецкий Нюрнбергский закон 1935 года лишал евреев возможности участвовать в политической жизни германского государства и определял еврейство по происхождению. Немецкие власти действительно использовали записи синагог для установления того, чьи дедушки и бабушки были евреями. Однако в Советском Союзе ситуация ненамного отличалась: советские внутренние паспорта содержали графу национальной принадлеж-

[45] О государственных пенсиях см.: *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. – Berkeley: University of California Press, 1995. – P. 122.

[46] *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. – P. 194.

ности, так что каждый советский еврей, каждый советский поляк и вообще каждый советский гражданин имел официальную запись о своей национальности. По идее, советским гражданам разрешалось выбирать национальность, но на практике так было не всегда. В апреле 1938 года НКВД требовал, чтобы в определенных случаях информация о национальности родителей записывалась. Согласно этому же приказу полякам и другим представителям диаспорных национальностей открыто запрещалось менять национальность. НКВД не нужно было «рыться в старых документах», поскольку у него уже были собственные[47].

В 1938 году немецкие притеснения евреев были гораздо более заметными, чем национальные операции в СССР, хотя их размах был гораздо меньшим. Нацистский режим начал программу «ариенизации», разработанную для того, чтобы лишить евреев их недвижимого имущества. Эта программа не шла ни в какое сравнение с более публичными и спонтанными кражами и бесчинствами, последовавшими за аннексией Германией Австрии, произошедшей в том же месяце. В феврале Гитлер поставил ультиматум австрийскому канцлеру, Курту фон Шушнигу, в котором требовал, чтобы тот сделал свою страну сателлитом Германии. Шушниг сначала принял эти условия, а затем вернулся в Австрию и бросил вызов Гитлеру, объявив референдум о независимости. Немецкая армия вошла в Австрию 12 марта, и на следующий день Австрия прекратила свое существование. Около десяти тысяч австрийских евреев были депортированы в Вену тем летом и осенью. Благодаря энергичным усилиям Адольфа Эйхмана, они оказались среди многих австрийских евреев, покинувших страну в ближайшие месяцы[48].

В октябре 1938 года Германия вытеснила семнадцать тысяч евреев, которые были гражданами Польши, из Рейха в Польшу. Этих евреев арестовывали ночью, сажали в железнодорожные вагоны и бесцеремонно выгружали на польской стороне границы. Один из польских евреев во Франции, чьи родители были высланы, решил отомстить. Он убил немецкого дипломата – поступок злосчастный и сам по себе, и ввиду времени его совершения: убийство состоялось 7 ноября, в годовщину большевистской революции; жертва скончалась на следующий день – день годовщины гит-

[47] *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca: Cornell University Press, 2005. – Pp. 293–294.

[48] Об Австрии см.: *Dean M.* Robbing the Jews: The Confiscation of Jewish Property in the Holocaust, 1933–1945. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – Pp. 86, 94, 105.

леровского «пивного путча» 1923 года. Убийство дало немецким властям предлог для «Хрустальной ночи» – первого большого и открытого погрома в нацистской Германии. В Рейхе усиливалось давление, особенно в Вене, где в течение предыдущих недель происходило по крайней мере одно ежедневное нападение на собственность евреев. С 9 по 11 ноября 1938 года были убиты несколько сотен евреев (по официальным сводкам – девяносто один человек) и разрушены тысячи магазинов и сотни синагог. В Европе это считали знаком варварства все, кроме тех, кто поддерживал нацистов[49].

Общественные бесчинства в нацистской Германии принесли пользу Советскому Союзу. В этой атмосфере сторонники Народного фронта полагали, что Советский Союз защитит Европу от пучины этнических чисток. Однако Советский Союз и сам проводил кампанию этнических убийств, причем гораздо большего масштаба. Наверное, будет справедливо сказать, что никто за пределами Советского Союза не имел об этом понятия. Через неделю после «Хрустальной ночи» прекратился Большой террор – после того, как 247 157 советских граждан были расстреляны в ходе национальных операций. К концу 1938 года Советский Союз уничтожил в тысячу раз больше человек по этническому признаку, чем нацистская Германия. СССР на тот момент убил гораздо больше евреев, чем нацисты. На евреев не была направлена специальная национальная операция, но они, тем не менее, погибали тысячами во время Большого террора и во время Голодомора в Советской Украине. Они погибали не потому, что были евреями, а просто потому, что были гражданами самого кровожадного режима того времени.

За время Большого террора советское руководство уничтожило вдвое больше советских граждан, чем проживало евреев в Германии, но никто за пределами Советского Союза (и даже сам Гитлер) не понимал, что массовое уничтожение такого сорта было возможно. Ничего подобного точно не происходило в Германии до войны. После «Хрустальной ночи» евреи впервые стали поступать в систему немецких концлагерей в больших количествах. Гитлер в этот момент хотел устрашить немецких евреев так, чтоб они покинули страну; подавляющее большинство из двадцати шести тысяч евреев, которые попали в это время в концлагеря, вскоре из них освобо-

[49] О выселениях см.: *Tomaszewski J.* Preludium Zagłady. Wygnanie Żydów polskich z Niemiec w 1938 r. – Łódź: PWN SA, 1998. – Pp. 5, 139 и по тексту. Также см.: *Longerich P.* Politik der Vernichtung. – Pp. 193–204; *Kershaw I.* Hitler: A Biography. – New York: W.W. Norton, 2008. – Pp. 459, 472.

дились. В конце 1938-го и в 1939 году более ста тысяч евреев покинули Германию[50].

Погромы и выселения стимулировали воображение нацистов по поводу судьбы европейских евреев вообще. Через несколько дней после «Хрустальной ночи», 12 ноября 1938 года, близкий соратник Гитлера, Герман Гёринг, представил план избавления от европейских евреев: их предполагалось отсылать кораблями на остров Мадагаскар, находящийся на юге Индийского океана у юго-восточного побережья Африки. Хотя Гитлер и Гёринг, без сомнения, хотели бы видеть, как немецкие евреи будут работать на износ в такой себе островной резервации СС, но такие грандиозные воображаемые планы относились к будущему сценарию, согласно которому Германия контролировала бы подавляющую массу еврейского населения. Мадагаскарский план больше всего подходил бы для будущего, в котором Германия покорит большинство евреев. Евреи на тот момент составляли не более 0,5% немецкого населения, но даже эта цифра уменьшалась из-за эмиграции. В Германии никогда не было слишком много евреев, но поскольку их считали «проблемой», то ее «решение» уже было найдено: экспроприация, запугивание и эмиграция (германские евреи уезжали бы даже быстрее, чем они это делали в действительности, если бы британцы разрешили им ехать в Палестину либо если бы Америка увеличила или хотя бы выполнила квоты на иммиграцию. На Эвианской конференции в июле 1938 года только Доминиканская Республика согласилась еще принять еврейских беженцев из Германии)[51].

Другими словами, Мадагаскар был «решением» еврейской «проблемы», которая пока еще не возникла. Грандиозные депортации имели смысл в 1938 году, когда лидеры-нацисты все еще могли ввести себя в заблуждение относительно того, что Польша может стать сателлитом Германии и присоединиться к вторжению в Советский Союз. В Польше проживали более трех миллионов евреев, и польские власти также рассматривали Мадагаскар как место для их переселения. Хотя польские власти не предусматривали проводить по отношению к своим большим национальным меньшинствам (пять миллионов украинцев, три миллиона евреев и миллион беларусов) никакой политики, даже отдаленно сопоставимой с советскими реалиями или нацистскими планами,

---

[50] *Goeschel C., Wachsmann N.* Introduction. – P. 24.

[51] О 12 ноября 1938 года см.: *Polian P.* Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? Überkegungen zu einem Schriftwechsel im Wert von zwei Millionen Menschenleben // Besatzung, Kollaboration, Holocaust / Ed. by Hurter Johannes, Zarusky J. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2008. – P. 4.

они все же хотели уменьшить число еврейского населения через добровольную эмиграцию. После смерти польского диктатора Юзефа Пилсудского в 1935 году его преемники стали в этом конкретном вопросе на позицию польского национализма и основали правящую партию, в которую могли вступать только этнические поляки. В конце 1930-х годов польское государство поддерживало цели правого крыла ревизионистов-сионистов Польши, которые хотели создать (если нужно – силой) очень большое государство Израиль в Палестине под Британским управлением[52].

Пока Варшава и Берлин размышляли над еврейской «проблемой» и рассматривали какую-то удаленную территорию в качестве ее решения, а также пока немцы все еще обхаживали поляков с целью создания восточного альянса, до тех пор немцы могли воображать какие-то меры по депортации восточно-европейских евреев при условии польской помощи и инфраструктуры. Но альянса с Польшей не будет, как и совместного германско-польского плана относительно евреев. Наследники Пилсудского в этом отношении придерживались линии Пилсудского: политики равноудаленности от Берлина и Москвы с договорами о ненападении как с нацистской Германией, так и с Советским Союзом, но и без альянсов с кем-либо из них. Поляки в последний раз отвергли немецкого посла иностранных дел, Иоахима фон Риббентропа, 26 января 1939 года в Варшаве. После пяти лет стараний немцы не смогли убедить поляков, что наступательная война на советской территории отвечала бы интересам Польши – нужно было лишь доверить польскую территорию Германии и стать ее сателлитом. Это означало войну Германии не вместе с Польшей, а против Польши и против польских евреев[53].

Хотя от мадагаскарского плана не отказались, он, казалось, уступил место в сознании Гитлера идее еврейской резервации в завоеванной Польше. Если Польша не хотела сотрудничать в вопросах войны и депортации, тогда она сама могла стать колонией, где можно было собрать других европейских евре-

[52] О Мадагаскаре см.: *Polian P.* Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? Überkegungen zu einem Schriftwechsel im Wert von zwei Millionen Menschenleben // Besatzung, Kollaboration, Holocaust / Ed. by Hurter J., Zarusky J. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2008. – Pp. 4, 8. О ревизионистах см.: *Arens M.* The Jewish Military Organization (ŻZW) in the Warsaw Ghetto // Holocaust and Genocide Studies. – 2005. – № 19 (2). – P. 205; *Spector S.* Żydzi wołyńscy w Polsce międzywojennej i w okresie II wojny światowej (1920–1944) // Europa Nieprowincjonalna / Ed. by Jasiewicz K. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1999. – P. 539.

[53] О польско-немецких отношениях см.: *Roos H.* Polen und Europa. – Pp. 253, 396; *Kershaw I.* Hitler. – P. 475; *Weinberg G.L.* The Foreign Policy of Hitler's Germany. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – Pp. 20, 404, 484.

ев, вероятно, в ожидании какого-то окончательного их удаления. Только после возвращения Риббентропа из Варшавы, когда Гитлер осознал, что его первая война будет развязана против Польши, он произнес важную речь на тему еврейского вопроса. Гитлер 30 января 1939 года пообещал немецкому парламенту, что уничтожит евреев, если они втянут Германию в еще одну мировую войну: «Я хочу сегодня быть еще раз пророком: если международное финансовое еврейство в Европе и за ее пределами опять достигнет успеха в погружении народов мира в мировую войну, тогда результатом будет не большевизм на планете, а значит, и победа еврейства, но аннигиляция еврейской расы в Европе». На момент произнесения речи Гитлера около 98% евреев Европы жили за пределами Германии, большинство из них – в Польше и на западе Советского Союза. Было неясно, как их аннигилировать, но война должна была стать первым шагом на этом пути[54].

К началу 1939 года Гитлер достиг поворотной точки: его внешняя политика собирания немецких земель увенчалась успехом в Чехословакии и Австрии, а его попытки привлечь Польшу для восточной войны провалились. Он заново вооружил Германию и расширил ее границы, насколько это было возможно без войны. Аннексия Австрии принесла Германии дополнительно шесть миллионов граждан и обширные резервы твердой валюты. Мюнхенское соглашение принесло Гитлеру не только три миллиона граждан, но и огромную часть чехословацкой индустрии вооружений, возможно, самую лучшую в мире на то время. В марте 1939 года Гитлер уничтожил Чехословакию как государство, разрушив таким образом все иллюзии насчет того, что его цели ограничиваются этническими немцами. Чешские земли были присоединены к Рейху как «протекторат»; Словакия стала номинально независимым государством под нацистской опекой. Немцы попытались 21 марта запугать поляков и вынудить их к согласию, но снова получили отказ. Уже 25 марта Гитлер дал инструкции Вермахту приготовиться к вторжению в Польшу[55].

По мере укрепления власти Гитлера менялась и природа сталинской дипломатии. Слабость Народного фронта перед фашизмом была очевидной. Мюнхенское соглашение означало конец чехословацкой демократии, дружественной по отношению к Советскому Союзу, и сама Чехословакия перестала

[54] Цит.: *Evans R.J.* The Third Reich in Power. – P. 604.

[55] *Kershaw I.* Hitler. – P. 482; *Zarusky J.* «Hitler bedeutet Krieg»: Der deutsche Weg zum Hitler-Stalin-Pakt // Osteuropa. – 2009. – № 59 (7/9). – Pp. 106–107.

существовать в марте 1939 года. Реакционеры Франческо Франко выиграли гражданскую войну в Испании в апреле 1939 года. Правительство Народного фронта во Франции на тот момент уже пало. Отношения между Москвой и европейскими державами должны были стать преимущественно военными и дипломатическими, поскольку у Сталина не хватало политических рычагов влияния на их поведение изнутри.

Весной 1939 года Сталин сделал поразительный жест в сторону своего большого идеологического недруга Гитлера. Гитлер поклялся не мириться с еврейскими коммунистами; нацистская пропаганда назвала советского комиссара иностранных дел, Максима Литвинова, Финкельштейном. Литвинов действительно был евреем, а его брат – раввином. Сталин пошел навстречу Гитлеру, уволив Литвинова 3 мая 1939 года. Литвинова заменил ближайший союзник Сталина, Молотов, русский по национальности. Потакание Гитлеру было не таким странным, как может показаться. Сталинская идеология давала ответы на все свои же вопросы. День за днем Народный фронт трансформировал социал-демократов из «социал-фашистов» в союзников в июне 1934 года. Если «социал-фашисты» могли быть друзьями Советского Союза, то почему не могли ими быть сами фашисты? Фашизм, в конце концов, был не более чем деформацией капитализма (с точки зрения Советского Союза), а у Советского Союза были хорошие отношения с капиталистической Германией в период с 1922-го по 1933 год[56].

В чисто политических терминах договоренность с Германией имела определенную логику. Альянс с Великобританией и Францией, который был альтернативой ориентации на Германию, мало что мог предложить. Лондон и Париж обещали гарантии безопасности Польше в марте 1939 года и старались не допустить нападения Германии, а после него старались вовлечь Советский Союз в своего рода защитную коалицию. Однако Сталин достаточно хорошо понимал, что Лондон и Париж вряд ли придут на помощь Восточной Европе, когда на Польшу нападет Германия или же Советский Союз. Казалось, самым мудрым было достичь договоренности с Германией, а затем наблюдать, как капиталистические державы будут сражаться в Западной Европе. План Сталина состоял в том, чтобы «уничтожить врагов их же руками и остаться сильным в конце войны»[57].

---

[56] См.: *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. – Pp. 90, 153. О Литвинове см.: *Herf J.* The Jewish Enemy: Nazi Propaganda During World War II and the Holocaust. – Cambridge: Harvard University Press, 2006. – P. 104; *Orwell G.* Orwell and Politics. – London: Penguin, 2001. – P. 78.

[57] Цит.: *Wieczerkiewicz P.P.* Łańcuch śmierci. – P. 323.

Сталин видел, как он позже скажет, что у него и у Гитлера было «общее желание избавиться от старого равновесия». В августе 1939 года Гитлер ответил на жест Сталина. Гитлер хотел начать войну в том же году; он был гораздо более гибок относительно возможных союзников, но не в вопросе времени. Если поляки не присоединятся к Германии в войне против Советского Союза, тогда, возможно, СССР присоединится к ней в войне против Польши. С точки зрения Гитлера, согласие с Москвой предотвратит полное окружение Германии, если британцы и французы провозгласят войну после предстоящего нападения Германии на Польшу. 20 августа 1939 года Гитлер послал личное сообщение Сталину, в котором просил принять Риббентропа не позже 23 августа. Риббентроп поехал в Москву, где, как писали Оруэлл и Кёстлер, аэропорт в столице родины социализма украшали свастики. Этот финальный идеологический шок, отделивший Кёстлера от коммунизма, был на самом деле знаком того, что Советский Союз больше не является идеологическим государством[58].

Оба режима немедленно обнаружили общность в их взаимном стремлении разрушить Польшу. После того, как Гитлер оставил надежду вовлечь Польшу в войну с Советским Союзом, нацистскую и советскую риторики об этой стране трудно было различить. Гитлер рассматривал Польшу как «нереальное порождение» Версальского договора, а Молотов – как его «уродливое детище». На официальном уровне договор, подписанный в Москве 23 августа 1939 года, был ничем иным, как пактом о ненападении. Фактически, Риббентроп и Молотов также договорились о секретном протоколе, распределяющем зоны влияния нацистской Германии и Советского Союза в Восточной Европе – территории на тот момент все еще независимых государств Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши и Румынии. Ирония состояла в том, что Сталин еще совсем недавно оправдывал уничтожение более ста тысяч собственных граждан вследствие фальшивых обвинений – будто поляки подписали именно такой секретный кодицилл с Германией под прикрытием пакта о ненападении. «Польская операция» подавалась как подготовка к немецко-польскому нападению; теперь же Советский Союз согласился вместе с Германией напасть на Польшу[59].

[58] *Haslam J.* The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. – P. 227. Цит.: *Weinberg G.L.* A World at Arms: A Global History of World War II. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – P. 52. Я не касаюсь здесь происходившего с Кёстлером в Испании, что совпало с заключением в тюрьму его друга Вайсберга в СССР (см.: *Koestler A.* Untitled // The God That Failed / Ed. by Crossman R. – London: Hamilton, 1950. – Pp. 75–80).

[59] Цит.: *Lukacs J.* The Last European War. – New Haven: Yale University Press, 1976. – Pp. 58–59.

Первого сентября 1939 года Вермахт напал на Польшу с севера, запада и юга, используя людей и вооружение аннексированных Австрии и Чехословакии. Гитлер начал свою войну.

В августе и сентябре 1939 года Сталин смотрел на карты не только Восточной Европы, но и Восточной Азии. Он нашел возможность улучшить советские позиции на Дальнем Востоке. Теперь Сталин мог быть уверен, что на Востоке немецко-польского нападения не будет. Если Советский Союз выступит против Японии в Восточной Азии, можно будет не бояться за второй фронт. СССР (с помощью монгольских союзников) атаковал Японию (и марионеточную Маньчжурию) 20 августа 1939 года. Сталинская политика сближения с Берлином от 23 августа 1939 года была также направлена против Токио. Пакт Молотова-Риббентропа между Германией и Советским Союзом, подписанный через три дня после советского наступления, аннулировал Антикоминтерновский пакт между Германией и Японией. Нацистско-советский альянс вызвал в Токио даже большее политическое землетрясение, чем поражение на поле боя. Японское правительство пало, как падут правительства еще нескольких стран в последующие месяцы[60].

После того, как Германия, казалось, отдала предпочтение Советскому Союзу, а не Японии в качестве союзницы, японское правительство оказалось в неожиданной и запутанной ситуации. Японские лидеры уже приняли единогласное решение расширяться на юг, а не на север, в Китай и Тихий океан, а не в советскую Сибирь. Однако если союз между Москвой и Берлином удержится, то Красная армия сможет концентрировать свои силы в Азии, а не в Европе. Япония тогда будет вынуждена держать свои лучшие войска на севере, в Маньчжурии, просто ради самозащиты, что значительно затруднит продвижение на юг. Гитлер дал Сталину свободу действий в Восточной Азии, и японцы могли только надеяться, что он скоро предаст своего нового друга. Япония открыла консульство в Литве как наблюдательный пункт за немецкими и советскими военными приготовлениями. Консулом там был русскоговорящий шпион Тиунэ Сугихара[61].

[60] *Krebs G.* Japan and the German-Soviet War, 1941 // From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941 / Ed. by Wegner Bernd. – Providence: Berghahn Books, 1997. – P. 543; *Haslam J.* The Soviet Union and the Threat from the East. – Houndsmills: Macmillan, 1992. – P. 132.

[61] *Levine H.* In Search of Sugihara. – P. 121; *Rotner S.P.* Japanese Diplomats and Jewish Refugees: A World War II Dilemma. – Westport: Praeger, 1998. – P. 102; *Kuromiya H., Pepłoński A.* Między Warszawą a Tokio: Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. – Pp. 470–485; *Hasegawa T.* Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. – Cambridge: Harvard University Press, 2005. – P. 13.

Когда Красная армия разбила японцев 15 сентября 1939 года, Сталин достиг именно того результата, которого хотел. Национальные операции Большого террора были направлены против японцев, поляков и немцев (именно в таком порядке) и против возможности окружения этими тремя государствами на случай, если бы те объединились. Уничтожение за время Большого террора 681 692 человек никак не помогло предотвратить окружения – помогла дипломатия и военная сила. К 15 сентября Германия практически разрушила боеспособность польской армии. О немецко-польском нападении на Советский Союз уже не было и речи, да и немецко-японское нападение на Советский Союз выглядело маловероятным. Сталин заменил призрак немецко-польско-японского окружения Советского Союза очень реальным немецко-советским окружением Польши – этот альянс изолировал Японию. Через два дня после советской военной победы над Японией, 17 сентября 1939 года, Красная армия напала на Польшу с востока. Красная армия и Вермахт встретились в центре страны и устроили совместный парад победы. Берлин и Москва пришли 28 сентября ко второму договору относительно Польши – договору о границах и дружбе.

Так начался новый период в истории «кровавых земель». Открыв половину Польши Советскому Союзу, Гитлер позволил сталинскому террору (который был таким убийственным в ходе «польской операции») возобновиться уже в самой Польше. Благодаря Сталину, Гитлер получил возможность в оккупированной Польше внедрять свою политику массового уничтожения. За двадцать один месяц после совместного немецко-советского вторжения в Польшу немцы и СССР убили примерно равное количество гражданских лиц по схожим причинам, пока каждый из союзников осваивал свою половину оккупированной Польши.

Органы деструкции каждой из двух стран будут концентрироваться на территории третьей страны. Гитлер, как и Сталин, выберет поляков в качестве мишени для своей первой масштабной национальной кампании по уничтожению.

РАЗДЕЛ 4

ЕВРОПА МОЛОТОВА-РИББЕНТРОПА

Немецкий террор начался в небе. В 4:20 утра 1 сентября 1939 года без предупреждения посыпались бомбы на город Велюнь в центральной Польше. Немцы выбрали местность, лишенную военной значимости, как площадку для смертельного эксперимента. Может ли современная авиация терроризировать мирное население намеренными бомбежками? Церковь, синагога, госпиталь – все пылало в огне. Волна за волной падали бомбы, все семьдесят тонн, разрушая большинство зданий и убивая сотни людей, преимущественно женщин и детей. Население бежало из города; когда прибыла немецкая администрация, в городе было больше мертвых, чем живых. По всей Западной Польше похожая участь постигла множество мелких городов и сел. Сто пятьдесят восемь населенных пунктов подверглись бомбежке[1].

В столице Польши, Варшаве, люди смотрели, как в чистом голубом небе носились самолеты. «Наши», – говорили люди сами себе с надеждой. Они ошибались. Десятого сентября 1939 года крупный европейский город впервые подвергся систематической бомбежке вражеской авиацией. В тот день было совершено семнадцать немецких вылетов на Варшаву. К середине месяца польская армия была повержена, но столица все еще защищалась. Гитлер заявил 25 сентября, что хочет капитуляции Варшавы. В тот день было сброшено приблизительно пятьсот шестьдесят тонн бомб и семьдесят две тонны зажигательных снарядов.

[1] *Böhler J.* «Größte Härte»: Verbrechen der Wehrmacht in Polen September/Oktober 1939. – Osnabrück: Deutschs Historisches Institut, 2005. – Pp. 16, 69, 72, 74; *Böhler J.* Der Überfall: Deutschlands Krieg gegen Polen. – Frankfurt am Main: Eichborn, 2009. – P. 100. О цифре 158 см.: *Datner S.* 55 Dni Wehrmachtu w Polsce. – Warsaw: MON, 1967. – P. 94.

Когда в начале необъявленной войны бомбили одну из главных густонаселенных европейских столиц исторического значения, погибло около двадцати пяти тысяч мирных жителей и шесть тысяч солдат. В течение всего месяца колонны беженцев двигались на восток, подальше от Вермахта. Немецкие истребители доставляли себе удовольствие, обстреливая их на бреющем полете[2].

Польша сражалась в одиночку. Франция и Британия, как и обещали, объявили войну Германии, но не предпринимали никаких военных действий во время кампании (французы на несколько километров продвинулись вглубь территории Саара, но затем отступили назад). Польская армия спешила занять оборонительные позиции. Польские военные тренировались в ожидании наступления либо с Востока, либо с Запада – либо Красной армии, либо Вермахта. В военных планах и военных играх 1920-х и 1930-х годов рассматривались оба эти варианта. Теперь все доступные силы, около тридцати девяти дивизий (приблизительно девятьсот тысяч человек) были брошены против пятидесяти немецких дивизий (полтора миллиона человек). Даже при этом противник превосходил польские силы в живой силе и технике и предпринял моторизированные нападения с севера, запада и юга. И тем не менее сопротивление в некоторых местах было упорным.

Вермахт привык входить в страны, которые уже сдались, как, например, Австрия и Чехословакия. Теперь же немецкие солдаты столкнулись с огнем противника. Не все пошло по их плану. В Данциге, вольном городе на Балтийском побережье, который Гитлер хотел завоевать для Германии, поляки обороняли здание почты. Немцы разлили бензин в подвале и сожгли защитников живьем. Директор почты выбежал из здания, размахивая белым носовым платком, – в него сразу же выстрелили. Одиннадцать человек скончались от ожогов. Немцы отказали им в медицинской помощи. Тридцать восемь человек были приговорены к смерти и расстреляны за нелегальную защиту здания. Один из них, Францишек Краус, был дядей маленького Гюнтера Грасса, который позже станет известным романистом Западной Германии. Благодаря его роману «Жестяной барабан» это военное преступление получит широкую огласку. Оно было одним из многих[3].

---

[2] О Варшаве см.: *Böhler J.* Der Überfallö. – Pp. 171–172. О расстреле истребителями колонн беженцев см.: *Datner S.* 55 Dni Wehrmachtu w Polsce. – P. 96; *Mazower M.* Hitler’s Empire: Nazi Rule in Occupied Europe. – London: Allen Lane, 2008. – P. 67.

[3] *Naumann M.* Die Mörder von Danzig // Die Zeit. – 10.09.2009. – Pp. 54–55; *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. – Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag. – 2008. – Pp. 15–16.

Немецких солдат инструктировали, что Польша – не настоящая страна, а ее армия – не настоящая армия. Таким образом, мужчины, сопротивлявшиеся вторжению, не могли быть действительными солдатами. Немецкие офицеры инструктировали своих солдат, что смерть немцев на поле боя – «убийство». Поскольку сопротивление немецкой господствующей расе было, по выражению Гитлера, «дерзостью», у польских солдат не было права считаться военнопленными. В селе Урыч польских военнопленных собрали в сарае, где они, как им сказали, проведут ночь. Затем немцы сожгли сарай. Возле села Сладов немцы использовали военнопленных как живой щит, когда сражались с остатками кавалерийского полка. После того, как немцы уничтожили кавалеристов, которые не хотели стрелять по своим, они заставили военнопленных хоронить тела своих товарищей. Затем они выстроили военнопленных возле стены на берегу реки Вислы и расстреляли. По тем, кто пытался спастись и прыгал в реку, стреляли, как вспоминал единственный выживший, будто по уткам. Погибли около трехсот человек[4].

Гитлер 22 августа 1939 года приказал своим командующим «закрыть сердца для жалости». Немцы убивали пленных. В городе Цепелев, после решительного сражения, были взяты в плен триста польских солдат. Вопреки доказательствам, немецкий командир заявил, что плененные – это партизаны, т.е. представители нерегулярных войск, на которых не распространяются законы войны. Польские офицеры и солдаты, в полном военном обмундировании, были поражены. Немцы заставили их раздеться. Теперь они были больше похожи на партизан. Их всех расстреляли и сбросили в яму. За короткую польскую кампанию произошло по крайней мере шестьдесят три подобных операции. Было убито не менее трех тысяч польских военнопленных. Немцы также убивали польских раненых. Однажды немецкие танки атаковали барак, на котором был знак красного креста. Это был польский военный госпиталь. Если бы на нем не было красного креста, танковое командование скорее всего проигнорировало бы его. Танки открыли огонь по бараку, и он загорелся. Автоматчики стреляли по людям,

[4] О смерти немецких солдат как об «убийстве» см.: *Datner S.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – Warszawa: MON, 1964. – P. 73. О «дерзости» см.: *Lukacs J.* The Last European War. – P. 58. О сарае и кавалеристах см.: *Datner S.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – Pp. 72, 69; *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland: Blitzkrieg, Ideology, and Atrocity. – Lawrence: University Press of Kansas, 2003. – Pp. 166, 169; *Böhler J.* «Größte Härte». – P. 23.

пытавшимся выбежать из горящего здания. Затем танки сравняли с землей остатки сгоревшего барака и тела всех, кто еще мог быть жив[5].

Офицеры и солдаты Вермахта обвиняли польское гражданское население в тех ужасах, которые на них обрушились. Как говорил один генерал: «Немцы – хозяева, а поляки – рабы». Руководство армии знало, что цели Гитлера в этой кампании были далеко не традиционными. Как резюмировал начальник ставки, это было «намерение Лидера уничтожить и искоренить польский народ». Солдат настроили рассматривать польское гражданское население как непорядочное и как недочеловеков. Один из них настолько был убежден в польской враждебности, что интерпретировал искаженное смертью лицо поляка как выражение иррациональной ненависти к немцам. Солдаты быстро привыкли вымещать свою фрустрацию на любом, кого увидят. Как правило, немцы убивали мирное население после того, как захватывали новые территории. Они также убивали мирное население, когда теряли территории. Если они несли какие-либо потери, то отыгрывались за них на первом попавшемся: обычно на мужчинах, но также на женщинах и детях[6].

В городе Видзув немцы объявили сбор всех мужчин, и те пришли: они не боялись, поскольку ничего не совершили. У одной беременной женщины было плохое предчувствие, но ее оттащили от мужа. Всех мужчин города выстроили у забора и расстреляли. В Лонгиновке сорок поляков заперли в здании, которое затем подожгли. Солдаты стреляли по тем, кто выбирался из окон горящего здания. Некоторые из карательных операций были немыслимо небрежны. В одном таком случае сотню гражданских лиц собрали для расстрела, потому что кто-то стрелял из ружья. Оказалось, что из ружья стрелял немецкий солдат[7].

Польша не сдавалась, но военные действия прекратились 6 октября 1939 года. Даже после того, как той осенью немцы установили гражданскую ок-

---

[5] Вот более детальная инструкция: «Закройте ваши сердца для жалости. Жестокая операция. Восемьдесят миллионов человек должны получить свое. Их существование должно быть обеспечено. Более сильный имеет право. Сверхжесткость» (см. *Mallmann K.-M., Bühler J., Matthäus J.* Einsatzgruppen in Polen: Darstellung und Dokumentation. – Darmstadt: WGB, 2008. – P. 54). О Цепелеве см.: *Böhler J.* «Größte Härte». – P. 131. О красном кресте см.: *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland. – Pp. 181, 184. О других танковых нападениях см.: *Datner J.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – P. 62.

[6] О «поляках-рабах» и гримасе смерти см.: *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland. – Pp. 141, 204. О «намерении Лидера уничтожить и искоренить польский народ» см.: *Mallmann K.-M., Bühler J., Matthäus J.* Einsatzgruppen in Polen. – P. 57.

[7] *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland. – Pp. 138, 141; *Böhler J.* «Größte Härte». – P. 100.

купационную администрацию, Вермахт продолжал массово убивать польских граждан в ходе довольно произвольных карательных операций. В декабре, после того, как известными польскими преступниками были убиты два немецких солдата, немцы расстреляли из автоматов сто четырнадцать мужчин, не имевших никакого отношения к произошедшему. В январе немцы расстреляли двести пятьдесят пять евреев в Варшаве после того, как еврейская община не выдала человека, которого немцы считали евреем (судя по его фамилии). Мужчина, которого требовали выдать, не имел никакого отношения к еврейской общине[8].

Немецкие солдаты получили инструкции считать евреев восточными варварами, и в Польше они действительно столкнулись с таким, чего никогда не увидели бы в Германии, – с большими религиозными общинами иудеев. Хотя Гитлер неистовствовал по поводу деструктивной роли евреев в жизни немецкого общества, евреи составляли мизерный процент немецкого населения. Среди немецких граждан, которые по Нюрнбергским законам считались евреями, большинство были светскими людьми, а многие даже не идентифицировали себя с еврейской общиной. Евреи в Германии были очень ассимилированы и часто сочетались браком с неевреями. По историческим причинам еврейская жизнь в Польше была совсем другой. Евреев изгнали из Германии в позднем Средневековье, как и из большинства земель Центральной и Западной Европы. Польша в течение веков была раем для евреев, она стала и оставалась центром европейских еврейских поселений. В 1939 году евреи составляли около десяти процентов польского населения; большинство из них были религиозными, носили традиционное одеяние и соблюдали обычаи. Они в основном говорили на идише, который немцы считали искаженным вариантом собственного языка. В Варшаве и Лодзи – двух самых важных еврейских городах Польши – евреи составляли треть населения.

Судя по переписке немецких офицеров и солдат, они видели в польских евреях живые стереотипы, а не людей, особый сорт паразитов на и без того отсталой польской земле. Немцы в своих письмах к женам и подругам описывали жуткий беспорядок и грязь. В их представлении о Польше все красивое было создано предыдущими немецкими поселенцами, а все отвратительное было результатом еврейской коррупции и польской лени. Казалось, немцы ощущали непреодолимое желание привести внешний вид евреев в порядок.

[8] *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – Warszawa: Świat Książki, 2008. – Pp. 52–53.

Снова и снова солдаты окружали еврейских мужчин и брили им пейсы, а другие в это время смеялись и фотографировали. Они также между делом насиловали еврейских женщин, как будто это не было преступлением, за которое они могут быть наказаны. Если их ловили на содеянном, то напоминали им о немецких законах, запрещавших расовое кровосмешение[9].

В городе Солец евреев взяли в плен и закрыли в подвале. После попытки к бегству солдаты закидали подвал гранатами и убили всех. В городе Рава Мазовецкая немецкий солдат попросил у еврейского мальчика воды. Когда мальчик бросился бежать, солдат прицелился и выстрелил, но попал в одного из своих товарищей. Тогда немцы согнали сотни людей на городскую площадь и расстреляли их. В городе Дынув в середине сентября ночью расстреляли из автоматов около двухсот евреев. В целом, евреи составили около семи тысяч из примерно сорока пяти тысяч польских мирных граждан, расстрелянных немцами к концу 1939 года, – это было несколько больше, чем процент евреев в польском населении[10].

Для нацистского мировоззрения, которым прониклись немецкие офицеры и солдаты, еврейский солдат представлял еще большую проблему, чем польский. Евреев вычистили из немецких вооруженных сил еще в 1935 году. Однако польские евреи, как и все мужское население Польши, призывались к службе в рядах польской армии. Среди офицеров было много евреев, особенно среди врачей. Немцы отбирали евреев из подразделений и отправляли в специальные штрафные концлагеря.

Германия уже практически выиграла войну, когда 17 сентября в войну вступил СССР. В тот день, когда немецкая авиация бомбила Львов (самый важный в то время польский город на юго-востоке), Красная армия подходила к нему. Вход в Польшу полумиллиона советских солдат вызвал одновременно

[9] *Böhler J.* «Größte Härte». – P. 19.

[10] О городе Солец см.: *Böhler J.* «Größte Härte». – P. 116. О еврейском мальчике, у которого попросили воды, см.: *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland. – P. 172. О Дынуве см.: *Böhler J.* «Größte Härte». Der Überfall. – P. 200. По подсчетам Россино, евреи составляли семь из пятидесяти тысяч польских гражданских лиц, убитых немцами к концу 1939 года (см.: *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland. – P. 234). Такие же цифры приведены в книге: *Mallmann K.-M., Bühler J., Matthäus J.* Einsatzgruppen in Polen. – P. 88. Бёлер приводит цифру тридцать тысяч на конец октября (см.: *Böhler J.* «Größte Härte». «Größte Härte». – P. 140) и сорок пять тысяч, из которых евреев было семь тысяч, к концу того же года (см. *Böhler J.* «Größte Härte». Der Überfall. – P. 138).

и страх, и надежду. Полякам хотелось верить, что советские солдаты пришли сражаться с немцами. Некоторые сбитые с толку польские солдаты, изгнанные на восток немецкими атаками, на мгновение поверили, что у них есть союзники. Польские вооруженные силы отчаянно нуждались в помощи[11].

СССР утверждал, что его интервенция необходима, поскольку польское государство прекратило свое существование. Поскольку Польша больше не могла защищать собственных граждан, говорилось дальше, Красной армии пришлось войти в страну с миротворческой миссией. Советская пропаганда утверждала, что в защите особенно нуждались большие национальные меньшинства украинцев и беларусов. Однако, вопреки риторике, советские офице-

[11] Об основаниях для такой надежды см.: *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – London: Gryf Printers, 1974. – Pp. 54–59.

ры и солдаты готовились к войне и получили ее. Красная армия разоружила польские подразделения, а где было нужно – и сражалась с ними. Полмиллиона человек пересекли границу, которую никто больше не защищал, чтобы воевать с врагом, который был уже разбит. Советские солдаты встречали немецких солдат, демаркировали границу и в одном случае даже организовали совместный марш победителей. Сталин говорил о том, что альянс с Германией «скреплен кровью». Это была преимущественно кровь польских солдат, из которых более шестидесяти тысяч погибли в бою[12].

В таких городах, как Львов, в котором одновременно действовали Вермахт и Красная армия, перед польскими солдатами вставал трудный выбор: кому сдаться? Советские военные обещали им безопасное возвращение домой после короткого собеседования. Никита Хрущев, сопровождавший советских солдат, повторял заверение. Художник Юзеф Чапски, польский офицер запаса, был среди тех, кого предали такой ложью. Его подразделение было отброшено назад немцами, а затем окружено советскими войсками. Чапскому и его людям обещали, что их привезут во Львов и там отпустят. Вместо этого их всех погрузили в грузовики на рыночной площади города. Женщины со слезами бросали им сигареты. Молодой еврей купил яблок и бросил их пленным в грузовик. Возле здания почты женщины забрали записки, которые солдаты написали своим семьям. Пленных отвезли на железнодорожную станцию и отправили на восток[13].

При пересечении советской границы у них возникло чувство, что они въезжают, по воспоминаниям Чапского, в «другой мир». Чапски сидел вместе с товарищем-ботаником, тоже офицером запаса, который любовался высокими травами в степях Украины. В другом вагоне польские фермеры смотрели сквозь щели на советские колхозы и с болью качали головами от вида беспорядка и запущенности. На остановке в Киеве, столице Советской Украины, польских офицеров ждал неожиданный прием. Украинцы с грустью смотрели на польских офицеров под охраной советских солдат. Некоторые из них, казалось, все еще верили, что именно польская армия освободит Украину от Сталина. Вместо этого около пятнадцати тысяч польских офицеров оказались

---

[12] Цит.: *Weinberg G.L.* A World at Arms. – P. 57.

[13] О предательстве во Львове см.: Katyn: A Crime Without Punishment / Ed. by Cienciala A.M., Lebedeva N.S., Materski W. – New Haven: Yale University Press, 2007. – P. 20; *Czapski J.* Wspomnienia starobielskie. – Nakład Oddziału Kultury i Pracy II Korpusu, 1945. – P. 9–10; *Wnuk R.* «Za pierwszego Sowieta». Polska konspiracjz na Kresach Wschodnich II Rzeszypospolitej. – Warszawa: IPN, 2007. – P. 35.

в трех советских лагерях, которые подчинялись НКВД: один в восточной части Советской Украины (Старобельск), а два – в Советской России (Козельск и Осташков)[14].

Устранение этих мужчин (среди них была одна-единственная женщина) походило на обезглавливание польского общества. Советские войска взяли более ста тысяч военнопленных, но отпустили рядовых, оставив только офицеров. Более двух третей из них были офицерами запаса. Подобно Чапскому и его спутнику-ботанику, эти офицеры запаса были образованными профессионалами и интеллектуалами, не военными. Тысячи врачей, юристов, ученых, профессоров и политиков были устранены из Польши[15].

Тем временем советская оккупационная власть в Восточной Польше раздавала высокие должности представителям низших слоев общества. Тюрьмы освободились, и политических заключенных (обычно это были коммунисты) поставили во главе местной администрации. Советские агитаторы призывали крестьян отомстить землевладельцам. Хотя большинство людей противилось призывам к совершению преступлений, тысячи не смогли устоять в царившем хаосе. Неожиданно участились убийства топором. Одного мужчину привязали к столбу, содрали местами с него кожу, посыпали раны солью и заставили смотреть, как убивают его семью. Обычно Красная армия вела себя хорошо, но иногда солдаты присоединялись к бесчинствам, как, например, в случае, когда двое убили представителя местной власти, а затем вырвали у него золотые зубы[16].

На фоне этих событий в страну массированно вошел НКВД. В последующий двадцать один месяц он произвел больше арестов в оккупированной восточной Польше, чем во всем Советском Союзе, схватив около 109 400 поль-

[14] Об украинской степи см.: *Czapski J.* Wspomnienia starobielskie. – P. 15. О чувствах польских фермеров см.: *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – Pp. 98–99.

[15] По подсчетам Грицюка, военнопленных было 125 тысяч (*Hryciuk G.* Victims 1939–1941: The Soviet Repressions in Eastern Poland // Shared History – Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland / Ed. by Barkan E., Cole E. A., Struve K. – Leipzig: Leipzig University-Verlag, 2007. – P. 179), а по подсчетам Циенциала – 230–240 тысяч (Katyn: A Crime. – P. 26). СССР удерживал около пятнадцати тысяч человек на тяжелой работе в шахтах и на строительстве дорог, из которых около двух тысяч погибли в 1941 году во время эвакуации (см.: *Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – P. 180).

[16] Примеры того, как люди из тюрьмы попадали во власть в разных районах, см.: HI 209/1/10420, HI 209/6/5157, HI 209/11/4217, HI 210/14/10544, HI 210/14/4527, HI 210/14/2526, HI 209/13/2935, HI 210/12/1467. О вышеперечисленных случаях бесчинств см.: *Gross J.T.* Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. – Princeton: Princeton University Press, 2000. – Pp. 37, 44. Детальнее о подобных случаях см.: HI 209/13/2935, HI 209/13/3124, HI 210/1/4372, HI 210/5/4040, HI 210/14/4908, HI 209/7/799.

ских граждан. Обычным приговором было восемь лет ГУЛАГа; к смерти были приговорены 8513 человек[17].

На запад от линии Молотова-Риббентропа, там, где правила Германия, методы были еще менее утонченными. Теперь, когда Вермахт победил иностранную армию, приемы СС можно было опробовать на чужом населении.

Айнзацгруппы как инструмент истребления были творением Рейнхарда Гейдриха, который был правой рукой Генриха Гиммлера. Айнзацгруппы были специальными силами полиции безопасности и включали в себя другие подразделения полиции, чьей миссией было наведение порядка в тылу воюющих войск. С 1939 года они подчинялись гейдриховскому главному управлению имперской безопасности, состоявшему из полиции безопасности (правительственная структура) и СД (служба безопасности рейсхфюрера СС, служба разведки СС, которая была структурой Нацистской партии). Айнзацгруппы действовали в Австрии и Чехословакии, но в этих странах они не столкнулись с сопротивлением, поэтому у них не было спецмиссии уничтожать определенные категории населения. Только в Польше айнзацгруппы должны были выполнить свою миссию «идеологических солдат» путем уничтожения образованных классов побежденного врага (в определенном смысле они убивали своих коллег: у пятнадцати из двадцати пяти командующих айнзацгруппами и айнзацкомандами была докторская степень). В ходе операции «Танненберг» Гейдрих хотел, чтобы айнзацгруппы обезвредили «высшие слои общества», убив шестьдесят одну тысячу польских граждан. Как сказал Гитлер, «только ту нацию, чьи высшие слои уничтожены, можно загнать в рабство». Конечной целью этого проекта по обезглавливанию было «разрушить Польшу» как дееспособное общество. Убив самых образованных поляков, айнзацгруппы должны были сделать так, чтобы Польша напоминала немецкую расистскую фантазию об этой

[17] О типичном приговоре см.: *Jasiewicz K.* Zagłada polskich Kresów. Ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. – Warszawa: Volumen, 1998. – P. 172. Об аресте 109 400 человек и о 8513 людях, приговоренных к смерти, см.: *Hryciuk G*. Victims 1939–1941. – P. 182. О диспропорции цифр арестов и заключения в тюрьму см.: *Khlevniuk O.* The History of Gulag. – P. 236; *Głowacki A.* Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. – Łódź: Wydawnictwo Uniwesytetu Łódzkiego, 1998. – P. 292.

стране, и сделать ее неспособной сопротивляться немецкому строю[18].

Айнзацгруппы подошли к выполнению своего задания с кровожадной энергичностью, но у них не было опыта, а поэтому – и таких навыков, как у НКВД. Они убивали гражданское население, часто под прикрытием карательных операций против якобы партизан. В городе Быдгощ айнзацгруппы уничтожили около девятисот поляков. В Катовице – еще семьсот пятьдесят человек во внутреннем дворе, преимущественно женщин и девочек. Всего айнзацгруппы убили около пятидесяти тысяч польских граждан в ходе операций, которые не имели ничего общего со сражениями. Но эти пятьдесят тысяч, кажется, были не первыми в их списке, состоявшем из шестидесяти одной тысячи жертв. Очень часто это были группы людей, отобранные под влиянием момента. В отличие от НКВД, айнзацгруппы не следовали букве протокола и в Польше не вели точных записей о расстрелянных людях[19].

Большего успеха айнзацгруппы достигли в операциях против евреев, что требовало значительно меньшей дискриминации. Одной айнзацгруппе была поставлена задача терроризировать евреев, чтобы те сбежали на восток, из немецкой оккупационной зоны – в советскую. Максимальный объем этой работы предполагалось выполнить в сентябре 1939 года, когда все еще проводились военные операции. Так, например, в городе Бендзин эта айнзацгруппа сожгла синагогу огнеметами, убив за два дня пятьсот евреев. Айнзацкоманды (меньшие по размеру подразделения) выполняли похожую миссию. В городе Хелм одна из них получила задание грабить богатых евреев. Немцы на улицах производили полный личный досмотр женщин, которые выглядели как еврейки, и досмотр полостей тела в помещении. Они ломали людям пальцы, снимая обручальные кольца. В городе Пшемысль с 16 по 19 сентября айнзацкоманды расстреляли по крайней мере пятьсот евреев. Результатом таких операций было то, что сотни тысяч евреев сбежали в советскую оккупационную

---

[18] О 61 тысяче польских граждан см.: *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland. – Pp. 15, 30 (о «разрушить Польшу» – P. 77). См. также: *Ingrao C.* Violence de guerre, violence génocide: Les Einsatzgruppen // La violence de guerre 1914–1945 / Ed. by Audion-Rouzeau S., Becker A., Ingrao Chr., Rousso H. – Paris: Éditions Complexes, 2002. – Pp. 219–220. О Гейдрихе и Гитлере см.: *Mallmann K.-M., Bühler J., Matthäus J.* Einsatzgruppen in Polen. – P. 57; *Mańkowski Z.* Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNO-IPN, 1922. – P. 7. О докторских степенях см.: *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2004. – P. 16.

[19] О Катовице см.: *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland. – P. 78. Об отсутствии точного числа жертв см.: *Mallmann K.-M., Bühler J., Matthäus J.* Einsatzgruppen in Polen. – P. 80.

зону. Из окрестностей Люблина более двадцати тысяч евреев были попросту изгнаны[20].

После того, как Польша была покорена, немцы и их советские союзники встретились еще раз, чтобы пересмотреть свои отношения. В день, когда Варшава пала перед немцами, 28 сентября 1939 года, союзники подписали договор о дружбе и границах, который несколько изменил зоны влияния. По нему Варшава отходила немцам, а Литва – СССР (это граница, обозначенная на картах как «линия Молотова-Риббентропа»). Договор также обязывал обе стороны подавлять любое польское сопротивление режиму союзника. Нацистская Германия и Советский Союз подписали 4 октября еще один протокол, который обозначал их новую совместную границу. Польша прекратила свое существование.

Несколькими днями позже Германия формально аннексировала некоторые регионы в своей зоне, оставив остальную часть территории как колонию, известную под названием Генерал-губернаторства. Оно должно было стать свалкой для ненужных людей – поляков и евреев. Гитлер считал, что поляков можно держать в каком-нибудь восточном регионе в своего рода «природной резервации». Генерал-губернатор, которым был бывший юрист Гитлера Ганс Франк, разъяснил положение населения в двух приказах, изданных в конце октября 1939 года: в одном указывалось, что за порядком должна следить немецкая полиция, в другом – что у немецкой полиции есть полномочия выносить смертный приговор любому поляку, совершившему какое бы то ни было действие, которое могло быть расценено как направленное против интересов Германии и немцев. Франк верил, что поляки скоро поймут «безнадежность своей национальной участи» и примут верховенство немцев[21].

----

[20] У айнзацгруппы z.b.V было задание выгнать евреев (см. *Rossino A.B.* Hitler Strikes Poland. – Pp. 90, 94, 98, 101 (указана цифра 22 тысячи человек)). О Пшемысле см.: *Böhler J.* Der Überfall. – Pp. 202–203. См. также: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbestazung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944, Munich: R. Oldenbourg, 2008 Herrschaft. – P. 52.

[21] О Гитлере см.: *Rutherford P.T.* Prelude to the Final Solution: The Nazi Program for Deporting Ethnic Poles, 1939–1941. – Lowrence: University Press of Kansas, 2007. – P. 53. О Франке см.: *Seidel R.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen: Der Distrikt Radom 1939–1945. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006. – P. 184. О Франке как бывшем юристе Гитлера см.: *Mazower M.* Hitler's Empire. – P. 74.

На востоке от линии Молотова-Риббентропа советский режим расширял собственную систему. Москва расширила территории Украинской и Беларусской республик на запад за счет Восточной Польши, заставляя новое население республик участвовать в аннексии собственной родины. Когда Красная армия вошла в Польшу, она преподносила Советскую державу как великую освободительницу национальных меньшинств от польского строя, а также как великую защитницу крестьян от помещиков. В Восточной Польше 43% населения составляли поляки, 33% – украинцы, насчитывалось по 8% евреев и беларусов, а также незначительный процент чехов, немцев, русских, цыган, татар и других народов. Но теперь представители каждой национальности и каждого класса должны были выражать ритуализованное одобрение нового порядка. 22 октября 1939 года всему взрослому населению тех территорий, которые СССР называл «Западной Белоруссией» и «Западной Украиной», пришлось проголосовать за избрание депутатов двух Народных собраний, временный характер которых обнаруживался в одном из законодательных положений – просьбе о том, чтобы земли Восточной Польши были присоединены к Советскому Союзу. До 15 ноября формальности аннексии были улажены[22].

Советский Союз принес в Восточную Польшу собственные институты и практики. Все теперь должны были зарегистрироваться для получения внутреннего паспорта, что значило наличие у государства информации обо всех его новых гражданах. После регистрации граждан последовал призыв в армию: около ста пятидесяти тысяч молодых поляков (поляков, украинцев, беларусов, евреев) вскоре оказались в рядах Красной армии. Регистрация позволяла еще и беспрепятственно заниматься главной советской социальной политикой – депортациями[23].

Советское Политбюро 4 декабря 1939 года приказало НКВД организовать высылку определенных групп польских граждан, которые представляли опасность для новой власти: ветеранов войны, лесничих, госслужащих, полицейских и членов их семей. Вслед за этим, февральским вечером 1940 года, в почти сорокаградусный мороз, НКВД схватил их всех: 139 794 человека, арестованных дома ночью под дулом автоматов, погрузили в товарные вагоны, направлявшиеся на спецпоселения в далеком Советском Казахстане или

[22] *Wnuk R.* «Za pierwszego Sowieta». – Pp. 13–23. Авторитетным изданием по этой теме является: *Gross J.T.* Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. – Princeton: Princeton University Press, 2002.

[23] *Wnuk R.* «Za pierwszego Sowieta». – P. 23; *Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – P. 199.

Сибири. Вся их жизнь круто изменилась еще до того, как они осознали, что происходит. Спецпоселения как часть ГУЛАГа были зонами принудительного труда, куда десятью годами ранее ссылали «кулаков»[24].

Поскольку НКВД определял понятие «семья» очень широко, то поезда были набиты пожилыми родителями и детьми тех людей, которые считались опасными. Во время остановок в пути следования на восток охранники ходили из вагона в вагон, спрашивая, есть ли еще умершие дети. Веслав Адамчик, которому в то время было одиннадцать лет, спросил маму, забирают ли советские солдаты детей в ад. Еду и воду выдавали очень нерегулярно, а вагоны для скота не были оборудованы для путешествий и в них было очень холодно. Со временем дети научились облизывать иней с металлических гвоздей и видели, как старики замерзают насмерть. Мертвых взрослых забирали из вагонов и бросали в наспех вырытую общую могилу. Другой мальчик выглядывал из вагона и пытался их запомнить; позже он напишет, что, даже когда мертвые исчезали, «в наших мыслях оставались их мечты и их желания»[25].

Только за время пути умерло около пяти тысяч человек; до лета же умерло еще около одиннадцати тысяч. Маленькая польская девочка в сибирской школе описала, что произошло с ее семьей: «Брат заболел и через неделю умер от голода. Мы похоронили его на холме в сибирской степи. Мама от переживаний тоже заболела от голода, распухла и два месяца лежала в бараке. Они не хотели везти ее в больницу, пока не пришел конец. Тогда они забрали ее, и мама лежала в больнице две недели. Потом ее жизнь закончилась. Когда мы об этом узнали, нас охватило огромное отчаяние. Мы пошли на похороны за двадцать пять километров, мы пошли на холм. Можно услышать шум сибирского леса, где лежат два члена моей семьи»[26].

Эти поляки были чужими и беспомощными в Центральной Азии или на севере России даже больше, чем «кулаки», оказавшиеся там до них. Они, как

---

[24] О 139 794 угнанных из собственных домов см.: *Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – P. 184. Гловацкий пишет о температуре минус 42 градуса по Цельсию (см.: *Głowacki A.* Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. – P. 328); см. также: *Jolluck K.R.* Exile and Identity: Polish Women in the Soviet Union During World War II. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002. – P. 16.

[25] Об «аде» и умиравших стариках см.: Polskie dziezi na tułzczych szlakach 1939–1950 / Ed. by Wróbel J., Żelazko J. – Warszawa: IPN, 2008. – Pp. 156, 178. См. также: *Gross J.T.* Revolution from Abroad. – Pp. 214–218. Об «их мечтах и их желаниях» см.: *Gruszińska I., Gross J.T.* War Through Children's Eyes: The Soviet Occupation and the Deportations, 1939–1941. – Stanford: Hoover Institution Press, 1981. – P. 78.

[26] *Jolluck K.R.* Exile and Identity. – P. 41.

правило, не знали русского языка, тем более – казахского. Местные, особенно в Центральной Азии, видели в них еще одну обузу, навязанную центром. По воспоминаниям о Казахстане одного поляка, «местные мало говорили по-русски и были очень недовольны всем этим и необходимостью кормить лишние рты; поначалу они ничего нам не продавали и никак не помогали». Поляки не могли знать, что еще десять лет назад треть населения Казахстана вымерла от голода. Одного поляка, отца четырех детей, убили в колхозе из-за его сапог. Другой отец умер от голода в Сибири. Его сын вспоминал: «Он распух. Они завернули его в простыню и сбросили в яму». Третий отец семейства умер от тифа в Вологде – северорусском городе смерти. Его двенадцатилетний сын уже тогда был немного философом: «Человек рождается однажды и умирает только раз. Так оно и случилось»[27].

Депортированные поляки, видимо, никогда раньше не слышали слово «кулак», а теперь открывали для себя историю его происхождения. В одном сибирском поселке поляки нашли скелеты «кулаков», депортированных в 1930-х годах. В другом поселке 16-летний поляк понял, что бригадир на его работе в лагере был «кулаком». По воспоминаниям тогдашнего подростка, «он честно мне сказал о том, что было у него на сердце», – о вере в Бога. Поскольку поляков считали римо-католиками, то есть христианами, то их присутствие вызывало такие признания насчет веры у украинцев и русских. Но даже на Дальнем Востоке советские власти относились с огромной ненавистью к любому проявлению польскости. Польский мальчик, пришедший в город выменять одежду на еду, повстречал милиционера, который ударом сбил с его головы картуз. На картузе был изображен белый орел – символ Польского государства. Милиционеры не разрешили мальчику поднять картуз с земли. Как писали советские журналисты и повторяли советские учителя, Польша пала и больше никогда не поднимется[28].

----

[27] До 1 июля 1941 года в спецпоселениях среди депортированных умерло 10 864 человека – см.: *Khlevniuk O.* The History of the Gulag. – P. 279. О «местных» см.: The Dark Side of the Moon. – London: Faber and Faber, 1946. – P. 143. О распухшем отце и сапогах см.: *Gruszińska I., Gross J.T.* War Through Children’s Eyes. – Pp. 63, 88.

[28] О скелетах, о том, «что было у него на сердце», и эмблеме с белым орлом см.: *Gruszińska I., Gross J.T.* War Through Children’s Eyes. – Pp. 191, 202, 78 (а также 71, 194).

С помощью подсчета, классификации и силы советская власть могла принудить поляков подчиниться уже существующей системе. После нескольких недель хаоса она расширила свое государство на запад и освободилась от самых опасных потенциальных оппонентов. В западной части Польши, на запад от линии Молотова-Риббентропа, немцы не могли применить такой подход. Гитлер совсем недавно расширил свой Рейх, заняв Австрию и Чехословакию, но никогда до этого не занимал территории, заселенные таким большим количеством людей, не являвшихся немцами. В отличие от СССР, нацисты не могли даже утверждать, что принесли справедливость и равенство угнетенным народам или классам. Все знали, что нацистская Германия существует для немцев, и немцы не считали нужным притворяться, что это не так.

Предпосылка национал-социализма состояла в том, что немцы – высшая раса. Это предположение, столкнувшись с существованием польской цивилизации, нацисты должны были доказать, по крайней мере, самим себе. В древнем польском городе Кракове всех профессоров прославленного университета отправили в концлагеря. Статую Адама Мицкевича, великого поэта-романтика, сбросили с пьедестала на Рыночной площади, которую переименовали в Адольф-Гитлер-Плац. Подобные действия имели не только символический, но и практический характер. Краковский университет был старше любого университета в Германии. Мицкевича в его время уважали европейцы так же, как и Гете. Наличие такого заведения и такой истории, как и наличие польского класса просвещенных людей, было преградой на пути немецких планов, а также проблемой для нацистской идеологии[29].

Сама польскость должна была исчезнуть с лица земли и замещена «немецкостью». Как написал Гитлер, Германия «должна закупорить эти чужеродные расовые элементы так, чтобы кровь ее народа снова не испортилась, либо же она должна без дальнейших отлагательств устранить их и передать освободившуюся территорию своим национальным товарищам». В начале октября 1939 года Гитлер возложил на Генриха Гиммлера еще одно задание. Рейхсфюрер СС и руководитель служб германской полиции, Гиммлер теперь стал «рейхскомиссаром по германизации» – кем-то вроде министра по расовым вопро-

---

[29] *Pankowicz A.* Akcja AB w Krakowie // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – P. 43; *Burleigh M.* Germany Turns Eastwards: A Study of Ostforschung in the Third Reich. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 275.

сам. В регионах, аннексированных Германией у Польши, Гиммлер должен был устранить местное население и заменить его немецким[30].

Гиммлер взялся за работу с энтузиазмом, но задание было трудным: это были польские территории, а многочисленного немецкого нацменьшинства в независимой Польше не было. Когда СССР объявил, что входит в Восточную Польшу для защиты украинцев и беларусов, это, по крайней мере, выглядело правдоподобно с точки зрения демографии: их в Польше было около шести миллионов человек. А немцев, наоборот, было менее миллиона человек. На недавно аннексированных Германией территориях поляки по численности превосходили немцев в соотношении примерно 15:1[31].

К этому моменту министр гитлеровской пропаганды Йозеф Геббельс уже контролировал немецкую прессу, и таким образом у немцев (и тех, кто верил их пропаганде) создавалось впечатление, что в Западной Польше находится огромное количество немцев и что они подвергаются ужасным репрессиям. В реальности же все было совсем не так. И проблема состояла не только в том, что приблизительно девять миллионов поляков существенно превышали количество немцев в новых областях Рейха. Гитлер только что прибавил к своему Рейху значительно больше *евреев* (по крайней мере шестьсот тысяч человек), чем немцев, и по этой причине почти утроил количество евреев в Германии (с приблизительно трехсот тридцати тысяч человек до почти миллиона). Вместе с Генерал-губернаторством (на территории которого насчитывалось один миллион пятьсот шестьдесят тысяч евреев) он добавил более двух миллионов евреев к контролируемым Берлином владениям. В городе Лодзь, который был присоединен к Германии, было больше евреев (233 000 человек), чем в Берлине (82 788 человек) и Вене (91 480 человек) вместе взятых. Только в Варшаве, которая входила теперь в состав Генерал-губернаторства, было больше евреев, чем во всей Германии. Этой аннексией Гитлер присоединил к Рейху больше поляков, чем он присоединил немцев в ходе этой и предыдущих аннексий, включая Австрию и пограничные регионы Чехословакии. Принимая во внимание Генерал-губернаторство и Протекторат Богемии и Моравии, аннексированный у распавшейся Чехословакии, Гитлер прибавил к своей империи около двадцати миллионов поляков, шесть

---

[30] Цит.: *Shore Z.* What Hitler Knew: The Battle for Information in Nazi Foreign Policy. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – P. 15. См. также: *Rutherford P.T.* Prelude to the Final Solution. – P. 56.

[31] *Rutherford P.T.* Prelude to the Final Solution. – Pp. 59, 75.

миллионов чехов и два миллиона евреев. Теперь в Германии было больше славян, чем в других европейских государствах, за исключением Советского Союза. В своем крестовом походе во имя расовой чистоты Германия к концу 1939 года стала вторым по величине многонациональным государством в Европе. Первым, конечно же, был Советский Союз[32].

Артур Грейзер, назначенный гаулейтером самых больших новых регионов Германии, известных как «рейхсгау Вартеланд», был особенно восприимчив к идее «германизации». Его провинция расширилась с запада на восток, от крупного польского города Познань до другого крупного города Лодзь. Эта территория была домом приблизительно для четырех миллионов поляков, трехсот шестидесяти шести тысяч евреев и трехсот двадцати семи тысяч немцев. Гиммлер предложил депортировать к февралю 1940 года миллион человек, в том числе всех евреев и несколько сотен тысяч поляков. Грейзер начал проект по «германизации» с того, что очистил помещения трех психиатрических лечебниц, расстреляв пациентов. Пациентов четвертой психиатрической лечебницы в селе Овинская ждала другая участь: в октябре и ноябре 1939 года их забирали в штаб-квартиру местного Гестапо и травили угарным газом, испускаемым из канистр. Это было первое немецкое массовое уничтожение таким методом. Было убито около семи тысяч семисот польских граждан из заведений для душевнобольных, что обозначило начало политики «эвтаназии», которая вскоре начнет действовать и в границах довоенной Германии. В течение двух последующих лет будут отравлены газом более семидесяти тысяч немецких граждан в качестве «жизни, непригодной к жизни». «Германизация» имела как внутренний, так и внешний параметры; агрессивная война за границей позволяла убивать немецких граждан. Так это началось, и так будет продолжаться[33].

Цель устранения евреев из Германии совпала с другим идеологическим приоритетом – переселением немцев из Советского Союза. После того, как Советский Союз расширил свои границы на запад, захватив Восточную Поль-

[32] Об указанных цифрах см.: *Rutherford P.T.* Prelude to the Final Solution. – P. 59; Życie i zagłada Żydów polskich 1939–1945: Relacje świadków / Ed. by Grynberg M., Kotowska M. – Warsaw: Oficyna Naukowa, 2003. – P. xii; *Hilberg R.* The Destruction of the European Jews. – New Haven: Yale University Press, 2003. – 3 vols. – Pp. 156, 189 (volume I).

[33] О цифрах депортированных см.: *Rutherford P.T.* Prelude to the Final Solution. – Pp. 1, 75, 88. Про Овинскую см.: *Kershaw I.* Hitler. – P. 535; *Evans R.J.* The Third Reich at War. – Pp. 75–76. Об убийстве 7700 польских граждан из заведений для душевнобольных см.: *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution. – P. 189. Также см.: *Mazower M.* Hitler’s Empire. – P. 85.

шу, Гитлеру пришлось озаботиться немцами (бывшими гражданами Польши), которые оказались под советской властью. Гитлер организовал переезд этих людей в Германию. Они будут жить в Вартеланде, в домах депортированных поляков. Но это означало, что сначала нужно было депортировать не евреев, а польских фермеров, чтобы освободить место для прибывающих немцев. Но даже если евреям разрешалось до поры до времени оставаться в собственном доме, их ждали страдания и унижения. В городе Козенице ортодоксальных евреев заставляли плясать возле кипы горящих книг и скандировать: «Война – это наша вина». В городе Лович 7 ноября 1939 года все мужское еврейское население заставили маршем идти к зданию тюрьмы, после чего еврейская община должна была их выкупить[34].

Во время первой депортации из Вартеланда в Генерал-губернаторство, осуществлявшейся с 1 по 17 декабря 1939 года, преимущественное большинство из 87 883 человек составили поляки. Полиция выбрала сначала поляков, которые «представляют непосредственную опасность для немецкой нации». Во время второй депортации, проводившейся с 10 февраля по 15 марта 1940 года, было выслано еще 40 128 человек, и снова большинство из них были поляками. Путешествие было достаточно коротким: в обычное время дорога из Познани, столицы Вартеланда, до Варшавы, самого крупного города Генерал-губернаторства, заняла бы несколько часов. Тем не менее тысячи людей замерзли до смерти в поездах, которые часто днями простаивали на запасных путях. Гиммлер комментировал: «Там просто такой климат». Излишне говорить, что климат в Польше был преимущественно таким же, как и в Германии[35].

Зима 1939–1940 года в Польше и Германии была непривычно суровой; в Украине, России и Казахстане зима была еще холоднее. По мере того, как дни в советских спецпоселениях становились короче, тысячи польских граждан заболевали и умирали. В трех лагерях Советской России и Украины, где содержались польские военнопленные, мужчины соблюдали свой собственный политический и религиозный календарь. В Козельске, Осташкове и Старо-

[34] Цит.: *Urbański K.* Zagłada Żydów w dystrykcie radomskim. – Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2004. – P. 32. О Ловиче см.: Życie i zagłada. – Pp. 239–240.

[35] *Rutherford P.T.* Prelude to the Final Solution. – Pp. 9, 88, 102.

бельске люди нашли возможность отпраздновать 11 ноября – День Польской Независимости. Во всех трех лагерях мужчины собирались праздновать Рождество. Эти заключенные были в основном римо-католиками, но среди них было немало иудеев, протестантов, православных и греко-католиков. Они оказались в поруганных православных монастырских комплексах, молились или причащались по тихим углам разваливающихся соборов[36].

Узники видели, что произошло с православными монахами и монашками во время большевистской революции: скелеты в неглубоких могилах, выбитые пулями в стене очертания человеческих тел. Один из узников в Старобельске не мог не заметить стаи черного воронья, которое, казалось, никогда не покидало монастырь. Тем не менее, молитва приносила надежду и люди разных вероисповеданий молились вместе до 24 декабря 1939 года, когда из всех трех лагерей забрали священников, пасторов и раввинов – больше их никто никогда не видел[37].

Эти три лагеря были своего рода лабораторией для наблюдения за поведением польских просвещенных классов. Козельск, Осташков и Старобельск стали польскими на вид. У узников не было другой одежды, кроме армейской формы с белыми орлами на фуражках. Не нужно говорить, что никто не носил эту эмблему публично в бывшей Восточной Польше, где общественные места теперь украшали серп, молот и красная звезда. Даже когда закрыли польские университеты на немецкой стороне, а на советской сделали их украинскими и русскими, заключенные в лагерях организовывали лекции выдающихся польских ученых и гуманистов, которые были среди офицеров запаса. Офицеры создавали скромные кредитные кооперативы с тем, чтобы те, кто был победнее, мог позаимствовать у тех, кто был побогаче. Они декламировали наизусть стихи, заученные в школьном возрасте. Некоторые могли читать по памяти очень длинные романы эпохи польского реализма. Конечно же, у узников были размолвки, они дрались и крали друг у друга, а несколько человек (как выяснилось, всего несколько) согласились сотрудничать с советскими властями. Офицеры не могли прийти к согласию по вопросу, как держать себя

[36] Общее описание трех лагерей см.: Katyn: A Crime. – Pp. 29–33; *Abramov V.* The Murderers of Katyn. – New York: Hippocrene Books, 1993. – Pp. 46, 83, 101; *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – Pp. 113–114. О праздновании Рождества см.: *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – Pp. 156–157.

[37] Katyn: A Crime. – P. 33. Об очертаниях тел и скелетах см.: *Czapski J.* Wspomnienia starobielskie. – Pp. 16, 31; *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – Pp. 115–117. О воронье см.: *Berling Z.* Wspomnienia: Z łagrów do Andersa. – Warszawa: PDW, 1990. – P. 34.

в руках во время длинных ночных допросов. И все же дух национальной солидарности был ощутим, возможно, даже и для советской власти[38].

Мужчины, тем не менее, были одиноки. Они могли писать своим семьям, но не могли рассказывать о своем положении. Им приходилось быть осторожными, так как они знали, что НКВД просматривает все, что они пишут. Узник из Козельца, Добеслав Якубович, доверял дневнику письма, которые хотел написать своей жене, о своих мечтах увидеть, как она одевается, о желании увидеть дочку. Узники вместо обратного адреса должны были писать адрес санатория, что приводило к очень болезненной неразберихе[39].

Узники подружились со сторожевыми собаками и собаками из близлежащих городков. Собаки приходили в лагеря, пробегали через ворота мимо охранников или пролезали через дыры под забором либо в самом заборе с колючей проволокой, которые были слишком малы для человека. Одним из офицеров запаса в Старобельске был Максимилиан Лабендзь, самый известный ветеринар Варшавы. Уже пожилой человек, он еле пережил высылку. Он присматривал за собаками, а иногда даже проводил операции. Его любимцем был песик, которого офицеры назвали Линек, сокращенно от Сталинек (то есть, по-польски, «маленький Сталин»). Всеобщим же любимцем среди приходящих собак был Фош, названный по фамилии французского генерала, главнокомандующего союзными войсками, разбившими Германию в 1918 году. Конец 1939-го – начало 1940 года – это было время, когда польское правительство в изгнании обосновалось в Париже и когда поляки еще надеялись, что Франция победит Германию и спасет Польшу. Свои надежды на контакт с внешним миром они возлагали на маленькую собачку Фош, у которой, казалось, в городе был дом. Они запихивали записки под ошейник, надеясь на ответ. Однажды, в марте 1940 года, они его получили: «Люди говорят, что вас скоро отпустят из Старобельска. Люди говорят, вы поедете домой. Мы не знаем, правда ли это»[40].

---

[38] *Czapski J.* Wspomnienia starobielskie. – P. 18; *Swianiewicz S.* In the Shadow of Katyń. – Calgary: Borealis, 2002. – P. 58; *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – Pp. 205–209; Katyn: A Crime. – Pp. 33–35, 84–99, 159 (о том, сколько всего было стукачей; согласно данным, приведенным в этой книге, – около сотни).

[39] Pamiętniki znalezione w Katyniu. – Paris: Editions Spotkania, 1989. – Pp. 30, 38, 43, 53 (Якубович). Об обратном адресе см.: *Swianiewicz S.* In the Shadow of Katyń. – P. 65.

[40] Про дружбу узников с собаками см.: *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – Pp. 256–257; *Abramov V.* The Murderers of Katyn. – Pp. 86, 102; *Czapski J.* Wspomnienia starobielskie. – P. 43. О ветеринаре, который за ними ухаживал, см.: *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – Pp. 84, 256.

Это была неправда. В том месяце в Москве начальник сталинского НКВД, Лаврентий Берия, возможно, под влиянием Сталина, принял решение. Берия прямо написал, что хочет ликвидации польских военнопленных. В предложении к Политбюро, то есть на самом деле к Сталину, Берия написал 5 марта 1940 года, что каждый из польских офицеров «только и ждет, когда его освободят, чтобы активно начать сражаться против советской власти». Он утверждал, что контрреволюционные организации на новых советских территориях возглавляют бывшие офицеры. В отличие от заявлений о «Польской военной организации», имевших место пару лет назад, это не было вымыслом. Советский Союз оккупировал и аннексировал половину Польши, и некоторые поляки считали своим долгом сопротивляться. Приблизительно двадцать пять тысяч таких поляков входили в состав разных организаций сопротивления в 1940 году. Правда, в такие организации быстро проникал НКВД и все их члены подвергались арестам, но оппозиция была очевидной и ощутимой. Берия использовал реальность польского сопротивления для оправдания своего предложения относительно военнопленных: «применить к ним высшую меру наказания – расстрел»[41].

Сталин одобрил предложение Берии, и маховик Большого террора вновь закрутился. Берия учредил специальную «тройку» для быстрого рассмотрения дел всех польских военнопленных. Эта «тройка» была наделена властью пренебрегать предложениями предыдущих следователей и выносить вердикты без каких-либо контактов с самими осужденными. Похоже на то, что Берия установил квоту на расстрелы, как это было в 1937-м и 1938 годах: все узники в трех лагерях плюс шесть тысяч человек из тюрем в Западной Беларуси и Западной Украине (по три тысячи человек в каждой), плюс особо опасные элементы среди некомиссованных офицеров, которые не были арестованы. После быстрого просмотра дел 97% поляков в трех лагерях, а это 14 587 человек, были приговорены к смерти. Исключение составили несколько советских агентов, этнические немцы и латыши, а также люди, имевшие иностранную протекцию. Шесть тысяч заключенных из тюрем также были приговорены к смерти, как и 1305 человек, арестованных в апреле[42].

[41] О польском подполье см.: *Wnuk R.* «Za pierwszego Sowieta». – Pp. 368–371. О решении расстрелять узников см.: Katyn: A Crime. – Pp. 116–120 (цитата на с. 118). Также см.: *Jasiewicz K.* Zagłada polskich Kresów. – P. 129.

[42] *Jasiewicz K.* Zagłada polskich Kresów. – Pp. 131, 144–145, 159. Этих 7305 человек, видимо, расстреляли в Быковне и Курапатах – основных местах уничтожения людей во время Большого террора (см.: *Kalbarczyk S.* Przedmioty odnalezione w Bykowni a Kuropatach świadczą o polskości ofiar // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2007. – №№ 10–11. – Pp. 47–53).

Узники трех лагерей ожидали, что их отпустят домой. Когда в апреле 1940 года из Козелецка забирали первые партии заключенных, товарищи устроили для уходивших прощальную церемонию. Офицеры имитировали (насколько это было возможно без оружия) почетный караул, когда уезжающие шли к автобусам. Заключенных в группах по несколько сотен человек довезли по железной дороге через Смоленск к меньшей станции Гнявдово. Там их ссадили с поезда и

они оказались перед кордоном солдат НКВД, у которых к винтовкам были пристегнуты штыки. Примерно по тридцать человек садились в автобусы, которые повезли их на Козлиные Горы, на опушку Катыньского леса. Там их обыскали и забрали все ценные вещи. Офицер Адам Сольски до последнего момента вел дневник: «Они спросили про обручальное кольцо, которое я...» Узников завели в здание на территории комплекса, где и расстреляли. Их тела потом доставляли, видимо, на грузовике по тридцать тел, к общей могиле, вырытой в лесу. Так продолжалось до тех пор, пока не расстреляли всех 4410 узников из Козельска[43].

В Осташкове, когда узники покидали лагерь, музыканты играли им для поднятия настроения. Их забрали на поезде группами по 250–300 человек в тюрьму НКВД в Калинине (ныне Тверь). Там их держали очень недолго, пока длилась сверка документов. Они ожидали, не зная, что будет потом, и, видимо, до последнего момента ни о чем не подозревали. Офицер НКВД спросил у одного из узников, который оказался наедине со своими тюремщиками, сколько ему лет. Молодой человек улыбнулся: «Восемнадцать». – «Чем ты занимался?» – «Был телефонным оператором» (все еще улыбаясь). – «Как долго ты проработал?» – Юноша посчитал на пальцах: «Шесть месяцев». После этого на него, как и на остальных 6314 узников, прошедших через эту комнату, надели наручники и отвели в звуконепроницаемую камеру. Двое держали за руки, а третий сзади выстрелил в затылок[44].

В Калинине главного палача, которого узники никогда не видели, звали Василием Блохиным. Он был одним из главных палачей Большого террора, когда командовал расстрельной командой в Москве. Ему доверяли казнь некоторых особо высокопоставленных фигурантов показательных процессов, но он также расстрелял тысячи рабочих и крестьян, которых уничтожали под строжайшим секретом. В Калинине он носил кожаную фуражку, фартук и длинные перчатки, чтобы не запачкаться кровью. Он расстреливал немецкими пистолетами каждую ночь примерно по двести пятьдесят человек, одного за другим. После этого тела увозили на грузовике в близлежащее Медное, где у НКВД были дачи. Тела сбрасывали в большую яму, предварительно вырытую экскаватором[45].

---

[43] *Swianiewicz S.* In the Shadow of Katyń. – P. 75; Katyn: A Crime. – Pp. 122, 129–130, 175 (цитата на с. 130). Выдержки из дневника Адама Сольского см.: Zagłada polskich elit. – P. 37.

[44] Katyn: A Crime. – P. 124; Zagłada polskich elit. Akcja AB-Katyń. – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2006. – P. 43.

[45] Katyn: A Crime. – P. 124; Zagłada polskich elit. – P. 43. О Блохине см.: *Braithwaite R.* Moscow 1941: A City and Its People at War. – New York: Knopf, 2006. – P. 45.

Из лагеря в Старобельске узников увозили поездом, по сто–двести человек за раз, в Харьков, где их содержали в тюрьме НКВД. Хоть они и не могли этого знать, но их привозили в один из самых больших расстрельных центров для поляков во всем Советском Союзе. Теперь наступила их очередь, и они шли на смерть, не зная о том, что происходило здесь в прошлом, не зная, что происходит с их товарищами в других лагерях, не зная, что будет с ними самими. Где-то через день пребывания в тюрьме их забирали в комнату, где проверяли детали их дел. Потом отводили в другую комнату, темную и без окон. Охранник спрашивал: «Можно?» – и затем вводил заключенного. Один энкавэдист вспоминал: «Клац – и конец». Тела бросали на грузовики, на головы убитых натягивали пиджаки, чтобы не пачкать кровью дно кузова. Для удобства их грузили сначала головами вперед, затем – ногами[46].

Так были уничтожены 3739 узников лагеря из Старобельска, включая всех друзей и знакомых Юзефа Чапского: ботаника, которого он помнил за его спокойствие; экономиста, который старался скрывать свои страхи от беременной жены; доктора, который в Варшаве посещал кафе и поддерживал артистов; лейтенанта, читавшего наизусть пьесы и романы; юриста, бывшего сторонником европейской федерации; инженеров, учителей, поэтов, соцработников, журналистов, хирургов и солдат. Чапского не расстреляли – в числе немногих узников трех лагерей его перевели в другой лагерь и он остался жив[47].

Место действия одной из ключевых сцен «Братьев Карамазовых» Федора Достоевского – Оптина пустынь в Козельске, которая в 1939 и 1940 годах стала советским лагерем для военнопленных. Здесь происходит самый знаменитый диалог романа – разговор между юным дворянином и монастырским старцем о возможности моральности без Бога. Если Бог умер, тогда все дозволено? В 1940 году в реальном здании, в котором происходил книжный диалог, в бывшей резиденции монахов, сидели следователи НКВД. Они олицетворяли собой советский ответ на этот вопрос: только смерть Бога несет освобождение человечеству. Многие польские офицеры неосознанно давали другой ответ: там, где все дозволено, Бог – это последнее пристанище. В своих лагерях они

[46] Katyn: A Crime. – Pp. 126–128; Zagłada polskich elit. – P. 39.

[47] Katyn: A Crime. – Pp. 122–123; *Czapski J.* Wspomnienia starobielskie. – Pp. 7, 8, 15, 17, 18, 45.

видели соборы и молились в них. Многие посетили пасхальную службу, прежде чем их отправили на смерть[48].

Узники трех лагерей (по крайней мере, многие из них) догадывались, что их фильтруют, отбирают для какой-то роли, которую они могли бы сыграть в Советском Союзе. Они, впрочем, не знали (или почти не знали), что если они завалят этот тест, их убьют. Они ничего не знали о «польской операции» во время Большого террора, в ходе которой десятки тысяч советских поляков были расстреляны всего двумя годами ранее. Даже если бы они и понимали, что за этим стоит, тяжело представить, что многим из них удалось бы продемонстрировать хоть какую-то правдоподобную преданность советской системе. В лагерях им довелось читать советские газеты, смотреть пропагандистские фильмы и слушать советские радионовости по громкоговорителю. В основном, все это им казалось нелепым и оскорбительным. Даже те, кто доносил на своих товарищей, считали систему абсурдной[49].

Диалог между двумя культурами не очень удавался, по крайней мере, не было очевидных общих интересов. В этот период, когда Сталин был союзником Гитлера, таких общих интересов нельзя было себе представить, а вот возможностей для непонимания было предостаточно. Коллективизация и индустриализация модернизировали Советский Союз, но без внимания к населению или, лучше сказать, к потребителю, что было характерно для капиталистического Запада. Советские граждане, управлявшие Восточной Польшей, сваливались с велосипедов, ели зубную пасту, пользовались унитазами как раковинами, носили по несколько наручных часов, бюстгальтеры – как ушанки, а комбинации – как вечерние платья. Польские узники тоже многого не знали, даже о более важных вещах. В отличие от советских граждан, которые находились в такой же ситуации, как и они, поляки верили, что их не могут осудить или расстрелять без юридических оснований. То, что эти советские и польские граждане, многие из которых родились еще во времена Российской империи, так плохо теперь понимали друг друга, было знаком великой цивилизационной трансформации сталинизма.

---

[48] *Abramov V.* The Murderers of Katyn. – P. 46; *Swianiewicz S.* In the Shadow of Katyń. – Pp. 63, 66.

[49] Katyn: A Crime. – P. 34; *Czapski J.* Wspomnienia starobielskie. – P. 18; *Swianiewicz S.* In the Shadow of Katyń. – P. 64; *Młynarski B.* W niewoli sowieckiej. – P. 225. О том, что информатор думал о системе, см.: *Berling Z.* Wspomnienia. – P. 32.

Главный следователь в Козельске, человек, унаследовавший резиденцию монастырского старца из Достоевского, выразил это деликатно: дело в «двух расходящихся философиях». В конечном итоге, советский режим мог расширять и навязывать свою философию. На шутки по поводу советских людей в Восточной Польше можно было легко возразить так: а страна теперь как называется? Поляки в лагерях не могли соответствовать советской цивилизации. Они не жили так, как жили советские люди: российские и украинские крестьяне, видевшие их, через десятилетия вспоминали об аккуратности, чистоте и гордости поляков. Их нельзя было заставить жить так, как жили советские люди, по крайней мере, не за такой короткий срок и не при таких обстоятельствах, но их можно было заставить умереть, как заставляли советских людей. Многие польские офицеры были сильнее и образованнее захвативших их в плен энкавэдистов, но они были безоружны и обескуражены, когда двое держали их под руки, а третий стрелял; их хоронили там, где, казалось, никто никогда их не найдет. В смерти они могли разделить молчание граждан советской истории[50].

В целом, этот меньший по масштабам террор, это возобновление «польской операции» привели к гибели 21 892 польских граждан. Подавляющее их большинство (хотя и не все) были поляками по национальности. Польша была многонациональным государством, и офицерский состав был многонациональным, поэтому многие из расстрелянных были евреями, украинцами и беларусами. Около 8% жертв были евреями, что соответствует проценту еврейского населения в Восточной Польше[51].

Как и во время Большого террора, карали также и семьи репрессированных. За три дня до того, как Берия предложил расстрелять узников всех трех лагерей, он приказал депортировать их семьи. Советский режим знал, кем были эти люди: заключенным позволялось переписываться с теми, кто был им дорог, и таким образом были составлены списки имен и адресов. «Тройки» в Западной Беларуси и Западной Украине подготовили имена 60 667 человек для высылки в спецпоселение в Казахстане. Большинство из них были членами семей тех, кого в одном из приказов назвали «бывшими людьми». Это обычно были семьи без мужей и отцов. Женам сказали (типичная советская ложь), что их отсылают туда, где сейчас находятся их мужья. На деле же се-

---

[50] Цит.: *Swianiewicz S.* In the Shadow of Katyń – P. 69.

[51] Это общее число расстрелов, приведенное в книге Katyn: A Crime (по тексту).

мьи высаживали в сибирской тайге (где «вечные грязь и снег», как писал один тринадцатилетний польский мальчик), а мужчин расстреливали в Катыни, Калинине, Харькове, Быковне и Курапатах. Группа польских детей отправила 20 мая 1940 года Сталину письмо: они обещали быть хорошими советскими гражданами и жаловались только на то, что «трудно жить без наших отцов». А на следующий день энкавэдисты получили денежное вознаграждение за то, что очистили три лагеря от узников и не допустили ни единого побега[52].

Поскольку мужчин не было, эта депортация стала для ее жертв более сложной, чем февральская. Женщин с детьми (а часто и с пожилыми родителями их мужей) выгружали в Казахстане. Так как они уезжали в апреле и на сборы не давали времени, у большинства женщин не было нужной одежды. Ту, что была, им часто доводилось выменивать на продукты. Женщины пережили следующую зиму, научившись собирать засохший помет животных и топить им печи. Тысячи женщин умерли. Многим из них довелось решать вопрос выживания собственных детей. Они хотели, чтобы их дети росли поляками, но часто понимали, что должны отдать их в советские заведения, чтобы у тех была пища и возможность выжить. Одна женщина оставила пятерых своих детей в кабинете НКВД и исчезла, прижав к груди шестого, – больше никто ее не видел. Беременная жена экономиста из лагеря в Старобельске, который за нее переживал и которого расстреляли в Харькове, рожала уже в ссылке. Младенец умер[53].

В то же самое время, в марте 1940 года, руководитель НКВД Берия приказал депортировать тех, кто отказался получать советские паспорта. Это означало, что они отвергают советскую систему, а также являются реальной проблемой для советских бюрократов. Польских граждан, отказывавшихся заносить свои персональные данные в советские списки, нельзя было выследить и наказать с желаемой эффективностью. Так получилось, что подавляющее большинство тех, кто отверг советские паспорта, были еврейскими беженцами из Западной

[52] Katyn: A Crime. – Pp. 118, 173–174, 198–199 (цитата про отцов на с. 198). Про 60 667 сосланных в спецпоселение в Казахстане см.: *Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – P. 187. О «бывших людях» см.: *Khlevniuk O.* The History of the Gulag. – P. 282. Также см.: *Goussef C.* Les déplacements forcés des population aux frontières russes occidentales (1914–1950) // La violence de guerre 1914–1945 / Ed. by Audoin-Rouxeau S., Becker A., Ingrao Chr., Rousso H. – Paris: Ėditions Complexes, 2002. – P. 188. О том, что женам говорили, что те поедут к мужьям, см.: *Jolluck K.R.* Exile and Identity. – P. 16. О «вечной грязи и снеге» см.: *Gruszińska I., Gross J.T.* War Through Children's Eyes. – P. 79.

[53] О помете животных и кабинете НКВД см.: *Jolluck K.R.* Exile and Identity. – Pp. 40, 122–123. Об экономисте см.: *Czapski J.* Wspomnienia starobielskie. – P. 27.

Польши. Эти люди сбежали от немцев и не имели ни малейшего желания становиться советскими гражданами. Они боялись, что, если примут советские документы, им не позволят вернуться в Польшу, когда она возродится. Таким способом евреи доказали, что они – преданные граждане Польши, и стали жертвами обоих режимов, захвативших их родную землю. Они сбежали от разрушительных операций СС только для того, чтобы НКВД депортировал их в Казахстан или Сибирь. Из 78 339 депортированных в ходе июньской операции 1940 года, направленной на беженцев, около 84% были евреями[54].

Польские евреи, как правило, не знали жизни вне города и были так же беспомощны, как и поляки, оказавшиеся там до них. Ремесленников и сапожников посылали на лесоповал на крайнем севере России. Еврейский мальчик Юзеф вспоминал, что евреев в его родном городке заставили сжечь синагогу под смех немецких солдат. Его семья убежала на советскую зону, но отказывалась от советских паспортов. Его брат, отец и мать умерли в ссылке[55].

В Западной Европе этот период был известен как «странная война»: казалось, что ничего не происходит. Франция и Великобритания пребывали в состоянии войны с Германией с сентября 1939 года, но в течение осени, зимы и весны следующего года, когда Польша была повержена, разрушена и разделена, когда десятки тысяч ее граждан были уничтожены, а сотни тысяч депортированы, у этой войны не было западного фронта. Немцы и их советские союзники были вольны делать все что угодно.

Немцы напали на Данию и Норвегию в апреле 1940 года, обеспечив себе таким образом доступ к природным ресурсам Скандинавии и предотвратив британскую интервенцию в Северной Европе. Однако «странная война» закончилась, когда 10 мая Германия напала на Нижние земли и Францию. К 14 июня около ста тысяч французских и шестьдесят тысяч британских солдат погибли, а немцы уже были в Париже. Франция пала значительно быстрее, чем кто-либо мог ожидать. В том же июне 1940 года Советский Союз тоже расширил свою империю на запад, аннексировав все три независимых Балтийских государства: Эстонию, Латвию и Литву.

[54] Про 78 339 депортированных и о том, что 84% были евреями, см.: *Hryciuk G*. Victims 1939–1941. – P. 189.

[55] *Gruszińska I., Gross J.T.* War Through Children’s Eyes. War Through. – P. 221.

Европа Молотова-Риббентропа
июль 1940 г.

В Литве, самом крупном и густозаселенном Балтийском государстве, национальный вопрос и вопрос международных отношений стояли особенно остро. В межвоенный период Литва потребовала себе находившийся на северо-востоке Польши город Вильнюс вместе с окрестностями. Хотя эти территории были преимущественно населены поляками, евреями и беларусами, литовцы считали Вильнюс своей столицей по праву, поскольку он был столицей важного государства периода Средневековья и раннего Нового времени – Великого Княжества Литовского. В 1920-х и 1930-х годах лидеры независимого Литовского государства использовали в качестве административного центра Каунас, но своей столицей считали Вильнюс. Сталин сыграл на этих эмоциях в 1939 году: вместо того, чтобы аннексировать Вильнюс для Советского Союза, он подарил его все еще независимой Литве. Неудивительно, что ценой за это было установление советских

военных баз на литовской территории. Советские войска, уже расположившиеся здесь, были наготове, когда политическая революция, даже более поспешная и искусственная, чем в Восточной Польше, была навязана Литве летом 1940 года. Большая часть литовской политической элиты сбежала в нацистскую Германию[56].

За всем этим внимательно наблюдал японский консул в Литве, Тиунэ Сугихара, который в Каунасе мониторил немецкие и советские военные передвижения. Летом 1940 года японское руководство взяло четкий курс: оно будет стараться заключить нейтралитет с Советским Союзом. Обезопасив таким образом северную территорию, японцы могли планировать на 1941 год движение в южном направлении. Сугихара был одним из относительно немногих японских чиновников, в компетенции которых было следить за развитием немецко-советских отношений после падения Франции. Не имея штатных подчиненных, он использовал в качестве информаторов и помощников польских военных офицеров, которые избежали как советского, так и немецкого ареста. Он давал им японские паспорта и возможность пользоваться японскими дипломатическими должностями. Сугихара помогал полякам находить спасительные лазейки для их друзей-офицеров. Поляки поняли, что можно устроить поездку в Японию через Советский Союз, имея какую-то выездную японскую визу. Этим путем удалось бежать только небольшому количеству польских офицеров, хотя по крайней мере один из них добрался до Японии и писал разведывательные донесения о том, что видел, пересекая СССР[57].

В это же время Сугихару начали навещать еврейские беженцы. Эти евреи были польскими гражданами, которые сбежали от немецкого вторжения в сентябре 1939 года, но теперь боялись советской власти. Они слышали про июньскую депортацию евреев 1940 года и опасались повторить их судьбу. Они были правы: годом позже советская власть депортирует семнадцать с половиной тысяч человек из Литвы, семнадцать тысяч – из Латвии и шесть тысяч – из Эстонии. При содействии польских офицеров Сугихара помог нескольким тысячам евреев выбраться из Литвы. Они проделали длинный путь на поезде

---

[56] См.: *Snyder T.* The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1956 – 1999. – New Haven: Yale University Press, 2003.

[57] *Krebs G.* Japan and the German-Soviet War, 1941. – Pp. 545, 548; *Levine H.* In Search of Sugihara. – Pp. 132, 218, 262, 273; *Rotner S.P.* Japanese Diplomats and Jewish Refugees. – Pp. 102, 107, 113–114.

через Советский Союз, затем кораблем в Японию, а оттуда – в Палестину или США. Эта операция была заключительной частью (молчаливой, но прочной) нескольких десятилетий сотрудничества польской и японской разведок[58].

В 1940 году нацистские лидеры хотели избавиться от примерно двух миллионов евреев на своей половине Польши, но не могли договориться между собой, как этого достичь. Изначальный военный план предусматривал создание своего рода резерваций для евреев в Люблинском округе Генерал-губернаторства. Однако, поскольку площадь захваченной немцами территории Польши была относительно невелика, а Люблин от Берлина не дальше (700 км), чем два огромных города, из которых депортировали бы евреев (600 км до Варшавы и 500 км до Лодзи), то это так и не стало приемлемым решением проблемы. Ганс Франк, генерал-губернатор, возражал против прибытия евреев на свою территорию. В конце 1939-го и в начале 1940 года Гиммлер и Грейзер продолжали привозить поляков из Вартеланда в Генерал-губернаторство – всего 408 525 человек, что было близко к числу польских граждан, депортированных советской властью. Это принесло огромные страдания переселяемым, но не помогло изменить этнический баланс в Германии. Поляков было попросту слишком много, и перемещение их из одной части оккупированной Польши в другую только добавило хаоса. Это вряд ли способствовало воплощению в жизнь великой мечты Гитлера об освобождении жизненного пространства на востоке[59].

Адольфа Эйхмана, специалиста по депортациям, наняли осенью 1939 года, чтобы повысить эффективность операции. Эйхман уже продемонстрировал свои умения, ускорив эмиграцию австрийских евреев из Вены. Однако он обнаружил, что проблема с депортацией евреев в Генерал-губернаторство состоит не столько в ее недостаточной эффективности, сколько в бессмысленности. Эйхман узнал, что генерал-губернатор Ганс Франк больше не хочет видеть евреев в своей колонии. Эйхман умудрился послать в Генерал-губернаторство

[58] Об указанных цифрах см.: *Polian P.* Against Their Will: The History and Geography of Forced Migrations in the USSR. – Budapest: CEU Press, 2004. – P. 123. Также см.: *Weinberg G.L.* A World at Arms. – Pp. 167–169; *Kuromiya H., Pepłoński A.* Między Warszawą a Tokio. – Pp. 470–485.

[59] Число депортированных (408 525 человек) – это сумма депортированных во время главных операций. Резерфорд приводит цифру пятьсот тысяч человек (см.: *Rutherford P.T.* Prelude to the Final Solution. – P. 7).

около четырех тысяч австрийских и чешских евреев в октябре 1939 года до того, как эту практику приостановили. Он тогда сделал очевидный вывод: два миллиона евреев нужно депортировать с немецких земель на восток – на огромную территорию союзника Германии, Советского Союза. Сталин, если на то пошло, уже создал зону еврейского поселения – на Дальнем Востоке СССР, в Биробиджане. Как заметили немцы (и у них будет еще одна возможность это заметить), у советского режима, в отличие от их собственного, была государственная возможность и незаселенная местность для эффективного осуществления массовых депортаций. Немцы предложили трансфер европейских евреев в январе 1940 года. Сталин не проявил интереса[60].

Если Генерал-губернаторство находилось слишком близко и было слишком маленьким, чтобы решить вопрос, который нацисты считали расовой проблемой, и если СССР не был заинтересован забрать евреев, то что оставалось сделать с расовыми врагами, которые составляют коренное население? Их нужно держать под контролем и эксплуатировать до того, как будет найдено «окончательное решение» (в его качестве все еще рассматривали депортацию). Модель предложил Грейзер, приказавший 8 февраля 1940 года создать гетто для двадцати трех тысяч евреев города Лодзь. В том же месяце Людвиг Фишер, немецкий губернатор Варшавского округа, поручил юристу Вальдемару Шону разработать план гетто. В октябре и ноябре более ста тысяч поляков-неевреев вычистили с территории северо-западного района Варшавы, который немцы выбрали в качестве гетто, и свезли туда более ста тысяч варшавских евреев из остальных районов города. Евреев заставляли носить нарукавные повязки, обозначавшие, что они евреи и подчиняться другим унизительным правилам. Они утратили частную собственность за пределами гетто – она перешла сначала к немцам, а затем иногда переходила к полякам (многие из которых потеряли свои дома из-за немецких бомбежек). Если варшавских евреев ловили за пределами гетто без пропуска, они подвергались смертной казни. Участь евреев на остальной территории Генерал-губернаторства была такой же[61].

[60] Об Эйхмане и январском предложении 1940 года см.: *Polian P.* Hätte der Holocaust. – Pp. 3, 7, 19.

[61] О возникновении гетто в Лодзи см.: Życie i zagłada. – P. 430. Непревзойденное описание варшавского гетто см.: *Engelking B., Leociak J.* Getto warszawskie: Przewodnik po nieistniejącym mieście. – Warszawa: OFiS PAN, 2003 (в английском переводе: *Engelking B., Leociak J.* The Warsaw Ghetto: A Guide to the Perished City. – New Haven: Yale University Press, 2009). О Шоне см.: *B.T.* Waldemar Schön – Organizator Getta Warszawskiego // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1964. – № 49. – Pp. 85–90. О планах немцев и о передвижении населения см.: *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution. – Pp. 100–124.

Варшавское и другие гетто в 1940-м и 1941 годах стали импровизированными трудовыми лагерями и загонами для людей. Немцы избрали еврейское самоуправление, или юденрат, обычно из числа довоенных общественных деятелей местной еврейской общины. В Варшаве юденрат возглавил Адам Черняков, журналист и довоенный сенатор. Юденрат выступал посредником между немцами и евреями гетто. Немцы также создали невооруженные отряды еврейской полиции (в Варшаве их возглавлял Юзеф Шерински), которые должны были поддерживать порядок, пресекать побеги и проводить в жизнь немецкую политику принуждения. Было совершенно неясно, что из этого получится, хотя со временем евреи убедились, что жизнь в гетто не может поддерживаться бесконечно. Тем временем Варшавское гетто стало местом посещения немецких туристов. Историк гетто Эммануэль Рингельблюм писал, что «особой популярностью пользуется барак, где лежат десятки трупов в ожидании похорон». Бедекерский путеводитель по Генерал-губернаторству был издан в 1943 году[62].

Летом 1940 года, после падения Франции, немцы вернулись к идее отдаленного «окончательного решения». Советская власть отвергла идею депортации евреев в СССР, а Франк воспрепятствовал их массовому переселению в свое Генерал-губернаторство. Мадагаскар был владением Франции; после завоевания Франции единственным препятствием для его реколонизации был Королевский флот. Гиммлер размышлял так: «Я верю, что благодаря великому путешествию евреев в Африку или другую удаленную колонию я увижу полное искоренение самого понятия “евреи”». Это, конечно, был не предел его амбиций, поскольку он продолжал: «За несколько более продолжительный период времени станет возможным вызвать исчезновение с нашей территории таких национальных понятий, как украинцы, гурали, лемки. И то, что сказано об этих кланах, относится – в соответственно большем масштабе – также и к полякам...»[63]

---

[62] *Drozdowski M.M.* The History of the Warsaw Ghetto in the Light of the Reports of Ludwig Fischer // Polin. – 1988. – № 3. – Pp. 189–190. Также см.: *Engelking B., Leociak J.* Getto warszawskie (Раздел 2). О Рингельблюме см.: *Friedländer S.* The Years of Extermination: Nazi Germany and the Jews, 1939–1945. – New York: HarperCollins, 2007. – P. 160. О туристах также см.: *Mazower M.* Hitler’s Empire. – P. 95.

[63] Цит.: Zagłada polskich elit. – P. 23. Также см.: *Longerich P.* The Unwritten Order: Hitler’s Role in the Final Solution. – Stroud: Tempus, 2001. – P. 55; *Kershaw I.* Fateful Choices: Ten Decisions That Changed the World, 1940–1941. – Londond: Penguin Books, 2007. – P. 447. 11 437 человек умерли в Лодзинском гетто в 1941 году (см.: Życie i zagłada. – P. 430).

Евреи умирали в больших количествах, особенно в Варшавском гетто, куда было согнано более четырехсот тысяч человек. Гетто занимало территорию всего лишь около пяти квадратных километров, поэтому плотность населения была 77 220 человек на квадратный километр. Однако евреи, умиравшие в Варшаве, в большинстве своем не были варшавскими евреями. В Варшавском округе, как и по всей территории Генерал-губернаторства, немцы свозили евреев из маленьких поселений в большие гетто. Евреи, живущие за пределами Варшавы, были обычно беднее и потеряли все, что имели, во время депортации. Отвозя их в Варшаву, им давали мало времени на сборы, и они часто не могли взять с собой того, что у них было. Эти евреи из Варшавского округа стали в гетто уязвимым подклассом, склонным к голоду и болезням. Из приблизительно шестидесяти тысяч евреев, умерших в Варшавском гетто в 1940-м и 1941 годах, большую часть составляли переселенцы и беженцы. Именно они больше всего страдали от жесткой немецкой политики, например, от решения не выделять гетто продуктов в течение всего декабря 1940 года. Они часто умирали от голода после долгих мучений и моральной деградации[64].

Родители часто умирали первыми, оставляя детей в одиночестве в чужом городе. Гитля Шульцман вспоминала, что после смерти матери и отца она «бесцельно бродила по гетто и вся опухла от голода». Сара Сборов, чья мать умерла, лежа с ней в одной постели, и чья сестра после этого опухла от голода и тоже умерла, писала: «Внутри себя я все знаю, но не могу это выразить». Умевший очень четко формулировать свои мысли подросток Израиль Ледерман понимал, что идет «две войны: война пуль и война голода. Война голода хуже, потому что тогда человек страдает, от пуль умираешь сразу». По воспоминаниям доктора, «десятилетние дети продавали себя за хлеб»[65].

---

[64] См. прежде всего: *Żbikowski A.* Żydowscy przesiedleńcy z dystryktu warszawskiego w getcie warszawskim, 1939–1942 // Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / Ed. by Engelking B., Leociak J., Libionka D. – Warszawa: IfiS PAN, 2007. – Pp. 224–228; а также: Życie i zagłada. – P. 224; *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution. – P. 124; *Kassow S.D.* Who Will Write Our History? Rediscovering a Hidden Archive from the Warsaw Ghetto. – New York: Vintage, 2009. – Pp. 107, 273. Эти движения были бессмысленными даже с точки зрения немцев: евреев убирали из Варшавского округа с января по март 1941 года, чтобы приготовить место для поляков, которых в свою очередь изгоняли из Вартеланда, чтобы подготовить место для немцев, приезжавших с Запада, из Советского Союза, но Германия вторглась в Советский Союз в июне 1941 года, поэтому немцы могли двигаться на восток и колонизировать тамошние земли.

[65] О Сборов и Ледермане см.: Archiwum Ringelbuma. Tom 2: Dzieci – tajne nauczanie w getsie warszawskim / Ed. by Sakowska R. – Warszawa: ŻIH, 2000. – Pp. 50, 51. Цит.: *Żbikowski A.* Żydowscy przesiedleńcy z dystryktu warszawskiego w getcie warszawskim, 1939–1942. – P. 260.

В Варшавском гетто организации еврейской общины устроили приюты для сирот. Некоторые дети от отчаяния хотели, чтобы их родители умерли, и тогда они, по крайней мере, могли бы получать сиротские продовольственные пайки. Некоторые приюты были чудовищным зрелищем. По воспоминаниям одной воспитательницы, дети «матерились, били друг друга, отталкивали друг друга от горшка с кашей. Тяжелобольные дети лежали на полу, другие опухали от голода, трупы не убирали по нескольку дней». Она работала изо всех сил, наводя порядок в приюте, но в конце концов дети заболели тифом. Ее заперли внутри на карантин вместе с подопечными. Как она писала в своем дневнике с необыкновенной проницательностью, приют «теперь используется как газовая камера»[66].

Хотя немцы сохраняли довоенную польско-еврейскую элиту, выбирая из них членов юденрата для внедрения в гетто немецкой политики, они в то же время имели тенденцию считать польскую нееврейскую элиту политической угрозой. В начале 1940 года Гитлер пришел к заключению, что более опасных поляков Генерал-губернаторства нужно просто казнить. Он сказал Франку, что польские «руководящие элементы» следует «ликвидировать». Франк составил список групп, подлежавших уничтожению, который очень походил на список операции «Танненберг»: в него входили образованные, политически активные люди и духовенство. По интересному стечению обстоятельств он огласил этот план «ликвидации» тех, кого считали «духовными лидерами», своим подчиненным 2 марта 1940 года, за три дня до того, как Берия начал террористические операции против польских узников в Советском Союзе. Его основная политика была такой же, как и у Берии: уничтожить людей, уже находившихся под арестом, затем арестовать тех, кого считали опасными, и тоже их уничтожить. В отличие от Берии, Франк пользовался случаем для расстрела и обычных преступников, по-видимому, чтобы освободить места в тюрьмах. К концу лета 1940 года немцы убили около трех тысяч человек, которых считали политически опасными, и примерно столько же обычных преступников[67].

---

[66] Sprawozdania świetliczanek z getta warszawskiego // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1975. – № 94. – P. 65 (цитаты на с. 69 и 70).

[67] *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 40. Также см.: *Tooze A.* The Wages of Destruction. – Pp. 364–365; *Mańkowski Z.* Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940. – Pp. 9–11 (цитата на с. 11). Сравните с: Katyn: A Crime. – Pp. 114–115; *Jolluck K.R.* Exile and Identity. – P. 15.

Немецкая операция была не так хорошо скоординирована, как советская. «Акция АВ» (Ausserordentliche Befriedungsaktion, Чрезвычайная акция по умиротворению), как назывались эти убийства, по-разному проводилась в каждом из округов Генерал-губернаторства. В Краковском округе узникам зачитали суммарный вердикт, хотя никакого приговора на деле не было вынесено. Вердикт указывал на измену, что оправдывало смертельный приговор, но этому противоречило то, что в документах было зафиксировано, будто бы всех застрелили при попытке к бегству. На деле же узников забрали из тюрьмы Монтелюпих в Кракове в близлежащую Кшесавице, где они сами себе вырыли ямы. На следующий день их расстреляли, группами по тридцать–пятьдесят человек. В Люблинском округе узников держали в городском замке, затем отвезли на юг от города. При свете фар грузовиков их расстреляли из автоматов перед ямами. В ночь 15 августа 1940 года было расстреляно четыреста пятьдесят человек[68].

В Варшавском округе узников держали в тюрьме Павяк, а затем вывезли в Пальмирский лес. Там немцы заставили людей выкопать несколько длинных рвов по тридцать метров в длину и три метра в ширину. Узников разбудили на рассвете и приказали собрать свои вещи. Вначале они, видимо, подумали, что их перевозят в другой лагерь. И только когда грузовики завернули в лес, они поняли, что с ними будет. Самой кровавой была ночь с 20 на 21 июня 1940 года, когда расстреляли 358 человек[69].

В Радомском округе акция была особенно систематической и жестокой. Узников связали и зачитали им вердикт: они представляли «угрозу для немецкой безопасности». Как и в других городах, поляки обычно не понимали, что это была как бы юридическая процедура. Их уводили большими группами вечером, согласно расписанию: «3:30 – связать, 3:45 – зачитать вердикт, 4:00 – перевозка». Несколько первых групп отвезли в песчаную местность в двенадцати километрах на север от Ченстохова, где им надели на глаза повязки и расстреляли. Жена одного из узников, Ядвига Флак, позже смогла пробраться на место расстрела. Она увидела в песке безошибочные признаки того, что произошло: осколки костей и кусочки наглазной повязки. Ее муж Мариан был

[68] *Wieliczko M.* Akcja AB w Dystrykcie Krakowskim // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 34–35; *Pankowicz A.* Akcja AB w Krakowie. – Pp. 43–45; Zagłada polskich elit. – Pp. 62, 67.

[69] *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – Pp. 64–65; *Dunin-Wąsowicz K.* Akcja AB w Warszawie // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GRBZpNP-IPN, 1992. – P. 24.

студентом, ему только что исполнилось двадцать два года. Четверо узников, которые были членами городского совета, выжили. Зять Гиммлера, который управлял городом, полагал, что они нужны ему для того, чтобы построить для немцев плавательный бассейн и бордель[70].

Позже группы из Ченстохова отвезли в лес. Там были расстреляны 4 июля 1940 года трое сестер Глинских – Ирена, Янина и Серафина. Все три отказались выдать информацию о местонахождении родных братьев. Янина называла немецкое правление «смешным и временным». Она говорила, что никогда не предаст «своего брата или другого поляка». И не предала[71].

По пути к месту экзекуции узники выбрасывали из грузовика записки в надежде, что прохожие их найдут и передадут семьям. Это был своего рода польский обычай, и записки на удивление часто доходили до адресатов. Люди, писавшие их, в отличие от узников трех советских лагерей, знали, что умрут. Узники Козельска, Осташкова и Старобельска тоже бросали записки из автобусов, покидая лагеря, но они чаще писали так: «Мы не знаем, куда они нас отправляют»[72].

Отсюда разница между советскими и немецкими репрессиями. На восток от линии Молотова-Риббентропа советский режим тяготел к секретности, и за исключением разве что каких-то экстраординарных случаев ему удавалось ее соблюдать. На запад от линии Молотова-Риббентропа немцы не всегда хотели скрытности, и она им плохо удавалась, даже если они ее хотели. Так жертвы «операции АВ» смирялись или пытались смирить свои семьи с постигшей их судьбой. Люди, ожидавшие смерти, по-разному видели смысл происходящего. Мечислав Габровски писал: «Кровь, пролитая на польской земле, удобрит ее и взрастит мстителей свободной и великой Польши». Ричард Шмидт, который набросился на своих следователей, не хотел поощрять месть: «Пусть дети не мстят, ибо месть порождает месть». Мариан Мушински попросту попрощался с семьей: «Господь с вами. Люблю вас всех»[73].

---

[70] *Pietrzykowski J.* Akcja AB na ziemi częstochowskiej i radomszczańskiej // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 113–115; *Jankowski A.* Akcja AB na Kielecczyżnie // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 65–66. О борделе для немцев см.: *Pietrzykowski J.* Akcja AB w Częstochowie. – Katowice: Wydawnictwo Śląsk, 1971. – Pp. 77–78.

[71] *Pietrzykowski J.* Akcja AB na ziemi. – Pp. 114–115.

[72] См., например: *Pankowicz A.* Akcja AB w Krakowie // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – P. 44. Про «Мы не знаем...» см.: Katyn: A Crime. – P. 182.

[73] Обо всех трех мужчинах см.: *Pietrzykowski J.* Akcja AB na ziemi. – Pp. 117–118.

Некоторые их тех, кто шел на смерть в ходе «Акции АВ», думали о своих семьях, посаженных в тюрьму советским правительством. Хотя советская и немецкая власти не координировали своих действий против образованных поляков, они выбирали себе в жертву одинаковый тип людей. СССР старался устранить те элементы, которые считал опасными для своей системы, под предлогом классовой войны. Немцы же защищали свои территориальные приобретения, исходя из тех соображений, что неполноценная раса должна знать свое место. В конце концов, политика обоих государств была очень похожей: депортации и массовые расстрелы проводились более-менее одновременно.

По крайней мере в двух случаях произошло так, что советский террор уничтожил одну сестру, а немецкий – другую. Янина Довбор была единственной женщиной среди польских офицеров, арестованных советским режимом. Она любила приключения и еще девочкой научилась летать на дельтаплане и прыгать с парашютом. Она была первой в Европе женщиной, прыгавшей с пятиметровой высоты и выше. В 1939 году она прошла обучение как пилот и была зачислена в резерв Польских вооруженных сил. В сентябре 1939 года она была арестована СССР. Согласно одним материалам, ее самолет сбили немцы и она выпрыгнула с парашютом, но была арестована советской властью как польский младший лейтенант. Ее забрали в Осташков, а затем в Козельск. У нее была собственная комната, и она проводила время с товарищами по военной авиации, с которыми чувствовала себя в безопасности. Ее расстреляли в Катыни 21 или 22 апреля 1940 года и закопали в яме вместе с 4409 мужчинами. Ее младшая сестра Агнешка оставалась в немецкой зоне. Вместе с некоторыми друзьями она вступила в организацию сопротивления в конце 1939 года. Ее арестовали в апреле 1940 года, приблизительно в то время, когда ее сестра была расстреляна. Агнешку расстреляли в Пальмирском лесу 21 июня 1940 года. Обеих сестер похоронили в неглубоких могилах после фиктивного суда, обеих убили выстрелом в затылок[74].

[74] *Dunin-Wąsowicz K.* Akcja AB w Warszawie. – Pp. 22–25; *Bauer P.* Generał Józef Dowbor-Muśnicki 1867–1937. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1988. – Pp. 217, 241; The Crime of Katyń: Facts and Documents. – London: Polish Cultural Foundation, 1965. – P. 33; Zagłada polskich elit. – P. 73.

Братьев Внуков, родом из области, которая некогда принадлежала центрально-восточной Польше, но теперь находилась довольно близко к немецко-советской границе, постигла такая же участь. Старший брат Болеслав был популистским политиком, которого избрали в парламент Польши. Якуб, младший брат, изучал фармакологию и конструировал противогазы. Оба женились в 1932 году, у обоих были дети. Якуб вместе с другими специалистами из его института был арестован советской властью и расстрелян в Катыни в апреле 1940 года. Болеслава же арестовали немцы в октябре 1939 года, отвезли в Люблинский замок и расстреляли в ходе «Акции АВ» 29 июня 1940 года. Он написал прощальную записку на носовом платке: «Я умираю за Родину с улыбкой на губах, но умираю невиновным»[75].

Весной и летом 1940 года немцы расширяли свою незначительную систему концентрационных лагерей, чтобы иметь возможность устрашать и эксплуатировать поляков. В конце апреля 1940 года Генрих Гиммлер посетил Варшаву и приказал, чтобы двадцать тысяч поляков поместили в концлагеря. По инициативе Эриха фон дем Бах-Зелевского, гиммлеровского комиссара по «германизации» Силезии, был построен новый концлагерь на месте бараков Польской армии недалеко от Кракова, в Освенциме, более известный по его немецкому названию Аушвиц. Когда «Акция АВ» подошла к завершению, узников больше не расстреливали, а отправляли в немецкие лагеря, очень часто в Аушвиц. Первая партия в Аушвиц состояла из польских политзаключенных из Кракова; их отослали 14 июня 1940 года и дали им номер 31-758. В июле партии польских политзаключенных отправляли в Заксенхаузен и Бухенвальд; в ноябре еще две партии – в Аушвиц. 15 августа начались массовые аресты в Варшаве, где сотни, а затем тысячи человек хватали на улицах города и отправляли в Аушвиц. В ноябре 1940 года лагерь стал местом уничтожения поляков. Примерно в это же время он привлек внимание инвесторов из «IG Farben»[76]. Аушвиц стал гигантским трудовым лагерем, весьма похожим на советскую модель, хотя его рабсила служила интересам немецких компаний, а не сталинской мечте о плановой индустриализации[77].

---

[75] Zagłada polskich elit. – P. 77.

[76] Конгломерат германских концернов, созданных в 1925 году как объединение шести крупнейших химических корпораций Германии (*прим. пер.*).

[77] О Гиммлере и партиях узников см.: *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – Pp. 59, 60, 123–125. Детальнее о партиях см.: Zagłada polskich elit. – P. 69; *Seidel R.* Deutsche Besatzungspolitik in Polen. О Бах-Зелевском и месте экзекуций см.: *Dwork D., Pelt R.J. van*. Auschwitz. – New York: Norton, 1996. – Pp. 166, 177. Детальнее об «IG Farben» см.: *Tooze A.* The Wages of Destruction. – P. 443.

В отличие от немцев, ошибочно полагавших, что они истребили польский образованный класс в своей части Польши, советский режим в значительной мере действительно этого добился. В Генерал-губернаторстве польское сопротивление нарастало, а в Советском Союзе сеть была быстро разорвана, активисты – арестованы, сосланы, а иногда и расстреляны. Тем временем намечался новый вызов советской власти со стороны украинцев. Польша была родиной для примерно пяти миллионов украинцев, почти все из которых теперь жили в Советской Украине. Они не обязательно были довольны новым режимом. Украинские националисты, чьи организации нелегально действовали в довоенной Польше, знали, как работать в подполье. Теперь, когда Польши больше не существовало, фокус их усилий, естественно, сместился. Советская политика сделала часть местных украинцев восприимчивыми к идее национализма. Если некоторые украинские крестьяне вначале с радостью встречали советскую власть и ее подарки в виде наделов земли, то коллективизация быстро настроила их против режима[78].

Организация украинских националистов теперь начала предпринимать действия против институтов советской власти. У некоторых ведущих украинских националистов были межвоенные связи с немецкой военной разведкой и с разведывательной службой СС Рейнхарда Гейдриха – Службой безопасности (СД). Насколько Сталину было известно, некоторые из них все еще собирали разведданные для Берлина. Поэтому четвертая советская депортация с аннексированных территорий Восточной Польши затронула преимущественно украинцев. Первые две затрагивали в основном поляков, а третья – в основном евреев. Операция в мае 1941 года переместила 11 328 польских граждан, преимущественно украинцев, из Советской Западной Украины в спецпоселения. Самая последняя депортация, 19 июня, коснулась 22 353 польских граждан, большинство из которых были этническими поляками[79].

---

[78] О коллективизации см.: Рапорт от 25 ноября 1941 года, SPP 3/1/1/1/1; *Шумук Д.* Пережите і передумане. – Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 1998. – С. 17.

[79] Об украинцах, затронутых депортациями, см.: HI 210/14/7912. Эти операции были частью ряда депортаций июня 1941 года, которые затем были организованы по всем свежеаннексированным землям Советского Союза – от Балтийских государств до Румынии. О 11 328 и 22 353 польских гражданах см.: *Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – Pp. 191, 193. Также см.: *Olaru-Cemirtan V.* Wo die Züge Trauer trugen: Deportation in Bessarabien, 1940–1941 // Osteuropa. – 2009. – № 59 (7–8). – Pp. 219–226.

По воспоминаниям маленького польского мальчика из Бялостока, «они забрали нас под бомбами и был пожар, потому что люди начали гореть в вагонах». Германия неожиданно напала на Советский Союз 22 июня, и ее бомбардировщики догнали советские поезда с узниками. Около двух тысяч депортированных погибли в вагонах, став жертвами обоих режимов[80].

Зачищая свои новые земли, Сталин готовился к другой войне, но не верил, что она начнется так скоро.

Когда Германия неожиданно напала на Советский Союз 22 июня 1941 года, Польша и СССР вдруг превратились из врагов в союзников. Теперь каждый из них сражался с Германией. Тем не менее, ситуация была неловкой. За предыдущих два года советский режим репрессировал около полумиллиона польских граждан: около трехсот пятнадцати тысяч человек были депортированы, около одиннадцати тысяч арестованы, тридцать тысяч расстреляны и около двадцати пяти тысяч умерли в тюрьме. Польское правительство знало о депортациях, но не знало о расстрелах. Тем не менее, советские и польские власти начали формировать Польскую армию из сотен тысяч польских граждан, разбросанных теперь по советским тюрьмам, трудовым лагерям и спецпоселениям[81].

Польское высшее командование осознало, что исчезли несколько тысяч польских офицеров. Юзеф Чапски, польский офицер и артист, переживший заключение в Козельске, был откомандирован польским правительством в Москву с миссией найти пропавших людей, с которыми он был вместе в лагере.

[80] О бомбежке см.: *Jolluck K.R.* Exile and Identity. – P. 16. Цит.: *Gruszińska I., Gross J.T.* War Through Children's Eyes. War Through. – P. 52.

[81] В течение четырех волн депортации были депортированы около 292 513 польских граждан, а также еще тысячи людей, депортированных в индивидуальном порядке или в ходе меньших операций, – см.: Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940/Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Беларуси в 1940 году. – Warszawa: IPN, 2003. – P. 29; *Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – P. 175. Из числа депортированных около 57,5% СССР считал поляками, 21,9% – евреями, 10,4% – украинцами и 7,6% – беларусами (*Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – P. 195). Общие цифры я беру из: *Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – P. 175 и *Autuchiewicz J.* Stan i perspectywa nad deportacjami Polaków w głąb ZSRS oraz związane z nimi problemy terminologiczne // Exodus: Deportacje i migracje (wątek wschodni) / Ed. by Zwolski M. – Warszawa: IPN, 2008. – P. 23. Также см.: *Гурьянов А. Е.* Обзор советских репрессивных кампаний против поляков и польских граждан // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Под ред. Липатова А.В. и Шайтанова И.О. – Москва: Индрик, 2000. – С. 205.

Человек трезвого ума, он, тем не менее, воспринимал свое задание как повеление свыше. У Польши теперь был второй шанс сразиться с Германией, и Чапски должен был найти офицеров, которые поведут людей в бой. Пока он ездил по Москве, ему на ум приходили строки из польской романтической поэзии – сначала глубоко мазохистическая мечтательность Юлиуша Словацкого, просившего Бога держать Польшу на кресте, пока она не окрепнет настолько, чтобы стоять самостоятельно. Затем, разговаривая с одним трогательно искренним поляком, Чапски вспомнил знаменитые строки из написанной в ссылке поэмы Циприана Норвида о тоске по родине: «По тем, чье да на да похоже, / А нет на нет, без светотени... / Тоскую, Боже...». Горожанин, утонченный человек из этнически смешанной семьи, Чапски находил утешение, воспринимая свою нацию через призму романтического идеализма[82].

Чапски опосредованно обращался к Святому Письму, ибо в поэме Норвида процитировано Евангелие от Матфея: «...да будет слово ваше: да – да; или нет – нет; а что сверх того – то от лукавого». Это были те же самые строки, которыми Артур Кёстлер закончил свой роман о Большом терроре, «Слепящую тьму». Чапски посетил Лубянскую тюрьму в Москве, где происходит действие романа, и то место, где допрашивали Александра Вайсберга, друга Кёстлера, перед тем, как его отпустили в 1940 году. Вайсберга с женой арестовали в конце 1930-х годов; их опыт стал источником для романа Кёстлера. Чапски собирался расспросить одного из следователей Лубянки о своих друзьях, пропавших польских офицерах. У него была назначена встреча с Леонидом Рейхманом, офицером НКВД, допрашивавшим польских узников[83].

Чапски передал Рейхману рапорт, в котором описывались известные передвижения тысяч пропавших офицеров. Рейхман как будто прочитал его от начала до конца, проводя карандашом по каждой строчке, но не делая никаких пометок. Затем он произнес несколько уклончивых фраз и пообещал позвонить Чапскому в гостиницу, когда сам ознакомится с вопросом. Однажды около полуночи зазвонил телефон. Это был Рейхман, он сказал, что должен покинуть город по спешному делу. У него не было новой информации. Он дал Чапскому несколько имен других чиновников, с которыми можно будет поговорить; они все уже получали запрос от польского правительства. Чапски

[82] *Czapski J.* Na nieludzkiej ziemi. – Paris: Editions Spotkania, 1984. – P. 68.

[83] Библия. Св. Евангелие от Матфея 5:37; *Koestler A.* Darkness at Noon. – New York: Macmillan, 1941. – P. 249. Встреча Чапского с Рейхманом состоялась 3 февраля 1942 года – см.: The Crime of Katyń. – P. 90.

даже теперь не заподозрил правды о том, что все пропавшие офицеры были убиты. Но он понял, что от него что-то скрывают, и решил уехать из Москвы[84].

На следующий день, возвращаясь в гостиничный номер, Чапски ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Уставший от внимания, которое вызывает форма польского офицера в советской столице, он не придал этому значения. Возле гостиничного лифта к нему подошел пожилой еврей: «Вы польский офицер?» Еврей был родом из Польши, но тридцать лет не посещал Родину и хотел снова ее увидеть. «Тогда я смогу умереть без сожалений», – сказал он. Чапски без раздумий пригласил мужчину к себе в номер с намерением дать ему выпуск журнала, издаваемого польским посольством, с фотографией Варшавы на первой странице – Варшавы, которая была столицей Польши и центром еврейской жизни, локусом двух цивилизаций и местом их встречи. Дворцовая площадь была разрушена. Это была Варшава после немецкой бомбежки. Компаньон Чапского сполз со стула на пол, склонил голову и зарыдал. Когда еврейский господин ушел, Чапски и сам заплакал. После одиночества и лживости официальной Москвы единственный момент человеческого контакта все для него изменил. Он вспоминал: «Глаза бедного еврея спасли меня от бездны неверия и полного отчаяния»[85].

Печаль, разделенная двумя мужчинами, была вызвана недавними событиями – совместной немецко-советской оккупацией Польши. Вместе, начиная с сентября 1939 года и до июня 1941 года, тогда еще будучи союзниками, советское и немецкое государства уничтожили почти двести тысяч и депортировали около миллиона польских граждан. Поляков выслали в ГУЛАГ и Аушвиц, где десятки тысяч погибнут в течение последующих месяцев и лет. Польские евреи при немецкой оккупации были загнаны в гетто, ожидая в неизвестности решения своей судьбы. Десятки тысяч польских евреев умерли от голода и болезней.

Особую рану нанес замысел (как Москвы, так и Берлина) обезглавить польское общество, сделать из поляков покладистую массу, которой можно управлять, а не руководить. Ганс Франк, цитируя Гитлера, обозначил свою работу как истребление «руководящих элементов» Польши. Офицеры НКВД довели свое задание до логического экстрима, изучая выпуск польс-

[84] *Czapski J.* Na nieludzkiej ziemli. – Pp. 120, 141–143, 148.
[85] *Czapski J.* Na nieludzkiej ziemli. – P. 149.

кого издания «Кто есть кто» для отбора жертв. Это была атака на саму концепцию современности, на социальное воплощение идеалов Просвещения в этой части света. В Восточной Европе гордостью общества была интеллигенция, образованный класс, который принимал на себя роль лидера нации, особенно во время периодов безгосударственности и трудностей, и сохранял национальную культуру в своих записях, выступлениях и поведении. В немецком языке было такое же слово с точно таким же значением; Гитлер дал довольно четкое указание «уничтожить польскую интеллигенцию». Главный следователь в Козельске говорил о «противоположных философиях»; один из немецких следователей в ходе «Акции АВ» приказал убить пожилого мужчину за проявление «польского мышления». Считалось, что именно эта интеллигенция воплощает эту цивилизацию и демонстрирует особый способ мышления[86].

Массовое уничтожение двумя оккупационными режимами было трагическим знаком того, что польская интеллигенция выполнила свою историческую миссию.

[86] О Франке см.: *Longerich P.* The Unwritten Order. – P. 47. О НКВД см.: *Kołakowski P.* NKWD i GPU na ziemiach polskich 1939–1945. – Warszawa: Bellona, 2002. – P. 74. О Гитлере см.: *Mańkowski Z.* Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940. – P. 7. Также см.: *Aly G., Heim S.* Architects of Annihilation: Auschwitz and the Logic of Destruction. – Princeton: Princeton University Press, 2002. – P. 151.

РАЗДЕЛ 5

ЭКОНОМИКА АПОКАЛИПСИСА

День 22 июня 1941 года – один из самых значимых в истории Европы. Немецкое вторжение в Советский Союз, под кодовым названием «Операция Барбаросса», которое началось в тот день, было чем-то существенно большим, чем неожиданное нападение, изменение альянса или новая стадия войны, – оно было началом катастрофы, не поддающейся описанию. Вермахт (и его союзники) в ходе борьбы с Красной армией уничтожили более десяти миллионов солдат и почти столько же гражданского населения, которое погибло, либо спасаясь бегством, либо от голода и болезней, вызванных войной на Восточном фронте. В течение этой восточной войны немцы также намеренно уничтожили около десяти миллионов человек, включая более пяти миллионов евреев и более трех миллионов военнопленных.

В истории «кровавых земель» «Операция Барбаросса» обозначает начало третьего периода. Во время первого (1933–1938) почти все массовые уничтожения проводил Советский Союз; во время второго, в течение немецко-советского альянса (1939–1941) уничтожения проводились совместно. С 1941-го по 1945 годы почти за все политические убийства были ответственны немцы.

Переход к каждой новой стадии вызывает вопрос. При переходе от первой стадии ко второй он звучал так: как могла советская власть заключить альянс с нацистами? При переходе со второй на третью стадию – так: почему немцы нарушили альянс? Европа Молотова-Риббентропа, о которой договорились Москва и Берлин в 1939–1941 годах, означала оккупацию или потерю территории для Бельгии, Дании, Эстонии, Финляндии, Франции, Латвии,

Литвы, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши и Румынии. Она также означала депортации и массовые расстрелы граждан Польши, Румынии и стран Балтии. Но для Советского Союза и нацистской Германии она означала плодотворное экономическое сотрудничество, военные победы и экспансию за счет этих стран. Что такого было в нацистской и советской системах, что позволяло взаимовыгодное сотрудничество в период с 1939-го по 1941 год, а также допустило и самую разрушительную войну в истории человечества в период с 1941-го по 1945 год?

Очень часто вопрос 1941 года рассматривают более абстрактно, как вопрос европейской цивилизации. В некоторых концепциях немецкая (и советская) политика уничтожения – это кульминация современности, которая будто бы началась тогда, когда идеи Просвещения о разуме в политике стали использоваться на практике во время Французской революции и наполеоновских войн. Но такое понимание современности не объясняет катастрофу 1941 года, по крайней мере – не напрямую. Оба режима отвергали оптимизм Просвещения, состоящий в том, что социальный прогресс придет вслед за победным маршем науки через мир природы). И Гитлер, и Сталин принимали дарвиновскую модель конца XIX века: прогресс возможен, но только как результат жестокой борьбы между расами или классами. Поэтому было законно уничтожить просвещенный класс Польши (сталинизм) или искусственно образованные прослойки польских недочеловеков (национал-социализм). До тех пор идеология как нацистской Германии, так и Советского Союза допускала компромисс, который состоял в захвате Польши. Союзничество позволяло им разрушить плоды европейского Просвещения в Польше, уничтожив большую часть польского просвещенного класса. Оно позволило Советскому Союзу расширить свою версию равенства, а нацистской Германии – навязать расовую схему десяти миллионам человек, особенно наглядно через сегрегацию евреев в гетто до принятия какого-то «окончательного решения». Можно считать, что нацистская Германия и Советский Союз представляли собой два примера современности, которые излучали ненависть по отношению к третьему – польскому. Но оба они были очень далеки от того, чтобы представлять собой современность как таковую[1].

---

[1] Эта книга не об интеллектуальной истории, и я могу позволить себе только кратчайшие ремарки по поводу этих сложных вопросов. Как индивиды, Гитлер и Сталин воплощали разные формы германского ответа на Просвещение времен начала XIX века: Гитлер – трагически-романтический герой, который должен нести бремя лидерства испорченной нации, Сталин же –

Ответ на вопрос о 1941 годе меньше касается интеллектуального наследия Просвещения и больше – возможностей империализма, меньше – Парижа и больше – Лондона. И Гитлер, и Сталин противостояли двум главным наследиям британского XIX века: империализму как организационному принципу мировой политики и нерушимой власти Британской империи на море. Гитлер, не в силах соперничать с Британией на океанских просторах, видел Восточную Европу созревшей для новой сухопутной империи. Восток не был полной *tabula rasa*: Советское государство и все, чего оно достигло, нужно было убрать. И тогда это был бы, как сказал Гитлер в июле 1941 года, «Эдемский сад». Британская империя занимала все помыслы предшественника Сталина, Ленина, который верил, что империализм искусственно подпитывает капитализм. Для Сталина как преемника Ленина сложность состояла в том, чтобы защищать родину социализма, Советский Союз, от мира, в котором и империализм, и капитализм упорно продолжали свое существование. Сталин сделал уступку империалистическому миру задолго до того, как Гитлер пришел к власти: если империализм продолжает существовать, то социализм будет воплощен не через мировую революцию, а через Советское государство. После этого идеологического компромисса («социализм в отдельно взятой стране») альянс Сталина с Гитлером был всего лишь деталью. В конце концов, если твоя страна – крепость добра, окруженная миром зла, любой компромисс оправдан и ни один из них ничем не хуже других. Сталин заявил, что альянс с Германией служит советским интересам. Он ожидал, что этот альянс закончится в какой-то момент, но не в 1941 году[2].

гегелианский дух мира, который открывает смысл истории и диктует его другим. Более детальное сравнение, которое предложил Кристофер Кларк, должно было учитывать их различные взгляды на время. Нацистский и советский режимы отвергали принципиальное представление Просвещения о том, что время двигается вперед само по себе, принося знания, а значит, и прогресс. Каждый из них спешил, к моменту, который предположительно находился в прошлом. Марксизм действительно являлся схемой прогресса, но Ленин перепрыгнул прогнозы Маркса и сделал революцию в отсталой стране, в то время как индустриально более развитые страны отвергали прогнозы Маркса и не устраивали никаких социальных революций. Сталинский СССР, таким образом, в 1930-х годах торопился, чтобы родина социализма могла защитить себя от империалистического мира. Нацисты торопились еще больше на пути к даже более фантастическому видению. Они представляли себе катаклизм, который разрушит Советский Союз, переделает Восточную Европу и восстановит величие и чистоту Германии. Гитлер страстно желал успеть создать Германию своей мечты еще при жизни, которая, как он боялся, будет короткой. Вступление к попыткам объединить дискуссии о нацистской Германии и Советском Союзе в рамках интеллектуальной истории см.: *Bracher K.D.* Zeit der Ideologien: Eine Geschichte politischen Denkens im 20. Jahrhundert. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1984.

[2] Этот аргумент представлен в разделах 1–3. Про «Эдемский сад» (16 июля 1941 года) см.: *Mulligan T.P.* The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943. – New York: Praeger, 1988. – P. 8.

Гитлер хотел, чтобы немцы стали имперским народом; Сталин же хотел, чтобы советские люди выдержали империалистическую стадию развития истории, как бы долго та ни длилась. Это противоречие больше касалось территории, чем принципа. «Эдемский сад» Гитлера (чистое прошлое, которое нужно обрести в ближайшем будущем) был сталинской «землей обетованной» – территорией, приобретенной дорогой ценой, о которой каноническая история уже написана (сталинский «Краткий курс истории ВКП(б)» 1938 года издания). Гитлер всегда собирался завоевать западную часть Советского Союза. Сталин хотел развить и укрепить Советский Союз во имя самозащиты именно от таких империалистических притязаний, хотя его страхи скорее касались Японии и Польши (или же японско-польско-немецкого окружения), чем вторжения со стороны Германии. Японцы и поляки представляли бóльшую угрозу, чем немцы, культивируя национальные движения внутри Советского Союза. Сталин считал, что тот, кто попытается вторгнуться в его огромную страну, сначала будет искать союзника внутри ее[3].

Противоречие было не в идеях, которые существуют сами по себе. Гитлер хотел войны, а Сталин – нет, по крайней мере, не войны 1941 года. Гитлер вынашивал имперскую идею, и это имело большое значение, но он также подумывал о будущих возможностях и восставал против ограничений очень необычного момента. Решающим периодом был год между 25 июня 1940-го и 22 июня 1941 года, между неожиданно стремительной победой Германии над Францией и вторжением в Советский Союз, которое должно было принести такой же быстрый триумф. К середине 1940 года Гитлер покорил большую часть Центральной, Западной и Восточной Европы и у него оставался только один враг – Великобритания. Правительство Гитлера получало советскую пшеницу и нефть, а его армия казалась непобедимой. Почему же тогда, принимая во внимание очень реальную выгоду для Германии от альянса с Советским Союзом, Гитлер решил напасть на союзника?

В конце 1940-го и начале 1941 года Советский Союз и нацистская Германия были единственными могущественными державами на европейском континенте, но не единственными европейскими державами. Германия и Советский Союз переделали Европу, но мир создала Великобритания. Советский Союз и

[3] Сравните с: *Goulder A.* Stalinism: A Study of Internal Colonialism // Telos. – 1978. – № 34. – Pp. 5–48; *Viola L.* Selbstkolonisierung der Sowjetunion // Transit. – 2011. – № 38. – Pp. 34–56.

Германия влияли друг на друга определенным образом, но на обоих оказывала влияние Великобритания – враг, который отказывался от альянса с ними. Британская империя и флот сформировали мировую систему, на которую ни нацисты, ни СССР в ближайшем будущем не намеревались замахнуться. Вместо этого каждая из этих стран хотела выиграть собственную войну, завершить свою революцию и построить собственную империю, невзирая на существование Британской империи и доминирование Королевского флота. Советское и нацистское руководство – независимо от того, будут они врагами или союзниками, и невзирая на разность идеологий – стояли перед тем же самым вопросом, поставленным самим существованием Британской державы: как могла большая сухопутная империя процветать и доминировать в современном мире без надежного доступа к мировому рынку и без могущественного флота?[4]

Сталин и Гитлер пришли к одному и тому же базовому ответу на этот фундаментальный вопрос. Государство должно быть территориально большим и самодостаточным в экономическом плане, со сбалансированными индустрией и сельским хозяйством; оно должно поддерживать послушное и идеологически мотивированное население, способное воплощать в жизнь исторические пророчества – либо сталинскую внутреннюю индустриализацию, либо нацистский колониальный аграрианизм. И Гитлер, и Сталин были нацелены на имперскую автократию в пределах большой сухопутной империи, хорошо снабженной продуктами, сырьем и полезными ископаемыми. Оба понимали показную привлекательность современных материалов: Сталин назвал себя по имени стали, а Гитлер уделял особое внимание ее производству. Однако и Сталин, и Гитлер понимали, что сельское хозяйство – ключевой элемент для завершения столь нужной каждому из них революции. Оба верили, что их система докажет свое превосходство над упадническим капитализмом и будет гарантировать независимость от остального мира, благодаря производству продуктов питания[5].

[4] Британия – скорее внешний фактор в этом исследовании, чем предмет изучения, но здесь также нужно сделать ударение на важном значении личностей в истории. См.: *Lukacs J.* June 1941: Hitler and Stalin. – New Haven: Yale University Press, 2007; *Lukacs J.* Five Days in London, May 1940. – New Haven: Yale University Press, 1999. Также см.: *Berlin I.* Personal Impressions. – Princeton: Princeton University Press, 2001. – Pp. 1–23.

[5] См. главу «Предисловие» к этой книге, а также: *Streit C.* Keine Kamaraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangen 1941–1945. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978. – Pp. 26–27. Нефть была важна и для индустрии, и для сельского хозяйства. Здесь Германия также зависела от импорта, а настоящая автократия, похоже, требовала завоевания советского Кавказа и его нефтяных запасов.

Начиная с конца 1940-го – начала 1941 года советская власть и нацисты очень по-разному учитывали войну в этом грандиозном экономическом планировании. К этому времени Сталину пришлось защищать экономическую революцию, в то время как Гитлеру нужна была война для экономического преобразования. Если у Сталина был «социализм в отдельно взятой стране», то у Гитлера на уме было что-то вроде национал-социализма в нескольких странах: огромная Германская империя сделала возможным процветание немцев за счет других. Сталин саму коллективизацию преподносил как внутреннюю классовую войну и вместе с тем как подготовку к предстоящим внешним войнам. Понять экономическое видение Гитлера можно было только после настоящего военного конфликта, а именно после тотальной военной победы над Советским Союзом. Секрет коллективизации (как говорил Сталин еще задолго до нее) состоял в том, что это была альтернатива экспансивной колонизации, то есть форма внутренней колонизации. В отличие от Сталина, Гитлер полагал, что все еще можно захватить колонии за рубежом: колонии, которые он подразумевал, включали аграрные земли западной части Советского Союза, а также нефтяные запасы советского Кавказа. Гитлер хотел, чтобы Германия была, как он выразился, «самым автократичным государством в мире». Для этого не нужно было побеждать Британию, но нужно было победить Советский Союз. В январе 1941 года Гитлер сказал военному командованию, что «несметные богатства» Советского Союза сделают Германию «неприступной»[6].

Готовность британцев продолжать борьбу после падения Франции в июне 1940 года выдвинула эти противоречия на первый план. В период с июня 1940-го по июнь 1941 года Британия была единственным врагом Германии, однако более сильным, чем казалось. Соединенные Штаты не вступали в войну, но президент Франклин Рузвельт четко высказался о своем намерении. В сентябре 1940 года американцы отдали пятьдесят эсминцев британцам в обмен на разрешение базироваться в Карибском море; начиная с марта 1941 года

[6] См.: *Tooze A.* The Wages of Destruction. – Pp. 409, 424, 429, 452. О «самом автократичном государстве в мире» см.: *Kennedy P.M.* Aufstieg und Verfall der britischen Seemacht. – Herford: E.S. Mittler & Sohn, 1978. – P. 341. О нефтяных ресурсах см.: *Eichholtz D.* Krieg um Öl: Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel (1938–1943). – Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006. – Pp. 8, 15 и по тексту. Также см.: *Hildebrand K.* Vom Reich zum Weltreich: Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919–1945. – Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1969. – Pp. 657–658. Немецкие военные были уверены, что советские ресурсы необходимы для ведения войны (см.: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941. – New York: Berghahn Books, 2006. – Pp. 27, 37, 40, 212 (о «несметных богатствах»)).

во власти президента были поставки боевой техники (по закону о ленд-лизе). Британские войска были изгнаны с европейского континента, когда пала Франция, но Британия эвакуировала многих военных в город Дюнкерк. Летом 1940 года Люфтваффе сразились с Королевскими военно-воздушными силами Великобритании, но не смогли одержать победы; они могли бомбить британские города, но не могли запугать британцев. Германии не удалось установить воздушного превосходства, и это было главной проблемой для державы, планировавшей вторжение. Хотя десантная операция на Британских островах предполагала бы пересечение Ла-Манша людьми и техникой, у Германии не было кораблей, необходимых для контроля за водами и осуществления транспортных перевозок. Летом 1940 года у Кригсмарине[7] было три крейсера и четыре эсминца – вот и все. В последний день июля 1940 года, когда «битва за Британию» только начиналась, Гитлер уже решил вторгнуться на территорию своего союзника, Советского Союза. Он приказал 18 декабря подготовить план операций по вторжению, чтобы «сокрушить Советскую Россию в ходе молниеносной кампании»[8].

Гитлер намеревался использовать Советский Союз для решения собственной проблемы с Британией – не в его настоящем качестве союзника, а в качестве будущей колонии. В течение этого решающего года, с июня 1940-го по июнь 1941-го, те, кто планировал экономику Германии, тяжело трудились, придумывая, как завоеванный Советский Союз сделает Германию той супердержавой, которой Гитлер хотел ее видеть. Главные плановики работали под пристальным оком Генриха Гиммлера и под прямым командованием Рейнхарда Гейдриха. Под общим заголовком «Генеральный план “Ост”» оберфюрер СС профессор Конрад Мейер набросал серию планов для обширной восточной колонии. Первая версия плана была закончена в январе 1940 года, вторая – в июле 1941 года, третья – в конце 1941-го, а четвертая – в мае 1942 года. Общий дизайн всех версий был неизменным: немцы депортируют, уничтожат, ассимилируют или поработят местное население и принесут порядок и процветание на покоренные рубежи. В зависимости от демографических оце-

---

[7] *Kriegsmarine* – военно-морской флот Германии в эпоху Третьего рейха (*прим. пер.*).

[8] О возможностях военно-морского флота Германии см.: *Weinberg G.L.* A World at Arms. – P. 118; *Tooze A.* The Wages of Destruction. – Pp. 397–399; *Evans R.J.* The Third Reich at War. – Pp. 143–146. Цит.: *Mazower M.* Hitler’s Empire. – P. 133. Алан Милвард давно обратил внимание на значимость допущения быстрой победы (см.: *Milward A.S.* The German Economy at War. – London: Athlone Press, 1965. – Pp. 40–41).

нок, от тридцати пяти до сорока пяти миллионов человек, преимущественно славян, должны были исчезнуть. Согласно одной из редакций плана, 80–85% поляков, 65% западных украинцев, 75% беларусов и 50% чехов должны были быть уничтожены[9].

После того, как коррумпированные советские города будут снесены, немецкие фермеры обоснуют, по выражению Гиммлера, «поселения-жемчужины» – утопические фермерские общины, которые будут производить обилие продуктов для Европы. Немецкие поселения на пятнадцать–двадцать тысяч человек каждое будут окружены немецкими селами в радиусе десяти километров. Немецкие поселенцы будут защищать Европу со стороны Уральских гор от азиатского варварства, отброшенного на восток. Борьба на краю цивилизации будет экзаменом на мужество для последующих поколений немецких поселенцев. Колонизация сделает из Германии континентальную империю, способную соперничать с Соединенными Штатами – еще одним смелым фронтирным государством, основанном на истребляющей колонизации и рабском труде. Восток был для нацистов «предопределением судьбы». По мнению Гитлера, «на Востоке похожий процесс повторится во второй раз, как и при покорении Америки». Согласно тому будущему, которое рисовал себе Гитлер, Германия будет обращаться со славянами так же, как северные американцы обращались с коренными индейцами. Как он однажды изрек, российская река Волга станет немецкой Миссисипи[10].

Здесь идеология встретилась с необходимостью. Пока Британия не пала, единственным обоснованным видением империи Гитлера было покорение дальнейшей территории в Восточной Европе. То же самое касалось планов Гитлера относительно освобождения Европы от евреев: пока Британия продолжала воевать, евреев нужно было ликвидировать на европейском континенте, а не на каком-то далеком острове вроде Мадагаскара. В конце 1940-го и в начале 1941 года Королевский флот предотвратил океаническую версию Гитлера насчет «окончательного решения». Мадагаскар был собственностью

---

[9] О «Генеральном плане “Ост”» см.: *Madajczyk C.* Vom «Generalplan Ost» zum «Generalsidlungsplan» // Der «Generalplan Ost»: Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs-und Vernichtungspolitik / Ed. by Rössler M., Schleiermacher S. – Berlin: Akademie Verlag, 1993. – Pp. 12–13, 64–66; *Aly G., Heim S.* Architects of Annihilation. – P. 258; *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – Pp. 100–101, 216; *Wasser B*. Himmlers Raumplannung im Osten. – Basel: Birkhäuser Verlag, 1993. – Pp. 51–52; *Tooze A.* The Wages of Destruction. – Pp. 466–467; Rutherford. Prelude. – P. 217; *Mazower M.* Hitler’s Empire. – Pp. 206, 210; *Longerich P.* Heinrich Himmler. – Pp. 597–599.

[10] О Гиммлере см.: *Longerich P.* Heinrich Himmler. – P. 599. О Гитлере см.: *Kershaw I.* Hitler. – P. 651. Также см.: *Tooze A.* The Wages of Destruction. – P. 469.

Франции, а Франция пала, но британцы все еще контролировали морские коммуникации. Союзник, Советский Союз, отверг предложение Германии импортировать два миллиона европейских евреев. Пока Советский Союз и нацистская Германия оставались союзниками, немцы ничего не могли сделать, кроме как принять отказ СССР и выжидать подходящего момента. Но если бы Германия завоевала Советский Союз, тогда она могла бы использовать советскую территорию, как ей заблагорассудится. Как только Гитлер приказал готовиться ко вторжению в Советский Союз, он провозгласил перед большой толпой в Берлинском дворце спорта в январе 1941 года, что в ходе мировой войны «с ролью еврейства в Европе будет покончено». «Окончательное решение» последует не за вторжением в Британию; планы на него были отложены на неопределенное время. Оно последует за вторжением в Советский Союз 22 июня 1941 года. Первые массовые расстрелы будут происходить в оккупированной Советской Украине[11].

Советский Союз был единственным реальным источником продовольствия для Германии и ее западноевропейской империи, которые вместе и порознь зависели от импорта продуктов. Гитлер знал, что в конце 1940-го и в начале 1941 года 90% продуктовых поставок из Советского Союза осуществлялись из Советской Украины. Подобно Сталину, у Гитлера была тенденция считать саму Украину геополитическим ресурсом, а ее население – инструментами обработки земли, инструментами, которыми можно обменяться с другими или выбросить. Для Сталина обладание Украиной было предпосылкой и доказательством триумфа его версии социализма. Зачищенная, голодная, коллективизированная и терроризируемая – она кормила и защищала Советскую Россию и остальной Советский Союз. Гитлер мечтал о плодородном украинском черноземе, предполагая, что немцы возьмут с ее территории больше, чем СССР[12].

Продукты из Украины были так же важны для нацистского видения восточной имерии, как и для сталинской защиты целостности Советского Сою-

---

[11] Слова Гитлера, произнесенные 31 января 1941 года, процитированы по книге *Tooze A.* The Wages of Destruction. – P. 465. Конечному варианту «Окончательного решения» будет посвящен следующий раздел. Эванс считает, что Гитлеру нужно было начать войну против Советского Союза до завершения войны с Британией, потому что немецкие граждане будут противиться новой войне (см.: *Evans R.J.* The Third Reich at War. – P. 162).

[12] Die Weltgefahr des Bolschewismus. Rede des Reichskanzlers Adolf Hitler im Berliner Sportpalast // Deutschösterreichische Tageszeitung. – 03.03.1933; *Kershaw I.* Fateful Choices. – P. 267. Об указанных процентах см.: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – Pp. 56, 143.

за. Украинская «крепость» Сталина была украинской «житницей» Гитлера. Генералы немецкой армии подытожили в августовском исследовании 1940 года, что Украина, «с точки зрения сельского хозяйства и индустрии, – самая ценная часть Советского Союза». Герберт Бакке, ответственный гражданский плановик, сообщил Гитлеру в январе 1941 года: «оккупация Украины освободит нас от всех экономических проблем». Гитлер хотел Украину «для того, чтобы никто не заставил нас снова голодать, как это было в прошлую войну». Покорение Украины сперва оградило бы немцев от британской блокады, а затем колонизация Украины позволила бы Германии стать глобальной державой по модели Соединенных Штатов[13].

В отдаленной перспективе нацистский «Генеральный план “Ост”» предполагал захват сельскохозяйственных земель, уничтожение всех, кто на тех землях трудился, и заселение их немцами. Но пока что, во время войны и сразу же после ее (ожидаемого) быстрого завершения, Гитлер нуждался в местном населении, которое бы собирало урожай для немецких солдат и гражданского населения. В конце 1940-го и в начале 1941 года немецкие архитекторы войны решили, что победоносным немецким войскам в завоеванном Советском Союзе следует использовать инструмент, который Сталин изобрел для контроля за поставкой продуктов, – колхозы. Некоторые немецкие политические архитекторы хотели упразднить колхозы во время вторжения, полагая, что это поможет Германии получить поддержку украинского населения. Экономические плановики, однако, полагали, что Германии нужно сохранить колхозы, чтобы кормить армию и немецкое гражданское население. Они одержали победу в этом споре. Бакке (эксперт Геринга по продовольствию в Управлении по четырехлетнему плану) сказал, что «немцам пришлось бы основать колхозы, если бы советский режим уже об этом не позаботился»[14].

С точки зрения немецких плановиков, колхозы нужно было использовать снова, чтобы заморить голодом миллионы человек: на самом деле, в это время в планах было уничтожение десятков миллионов. Коллективизация принесла голодомор в Советскую Украину – сначала как непреднамеренный результат неумелости и нереалистических планов зернозаготовок, а после как умыш-

[13] Цит.: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – Pp. 211, 50, 40. Также см.: *Tooze A*. The Wages of Destruction. – P. 469; *Kershaw I.* Hitler. – P. 650.

[14] Цит.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts-und Vernichtungspolitik in Wießrußland 1941 bis 1944. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999. – P. 342. Классификацию институционного аппарата см.: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – Pp. 17–18, 148.

ленный результат карательных операций по изъятию продовольствия в конце 1932-го и начале 1933 года. Гитлер же, наоборот, *наперед планировал* заморить голодом ненужное советское население. Немецкие стратеги рассматривали те части Европы, которые уже были под немецким доминированием и в которые нужно было импортировать продукты, чтобы прокормить около двадцати пяти миллионов человек. Они также учитывали Советский Союз, чье городское население увеличилось примерно на двадцать пять миллионов человек после Первой мировой войны. Они видели перед собой довольно простое решение: последние должны умереть, чтобы первые могли жить. По их подсчетам, колхозы производили как раз нужное количество продукции, чтобы прокормить немцев, но недостаточное, чтобы прокормить народы Востока. Поэтому в этом смысле они были идеальным устройством для политического контроля и экономического баланса[15].

Это был «План голода», сформулированный к 23 мая 1941 года: во время войны с СССР и после нее немцы намеревались кормить немецких солдат и немецкое (а также западноевропейское) гражданское население, обрекая на голодную смерть советских граждан, которых они завоюют, особенно жителей больших городов. Продукция из Украины теперь будет отсылаться не на север, чтобы прокормить Россию и остальной Советский Союз, а на запад – кормить Германию и остальную Европу. В немецком понимании Украина (и части Западной России) была «профицитным регионом», который производит продукции больше, чем ему нужно для потребления, в то время как Россия и Беларусь были «дефицитными регионами». Жителям украинских городов и почти всем жителям Беларуси, а также северо-запада России придется либо голодать, либо бежать прочь. Города будут разрушены, территория превратится в природные леса, а около тридцати миллионов населения умрут от голода зимой 1941–1942 года. «План голода» предполагал «уничтожение индустрии, а также огромной части населения в дефицитных регионах». В этих указаниях от 23 мая 1941 года использовались элементы совершенно откровенных формулировок нацистов относительно планов по уничтожению огромного количества людей. «Десятки миллионов человек на этой территории станут лишними и умрут или должны будут эмигрировать в Сибирь. Попытки спасти тамошнее население от голодной смерти путем приобретения излишков из чер-

[15] *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – Pp. 138, 162–163.

ноземной зоны могут быть только за счет недопоставок Европе. Они сделают невозможным для Германии продержаться до конца войны, они будут мешать Германии и Европе выстоять блокаду. В этом отношении должна царить полная ясность»[16].

Герман Геринг, который в это время был самым важным соратником Гитлера, нес полную ответственность за экономическое планирование. Его Управлению по четырехлетнему плану было поручено подготовить план экономики Германии на период войны с 1936-го по 1940 год. Теперь это Управление по четырехлетнему плану, которому было поручено разработать «План голода», должно было выполнить сталинскую пятилетку и повернуть ее в противоположном направлении. Немцы собирались имитировать амбиции сталинской пятилетки (завершить революцию), использовать ее результат (колхозы), но изменить ее цели на противоположные (от первоначальной защиты и индустриализации Советского Союза). «План голода» предусматривал восстановление доиндустриального Советского Союза, в котором жило значительно меньше людей, была слаборазвитая индустрия и не было больших городов. Продвижение Вермахта вперед будет путешествием во времени назад. Национал-социализм должен был перекрыть дамбу прогресса сталинизма, а затем и повернуть вспять течение его великой исторической реки.

Голод и колонизация были политикой Германии – политикой, которую обсуждали, с которой соглашались, формулировали, распространяли и понимали. В общих чертах «План голода» был готов к марту 1941 года. Подходящий набор «Указаний экономической политики» был издан в мае. Несколько подчищенная версия, известная как «Зеленая папка», циркулировала тиражом одна тысяча экземпляров среди немецких руководителей в июне того же года. Непосредственно перед вторжением и Гиммлер, и Геринг занимались контролем важных аспектов послевоенного планирования: Гиммлер – долговременной расовой колоней «Генерального плана “Ост”», а Геринг – краткосрочным голоданием и уничтожением по «Плану голода». Немцы намеревались устроить разрушительную войну, которая трансформирует Восточную Европу

---

[16] Об «уничтожении индустрии...» см.: Verbrechen der Wehrmacht: Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. – Hamburg: Institut für Sozialforschung, 2002. – P. 65. Длинная цитата см.: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 133; также см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 52–56. Учитывая поселения советских евреев, эти «лишние люди» включали не только россиян, беларусов, украинцев и балтийцев, но, по крайней мере, и три четверти населения советских евреев.

в убийственную аграрную колонию. Гитлер хотел аннулировать всю работу Сталина. Социализм в отдельно взятой стране будет вытеснен социализмом для немецкой расы. Таковы были планы[17].

У Германии была альтернатива – по крайней мере, по мнению ее японских союзников. Через год и месяц после того, как Пакт Молотова-Риббентропа отдалил Токио от Берлина, немецко-японские отношения были восстановлены на основе военного альянса. Токио, Берлин и Рим подписали 27 сентября 1940 года Тройственный пакт. В это время, когда европейская война происходила преимущественно в воздухе, между Королевскими военно-воздушными силами и Люфтваффе, Япония надеялась, что этот альянс мог быть направлен против Великобритании. Токио подталкивал немцев к совершенно иной революции в мировой политической экономике, нежели та, которую представляли немецкие стратеги. Японцы считали, что, вместо колонизации Советского Союза, нацистской Германии нужно присоединиться к Японии и победить Британскую империю.

Японцы, строя свою империю на расширение за пределами островов, считали море инструментом экспансии. В интересах Японии было убедить немцев в том, что британцы – их главный общий враг, поскольку согласие по этому поводу помогло бы японцам завоевать британские (и датские) колонии в Тихом океане. Однако японцы предлагали немцам определенные перспективы, которые были шире их собственной непосредственной потребности в природных ресурсах британских и датских колоний. У них была грандиозная стратегия: вместо сражений с Советским Союзом немцам нужно было двигаться на юг, выгнать британцев с Ближнего Востока и встретить японцев где-нибудь в Южной Азии, например, в Индии. В Токио считали, что если бы немцы и японцы контролировали Суэцкий канал и Индийский океан, то британское военно-морское могущество перестало бы существовать как фактор. И тогда Германия и Япония стали бы двумя мировыми державами[18].

---

[17] *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 164. В июне Гитлер подтвердил, что Геринг целиком ответственен за экономическое планирование.

[18] *Hauner M.* India in Axis Strategy: Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War. – Stuttgard: Klett-Cotta, 1981. – Pp. 378–383.

Гитлер не проявил никакого интереса к этой альтернативе. Немцы рассказали СССР о Тройственном пакте, но у Гитлера никогда не было намерения разрешить советскому государству присоединиться к нему. Япония хотела бы видеть немецко-японско-советскую коалицию против Великобритании, но это было невозможно. Гитлер уже нацелился на вторжение в Советский Союз. Хотя Япония и Италия были теперь союзницами Германии, Гитлер не включал их в список своих главных военных амбиций. Он считал, что немцы могут и должны победить СССР самостоятельно. Альянс Германии с Японией ограничивался подспудными разногласиями по поводу целей и врагов. Японцам нужно было победить британцев, а со временем и американцев, чтобы стать доминирующей морской державой в Тихом океане. Немцам нужно было разрушить Советский Союз, чтобы стать огромной сухопутной державой в Европе и позже соперничать с британцами и американцами[19].

Япония хотела заключить с Советским Союзом договор о нейтралитете еще с лета 1940 года, и он наконец был подписан в апреле 1941 года. Тиунэ Сугихара, японский разведчик и специалист по СССР, провел ту весну в Кенигсберге, немецком городе в Восточной Пруссии на Балтийском море, пытаясь вычислить дату нападения Германии на Советский Союз. В сопровождении польских помощников он путешествовал по Восточной Германии, в том числе по землям, захваченным Германией у Польши. По его предположениям, сделанным на основе наблюдений за передвижениями немецких войск, вторжение должно было состояться в середине июня 1941 года. Его донесения в Токио были лишь одним из тысячи сигналов, присылаемых разведчиками из Европы и со всего мира, о том, что немцы нарушат Пакт Молотова-Риббентропа и нападут на союзника в конце весны или в начале лета[20].

Сталин и сам получил более сотни таких сигналов, но предпочел их проигнорировать. Его собственная стратегия всегда состояла в том, чтобы побуждать немцев воевать на западе в надежде на то, что капиталистические

---

[19] Принимая во внимание способность Гитлера импровизировать, трудно говорить о стратегии в общепринятом смысле. По моему мнению, разногласие между теми, кто говорит о континентальной и мировой стратегиях, можно очень просто разрешить так: Гитлер и его командование соглашались, что захваченный Советский Союз нужен был для того, чтобы продолжать войну – какую бы форму она ни приняла. У Гитлера на уме была война континентов, и он верил, что она наступит. Чтобы победить в такой мировой войне, нужно было поскорее одержать победу в континентальной войне.

[20] Относительно договора о нейтралитете см.: *Weinberg G.L.* A World at Arms. – Pp. 167–169; *Hasegawa T.* Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. – Cambridge: Harvard University Press, 2005. – Pp. 13–14.

державы истощат друг друга и тогда СССР останется только наслаждаться плодами поверженной Европы. Гитлер, по мнению Сталина, одержал победу в Западной Европе (над Норвегией, Данией, Бельгией, Люксембургом, Нидерландами и Францией) слишком быстро и слишком легко. Однако Сталин, казалось, не мог поверить, что Гитлер откажется от наступления на Великобританию, которая была врагом как нацистских, так и советских амбиций и самой могущественной державой в мире. Он ожидал войны с Германией, но не в 1941 году. Он говорил и себе, и другим, что предупреждения об опасности немецкого нападения были британской пропагандой, направленной на то, чтобы поссорить Берлин и Москву, несмотря на очевидную общность их интересов.

Кроме всего прочего, Сталин не мог поверить, что немцы нападут без зимней амуниции, о которой ничего не сообщалось ни в одном из донесений секретных агентов[21].

Это был самый большой просчет в политической карьере Сталина. Неожиданное нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года поначалу выглядело потрясающе успешным. Три миллиона немецких солдат в составе трех групп армии пересекли границу Молотова-Риббентропа и двинулись в Балтию, Беларусь и Украину, намереваясь захватить Ленинград, Москву и Кавказ. К немцам в этом наступлении присоединились их союзники (Финляндия, Румыния, Венгрия, Италия и Словакия), а также подразделение испанских и полк хорватских добровольцев. Это было крупнейшее наступление в истории войн; тем не менее, в отличие от вторжения в Польшу, оно происходило только с одной стороны и привело к войне на одном, но очень протяженном фронте. Гитлер не договаривался с японскими союзниками, чтобы те присоединились к атаке на Советский Союз. Японское руководство могло наступать на СССР по собственной инициативе, но вместо этого решило не нарушать договора о ненападении. Несколько японских политических деятелей, в том числе министр иностранных дел Ёсуке Мацуока, призывали к вторжению в советскую Сибирь, но их предложение было отвергнуто. Через два дня после того, как немецкие войска вошли в Советский Союз, 24 июня 1941 года, командование японской армии и флота приняло резолюцию «пока что

[21] *Burleigh M.* Germany Turns Eastwards. – Pp. 484, 487.

не вмешиваться в немецко-советскую войну». В августе Япония и Советский Союз вновь подтвердили договор о нейтралитете[22].

Немецкие офицеры нисколько не сомневались, что смогут быстро разбить Красную армию. Успех в Польше, а особенно во Франции, заставил многих из них поверить в военный гений Гитлера. Вторжение в Советский Союз во главе с танковыми войсками должно было принести «молниеносную победу» в течение девяти–двенадцати недель. После военного триумфа наступит коллапс советского политического строя и откроется доступ к советской сельскохозяйственной продукции и нефти. Немецкое командование говорило о Советском Союзе как о «карточном домике» либо же «колоссе на глиняных ногах». Гитлер ожидал, что кампания продлится не более трех месяцев или даже меньше того, что это будет «детская игра». Это был самый большой просчет в политической карьере Гитлера[23].

Жестокость – это не то же самое, что эффективность, и немецкое планирование было слишком кровожадным, чтобы быть действительно практичным. Вермахт не мог осуществить «План голода», и проблема была не этического характера и состояла не в соблюдении законности. Гитлер освободил войска от обязанности подчиняться законам войны по отношению к гражданскому населению, и немецкие солдаты убивали безоружных людей без колебания. В первые дни нападения они вели себя так же, как и в Польше. На второй день после вторжения немецкие солдаты использовали гражданское население в качестве живого щита. Так же, как и в Польше, немецкие солдаты часто относились к советским солдатам как к партизанам и расстреливали их, когда брали в плен, а также расстреливали советских солдат, пытавшихся добровольно сдаться. Женщин в военной форме (это не было редкостью в Красной

[22] О колебаниях Японии см.: *Weinberg G.L.* A World at Arms. – P. 253. О «пока что не вмешиваться...» см.: *Hasegawa T.* Racing the Enemy. – P. 13. О повторном подписании договора см.: *Krebs G.* Japan and the German-Soviet War, 1941. – P. 554. О часто забываемой роли Италии см.: *Schlemmer T.* Die Italiener an der Ostfront. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2005.

[23] Цит.: *Römer F.* Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008. – P. 204. Цитату Гитлера см.: *Kershaw I.* Hitler. – P. 566. Также см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbestazung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. – Munich: R. Oldenbourg, 2008. – P. 64; *Bartov O.* Hitler's Army: Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich. – New York: Oxford University Press, 1991. – P. 16.

армии) сначала убивали просто потому, что те были женщинами. Проблема для немцев состояла скорее в том, что систематически заставлять голодать огромное количество гражданского населения – это по своей сути трудное дело. Значительно легче завоевать территорию, чем перераспределить калории[24].

За восемь лет до этого сильное Советское государство смогло заставить голодать Советскую Украину. Сталин воспользовался материально-техническими и социальными ресурсами, на освоение которых не могла надеяться ни одна вторгшаяся армия: опытный и знающий НКВД, партия, корни которой находились в селе, и толпы идеологически настроенных добровольцев. Под его правлением люди Советской Украины (и повсюду) перегибались через вздутые животы, чтобы срезать несколько снопов пшеницы, которую им не дозволялось есть. Возможно, еще более ужасным было то, что они делали это под недремлющим оком многочисленных государственных и партийных чиновников, которые часто сами жили в той же местности. Авторы «Плана голода» считали, что колхозы можно будет эксплуатировать для контроля над запасами зерна и морить голодом значительно большее количество человек, даже если уничтожить власть Советского государства. Нацистам, видимо, даже не приходила в голову идея о том, что любая форма экономического менеджмента будет работать лучше под советским контролем, чем под нацистским. Если так, то немецкая эффективность была скорее идеологическим допущением, а не реальностью[25].

Немецкие оккупанты не были способны заставить население голодать тогда и там, когда и где им этого хотелось. Для воплощения «Плана голода» немецкие войска должны были бы охранять каждый колхоз, повсеместно наблюдать за сбором урожая и следить, чтобы продовольствие не прятали и чтобы оно не оставалось неучтенным. Вермахт был способен поддерживать и контролировать колхозы так же, как были способны на это СС и местные помощники, но не настолько же эффективно, как советская власть. Немцы не знали местного населения, местных урожаев и мест, где люди могли прятать продовольствие. Они могли применять террор, но делали это менее систематично, чем советский режим; у них не было партии и они не вызывали такого страха и веры,

---

[24] Об использовании гражданских лиц в качестве живого щита см.: Приказ от 13 мая 1941 года, текст которого есть в Verbechen der Wehrmacht. – P. 46. Также см.: *Bartov O.* Hitler's Army. – P. 71; *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 71, 205 (о женщинах в военной форме); *Römer F.* Der Kommissarbefehl. – Pp. 228, 551; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 774.

[25] *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 244, 266; *Bartov O.* The Eastern Front 1941–1945: German Troops and the Barbarisation of Warfare. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001. – P. 132.

Немецкое наступление
22 июня - 1 октября 1941 г.
Ударные группировки (Panzergruppen)
Передвижения остальных частей
Финляндия
Финская армия
Карело-Финская АССР
озеро Ладога
Швеция
Хельсинки
Балтийское море
Таллин
Ленинград
Блокада Ленинграда с 8 сентября 1941 г.
Эстонская ССР
Волга
Рига
Латвийская ССР
PANZER 4
Двинск
Невель
СССР
Ржев
Клин
Москва
18-я
Данциг
Айнзацгруппа «А»
xxxxx
Группа армий «СЕВЕР»
ЛЕЕБ
16-я
Литовская ССР
Вильнюс
РСФСР
Германия
PANZER 3
Смоленск
9-я
Минск
Рязань
Ока
Тула
Ярославль
Айнзацгруппа «В»
Группа армий «ЦЕНТР»
БОК
Линия Молотова - Риббентропа
PANZER 2
Бобруйск
2-я АРМИЯ
Брянск
Варшава
Лодзь
Белорусская ССР
Орел
Пинск
Припять
Гомель
Елец
Генерал-Губернаторство
Полесские болота
1 сентября 1941 г.
Чернигов
Курск
Воронеж
Краков
6-я
Луцк
Ровно
Айнзацгруппа «С»
Группа армий «ЮГ»
РУНШТЕДТ
PANZER 1
Линия фронта 1 октября 1941 г.
Киев
Львов
Словакия
Украинская ССР
17-я АРМИЯ
Днестр
Днепр
Полтава
Харьков
Винница
Венгрия
Венгерский механизированный армейский корпус
Умань
Кременчук
Днепропетровск
Румынская 3-я армия
Первомайск
17-я АРМИЯ
Сталино
Немецкая 11-я армия
Кишинев
Ростов
Николаев
Румынская 4-я армия
Одесса
Мелитополь
Румыния
Молдавская ССР
Азовское море
xxxx
Белград
Айнзацгруппа «D»
РУМЫНСКАЯ
КОНСТАНТИНЕСКУ
Крым
Керчь
Сербия
Бухарест
Дунай
Севастополь
София
Черное море
Болгария
Греция
Стамбул
Турция

как она. У них не хватало людей, чтобы закрыть доступ к селам для горожан. И, поскольку война продолжалась дольше запланированного, немецкие офицеры волновались, что организованный голод вызовет в тылу движение сопротивления[26].

«План Барбаросса» должен был реализоваться быстро и решительно и принести «молниеносную победу», в крайнем случае, за три месяца. Однако хоть Красная армия и отступала, она не была разбита. Через две недели боев немцы захватили Литву, Латвию, Восточную Польшу, а также большую часть Советской Беларуси и небольшую – Советской Украины. Франц Гальдер, начальник штаба немецкой армии, признался в своем дневнике 3 июля 1941 года, что, по его мнению, война выиграна. К концу августа немцы добавили к списку Эстонию, еще часть Советской Украины и остальную Советскую Беларусь, но скорость продвижения была недостаточной и фундаментальных целей не было достигнуто. Советское руководство оставалось в Москве. Как точно выразился один из немецких командующих корпуса Вермахта, не было «ни победного блицкрига, ни уничтожения русской армии, ни распада Советского Союза»[27].

Германия все равно морила голодом советских граждан, но не столько из соображений политического доминирования, сколько от политического отчаяния. Хотя «План голода» базировался на ложных политических предпосылках, он все еще задавал вектор моральных принципов войны на Востоке. Осенью 1941 года немцы устроили голод не для того, чтобы переделать покоренный Советский Союз, а чтобы продолжать войну без навязывания финансовых затрат собственному гражданскому населению. В сентябре Герингу пришлось дать оценку сложившейся ситуации, которая катастрофически отличалась от ожиданий нацистов. Мечты о разрушенном Советском Союзе, отдающем свои богатства триумфальной Германии, пришлось отбросить. Классическая дилемма политэкономии – ружья или масло – должна была быть разрешена магическим образом: ружья будут взбивать масло. Но теперь, через три месяца после начала войны, мужчины с ружьями очень нуждались в масле. По-

---

[26] Verbechen der Wehrmacht. – P. 344; *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 185; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 266.

[27] Цит.: *Arnold K.J.* Die Eroberung und Behandlung der Stadt Kiew durch die Wehrmacht im September 1941: Zur Radikalisierung der Besatzungspolitik // Militärgeschichtliche Mitteilungen. – 1999. – № 58 (1). – P. 46.

скольку война длилась дольше запланированных двенадцати недель, немецкие солдаты соревновались с немецким гражданским населением за ограниченные запасы продовольствия. Само по себе вторжение задержало поставку зерна из Советского Союза. Теперь три миллиона немецких солдат нужно было кормить и при этом не урезать продовольственный паек в самой Германии[28].

У немцев не было планов на случай непредвиденного провала. У войск было чувство, что что-то идет не так; в конце концов, никто не выдавал им зимних шинелей и часовые ночью замерзали на посту. Но как можно было сказать немецкому народу, что вторжение провалилось, если Вермахт все еще, казалось, продвигался вперед, а у Гитлера все еще были моменты эйфории? Но если нацистское руководство не могло признать, что война не задалась, то нужно было оградить немецкое гражданское население от негативных последствий вторжения. Урчание в животах могло перерасти в бурчание граждан. Немцам нельзя было позволить жертвовать собой ради войск на фронте, во всяком случае, не слишком уж жертвовать и не слишком рано. Изменение внутренней продовольственной политики могло позволить им увидеть правду: война, по крайней мере, так, как ее видело руководство, уже была проиграна. Бакке, специалист Геринга по продовольствию, точно знал, что нужно сделать: забрать продовольствие у советских граждан, чтобы немцы могли есть досыта[29].

Заданием Геринга было щадить экономику Германии и в то же время обеспечивать поставки для немецкой военной машины. Его начальный план (морить голодом Советский Союз после чистой победы) теперь уступил место импровизации: немецкие солдаты должны брать нужное им продовольствие, продолжая войну, которая уже должна была завершиться. 16 сентября 1941 года, когда уже был превышен срок, отпущенный на «молниеносную победу», Геринг приказал немецким войскам «жить с земли». Один из генералов был более точен: немцы должны кормить себя сами, «как во время колониальных войн». Продовольствие из Советского Союза должно было распределяться сначала немецким солдатам, затем немцам в Германии, затем

---

[28] См.: *Edele M., Geyer M.* States of Exception // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compares / Ed. by Geyer M, Fizpatrick S. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 171. О проблеме продовольственного снабжения немецких солдат без уменьшения продовольственного пайка см.: *Tooze A.* The Wages of Destruction.

[29] *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 798. Как указывает Туз, немцы действительно были готовы на жертвы экономического характера ради военных усилий (см.: *Tooze A.* The Wages of Destruction).

советским гражданам, а уже затем советским военнопленным. Пока Вермахт сражался, пока дни становились короче, а ночи длиннее, пока грунтовые дороги превращались под осенними дождями в грязь и болото, солдатам приходилось заботиться о себе самостоятельно. Приказ Геринга позволял их превратно понимаемой войне продолжаться ценой голодания миллионов советских граждан и, конечно же, ценой смерти миллионов немецких, советских и прочих солдат[30].

Поведение ставленника Гитлера Геринга в сентябре 1941 года было поразительно похоже на то, как вел себя в декабре 1932 года ставленник Сталина Каганович: оба расписали инструкции в сфере продовольственной политики, гарантировавшие смерть миллионов человек в последующие месяцы; оба рассматривали смерть от голода, которая была последствием их политики, не как человеческую трагедию, а как вражескую агитацию. Так же, как это делал в свое время Каганович, Геринг теперь инструктировал подчиненных, что голод является оружием врага, нацеленным на то, чтобы вызвать сочувствие там, где необходима жесткость. Сталин и Каганович поставили членов украинской Компартии между собой и украинским населением в 1932-м и 1933 годах, принуждая украинских коммунистов нести ответственность за зернозаготовки и брать на себя вину за невыполнение плана. Гитлер и Геринг поместили Вермахт между собой и голодающим советским населением в 1941-м и 1942 годах. В течение лета 1941 года некоторые немецкие солдаты делились своими пайками с голодными советскими гражданами. Немногие немецкие офицеры попытались сделать так, чтобы советских военнопленных кормили. Осенью это прекратилось. Немецким солдатам говорили, что если они хотят есть, то должны морить голодом окружающее население. Они должны были представлять себе, что еда, попавшая в рот советского гражданина, отобрана у немецкого ребенка[31].

Немецкие командующие должны были продолжать войну, что означало кормить своих солдат и морить голодом всех остальных. Это была политическая логика и нравственная ловушка. У солдат и младших офицеров не оставалось другого выхода, кроме как не подчиниться либо сдаться в плен – ва-

[30] *Streit C.* Keine Kamaraden. – Pp. 143, 153. О Вальтере фон Рейхенау (запись от 28 сентября) см.: *Arnold K.J.* Die Eroberung und Behandlung der Stadt Kiew durch die Wehrmacht im September 1941. – P. 35.

[31] *Streit C.* Keine Kamaraden. – Pp. 143, 153. Сравните с: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 2.

рианты настолько же немыслимые для немецких войск в 1941 году, как и для украинских коммунистов в 1932 году[32].

В сентябре 1941 года три группы армии Вермахта (группа армий «Север», «Центр» и «Юг») подошли к новой продовольственной политике с довольно

[32] См.: *Keegan J.* The Face of Battle. – New York: Viking, 1976. – P. 73; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 51; *Förster J.* The German Army and the Ideological War against the Soviet Union // The Policies of Genocide: Jews and Soviet Prisoners of War in Nazi Germany / Ed. by Hirschfeld Gerhard. – London: Allen & Unwin, 1986. – P. 22; Verbrechen der Wehrmacht. – P. 288.

разных позиций. Группа армий «Север», задачей которой был захват стран Балтии и северо-запада России, взяла в сентябре Ленинград в осаду. Группа армий «Центр» пронеслась в августе по Беларуси. После долгой паузы, во время которой некоторые ее силы помогали группе армий «Юг» в битве с Киевом, она продвинулась снова по направлению к Москве в начале октября. Тем временем группа армий «Юг» двигалась по Украине по направлению к Кавказу, но значительно медленнее, чем предполагалось. Отряды немецких солдат напоминали коммунистические бригады десятилетней давности, которые забирали столько продовольствия, сколько могли, и так быстро, как только могли.

Группа армий «Юг» морила голодом людей в Киеве и Харькове – в двух столицах Советской Украины. Киев взяли 19 сентября 1941 года – намного позже, чем планировалось, и после длительных обсуждений того, что делать с городом. Согласно «Генеральному плану “Ост”», Гитлер хотел, чтобы город был уничтожен. Командующим на местах, однако, нужен был мост через Днепр, чтобы продолжать продвижение на восток. Поэтому, в конце концов, солдаты взяли город штурмом. Оккупанты 30 сентября запретили поставку продовольствия в Киев. Логика была такой: продовольствие должно оставаться в селах, чтобы его контролировала армия, а позже – немецкая гражданская оккупационная власть. Однако крестьяне из сел под Киевом находили способ пробираться в город и даже устраивать там базары. Немцы не могли закрыть город так, как это сделала советская власть в 1933 году[33].

Вермахт не придерживался изначального «Плана голода», а вместо этого морил людей голодом там, где считал это полезным. Вермахт никогда не намеревался заморить голодом все население Киева, а пытался только обеспечить удовлетворение собственных нужд. И тем не менее это была политика безразличия к человеческой жизни как таковой; она уничтожила, наверное, пятьдесят тысяч человек. Как записал один киевлянин в декабре 1941 года, немцы празднуют Рождество, но местные «все двигаются, как тени, тут повальный голод». В Харькове подобная политика убила, наверное, двадцать тысяч человек. Среди них в 1942 году были двести семьдесят три ребенка в городском приюте для сирот. Именно возле Харькова голодающие сельские дети в 1933 году поедали друг друга живьем в пе-

[33] *Arnold K.J.* Die Eroberung und Behandlung der Stadt Kiew durch die Wehrmacht im September 1941. – Pp. 27–33.

редвижном сиротском доме. Теперь городские дети, хоть и в значительно меньшем количестве, умирали такой же ужасной смертью[34].

Планы Гитлера относительно Ленинграда, бывшей столицы Российской империи, превзошли даже самые большие опасения Сталина. Ленинград находился на Балтийском море, ближе к столице Финляндии Хельсинки и к эстонской столице Таллинну, чем к Москве. Во время Большого террора Сталин позаботился, чтобы против финнов была направлена одна из самых кровожадных национальных операций, полагая, что Финляндия может в один прекрасный день потребовать себе Ленинград. В ноябре 1939 года Сталин обеспечил себе ненависть финнов, напав на Финляндию, которая находилась, согласно Пакту Молотова-Риббентропа, в сфере его влияния. В этой Зимней войне финны нанесли Красной армии тяжелые потери и подпортили ей репутацию. В конечном итоге им пришлось уступить примерно десятую часть своей территории в марте 1940 года, что позволило Сталину создать буферную зону вокруг Ленинграда. Таким образом, в июне 1941 года Финляндия была союзницей Гитлера, поскольку финны, естественно, хотели получить назад свою землю и взять реванш в том, что они называли «продолжающейся войной». Но Гитлер не хотел взять Ленинград и отдать его финнам – он хотел стереть его с лица земли. Гитлер хотел, чтобы население Ленинграда было уничтожено, город разрушен до основания, а уже после этого отдать его территорию финнам[35].

В сентябре 1941 года финская армия отрезала Ленинград с севера, а группа армий «Север» начала кампанию по осаде и бомбардировкам города с юга. Хотя немецкое командование не знало всех радикальных планов Гитлера относительно советских городов, оно соглашалось с тем, что Ленинград нужно заморить голодом. Эдуард Вагнер, генерал-квартирмейстер немецкой армии, писал своей жене, что жителей Ленинграда, все три с половиной миллиона человек, нужно будет оставить на милость судьбы. Их слишком много для армейского «пакета снабжения», и «сентиментальность неуместна». Подступы к городу были заминированы, чтобы предотвратить побеги. Город не сда-

[34] О Киеве см.: *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule. – Cambridge: Harvard University Press, 2004. – Pp. 170–186 (на с. 184 указано максимальное общее число жертв – 56 400 человек); *Arnold K.J.* Die Eroberung und Behandlung der Stadt Kiew durch die Wehrmacht im September 1941. – P. 34. О Харькове см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 192; Verbrechen der Wehrmacht. – P. 328 (количество жерв указано как минимум 11 918 человек).

[35] *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – Pp. 181, 186.

вался, но даже если бы и решил сдаться, то капитуляцию не приняли бы. В немецких планах было выморить Ленинград голодом. В самом начале осады Ленинграда, 8 сентября 1941 года, немецкая артиллерия уничтожила продовольственные склады и нефтехранилища города. В октябре 1941 года около двух с половиной тысяч человек умерли от голода и болезней. В ноябре – пять с половиной тысяч человек, а в декабре – пятьдесят тысяч. До конца осады, длившейся до 1944 года, умерло около миллиона человек[36].

Ленинград не вымер от голода полностью, потому что местная советская власть действовала в городе и распределяла имевшийся хлеб, а также потому, что советское руководство пошло на риск и снабжало население продовольствием. Когда замерз лед на Ладожском озере, появилась дорога для выхода из города и продуктовых поставок в город. Той зимой температура опустилась до отметки минус сорок градусов, и при таких морозах в городе не было ни продовольствия, ни отопления, ни воды. Однако советская власть в городе не рухнула. НКВД продолжал аресты, допросы и ссылки. Заключенных также переправляли по Ладожскому озеру; ленинградцы были среди около двух с половиной миллионов человек, которых НКВД переправил в ГУЛАГ во время войны. Милиция и пожарная служба выполняли свои функции. Дмитрий Шостакович был добровольцем в пожарной бригаде, когда писал третью часть своей Седьмой симфонии. Библиотеки продолжали работать, люди читали книги, писали и защищали диссертации[37].

В огромном городе русские (и не только) стояли перед той же дилеммой, что украинцы и казахи (и не только) за десять лет до того во время голодомора коллективизации. Ленинградка Ванда Зверева, которая во время осады была ребенком, позже вспоминала свою маму с большой любовью и восхищением: она была «красивая женщина. Я бы сравнила ее лицо с Моной Лизой». Ее отец был физиком с артистическими способностями, который вырезал из де-

---

[36] Вагнер в 1944 году был одним из участников заговора против Гитлера (см. цитаты в Verbrechen der Wehrmacht. – Pp. 193, 311). Миллион человек – это приблизительное число, указывающееся в западной литературе, например, см.: *Kirschenbaum L.A.* The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006; *Salisbury H.E.* The 900 Days: The Siege of Leningrad. – New York: Harper & Row, 1969. В советских источниках приводится цифра 632 тысячи человек (см.: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 308). О продовольствии и отоплении см.: Writing the Siege of Leningrad / Ed. by Simmons C., Perlina N. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002. – P. 23.

[37] *Gerlach C.* Krieg, Ernährung, Völkermord: Forschungen zur deutschen Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Hamburg: Hamburger Edition, 1998. – P. 36; *Salisbury H.E.* The 900 Days. – Pp. 508–509; Writing the Siege of Leningrad. – P. xxi; *Kirschenbaum L.A.* The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995. – P. 1.

рева скульптуры греческих богинь перочинным ножиком. В конце 1941 года, когда семья голодала, ее отец пошел на работу в надежде добыть продовольственные карточки. Его не было несколько дней. Однажды ночью Ванда проснулась и увидела маму, стоящую над ней с серпом. Она начала бороться с мамой и победила ее или же, скорее, «тень, которая от нее осталась». Она дала действиям мамы снисходительную интерпретацию: мама хотела избавить ее от страданий голода, убив быстро. Ее отец вернулся с продуктами на следующий день, но для мамы было уже слишком поздно: она умерла несколько часов спустя. Семья зашила ее в одеяла и оставила на кухне, пока мерзлая земля не оттает и можно будет ее похоронить. В квартире было так холодно, что ее тело не разлагалось. Весной отец Ванды умер от воспаления легких[38].

В тогдашнем Ленинграде подобных историй насчитывалось сотни тысяч. Вера Костровицкая была одной из многих ленинградских интеллектуалов, ведших дневники, чтобы записать все ужасы. Она имела польское происхождение и потеряла мужа за несколько лет до этого во время Большого террора. Теперь она была свидетельницей того, как умирали от голода ее русские соседи. В апреле 1942 года она описала судьбу незнакомца, которого видела ежедневно: «Прислонившись спиной к столбу, на снегу сидит человек, высокий, укутанный в лохмотья, на плечах у него рюкзак. Он прижался к столбу. Наверное, он шел на Финский вокзал, устал и присел. Две недели, пока я ходила туда-сюда в госпиталь, он “сидел” таким образом:

без рюкзака
без лохмотьев
в белье
голый
скелет с вырванными внутренностями»[39].

Самым известным ленинградским дневником является дневник одиннадцатилетней Тани Савичевой, в котором записано:

«Женя умерла 28 декабря в 12:00 утра 1941 г.
Бабушка умерла 25 января в 3 часа дня 1942 г.
Лека умер 17 марта в 5 часов утра 1942 г.

---

[38] *Głębocki H.* Pierwszy naród ukarany. – Pp. 179–189.
[39] Writing the Siege of Leningrad. – P. 51.

Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа ночи 1942 г.

Дядя Леша 10 мая в 4 часа дня 1942.

Мама –13 мая в 7:30 утра 1942 г.

Савичевы умерли. Умерли все.

Осталась одна Таня»[40].

Таня Савичева умерла в 1944 году.

Чем больше было у Вермахта власти над населением, тем больше у населения было шансов умереть от голода. В лагерях военнопленных, где Вермахт полностью контролировал узников, царила смерть беспрецедентных масштабов. Именно в этих лагерях внедряли нечто очень похожее на изначальный «План голода».

Никогда раньше в истории войн не было взято в плен так много солдат за столь короткий срок. В одном лишь бою под Смоленском солдаты Вермахта группы армий «Центр» взяли в плен триста сорок восемь тысяч человек; в другом группа армий «Юг» взяла под Киевом шестьсот шестьдесят пять тысяч человек. Только за те два сентябрьских сражения в плен попали более миллиона мужчин (и небольшое количество женщин). К концу 1941 года немцы взяли в плен около трех миллионов советских солдат. Для немцев это не было неожиданностью. От трех немецких групп армий ожидали еще более быстрого темпа продвижения, а потому даже большего количества военнопленных. Искусственное воспроизведение ситуации предсказывало будущий ход действий. Однако немцы не готовились к взятию военнопленных, по крайней мере, не в обычном смысле этого слова. По заведенному закону войны, военнопленных кормят, дают им убежище и оказывают медицинскую помощь хотя бы для того, чтобы обеспечить аналогичные действия со стороны противника[41].

Гитлер хотел перевернуть традиционную логику. Относясь к советским военнопленным ужасно, он хотел, чтобы немецкие солдаты боялись такого же отношения со стороны советской армии и сражались бы отчаянно, чтобы не попасть в руки врага. Он, казалось, не мог допустить мысли, что солдаты го-

[40] Дневник находится на экспозиции в Государственном Музее истории Ленинграда (г. Санкт-Петербург), экспозиция «Ленинград в годы Великой Отечественной войны».

[41] Относительно вышеуказанных цифр см.: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 209. О предполагаемом числе пленных см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 783.

сподствующей расы могли сдаться в плен недочеловекам из Красной армии. У Сталина был такой же взгляд: солдаты Красной армии не должны сдаваться в плен живыми. Он не допускал возможности, что советские солдаты будут отступать или сдаваться. Они должны были продвигаться вперед, убивать и умирать. В августе 1941 года Сталин объявил, что советских военнопленных будут приравнивать к дезертирам, а их семьи будут арестованы. Когда сын Сталина попал в плен к немцам, он арестовал собственную невестку. Эта жесткая наступательная доктрина приводила к тому, что советские солдаты попадали в плен. Советские командующие боялись приказывать отступать, иначе вина пала бы на них лично (после чего последовали бы репрессии и расстрел), поэтому солдаты удерживали позиции слишком долго, их окружали и захватывали. В своей политике Гитлер и Сталин действовали заодно, делая из советских солдат военнопленных, а затем превращая военнопленных в нелюдей[42].

После того, как советские пленные сдавались, они были шокированы дикостью немцев. Пленных красноармейцев заставляли идти в длинных колоннах с места сражения до лагеря и ужасно при этом били. Например, солдат, взятых в плен в Киеве, заставили пешком пройти более четырехсот километров. По воспоминаниям одного из них, если изможденный пленник садился на обочине дороги, немецкий конвоир «подъезжал на лошади и стегал кнутом. Человек продолжал сидеть, опустив голову. Тогда конвоир вынимал из седла карабин или пистолет из кобуры». Пленных, которые были ранены, больны или изнурены, расстреливали на месте, а тела оставляли, чтобы советские граждане их нашли, омыли и похоронили[43].

Когда Вермахт перевозил советских военнопленных поездом, то использовались открытые товарные вагоны, никак не защищавшие от непогоды. Когда поезда прибывали к месту назначения, сотни, а иногда и тысячи замерзших

---

[42] *Bartov O.* Hitler's Army. – P. 87; *Polian P.* La violence contre les prisonniers de guerre soviétiques dans le IIIe Reich et un URSS // La violence de guerre 1914–1945 / Ed. by Audoin-Rouzeau S., Becker A., Ingrao Chr., Rousso H. – Paris: Éditions Complexes, 2002. – P. 123; *Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Ed. by Echternkamp J. – Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, – 2005. – № 9/2. – Pp. 800–801. Также см.: *Merridale C.* Ivan's War: Life and Death in the Read Army, 1939–1945. – New York: Henry Holt, 2006. – P. 28; *Braithwaite R.* Moscow 1941. – P. 165.

[43] *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule. – Cambridge: Harvard University Press, 2004. – Pp. 94–96; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 845–857. Общие сведения о том, как обращались с военнопленными, см.: *Keegan J.* The Face of Battle. – Pp. 49–51.

трупов выпадали из открывшихся дверей. Смертность во время таких перевозок достигала иногда семидесяти процентов. Примерно двести тысяч военнопленных погибли в таких маршах смерти и при таких смертельных перевозках. Все военнопленные, прибывшие в около восьмидесяти лагерей для военнопленных, основанных в оккупированном Советском Союзе, были измученными и голодными, а многие еще и ранеными или больными[44].

Обычно лагерь для военнопленных – это простой объект, построенный одними солдатами для других, но его цель – сохранение жизни. Такие лагеря строятся в трудных условиях и в незнакомой местности, но их строят люди, которые знают, что их собственные товарищи находятся в плену у армии противника. Немецкие же лагеря для военнопленных в Советском Союзе иногда очень отличались от обычной картины. Они создавались для того, чтобы оборвать жизнь. В принципе, они делились на три типа: дулаг (транзитный лагерь), шталаг (базовый лагерь для рядовых и унтер-офицеров) и меньший по размерам офлаг (для офицеров). На деле же все три типа лагерей часто были не более чем местом в чистом поле, обнесенным колючей проволокой. Пленных не регистрировали по именам, хотя и пересчитывали. Это было поразительным отступлением от законов и обычаев. Даже в немецких концлагерях записывали имена узников. Был еще только один тип немецких сооружений, в котором не записывали имен, но на то время он еще не был изобретен. Не было предусмотрено никакого обеспечения продовольствием, убежищем или медицинской помощью. Не было медпунктов, а очень часто и туалетов. Обычно не было никакой защиты от непогоды. Официальный паек для пленных был значительно ниже уровня выживания, но часто и его не давали. На практике только более сильные узники и те, кого отбирали работать охранниками, могли рассчитывать на кормежку[45].

Советских военнопленных поначалу смущало такое с ними обращение Вермахта. Один из них думал, что «немцы учат нас вести себя по-товарищески». Не в силах представить, что голод был политикой, он считал, будто немцы хотели, чтобы советские пленные демонстрировали солидарность друг с другом и делились той едой, которая у них была. Возможно, этот солдат про-

---

[44] *Polian P.* La violence contre les prisonniers de guerre soviétiques dans le IIIe Reich et un URSS. – P. 121. Датнер приводит цифру 200–250 тысяч человек (см.: *Datner S.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – P. 379).

[45] *Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945. – P. 805; *Gerlach C.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – P. 24.

сто не мог поверить, что, как и Советский Союз, нацистская Германия была государством, которое морило людей голодом целенаправленно. По иронии, вся сущность немецкой политики по отношению к пленным состояла в том, что они не были равноправными человеческими существами, поэтому и не являлись равноправными солдатами и уж ни при каких условиях не товарищами. Указания от мая 1941 года напутствовали немецких солдат помнить о «нечеловеческой жестокости» русских в бою. Немецких лагерных охранников предупредили в сентябре, что их будут наказывать за недостаточное применение оружия[46].

Осенью 1941 года военнопленные во всех дулагах и шталагах начали голодать. Хотя даже Геринг признался, что «План голода» как таковой невозможен, приоритеты немецкой оккупации должны были заставить советских военнопленных голодать. Имитируя и радикализируя порядки советского ГУЛАГа, немецкие власти давали меньше еды тем, кто не мог работать, таким образам ускоряя смерть более слабых. Официальный паек тех, кто не мог работать, 21 октября 1941 года урезали на 27%. Для многих это было исключительно теоретическое уменьшение, поскольку во многих лагерях для военнопленных никого регулярно не кормили и в большинстве из них более слабые и так не имели регулярного доступа к пище. Ремарка армейского генерал-квартирмейстера, Эдуарда Вагнера, сделала явной политику отбора: те пленные, которые не могут работать, сказал он 13 ноября, «должны голодать». В лагерях узники ели все, что только могли найти: траву, кору, еловые иглы. У них не было мяса, разве что кто-нибудь убивал собаку. Некоторым пленным изредка перепадала конина. Узники дрались за возможность облизать ложки и миски, а их немецкие охранники смеялись над этой картиной. Когда начался каннибализм, немцы трактовали это как результат низшего уровня развития советской цивилизации[47].

---

[46] О «товарищах» см.: *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – Париж: YMCA Press, 1994. – С. 30.

[47] Об иерархии начальства см.: *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». – Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1981. – P. 7. Цит.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 219; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 801. Также см.: *Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945. – P. 808. О каннибализме см.: *Shumejko M.F.* Die NS-Kriegsgefangenenlager in Weißrussland in den Augen des Militärarztes der Roten Armee, L. Atanasyan // Sowjetische und deutsche Kriegsgefangene in den Jahren des Zweiten Weltkriegs / Ed. by Selemenev V. at al. – Dresden-Minsk, 2004. – P. 174; *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? Sowjetische Kriegsgefangene im «Unternehmen Barbarossa». Aus dem Tagebuch eines deutschen Lagerkommandanten // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2001. – № 49 (1). – P. 124.

Ужасные условия войны еще больше приблизили Вермахт к идеологии национал-социализма. Точнее сказать, немецких военных, начиная с 1933 года, все больше нацифицировали. Гитлер устранил угрозу со стороны Эрнста Рёма и его СА в 1934 году и объявил немецкое перевооружение и набор в армию в 1935 году. Он переориентировал немецкую индустрию на создание оружия и получил серию очень реальных побед в 1938 году (Австрия, Чехословакия), в 1939 году (Польша) и 1940 году (Дания, Норвегия, Люксембург, Бельгия и более всего Франция). У него было несколько лет, чтобы выбрать любимчиков среди высшего офицерского состава и репрессировать тех, чьи взгляды он находил слишком традиционными. Победа над Францией в 1940 году очень сблизила немецкое военное командование с Гитлером, поскольку офицеры начали верить в его талант.

Однако именно *отсутствие* победы над Советским Союзом неразрывно связало Вермахт с нацистским режимом. В голодающем Советском Союзе осенью 1941 года Вермахт находился в моральной ловушке, и казалось, что выход из нее мог предложить только национал-социализм. От всех остатков традиционных воинских идеалов следовало отрешиться ради деструктивной этики, которая поясняла трудное положение армии. Безусловно, немецких солдат нужно было кормить, но они ели, чтобы набраться сил для сражения в войне, которая уже была проиграна. Безусловно, калории добывали из села, чтобы кормить солдат, но это приводило, в сущности, к бессмысленному голоду. По мере того, как высшее военное командование и полевые офицеры претворяли в жизнь нелегальные и убийственные программы, для них не оставалось никакого оправдания, кроме того, которое дал Гитлер: люди – это контейнеры калорий, которые нужно опустошить; славяне, евреи, азиаты и народы Советского Союза – недочеловеки и поэтому не представляют совершенно никакой ценности. Подобно украинским коммунистам 1933 года, немецкие офицеры 1941 года претворяли в жизнь политику голода. В обоих случаях многие отдельные люди поначалу возражали или сомневались, но в составе групп они в конечном итоге вовлекли себя в преступления режима и таким образом подчинили себя моральным требованиям своих руководителей. Они стали системой, а система – катастрофой.

Именно Вермахт основал первую сеть лагерей и руководил ею в гитлеровской Европе, где люди умирали тысячами, десятками тысяч, сотнями тысяч и, наконец, миллионами.

Некоторые из лагерей военнопленных с ужасной репутацией находились в оккупированной Беларуси, где к концу ноября 1941 года смертность достигла 2% *в день*. В шталаге-325 под Минском, который один из его узников вспоминал как «просто ад», узников набивали в пределах колючей проволоки так тесно, что те едва могли двигаться. Им приходилось мочиться и испражняться там же, где они стояли. В этом лагере погибли около ста девяти с половиной тысяч человек. В дулаге-185, дулаге-127 и шталаге-341 в городе Могилеве на востоке Беларуси очевидцы видели горы трупов, лежащих возле колючей проволоки. В этих лагерях умерли приблизительно тридцать–сорок тысяч узников. В дулаге-131 в Бобруйске в лагерных помещениях произошел пожар. Тысячи узников сгорели заживо, а тысяча семьсот человек были расстреляны из автоматов при попытке к бегству. Всего в бобруйском лагере погибло по крайней мере тридцать тысяч человек. В дулаге-220 и 121 в Гомеле половина узников была помещена в заброшенные конюшни, у другой же половины вообще не было никакого укрытия. В декабре 1941 года смертность в этих лагерях возросла с двухсот человек до четырехсот и семисот в день. В дулаге-342 в Молодечном условия были настолько кошмарными, что узники подавали письменные петиции с просьбой их расстрелять[48].

Аналогичными были и лагеря в оккупированной Советской Украине. Из шталага-306 в Кировограде немецкие охранники рапортовали, что узники едят тела застреленных товарищей, иногда еще до того, как жертвы умирают. Розалия Волковская, выжившая в лагере во Владимире-Волынском, видела то, что происходило с мужчинами в местном шталаге-365: «Мы, женщины, видели сверху, что многие узники едят трупы». В шталаге-346 в Кременчуге, где узники получали самое большее двести граммов хлеба в день, каждое утро

---

[48] Об урезании пайков см.: *Megargee G.* War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2007. – P. 119; Ich werde es nie vergessen: Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004–2006. – Berlin: Ch. Links Verlag, 2007. – P. 178. О Минске см.: Verbrechen der Wehrmacht. – Pp. 227–229; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 768, 856; *Gerlach C.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – P. 51; *Polian P.* La violence contre les prisonniers de guerre soviétiques dans le IIIe Reich et un URSS. – P. 121; *Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945. – P. 807; Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944 / Под ред. Белуги З.И. – Минск: Беларусь, 1965. – С. 199. О Бобруйске см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 224. О Гомеле см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 224; *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Советские военнопленные в немецких концлагерях (1941–1945). – Москва: Авуар консалтинг, 2003. – С. 125. О Могилеве см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – Pp. 224–225. О Молодечном см.: *Gerlach C.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – P. 34; *Megargee G.* War of Annihilation. – P. 90; *Bartov O.* Hitler's Army. – P. 79.

в яму сбрасывали тела. Как и в Украине 1933 года, иногда живых хоронили вместе с мертвыми. В том лагере погибло по крайней мере двадцать тысяч человек. В дулаге-162 в Сталино (ныне Донецк), по крайней мере, десять тысяч узников загоняли за один раз за колючую проволоку маленького лагеря в центре города. Люди могли только стоять. Лишь умирающие лежали, потому что любого, кто ложился, затоптали бы. Здесь погибли около двадцати пяти тысяч человек, освободив место для новых пленных. Дулаг-160 в Хороле, на юго-запад от Киева, был одним из больших по размеру лагерей. Хотя объект был расположен на заброшенном кирпичном заводе, узникам запрещалось ютиться в его помещениях. Если они пытались прятаться там от дождя или снега, их расстреливали. Комендант лагеря любил наблюдать за зрелищем дерущихся за еду узников. Он тогда въезжал на коне в центр разъяренной толпы и давил насмерть людей. В этом и в других лагерях возле Киева погибло тридцать тысяч человек[49].

Советские военнопленные также находились на десятках других объектов в оккупированной Польше, в Генерал-губернаторстве (которое растянулось на юго-восток после вторжения немцев в Советский Союз). Оттуда пораженные члены польского сопротивления докладывали о массовой смерти советских узников зимой 1941–1942 года. Около 45 690 человек умерли в лагерях Генерал-губернаторства *за десять дней*, с 21 по 30 октября 1941 года. В шталаге-307 в городе Деблине за время войны погибли около восьмидесяти тысяч советских военнопленных. В шталаге-319 в Хелме погибли около шестидесяти тысяч человек; в шталаге-366 в городе Седльце – пятьдесят пять тысяч человек; в шталаге-325 в городе Замосць – двадцать восемь тысяч человек; в шталаге-316 в Седльце – двадцать три тысячи. Около полумиллиона советских военнопленных умерли от голода в Генерал-губернаторстве. На конец 1941 года самую большую группу жертв немецкого строя в оккупированной Польше составляли не местные поляки, не местные евреи, а советские военнопленные, которых привезли на запад, в оккупированную Польшу, и оставили умирать от холода и голода. Несмотря на недавнее вторжение СССР в Польшу, польские крестьяне часто пытались подкармливать голодающих советских узников. В отместку немцы расстреливали польских женщин, приносивших

[49] Про Кировоград см.: Verbrechen der Wehrmacht. – Pp. 239–244. О Хороле см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 226. О Сталино см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 227; *Datner S.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – P. 404.

кувшины с молоком, и истребляли целые польские села[50].

Даже если бы все советские военнопленные были здоровы и хорошо питались, смертность зимой 1941–1942 года все равно была бы высокой. Вопреки тому, что думали многие немцы, у славян не было врожденного иммунитета к холоду. В отличие от немцев, советские солдаты иногда были снабжены зимней одеждой, которую немцы отбирали. Военнопленных обычно оставляли без приюта и без теплой одежды при температуре значительно ниже нуля. Поскольку лагеря часто находились в полях, не было деревьев или пригорков, которые бы защищали от беспощадных зимних ветров. Узники, роя руками мерзлую землю, строили сами себе простые землянки, где и спали. В Гомеле три советских солдата-товарища пытались согревать себя, тесно прижавшись друг к другу. Каждый по очереди спал посредине, в самом лучшем месте, согреваемый телами товарищей. Только один из них дожил до того, чтобы рассказать эту историю[51].

Для сотен тысяч военнопленных это был второй политический голод в Украине после перерыва в восемь лет. У тысяч солдат из Советской Украины во второй раз вспухли животы или же они снова стали свидетелями каннибализма. Несомненно, что очень многие их тех, кто пережил тогда первый массовый голод, погибли во время второго. Немногим украинцам, как, например, Ивану Жулинскому, удалось пережить оба. Сын депортированного «кулака», он вспоминал голод 1933 года и говорил людям, что он из «голодного края». Он подбадривал себя в немецком плену, напевая песню:

Якби мені крила –
Піднявся б у небо
За синії хмари:
Немає там власті,
Немає там кари[52].

[50] *Motyka G.* Tragedia jeńców sowieckich na ziemiach polskich podczas II wojny światowej. – Неопубликованная рукопись, 2009. – Pp. 2–6; *Kopówka E.* Stalag 366 Siedlce. – Siedlce: SKUNKS, 2004. – P. 47. Про 45 690 человек, погибших в лагерях Генерал-губернаторства, см.: *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – С. 131. Также см.: *Młynarczyk J.A.* Judenmord in Zentralpolen: Der Distrikt Radom im Generalgouvernement 1939–1945. – Darmstadt: WGB, 2007. – P. 245 (250–570 тысяч человек).

[51] Об отсутствии теплой одежды см.: *Bartov O.* The Eastern Front 1941–1945. – P. 112. О трех солдатах см.: *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – С. 125.

[52] Ich werde es nie vergessen. – P. 113. Выражаем благодарность Татьяне Пастушенко за предоставленный оригинал письма Ивана Вакуловича Жулинского, по которому мы уточнили имя автора процитированных строк *(Прим. науч. ред.)*

Как и во время советского голодомора 1933 года, во время устроенного немцами голода 1941 года многие местные жители в Украине делали все возможное, чтобы помочь умирающим. Женщины называли мужчин своими родственниками и делали так, чтобы тех отпустили. Молодые женщины выходили замуж за пленных, которые были на работах за пределами лагерей. Немцы иногда такое позволяли, поскольку это означало, что мужчины будут работать в зоне немецкой оккупации и производить продукты для немцев. В Кременчуге, где ситуация с продовольствием не была тяжелой, работники из лагерей оставляли в городе пустые сумки утром, когда шли на работу, и забирали их вечером, наполненные продуктами, которые приносили прохожие. В 1941 году условия для такой помощи были благоприятными, поскольку урожай был необычайно хорошим. Женщины (в рапортах почти всегда значились женщины) старались кормить пленных во время маршей смерти или уже в лагерях. Однако командование лагерей для военнопленных в большинстве случаев запрещало гражданскому населению приближаться к лагерям с продуктами. Таких людей обычно прогоняли предупредительными выстрелами. Иногда их убивали[53].

Устройство лагерей на востоке демонстрировало презрение к жизни – жизни славян, азиатов и евреев, что и сделало такой массовый голод возможным. В немецких лагерях военнопленных для солдат Красной армии смертность за время войны составляла 57,5%. В первые восемь месяцев операции «Барбаросса» она, должно быть, была гораздо выше. В немецких лагерях военнопленных для солдат западных союзников смертность составляла менее 5%. Осенью 1941 года за один день погибло столько советских военнопленных, сколько британских и американских вместе взятых за весь период Второй мировой войны[54].

Как советское население нельзя было заставить голодать силой воли, так нельзя было разрушить Советское государство одним ударом, хотя немцы, конечно же, пытались. Часть идеи о «молниеносной победе» состояла в том, что

[53] О гражданских, которые пытались приносить в лагеря продукты, см.: *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair. – Pp. 95, 101; *Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945. – P. 808. О Кременчуге см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 226.

[54] Сравните с: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 188.

Вермахт займет территорию так быстро, что солдаты и замыкающие айнзацгруппы смогут убивать советскую политическую элиту и военно-политических офицеров Красной армии. «Руководящие указания по поведению войск в России», изданные 19 мая 1941 года, требовали «применения суровых мер» к четырем группам: агитаторам, партизанам, саботажникам и евреям. «Директивы по обращению с военно-политическими комиссарами» от 6 июня 1941 года указывали, что пленных политофицеров нужно расстреливать[55].

Фактически местная советская элита сбежала на восток, и чем более элитными были эти люди, тем с большей долей вероятности их могли эвакуировать, либо же у них были ресурсы для организации собственного бегства. Страна была огромной, и у Гитлера не было союзника, который бы вторгся с другой стороны и мог бы схватить этих людей. Немецкая политика массового уничтожения могла коснуться советского руководства только на тех землях, которые уже были оккупированы: Украина, Беларусь, страны Балтии и очень тонкая кромка России. Это был далеко не весь Советский Союз, и вышеупомянутые люди не были критически важными для советской системы. Людей расстреливали, но последствия этого для Советского государства были весьма незначительны. У большинства отрядов Вермахта, казалось, не было проблем с подчинением «комиссарскому приказу»: 80% из них докладывали про экзекуции комиссаров. Военные архивы сохранили записи о 2252 таких расстрелах Вермахтом, но действительное количество было, очевидно, больше[56].

Убивать гражданское население было в основном заданием айнзацгрупп, и они его уже выполняли в Польше в 1939 году. Так же, как и в Польше, айнзацгруппам поручали уничтожение определенных политических групп с тем, чтобы государство пало. За Вермахтом в Советский Союз следовали четыре айнзацгруппы: айнзацгруппа «A» – за группой армий «Север» на земли Балтики по направлению к Ленинграду; айнзацгруппа «B» – за группой армий «Центр» через Беларусь по направлению к Москве; айнзацгруппа «C» – за группой армий «Юг» в Украину, а айнзацгруппа «D» двигалась за 11-й Армией на крайнем юге Украины. Как Гейдрих уточнил в своей телеграмме от 2 июля 1941 года после того, как устно отдал соответствующие приказы,

[55] О намерении убивать советскую элиту см.: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 104. О Гитлере в марте 1941 см.: *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». – P. 36. Текст директив см.: Verbrechen der Wehrmacht. – Pp. 53–55.

[56] О расстрелах 2252 комиссаров см.: *Römer F.* Der Kommissarbefehl. – P. 581.

айнзацгруппы должны были убивать коммунистов-начальников, евреев, занимающих партийные и государственные должности, а также других «опасных элементов». Точно так же, как и с «Планом голода», происходило и с уничтожением людей, обозначенных как политически опасные: те, кто находился в тюремном заключении, были самыми уязвимыми. К середине июля поступили приказы проводить массовые расстрелы в шталагах и дулагах. 8 сентября 1941 года айнзацкомандованию было приказано сделать «отбор» военнопленных и расстрелять государственных и партийных работников, комиссаров, интеллектуалов и евреев. В октябре высшее армейское руководство предоставило айнзацкомандованию и Секретной полиции неограниченный доступ к лагерям[57].

Айнзацкомандование не могло тщательно проверять советских военнопленных. Его представители допрашивали советских военнопленных в загонах сразу же после их прибытия. Они приказывали комиссарам, коммунистам и евреям сделать шаг вперед. Затем они уводили их, расстреливали и сбрасывали в ямы. У них было несколько переводчиков, и по их воспоминаниям отбор людей был довольно случайным. У немцев были неточные представления о воинских званиях и знаках различия в Красной армии, и поначалу они принимали горнистов за комиссаров. Они знали, что офицерам разрешалось иметь более длинные волосы, чем рядовым, но этот показатель был нечетким: большинство этих мужчин уже давно не были у парикмахера. Только одну группу мужчин можно было легко идентифицировать – мужчин-евреев: немецкие охранники инспектировали пенисы на предмет обрезания. В редких случаях евреям удавалось выжить, утверждая, что они обрезанные мусульмане, но чаще случалось так, что расстреливали обрезанных мусульман, принимая их за евреев. Кажется, немецкие врачи охотно участвовали в проведении этой процедуры; медицина была очень нацифицированной профессией. По воспоминаниям врача из лагеря в Хороле, «для каждого офицера и солдата в те времена было абсолютно естественным, что евреев расстреливали». После отбора были расстреляны по крайней мере пятьдесят

[57] О 2 июля 1941 года см.: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 63; *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 105; *Kershaw I.* Fateful Choices. – P. 453. Об инструкциях, данных айнзацгруппам, и об их выполнении см.: *Datner S.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – P. 153; *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». – Pp. 69, 99; *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair. – P. 94. Об октябре 1941 года см.: *Streit C*. The German Army and the Policies of Genocide // The Policies of Genocide: Jews and Soviet Prisoners of War in Nazi Germany / Ed. by Hirschfeld G. – London: Allen & Unwin, 1986. – P. 7.

тысяч советских евреев, а также пятьдесят тысяч неевреев[58].

Немецкие лагеря военнопленных на Востоке были гораздо более смертоносными, чем немецкие концлагеря. Действительно, существующие концлагеря изменили характер после контакта с военнопленными. Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, Маутхаузен и Аушвиц стали местом уничтожения, поскольку СС использовали их для казней советских военнопленных. Около восьми тысяч советских военнопленных были уничтожены в Аушвице, десять тысяч – в Маутхаузене, восемнадцать тысяч – в Заксенхаузене. В Бухенвальде в ноябре 1941 года СС применяли метод массового уничтожения советских военнопленных, который был поразительно похож на советские методы, используемые во времена Большого террора, но в нем было еще лицемернее и изощреннее. Узников заводили в комнату посреди барака, в котором было довольно шумно. Они оказывались как будто в госпитальной комнате для осмотра, окруженные мужчинами в белых халатах – эсэсовцами, которые притворялись врачами. Они заставляли пленного стать спиной к стене в определенном месте, как будто бы для измерения роста. В стене была вертикальная щель, напротив которой оказывалась шея заключенного. В прилегающей комнате находился эсэсовец с пистолетом. Когда он видел шею через щель, он стрелял. Труп затем выбрасывали в третью комнату, «экзаменационную» же быстро мыли и заводили в нее следующего заключенного. Трупы партиями по тридцать пять – сорок человек увозили на грузовиках в крематорий – техническое достижение по сравнению с советской практикой[59].

По самым скромным подсчетам, немцы расстреляли полмиллиона советских военнопленных. Посредством голода и ненадлежащих условий транспортировки они убили еще около 2,6 миллиона человек. В целом, наверное, были уничтожены 3,1 миллиона советских военнопленных. Жестокость не свергла советский строй; если она к чему-то и привела – так это к укреплению советского боевого духа. Охота на комиссаров, коммунистов и евреев была бессмы-

---

[58] *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 204 (на С. 153 и 235 приводятся цифры соответственно 50 и 100 тысяч). Оверманс указывает цифру сто тысяч расстрелянных (*Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945. – P. 815). Арад приводит общую цифру восемьдесят тысяч расстрелянных еврейских военнопленных (*Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. – Lincoln: University of Nebraska Press; Jerusalem: Yad Vashem, 2009. – P. 281). Цитата (врача): *Datner S.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – P. 234. О нацификации медицинской профессии см.: *Hilberg R.* Perpetrators, Victims, Bystanders: The Jewish Catastrophe. – New York: HarperPerennial, 1993. – P. 66.

[59] *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». – Pp. 102–106.

сленна. Расстрел этих людей, уже находившихся в плену, ненамного ослабил Советское государство. Вообще-то, политика голода и отбора упрочили сопротивление Красной армии. Зная, что в немецком плену им придется голодать в агонии, солдаты, конечно же, предпочитали сражаться. Если коммунисты, евреи и комиссары знали, что их расстреляют, у них тоже не было причин сдаваться. По мере того, как распространялась информация о немецкой политике, советские граждане начинали думать, что Советская власть была, пожалуй, предпочтительной альтернативой[60].

Когда война продолжилась в ноябре 1941 года, все больше немецких солдат погибало на фронте и их нужно было заменять новобранцами из Германии, Гитлер и Геринг осознали, что некоторые военнопленные могут понадобиться как рабочая сила в Рейхе. Геринг 7 ноября отдал приказ проводить положительную селекцию (для работы). К концу войны более миллиона советских военнопленных работали в Германии. Плохое обращение и голод вынести было не просто. Один сочувствующий немецкий наблюдатель писал: «Из миллионов заключенных только несколько тысяч способны работать. Неимоверно много их умерло, у многих тиф, а остальные так слабы и несчастны, что совсем не могут работать». Около четырехсот тысяч пленных, отправленных в Германию, умерли[61].

----

[60] О минимальной цифре потерь (как минимум 2,4 миллиона человек) см.: *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». – P. 244. О цифре 3–3,3 миллиона см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 210; *Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945. – Pp. 811, 825; *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – С. 185; *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? – P. 97. О максимальной цифре (3,9 миллиона) см.: *Sokolov B.* How to Calculate Human Losses During the Second World War // Journal of Slavic Military Studies. – 2009. – № 22 (3). – P. 452. О боевом духе см.: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 204.

[61] Про 7 ноября 1941 года см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 817. Сопоставьте с: *Gerlach C., Werth N.* State Violence – Violence Societies // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared / Ed. by Geter M., Fitzpatrick S. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 164. Также см.: *Streim A.* Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». – Pp. 99–102, 234. Об общей цифре четыреста тысяч умерших из числа освобожденных см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 215. Цит. за (Johannes Gutschmidt): *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? – P. 158 (схожие цифры, приведенные Розенбергом, см.: Gott mit uns: Der deutsche Vernichtungskrieg im Osten 1939–1945 / Ed. by Klee E., Dreßen W. – Frankfurt: S. Fischer, 1989. – P. 142).

Исходя из начальных немецких планов, вторжение в Советский Союз было совершенным фиаско. Операция «Барбаросса» должна была принести «молниеносную победу»; поздней осенью 1941 года победой и не пахло. Вторжение в Советский Союз должно было решить все экономические проблемы, но оно их не решило. В конечном итоге, оккупированная Бельгия, к примеру, для нацистской Германии имела большее экономическое значение. Советское население предстояло зачистить; в любом случае, самым важным экономическим вкладом от Советского Союза был труд. Покоренный Советский Союз также должен был предоставить место для «окончательного решения» еврейской «проблемы». Евреи должны были работать на износ в Советском Союзе, либо же их следовало выслать за Уральские горы или в ГУЛАГ. Защита Советским Союзом своей страны летом 1941 года еще раз сделала «окончательное решение» невозможным[62].

К концу 1941 года нацистское руководство уже подумывало о четырех разных версиях «окончательного решения» (но было вынуждено отказаться от них). Люблинский план резервации в Восточной Польше провалился к ноябрю 1939 года, потому что Генерал-губернаторство было слишком близко и ситуация там была слишком сложной; согласованный советский план провалился к февралю 1940 года, потому что Сталин не был заинтересован в приеме еврейской эмиграции; мадагаскарский план – к августу 1940 года, потому что сначала Польша, а затем Британия воевали вместо того, чтобы сотрудничать; а теперь принудительный советский план провалился к ноябрю 1941 года, потому что немцы не уничтожили Советское государство. Хотя вторжение в СССР не принесло никакого «решения», оно точно заострило еврейскую «проблему». Немецкая восточная зона завоевания была теперь, в сущности, идентична части мира, наиболее густо заселенной евреями. Оккупируя Польшу, страны Балтии и западную часть Советского Союза, немцы получили контроль над самой важной традиционной родиной европейских евреев. Под немецким правлением теперь жили около пяти миллионов евреев. За исключением поздней Российской империи, ни в одном государстве за всю историю не было столько евреев, как в Германии в 1941 году[63].

---

[62] О Бельгии см.: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 121.

[63] Про Геббельса см.: *Evans R.J.* The Third Reich at War. – P. 238. Сопоставьте с: *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 109; *Longerich P.* The Unwritten Order. – Pp. 55, 60; *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 747; *Gerlach C.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – P. 178; *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – Bloomington: Indiana University Press, 1987. – P. 14; Aly. Architects. – P. 160.

По судьбе некоторых советских узников, освобожденных из лагерей на востоке, можно было судить о том, что ждало евреев. В Аушвице в начале сентября 1941 года сотни советских узников были отравлены синильной кислотой – инсектицидом, составной частью препарата «Циклон Б», использовавшимся ранее для фумигации бараков польских узников в лагерях. Позже около миллиона евреев будут отравлены «Циклоном Б» в Аушвице. Примерно в это же время другие советские военнопленные были использованы для тестирования газенвагена в Заксенхаузене. В этом автомобиле выхлопные газы подавались в кузов, таким образом запертые в нем люди травились угарным газом. Той же осенью газенвагены использовались для уничтожения евреев в оккупированной Советской Беларуси и Украине. К декабрю 1941 года угарный газ также использовали в припаркованых «душегубках» в Хелмно для убийства польских евреев на землях, аннексированных Германией[64].

Из числа затерроризированных и голодающих узников лагерей для военнопленных немцы набрали не меньше миллиона мужчин для службы в армии и полиции. Поначалу предполагалось, что они будут помогать немцам контролировать территорию Советского Союза после падения его правительства. Когда же этого не произошло, этим советским гражданам было поручено помогать в массовых преступлениях, которые Гитлер и его соратники совершали на оккупированной территории, пока длилась война. Многим бывшим узникам дали лопаты и приказали копать рвы, над которыми немцы расстреливали евреев. Других набирали для полицейских формирований, используемых для охоты за евреями. Некоторых узников отослали в тренировочный лагерь Травники, где их готовили быть лагерными надсмотрщиками. Эти советские граждане и ветераны войны, обученные служить нацистской Германии, проведут 1942 год в трех лагерях смерти в оккупированной Польше (Треблинке, Собиборе и Белжеце), где отравят газом более миллиона польских евреев[65].

[64] Про эксперименты по асфиксии см.: *Overmans R.* Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945. – P. 814; *Longerich P.* The Unwritten Order. – P. 82; *Longerich P.* Heinrich Himmler. – P. 567; *Datner S.* Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – Pp. 208, 428; Verbrechen der Wehrmacht. – P. 281; *Mazower M.* Hitler's Empire. – P. 383; *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution. – P. 357; Gott mit uns. – P. 136.

[65] О количестве завербованных узников см.: *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 181. Также см.: *Black P.* Handlanger der Endlösung: Die Trawniki Männer und die Aktion Reinhard 1941–1943 // Aktion Renhardt, Der Völkermord an den Juden im Generalgouvernement 1941–1944 / Ed. by Musial B. – Osnabrück: Fibre, 2004. – P.p 313–317; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 207–208.

Таким образом, некоторые из тех, кто пережил одну немецкую убийственную политику, стали пособниками в другой, когда война по разрушению Советского Союза превратилась в войну по уничтожению евреев.

РАЗДЕЛ 6

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

Гитлеровские утопии рассыпались при столкновении с Советским Союзом, но вместо того, чтобы от них отказаться, их преобразили. Гитлер был Лидером, и его ставленники были обязаны своими должностями собственному умению предугадывать и осуществлять его волю. Когда эта воля натыкалась на сопротивление, как на Восточном фронте во второй половине 1941 года, заданием таких людей, как Геринг, Гиммлер и Гейдрих, было подправить идеи Гитлера так, чтобы подтвердить его гений, а равно и свою собственную позицию внутри нацистского режима. Утопий летом 1941 года было четыре: молниеносная победа, которая сокрушит Советский Союз за считанные недели; «План голода», согласно которому от голода в течение нескольких месяцев умрут тридцать миллионов человек; «окончательное решение», которое уничтожит европейских евреев после войны, и, наконец, «Генеральный план “Ост”», который сделает из западной части Советского Союза немецкую колонию. Через шесть месяцев после начала операции «Барбаросса» Гитлер переформулировал цели войны так, чтобы физическое уничтожение евреев сделать приоритетом. К тому времени его ближайшие соратники взяли на себя идеологическую и административную инициативу, дабы претворить это желание в жизнь[1].

[1] Браунинг (Browning) и Герлах (Gerlach) спорят о том, пришло ли решение к Гитлеру летом-осенью или в декабре 1941 года. В Разделе 1 я пишу, что расстрел евреев был пятым вариантом «окончательного решения» и первым, который давал надежду на выполнимость. Мысль о том, что евреев можно убрать из Европы, убив их, должно быть, возникла в голове Гиммлера и Гитлера не позже августа. Вполне возможно, что эти двое обсуждали это открыто, хотя это и

Молниеносная победа не наступила. Хотя миллионы советских граждан и голодали, но осуществить «План голода» было невозможно. С «Генеральным планом “Ост”» или любым другим вариантом послевоенных планов колонизации нужно было подождать. По мере того, как ослабевали эти утопии, политическое будущее зависело от извлечения из фантазий того, что было выполнимо. Геринг, Гиммлер и Гейдрих продирались сквозь подвижные руины, разбирая кто что мог. Герингу, ответственному за экономику и «План голода», перепало меньше всего. Считавшийся «вторым человеком в Рейхе» и преемником Гитлера, Геринг оставался необычайно известным в Германии, но играл незначительную роль на Востоке. Поскольку экономика все менее становилась вопросом грандиозного планирования на послевоенный период и все более – вопросом импровизации для продолжения войны, Геринг уступил лидирующую позицию Альберту Шпееру. В отличие от Геринга, Гейдрих и Гиммлер умели повернуть неблагоприятную ситуацию на фронте себе на пользу, переформулировав «окончательное решение» таким образом, чтобы его можно было проводить во время войны, которая шла не по плану. Они понимали, что война превращалась, как Гитлер стал говорить с августа 1941 года, в «войну против евреев»[2].

Гиммлер и Гейдрих рассматривали уничтожение евреев как свое задание. Гейдрих 31 июля 1941 года получил официальное разрешение от Геринга сформулировать «окончательное решение». Оно все так же предполагало координирование предыдущих схем по депортации с планом Гейдриха заму-

---

не обязательно было так. Рейнхард Козеллек цитирует Гитлера, который сам цитирует (думаю, не подозревая того) Достоевского из «Преступления и наказания»: не нужно признаваться в наличии планов, даже себе самому, чтобы их иметь (*Koselleck R.* Futures Past: On the Semantics of Historical Time / Transl. by Tribe K. – Cambridge: MIT Press, 1985. – P. 22). Для целей этой книги декабрь 1941 года является более важной датой, поскольку именно тогда другие соратники Гитлера поняли, что «окончательное решение» означает тотальное массовое уничтожение евреев, а не убийство одних из них и депортацию других.

[2] Тем не менее, ознакомьтесь с важным пересмотром роли Шпеера в кн.: Adam Tooze «The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy». Проблема в ее классической форме поставлена в: *Milward A.S.* The German Economy at War. – Pp. 6–7 и по тексту. Цит.: *Longerich P.* Heinrich Himmler. – P. 561. Массивное обсуждение «институционализма» и «функционализма» не может быть тут представлено. Это обсуждение началось до того, как пришло осознание центрального значения Восточного фронта для Холокоста. Как и несколько других ученых, я утверждаю, что мысль и возможность «окончательного решения» посредством массового уничтожения возникла из комбинации сигналов сверху (например, Гитлер – Гиммлеру, Гиммлер – Баху) и снизу (например, айнзацгруппа «А» – Гиммлеру, Гиммлер – Гитлеру) или же действительно в обоих направлениях (взаимосвязь между Еккельном и Гиммлером). Именно на Восточном фронте массовое уничтожение выступило методом «окончательного решения», и главным способом уничтожения были расстрелы.

чить евреев работой до смерти на захваченном востоке Советского Союза. К ноябрю 1941 года, когда Гейдрих пытался устроить встречу в Ванзее для координирования «окончательного решения», он все еще вынашивал такую идею. Евреи, которые не могли работать, должны были исчезнуть. Евреи, которые могли физически трудиться, будут работать где-нибудь в захваченном Советском Союзе, пока не умрут. Гейдрих представлял широкий консенсус в немецком правительстве, хотя его план был не особо своевременным. Восточное министерство, несшее ответственность за гражданские оккупационные власти, установленные в сентябре, восприняло как само собой разумеющееся, что евреи должны исчезнуть. Его глава, Альфред Розенберг, в ноябре говорил о «биологическом уничтожении еврейства в Европе». Этого предполагалось добиться, высылая евреев за Уральские горы, которые были восточной границей Европы. Однако к ноябрю 1941 года гейдриховскую картинку порабощения и депортации затянуло пеленой тумана, поскольку Германия не разрушила Советский Союз и Сталин все еще контролировал большую часть его территории[3].

Пока Гейдрих занимался бюрократическими вопросами в Берлине, именно Гиммлер со знанием дела пожинал практические плоды и престижность утопических идей Гитлера. Из «Плана голода» он почерпнул категории лишнего населения и дармоедов и предложил евреев в качестве тех, у которых можно забрать продовольствие. Из молниеносной победы он изъял четыре айнзацгруппы. Их заданием было уничтожать советскую элиту, чтобы ускорить падение СССР. Их изначальная миссия состояла не в том, чтобы ликвидировать евреев как таковых. У айнзацгрупп не было такого приказа, когда началось вторжение, да и было их слишком мало, но у них был опыт уничтожения мирных граждан, они могли заручиться помощью местного населения и их можно было усилить. Из «Генерального плана “Ост”» Гиммлер взял батальоны «полиции порядка» и тысячи местных коллаборантов, чье предварительное задание состояло в том, чтобы помочь контролировать захваченный Советский

---

[3] Цит.: *Mazower M.* Hitler’s Empire. – P. 368. О Ванзее см.: *Gerlach C.* The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler’s Decision in Principle to Exterminate All European Jews // Journal of Modern History. – 1998. – № 70. – Pp. 759–812; *Longerich P.* The Unwritten Order. – P. 95. Также см.: *Roseman M.* The Villa, the Lake, the Meeting: Wannsee and the Final Solution. – New York: Penguin, 2003. О связи между Гитлером и гражданской администрацией Розенберга см.: *Lower W.* «On Him Rests the Weight of the Administration»: Nazi Civilian Rulers and the Holocaust in Zhytomyr // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 222–223.

Союз. Вместо этого они предоставляли человеческие ресурсы, позволявшие немцам проводить поистине массовые расстрелы евреев, начиная с августа 1941 года. Эти институции, поддерживаемые Вермахтом и его тайной военной полицией, позволили немцам уничтожить около миллиона евреев на востоке от линии Молотова-Риббентропа к концу того года[4].

Гиммлер преуспел, потому что осознал крайности нацистских утопий, которые были на уме у Гитлера, даже когда гитлеровская воля наталкивалась на самое решительное сопротивление внешнего мира. Гиммлер сделал «окончательное решение» более радикальным, передвинув его из послевоенного периода на время самой войны и продемонстрировав (после провала четырех предыдущих схем депортации), как этого можно добиться – массовыми расстрелами еврейского населения. Его престиж мало пострадал от провала плана молниеносной победы и «Плана голода», за которые отвечал Вермахт и ведущие экономисты. Даже когда он перевел «окончательное решение» в сферу выполнимого, он все еще холил мечту о гитлеровском «эдемском саде» – о «Генеральном плане “Ост”». Он продолжал давать приказы о пересмотре плана и устроил экспериментальную депортацию в Люблинском округе Генерал-губернаторства. Всякий раз, когда представлялся случай, он продолжал призывать Гитлера разрушать города до основания[5].

Летом и осенью 1941 года Гиммлер игнорировал невозможное, взвешивал то, что принесло бы наибольшую славу, и делал выполнимое – уничтожал евреев на востоке от линии Молотова-Риббентропа, в оккупированной Польше, странах Балтии и в Советском Союзе. Руководствуясь этим осознанием нацистской доктрины в те месяцы, когда немецкая мощь подвергалась испыта-

---

[4] Айнзацгруппы «A», «B», «C» и «D» соответственно: 990 человек, 655 человек, 700 и 600 человек (см.: *MacLean F.* The Field Men: The SS Officers Who Led the Einsatzkommandos. – Atglen: Schiffer, 1999. – P. 13). О слишком малой численности айнзацгрупп см.: *Browning C.R.* The Nazi Decision to Commit Mass Murder: Three Interpretations. The Euphoria of Victory and the Final Solution: Summer–Fall 1941 // German Studies Review. – 1994. – № 17 (3). – P. 473. О важном значении «полиции порядка» см.: *Pohl D.* Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941–1943 // Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit: Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik / Ed. by Frei N., Steinbacher S., Wagner B.C. – Munich: K.G. Sur, 2000. – P. 152. Цифры погибших взяты из книги: *Brandon R.* The First Wave. – Unpublished manuscript, 2009. К концу 1941 года айнзацгруппы уничтожили по крайней мере 457 436 евреев.

[5] В монографии Peter Longerich «Heinrich Himmler. Biographie» об этом прямо не говорится, но я полагаю, что интерпретация согласовывается с аргументами, представленными там. Сопоставьте с: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 115; *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. Die Kampfgruppe von Gottberg // Im Auftrag: Polizei, Verwaltung und Verantwortung / Ed. by Kenkmann A., Spieker C. – Essen: Klartext Verlag, 2001. – P. 229.

нию на прочность, Гиммлер и СС отодвинули на задний план гражданские и военные власти в оккупированном Советском Союзе и в Германской империи. Как выразился Гиммлер, «Восток принадлежит СС»[6].

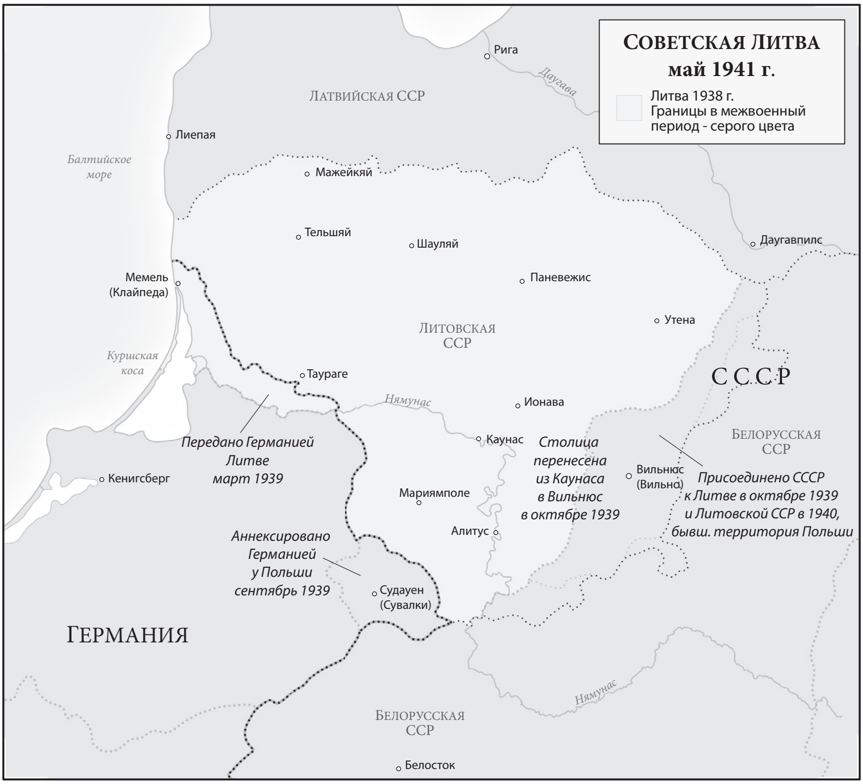
Восток совсем еще недавно принадлежал НКВД. Одним из секретов успеха Гиммлера было то, что он умел эксплуатировать наследие советской власти там, где ее установили совсем недавно.

На тех землях, куда дошли немецкие солдаты в ходе выполнения плана «Барбаросса», они были вторыми оккупантами за время войны. Первым немецким приобретением летом 1941 года стали территории, которые немцы отдали СССР по Договору о дружбе и границах от сентября 1939 года: восточная Польша, Литва, Латвия и Эстония, аннексированные на то время Советским Союзом. Иными словами, в ходе операции «Барбаросса» немецкие войска сначала занимали земли, которые были независимыми государствами в 1939 или 1940 годах, и только после этого входили в довоенный Советский Союз. Их румынские союзники тем временем захватывали территории, которые Советский Союз отобрал у Румынии в 1940 году[7].

Двойная оккупация (сначала советская, затем немецкая) сделала жизнь людей, проживавших на этих землях, еще более сложной и опасной. Даже одна оккупация способна подорвать общество на несколько поколений вперед; двойная же оккупация еще более болезненна и сеет распри. Она создала риск и искушения, доселе неведомые на Западе. Уход одного иноземного правителя означал не что иное, как приход другого. Когда иноземные войска отступили, людям довелось полагаться не на мир, а на политику следующего оккупанта. Когда приходил следующий оккупант, им приходилось иметь дело с последствиями собственных обязательств, данных предыдущему оккупанту; или же приходилось делать выбор при одной оккупации, ожидая следующей. Для различных групп людей эти чередования могли иметь разный смысл. Для литовцев-неевреев, к примеру, уход советской власти в 1941 году мог быть освобождением, евреи же не могли рассматривать приход немцев таким образом.

[6] Цит.: *Wasser B.* Himmlers Raumplannung im Osten. – P. 51. Также см.: *Mazower M.* Hitler's Empire. – P. 378 и по тексту; *Steinberg J.* The Third Reich Reich Reflected: German Civil Administration in the Occupied Soviet Union // English Historical Review. – 1995. – № 110 (437). – P. 647.

[7] На румынские земли, отобранные Сталиным, вторгалась румынская армия, а не немецкая. За ними двигалась Айнцгруппа «D» (см.: *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. – Hamburg: Hamburger Edition, 2003).

Литва уже прошла две крупнейшие трансформации к тому времени, когда немецкие войска вошли туда в июне 1941 года. Литве, хотя она все еще была независимым государством, пошел на пользу Пакт Молотова-Риббентропа от августа 1939 года. По Договору о дружбе и границах Литва отходила СССР, но литовцы не могли об этом знать. Литовское руководство в том месяце увидело нечто другое: нацистская Германия и Советский Союз разрушили Польшу, которая в течение межвоенного периода была противницей Литвы. Литовское правительство считало Вильнюс (город, находившийся на территории межвоенной Польши) своей столицей. Не принимая участия ни в каких военных действиях в сентябре 1939 года, Литва получила польские земли. В октябре 1939 года Советский Союз подарил Литве Вильнюс и прилегающие районы (7123 квадратных километра и четыреста пятьдесят семь с половиной тысяч населения). Ценой Виль-

нюса и других бывших польских территорий стало право на базирование советских солдат[8].

Потом, всего через полгода после того, как территория Литвы увеличилась благодаря Сталину, советский «благодетель» ее завоевал. В июне 1940 года Сталин захватил контроль над Литвой и другими странами Балтии, Латвией и Эстонией, и спешно включил их в состав Советского Союза. После аннексии Советский Союз депортировал около двадцати одной тысячи человек из Литвы, в том числе много литовской элиты. Среди тысяч депортированных были литовский премьер-министр и литовский министр иностранных дел. Некоторые литовские политические и военные деятели избежали ГУЛАГа, сбежав в Германию. Часто это были люди с довоенными связями в Берлине, но всегда – озлобленные из-за советской агрессии. Немцы приветствовали правых националистов среди литовских иммигрантов и готовили некоторых из них к участию во вторжении в Советский Союз[9].

Таким образом, когда немцы вторглись в Советский Союз в июне 1941 года, Литва занимала уникальное положение: она получила выгоду от Пакта Молотова-Риббентропа, затем ее завоевал СССР, а теперь ее будут оккупировать немцы. После жестокого года советской оккупации многие литовцы приветствовали такую перемену, но среди них было мало литовцев-евреев. Двести тысяч евреев проживали в Литве в июне 1941 года (примерно такое же количество, как в Германии). Немцы прибыли в Литву с отобранными литовцами-националистами и столкнулись с местными, которые были готовы верить (или же готовы были притворяться, что верят) в то, что евреи несут ответственность за советские репрессии. Советские депортации происходили в том же месяце, и НКВД расстрелял литовцев в тюрьмах всего за несколько дней до прихода немцев. Литовский дипломат Казис Шкирпа говорил об этих страданиях в своих радиопрограммах, чтобы подхлестнуть толпы к убийствам. В начале июля во время кровавых погромов в Литве были убиты около двух с половиной тысяч евреев[10].

---

[8] См.: *Snyder T.* The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1956–1999.

[9] Число депортированных см.: *Angrick A., Klein P.* The «Final Solution» in Riga: Exploitation and Annihilation, 1941–1994. – New York: Berghahn Books, 2009. – P. 46. Если считать и призывников, то общее число увеличится до тридцати четырех тысяч человек.

[10] *MacQueen M.* Nazi Policy Toward the Jews in the Reichskommissariat Ostland, June-December 1941: From White Terror to Holocaust in Lithuania / Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR / Ed. by Gitelman Z. – Bloomington: Indiana University Press, 1997. – P. 97; *Angrick A., Klein P.* The «Final Solution» in Riga. – P. 59. В число двухсот тысяч я включаю евреев из Вильнюса и прилегающих районов, аннексированных Литвой.

Благодаря вышколенным коллаборантам и участию местного населения, немецкие убийцы в Литве получали всю необходимую им помощь. Начальные директивы по уничтожению евреев, занимавших определенное социальное положение, были быстро перевыполнены айнзацгруппой «А» и коллаборантами из числа местного населения в ее составе. Айнзацгруппа «А» двигалась за группой армий «Север» в Литву. Айнзацкомандование-3 айнзацгруппы «А», ответственное за главный литовский город Каунас, имело столько помощников, сколько ему было нужно. В Айнзацкомандовании-3 было только сто тридцать девять человек штата, в том числе секретари и шоферы, которых было сорок четыре. В последующие недели и месяцы немцы сгоняли литовцев на места расстрелов возле Каунаса. К 4 июля 1941 года литовские отряды убивали евреев под немецким присмотром и по немецким приказам. Уже 1 декабря Айнзацкомандование-2 считало еврейскую проблему в Литве решенной. Оно докладывало об уничтожении 133 346 человек, из которых около 114 856 были евреями. Несмотря на желание Шкирпы, эти события не пошли на благо политических целей Литвы. После того, как он пытался провозгласить независимое Литовское государство, его взяли под домашний арест[11].

Вильнюс был северо-восточным столичным центром независимой Польши и короткое время – столицей независимой Советской Литвы. Но во время всех этих чередований и тем более в течение предыдущих пятисот лет Вильнюс был еще чем-то – центром еврейской цивилизации, известной как «Северный Иерусалим». Когда началась война, в городе проживало около семидесяти тысяч евреев. Если за остальную Литву и другие страны Балтии отвечала Айнзацгруппа «А», то район Вильнюса (вместе с советской Беларусью) достался Айнзацгруппе «В». Уничтожать вильнюсских евреев было поручено отделению айнзацкоммандос-9. Расстрелы проводились в Понарском лесу, прямо за городом. К 23 июля 1941 года немцы собрали литовских пособников, которые гнали колонны евреев в Понары. Там группами по двенадцать–двадцать человек за раз людей подводили к краю ямы, где они отдавали все ценные вещи и одежду. Золотые зубы вырывали силой. Около семидесяти двух тысяч евреев Вильнюса и его окрестностей (и приблизительно восемь тысяч поляков и литовцев, которые не были евреями) были расстреляны в Понарах[12].

[11] *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. – Pp. 144, 147; *MacQueen M.* Nazi Policy Toward the Jews in the Reichskommissariat Ostland, June-December 1941. – Pp. 99–100; *Angrick A., Klein P.* The «Final Solution» in Riga. – P. 60.

[12] *Tomkiewicz M.* Zbrodnia w Ponarach 1941–1944. – Warszawa: IPN, 2008. – Pp. 191–197.

Ита Страж была одной из немногих евреев Вильнюса, которым удалось выжить. Литовские полицейские притащили ее к яме, уже наполненной трупами. Девятнадцатилетняя девушка думала: «Это конец. И что я видела в жизни?» В нее не попали, но от страха она упала в яму. Ее накрыло трупами людей, расстрелянных после нее. Кто-то прошелся над ямой, стреляя сверху вниз, чтобы убедиться, что все умерли. Пуля попала в руку, но она не издала ни звука. Позже она выкарабкалась из ямы: «Я была босиком. Я все шла и шла по трупам. Казалось, этому не будет конца»[13].

Соседнюю Латвию тоже аннексировал Советский Союз всего за год до немецкого вторжения. Около двадцати одной тысячи латвийских граждан (многие из них были латвийскими евреями) были депортированы советским режимом всего за несколько недель до прибытия немцев. НКВД расстреливал латвийских узников, когда Вермахт подходил к Риге. Здесь главным немецким коллаборантом был Виктор Арайс, латвийский националист (немец по матери), знакомый с переводчиком, которого немецкая полиция привезла с собой в Ригу. Ему разрешили создать «команду Арайса», которая в начале июня 1941 года сожгла живьем евреев в рижской синагоге. Когда немцы устраивали массовые убийства, они предусмотрительно выбирали латвийских расстрельщиков из числа тех, чьи семьи пострадали от советского режима. В июле, под присмотром коммандос из айнзацгруппы «А», «команда Арайса» согнала рижских евреев в Бикерниекский лес на окраине Риги и расстреляла. Немцы сначала проводили «демонстрационный расстрел», а затем «команда Арайса» довершала дело. С помощью таких латвийцев немцы уничтожили к концу 1941 года по крайней мере 69 750 из находившихся в стране восьмидесяти тысяч евреев[14].

В третьем балтийском государстве, Эстонии, чувство унижения после советской оккупации было таким же огромным, как в Литве и Латвии, если не бóльшим. В отличие от Вильнюса и Риги, Таллинн даже частично не мобилизировал свою армию, прежде чем сдаться советским войскам в 1940 году. Эстония подчинилась советским требованиям раньше других балтийских государств, исключив таким образом возможность какой бы то ни было балтийской дипломатической солидарности. СССР депортировал около 11 200 эстон-

[13] *Tomkiewicz M.* Zbrodnia w Ponarach 1941–1944. – P. 203.

[14] *Angrick A., Klein P.* The «Final Solution» in Riga. – Pp. 66–76. Также см.: *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. – P. 148.

цев, в том числе большинство политических деятелей. В Эстонии айнзацгруппа «А» тоже нашла более чем достаточное количество коллаборантов. Эстонцы, которые сопротивлялись советской власти в лесах, теперь вступали в Команду самообороны под немецким началом. Эстонцы, сотрудничавшие с советским режимом, тоже вступали туда в надежде восстановить собственную репутацию.

Эстонцы приветствовали немцев как освободителей, а в ответ немцы считали эстонцев расово высшими не только по отношению к евреям, но и к другим народам Балтии. Евреев в Эстонии было очень мало. Эстонцы из Команд самообороны по приказу немцев убили всех эстонских евреев, которых смогли найти, – всего девятьсот шестьдесят три человека. В Эстонии убийства и погромы продолжались без евреев. Около пяти тысяч эстонцев-неевреев были убиты по обвинению якобы в сотрудничестве с советским режимом[15].

На востоке от линии Молотова-Риббентропа немцы натолкнулись на свежие следы советского государствостроительства, когда приступили к возведению собственной империи. В Восточной Польше эти знаки были даже более разительными, чем в странах Балтии. Если Эстонию, Латвию и Литву СССР инкорпорировал за год до вторжения Германии, в июне 1940 года, то Восточную Польшу советский режим аннексировал еще за девять месяцев до того, в сентябре 1939 года. Здесь немцы увидели доказательство социальной трансформации. Индустрия была национализирована, некоторые фермерские хозяйства коллективизированы, а местная элита уничтожена. Советский режим депортировал более трехсот тысяч польских граждан и расстрелял еще десятки тысяч. Немецкое вторжение побудило НКВД расстрелять 9817 заключенных польских граждан, чтобы не отдавать их в руки немцев. Немцы пришли в западную часть Советского Союза летом 1941 года и обнаружили тюрьмы НКВД, наполненные свежими трупами. Тюрьмы нужно было очистить, прежде чем немцы могли использовать их для своих нужд[16].

Советские массовые расправы дали немцам повод для пропаганды. Согласно нацистской линии, в страданиях при советском режиме были виноваты

---

[15] *Weiss-Wendt A.* Murder Without Hatred: Estonians and the Holocaust. – Syracuse: Syracuse University Press, 2009. – Pp. 39, 40, 45, 90, 94–105.

[16] Цифра 9817 человек из Verbrechen. – P. 93. Также см.: *Wnuk R.* «Za pierwszego Sowieta». Polska konspiracjz na Kresach Wschodnich II Rzeszypospolitej. – P. 371 (одиннадцать–двенадцать тысяч жертв); *Hryciuk G.* Victims 1939–1941. – P. 183 (9400 жертв).

евреи, и это вызвало некоторый резонанс. С помощью немецкой агитации или без нее многие люди в межвоенной Европе ассоциировали евреев с коммунизмом. В коммунистических партиях межвоенного периода действительно было много евреев, особенно среди руководства – об этом факте писала пресса по всей Европе в течение двадцати лет. Правые партии внесли путаницу, утверждая, что, поскольку многие коммунисты – евреи, следовательно, многие евреи – коммунисты. Это очень разные соотношения, и в любом случае последнее утверждение никогда не было правдой. Евреев обвиняли еще до войны в провалах национальных государств; после того, как началась война и национальные государства пали во время советского или немецкого вторжений, искушение для такого «козлоотпущения» стало еще большим. Эстонцы, латвийцы, литовцы и поляки потеряли не только независимые государства, созданные для их наций, но и статус, а также местную власть. Они сдали все это во многих случаях без значительного сопротивления. Нацистская пропаганда, таким образом, была вдвойне привлекательной: было не стыдно проиграть советским коммунистам, поскольку их поддерживал мировой еврейский заговор; но поскольку в коммунизме были виноваты евреи, то теперь правильно их убивать[17].

В дуге, протянувшейся в южном направлении от Балтийского моря к Черному морю, последняя неделя июня и первые недели июля 1941 года ознаменовались насилием против евреев. В Литве и Латвии, куда немцы приводили с собой сбежавших местных националистов и хотя бы на мгновение могли позировать как освободители целых государств, резонанс такой пропаганды был сильнее, а участие местного населения – более заметным. В некоторых важных городах некогда Восточной Польши, например, в Белостоке, немцы проводили широкомасштабные расстрелы своими силами, тем самым как бы подавая пример. Белосток, который находился немного восточнее линии Молотова-Риббентропа, был городом в северо-восточной части Польши, а затем оказался в Советской Беларуси. Немедленно после его взятия Вермахтом 27 июня батальон-309 Полиции порядка начал грабить и убивать мирных жителей. Немецкие полицаи убили около трехсот евреев и оставили тела лежать по всему городу. Затем они согнали еще несколько сотен евреев в синагогу,

[17] О межвоенной антиеврейской политике см.: *Polonsky A.* Politics in Independent Poland 1921–1939: The Crisis of Constitutional Government. – Oxford: Clarendon Press, 1972; *Mendelsohn E.* The Jews of East Central Europe Between the World Wars. – Bloomington: Indiana University Press, 1983.

подожгли ее и расстреливали тех, кто пытался выбраться. За две последующие недели местные поляки приняли участие примерно в тридцати погромах в Белостоцкой области. Тем временем Гиммлер приехал в Белосток, где дал инструкции насчет того, что с евреями нужно обходиться, как с партизанами. Полиция порядка забрала тысячу мужчин-евреев из Белостока на окраину города и расстреляла их 8–11 июля[18].

Южнее, на землях некогда Восточной Польши, в регионах, где украинцы составляли большинство, немцы взывали к украинскому национализму. Немцы там обвиняли евреев в советских репрессиях украинцев. В городе Кременец, где нашли более сотни расстрелянных заключенных, во время погрома были убиты около ста тридцати евреев. В Луцке, где были найдены расстрелянные из автоматов около 2800 заключенных, немцы убили две тысячи евреев и назвали это местью за зло, причиненное украинцам коммунистами-евреями. Во Львове, где нашли около двух с половиной тысяч мертвых узников в тюрьме НКВД, айнзацгруппа «С» и местное ополчение устроили погром, который длился несколько дней. Немцы называли этих людей украинскими жертвами еврейских энкавэдэшников, но в действительности некоторые жертвы были поляками и евреями (хотя большинство энкавэдэшников были, видимо, русскими или украинцами). В дневнике человека из другой айнзацгруппы описана сцена 5 июля 1941 года: «Сотни евреев бегут по улице с окровавленными лицами, проломлеными черепами и вывалившимися глазами». За первые несколько дней войны местные ополченцы (с немецкой помощью и при поощрении или же без таковых) во время погромов убили и подстрекали к убийству около 19 655 евреев[19].

Политический расчет и страдания местного населения не объясняют полностью причин участия в погромах. Насилие против евреев помогло сблизиться немцам и представителям местного нееврейского населения. Злоба была на-

---

[18] Про Белосток см.: *Matthäus J.* Controlled Escalation: Himmler's Men in the Summer of 1941 and the Holocaust in the Occupied Soviet Territories // Holocaust and Genocide Studies. – 2007. – № 21/2 (Fall). – P. 223; Verbrechen der Wehrmacht. – P. 593. Спектор указывает на тридцать восемь погромов на Волыни (*Spector S.* Żydzi wołyńscy w Polsce międzywojennej i w okresie II wojny światowej (1920–1944) // Europa Nieprowincjonalna / Ed. by Jasiewicz K. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1999. – P. 575), а авторы и редакторы сборника Wokół Jedwabnego – на тридцать погромов в Белостоцкой области (см.: Wokół Jedwabnego / Ed. by Machcewicz P., Persak K. – Warszawa: Instytut Panięci Narodowej, 2002. – 2 vols.).

[19] О количестве убитых евреев (19 655 человек) см.: *Brandon R.* The First Wave. Про «сотни евреев бегут по улице...» см.: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 99. О национальном составе расстрелянных заключенных см.: *Himka J.-P.* Ethnicity and Reporting of Mass Murder: Krakivski visti, the NKVD Murders of 1941, and the Vinnytsia Exhumation. – Unpublished paper, 2009. – P. 8.

правлена, как того и хотели немцы, на евреев, а не на тех, кто сотрудничал с советским режимом. Люди, реагировавшие на немецкое науськивание, знали, что угождают своим новым хозяевам, независимо от того, верили они, что в их бедах виноваты евреи, или нет. Своими действиями они подкрепляли нацистское мировоззрение. Уничтожение евреев как месть за расстрелы НКВД подтверждало нацистское восприятие Советского Союза как еврейского государства. Насилие против евреев также позволяло местным эстонцам, латвийцам, литовцам, украинцам, беларусам и полякам, которые сотрудничали с советским режимом, смыть с себя это пятно. Идея о том, что только евреи были коммунистами, была удобна не только оккупантам, но и некоторым оккупированным[20].

Однако эта психологическая нацификация была бы значительно более сложной без осязаемых доказательств советских злодеяний. Погромы проходили там, куда коммунисты пришли недавно и недавно же установили там советскую власть, где в предыдущие месяцы советские репрессивные органы проводили аресты, экзекуции и депортации. Это было совместным производством – нацистским редактированием советского текста[21].

[20] О двойном коллаборационизме для очищения автобиографии см.: *Gross J.T.* Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. – Princeton: Princeton University Press, 2001. Примеры двойного коллаборационизма в Эстонии, Украине и Беларуси см.: *Weiss-Wendt A.* Murder Without Hatred. – Pp. 115–119; *Adini Y.* Dubno: sefer zikaron. – Tel Aviv: Irgun yots’e Dubno be-Yisra’el, 1966. – Pp. 698–701; *Rein L.* Local Collaboration in the Execution of the «Final Solution» in Nazi-Occupied Belarussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – № 20 (3). – P. 394; *Brakel A.* Unter Rotem Stern und Hakenkruz: Baranowicze 1939 bis 1944. – Paderborn: Schöningh, 2009. – P. 304; *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944: Mythos und Wirklichkeit. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009. – P. 266; *Mironowicz E.* Białoruś. – P. 160. Также см.: *Snyder T.* The Life and Death of West Volhynian Jews, 1921–1945 // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 77–113. Было бы полезно провести систематическое исследование двойного коллаборационизма.

[21] Тут я максимально приблизился к тезису Арендт об отчуждении. Последователь Арендт, Ян Гросс, делает похожее утверждение о приватизации насилия в своей монографии про первую советскую оккупацию (см.: *Gross J.T.* Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland’s Western Ukraine and Western Belorussia). Однако затем в своей монографии о последствиях двух оккупаций (см.: *Gross J.T.* Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. – Princeton: Princeton University Press, 2001) он отходит от социологии в сторону этики, как будто поляки должны были опомниться, когда немецкая оккупация добавилась к советской или советская – к немецкой. По моему мнению, логичным ходом было бы продвигать аргумент Арендт, но при этом утверждать, что перехлест обоих «тоталитарных» держав играет историческую роль, которую Арендт приписывает современности. Это не совсем то, что утверждает Гросс (хотя он делает жесты в этом направлении; см.: *Gross J.T.* Upiorna dekada: trzy eseje o sterotypach na temat Żydów, Polaków, Niemców, i komunistów, 1939–1948. – Krakow: Universitas, 1948; несколько абзацев в Gross. Neighbors), но, я думаю, это вытекает из его исследований оккупации в целом, если их читать как исследование человеческого поведения, а не польской этики. Эта линия аргументации развернута в главе «Заключение».

Встреча с советскими злодеяниями на восток от линии Молотова-Риббентропа была на руку СС и их руководству. Гиммлер и Гейдрих всегда говорили, что жизнь – это столкновение идеологий и что традиционное европейское понимание главенства закона должно поступиться безжалостному насилию, необходимому для разрушения расового и идеологического врага на Востоке. Традиционный орган соблюдения законности в Германии, полиция, должен был превратиться в институт «идеологических солдат», поэтому перед войной Гиммлер и Гейдрих вычистили из рядов полицейских всех, кто считался ненадежным, поощряли полицейских вступать в СС и поместили СС и Полицию безопасности (Уголовную полицию плюс гестапо) под единую структуру командования. Их целью было создание единой силы, посвященной преимущественно расовой борьбе. Ко времени вторжения в Советский Союз примерно треть немецких полицейских офицерского состава принадлежала к СС и около двух третей были членами национал-социалистической партии[22].

Неожиданное нападение немцев застигло НКВД врасплох, из-за чего казалось, что Восток был зоной беззакония, приготовленной для нового немецкого порядка. НКВД, обычно невидимый, проявился как убийца узников. Немцы прорвались через уровни мистификации, секретности и лицемерия, покрывавшие и гораздо большие советские преступления 1937–1938 и 1930–1933 годов. Немцы (вместе с союзниками) были единственной властью, таким образом вошедшей на территорию Советского Союза, а следовательно, единственными, кто был в состоянии предоставить подобные прямые доказательства сталинских злодеяний. Поскольку именно немцы обнаружили эти преступления, тюремные убийства стали достоянием политики еще до того, как стали достоянием истории. Факты, используемые для пропаганды, накрепко срастаются с лживым политическим контекстом, теряя свою первоначальную достоверность.

Из-за очевидных доказательств советских злодеяний немецкие силы порядка могли выставлять себя как ликвидаторов советских преступлений, даже если они сами их совершали. В свете их индоктринации то, что немцы увидели на дважды оккупированных землях, в общем-то, имело для них смысл. Казалось, это было подтверждением того, чему их учили и что их готовили увидеть, – советская преступность, возглавляемая евреями и осуществляе-

[22] *Westermann E.B.* «Ordinary Men» or «Ideological Soldiers»? – P. 46 (тридцать процентов и шестьдесят шесть процентов).

мая на пользу евреев. Советские злодеяния помогли бы немецким эсэсовцам, полицейским и солдатам оправдать для самих себя действия, к которым их вскоре призвали: уничтожение женщин и детей еврейской национальности. Однако тюремные убийства, насколько бы значимы они ни были для местного населения, страдавшего от советских преступлений, были для нацистских вожаков скорее катализатором, нежели причиной.

В июле 1941 года Гиммлер был готов продемонстрировать своему властелину Гитлеру, что настроен на более темную сторону национал-социализма и готов претворять в жизнь политику абсолютной беспощадности. Его СС и полиция конкурировали за власть в новых восточных колониях с военными и гражданскими оккупационными властями, а сам он конкурировал за расположение Гитлера с Герингом, чьи планы на экономическую экспансию не оправдывали доверия по мере продвижения войны. Гиммлер наглядно показывал, что расстреливать легче, чем морить голодом, депортировать и порабощать. Полномочия Гиммлера как рейхскомиссара по «германизации» распространялись только на захваченную Польшу, но по мере продвижения немецких войск вглубь территории довоенного Советского Союза Гиммлер вел себя так, как будто его полномочия действительны на территории всего захваченного Советского Союза, и, пользуясь своей властью главы полиции и СС, начал проводить политику расовой трансформации, которая базировалась на смертоносном насилии[23].

В июле 1941 года Гиммлер лично проехал по западной части Советского Союза, чтобы объявить о новой линии: женщин и детей еврейской национальности следует уничтожать так же, как и мужчин-евреев. Местные силы среагировали мгновенно: айнзацгруппа «С», которая двигалась за группой армий «Юг» в Украину, действовала медленнее, чем айнзацгруппа «А» (страны Балтии) и айнзацгруппа «В» (Вильнюс и Беларусь), в деле массовых расстрелов евреев вообще. Однако в августе и сентябре, по наущению Гиммлера, айнзацгруппа «С» расстреляла около шестидесяти тысяч евреев. Это были не погромы, а именно организованные расстрелы. Действительно, айнзацкоманда-5 айнзацгруппы «С» жаловалась 21 июля, что погром, проводимый местными украинцами и немецкими солдатами, тормозил им задачу расстрела евреев Умани. За следующие два дня, однако, айнзацкоманда-5 расстреляла около

[23] Сопоставьте с: *Browning C.R.* The Nazi Decision to Commit Mass Murder. – P. 476.

тысячи четырехсот уманских евреев (за исключением нескольких евреек, которым приказали мостить дорогу, используя могильные плиты с еврейского кладбища). Айнзацкоманда-6 айнзацгруппы «С» не расстреливала женщин и детей до личной проверки Гиммлера[24].

Расстрел женщин и детей был психологическим барьером, и Гиммлер сделал все, чтобы его устранить. Если обычно айнзацгруппы убивали только евреев-мужчин, то Гиммлер послал части Ваффен-СС (военные формирования СС) для уничтожения целых общин, включая женщин и детей. Гитлер 17 июля 1941 года дал инструкции Гиммлеру «пацифицировать» оккупированные территории. Через два дня Гиммлер отправил кавалерийскую бригаду СС в болотистое Полесье между Украиной и Беларусью с прямым приказом уничтожить евреев-мужчин, а евреек загнать в болота. Гиммлер формулировал свои инструкции языком партизанской борьбы. Однако к 1 августа командующий кавалерийской бригады уточнил: «не оставлять в живых ни одного еврея-мужчины, ни одной семьи в деревнях». Ваффен-СС быстро поняли намерения Гиммлера и помогли распространить его приказ. К 13 августа были уничтожены 13 788 еврейских мужчин, женщин и детей. Гиммлер также послал 1-ю мотопехотную бригаду СС на помощь айнзацгруппе и силам полиции в Украине. В течение 1941 года формирования Ваффен-СС уничтожили более пятидесяти тысяч евреев на восток от линии Молотова-Риббентропа[25].

Гиммлер сделал так, чтоб у айнзацгрупп было существенное подкрепление для ликвидации всех обнаруженных евреев. Начиная с августа 1941 года двенадцать батальонов Полиции порядка были основным источником немецкой помощи для операций по расстрелам. Полиция порядка должна была развернуться по всему захваченному Советскому Союзу, и, поскольку военная кампания продвигалась медленнее ожидаемого, их было более чем достаточно в оккупированных тыловых районах. К августу количество кадров для массовых расправ на восток от линии Молотова-Риббентропа достигло около двадцати тысяч человек. К этому времени Гиммлер утвердил практику (которая и так уже была распространенной) задействования местных полицаев для помощи в расстрелах. Литовцы, латвийцы и эстонцы принимали участие в расстрелах

---

[24] *Longerich P.* Heinrich Himmler. – P. 551; *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 106. Про Умань см.: USHMM-SBU 4/1747/19–20.

[25] *Matthäus J.* Controlled Escalation. – P. 225; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 555; *Kershaw I.* Fateful Choices. – Pp. 456, 458. О решающей роли Ваффен-СС на ранних этапах читайте: *Cüppers M.* Wegbereiter der Shoah. Die Waffen-SS, der Kommandostab Reichsführer-SS und die Judenvernichtung 1939–1945. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005.

почти с самого начала. К концу 1941 года десятки тысяч украинцев, беларусов, россиян и татар также были набраны в местные силы полиции. Особо желанными были этнические немцы Советского Союза, которые приняли заметное участие в уничтожении евреев. При наличии Полиции порядка и местных наемников у немцев было достаточно кадров для уничтожения евреев в оккупированном Советском Союзе[26].

Гиммлер проявил инициативу, руководил расстрелами и организовал репрессивный бюрократический аппарат. Заручившись доверием Гитлера, Гиммлер мог организовать полицейские организации по собственному усмотрению. Он распространил по территории оккупированного Советского Союза институт высших руководителей СС и полиции. В самой Германии высшие руководители СС и полиции доказали, что они играют немного более существенную роль, чем просто еще одна административная прослойка; на Востоке они стали тем, чем Гиммлер всегда хотел их видеть – его личными представителями, крайне важной ступенью упрощенной иерархии репрессивных сил полиции. Высшие руководители СС и полиции были приставлены к группе армий «Север», «Центр» и «Юг», а четвертую держали наготове для продвижений на Кавказ. Эти люди теоретически подчинялись гражданским оккупационным властям (Рейхскомиссариату Остланда на севере и Рейхскомиссариату Украины на юге), основанным в сентябре 1941 года. Фактически же высшие руководители СС и полиции были подотчетны Гиммлеру. Они понимали, что уничтожать евреев – значит выполнять его желания. В особняке на Блетчли-Парк, где британские шифровальщики занимались дешифровкой немецких сообщений, стало ясно, что высшие руководители СС и полиции «проводят своеобразное соревнование друг с другом за “показатели”»[27].

В конце августа 1941 года скоординированность немецких сил проявилась в массовых расправах над евреями на юго-западе города Каменец-Подольский. Здесь сама война создала проблему еврейских беженцев.

[26] *Kay A.J.* Exploitation, Resettlement, Mass Murder. – P. 107; *Browning C.R.* The Nazi Decision to Commit Mass Murder. – P. 474. Пол утверждает, что подкрепление первым пришло в Украину (*Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 152). Он указывает, что именно в начале августа в айнзацгруппе «С» поняли, что от них требуется убивать женщин и детей (см.: *Pohl D.* Schauplatz Ukraine. – P. 140).

[27] *Mallmann K.-M., Bühler J., Matthäus J.* Einsatzgruppen in Polen: Darstellung und Dokumentation. – Darmstadt: WGB, 2008. – P. 97.

Венгрии, союзнице Германии, было дозволено аннексировать Подкарпатскую Русь – самую восточную область Чехословакии. Вместо того, чтобы дать местным евреям венгерское гражданство, Венгрия выгнала «не имеющих гражданства» евреев на восток, в оккупированную немцами Украину. Наплыв евреев на подконтрольную немцам территорию создал напряженное положение с ресурсами. Фридрих Еккельн, высший руководитель СС и полиции в этом регионе, взял на себя инициативу, видимо, желая доложить об успехе Гиммлеру при встрече 12 августа. Он лично прилетел сделать необходимые приготовления. Немцы выбрали место за Каменец-Подольским и силой пригнали туда еврейских беженцев и некоторых местных евреев. Батальон-320 Полиции порядка и люди из команды Еккельна расстреляли евреев в карьерах. В течение четырех дней, с 26 по 29 августа, было уничтожено около 23 600 евреев. Еккельн доложил Гиммлеру об этой цифре по радио. Это была самая масштабная на тот момент бойня, проведенная немцами, и она задала тон всем последующим[28].

Вермахт помогал проводить и поощрял такие операции по расстрелу, а иногда и заказывал их. К концу августа 1941 года, через девять недель после начала войны, Вермахт всерьез обеспокоился проблемами запасов продовольствия и безопасности тыла. Уничтожение евреев сэкономит продовольствие и, согласно нацистской логике, предотвратит партизанские восстания. После массовых расстрелов в Каменец-Подольском Вермахт систематически сотрудничал с айнзацгруппами и силами полиции в вопросе уничтожения еврейского населения. Когда брали большой город или городок, полиция (если таковая была) устраивала облаву на отдельных евреев-мужчин и расстреливала их. Армия регистрировала остальное население, отмечая евреев. Затем Вермахт и полиция договаривались, сколько из оставшихся евреев убить, а скольких оставить в качестве рабочей силы для гетто. После такого выбора полицейские устраивали второй массовый расстрел, а армия предоставляла грузовики, амуницию и охранников. Если полиции не было, то армия регистрировала евреев и самостоятельно устраивала принудительные работы, а полицейские проводили расстрел позже. Когда центральные директивы стали более ясными и были утверждены протоколы сотрудничества, уровень смертности среди евреев в оккупированной Советской Украине

[28] *Pohl D.* Schauplatz Ukraine. – P. 142; *Kruglov A.* Jewish Losses in Ukraine // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 274–275; Verbrechen der Wehrmacht. – P. 135.

увеличился ровно вдвое с июля по август 1941 года, а затем еще и с августа по сентябрь[29].

В Киеве в сентябре 1941 года дальнейшая конфронтация с остатками советской власти дала предлог для очередной эскалации – первой попытки уничтожить всех местных евреев большого города.

19 сентября 1941 года вермахтская группа войск «Юг» захватила Киев – на несколько недель позже запланированной даты и при помощи группы армий «Центр». 24 сентября прогремели взрывы бомб и мин, разрушивших несколько зданий в центре Киева, где немцы учредили кабинеты оккупационного режима. Некоторые из взрывов были осуществлены с помощью часового механизма, поставленного еще до того, как советские войска отступили из города, но некоторые были детонированы энкавэдистами, оставшимися в

[29] *Kruglov A.* Jewish Losses in Ukraine. – P. 275.

Киеве. Когда немцы вытаскивали из-под обломков своих убитых и раненых, находиться в городе неожиданно стало небезопасно. По воспоминаниям местного жителя, немцы прекратили улыбаться. Им нужно было управлять метрополисом, имея очень маленькое количество людей, десятки из которых только что погибли, и именно теперь, когда они готовились продолжать продвижение на восток. У немцев была четкая идеологическая линия, которой они следовали: если к чему-то причастен НКВД, то виноваты евреи. На заседании 26 сентября военное руководство согласилось с представителями полиции и СС, что массовые расстрелы киевских евреев будут адекватным ответом на взрывы. Хотя большинство евреев Киева бежали еще до прихода немцев, но десятки тысяч их все еще оставались в городе. Все они должны были быть расстреляны[30].

Ключом к проведению всей операции была дезинформация. Команда пропагандистов Вермахта напечатала объявления, приказывавшие евреям Киева явиться (за неявку – смерть) на угол улицы в восточной части города. Евреям говорили (и это станет стандартной ложью таких акций массового расстрела), что их будут переселять. Поэтому они должны взять с собой документы, деньги и ценные вещи. 29 сентября 1941 года большинство из остававшегося в Киеве еврейского населения действительно собралось в указанном месте. Некоторые евреи говорили сами себе, что раз на следующий день отмечается Йом-Кипур, самый важный еврейский праздник, то с ними ничего не может случиться. Многие прибыли до рассвета в надежде занять хорошие места в несуществующем поезде для переселенцев. Люди готовились к длительному переезду, у пожилых женщин на шее висели ожерелья из луковых головок. Собравшихся (их было более тридцати тысяч человек) повели пешком, согласно инструкции, по улице Мельникова по направлению к еврейскому кладбищу. Жители квартир по соседству вспоминали «бесконечный поток, заполонивший всю улицу и тротуары»[31].

Немцы поставили блокпост возле ворот еврейского кладбища, где проверяли документы и отсылали неевреев домой. Отсюда евреев сопровождали немцы с автоматами и собаками. На контрольно-пропускном пункте

---

[30] *Ruß H.* Wer war verantwortlich für das Massaker von Babij Jar? // Militärgeschichtliche Mitteilungen. – 1999. – № 57 (2). – Pp. 494, 503, 505; *Berkhoff K.C.* Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian, and Ukrainian Records // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – P. 294; *Pohl D.* Schauplatz Ukraine. – P. 147.

[31] *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair. – Pp. 65–67 (цитата на с. 65); FVA 3267.

(если не раньше) многие евреи, должно быть, осознавали, что произойдет с ними в действительности. Тридцатилетняя Дина Проничева шла впереди своей семьи, пока не услышала автоматные выстрелы. Она сразу все поняла, но решила ничего не говорить родителям, чтобы не волновать их. Она продолжала идти рядом с мамой и отцом, пока они не дошли до столов, где немцы требовали сдать ценные вещи и одежду. Немец уже отобрал у ее мамы обручальное кольцо, и Проничева поняла, что мама тоже ясно осознает смысл происходящего, когда она резко прошептала дочери: «Ты не похожа на еврейку». Только тогда она попыталась сбежать. Такие простые примеры общения очень редки в подобных ситуациях, когда человеческий ум напряженно пытается отрицать происходящее, а человеческий дух стремится к имитации, подчинению, а значит, к гибели. Проничева, носившая фамилию своего русского мужа, сказала немцу, сидевшему за ближайшим столом, что она не еврейка. Он предложил ей подождать в стороне до конца рабочего дня[32].

Так Дина Проничева увидела, что случилось с ее родителями, сестрой и другими киевскими евреями. Отобрав ценные вещи и документы, людей заставили раздеться донага. Затем их в группах примерно по десять человек угрозами или выстрелами в воздух погнали к обрыву Бабьего Яра. Многих из них били: Проничева вспоминала, что люди «уже были в крови, когда шли на расстрел». Им приказали лечь ничком на уже мертвые тела и ждать выстрелов сверху и сзади. Затем подгоняли следующую группу. Евреи подходили к обрыву и умирали в течение тридцати шести часов. Наверное, все люди были похожи друг на друга в момент смерти и после нее, но до того финального момента они все были разными, каждый со своими заботами и предчувствиями – до того, как все стало ясно, а затем погрузилось во мрак. Многие умирали, думая не о себе, а о других, как, например, мать пятнадцатилетней красавицы Сары, которая умоляла расстрелять ее одновременно с дочерью. Даже в самом конце так проявлялась забота и мысли о дочери: если она увидит, что дочь расстреляли, то будет знать, что ее не насиловали. Другая обнаженная мать в те последние минуты жизни, что ей оставались, кормила грудью ребенка. Когда ребенка живым сбросили в яр, она прыгнула за ним и так нашла свою смерть. Только там, на дне яра, эти люди стали ничем, стали цифрой – их было 33 761. Поскольку тела позже были эксгуми-

[32] Darmstadt testimony, 29 april 1968, IfZ(M), Gd 01.54/78/1762.

рованы и сожжены на кострах, а несгоревшие кости перемолоты и смешаны с песком, то цифра – это все, что от них осталось[33].

В конце дня немцы решили расстрелять и Дину Проничеву. Вопрос, еврейка ли она, был спорным, но она слишком много знала. Ее и еще нескольких человек в темноте повели к обрыву яра. Ее не заставляли раздеться. В этой ситуации был один-единственный способ выжить, и она им воспользовалась: когда начали стрелять, Дина бросилась в узкий завал между телами и притворилась мертвой. Она вытерпела вес немца, прошедшего по ее телу, оставалась неподвижной, «как мертвая», когда он наступил ей на грудь и на руку. Ей удалось оставить маленькое отверстие для воздуха, когда ее засыпали землей. Она слышала, как маленький ребенок звал маму, и думала о собственных детях. Она начала говорить сама с собой: «Дина, вставай, беги прочь, беги к своим детям». Возможно, эти слова повлияли так же, как и те, которые ей прошептала мама, лежавшая теперь мертвой где-то внизу. Она откопалась из земли и тихо отползла в сторону[34].

Дина Проничева вступила в опасный мир всего нескольких выживших евреев Киева. Закон требовал выдавать евреев властям. За это немцы сулили материальное вознаграждение: деньги, а иногда ключи от квартиры евреев. Местному населению как Киева, так и всего Советского Союза было привычно выдавать «врагов народа». Еще совсем недавно, в 1937-м и 1938 годах, основными врагами, которых выдавали тогда представителям НКВД, были «польские шпионы». Теперь же в бывших кабинетах НКВД расположилось Гестапо, а врагами были евреи. Тех, кто приходил донести немецким полицаям на евреев, пропускал охранник, у которого была повязка со свастикой на рукаве и который стоял перед фризами с изображением серпа и молота. Кабинет, где занимались евреями, был довольно маленьким, поскольку расследование еврейских «преступлений» было простым: советский документ с

---

[33] *Ruß H.* Wer war verantwortlich für das Massaker von Babij Jar? – P. 486; *Berkhoff K.C.* Harvest of Despair. – P. 68. Про Сару см.: Черная книга: О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941–1945 гг. / Сост. и под ред. Гроссмана Василия, Эренбурга Ильи. – Вильнюс: ЙАД, 1993. – С. 22 (показания Бородянской-Кныш). О ценных вещах см.: *Dean M.* Jewish Property Seized in the Occupied Soviet Union in 1941 and 1942: The Records of the Reichhauptkasse Beutestelle // Holocause and Genocide Studies. – 2000. – № 14 (1). – P. 86. О том, что люди «уже были в крови», см.: Стенограмма, 24 апреля 1946, ЦДАВО, 166/3/245/118. Про кости, пепел и песок см.: Got mit uns. – P. 136.

[34] Darmstadt testimony, 29 april 1968, IfZ(M), Gd 01.54/78/1764–1765; *Berkhoff K.C.* Dina Pronicheva’s Story of Surviving the Babi Yar Massacre. – P. 304.

записью о еврейской национальности (или же пенис без крайней плоти) означал смерть. У Изы Белозовской, киевской еврейки, которая скрывалась, был маленький сын Игорь, которого все это смущало. «Что такое еврей?» – спрашивал он маму. На деле ответ давали немецкие полицейские, проверявшие советские удостоверения личности, или же немецкие врачи, подвергавшие мальчиков, таких как Игорь, «медицинскому осмотру»[35].

Иза Белозовская ощущала смерть повсюду. Она вспоминала: «У меня было сильное желание посыпать голову, всю себя пеплом, ничего не слышать, превратиться в пыль». Но она держалась и выжила. Те, кто перестал надеяться, иногда выживали благодаря преданности их нееврейских супругов или семей супругов. Повитуху Софию Эйзенштейн, к примеру, ее муж прятал в яме, которую вырыл на краю внутреннего двора. Он провел ее туда, переодетую в нищенку, и приходил к ней ежедневно, когда выгуливал собаку. Он разговаривал с ней, притворяясь, что говорит с собакой. Она умоляла отравить ее, но вместо этого он приносил продукты и воду. Тех евреев, которых хватала полиция, расстреливали. Их помещали в камеры киевской тюрьмы, в которых тремя годами ранее держали жертв Большого террора. Когда тюрьма наполнилась, евреев и других заключенных на рассвете вывезли в крытом грузовике. Жители Киева научились бояться этого грузовика, как боялись «воронков» НКВД, выезжавших их этих же ворот. Он привез евреев и остальных узников к Бабьему Яру, где им приказали раздеться, стать на колени над яром и ждать выстрела[36].

Бабий Яр подтвердил прецедент, установленный в Каменец-Подольском, по уничтожению евреев в городах центральной, восточной и южной Украины. Поскольку группа армий «Центр» взяла Киев позже и поскольку вести про немецкую политику распространялись быстро, большинство евреев из этих регионов сбежали на восток и таким образом выжили. Те же, кто остался, в большинстве случаев не выжили. В Днепропетровске 13 октября 1941 года были уничтожены около двенадцати тысяч евреев. Нем-

---

[35] *Prusin A.V.* A Community of Violence: The SiPo/SD and its Role in the Nazi Terror System in Generalbezirk Kiew // Holocaust and Genocide Studies. – 2007. – № 21 (1). – Pp. 7–9; The Unknown Black Book: The Holocaust in the German-Occupied Soviet Territories / Ed. by Rubenstein J., Altman I. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – P. 57. Романовский пишет о сменяемости официальных врагов (см.: *Romanowsky D.* Nazi Occupation in Northeastern Belarus and Western Russia // Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR / Ed. by Gitelman Z. – Bloomington: Indiana University Press, 1997. – P. 240).

[36] The Unknown Black Book – Pp. 54, 57, 61; *Prusin A.V.* A Community of Violence. – Pp. 7–9.

цы использовали местную администрацию, ими самими же учрежденную, для ускорения работы по выявлению, а затем расстрелу евреев. В Харькове зондеркоманда-4а айнзацгруппы «С» приказала городской администрации поселить остававшихся евреев в одном районе. 15 и 16 декабря более десяти тысяч харьковских евреев привезли на тракторный завод на краю города. Там батальон-314 Полиции порядка и зондеркоманда-4а в январе 1942 года расстреливали их группами. Некоторые из них задохнулись в грузовике, чья выхлопная труба выводила угарный газ внутрь кузова, так что он попадал прямо в легкие евреев, запертых там. Газенвагены также использовали в Киеве, но от них отказались после жалоб сотрудников Полиции безопасности на то, что им не нравится вынимать покореженные тела, покрытые кровью и экскрементами. В Киеве немецкие полицейские предпочитали расстреливать над ярами и ямами[37].

Сроки массового уничтожения немного отличались в оккупированной Советской Беларуси, в тылу группы армий «Центр». За первые восемь недель войны и до августа 1941 года айнзацгруппа «В» под командованием Артура Небе уничтожила в Вильнюсе и в Беларуси больше евреев, чем любая другая айнзацгруппа, но дальнейшее уничтожение евреев в Беларуси было затем несколько отсрочено из военных соображений. Гитлер решил послать дивизии из группы армий «Центр» на помощь группе армий «Юг» в битве под Киевом в сентябре 1941 года. Это решение Гитлера отсрочило продвижение группы армий «Центр» на Москву, которая была ее главной целью[38].

Когда был взят Киев и продолжился поход на Москву, возобновились также и расстрелы. Группа армий «Центр» начала 2 октября 1941 года повторное наступление на Москву под кодовым названием «Операция “Тайфун”». Полиция и отделения безопасности начали избавляться от евреев в тылу. Группа армий «Центр» продвигалась, имея миллион девятьсот тысяч человек в составе семидесяти восьми дивизий. Затем политика массового уничтожения евреев (включая женщин и детей) была расширена на всю территорию оккупированной Беларуси. В течение всего сентября 1941 года зондеркоманда-4а и айнзацкоманда-5 айнзацгруппы «С» занималась уничтожением всех евреев в селах

[37] Про Харьков см.: *Pohl D.* Schauplatz Ukraine. – P. 148; Verbrechen der Wehrmacht. – P. 179. Про Киев см.: *Prusin A.V.* A Community of Violence. – P. 10.

[38] *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 544, 567. Небе был членом заговора против Гитлера в 1944 году.

и маленьких городках. В начале октября эту политику стали применять и к большим городам[39].

В октябре 1941 года Могилев стал первым значительным городом в оккупированной Советской Беларуси, где было уничтожено почти все еврейское население. Немецкий полицейский (австриец) писал жене о своих чувствах и об опыте расстрела евреев города в первые дни октября: «В первый раз у меня немного дрожала рука, когда я стрелял, но к этому привыкаешь. На десятый раз я целился спокойно и метко стрелял в женщин, детей и младенцев. Я помнил, что у меня дома двое малышей, с которыми эти орды обращались бы точно так же, если не в десять раз хуже. Смерть, которую мы им несли, была прекрасной и быстрой по сравнению с адовыми муками тысяч и тысяч в тюрьмах ГПУ. Младенцев подбрасывали высоко в небо, и мы в полете расстреливали их на куски до того, как их тела падали в яму или в воду». Второго или третьего октября 1941 года немцы (при помощи вспомогательных полицейских из Украины) расстреляли 2273 мужчин, женщин и детей в Могилеве. 19 октября – еще 3726 человек[40].

В Беларуси прямой приказ убивать женщин и детей был получен от Эриха фон дем Баха-Зелевски – верховного фюрера СС и генерала полиции в «Центральной России» (территории в тылу группы армий «Центр»). Бах, которого Гитлер считал «человеком, способным перейти вброд море крови», был прямым представителем Гиммлера и, конечно же, действовал согласно его желаниям. В оккупированной Советской Беларуси договоренность между СС и армией о судьбе евреев была особенно очевидной. Генерал Густав фон Бехтольшайн, командующий мотопехотной дивизией, отвечавшей за безопасность в районе Минска, горячо отстаивал массовые расстрелы евреев в качестве превентивной меры. Он любил повторять, что, если бы СССР вторгся в Европу, евреи бы уничтожили немцев. Евреи «больше не были людьми в европейском смысле слова», а поэтому «должны быть уничтожены»[41].

----

[39] *Megargee G.* War of Annihilation. – P. 99.

[40] Цитату и цифры см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 588, 585. Также см.: *Ingrao Chr.* Violence de guerre, violence génocide. – P. 231.

[41] Про «море крови» см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 182. Про «должны быть уничтожены» см.: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 138.

Гиммлер одобрил уничтожение женщин и детей в июле 1941 года, а затем полное уничтожение евреев в августе 1941 года как предчувствие грядущего рая – «Эдемского сада», которого желал Гитлер. Это была постапокалиптическая картинка экзальтации после войны, жизни после смерти, возрождение одной расы после уничтожения других рас. Члены СС разделяли позиции расизма и эту мечту. Полиция порядка иногда присоединялась к этому видению и была, конечно же, развращена своим участием в происходящем. У офицеров и солдат Вермахта часто были фактически одинаковые взгляды, как и у СС, обоснованные определенной интерпретацией военной практичности: уничтожение евреев могло помочь привести к победному завершению войну, становившуюся все более трудной, или же предотвратить партизанское сопротивление, либо, по крайней мере, улучшить ситуацию с запасами продовольствия. Те, кто не одобрял массового уничтожения евреев, считали, что у них нет выбора, поскольку Гиммлер был ближе к Гитлеру, чем они. Однако с течением времени даже такие военные офицеры обычно убеждались, что массовое уничтожение евреев необходимо – не потому, что война близилась к победе, как все еще полагали Гиммлер и Гитлер летом 1941 года, а потому, что войну легко можно было проиграть[42].

Советская власть так и не пала. В сентябре 1941 года, через два месяца после вторжения, НКВД все еще могущественно присутствовал повсюду и направлял усилия против самой уязвимой мишени – немцев Советского Союза. Приказом от 28 августа Сталин депортировал 438 700 советских немцев в Казахстан в первой половине сентября 1941 года, большинство из них были из автономного региона в Поволжье. Своей оперативностью, компетентностью и территориальным размахом один этот акт Сталина сделал посмешище из беспорядочных и противоречивых актов депортаций, которые немцы провели за два предыдущих года. Именно в этот момент сталинского резкого вызова, в середине сентября 1941 года, Гитлер принял неоднозначное решение: отослать немецких евреев на восток. В октябре и ноябре немцы начали депортировать немецких евреев в Минск, Ригу, Каунас и Лодзь. До этого момента немецкие евреи уже утратили свои права и имущество, но только в редких случаях теряли жизнь. Теперь же их отсылали, хотя и без инструкций их убивать, в места, где евреев массово расстреливали. Возможно, Гитлер хотел поквитаться. Он не мог не заметить, что Волга не стала немецкой Миссисипи. Вместо того,

[42] Об этом аргументе я писал в предыдущем разделе.

чтобы поселиться в устье Волги в качестве триумфальных колонистов, немцы были депортированы оттуда как репрессированные и униженные советские граждане[43].

Отчаяние и эйфория соседствовали в сознании Гитлера, поэтому возможна и совсем другая интерпретация: вполне вероятно, что Гитлер начал депортировать немецких евреев, так как хотел верить (или же хотел, чтобы другие верили), что Операция «Тайфун» (вторичное наступление на Москву, начавшееся 2 октября 1941 года) приблизит войну к концу. В момент экзальтации Гитлер даже утверждал это в своей речи от 3 октября: «Враг повержен и никогда больше не поднимется!» Если война действительно закончилась, тогда можно было начинать воплощение «окончательного решения» как программу депортации послевоенного периода[44].

Хотя Операция «Тайфун» не принесла никакой окончательной победы, немцы тем не менее приступили к депортации немецких евреев на восток, что породило своего рода эффект домино. Необходимость создать место для этих гетто подтвердила один метод массового уничтожения (в оккупированной латвийской Риге) и очевидно ускорила развитие другого (в оккупированной польской Лодзи).

В Риге начальником полиции теперь был Фридрих Еккельн, обергруппенфюрер СС и генерал полиции Рейхскомиссариата Остланд. Еккельн организовал первый массовый расстрел евреев в Каменец-Подольском в августе, будучи тогда в должности обергруппенфюрера СС и генерала полиции Рейхскомиссариата Украины. Теперь, после нового назначения, он принес в Латвию свои методы уничтожения в промышленных масштабах. Сначала он прика-

[43] Советская аргументация была классической. Сначала НКВД «установил», что у Германии были сотни шпионов среди поволжских немцев. Затем НКВД доказывал, что все население было виновно, поскольку никто из поволжских немцев не донес об этом шпионаже властям. Особенно хитрым шагом было то, что НКВД использовал присутствие свастики в немецких домах как доказательство коллаборационизма с нацистами. На деле же советский режим сам распространял эти свастики в 1939 году, когда Москва и Берлин были союзниками и ожидался дружественный визит Гитлера. К концу 1942 года СССР переселил около 900 тысяч немцев – огромную часть немецкого населения Советского Союза. СССР депортировал около 89 тысяч финнов (большинство из них – в Сибирь). О Сталине см.: *Polian P.* Against Their Will. – P. 134. О Гитлере см.: *Longerich P.* The Unwritten Order. – P. 75; *Gerlach C.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – P. 96; *Gerlach C.* The Wannsee Conference. – P. 763; *Pinkus B.* The Deportation of the German Minority in the Soviet Union, 1941–1945 // From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941 / Ed. by Wegner B. – Providence: Berghahn Books, 1997. – Pp. 456–458; *Mazower M.* Hitler's Empire. – P. 370; *Friedländer S.* The Years of Extermination. – Pp. 239, 263–264.

[44] Цит.: *Lukacs J.* The Last European War. – 154; *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 268.

ФИНЛЯНДИЯ
ШВЕЦИЯ
Финская армия
озеро Ладога
Хельсинки
Балтийское море
Ленинград
Таллин
Тихвин
18-я
18-я
Новгород
xxxxx Группа армий «СЕВЕР» ЛЕЕБ
Линия фронта 5 декбря 1941 г.
Волга
16-я
Рига
Рейхскомиссариат Остланд
Калинин
Клин
РСФСР
Невель
9-я
PANZER 3
Данциг
Двина
Москва
Каунас
4-я
Вильнюс
Вязьма
Смоленск
PANZER 4
Ока
Рязань
Германия
xxxxx Группа армий «ЦЕНТР» БОК
Тула
Венев
Минск
2-я
Брянск
1 октября 1941 г.
PANZER 2
СССР
Варшава
Лодзь
Орел
Брест
Пинск
Припять
Гомель
Полесские болота
Генерал-Губернаторство
Чернигов
Курск
Воронеж
Луцк
Краков
Ровно
Ромны
Львов
Житомир
Киев
Белгород
Рейхскомиссариат Украина
Днестр
Харьков
6-я
Днепр
Дон
17-я
Полтава
Винница
xxxxx Группа армий «ЮГ» РУНШТЕДТ
Лозовая
Венгрия
Днепропетровск
PANZER 1
Сталино
Кишинев
Дон
Николаев
Мариуполь
Ростов
11-я армия
Мелитополь
Одесса
Румыния
Азовское море
Керчь
Крым
Бухарест
Дунай
Севастополь
София
Черное море
Болгария
Греция
Стамбул
Турция
Немецкое наступление
1 октября – 5 декбря1941 г.
Ударные группировки (Panzergruppen)
Немецкая пехота

зал советским военнопленным копать рвы в Румбульском лесу возле Риги. За один день 30 ноября 1941 года немцы и латвийцы пригнали в колоннах к месту расстрела около четырнадцати тысяч евреев, приказали им лечь рядом в рвы и расстреляли их сверху[45].

Город Лодзь был во владении Артура Грейзера, который возглавлял Вартеланд – самый крупный район польской территории, присоединенной к Рейху. Лодзь была вторым городом Польши по численности еврейского населения, а теперь стала самым большим городом Рейха по количеству проживающих там евреев. Его гетто было переполнено еще до прибытия немецких евреев. Возможно, что необходимость убрать евреев из Лодзи вдохновила Грейзера (или начальников СС и полиции безопасности Вартеланда) на поиск более эффективного метода уничтожения. Вартеланд всегда был в центре политики «германизации». Начиная с 1939 года, сотни тысяч поляков депортировали, чтобы заменить их сотнями тысяч немцев, прибывающих из Советского Союза (еще до того, как вторжение Германии в Советский Союз сделало пересылку немцев на запад совершенно бессмысленной). Устранение евреев было центральным элементом плана по превращению этой новоприобретенной немецкой зоны в расово немецкую, но оказалось самым сложным по выполнению. Грейзер на своем уровне столкнулся с проблемой, с которой столкнулся Гитлер в масштабе своей империи: «окончательное решение» официально означало депортацию, но евреев некуда было высылать. В начале декабря 1941 года в Хелмно стоял припаркованный газенваген[46].

Гитлеровская депортация немецких евреев в октябре 1941 года имела привкус импровизации сверху и неуверенности – снизу. Немецких евреев, высланных в Минск и Лодзь, не уничтожали, а помещали в гетто. Немецких евреев, высланных в Каунас, однако, убили по прибытии, так же, как и первую партию прибывших в Ригу. Какими бы ни были намерения Гитлера, немецких евреев теперь уничтожали. Возможно, Гитлер решил к этому моменту ликвидировать всех евреев в Европе, в том числе немецких евреев; если это так, то даже Гиммлер пока не понял его намерений. Именно Еккельн уничтожал немецких евреев, прибывавших в Ригу, которых Гиммлер *не собирался* убивать.

[45] *Angrick A., Klein P.* The «Final Solution» in Riga. – Pp. 133–150.

[46] Про Хелмно детальнее будет в Главе 8. Связь между этими событиями установлена в: *Kershaw I.* Fateful Choices. – P. 462. Также см.: *Kershaw I.* Hitler, the Germans, and the Final Solution. – New Haven: Yale University Press, 2008. – P. 66. Мазовер ставит акцент на исключительной значимости Вартеланда (*Mazower M.* Hitler's Empire. – P. 191). Я не включаю сюда евреев, уничтоженных по программе «эвтаназии».

Гиммлер в октябре 1941 года начал поиски нового, более эффективного способа уничтожения евреев. Он обратился к своему новому клиенту, Одило Глобочнику, начальнику СС и полиции Люблинского округа Генерал-губернаторства, который немедленно приступил к разработке нового типа объектов для уничтожения евреев в лагере «Белжец». К ноябрю 1941 года концепция еще не была окончательно ясна и оборудование еще не установили, но определенные очертания гитлеровской версии «окончательного решения» были очевидны. В оккупированном Советском Союзе евреев расстреливали в промышленных масштабах. В аннексированной и оккупированной Польше (в Вартеланде и Генерал-губернаторстве) строились газовые камеры (в Хелмно и Белжеце). В Германии евреев отсылали на восток, где некоторых из них уже убивали[47].

«Окончательное решение» как массовое уничтожение, инициированное на востоке от линии Молотова-Риббентропа, стало распространяться на запад.

В ноябре 1941 года группа армий «Центр» спешила к Москве, чтобы одержать отсроченную, но от этого не менее славную, окончательную победу: положить конец советской системе и начать апокалиптическую трансформацию пришедших в упадок советских земель в гордую немецкую фронтирную империю. В действительности же немецкие солдаты двигались к апокалипсису в гораздо более традиционном смысле слова. Осенняя слякоть дорог замедляла продвижение их грузовиков и танков, их тела страдали от нехватки теплого обмундирования и горячей пищи. В какой-то момент немецкие офицеры смогли увидеть через бинокли шпили Кремля, но они никогда не дойдут до советской столицы. Их солдаты были на пределе сил и оснащения. Красная армия сопротивлялась все тверже, ее тактика становилась все разумнее[48].

24 ноября 1941 года Сталин приказал перебросить стратегические резервы с востока СССР в битву против группы армий «Центр» Вермахта. Он был уверен, что может пойти на такой риск. От высокопоставленного информатора в Токио (и, без сомнения, из других источников) Сталин знал, что нападения Японии на советскую Сибирь не будет. Он отказывался верить в нападение

[47] Подробнее о Гитлере и Глобочнике будет в Разделе 8.
[48] *Megargee G.* War of Annihilation. – P. 115.

Германии в июне 1941 года и был неправ; теперь он отказывался верить в нападение Японии осенью 1941 года и был прав. Он сохранял самообладание. Красная армия пошла в наступление под Москвой 5 декабря. Немецкие солдаты ощутили вкус поражения. Их истощенные лошади не могли быстро увозить назад снаряжение. Войскам придется зимовать на улице в морозы, скучившись и ощущая повальную нехватку всех поставок[49].

Сталинская разведка была права. Япония собиралась начать решительную войну на Тихом океане, которая исключала наступление Японии на Сибирь. Южное направление японского империализма было проложено в 1937 году. Это стало всем ясно, когда Япония вторглась во Французский Индокитай в сентябре 1940 года. Гитлер отговорил своего японского союзника присоединиться ко вторжению в Советский Союз; теперь же, когда вторжение провалилось, японские войска продвигались дальше в другом направлении.

Когда Красная армия двинулась на запад 6 декабря 1941 года, японское оперативное соединение авианосцев направлялось к гавани Пёрл-Харбор, где базировался тихоокеанский флот США. Немецкий генерал в письме домой от 7 декабря описывал битвы под Москвой. Он и его солдаты «сражались за наши голые жизни, ежедневно и ежечасно, против во всех отношениях превосходящих сил врага». В тот же день две волны японских самолетов с авианосца нанесли удары по американскому флоту, разрушив несколько линкоров и уничтожив две тысячи военнослужащих. На следующий день Соединенные Штаты объявили Японии войну. Через три дня, 11 декабря, нацистская Германия объявила войну США. Все это очень упро-

[49] Выстраивая аргументы от периферии (из Беларуси и Украины) к Берлину, Герлах (Gerlach) и Пол (Pohl) настаивают на значении запасов продовольствия в деле уничтожения евреев. Эли (Aly) и Хейм (Heim) исходят из логики довоенного планирования, представляют своего рода негативное объяснение Холокоста: евреев уже считали опасными для будущего государственного устройства и бесполезными потребителями товаров первой необходимости, нужных сейчас. Гитлер, без сомнения, пошел войной против Советского Союза, полагая, что с его помощью запасы продовольствия можно будет обеспечить и для этой войны, и для будущих. Это правда, что «План голода», реальные проблемы Вермахта с запасами продовольствия и очевидная необходимость удовлетворить немецкое гражданское население значили очень много для Восточного фронта вообще. Беспокойство по поводу запасов продовольствия упрощало для офицеров одобрение уничтожения евреев. По мере продолжения войны экономический аргумент насчет еврейской работы перевесил экономический аргумент о продовольствии, которое евреи съедят. Я согласен, что продовольствие играло значительно более важную роль в этом процессе, чем это выглядит из прочтения англоязычной литературы о Холокосте. Однако я не верю, что продовольствие (или любые другие экономические соображения) могут объяснить планирование по времени или точное содержание гитлеровской политики декабря 1941 года. Это было идеологическое выражение и политическое решение неотложных проблем, возникавших на фоне провальной колониальной войны. А еще это был выбор.

стило президенту Франклину Рузвельту объявление войны Германии[50].

Сталинские позиции в Восточной Азии были теперь довольно крепкими. Если японцы хотели воевать с Соединенными Штатами за контроль над Тихим океаном, было немыслимо, что они будут противостоять СССР в Сибири. Сталину больше не нужно было бояться войны на два фронта. Более того, атака японцев вынуждала США вступить в войну в качестве союзника СССР. К началу 1942 года американцы уже сразились с японцами в Тихом океане. Скоро американские транспортные суда достигнут советских тихоокеанских портов, свободных от японских подводных лодок, поскольку японцы поддерживали нейтралитет в советско-германской войне. Красная армия, принимающая американскую помощь на востоке, была совсем другим врагом, нежели Красная армия, обеспокоенная возможным нападением японцев с востока. Сталину только оставалось пользоваться американской помощью и уговаривать американцев открыть в Европе второй фронт. Тогда немцы будут окружены, а советская победа – гарантирована.

Еще с 1933 года Япония была большим козырем в играх, в которые Гитлер и Сталин играли совместно или друг против друга. Они оба хотели (и у каждого на то были свои причины), чтобы Япония вела свои войны на юге – против Китая на суше и против европейских империй и США – на море. Гитлер приветствовал бомбежку Пёрл-Харбора, полагая, что Соединенные Штаты будут долго вооружаться и воевать в Тихом океане, а не в Европе. Даже *после* провала операций «Барбаросса» и «Тайфун» Гитлер хотел, чтобы японцы сражались с Соединенными Штатами, а не с Советским Союзом. Гитлер, видимо, верил, что может покорить Советский Союз в начале 1942 года, а затем сразиться с Америкой, ослабленной войной на Тихом океане. Сталин в свою очередь тоже хотел, чтобы японцы двигались на юг, и очень осторожно вел свою внешнюю и военную политику, чтобы добиться именно этого эффекта. Его размышления были, в сущности, такими же, как и у Гитлера: японцы должны держаться подальше, потому что земли Советского Союза – мои. И Берлин, и Москва хотели, чтобы Япония оставалась в Восточной Азии и на Тихом океане, и Токио делало одолжение обоим. Кому от этого будет польза, зависело от результата вторжения Германии в Советский Союз[51].

---

[50] Цит.: *Edele M., Geyer M.* States of Exception. – P. 374.

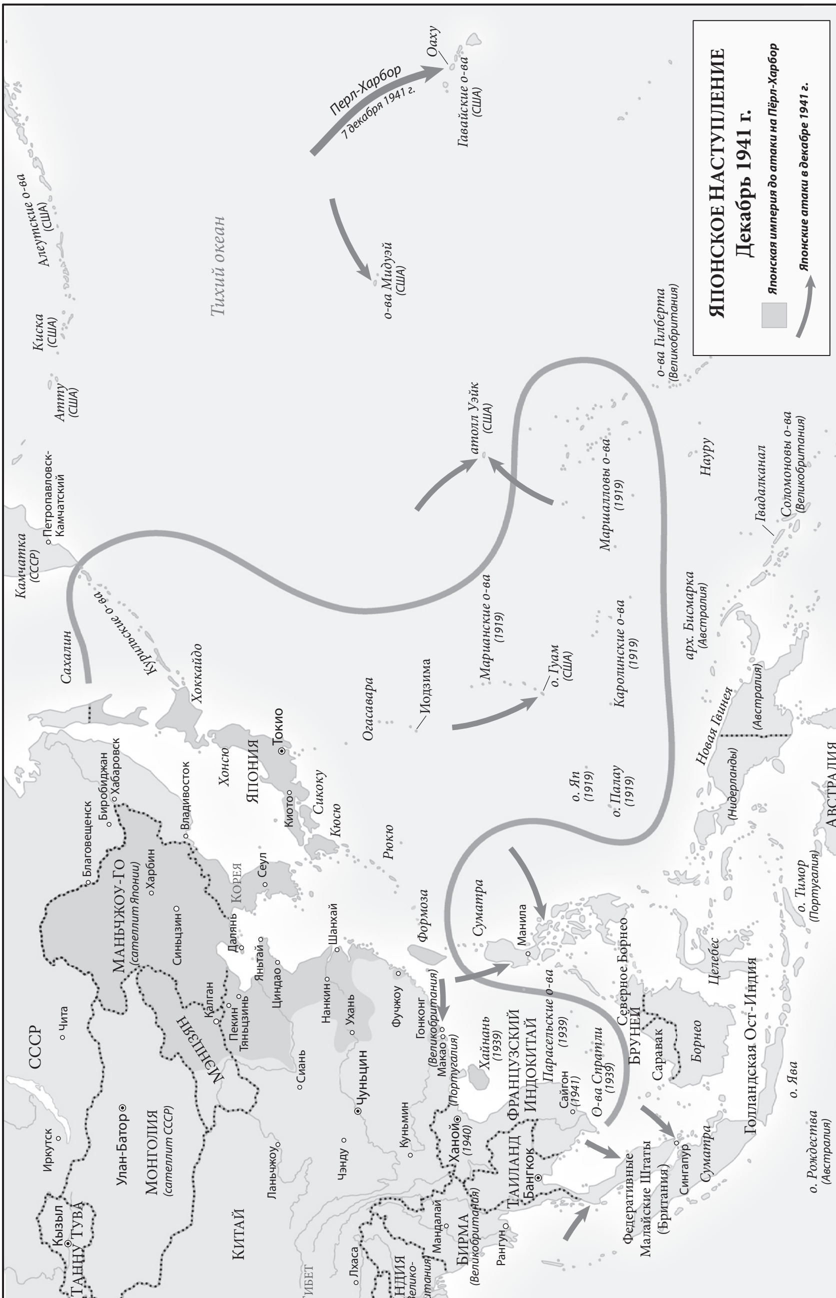
[51] О встрече Гитлера с японским консулом, состоявшейся 3 января, см.: *Hauner M.* India in Axis Strategy: Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War. – Stuttgard: Klett-Cotta, 1981. – P. 384. Также см.: *Lukacs J.* The Last European War. – P. 143.

Если бы вторжение Германии продвигалось, как было запланировано (как молниеносная победа, которая сравняла бы большие советские города с землей и принесла бы завоевателю украинское продовольствие и кавказскую нефть), нападение японцев на Пёрл-Харбор могло бы действительно быть хорошей новостью для Берлина. При таком сценарии атака на Пёрл-Харбор означала бы, что японцы отвлекают Соединенные Штаты, в то время как Германия укрепляет победные позиции в своей новой колонии. Немцы начали бы выполнять «Генеральный план “Ост”» или какой-то другой вариант, пытаясь стать могучей сухопутной империей, самодостаточной в плане запасов продовольствия и нефти и способной защитить себя как от морской блокады Великобритании, так и от морского нападения Соединенных Штатов. Это всегда был фантазийный сценарий, но в нем была определенная доля реальности, пока немецкие войска двигались к Москве.

Поскольку немцев развернули под Москвой именно тогда, когда японцы наступали, Пёрл-Харбор имел абсолютно противоположное значение. Он означал, что Германия находится в наихудшем из возможных положений: она была не гигантской сухопутной империей, устрашающей Великобританию и готовящейся к конфронтации с Соединенными Штатами, а скорее одинокой европейской страной в состоянии войны с Советским Союзом, Великобританией и Соединенными Штатами и имеющей союзников либо слабых (Италия, Венгрия, Румыния и Словакия), либо не вовлеченных в важнейший театр боевых действий в Европе (Япония и Болгария). Японцы, видимо, понимали это лучше немцев. Они хотели, чтобы Гитлер заключил сепаратный мир со Сталиным, а затем сражался бы с британцами и американцами за контроль над Азией и Северной Африкой. Японцы хотели сокрушить морскую мощь Британии; немцы пытались действовать в этих рамках. Это оставляло Гитлеру одну мировую стратегию, и он ее придерживался: разрушение Советского Союза и создание на его руинах сухопутной империи[52].

В декабре 1941 года Гитлер нашел странное решение этого глубокого стратегического затруднения. Он сам сказал своим генералам, что «все континентальные проблемы» должны быть решены до конца 1941 года с тем, чтобы

[52] *Krebs G.* Japan and the German-Soviet War, 1941. – Pp. 547–554.

Японское наступление
Декабрь 1941 г.
Японская империя до атаки на Пёрл-Харбор
Японские атаки в декабре 1941 г.
Перл-Харбор
7 декабря 1941 г.
Оаху
Гавайские о-ва (США)
Тихий океан
Алеутские о-ва (США)
Киска (США)
Атту (США)
о-ва Мидуэй (США)
атолл Уэйк (США)
о-ва Гилберта (Великобритания)
Маршалловы о-ва (1919)
Марианские о-ва (1919)
Каролинские о-ва (1919)
о. Гуам (США)
Науру
Гвадалканал
Соломоновы о-ва (Великобритания)
арх. Бисмарка (Австралия)
Новая Гвинея
(Нидерланды)
(Австралия)
АВСТРАЛИЯ
о. Тимор (Португалия)
о. Яп (1919)
о. Палау (1919)
Камчатка (СССР)
Петропавловск-Камчатский
Сахалин
Курильские о-ва
Хоккайдо
Хонсю
ЯПОНИЯ
Токио
Киото
Сикоку
Кюсю
Огасавара
Иодзима
Рюкю
Формоза
СССР
Чита
Иркутск
Благовещенск
Биробиджан
Хабаровск
Владивосток
МАНЬЧЖОУ-ГО (сателлит Японии)
Харбин
Синьцзин
КОРЕЯ
Сеул
Далянь
Яньтай
Циндао
Калган
Пекин
Тяньцзинь
МЭНЦЗЯН
Улан-Батор
МОНГОЛИЯ (сателлит СССР)
Кызыл
ТАННУ ТУВА
КИТАЙ
Ланьчжоу
Сиань
Нанкин
Шанхай
Ухань
Чунцин
Чэнду
Куньмин
Фучжоу
Гонконг (Великобритания)
Макао (Португалия)
Хайнань (1939)
Парасельские о-ва (1939)
ТИБЕТ
Лхаса
ИНДИЯ (Великобритания)
Мандалай
БИРМА (Великобритания)
Рангун
Ханой (1940)
ТАИЛАНД
Бангкок
ФРАНЦУЗСКИЙ ИНДОКИТАЙ
Сайгон (1941)
О-ва Спратли (1939)
Федеративные Малайские Штаты (Британия)
Сингапур
Суматра
Манила
Северное Борнео
БРУНЕЙ
Саравак
Борнео
Целебес
Голландская Ост-Индия
о. Ява
о. Рождества (Австралия)

Германия могла подготовиться к глобальному конфликту с Великобританией и Соединенными Штатами. Вместо этого Германия оказалась перед лицом извечного стратегического кошмара – войной на два фронта против трех мощных держав. С характерной отвагой и политической оперативностью Гитлер переделал ситуацию в терминах, которые согласовывались если не с начальным планом войны, то хотя бы с нацистским антисемитизмом. Что, кроме утопических планов, непригодных расчетов, расовой надменности и глупого балансирования на грани войны, могло затянуть Германию в войну с Великобританией, Соединенными Штатами и Советским Союзом? У Гитлера был готов ответ: мировой еврейский заговор[53].

В январе 1939 года Гитлер выступил с речью, угрожая евреям уничтожением, если они преуспеют в разжигании мировой войны. Начиная с лета 1941 года немецкая пропаганда непрерывно педалировала тему щупальцеобразного еврейского заговора, объединяющего британцев, СССР и особенно американцев. 12 декабря 1941 года, через неделю после советской контратаки под Москвой, через пять дней после атаки японцев на Пёрл-Харбор и через день после того, как Соединенные Штаты в ответ объявили войну Германии, Гитлер вернулся к этой речи. Он говорил о ней как о пророчестве, которое должно сбыться. «Мировая война уже здесь, – обращался он к полусотне своих доверенных товарищей 12 декабря 1941 года, – аннигиляция еврейства должна быть необходимым последствием». С этого момента его самые важные подчиненные поняли свою задачу: уничтожать всех евреев, где только возможно. Ганс Франк, губернатор Генерал-губернаторства, несколькими днями позже передал эту политическую линию в Варшаву: «Господа, я должен просить вас избавиться от всякого чувства жалости. Мы должны уничтожать евреев повсюду, где отыщем их, чтобы поддерживать структуру Рейха в целостности»[54].

[53] Германская пропаганда открыто об этом писала – см.: *Herf J.* The Jewish Enemy. – Pp. 100, 128. Сопоставьте с: *Gerlach C.* The Wannsee Conference. Недавний акцент в научной литературе на Гиммлере и декабре связан с исследованием Герлаха и публикациями (Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42 / Ed. by Witte P., Wildt M., Voigt M., Pohl D., Klein P., Gerlach C., Dieckmann C., Angrick A. – Hamburg: Hans Christians Verlag, 1999; а также: *Longerich P.* Heinrich Himmler). Гиммлер был важнейшим исполнителем политики, за которую несет ответственность Гитлер.

[54] Цит.: *Longerich P.* The Unwritten Order. – P. 95; *Gerlach C.* Krieg, Ernährung, Völkermord. – P. 123; *Gerlach C.* The Wannsee Conference. – P. 783, 790; *Kershaw I.* Fateful Choices. – P. 466; *Tooze A.* The Wages of Destruction. – P. 504; *Mazower M.* Hitler’s Empire. – Pp. 376 (цитата Франка). Как пишет Фридлендер, это было только одно из множества высказываний (см.: *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 281).

Евреев теперь обвиняли в смутно вырисовывающихся катастрофах, которые еще пока не наступили. Нацисты сразу же схватились за связь между еврейским врагом и перспективой крушения. Они все верили (если принимали взгляды Гитлера о том, что Германия не потерпела поражение на полях сражений в прошедшей мировой войне, а была сражена «ножом в спину») в заговор евреев и других внутренних врагов. Теперь евреи были виноваты и в американско-британско-советском альянсе. Такой «совместный фронт» капитализма и коммунизма, согласно рассуждениям Гитлера, мог быть освящен только еврейскими заговорщиками в Лондоне, Москве и Вашингтоне. Евреи были агрессорами, а немцы – жертвами. Чтобы предотвратить катастрофу, евреев нужно было уничтожить. Начальник гитлеровской пропаганды, Йозеф Геббельс, зафиксировал в своем дневнике изменение морального направления: «Мы здесь не должны сочувствовать евреям, а только нашей германской нации»[55].

Когда война обернулась на пользу Сталину, Гитлер переформулировал ее цель. Изначально план состоял в разрушении Советского Союза, а затем – в уничтожении евреев. Теперь же разрушение Советского Союза было отсрочено на неопределенное время, а полное уничтожение евреев стало политикой военного времени. Угрозой отныне были не столько славянские массы и их предполагаемые еврейские повелители, сколько евреи сами по себе. В 1942 году пропаганда против славян ослабла, когда все больше их прибывало на работы в Рейх. Идее Гитлера уничтожить евреев (вместо того, чтобы использовать их рабский труд), видимо, поспособствовало его тогда же принятое решение использовать славян как рабсилу (вместо того, чтобы убивать их). Эти шаги свидетельствовали об отказе от большинства изначальных допущений о течении войны, хотя Гитлер, конечно же, никогда бы не признался в этом. Но массовое уничтожение евреев, по крайней мере, согласовывалось с начальным представлением о фронтирной империи на Востоке[56].

В действительности решение уничтожить евреев противоречило этому представлению, поскольку было имплицитным признанием того, что немцы никогда не будут контролировать огромные территории, необходимые им для «окончательного решения», посредством депортации. С организаци-

---

[55] О Гитлере («общий фронт») см.: *Herf J.* The Jewish Enemy. – P. 132. О Геббельсе см.: *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2008. – P. 82.

[56] *Madajczyk C.* Vom «Generalplan Ost» zum «Generalsidlungsplan». – P. 17; *Mazower M.* Hitler's Empire. – P. 198.

онной точки зрения, массовое уничтожение проще массовой депортации. В этот момент единственным выбором Гитлера было уничтожение, если он хотел выполнить свое собственное пророчество. У него была сухопутная, а не морская империя, но в его распоряжении не было никаких пустырей, на которые можно было бы выслать евреев. Если и был какой-то прогресс в плане «окончательного решения», то только благодаря демонстрации Гиммлером метода, который не требовал депортации, – уничтожения. Уничтожение было не столько признаком триумфа, сколько его заменителем. Евреев начали уничтожать в конце июля 1941 года, когда планированная молниеносная победа не материализовалась. С декабря 1941 года евреев как таковых должны были уничтожать, поскольку альянс против Германии усиливался. Гитлер искал и нашел еще более глубокие эмоции для озвучивания еще более жестоких целей, а германское руководство, осознавая свое затруднительное положение, их приняло[57].

Защищая конфликт как «мировую войну», Гитлер отвлек внимание от отсутствия молниеносной победы и непрошеных уроков истории, которые последовали за этим военным провалом. В декабре 1941 года немецкие солдаты всматривались в судьбу Наполеона, чья Великая армия добралась до предместья Москвы в 1812 году быстрее, чем Вермахт в 1941-м. Однако в конечном итоге Наполеон отступил из-за зимы и российских укреплений. Когда немецкие войска удерживали свои позиции, они неизбежно повторяли те бои, которые происходили в 1914–1918 годах: длинные дни в окопах, в попытках спрятаться от автоматного и артиллерийского огня, и длинные годы медленных бессмысленных продвижений и бессчетных жертв. Именно тот тип войны, который гений Гитлера, казалось, сделал устаревшим, теперь тяготел над ними. Немецкие генералы ожидали потери примерно полумиллиона солдат и победы к сентябрю; однако потери приближались к миллиону, а победа отступила в декабре[58].

Все провалившиеся наступления, срывы запланированных дат и депрессивные перспективы были бы менее позорными, если бы Вермахт сражался не в плохо спланированной колониальной наступательной войне,

[57] Сопоставьте с: *Browning C.R.* The Nazi Decision to Commit Mass Murder; *Gerlach C.* The Wannsee Conference. Также см.: *Kershaw I.* Fateful Choices. – P. 443.

[58] См.: *Kroener B.R.* The «Frozen Blitzkrieg»: German Strategic Planning against the Soviet Union and the Causes of Its Failure // From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941 / Ed. by Wegner B. – Providence: Berghahn Books, 1997. – Pp. 140, 148.

а в славной (хоть и трагической) мировой войне по защите цивилизации. Если бы немецкие солдаты сражались с силами всего мира, организованными еврейскими заговорщиками Москвы, Лондона и Вашингтона, тогда их дело было бы великим и правым. Если бы они сражались в оборонительной войне (как теперь оно и было на самом деле), тогда кто-то другой выполнял бы роль агрессора. Евреи заняли это место, по крайней мере, в глазах поверивших нацистов и многих немецких гражданских лиц, ждущих возвращения отцов и мужей домой. Немецкие солдаты (независимо от того, верили они в то, что евреи несли ответственность за войну, или нет), скорее всего, нуждались в идеологической ревизии меньше, чем политики и гражданское население. Они были в отчаянии, но все еще не знали пощады; они хорошо сражались и будут продолжать сражаться достаточно долго, по крайней мере, для того, чтобы Гитлер выполнил свое пророчество. Вермахт был и, пожалуй, останется самой эффективной воюющей силой на европейском театре боевых действий, даже если его шансы на традиционную победу были нулевыми.

Согласно магии расового мышления, уничтожение евреев само по себе было триумфом Германии именно тогда, когда любая другая победа отступала за горизонт осуществимого. Соединенные Штаты, Великобритания и Советский Союз были врагами Германии, евреи тоже были врагами Германии, поэтому, согласно ложному силлогизму, они находились под влиянием евреев. Если это были еврейские государства, тогда европейские евреи были их агентами. Поэтому уничтожение евреев Европы являлось атакой на врагов Германии (прямо или косвенно) и было оправдано не только с моральной, но и с военной точки зрения. Гиммлер записал желание Гитлера, состоящее в том, чтобы евреев Европы, начиная с декабря 1941 года, уничтожали «как партизан», как пособников немецких врагов в тылу. К этому времени уже была разработана логика уничтожения евреев как «возмездие» за партизанские атаки: в болотах Полесья между Беларусью и Украиной, где Гиммлер использовал это как повод для уничтожения еврейских мужчин, женщин и детей, начиная с июля 1941 года; в Киеве, где немцы убили более тридцати тысяч евреев в отместку за советские взрывы в городе, и даже далеко в Сербии, где немецкие вооруженные силы столкнулись с серьезным сопротивлением чуть раньше, чем в Советском Союзе[59].

[59] Цитата и интерпретация: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 582.

Сербский пример был, пожалуй, особенно подходящим. Германская война на юго-востоке Европы началась немного раньше, чем война в Советском Союзе, и принесла несколько прикладных уроков. Германия вторглась в Югославию и Грецию весной 1941 года, незадолго до начала операции «Барбаросса», преимущественно чтобы спасти свою неуклюжую союзницу Италию от поражения в ее Балканских войнах. Хотя Германия быстро уничтожила югославскую армию и создала хорватское марионеточное государство, сопротивление в сербской оккупированной зоне, которую она делила с Италией, было значительным. Частично оно исходило от коммунистов. Германский командующий генерал в Сербии приказал убить только евреев и цыган в отместку за смерть немцев, погибших с бою с партизанами, в соотношении 100:1. Таким образом, почти все еврейское мужское население Сербии было расстреляно еще до того, как Гиммлер объявил об уничтожении евреев «как партизан». Логику происходившего в Сербии сделали универсальной. Евреев как таковых будут уничтожать в отместку за альянс США–Великобритания–СССР. Ни от евреев, ни от стран альянса не ожидалось понимания этого. Смысл здесь был только с точки зрения нацистского мировоззрения, которое Гитлер только что принял для будущего пользования[60].

Пятый и последний вариант «окончательного решения» состоял в массовом истреблении. На языке нацистов слово «переселение» превратилось из описательного в эвфемизм. Годами немецкое руководство представляло, как «решит» «проблему» европейских евреев путем переселения их в ту или иную местность. Евреи будут работать на износ, где бы ни оказались, и, возможно, будут стерилизованы, чтобы не размножались, но всех их не уничтожат. Таким образом, «переселение» было неполным, хотя и не таким уж неточным словом для описания политики по отношению к евреям в 1940-м

---

[60] О Сербии см.: *Manoschek W.* «Serbien ist judenfrei»: Militärische Besatzungspolitik und Judenvernichtung in Serbien 1941/1942. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1993. – Pp. 79, 107, 186–197; *Evans R.J.* The Third Reich at War. – Pp. 237, 259. Вина за смерть евреев, согласно этой концепции, лежала не на немцах. Согласно нацистской логике, если Соединенные Штаты были еврейским государством, то его руководство должно было понимать, что Гитлер держал евреев Европы живыми в качестве заложников. Если Соединенные Штаты, согласно этой же логике, присоединились к войне, то Вашингтон нес ответственность за смерть этих заложников. Конечно же, никто в США не мыслил в этом ключе, и то, что Америка вступила в войну, имело мало общего с европейскими или американскими евреями (см.: *Longerich P.* The Unwritten Order. – P. 55; *Friedländer S.* The Years of Extermination. – Pp. 265, 281; *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. – P. 139; *Gerlach C.* The Wannsee Conference).

и 1941 годах. После этого «переселение» или же «переселение на Восток» стало означать массовое истребление. Возможно, эвфемизм «переселение», намекавший на существенную в своей протяженности политику, помогал нацистам не замечать того факта, что немецкая политика не только изменилась, а и должна была измениться, поскольку война продвигалась не так, как ожидалось. Он мог таким образом позволить немцам отгородиться от реальности, состоящей в том, что военная катастрофа обуславливала их политику по отношению к евреям[61].

Немцы уже показали к декабрю 1941 года, что могли делать вещи гораздо худшие, чем депортация евреев в Польшу, на Мадагаскар или в Советский Союз. Они могли уничтожать евреев, находившихся под их контролем, и обвинять самих жертв в том, что с ними произошло. Понять реальность «переселения», от которой немцы теперь себя дистанцировали, можно при помощи простой цитаты с использованием этого слова в немецком языке: «Место переселения: на месте переселения расположены восемь рвов. Возле каждого рва должен работать один расчет, состоящий из десяти офицеров и солдат, которые должны сменяться каждые две часа»[62].

К тому времени, как в декабре 1941 года Гитлер озвучил свои предпочтения, гиммлеровские СС и силы полиции (которым помогали Вермахт и местная полиция) уже уничтожили около миллиона евреев в оккупированном Советском Союзе. Взгляд на прошлое вызывает чувство неизбежности, и новая германская политика уничтожения всех европейских евреев может показаться не более чем достижением цели, которая в некотором смысле уже была данностью. И хотя Гитлер действительно считал само собой разумеющимся, что евреям не будет места в его Европе будущего, и все увеличивающиеся масштабы убийств Гиммлера соответствовали желаниям Гитлера, но решение Гитлера объявить о массовом уничтожении всех евреев нужно рассматривать

[61] То, что такой камуфляж был необходим, – это показательный знак, поскольку он демонстрирует нацистское предположение, будто кто-то другой сможет читать их документы, что может случиться, только если они проиграют войну. У сталинистов и самого Сталина не было проблем с составлением, подписанием и архивированием прямых приказов массово убивать.

[62] *Birn R.B.* Two Kinds of Reality? Case Studies on Anti-Partisan Warfare During the Eastern Campaing // From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941 / Ed. by Wegner B. – Providence: Berghahn Books, 1997. – P. 289.

как то, чем оно и было на самом деле, – как решение. Как бы то ни было, на те же самые события были возможны и другие реакции[63].

Румыния, союзница Германии, продемонстрировала возможность таких реакций. Бухарест тоже добивался национальной чистоты. К декабрю 1941 года румынские евреи пострадали больше, чем немецкие. Румыния присоединилась к вторжению в Советский Союз, прибегнув, как и Германия, к пропаганде, отождествлявшей коммунизм с евреями. Напав вместе с Германией на Советский Союз, Румыния забрала назад Бессарабию и Буковину, которые Советский Союз аннексировал в 1940 году. Румыния получила еще и новый регион, Приднестровье, отобранный у Советской Украины. В этой зоне в 1941 году румынская политика по отношению к евреям была такой же жестокой, как и немецкая. После взятия Одессы румынские войска убили около двадцати тысяч местных евреев «в отместку» за взрыв в городе, в результате которого разнесло их штаб-квартиру. В Богдановском районе румыны расстреляли более сорока тысяч евреев за несколько дней в конце декабря 1941 года. Румыны также создали собственные гетто и концлагеря в Приднестровье, в которых погибли десятки сотен евреев из Бессарабии и Буковины. Всего же Румыния уничтожила около трехсот тысяч евреев[64].

Однако руководство Румынии реагировало на изменения хода войны иначе, нежели Гитлер. Ее политика по отношению к евреям оставалась брутальной, но постепенно была смягчена, а не ужесточена. К лету 1942 года Румыния больше не депортировала евреев в Приднестровье. Когда немцы строили новые фабрики смерти, Румыния отказалась посылать туда своих евреев. К концу 1942 года румынская политика существенно отошла от немецкой. Румыния позже попытается поменять союзника, и к тому времени выживание оставшихся евреев будет большим плюсом. Год 1942-й был поэтому решающим поворотным пунктом, когда немецкая и румынская политика развернулись в противоположные стороны. Германия уничтожала всех евреев, потому что война была проиграна, а Румыния, позже в том же году, по этой же причине спасала некоторых евреев. Румынский диктатор Ион Антонеску оставлял дверь для переговоров с американцами и британцами слегка приоткрытой;

[63] См.: *Brandon R.* The First Wave.

[64] *Deletant D.* Transnistria and the Romanian Solution to the «Jewish Problem» // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 157–165; *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – Pp. 78–79; *Hilberg R.* The Destruction of the European Jews (vol. 1). – P. 810.

Гитлер же не оставил Германии никакой возможности избавиться от собственного чувства вины[65].

За 1942 год немцы уничтожили большинство из остававшихся под их оккупацией евреев. На запад от линии Молотова-Риббентропа массовые уничтожения проводились в газовых камерах. На востоке от линии Молотова-Риббентропа немцы продолжали практиковать массовые расстрелы, а также использовали газенвагены, испробованные на советских военнопленных. В

[65] *Deletant D.* Transnistria and the Romanian Solution to the «Jewish Problem». – P. 172; *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – P. 79. Также см.: *Case H.* Between States: The Transnistrian Question an the European Idea During World War II. – Stanford: Stanford University Press, 2009.

оккупированной Советской Украине убийства опять начались, как только земля оттаяла и можно было копать ямы, а иногда, если в наличии были машины для рытья земли, то даже раньше. В восточной части Советской Украины, которая все еще была под оккупацией, расстрелы попросту продолжались беспрерывно с конца 1941-го и до начала 1942 года. В январе айнзацгруппы, при содействии Вермахта, уничтожали меньшие по размеру еврейские общины, которые пережили первые чистки, а также группы еврейских работников. Весной 1942 года акции переместились с востока на запад, из военной зоны к территории гражданских оккупационных властей – Рейхскомиссариату Украины. Здесь все операции проводились стационарными полицейскими силами, батальонами немецкой Полиции порядка с помощью местных полицаев. При наличии десятков тысяч местных коллаборантов у немцев было достаточно необходимых резервов[66].

Убийства как способ тотального уничтожения в последнюю очередь пришли на те земли, которые немцы захватили первыми. Хотя немцы захватили все земли Восточной Польши за первые десять дней войны, в июне 1941 года, многие из местных евреев польского юго-востока, которые теперь были Рейхскомиссариатом Украины, дожили до 1942 года. Немецкие войска уже покинули эти земли к тому времени, как Гиммлер приказал уничтожать всех евреев поголовно. К моменту изменения немецкой политики большинство немецких войск уже ушло. В 1942 году немцы предприняли второй раунд массовых расстрелов в западных областях Рейхскомиссариата Украины, на этот раз организованный гражданскими властями и выполняемый полицией при большой поддержке местных вспомогательных полицаев[67].

Эти западноукраинские области были похожи на многие другие села и небольшие городки на землях Восточной Польши, где евреи составляли примерно половину населения (иногда больше, иногда меньше). Евреи обычно жили в центре города, на городской площади, в каменных домах, а не в деревянных хибарках где-нибудь на окраине. В этих поселениях евреи жили более пятисот лет, при разных правительствах и с разным уровнем достатка, но с успехом, демонстрируемым в простых измерениях архитектуры и демографии. Большинство этого еврейского населения в межвоенной Польше придерживалось

---

[66] *Pohl D.* Schauplatz Ukraine. – Pp. 153, 162. Газовые камеры рассмотрены в Разделе 8.

[67] Пол насчитывает 37 тысяч вспомогательных полицаев, действовавших в июле 1942 года в Рейхскомиссариате Украины (см.: *Pohl D.* Ukrainische Hilfskräfte beim Mord an den Juden // Die Täter der Shoah / Ed. by Paul G. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2002. – P. 210).

религиозных обрядов и оставалось несколько отгороженным от внешнего мира. Разговаривали они на идиш и иврите (для религиозных надобностей), а процент смешанных браков с христианами был низкий. Восточная Польша осталась сердцем еврейской цивилизации ашкенази, которые разговаривали на идиш и где доминировали соперничающие кланы харизматичных хасидов. Эта еврейская традиция пережила Польско-Литовское Княжество, где она зародилась, пережила Российскую империю, а также межвоенную Польскую республику[68].

---

[68] Подробнее об этих волынских общинах см.: *Spector S.* The Holocaust of Volhynian Jews 1941–1944. – Jerusalem: Yad Vashem, 1990; *Snyder T.* The Life and Death of West Volhynian Jews, 1921–1945 // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 77–84. Судьба евреев из Галиции, о которых подробнее будет в Разделе 8, была другой – см.: *Pohl D.* Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. – Munich: Oldenbourg, 1996; *Sandkühler T.* «Endlösung» in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Tettungsinitiativen von Berthold Beitz, 1941–1944. – Bonn: Dietz, 1997.

После Пакта Молотова-Риббентропа и совместного вторжения в Польшу советская власть и советское гражданство были распространены на этих евреев в 1939–1941 годах, поэтому их обычно считают советскими еврейскими жертвами нацизма. Эти евреи действительно жили какое-то время в СССР после того, как советские границы были передвинуты западнее, на земли Восточной Польши, и стали субъектами советской политики. Как и поляки, украинцы и беларусы на этих землях, они также потом подвергались арестам, депортациям и расстрелам. Евреи теряли свой бизнес и религиозные школы. Но короткий период советского правления вряд ли был достаточным для того, чтобы сделать из них советских евреев. За исключением очень маленьких детей, жители Ровно и подобных городков были гражданами Польши, Литвы, Латвии или Румынии значительно дольше, чем Советского Союза. Из примерно 2,6 миллиона евреев, уничтоженных на просторах Советского Союза, около 1,6 миллиона находились под советской юрисдикцией менее двух лет. Их цивилизация была существенно ослаблена советской властью в течение 1939–1941 годов, и она не переживет германский Рейх[69].

Город Ровно – что необычно для этих городков – уже видел операцию по массовому уничтожению в 1941 году. Хотя Киев был центром германского полицейского государства в Украине, Ровно в 1941 году было временной столицей Рейхскомиссариата Украины. Рейхскомиссар, Эрих Кох, был известен своей жестокостью. Советники Гитлера называли Коха «вторым Сталиным», и в их устах это был комплимент. Кох осенью 1941 года уже дал распоряжение уничтожить большинство евреев города Ровно. 6 ноября 1941 года полиция приказала всем евреям, не имеющим разрешения на работу, зарегистрироваться для переселения. Около семнадцати тысяч человек были тогда отвезены в урочище Сосенки под Ровно. Их расстреляли над ямами, которые перед этим вырыли советские военнопленные. Оставшихся примерно десять тысяч евреев затем заставили жить в гетто в самой худшей части города[70].

В начале 1942 года, даже после того, как большинство евреев были мертвы, юденрат (еврейский совет) города Ровно пытался обеспечить оставшихся

[69] Арад (см.: *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. – Pp. 521, 524) указывает цифру 1 561 000–1 628 000 убитых евреев на землях, аннексированных СССР, а также 946–996 тысяч евреев довоенного Советского Союза. Также см.: *Snyder T.* The Life and Death of West Volhynian Jews. – Pp. 85–89.

[70] Życie i zagłada. – P. 602; *Spector S.* Żydzi wołyńscy w Polsce międzywojennej i w okresie II wojny światowej. – P. 477; *Snyder T.* The Life and Death of West Volhynian Jews. – Pp. 91–96; *Pohl D.* Schauplatz Ukraine. – Pp. 158–162.

в живых какими-то средствами выживания. Германские власти, однако, решили, что евреев не должно быть вообще. Летом 1942 года Кох, думая о нехватке продовольствия, предпринял следующий шаг и потребовал от своих подчиненных «стопроцентного решения» еврейской проблемы. В ночь на 13 июля 1942 года германская полиция города Ровно и украинская вспомогательная полиция выгнали евреев из гетто. Евреев заставили идти пешком на железнодорожную станцию, где их заперли в вагонах. Через два дня без еды и воды их доставили в карьер возле леса на окраине города Костополь. Там их расстреляли немецкая полиция безопасности и вспомогательные полицейские[71].

В Луцке евреи составляли примерно половину населения, около десяти тысяч человек. В декабре 1941 года евреев согнали в гетто, в котором немцы назначили юденрат. Обычно юденрат изымал драгоценности общины в обмен на разные отсрочки экзекуций (иногда правдивые, иногда нет). Немцы также обычно основывали еврейскую полицию, которую использовали для создания гетто, а позже – для очистки гетто. 20 августа 1942 года в Луцке местная еврейская полиция отправилась искать евреев, которые еще могли где-то прятаться. В тот же день евреев-мужчин отправили в лес рыть ямы возле села Горка Полонка в семи километрах от Луцка. Немцы-охранники даже не пытались скрыть от них, что произойдет. Они приказали мужчинам хорошо копать, поскольку на следующий день в этих ямах будут покоиться их жены и матери. 21 августа женщин и детей из Луцка привезли в Горку Полонку. Немцы ели, пили, смеялись и заставляли женщин повторять: «Поскольку я еврейка, у меня нет права на жизнь». Затем женщин (по пять человек за раз) заставляли раздеваться и голыми становиться на колени перед ямами. Следующая группа потом должна была ложиться голыми на первый слой трупов, и их расстреливали. В тот же день евреев-мужчин доставили во двор луцкого замка и там убили[72].

В Ковеле евреи тоже составляли около половины населения – около четырнадцати тысяч человек. В мае 1942 года евреев города разделили на две группы – рабочих и не рабочих – и поместили в два разных гетто: первую – в Новом городе, вторую – в Старом городе. Один местный еврей, выучив нацистские термины, знал, что немцы считают второе гетто местом для «дармо-

[71] О переговорах юденрата см. письма от 8 и 10 мая 1942 года, DAR 22/1/10=USHMM RG-31.017M-2. Также см.: Życie i zagłada. – P. 588; *Spector S.* Żydzi wołyńscy w Polsce międzywojennej i w okresie II wojny światowej. – P. 477; *Snyder T.* The Life and Death of West Volhynian Jews. – P. 91–96.

[72] ŻIH 301/1982; ŻIH 301/5657; Sefer Lutsk. – Tel Aviv: Irgun Yots'e Lutsk be-Yisrael, 1961 («Calendar of Pain, Resistance and Destruction»); Życie i zagłada. – Pp. 584–586 (цитата на с. 586).

едов». 2 июня немецкая и местная вспомогательная полиция окружили гетто в Старом городе. Все шесть тысяч евреев были доставлены на просеку возле города Камень-Каширский и расстреляны. 19 августа полиция повторила то же самое с другим гетто, расстреляв восемь тысяч человек. Затем началась охота на евреев, которые прятались: их окружили и заперли в Большой ковельской синагоге без воды и продовольствия. Затем их расстреляли, но некоторые из них оставили предсмертные послания (на польском языке и на идиш), нацарапанные камнем, ножом, ручкой или ногтем на стенах здания, где многие из них праздновали Шабат[73].

Жена оставила записку о любви и преданности ее «доброму мужу», чтобы он узнал о ее судьбе и о судьбе их «прекрасного» ребенка. Две девочки вместе написали о своей любви к жизни: «Так хочется жить, а они не позволяют. Месть. Месть». Молодая женщина была более смиренной: «Я странно спокойна, хотя тяжело умирать в двадцать лет». Мать и отец просили своих детей прочитать по ним каддиш и соблюдать религиозные праздники. Дочь оставила прощальную записку матери: «Моя любимая Мама! Не было выхода. Они привезли нас сюда из гетто, и теперь мы должны умереть страшной смертью. Нам так жаль, что тебя нет с нами. Я не могу себе этого простить. Мы благодарим тебя, Мама, за всю твою преданность. Целуем тебя снова и снова».

[73] Spektor. Żydzi wołyńscy. – P. 477; Snyder. West Volhynian Jews. – Pp. 91–96. Про «дармоедов» см.: Życie i zagłada. – P. 577. О Большой ковельской синагоге и цитатах в приведенном абзаце см.: ŻIH/1644. Надписи со стен записал Ханох Гаммер. В советское время в синагоге хранили зерно.

РАЗДЕЛ 7

ХОЛОКОСТ И ОТМЩЕНИЕ

Беларусь была центром противостояния между нацистской Германией и Советским Союзом. После немецкого вторжения в июне 1941 года ее жители (те, кто выжил) наблюдали за эскалацией насилия как со стороны Германии, так и Советского Союза. Их родина была зоной немецкой оккупации и в то же время продолжала оставаться советской республикой. Ее города стали полями сражения наступающей и отступающей армий, ее местечковые еврейские поселения были уничтожены во время Холокоста. Ее поля стали немецкими лагерями для военнопленных, в которых десятки и сотни тысяч советских солдат умирали от голода. В ее лесах советские партизаны и немецкие полицейские, а также Ваффен-СС вели беспощадную партизанскую борьбу. Вся страна была местом символического соревнования между Гитлером и Сталиным, представленного не только солдатами на передовой, партизанами в лесу и полицейскими над ямами, но еще и пропагандистами в Берлине, Москве, а также в столице республики, Минске.

Минск был центральным элементом нацистской деструктивности. Германская авиация разбомбила город 24 июня 1941 года; чтобы войти в него, солдатам Вермахта пришлось ждать, пока утихнет огонь. К концу июля немцы расстреляли тысячи образованных людей и загнали евреев в северо-западную часть города. В Минске было гетто, концлагеря, лагеря военнопленных и места экзекуций. Наконец, Минск был превращен немцами в своего рода жуткий театр, в котором они обыгрывали эрзац-победу, уничтожая евреев[1].

[1] *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 374; *Szybeika Z.* Historia Białorusi, 1795–2000. – LublinL IESW, 2002. – P. 337. Сопоставьте с: *Edele M., Geyer M.* States of Exception. – Pp. 348, 361. О приказе о гетто от 19 июля см.: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 80.

В Минске осенью 1941 года немцы праздновали воображаемый триумф, хотя Москва не была взята. В день годовщины большевистской революции, 7 ноября, немцы организовали нечто более драматичное, нежели просто массовые расстрелы: в то утро они согнали тысячи евреев из гетто. Немцы заставили евреев надеть самую лучшую одежду, как для советского праздника. Затем немцы выстроили пленников в колонны, дали им советские флаги и приказали петь революционные песни. Людей заставляли улыбаться на видеокамеры, запечатлевавшие все это. Когда они вышли за Минск, этих 6624 евреев посадили на грузовики и отвезли на бывший склад НКВД в соседней деревне Тучинка. Мужчины-евреи, вернувшиеся в тот вечер домой после принудительных работ, застали свои дома совершенно пустыми. Один из них вспоминал: «Из восьми человек – моя жена, трое наших детей, моя старенькая мать и двое ее детей – ни души не осталось»[2].

Сам по себе террор не был новостью – людей из Минска НКВД забирал в Тучинку на черных «воронках» еще совсем недавно, в 1937-м и 1938 годах. Однако даже на гребне сталинского Большого террора тех лет НКВД всегда действовал скрытно, забирая людей посреди ночи по одному-два человека. Немцы же проводили массовую операцию среди бела дня, устраивали ее для публики, насыщенную смыслом, как материал для пропагандистского фильма. Инсценированный парад должен был доказать нацистское утверждение, что все коммунисты – евреи, а евреи – коммунисты. Из этого следовало, согласно логике нацистов, что устранить их – значило не только обезопасить тыл группы армий «Центр», но это и само по себе является победой. Но эта пустая экспрессия триумфа, казалось, была продемонстрирована для того, чтобы скрыть более явное поражение: к 7 ноября 1941 года группа армий «Центр» должна была взять Москву, но не взяла[3].

Сталин все еще находился в советской столице и занимался организацией

---

[2] Про первую операцию по расстрелу см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 506, 549, 639; *Matthäus J.* Reibungslos und planmäßig: Die Zweite Welle der Judenvernichtung im Generalkommissariat Weißruthenien (1942–1944) // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. – 1995. – № 4 (4). – P. 260; Longerich. Vernichtung. – P. 370 (о женщинах); *Epstein B*. The Minsk Ghetto: Jewish Resistance and Soviet Internationalism. – Berkeley: University of California Press, 2008. – P. 81; Черная книга. – P. 111. О расстрелах 7–9 ноября см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 506, 509, 624; *Smolar H*. The Minsk Ghetto: Soviet-Jewish Partisans Against the Nazis. – New York: Holocaust Library, 1989. – P. 41; Черная книга. – P. 113; The Unknown Black Book. – Pp. 237–238, 245, 251. Другие символические убийства: немцы провели акцию 23 февраля 1942 года (День Красной армии) и убили еврейских женщин 8 марта 1942 года (в Международный женский день).

[3] Об обещанном параде см.: *Braithwaite R.* Moscow 1941. – P. 252.

празднования собственной победы. Он никогда не покидал город – ни во время начального наступления Операции «Барбаросса» в июне 1941 года, ни во время вторичного наступления Операции «Тайфун» в октябре. Забальзамированный труп Ленина вывезли из Кремля на сохранение, но Сталин оставался и правил. Ленинград был осажден, Минск и Киев взяты, но Москва защищалась под сталинским упорным командованием. 6 ноября Сталин обратился с речью к советскому народу. Сказав, что немцы называют свою кампанию «войной на уничтожение», он пообещал им то же самое. Один-единственный раз он назвал немцев убийцами евреев. Называя нацистский режим империей, готовой организовывать «погромы», он, однако, не сказал всей правды о происходившем массовом уничтожении. Минских евреев, которых забрали в Тучинку в советский праздник 7 ноября, расстреляли 9 ноября (в праздник национал-социалистов). Еще пять тысяч были расстреляны 20 ноября. Традиционные империи никогда ничего подобного с евреями не делали. За любой день второй половины 1941 года немцы расстреливали больше евреев, чем было убито во время погромов за всю историю Российской империи[4].

То, что немцы убивали евреев, никогда не должно было играть большой роли в советской версии войны. Со сталинской точки зрения, значение имело не уничтожение евреев, а возможности его политической интерпретации. То, что немцы идентифицировали евреев с коммунизмом, было не просто убеждением нацистов и предлогом для массового уничтожения, – это было пропагандистским оружием против Советского Союза. Если Советский Союз был всего лишь еврейской империей, то, конечно же, как говорили нацисты, у подавляющего большинства советских граждан не было причин ее защищать. Таким образом, в ноябре 1941 года Сталин готовил идеологическую и военную защиту Советского Союза. СССР не был государством евреев, как утверждали нацисты, – он был государством советских людей, первыми среди которых были русские. 7 ноября, когда евреи шли через Минск навстречу своей смерти, Сталин принимал военный парад в Москве. Чтобы поднять дух советских людей и показать немцам свою уверенность, он отозвал дивизии Красной армии с защитных позиций на западе от Москвы и заставил их маршировать по проспектам столицы. В своем обращении в тот день он призвал советских людей следовать примеру их «великих предков», упомянув шесть

[4] *Smilovitsky L.* Antisemitism in the Soviet Partisan Movement, 1941–1944: The Case of Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – № 20 (2). – Pp. 207–208; *Braithwaite R.* Moscow 1941. – P. 252.

дореволюционных военных героев – все они были русскими. В час отчаяния советский лидер взывал к русскому национализму[5].

Сталин и себя, и свой народ связывал с бывшей Российской империей, которую только днем ранее упомянул в связи с погромами евреев. Взывая к героям дореволюционной российской истории, генеральному секретарю Коммунистической партии Советского Союза довелось совершить сделку с их духами. Поместив русских в центр истории, он имплицитно редуцировал роль остальных советских народов, в том числе тех, кто пострадал от немецкой оккупации больше россиян. Если это была «Великая Отечественная война», как сказал близкий соратник Сталина, Вячеслав Молотов, в день вторжения Германии, то что же было отечеством? Россия или же Советский Союз? Если это была война по обороне России, то что делать с массовым уничтожением евреев немцами?

Гитлеровский публичный антисемитизм поставил Сталина (и остальных лидеров Альянса) перед глубокой дилеммой. Гитлер говорил, что члены Альянса сражаются за евреев, а следовательно, членам Альянса из страха, что их народы могут с этим согласиться, пришлось настаивать на том, что они борются за освобождение угнетенных народов (но не именно евреев). Сталинский ответ на гитлеровскую пропаганду сформировал историю Советского Союза на все время ее существования: все жертвы немецкой политики уничтожения были «советскими гражданами», но самой великой из советских наций были русские. Один из главных пропагандистов, Александр Щербаков, прояснил эту линию в январе 1942 года: «Русский народ – первый среди равных в семье советских народов – несет главный груз борьбы с немецкими оккупантами». К тому времени, как Щербаков произнес эти слова, немцы уничтожили миллион евреев на восток от линии Молотова-Риббентропа, в том числе сто девяносто тысяч в Беларуси[6].

Когда в минское гетто, где не было ни электричества, ни отопления, пришли холода, евреи назвали свой дом «мертвым городом». Зимой 1941–1942 года в Минске размещалось самое большое гетто на территории довоенного Советского Союза, где находилось приблизительно семьдесят тысяч евреев. Согласно последней советской переписи населения 1939 года, среди двухсот

[5] См.: *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. – Cambridge: Harvard University Press, 2002. – Pp. 118–119.

[6] Цит.: *Brandenberger D.* National Bolshevism. – P. 119.

тридцати девяти тысяч жителей города насчитывалось около семидесяти одной тысячи евреев. Некоторые из евреев-минчан бежали до прихода немцев в город в июне 1941 года, а тысячи других были расстреляны летом и осенью; с другой стороны, еврейское население города поглотило евреев, которые ранее прибыли как беженцы из Польши. Эти польские евреи сбежали от немецкого вторжения в Польшу в 1939 году, но уже не стали убегать дальше после того, как их догнали немецкие войска в 1941 году. Дорога для возможности бежать на восток была теперь закрыта. Раз советская власть исчезла с этих земель, больше не могло быть советских депортаций, которые, несмотря на всю свою смертоносность, сохранили польских евреев от немецких пуль. Больше не могло быть операций по спасению, организованных японским шпионом Сугихарой в Литве в 1940 году[7].

Минск был провинциальной столицей Генерального комиссариата Белой Рутении (так немцы называли Беларусь). Генеральный комиссариат составлял около четверти Советской Беларуси: восточная часть советской республики оставалась под военной администрацией, южная часть была добавлена к Рейхскомиссариату Украины, а Белосток аннексирован Рейхом. Вместе с тремя оккупированными странами Балтии Генеральный комиссариат Белой Рутении составлял Рейхскомиссариат Остланда. Беларусские евреи, независимо от того, подчинялись ли они этой гражданской оккупационной власти либо находились в военной оккупационной зоне на востоке, были в тылу операции «Тайфун». Когда Вермахт продвигался вперед, их убивали; когда он останавливался, некоторым из них на какое-то время продлевали жизнь. Неспособность немцев взять Москву в конце 1941 года спасла остававшихся в Минске евреев, по крайней мере, на какое-то время. Когда дивизии Красной армии, подкрепленной с Дальнего Востока, защищали советскую столицу, батальоны немецкой полиции порядка были отправлены на фронт. Это были те самые полицейские, которым иначе поручили бы расстрел евреев. Когда немецкое наступление остановилось в конце ноября, армия поняла, что сапог и шинелей, снятых с мертвых или пленных советских солдат, недостаточно, чтобы пережить приближающуюся холодную зиму. Еврейские рабочие в Минске должны были изготавливать их для армии, а значит, им нужно было сохранить жизнь до конца зимы[8].

---

[7] Цит. по: «Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft / Ed. by Projektgruppe Belarus. – Berlin: Assoziation A, 2003. – P. 90.

[8] Про сапоги, снятые с мертвых и пленных солдат, см.: Ich werde es nie vergessen. – Pp. 66, 188; *Merridale C.* Ivan’s War. – P. 138.

Поскольку Москва держалась, немцам пришлось отказаться от начальных планов на Минск: нельзя было заморить его голодом, его прилегающие территории нельзя было очистить от крестьян; некоторые евреи какое-то время должны пожить. Немцы укрепили свое доминирование в Минске, прогоняя колонны военнопленных через гетто и через город. В конце 1941 года, когда военнопленные должны были умереть от голода, некоторые из них спаслись бегством... в минское гетто. Гетто было более безопасным местом, чем лагеря военнопленных. За несколько последних месяцев 1941 года в близлежащих дулагах и шталагах умерло больше людей, чем в минском гетто. Огромный шталаг-352, наверное, самый смертоносный из лагерей для военнопленных, был комплексом загонов в Минске и вокруг него. В лагере на улице Широкой в центре города содержались и военнопленные, и евреи. Бывшее заведение НКВД в Тучинке теперь было немецкой тюрьмой и местом экзекуций[9].

Немецкая политика в оккупированном Минске воплощалась в дикий и непредсказуемый террор. Карнавализированный парад смерти 7 ноября 1941 года был только одним из серии убийственных инцидентов, внушавших евреям ужас и растерянность по поводу своей судьбы. Особым унижениям подвергались евреи, которые до войны были известными и уважаемыми людьми. Известного ученого заставляли стоять на коленях на Юбилейной площади в центре гетто, держа на спине футбольный мяч. Потом его застрелили. Немцы брали евреев как личных рабов для уборки в доме и стирки. Немецкий (австрийский) доктор Ирмфрид Эберль после командировки, во время которой травил газом инвалидов в Германии, написал своей жене, что ему не нужны были деньги в этом «раю». Когда Гиммлер посетил Минск, для него организовали показательную экзекуцию евреев, которую снимали на кинокамеру. Он, видимо, позже смотрел на экране на себя и на массовое уничтожение[10].

Особенно страдали еврейские женщины. Невзирая на законы против «расового загрязнения», некоторые немцы быстро пристрастились к изнасилованиям как прелюдии к убийству. По крайней мере, один из немцев проводил «конкурсы красоты» среди еврейских женщин, приводя их на кладбище, за-

[9] *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 768; *Epstein B*. The Minsk Ghetto. – P. 22; *Smolar H.* The Minsk Ghetto. – P. 15; Existiert das Ghetto noch. – P. 221.

[10] Об унижениях евреев см.: The Unknown Black Book. – P. 256; Черная книга. – P. 111. Про Эберля см.: *Grabher M.* Irmfried Eberl: «Euthanasie»-Arzt und Kommandant von Treblinka. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006. – P. 66. О видеофильме см.: *Longerich P.* Heinrich Himmler. – P. 552.

ставлял из раздеваться догола, а затем убивал. В гетто немецкие солдаты вынуждали еврейских девушек танцевать ночью голыми; утром оставались только их мертвые тела. Перла Агинская вспоминала о том, что увидела однажды осенним вечером 1941 года в темной квартире в минском гетто: «Маленькая комната, стол, кровать. Кровь текла по телу девушки из глубоких чернеющих ран на груди. Было ясно, что девушку изнасиловали и убили. Вокруг ее гениталий зияли пулевые ранения»[11].

[11] О «конкурсе красоты» см.: Черная книга. – P. 125; *Smolar H*. The Minsk Ghetto. – P. 22. Про вечер осенью 1941 года см.: *Smolar H*. The Minsk Ghetto. – P. 46. Цит.: The Unknown Black Book. – P. 244. В соседнем концлагере в Колдычево охранники последовательно насиловали и убивали женщин (см.: *Chiari B*. Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1998. – P. 192).

Насилие – это еще не уверенность, а террор – не превосходство. За первые девять месяцев оккупации, с лета 1941 года до ранней весны 1942 года, всплески убийств и изнасилований не навязали Минску полного доминирования немцев.

Минск был необычным городом, местом, чья социальная структура не увязывалась с нацистским мышлением и немецким опытом в оккупированной Польше. Здесь, в советском метрополисе, история евреев приняла иной оборот, чем в Польше. Двадцать лет социальных перспектив и политического принуждения сыграли свою роль. Городские евреи не были организованы в традиционные общины, поскольку советская власть разрушила еврейские религиозные и общинные институты в 1920-х и 1930-х годах. Младшее поколение евреев было очень ассимилировано, до такой меры, что у многих в советских документах в графе национальность стояло «беларус/ка» или «русский/ая». Это, видимо, имело для них небольшое значение до войны, но теперь, при немецкой власти, могло спасти им жизнь. У некоторых минских евреев были беларусские или русские друзья и коллеги, которые не разбирались в проблемах вероисповедания или же были безразличны к вопросам религии и национальности. Ярким примером отсутствия знаний о еврейском происхождении был Исай Казинец, который организовал коммунистическое подполье по всему Минску. Ни его друзья, ни его враги не знали, что он был евреем[12].

Советская власть привнесла своего рода толерантность и ассимиляцию ценой привычки к субординации и выполнению команд из Москвы. Политическая инициатива в сталинском Советском Союзе не приветствовалась. Любой, кто слишком рьяно поддерживал определенную ситуацию или даже политическую линию, рисковал жизнью, когда эта ситуация или линия менялись. Таким образом, советская власть в целом и Большой террор 1937–1938 годов в частности научили граждан не принимать спонтанных решений. Людей, выделившихся в Минске в 1930-е годы, НКВД расстрелял в Куропатах. Даже когда в Москве уже стало ясно, что советские граждане в Минске имеют свои причины сопротивляться немцам, коммунисты понимали, что этого будет недостаточно для защиты себя от будущих преследований, когда советская

[12] *Epstein B*. The Minsk Ghetto. – P. 42 и по тексту. О советских документах см.: *Chiari B*. Alltag hinter der Front. – P. 249.

власть вернется. Казинец и все местные коммунисты колебались насчет того, создавать ли какую-то новую организацию, зная, что сталинизм противится какой-либо спонтанной инициативе снизу. Предоставленные сами себе, они бы терпели Гитлера из страха перед Сталиным[13].

Чужак, польско-еврейский коммунист Герш Смоляр, помогал призывать минских коммунистов и евреев к действию. Любопытная комбинация его советского и польского опыта дала ему навыки (и, возможно, простодушие) продвижения вперед. Он провел начало 1920-х годов в Советском Союзе и говорил на русском, который был основным языком общения в Минске. После возвращения в Польшу, где Коммунистическая партия была нелегальной, он приспособился действовать в подполье и действовать против местных властей. Арестованный польской полицией и посаженный в тюрьму, он избежал сталинских массовых расстрелов, которые прокатились по Минску. Он сидел за решеткой во время Большого террора 1937–1938 годов, когда польских коммунистов пригласили в Советский Союз с целью их расстрелять. Выйдя из польской тюрьмы, когда Советский Союз напал на Польшу в сентябре 1939 года, Смоляр служил новому советскому режиму. Он убежал от немцев в июне 1941 года и пешком добрался до Минска.

После немецкой оккупации города он начал организацию гетто-подполья и убедил Казинца, что общее городское подполье тоже дозволено. Казинец хотел знать, кого Смоляр представляет; Смоляр же честно ответил, что старается не для кого-то, а только сам для себя. Такое отрицание, видимо, убедило Казинца в том, что Смоляр на самом деле работает под глубоким прикрытием по заданию Москвы. Оба нашли большое количество желающих присоединиться к конспираторам как внутри гетто, так и за его пределами; к ранней осени 1941 года и гетто, и город были пронизаны надежным коммунистическим подпольным движением[14].

Подполье разрушало органы немецкого контроля над еврейской жизнью – юденрат и еврейскую полицию. В оккупированном Советском Союзе, как и в оккупированной Польше, немецкая власть загоняла евреев в гетто, которыми руководил местный еврейский совет, обычно известный под немецким термином «юденрат». В городах оккупированной Польши юденрат, как правило, состоял из евреев, которые занимали определенное положение в довоенной

[13] *Epstein B*. The Minsk Ghetto. – P. 130.

[14] Existiert das Ghetto noch. – P. 228. О биографии Смоляра см.: Ankieta. – 10/08/1949, AAN, teczka osobowa 5344.

общине, часто из тех же людей, которые возглавляли еврейские общественные структуры, легальные в независимой Польше. В Минске подобная непрерывность еврейского лидерства была невозможной, поскольку советская власть разрушила еврейскую общинную жизнь. Немцам было непросто найти людей, которые бы представляли еврейскую элиту и которым было бы привычно идти на компромисс с местными властями. Кажется, они выбрали изначальный минский юденрат более-менее произвольно и сделали это плохо: все члены юденрата сотрудничали с подпольем[15].

В конце 1941-го и в начале 1942 года евреи, желавшие сбежать из гетто, могли рассчитывать на помощь юденрата. Еврейские полицейские располагались вдали от мест планировавшихся побегов. Поскольку минское гетто было огорожено только колючей проволокой, короткое отсутствие внимания полицейских позволяло людям убегать в лес, находившийся вблизи города. Очень маленьких детей передавали через колючую проволоку неевреям, которые соглашались их воспитать или же отдать в приют. Дети постарше выучили маршруты дорог для беглецов и служили проводниками от города к ближайшему лесу. Сима Фитерсон, одна из таких проводников, носила с собой мяч, и если она начинала им играть – это был сигнал опасности для тех, кто шел позади нее. Дети быстро адаптировались, но все равно подвергались ужасной опасности. Чтобы отпраздновать первое Рождество под немецкой оккупацией, Эрих фон дем Бах-Зелевски, высший руководитель СС и полиции, отослал семьям СС в Германии тысячи пар детских варежек и носков[16].

В отличие от евреев в других оккупированных немцами городах, минским евреям было куда бежать. В ближайшем лесу они могли попытаться найти советских партизан. Они знали, что немцы взяли бессчетное число военнопленных и что некоторые убежали в лес. Эти мужчины оставались в лесу, потому что знали: немцы их убьют или заморят голодом. В июле 1941 года Сталин призвал преданных коммунистов организовать партизанские отряды во вражеском тылу в надежде установить определенный контроль над этим

[15] *Cholawsky S.* The Judenrat in Minsk // Pattern of Jewish Leadership in Nazi Europe / Ed. by Gutman Y., Haft C.J. – Jerusalem: Yad Vashem, 1979. – Pp. 117–120; *Chiari B*. Alltag hinter der Front. – P. 240; *Smolar H*. The Minsk Ghetto. – P. 19.

[16] О сигналах опасности см.: *Smolar H*. The Minsk Ghetto. – P. 62. О еврейских полицейских см.: *Epstein B*. The Minsk Ghetto. – P. 125. Про перчатки и носки см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 680. О проводниках см.: *Smolar H*. The Minsk Ghetto. – P. 95; Existiert das Ghetto noch. – P. 164. Про мяч см.: *Epstein B*. The Minsk Ghetto. – P. 215.

спонтанным движением, прежде чем оно наберет силы. Централизация еще не была возможна; солдаты прятались в лесу, а коммунисты (если они не сбежали) изо всех сил старались скрыть от немцев свое прошлое[17].

Однако активисты минского подполья пытались поддерживать своих вооруженных товарищей. По крайней мере в одном случае члены гетто-подполья освободили офицера Красной армии из лагеря на улице Широкой; он стал важным партизанским командиром в ближайших лесах и в свою очередь спасал евреев. Еврейские рабочие на немецких заводах крали зимнюю одежду и обувь, предназначенную для немецких солдат группы армий «Центр», и передавали партизанам. Поразительно, но рабочие на ружейных заводах делали то же самое. Юденрат, от которого требовалось собирать регулярный «взнос» денег от еврейского населения гетто, передавал некоторую часть этих денег партизанам. Немцы позже сделают вывод, что гетто спонсировало все советское партизанское движение целиком. Это было преувеличение, вызванное стереотипными идеями о еврейском богатстве, но финансовая помощь из минского гетто действительно имела место[18].

Партизанская война была кошмаром для немецкого военного планирования, и немецких военных офицеров учили занимать жесткую позицию: их учили видеть в советских солдатах слуг коммунистических политофицеров, которые учили их сражаться как партизан на нелегальный «азиатский» манер. Партизанская война была (и есть) нелегальной, поскольку подрывает конвенцию, исходя из которой солдаты армий в военной униформе направляют насилие друг против друга, а не против окружающего населения. Теоретически, партизаны защищают гражданское население от вражеского оккупанта; на практике же они, как и оккупант, должны существовать за счет отобранного у гражданского населения. Поскольку партизаны скрываются среди гражданских лиц, они настраивают (а часто намереваются настроить) оккупанта против местного населения. Тогда карательные акции служат пропагандой для призыва в партизаны или не оставляют отдельным выжившим другого выхо-

---

[17] *Brakel A.* Das allergefährlichste ist die Wut der Bauern': Die Versorgung der Partisanen und ihr Verhältnis zur Zivilbevölkerung. Eine Fallstudie zum Gebiet Baranowicze 1941–1944 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2007. – № 4. – Pp. 400–401.

[18] Про финансирование см.: *Epstein B*. The Minsk Ghetto. – Pp. 96, 194.

да, кроме как уйти в лес. Поскольку немецких войск всегда было недостаточно и они всегда требовались на фронте, военные и гражданские власти еще больше боялись той дестабилизации, которую могли принести партизаны[19].

Беларусь, с ее лесами и болотами, была идеальной территорией для партизанской войны. Начальник штаба немецкой армии позже фантазировал об использовании атомного оружия для очистки заболоченной территории от населения. Эта технология, конечно же, не была доступной, но такая фантазия передает и беспощадность немецкого планирования, и страх, который вызывала трудная местность. Политика армии состояла в том, чтобы не допустить партизанской войны, нагнав «такого террора на население, чтобы оно утратило волю к сопротивлению». Бах-Залевски, высший руководитель СС и полиции, позже сказал, что конечным объяснением уничтожения гражданского населения в ходе антипартизанских операций было желание Гиммлера убить всех евреев и тридцать миллионов славян. Кажется, для немцев цена упреждающего террора была невысокой, поскольку все эти люди должны были все равно умереть (по «Плану голода» или «Генеральному плану “Ост”»). Гитлер, видевший в партизанской войне шанс разрушить потенциальную оппозицию, отреагировал энергично, когда в июле Сталин призвал местных коммунистов сопротивляться немцам. Даже до нападения на Советский Союз Гитлер уже освободил своих солдат от легальной ответственности за действия против гражданского населения. Теперь он хотел, чтобы солдаты и полицейские убивали любого, кто «даже смотрит на нас косо»[20].

Немцам не составляло труда контролировать партизанское движение в конце 1941 года, и они просто считали проводившееся массовое уничтожение евреев подходящим ответным ударом. В сентябре 1941 года под Могилевом состоялась

---

[19] *Klein P.* Zwischen den Fronten. Die Zivilbevölkerung Weißrusslands und der Krieg der Wehrmacht gegen die Partisanen // Wir sind die Herren dieses Landes. Ursachen Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion / Ed. by Quinkert B. – Hamburg: VSA Verlag, 2002. – P. 89. Также см.: *Hull I.* Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. – Ithaca: Cornell University Press, 2005; *Anderson T.* Incident at Baranivka: German Reprisals and the Soviet Partisan Movement in Ukraine, October–December 1941 // Journal of Modern History. – 1999. – № 71 (3). – Pp. 585–623; *Lagrou P.* La «Guerre Honorable» et une certaine idée de l’Occident. Mémoires de guerre, racisme et réconciliation après 1945 // Les Résistances, miroir des régimes d’oppression / Ed. by Marcot F., Musiedlak D. Allemagne, France, Italie, Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.

[20] Про Франца Гальдера и его фантазию об атомном оружии см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 558. О Гиммлере и 30 миллионах славян см.: [*Sawicki J.*]. Sburzenie Warszawy. – Katowice: Awir, 1946. – P. 284. Цит.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 228.

тематическая конференция, посвященная антипартизанской войне; ее центральным элементом стал расстрел тридцати двух евреев, из которых девятнадцать были женщины. Основная линия была такой: «Там, где партизаны, – там евреи, а где евреи – там партизаны». Объяснить, почему это так, было трудно. Антисемитские идеи насчет еврейской слабости и лицемерия сложились в своего рода объяснение: военные командующие вряд ли верили, что евреи действительно возьмутся за оружие, но часто считали, что за партизанскими действиями стоит еврейское население. Генерал Бехтольшайн, ответственный за безопасность в Минске и вокруг города, полагал, что если «акт саботажа совершен в селе и все евреи в этом селе уничтожены, то можно быть уверенным, что ликвидированы виновные или, по крайней мере, те, кто за ними стоял»[21].

В этой атмосфере, где партизаны были слабыми, а немецкие ответные удары – антисемитскими, большинство евреев Минского гетто не торопились бежать в лес. В Минске, несмотря на все ужасы, они, во всяком случае, были дома. Невзирая на регулярные массовые убийства, не менее половины минских евреев все еще были живы в начале 1942 года.

В 1942 году советское партизанское движение набрало новой силы в тот самый момент, когда судьба беларусских евреев была решена, и преимущественно именно по этой причине. В декабре 1941 года Гитлер, столкнувшись с «мировой войной», выразил желание, чтобы все евреи Европы были уничтожены. Продвижение Красной армии было одной из главных причин ослабления немецких позиций в Беларуси и гитлеровского открытого желания уничтожить всех евреев. Продвигающиеся советские войска даже смогли пробить брешь в немецкой линии фронта в начале 1942 года. «Суражские ворота», как называли расстояние между группой армий «Север» и группой армий «Центр», оставались открытыми в течение полугода. До сентября 1942 года советские власти могли посылать проверенных людей и вооружение для контроля и снабжения партизан, действовавших в Беларуси. Вследствие этого советские власти установили более-менее надежные каналы коммуникаций. В мае 1942 года в Москве был основан Центральный штаб партизанского движения[22].

---

[21] Цит.: *Birn R.B.* Two Kinds of Reality? – P. 286; Verbrechen der Wehrmacht. – P. 469. Также см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 566.

[22] *Szybeika Z.* Historia Białorusi. – P. 348; *Mironowicz E.* Białoruś. – P. 158; *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 232; *Klein P.* Zwischen den Fronten. – P. 90.

Гитлеровское четкое решение уничтожить всех евреев Европы подняло связь евреев с партизанами до некой абстракции: евреи поддерживают врагов Германии, а следовательно, должны быть превентивно уничтожены. Гиммлер и Гитлер отождествляли еврейскую угрозу с угрозой партизанской. Логика связи между евреями и партизанами была неопределенной и проблематичной, но ее значение для евреев Беларуси (которая находилась в самом сердце партизанской войны) была абсолютно ясной. В зоне военной оккупации, в тылу группы армий «Центр», уничтожение евреев началось в январе 1942 года. Айнзацкоманда рисовала звезду Давида на грузовиках как знак своей миссии по обнаружению и уничтожению евреев. Лидеры айнзацгруппы «В» решили ликвидировать всех евреев в зоне своей ответственности до 20 апреля 1942 года – ко дню рождения Гитлера[23].

Гражданские оккупационные власти в Минске также придерживались новой линии. Вильгельм Кубе, Генеральный комиссар Белой Рутении, встретился 19 января 1942 года с начальниками полиции. Все, казалось, приняли формулировку Кубе: хотя большое «колониально-политическое» задание Германии на Востоке требует уничтожения всех евреев, некоторых необходимо временно сохранить для принудительных работ. Операции по уничтожению в Минске начались в марте и были направлены против населения, которое оставалось в гетто в течение дня, когда рабочие бригады уходили из гетто на работу[24].

1 марта 1942 года немцы отдали распоряжение юденрату предоставить квоту в пять тысяч евреев к следующему дню. Гетто-подполье сказало юденрату не торговать еврейской кровью, что юденрат, видимо, и так не собирался делать. Некоторые из еврейских полицейских, вместо того, чтобы помогать немцам набрать квоту, предупреждали евреев, чтобы те прятались. Когда 2 марта квоту не предоставили, немцы расстреляли детей и зарезали всех воспитанников еврейского сиротского приюта. Они даже убили некоторых рабочих, возвращавшихся домой. Всего в тот день они уничтожили 3412 человек. Феликс Липский был одним из еврейских детей, которым удалось избежать резни. Его отца убили как польского шпиона во время сталинского Большого террора: он исчез, как тогда исчезали люди, – навсегда. Теперь мальчик видел лежащие в канавах трупы людей, которых он знал. Ему запомнились оттенки белого: кожа, белье, снег[25].

[23] *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 680, 686.

[24] Цит.: *Matthäus J.* Reibungslos und planmäßig. – P. 261.

[25] *Smolar H.* The Minsk Ghetto. – P. 72; *Cholawsky S.* The Judenrat in Minsk. – P. 125. Про 3412 убитых см.: *Matthäus J.* Reibungslos und planmäßig. – P. 262. О Липском см.: Existiert das Ghetto noch. – P. 158.

После провала операции в начале марта 1942 года немцы разбили минское подполье и ускорили темп массового уничтожения евреев. В конце марта и начале апреля 1942 года немцы арестовали и расстреляли 251 активиста подполья – как евреев, так и неевреев, в том числе начальника юденрата. (Казинец, организатор подполья, был казнен в июле). Примерно в это же время Рейнхард Гейдрих посетил Минск и, видимо, приказал строить фабрику смерти. СС приступили к работе над новым комплексом в Малом Тростянце за Минском. Начиная с мая 1942 года там будут уничтожены около сорока тысяч человек. Жены немецких офицеров вспоминали Малый Тростянец как хорошее место для конных прогулок, где к тому же можно было набрать меховых шуб (снятых перед расстрелом с еврейских женщин)[26].

Около десяти тысяч минских евреев были уничтожены за последние несколько дней июля 1942 года. В последний день месяца Юнита Вишнятская написала прощальное письмо своему отцу: «Прощаюсь с тобой перед смертью... Я так этой смерти боюсь, потому что малых детей бросают живыми в могилы. Прощайте навсегда. Целую тебя крепко, крепко»[27].

Это правда, что немцы иногда избегали расстреливать маленьких детей, вместо этого они сбрасывали их в ямы вместе с трупами, где те задыхались под землей. В их распоряжении было и другое средство убийства, позволяющее им не видеть конца юной жизни: газенвагены объезжали улицы Минска в поисках бездомных еврейских детей. Люди называли газенвагены так же, как и «воронки» НКВД во время Большого террора несколькими годами ранее, – душегубками[28].

Девочки и мальчики знали, что с ними произойдет, если их поймают. Они просили о капельке уважения к себе, когда поднимались по пандусу к своей смерти. «Дяденьки, – говорили они немцам, – не бейте. Мы сами влезем в машину»[29].

----

[26] *Cholawsky S.* The Judenrat in Minsk. – P. 123; *Epstein B*. The Minsk Ghetto. – P. 133. О Гейдрихе см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 694. Про шубы см.: *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution. – P. 300.

[27] Про вышеуказанное число см.: *Smolar H.* The Minsk Ghetto. – P. 98. Цит.: Черная книга. – P. 175. Также см.: *Cholawsky S.* The Judenrat in Minsk. – P. 126; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 704.

[28] О газенвагенах см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 1075; The Unknown Black Book. – Pp. 245, 248, 266–267. О «душегубках» см.: Existiert das Ghetto noch. – P. 162.

[29] The Unknown Black Book. – P. 246. Также см.: Черная книга. – P. 125.

К весне 1942 года евреи Минска считали лес менее опасным, чем гетто. Герш Смоляр и сам был вынужден уйти из гетто в партизаны. Из приблизительно десяти тысяч минских евреев, которые добрались до советских партизанских соединений, возможно, половина пережила войну. Смоляр был в числе выживших. Однако партизаны совсем не обязательно тепло встречали евреев. Партизанские соединения предназначались для разгрома немецкой оккупации, а не для того, чтобы помочь гражданскому населению пережить ее. Евреев, у которых не было оружия, часто отправляли назад, так же как женщин и детей. Даже вооруженных еврейских мужчин иногда отвергали, а в некоторых случаях даже убивали ради их оружия. Партизанские командиры боялись, что евреи из гетто – немецкие шпионы; обвинение это не было таким уж абсурдным, как может показаться на первый взгляд: немцы хватали жен и детей, а затем приказывали еврейским мужьям, чтобы те, если хотят снова увидеть свои семьи, шли в лес и возвращались с информацией[30].

Положение евреев в лесах потихоньку улучшалось в течение 1942 года, когда они стали формировать свои собственные отряды, которые Центральный штаб партизанского движения в конце концов санкционировал. Израиль Лапидус сформировал отряд из полусотни мужчин. Отряд №106 Шолома Зорина насчитывал в десять раз больше бойцов и совершал набеги на Минское гетто, чтобы спасти евреев. В отдельных случаях советские партизанские соединения проводили отвлекающие маневры, позволяющие евреям сбежать из гетто. В одном случае партизаны атаковали немецкий отряд, направляющийся ликвидировать гетто. Освальд Руфейшен, еврей, работавший переводчиком для немецкой полиции в городке Мир, пронес в это гетто оружие и предупредил обитателей о том, на когда назначена ликвидация[31].

Тувия Бельский, тоже еврей, спас, наверное, больше евреев, чем любой другой партизанский командир. Его особым даром было понимание опасности партизанской войны между Сталиным и Гитлером. Бельский был родом из Западной Беларуси, то есть из той части северо-восточной Польши, которую сначала СССР аннексировал в 1939 году, а затем немцы отобрали в 1941 году.

[30] *Smolar H.* The Minsk Ghetto. – P. 158; Existiert das Ghetto noch. – P. 231; *Brakel A.* Das allergefährlichste ist die Wut der Bauern'. – Pp. 400 – 401. О женщинах и детях см.: *Smilovitsky L.* Antisemitism in the Soviet Partisan Movement. – P. 218.

[31] О Зорине см.: *Slepyan K.* Stalin's Guerillas: Soviet Partisans in World War II. – Lawrence: University of Kansas Press, 2006. – P. 209; *Epstein B*. The Minsk Ghetto. – P. 24. Про захват см.: Черная книга. – P. 143. О Руфейшене см.: *Matthäus J.* Reibungslos und planmäßig. – P. 254.

Он служил в Польской армии, а значит, имел некоторую военную подготовку. Он и его семья хорошо знали леса, наверное, потому, что занимались мелкой контрабандой. Однако его тактическое чутье не ограничивалось каким-то определенным опытом. С одной стороны, своей целью он считал спасение евреев, а не уничтожение немцев. Вместе со своими бойцами он старался избегать сражений. «Не спешите сражаться и умирать, – говорил он, – нас осталось так мало, мы должны беречь жизни. Сохранить еврея гораздо важнее, чем убивать немцев». С другой стороны, он умел работать с советскими партизанами, когда те появлялись, даже если их заданием было как раз уничтожение немцев. Хотя его передвижной лагерь в основном состоял из женщин и детей, он сумел добиться признания советскими властями своего статуса как партизанского командира. Освобождая (а не оказывая сопротивление), Бельский спас жизни более тысячи человек[32].

Бельский был аномалией внутри советского партизанского движения, которое разрасталось и все больше подчинялось Москве. В самом начале 1942 года в Беларуси (по советским подсчетам) было примерно двадцать три тысячи партизан; их число, наверное, удвоилось к тому времени, когда в мае был создан Центральный штаб, а потом еще раз удвоилось к концу года. Если партизаны в 1941 году еле могли прокормить себя, то в 1942 году они уже добивались определенных целей военного и политического значения. Они минировали и разрушали железнодорожные пути и поезда. Они должны были не давать продовольствия немцам и уничтожать немецкую администрацию. На практике же самым безопасным методом борьбы с немецкой оккупационной структурой было убийство безоружных членов гражданской администрации: глав небольших городков, учителей школ, землевладельцев и членов их семей. Это была не крайность, а официальная политика советского партизанского движения до ноября 1942 года. Партизаны пытались заполучить полный контроль над территориями, которые они называли «партизанскими республиками»[33].

---

[32] *Tec N.* Defiance: The Bielski Partisans. – New York: Oxford University Press, 1993. – Pp. 80 (цитата), 82, 145, 185; *Slepyan K.* Stalin's Guerillas. – P. 210; *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – Pp. 185, 201–202.

[33] Про 23 тысячи партизан и «партизанские республики» см.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 231. О гражданских см.: *Brakel A.* Unter Rotem Stern und Hakenkruz. – Pp. 290, 304; *Szybeika Z.* Historia Białorusi. – P. 349; *Slepyan K.* Stalin's Guerillas. – P. 91; *Mironowicz E.* Białoruś. – P. 160. О локомотивах см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 868.

Партизанские операции, насколько бы эффективными они иногда ни оказывались, принесли неизбежную деструкцию беларусскому гражданскому населению – как еврейскому, так и нееврейскому. Когда советские партизаны не позволяли крестьянам давать продовольствие немцам, они гарантировали этим, что немцы убьют крестьян. Крестьянину сначала угрожали советским оружием, а затем убивали из оружия немецкого. Когда немцы считали, что потеряли контроль над какой-то деревней, они попросту сжигали дома и поля. Если они не могли гарантированно забрать зерно, то делали так, чтобы урожай не достался и советским властям. Когда советские партизаны подрывали поезда, они фактически гарантированно обеспечивали смерть населения, живущего возле пункта диверсии. Когда советские партизаны закладывали мины, они знали, что на некоторых из них подорвутся советские граждане. Немцы разминировали поля, заставляя местное население, беларусов и евреев, идти по ним, взявшись за руки. В целом, такие потери человеческих жизней мало заботили советское руководство. Люди, которые гибли, находились под немецкой оккупацией, а значит, были под подозрением и представляли даже меньшую ценность, чем среднестатистические советские граждане. Немецкие карательные действия также обеспечивали пополнение партизанских рядов, так как у выживших часто не было крыши над головой, средств к существованию и не оставалось никого из родных[34].

Советское руководство не особенно волновала судьба евреев. После ноября 1941 года Сталин больше никогда не говорил о евреях как о жертвах Гитлера. Некоторые партизанские командиры пытались защищать евреев, но СССР (как, впрочем, и США, и Британия), кажется, не планировали всерьез прямой военной операции по спасению евреев. Логика советской системы всегда состояла в том, чтобы противиться независимым инициативам и очень дешево ценить человеческую жизнь. В качестве подневольной рабочей силы евреи из гетто пособничали немецким военным действиям, поэтому их смерть в расстрельных ямах мало кого заботила в Москве. Евреи, которые не пособничали, а мешали немцам, демонстрировали признаки опасной способности к инициативе и позже могли сопротивляться возвращению советской власти. Согласно сталинской логике, евреи были неблагонадежными в любом случае – оставались ли они в гетто и работали на немцев либо же бежали из

[34] *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – Pp. 189, 202; *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 238; *Ingrao C.* Les chasseurs noirs: La brigade Dirlewanger. – Paris: Perrin, 2006. – P. 131; Verbrechen der Wehrmacht. – P. 495.

гетто и демонстрировали способность к самостоятельности. Предыдущие колебания минских коммунистов оказались оправданными: Центральный штаб партизанского движения в Москве рассматривал их организацию сопротивления как фронт Гестапо. Люди, спасавшие минских евреев и помогавшие советским партизанам, получили ярлык пособников Гитлера[35].

Евреи-мужчины, которые ушли в партизаны, «уже чувствовали себя освобожденными», как вспоминал Лев Кравец. Еврейским женщинам обычно было труднее. В партизанских отрядах женщин и девушек называли «шлюхами», и женщинам обычно не оставалось ничего другого, как искать себе покровителя. Видимо, именно это имела в виду Роза Герасимова, которая выжила в партизанском отряде, вспоминая, что «жизнь вообще-то была невыносимой, но партизаны спасли меня». Некоторые партизанские командиры (как евреи, так и неевреи) старались защитить «семейный лагерь», состоявший из женщин, детей и стариков. Дети, которым повезло быть в семейном лагере, играли в своеобразные прятки: в этой игре немцы охотились за евреями, которых охраняли партизаны. Так оно и было, однако, хотя партизаны и спасли около тридцати тысяч евреев, сложно судить, провоцировали ли их действия уничтожение евреев либо же предотвращали его. Партизанская война во вражеском тылу отвлекала силы немецкой полиции и войск от фронта вглубь территории, где полицейским и солдатам почти всегда было легче убивать евреев, чем охотиться на партизан и сражаться с ними[36].

Во второй половине 1942 года немецкие антипартизанские операции нельзя было отличить от массового уничтожения евреев. Гитлер приказал 18 августа 1942 года, чтобы партизан в Беларуси «уничтожили» до конца года. Было понятно, что евреев надо убить к этой же дате. Эвфемизм «особое обращение», означавшее «расстрел», появляется в рапортах, касающихся как евреев, так и беларусских гражданских лиц. Логика обоих предприятий была круговой, но тем не менее убедительной: евреев сначала надо было убивать «как партизан» в 1941 году, когда еще не было по-настоящему грозных партизанских формирований; затем, в 1942 году, когда такие формирования уже существовали, крестьян, которые были с ними связаны, нужно было убивать, «как и евреев».

---

[35] *Slepyan K.* Stalin's Guerillas. – Pp. 17, 42.

[36] Кравец и Герасимова процитированы в Existiert das Ghetto noch. – Pp. 47, 126. Об использовании слова «шлюха» как стандартного обращения см.: *Chiari B*. Alltag hinter der Front. – P. 256. Об игре в «прятки» см.: Existiert das Ghetto noch. – P. 164.

Знак равенства между евреями и партизанами подчеркивался снова и снова, в направленном сверху вниз цикле риторики, которая могла завершиться только тогда, когда исчезли бы обе эти группы людей[37].

К середине 1942 года число евреев быстро уменьшалось, а число партизан – быстро увеличивалось. Это не изменило нацистский способ мышления, разве что методы обращения с беларусским гражданским населением стали еще более похожи на методы обращения с евреями. Раз с партизанами стало труднее справляться, поскольку они стали слишком сильны, а с евреями – поскольку их стало слишком мало, немцы подвергали нееврейское население Беларуси все более чрезвычайным волнам убийств. С точки зрения немецкой полиции, «окончательное решение» и антипартизанские кампании слились воедино.

Взять хотя бы такой пример: 22 и 23 сентября 1942 года батальон-310 Полиции порядка был отправлен уничтожить три деревни якобы за связь с партизанами. В первой деревне, Борки, полиция схватила все население, вывела мужчин, женщин и детей за село на семьсот метров, а затем раздала лопаты, чтобы люди копали собственные могилы. Полицейские расстреливали беларусских крестьян без перерыва с 9 утра до 6 вечера, убив двести трех мужчин, триста семьдесят две женщины и сто тридцать детей. Полиция порядка оставила в живых сто четыре человека, которых посчитала «надежными», хотя тяжело представить, как они могли оставаться таковыми после увиденного. Батальон дошел до следующей деревни, Заблойце, в 2 часа ночи и окружил ее в 5:30 утра. Полицейские согнали всех жителей в здание школы, а затем расстреляли двести восемьдесят четыре человека – мужчин, женщин и детей. В третьей деревне, Борисовке, батальон рапортовал о расстреле ста шестидесяти девяти мужчин, женщин и детей. Через четыре недели батальону было приказано ликвидировать евреев в рабочем лагере. Когда 21 октября они убили четыреста шестьдесят одного еврея, они использовали очень похожие методы, с одной только разницей – не было необходимости застать жертв врасплох, поскольку те уже находились в лагере под охраной[38].

---

[37] Про 18 августа см.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 232; *Westermann E.B.* «Ordinary Men» or «Ideological Soldiers»? – P. 57. О «специальном обращении» см.: *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – P. 145. О том, что крестьян нужно уничтожать, «как и евреев», см.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 239.

[38] *Westermann E.B.* «Ordinary Men» or «Ideological Soldiers»? – Pp. 53, 54, 60; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 705, 919.

Несмотря на новые наступления, «война» против евреев была единственной, которую немцы выиграли в 1942 году. Группа армий «Север» продолжала осаду Ленинграда. Группа армий «Центр» не продвинулась к Москве. Группа армий «Юг» должна была занять реку Волгу и захватить нефтяные запасы Кавказа; некоторые ее части дошли до Волги в августе 1942 года, но не смогли взять Сталинград. Немецкие войска прошлись по югу России на Кавказ, но не смогли к зиме взять контроль над этой стратегической местностью. Это было последнее крупномасштабное наступление немцев на Восточном фронте. К концу 1942 года немцы уничтожили по крайней мере 208 089 евреев Беларуси. Уничтожение еврейского населения, однако, не остановило Красную армию и даже не замедлило действия партизан[39].

Испытывая нехватку персонала в тылу и необходимость держать войска на фронте, немцы попытались осенью 1942 года сделать антипартизанскую войну более эффективной. Гиммлер назвал Баха, местного высшего руководителя СС и полиции, начальником антипартизанской войны на территориях под гражданскими властями. На практике же ответственность пала на его заместителя, Курта фон Готтберга, пьяницу, чью карьеру в СС спас Гиммлер. Готтберг не получил никаких боевых ранений, но потерял часть ноги (а также должность в СС), врезавшись на автомобиле в дерево. Гиммлер заплатил за протез ноги и восстановил Готтберга в его прежней должности. Назначение в Беларусь было шансом доказать свое мужество, и он за него ухватился. После всего одного месяца полицейской подготовки он сформировал собственную Боевую группу, которая активно действовала с ноября 1942-го по ноябрь 1943 года. За первые пять месяцев кампании люди из Боевой группы рапортовали об уничтожении 9432 «партизан», 12 946 «подозреваемых партизан» и около 11 000 евреев. Иными словами, Боевая группа в среднем расстреливала в день по двести человек, почти все из которых были гражданскими[40].

Соединением, совершившим злодеяний больше, чем все остальные, была Зондеркоманда СС «Дирлевангер», прибывшая в Беларусь в феврале 1942 года. В Беларуси и на всех театрах Второй мировой войны мало кто мог соперни-

[39] О подсчете убитых 208 089 евреев в Беларуси в 1942 году см.: *Brandon R.* The Holocaust in 1942. – Unpublished manuscript, 2009. Эта цифра не учитывает Белостоцкую область, которая была частью БССР в 1939–1941 годах, но не после окончания войны.

[40] Про Готтберга см.: *Klein P.* Curt von Gottberg – Siedlungsfanktionär und Massenmörder // Karrieren der Gewalt: Nationalsozialistische Täterbiographien / Ed. by Mallmannn K.-M. – Darmstadt: Wissenschftliche Buchgesellschaft, 2004. – Pp. 95–99. Про Баха и вышеуказанные цифры см.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – Pp. 233, 239.

чать по жестокости с Оскаром Дирлевангером. Алкоголик и наркозависимый, он был склонен к жестокости. После Первой мировой войны он повоевал в немецком правом народном ополчении и провел начало 1920-х годов, подвергая коммунистов пыткам, а также был занят написанием докторской диссертации на тему плановой экономики. Он вступил в нацистскую партию в 1923 году, но поставил под угрозу свое политическое будущее автоавариями и связью с несовершеннолетней. В марте 1940 года Гиммлер назначил его ответственным за специальную «Браконьерскую бригаду» – соединение, состоящее из преступников, осужденных за охоту на территории чужой частной собственности. Некоторые нацистские лидеры романтизировали таких людей, считая их чистыми примитивными немецкими типажами, восстающими против тирании закона. Охотников сначала послали в Люблин, где соединение было подкреплено другими преступниками, в том числе убийцами и сумасшедшими. В Беларуси Дирлевангер и его охотники сражались с партизанами. Однако чаще они убивали гражданских, чьи деревни оказались на их пути. Любимый метод уничтожения Дирлевангера состоял в том, чтобы согнать местное население в хлев, поджечь его, а затем расстреливать из автоматов всех, кто пытался бежать. Спецкоманда СС Дирлевангера убила по крайней мере тридцать тысяч гражданских за время своей службы в Беларуси[41].

Соединение Дирлевангера было одним из нескольких формирований Ваффен-СС и Полиции порядка, направленных в Беларусь на подкрепление потрепанной регулярной армии. К концу 1942 года немецкие солдаты ужасно устали: они осознавали свое поражение, были освобождены от обычных легальных обязательств по отношению к гражданскому населению и получили приказ вести себя с партизанами предельно жестоко. Получив задание бороться с партизанским движением, солдаты столкнулись со страхом, вызванным тем, что им приходилось воевать с врагом, который мог появиться и исчезнуть в любое время и знал местность так, как они знать ее не могли. Войска Вермахта не сотрудничали с полицией и СС, чьим главным заданием уже продолжительное время было массовое уничтожение гражданского населения и прежде всего евреев. Все знали, что

---

[41] *Stang K.* Dr. Oskar Dirlewanger – Protagonist der Terrorkriegsführung // Karrieren der Gewalt: Nationalsozialistische Täterbiographien / Ed. by Mallmann K.-M. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. – Pp. 66–70; *Ingrao C.* Les chasseurs noirs. – Pp. 20–21 (про «по крайней мере тридцать тысяч гражданских» указано на страницах 26 и 132); *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 958; *MacLean F.* The Cruel Hunters: SS-Sonderkommando Dirlewanger: Hitler's Most Notorious Anti-Partisan Unit. – Atglen: Schiffer Military History, 1998. – Pp. 28, 133.

они должны уничтожить партизан. В этих условиях гражданское население было обречено на очень высокую смертность вне зависимости от особенностей немецкой тактики.

Главные немецкие операции, начиная с середины 1942 года, известные как «Большие операции», на самом деле *имели своей целью* убивать беларусское мирное население, а также беларусских евреев. Не в силах победить партизан как таковых, немцы убивали людей, которые могли помогать борьбе. Соединениям назначали ежедневную квоту, которую они обычно выполняли, окружая села и расстреливая большую часть населения или же все население целиком. Они расстреливали людей над ямами, или, как Дирлевангер и те, кто следовал его примеру, сжигали их в сараях, либо обрекали на смерть, заставляя прочесывать минные поля. Осенью 1942-го и в начале 1943 года немцы уничтожили гетто и целые села, сотрудничавшие с партизанами. Во время операции «Болотная лихорадка» в сентябре 1942 года бригада Дирлевангера убила 8350 евреев, которые все еще оставались в гетто в Барановичах, а затем 389 «бандитов» и 1274 «подозреваемых бандитов». Эти атаки возглавил Фридрих Еккельн, высший руководитель СС и начальник полиции Рейхскомиссариата Остланд, тот самый, который организовал массовые расстрелы евреев в Каменец-Подольском в Украине и ликвидацию рижского гетто в Латвии. Операция «Горнунг» в феврале 1943 года началась с ликвидации гетто в Слуцке, то есть с расстрела около 3300 евреев. К юго-западу от Слуцка немцы уничтожили еще около девяти тысяч человек[42].

К началу 1943 года жители Беларуси, особенно молодые мужчины, оказались в эпицентре смертельного соперничества между немецкими силами и советскими партизанами, что сводило к абсурду идеологию обеих сторон. Немцы, не имея достаточно людей, набирали местных мужчин в полицию (а во второй половине 1942 года – в «самооборону»). Многие из этих людей до войны были коммунистами. Партизаны, в свою очередь, начали в 1943 году набирать беларусских полицейских, находящихся на немецкой службе, поскольку

[42] О квотах на убийство см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 890. Об операции «Болотная лихорадка» см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – Pp. 911–913, 930; Einsatz im «Reichskommissariat Ostland»: Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944 / Ed. by Benz W., Kwiet K., Matthäus J. – Berlin: Metropol, 1998. – P. 239; *Matthäus J.* Reibungslos und planmäßig. – P. 267; *Ingrao C.* Les chasseurs noirs. – P. 34. Про Еккельна см.: *Brakel A.* Unter Rotem Stern und Hakenkruz. – P. 295. Об операции «Горнунг» см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 946; *Klein P.* Curt von Gottberg. – P. 100.

эти мужчины, по крайней мере, имели какое-то оружие и подготовку[43].

То, где беларусы предпочитали сражаться, если у них был выбор, было обусловлено поражением Вермахта на полях сражений, а не местными политическими либо идеологическими обязательствами. Летнее наступление группы армий «Юг» провалилось, а вся Шестая армия была разгромлена в Сталинградской битве. Когда новость о поражении Вермахта достигла Беларуси в феврале 1943 года, целых двенадцать тысяч полицейских и ополченцев ушли с немецкой службы к советским партизанам. Согласно одному рапорту, только за один день 23 февраля так поступили восемьсот человек. Это означало, что некоторые беларусы, убивавшие евреев на службе у нацистов в 1941-м и 1942 годах, стали советскими партизанами в 1943 году. Более того, люди, набиравшие этих беларусских полицейских (комиссары из числа партизан), были иногда евреями, которые избежали смерти от рук беларусских полицаев, сбежав из гетто. Евреи, пытавшиеся пережить Холокост, принимали к себе тех, чьими руками он проводился[44].

Только у евреев (или, скорее, у тех немногих из них, кто оставался в Беларуси в 1943 году) была четкая причина держаться одной, а не другой стороны. Поскольку они были очевидными и провозглашенными врагами немцев в этой войне, а немецкая враждебность означала их уничтожение, то имели все основания присоединиться к коммунистам, несмотря на опасности партизанской жизни. Для беларусов (как и для русских, а также поляков) риск был более сбалансирован, но возможность невмешательства продолжала уменьшаться. Для беларусов, которые боролись и гибли на той или иной стороне, это часто был вопрос шанса, вопрос того, кто был в селе, когда советские партизаны или немецкие полицейские пришли набирать в свои ряды пополнение, что часто попросту состояло в насильственном принуждении молодых парней. Поскольку обе стороны знали, что их членство в этих структурах преимущественно является случайностью, они подвергали новичков гротескным проверкам на верность – таким, как убийство друзей или членов семьи, которые были взяты в плен, сражаясь за другую сторону. Поскольку все больше и больше беларусского населения оказывалось в партизанах либо в рядах полиции или военн-

---

[43] *Brakel A.* Unter Rotem Stern und Hakenkruz. – P. 304; *Smilovitsky L.* Antisemitism in the Soviet Partisan Movement. – P. 220. О довоенных коммунистах см.: *Rein L.* Local Collaboration in the Execution of the «Final Solution» in Nazi-Occupied Belarussia. – P. 394.

[44] Про 800 полицейских и ополченцев см.: *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – P. 266. Про 12 тысяч см.: *Mironowicz E.* Białoruś. – P. 160. Также см.: *Slepyan K.* Stalin's Guerillas. – P. 209.

ФИНЛЯНДИЯ
ШВЕЦИЯ
Хельсинки
Балтийское море
озеро Ладога
Финская армия
Ленинград
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
Таллин
Тихвин
ВОЛХОВСКИЙ
Новгород
xxxxx
ГРУППА АРМИЙ «СЕВЕР»
КЮХЛЕР
Демьянск
Рига
Холм
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ
Волга
Калинин
РЕЙХСКОМИССАРИАТ ОСТЛАНД
Великие Луки
Ржев
Невель
Двина
КАЛИНИНСКИЙ
Москва
Каунас
Вильнюс
Ока
Смоленск
ГЕРМАНИЯ
Рязань
xxxxx
ГРУППА АРМИЙ «ЦЕНТР»
КЛЮГЕ
Минск
ЗАПАДНЫЙ
Варшава
Брянск
Брест
Орел
БЕЛОРУССКИЙ
СССР
Пинск
Припять
Гомель
Люблин
Полесские болота
Курск
Воронеж
Чернигов
ВОРОНЕЖСКИЙ
Луцк
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
Ровно
Львов
Житомир
Киев
Белгород
Днестр
СТЕПНОЙ
Харьков
Днепр
Дон
Винница
Изюм
xxxxx
ГРУППА АРМИЙ «ЮГ»
МАНШТЕЙН
ЮГО-ЗАПАДНЫЙ
ВЕНГРИЯ
Днепропетровск
ЮЖНЫЙ
Сталино
РЕЙХСКОМИССАРИАТ УКРАИНА
Дон
Кишинев
Николаев
Таганрог
Ростов
Мариуполь
Мелитополь
Одесса
Азовское море
xxxxx
ГРУППА АРМИЙ «А»
КЛЕЙСТ
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
РУМЫНИЯ
Крым
Керчь
Бухарест
Севастополь
Дунай
Новороссийск
София
Черное море
БОЛГАРИЯ
ГРЕЦИЯ
Стамбул
ТУРЦИЯ
ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ
в начале 1943 г.
Советское наступление в 1943 г.

зированных соединений, спешно организованных немцами, то такие события просто проясняли сущность ситуации: беларусское общество было расколото сторонними силами[45].

В Беларуси, как и повсюду, местную немецкую политику обуславливали общие экономические соображения. В 1943 году немцев больше волновала нехватка рабочей силы и продовольствия, поэтому политика в Беларуси изменилась. По мере продолжения войны против Советского Союза и огромных потерь Вермахта месяц за месяцем приходилось забирать немецких мужчин с ферм и заводов и посылать на фронт. Этих людей потом нужно было заменить другими, чтобы немецкая экономика продолжала функционировать. Герман Геринг издал экстраординарную директиву в октябре 1942 года: беларусских мужчин в подозреваемых селах нужно было не расстреливать, а посылать на принудительные работы в Германию. Людей, которые были в состоянии работать, следовало «отбирать» для работы, вместо того чтобы убивать их, даже если они взяли в руки оружие против Германии. Теперь, видимо, рассуждал Геринг, их труд – это все, что они могут предложить Рейху, и он ценнее их смерти. Поскольку советские партизаны контролировали все больше беларусской территории, то в любом случае все меньше продовольствия доходило до Германии. Если беларусские крестьяне не могли работать на Германию в Беларуси, тогда лучше заставить их работать в Германии. Это была зловещая жатва. Гитлер четко дал понять в декабре 1942 года то, что подразумевал Геринг: женщины и дети, считавшиеся менее полезными работниками, должны быть расстреляны[46].

Это был особенно показательный пример немецкой кампании по сбору принудительной рабочей силы на Востоке, который начался с поляков Генерал-губернаторства и распространился по Украине, прежде чем достичь своего кровавого апогея в Беларуси. К концу войны в Рейхе работали около восьми миллионов иностранцев с Востока, и большинство из них были славяне. Это был довольно извращенный результат даже по стандартам нацистского расизма: немецкие мужчины поехали за границу и убивали миллионы и миллионы «недочеловеков» только затем, чтобы импортировать миллионы других «недочеловеков» в Германию для выполнения той работы, которую немецкие

---

[45] *Szybeika Z.* Historia Białorusi. – Pp. 345, 352; *Mironowicz E.* Białoruś. – P. 159.

[46] Про октябрь 1942 года см.: *Nolte H.-H.* Partisan War in Belorussia, 1941–1944 // A World at Total War: Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945 / Ed. by Chickering R., Förster S., Greiner B. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 274.

мужчины сами бы делали, если бы не были за границей заняты уничтожением «недочеловеков». Конечным результатом (если не учитывать массовые убийства за рубежом) было то, что Германия стала землей наиболее славянской за всю свою историю. (Извращенность достигнет своего апогея в первые месяцы 1945 года, когда выживших евреев посылали в трудовые лагеря в самой Германии. Уничтожив 5,4 миллиона евреев как расовых врагов, немцы затем привезли выживших евреев домой выполнять работу, которую убийцы сами бы выполняли, если бы не были заняты убийствами за границей).

Согласно новой политике, немецкие полицейские и солдаты должны были убивать беларусских женщин и детей, чтобы использовать их мужей, отцов и братьев как рабсилу. Антипартизанские операции весной и летом 1943 года были, таким образом, кампаниями порабощения, а не типичной войной. Однако поскольку охоте на рабов и связанному с ней массовому уничтожению иногда противостояли советские партизаны, то немцы несли потери. В мае и июне 1943 года в ходе выполнения операций «Вольный стрелок» и «Цыганский барон» (операции получили названия по одноименной опере и оперетте) немцы стремились обеспечить безопасность железной дороги в районе Минска, а также набрать работников для Германии. Они докладывали об уничтожении 3152 «партизан» и отправке 15 801 работника. Однако их собственные потери составили 294 человека – абсурдно малое соотношение 1:10, если допустить (ошибочно), что убитые партизаны были действительно партизанами, а не, как это обычно бывало, гражданским населением, – но все равно значительное число[47].

В мае 1943 года в ходе операции «Котбус» немцы намеревались зачистить всех партизан на территории около 140 км к северу от Минска. Их силы уничтожали село за селом, сгоняли население в сараи и сжигали дотла. На следующий день местных свиней и собак, у которых теперь не было хозяев, видели в селе со сгоревшими человеческими конечностями в зубах. По официальным данным, 6087 человек были мертвы, но одна только бригада Дирлевангера доложила об уничтожении в ходе операции четырнадцати тысяч человек. Большинство убитых составляли женщины и дети; около шести тысяч мужчин были отправлены в Германию как рабсила[48].

---

[47] *Klein P.* Zwischen den Fronten. – P. 100.

[48] Про операцию «Котбус» см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 948; *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. – P. 293; *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – P. 195; Verbrechen. – P. 492. Про свиней см.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 241.

Операция «Герман» (в честь Германа Геринга) достигла апогея этой экономической логики летом 1943 года. С 13 июля по 11 августа немецкие боевые группы должны были выбрать территорию, уничтожить всех ее обитателей, кроме мужчин, которые будут хорошими работниками, забрать все движимое имущество, а все остальное – сжечь. После отбора работников среди местного беларусского и польского населения беларусских и польских женщин, детей и стариков расстреляли. Эта операция проводилась в Западной Беларуси – на земле, в которую вторгся Советский Союз и аннексировал ее у Польши еще в 1939 году, до немецкого вторжения 1941 года[49].

В этих лесах были и польские партизаны, которые полагали, что эти земли должны быть возвращены Польше. Таким образом, немецкие антипартизанские операции были направлены против как советских партизан (представлявших власть, правившую в 1939–1941 годах), так и польского подполья (боровшегося за независимость Польши и территориальную целостность в рамках границ 1918–1939 годов). Польские силы были частью Польской Армии Крайовой, которая подчинялась Польскому правительству в изгнании, находившемуся в Лондоне. Польша была одной из стран Альянса, а следовательно, в принципе, польские и советские силы совместно боролись против немцев. Однако поскольку и Советский Союз, и Польша претендовали на эти земли Советской Беларуси (с точки зрения СССР) или же северо-восточной Польши (с точки зрения Польши), то на практике дела обстояли не так просто. Польские бойцы оказались в ловушке между силами СССР и Германии. Польское гражданское население истреблялось советскими партизанами, если польские силы не подчинялись Москве. Например, в деревне Налибоки 8 мая 1943 года советские партизаны расстреляли сто двадцать семь поляков[50].

Офицеры Красной армии пригласили офицеров Армии Крайовой на переговоры летом 1943 года, а затем убили их по дороге на место встречи. Командир советского партизанского движения полагал, что с Армией Крайовой нужно было поступать только одним способом – выдавать ее членов немцам, которые тогда расстреливали поляков. Тем временем польские силы подвергались также атакам немцев. Польские командиры в определенные моменты

[49] Об операции «Герман» см.: *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – P. 212; *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 907.

[50] О расстреле 127 поляков см.: *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – P. 210. Также см.: *Jasiewicz K.* Zagłada polskich Kresów. – Pp. 264–265.

держали связь и с коммунистами, и с немцами, но не были по-настоящему союзниками ни тех, ни других: в конце концов, целью поляков было восстановление независимой Польши в ее довоенных границах. Насколько это будет сложно сделать, когда власть Гитлера уступит место власти Сталина, становилось ясно в болотах Беларуси[51].

Немцы называли земли, очищенные от населения в ходе операции «Герман» и последовавших за ней операций 1943 года, «мертвой зоной». Люди, все еще остававшиеся в мертвой зоне, были «легкой мишенью». 45-й полк безопасности Вермахта уничтожал гражданское население в ходе операции «Пасхальный заяц» в апреле 1943 года. Остатки айнзацгруппы «D», отправленной в Беларусь весной 1943 года, помогали в этом деле. Они пришли из южной части России и южной Украины, куда отступали остатки группы армий «Юг» после поражения под Сталинградом. Заданием айнзацгруппы «D» там было прикрывать немецкое отступление, уничтожая гражданское население в тех местах, где возникало сопротивление. В Беларуси они сжигали дотла деревни, которые не оказывали вообще никакого сопротивления, предварительно забрав всю имевшуюся скотину. Айнзацгруппа «D» больше не прикрывала отход Вермахта, как она делала, находясь южнее, а сама готовилась отступать[52].

Переход к тактике «мертвых зон» предполагал признание того, что советская власть скоро вернется в Беларусь. Группа армий «Юг» (сильно уменьшенная и сражавшаяся под другими названиями) отступала. Группа армий «Север» все еще бесцельно осаждала Ленинград. Сама Беларусь все еще оставалась в тылу группы армий «Центр», но ненадолго.

В разные моменты немецкой оккупации Беларуси некоторых немецких военных и гражданских начальников осеняло, что массовый террор терпит поражение и что для победы над Красной армией беларусское население нужно склонять к поддержке немецкой власти не террором, а другими методами. Это было невозможно. Как и повсюду в оккупированном Советском

[51] *Brakel A.* Unter Rotem Stern und Hakenkruz. – P. 317; *Гогун А.* Сталинские коммандос: Украинские партизанские формирования, 1941–1944. – Москва: Центрполиграф, 2008. – С. 144.

[52] *Shepherd B.* War in the Wild East: The German Army and Soviet Partisans. – Cambridge: Harvard University Press, 2004. – P. 174; *Angrick A.* Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. – Hamburg: Hamburger Edition, 2003. – Pp. 680–689. Цит.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 242.

Союзе, немцы преуспели, заставив большинство населения желать возвращения советской власти. Специалист по немецкой пропаганде, посланный в Беларусь, рапортовал, что ему совершенно нечего сказать населению[53].

Созданная немцами Русская Освободительная Народная армия (сокращенно РОНА) была самой драматической попыткой заручиться поддержкой местного населения. Ее возглавлял Бронислав Каминский, советский гражданин, по национальности русский польского и, возможно, немецкого происхождения, которого в 1930-е годы сослали в советское спецпоселение. Он представлялся противником коллективизации. Немцы разрешили ему провести эксперимент по местному самоуправлению в городке Локоть на северо-западе России. Там Каминский отвечал за антипартизанские операции, а местному населению действительно разрешалось иметь больше зерна, чем они производили. Когда война обернулась против немцев, Каминский и весь его аппарат были отправлены из России в Беларусь, где должны были играть похожую роль. Каминскому было приказано бороться с советскими партизанами в Беларуси, но он и его группа вряд ли могли защитить себя в собственной штаб-квартире. Ясно, что местные беларусы считали РОНА чужаками, которые забирают землю, рассуждая при этом о правах на собственность[54].

В 1942 и 1943 годах Вильгельм Кубе, генерал-комиссар Генерального округа Белорутении, пытался отменить некоторые базовые принципы немецкого колониализма в надежде настроить население против Красной армии. Он пытался идти на национальные уступки, занимаясь спонсорством беларусских школ и организуя различные беларусские консультативные советы и ополчение. В июне 1943 года он зашел так далеко, что отменил коллективизацию сельского хозяйства, постановив, что беларусские крестьяне могут владеть собственной землей. Эта политика была абсурдной вдвойне: большую часть земли в селах контролировали партизаны, убивавшие людей, протестующих против колхозов, тем временем как немецкая армия и полиция отказывали в праве на частную собственность в довольно категоричной форме – мародерствуя, сжигая крестьянские хозяйства, убивая семьи крестьян и отсылая их в Германию в качестве рабсилы. Поскольку немцы не уважали право беларусских крестьян на жизнь, крестьянам было трудно всерьез вос-

[53] *Birn R.B.* Two Kinds of Reality? – P 291. Также см.: *Klein P.* Zwischen den Fronten. – P. 96.

[54] *Dallin A.* The Kaminsky Brigade: 1941–1944. – Cambridge: Russian Research Centre, 1956. – Pp. 8–58.

принимать новое обязательство, касающееся частной собственности[55].

Даже если Кубе добился бы каким-то образом успеха, его политика продемонстрировала невозможность немецкой колонизации Востока: предполагалось, что славяне должны были вымереть от голода и быть выселены; Кубе же хотел с их помощью управлять и воевать. Колхозы нужно было сохранить, чтобы изымать продовольствие, а Кубе предлагал их распустить и позволить беларусам по своему усмотрению работать на земле. Отменяя как советские, так и нацистские порядки, Кубе обнажал их базовую схожесть на селе. И советская самоколонизация, и германская расовая колонизация предполагали планомерную экономическую эксплуатацию. Однако поскольку немцы были более кровожадными и поскольку впечатления о немецких убийцах были в памяти местного населения более свежими, то советская власть казалась меньшим из зол или даже освобождением. Советские партизаны положили конец экспериментам Кубе: он был убит в сентябре 1943 года бомбой, которую ему под кровать подложила служанка[56].

В Беларуси нацистская и советская системы наложились друг на друга и взаимодействовали сильнее, чем где бы то ни было. Относительно небольшая территория страны была ареной интенсивных боевых действий, партизанских кампаний и массовых злодеяний. Это был тыл немецкой группы армий «Центр», которая делала все, чтобы взять Москву, и мишень для дивизий Красной армии Беларусского фронта, которые планировали вернуться. Ее не контролировали полностью ни немецкая администрация, ни партизаны, но все вместе они использовали террор за неимением надежных средств или моральных стимулов к преданности. Беларусь была родиной одной из самых многочисленных групп еврейского населения в Европе, обреченных на уничтожение, но также и необычайно способных к сопротивлению. Кажется, что больше евреев сопротивлялись Гитлеру в Минске и Беларуси, чем где-либо еще, хотя за редким исключением они не могли сопротивляться нацистам без помощи советской власти. Соединения Бельского и Зорина были самыми

[55] *Chiari B.* Alltag hinter der Front. – P. 138; *Szybeika Z.* Historia Białorusi. – P. 346; *Mironowicz E.* Białoruś. – Pp. 148, 155.

[56] *Szybeika Z.* Historia Białorusi. – P. 346.

крупными еврейскими партизанскими формированиями в Европе[57].

Не было никакой серой области, никакой лиминальной зоны или маргинальной территории – к этой ситуации нельзя было приложить никаких успокаивающих клише из социологии массового уничтожения. Было черное на черном. Немцы уничтожали евреев как партизан, и многие евреи стали партизанами. Евреи, ставшие партизанами, служили советскому режиму и принимали участие в советской политике возмездия гражданскому населению. Партизанская война в Беларуси была извращенно-интерактивным усилием Гитлера и Сталина, каждый из которых игнорировал законы войны и нагнетал конфликт в тылу. Когда провалились и операция «Барбаросса», и «Тайфун», немецкая позиция в тылу была обречена. Начальная антипартизанская политика, как и все остальное в немецком планировании, зависела от быстрой и полной победы. Человеческих ресурсов было достаточно, чтобы уничтожать евреев, но не для сражений с партизанами. Не имея достаточного штата людей, немцы убивали и запугивали. Террор служил для приумножения сил, но в конечном итоге приумноженными оказались силы Сталина.

Существовало советское партизанское движение, а немцы пытались его подавить. Однако немецкая политика на практике была ничем иным, как массовым уничтожением. В одном рапорте Вермахта докладывалось, что уничтожен 10 431 партизан, но изъято только 90 ружей. Это означало, что почти все убитые были на самом деле гражданскими. Когда Специальная команда Дирлевангера уничтожила первые свои пятнадцать тысяч жертв, она потеряла только девяносто два человека – многих из них, несомненно, из-за стрельбы по своим же или в результате пьяных инцидентов. Подобное соотношение было возможным только в том случае, когда жертвы являлись невооруженным гражданским населением. Под прикрытием антипартизанских операций немцы убивали беларусских (или еврейских, польских, русских) мирных граждан в 5295 разных местах оккупированной Беларуси. Несколько сотен этих сел и городков были сожжены дотла. Всего же немцы убили около трехсот пятидесяти тысяч человек в ходе антипартизанских кампаний, и, по крайней мере, 90% убитых были безоружны. Немцы уничтожили полмиллиона евреев в Беларуси, в том числе тридцать тысяч человек в ходе антипартизанских

[57] *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – P. 183.

операций. Не ясно, как эти тридцать тысяч человек должны были быть засчитаны – как евреи, уничтоженные в ходе выполнения «окончательного решения», или же как беларусское гражданское население, уничтоженное в ходе антипартизанских карательных операций. Сами немцы часто не могли провести такое разграничение по очень практическим причинам. Один немецкий командующий записал в своем дневнике: «Бандитов и евреев, сгоревших в домах и бункерах, не считали»[58].

Из девяти миллионов человек, находившихся на территории Советской Беларуси в 1941 году, около 1,6 миллиона человек были уничтожены немцами в ходе операций не на поле боя, включая около семисот тысяч военнопленных, пятисот тысяч евреев и триста двадцать тысяч людей, считавшихся партизанами (преобладающее их большинство были безоружными мирными гражданами). Эти три общие кампании стали тремя величайшими немецкими злодеяниями в Восточной Европе и вместе взятые ударили по Беларуси с величайшей силой и жестокостью. Еще несколько сотен тысяч советских беларусов погибли в бою как солдаты-красноармейцы[59].

Советские партизаны тоже приложились к общей сумме жертв: они докладывали, что по состоянию на 1 января 1944 года на территории Советской Беларуси было уничтожено как предателей 17 431 человека; эта цифра не включает гражданских лиц, которых они убили по другим причинам, или же гражданских, которых они убили в последующие месяцы. Всего десятки тысяч человек в Беларуси были убиты партизанами в ходе их карательных операций (или же в качестве классовых врагов в западных регионах, аннексированных у Польши). Еще несколько десятков тысяч жителей этого региона умерли после арестов во время советской оккупации в 1939–1941 годах и особенно во время советских депортаций 1940-го и 1941 годов по дороге в Казахстан или уже по прибытию туда[60].

Приблизительная цифра в два миллиона погибших на территории сегодняшней Республики Беларусь во время Второй мировой войны кажется обоснованной и умеренной. Более миллиона человек сбежали от немцев,

---

[58] О вышеприведенных цифрах см.: *Ingrao C.* Les chasseurs noirs. – P. 36. О цифре 5295 населенных пунктов см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 943. Про 10 431 партизана в рапорте о расстреле см.: Gott mit uns. – P. 55. О дневнике см.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 239. Также см.: *Matthäus J.* Reibungslos und planmäßig. – P. 268.

[59] *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 1158.

[60] Об убийстве 17 431 человека как предателей см.: *Musial B.* Sowjetische Partisanen 1941–1944. – P. 261. О классовых врагах см.: *Jasiewicz K.* Zagłada polskich Kresów. – Pp. 264–265.

а еще два миллиона были депортированы как рабсила или перемещены с места проживания по другой причине. Начиная с 1944 года, советский режим депортировал еще двести пятьдесят тысяч человек в Польшу и десятки тысяч – в ГУЛАГ. К концу войны половина населения Беларуси была либо уничтожена, либо перемещена. Ни о какой другой европейской стране этого нельзя сказать[61].

Планы немцев были кровожаднее их достижений. Смерть от голода военнопленных в шталаге-352 в Минске и других лагерях для военнопленных была только малой частью смертей, предусмотренных по «Плану голода». Уничтожение крестьян было менее масштабным, чем массивная депопуляция Беларуси, предусмотренная «Генеральным планом “Ост”». Около миллиона беларусов использовались как рабсила, хотя не всегда они работали на износ, как предусматривал «Генеральный план “Ост”». Могилев, где массовое уничтожение городских евреев началось и где прошла антипартизанская конференция, должен был стать крупной фабрикой смерти. Но он ею не стал; кажется, крематории, заказанные СС для Могилева, оказались в Аушвице. Минск тоже должен был стать местом массового уничтожения, со своими собственными крематориями. Когда работа по уничтожению была завершена, сам Минск предполагалось сравнять с землей. Вильгельм Кубе мечтал о том, что на месте города возникнет немецкое поселение под названием Асгард – по имени мифического дома древнескандинавских богов[62].

Изо всех нацистских утопий было реализовано только уничтожение евреев, хотя и не в точности так, как немцы планировали. В Беларуси, как и в других местах, «окончательное решение» было тем зверством, которое в ходе своей реализации приняло более радикальную форму, чем было задумано. Советские евреи должны были работать на износ, строя немецкую империю, либо должны были быть депортированы дальше на Восток. Это оказалось невозможным; большинство евреев на Востоке были убиты там, где и жили. В Минске было несколько исключений: евреи, которые сбежали и выжили, часто ценой своего участия в массовом насилии, а также евреи, которых держали в качестве рабочей силы и которые умерли несколько позже других, часто

[61] *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 1160. По подсчетам Чиари, 276 тысяч поляков были убиты или перемещены к концу войны (см.: *Chiari B*. Alltag hinter der Front. – P. 306).

[62] О крематориях см.: *Gerlach C.* Failure of Plans for an SS Extermination Camp in Mogilëv, Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 1997. – № 11 (1). – P. 68. Об Асгарде см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 425.

далеко от своего дома. В сентябре 1943 года некоторые из последних евреев Минска были депортированы на запад, в оккупированную Польшу в заведение под названием Собибор[63].

Там они столкнулись с фабрикой смерти, не известной еще даже в Беларуси, которая, казалось бы, повидала уже все земные ужасы.

[63] *Arad Y.* «Belzec, Sobibor, Treblinka. – Pp. 136–137.

РАЗДЕЛ 8

НАЦИСТСКИЕ ФАБРИКИ СМЕРТИ

За время немецкой оккупации погибли около 5,4 миллиона евреев. Почти половина их погибли на востоке от линии Молотова-Риббентропа – обычно от пуль, реже от газа. Остальные погибли на запад от линии Молотова-Риббентропа – обычно от газа, иногда от пуль. На восток от линии Молотова-Риббентропа миллионы евреев были уничтожены во второй половине 1941 года, в первые шесть месяцев немецкой оккупации. Еще миллион человек были убиты в 1942 году. На запад от линии Молотова-Риббентропа евреи оказались под немецким контролем значительно раньше, но убиты были позже. На востоке самых продуктивных с экономической точки зрения евреев – молодых мужчин – часто сразу расстреливали, в первые дни или недели войны. Затем экономические аргументы обернулись против женщин, детей и стариков, которые стали «дармоедами». На запад от линии Молотова-Риббентропа были построены гетто в ожидании депортации (в Люблин, на Мадагаскар или в Россию), которая так и не состоялась. Неясность относительно финальной версии «окончательного решения» в 1939–1941 годах означала, что евреев на запад от линии Молотова-Риббентропа нужно было заставить работать. Это создало определенный экономический аргумент в пользу сохранения им жизни.

Массовое уничтожение польских евреев в Генерал-губернаторстве и на польских землях, аннексированных Германией, началось больше чем через два года немецкой оккупации и больше чем через год после того, как евреев упекли в гетто. Этих польских евреев травили газом в шести основных заведениях, которые функционировали в той или иной комбинации с декабря 1941-го по

ноябрь 1944 года и из которых четыре находились в Генерал-губернаторстве, а два – на землях, аннексированных Рейхом: Хелмно, Белжец, Собибор, Треблинка, Майданек и Аушвиц. Стержнем убийственной кампании на запад от линии Молотова-Риббентропа была операция «Рейнхард» – уничтожение в газовых камерах 1,3 миллиона польских евреев в лагерях Белжец, Собибор и Треблинка в 1942 году. Последним разделом этой операции стал Аушвиц, где были отравлены газом около двухсот тысяч польских евреев и более семисот тысяч других европейских евреев, большинство из них в 1943-м и 1944 годах[1].

Истоки операции «Рейнхард» лежат в интерпретации Гиммлером желаний Гитлера. Зная об успешных экспериментах по отравлению газом советских военнопленных, Гиммлер доверил создание нового газового заведения для евреев своему подчиненному Одило Глобочнику предположительно 13 октября 1941 года. Глобочник был начальником СС и полиции Люблинского округа Генерал-губернаторства, главной испытательной площадки для нацистских расовых утопий. Глобочник ожидал, что миллионы евреев будут депортированы в его регион, где он использует их в колониях на каторжных работах. После нападения на Советский Союз Глобочнику поручили выполнение «Генерального плана “Ост”». Хотя этот грандиозный план экспериментальной колонизации был отложен в долгий ящик после того, как Советский Союз не развалился, Глобочник частично его воплощал в своем Люблинском округе, выгоняя сотни тысяч поляков из их домов. Он хотел общего «очищения Генерал-губернаторства от евреев, а также поляков»[2].

К концу октября 1941 года Глобочник выбрал местом для нового газового объекта город Белжец на юго-востоке от Люблина. Изменение планов по

[1] Сравните две фундаментальные работы одного и того же историка: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – Bloomington: Indiana University Press, 1987 и *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. – Lincoln: University of Nebraska Press; Jerusalem: Yad Vashem, 2009.

[2] Цит.: *Wasser B*. Himmlers Raumplannung im Osten. – Pp. 61, 77. О специальном статусе Люблина см.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka. – P. 14; *Musiał B.* Przypadek modelowy dotyczący eksterminacji Żydów: Początki «akcji Reinhardt» – planowanie masowego mordu Żydów w Generalnym Gubernatorstwîe / Akcja Reinhardt. Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie / Ed. by Libionka D. – Warszawa: IPN, 2004. – P. 24; *Dwork D., Pelt R.J. van*. Auschwitz. – P. 290. Об осуществлении «Генерального плана “Ост”» в качестве операции «Замосць» см.: *Autuchiewicz J.* Stan i perspectywa nad deportacjami Polaków w głąb ZSRS oraz związane z nimi problemy terminologiczne. – P. 71; *Aly G., Heim S.* Architects of Annihilation. – P. 295; *Tooze A.* The Wages of Destruction. – P. 468. Про дату 13 октября 1941 года см.: *Pohl D.* Znaczenie dystryktu lubelskiego w «ostatecznym rozwiązaniu» kwestii żydowskiej // Akcja Reinhardt: Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie / Ed. by Libionka D. – Warszawa: IPN, 2004. – P. 45.

использованию этого места показывает сдвиг нацистских утопий от уничтожающей колонизации к уничтожению как таковому. В 1940 году Глобочник основал в Белжеце место каторжных работ и мечтал о том, что два миллиона евреев будуть рыть там противотанковые рвы руками. Он вынашивал такие фантазии, потому что предыдущая версия «окончательного решения» предполагала депортацию европейских евреев в его Люблинский округ. В этом случае Глобочник должен был бы довольствоваться не более чем тридцатью тысячами евреев для принудительных работ в Белжеце. Он наконец отказался от проекта по обороне в октябре 1940 года. Годом позже, после разговора с Гиммлером, он придумал другой способ эксплуатации объекта – истребление евреев[3].

Глобочник искал и нашел способ убийства евреев немцами на запад от линии Молотова-Риббентропа, где не хватало персонала для массовых расстрелов и где немцы не хотели в помощь себе вооружать поляков. Для функционирования объекта в Белжеце требовалось всего несколько немецких командующих. Основную рабочую силу предоставят еврейские рабы. Охранять комплекс и управлять им будут преимущественно люди, отобранные из тренировочного лагеря в Травниках Люблинского округа, которые не были немцами. Первыми узниками Травников были пленные красноармейцы, которых привезли туда из других лагерей для военнопленных. В Травниках преимущественно содержались мужчины из Советской Украины, но также и представители других советских национальностей, в т. ч. русские, и попадались люди еврейского происхождения – но все они были выбраны случайно. Немцы отдавали предпочтение советским немцам, если таковые имелись среди пленных[4].

Изменение миссии мужчин из Травников, как и изменение назначения Белжеца, раскрыло трансформацию гитлеровских утопий. Согласно начальному плану Глобочника, эти мужчины должны были служить полицейскими под командованием немцев в захваченном Советском Союзе. Поскольку Советский Союз не был завоеван, мужчин из Травников можно было подготовить к исполнению другого задания – к работам на комплексе по уничтожению газом польских евреев. Люди в Травниках ничего не знали об этом общем замысле,

[3] *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution. – P. 419; *Rieger B.* Creator of the Nazi Death Camps: The Life of Odilo Globocnik. – London: Vallentine Mitchell, 2007. – P. 60.

[4] О нехватке персонала см.: *Musiał B.* Przypadek modelowy dotyczący eksterminacji Żydów. – P. 31. О предпочтении немцев см.: *Black P.* Handlanger der Endlösung. – P. 315.

ГЕРМАНИЯ И ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
октябрь1942 г.
● Крупнейшие фабрики смерти с газовыми камерами
ГЕРМАНИЯ
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
РЕЙХСКОМИССАРИАТ ОСТЛАНД
РЕЙХСКОМИССАРИАТ УКРАИНА
ДАНИЯ
ШВЕЦИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
БЕЛЬГИЯ
ФРАНЦИЯ
ФРАНЦИЯ ВИШИ
ШВЕЙЦАРИЯ
ИТАЛИЯ
ХОРВАТИЯ
ВЕНГРИЯ
СЛОВАКИЯ
РУМЫНИЯ
Северное море
Балтийское море
Треблинка
Собибор
Майданек
Белжец
Хелм
Освенцим
Варшава
Люблин
Радом
Краков
Львов
Брест
Белосток
Лодзь
Познань
Позен
Данциг
Кенигсберг
Мемель
Сувалки
Вильнюс
Каунас
Минск
Пинск
Луцк
Ровно
Тернополь
Станиславов
Черновцы
Яссы
Брашов
Клуж
Дебрецен
Будапешт
Братислава
Вена
Загреб
Триест
Венеция
Милан
Лион
Берн
Страсбург
Люксембург
Брюссель
Амстердам
Дюссельдорф
Эссен
Дортмунд
Кельн
Франкфурт
Ганновер
Гамбург
Копенгаген
Берлин
Штеттин
Лейпциг
Дрезден
Прага
Бреслау
Мюнхен
Зальцбург
Восточная Пруссия
Данциг-Западная Пруссия
Вартеланд
Варшавский округ
Радомский округ
Люблинский округ
Краковский округ
дистрикт Галиция
Верхняя Силезия
Нижняя Силезия
Судетланд
Протекторат Богемия и Моравия
Померания
Мекленбург
Шлезвиг-Гольштейн
Марка Бранденбург
Магдебург-Анхальт
Восточный Ганновер
Южный Ганновер-Брауншвейг
Везер-Эмс
Северная Вестфалия
Южная Вестфалия
Кёльн-Ахен
Мозельланд
Западная марка (запланированная)
Эльзас
Баден
Вюртемберг-Гогенцоллерн
Гессен-Нассау
Кургессен
Майн-Франкония
Франкен
Тюрингия
Галле-Мерзебург
Саксония
Байройт
Швабия
Мюнхен-Верхняя Бавария
Тироль-Форарльберг
Зальцбург
Каринтия
Рейхсгау Штирия
Рейхсгау Нижний Дунай
Рейхсгау Верхний Дунай
Висла
Одер
Эльба
Рейн
Дунай

когда их отбирали для работ, и не имели ни политических, ни личных интересов в этой политике. Для них Польша была чужой страной, а польские евреи – чужим народом. Они, видимо, были очень заинтересованы в этой работе как в спасении от вероятной голодной смерти. Даже если у них и было мужество не подчиняться немцам, они знали, что не могут просто так вернуться в Советский Союз: покидая дулаги и шталаги, они несли на себе клеймо немецких коллаборантов.

В декабре 1941 года мужчины из Травников, одетые в черные униформы, помогали строить платформу и подъездные пути, которые позволяли пустить в Белжец поезд. Советские граждане поддерживали своим трудом немецкую политику уничтожения[5].

Белжец не планировался как лагерь. В лагерях люди ночевали. Белжец должен был стать фабрикой смерти, где будут уничтожать прибывших евреев.

Уже существовал немецкий прецедент подобного заведения, куда людей привозили под вымышленным предлогом, говорили им, что нужно принять душ, а затем травили угарным газом. С 1939-го по 1941 год в Германии функционировали шесть заведений, которые использовались для истребления инвалидов, душевнобольных и других людей, которые, как считалось, были «недостойны жить». После проведения испытаний по отравлению газом польских инвалидов в Вартеланде гитлеровская канцелярия организовала секретную программу по уничтожению немецких граждан. В ней принимали участие врачи, медсестры и начальники полиции; одним из ее главных организаторов был личный врач Гитлера. Медицинская наука массового уничтожения была проста: окись углерода (или угарный газ CO) гораздо лучше образует соединение с гемоглобином, чем гемоглобин с кислородом (O_2), и таким образом блокирует доставку кислорода красными кровяными тельцами к тканям. Жертв приводили якобы для медицинского осмотра, заводили в «душевые», где их травили угарным газом, выпускаемым из канистр. Если у жертв были золотые зубы, им предварительно рисовали мелом на спине крестик с тем, чтобы после вырвать зубы. Дети были первыми жертвами: родители получали лживые письма от врачей о том, что те умерли во время лечения. Большинством жертв программы «эвтаназии» были немцы-неевреи, хотя немецких евреев с инва-

[5] *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution. – P. 419; *Black P.* Handlanger der Endlösung. – P. 320.

лидностью попросту убивали без какого-либо предварительного отсеивания. В одном из таких убийственных заведений персонал отметил десятитысячную кремацию, украсив труп цветами[6].

Окончание программы «эвтаназии» совпало с миссией Глобочника по разработке нового метода уничтожения газом польских евреев. К августу 1941 года, когда Гитлер, боясь сопротивления внутри страны, приказал приостановить программу, на ее счету было уже 70 273 жертвы и она создала модель обманчивого убийства летальным газом. Остановка программы «эвтаназии» оставила без работы группу полицейских и врачей с определенными навыками. В октябре 1941 года Глобочник пригласил эту группу людей в Люблинский округ работать на его фабрике смерти для евреев. У девяносто двух из примерно четырехсот пятидесяти человек, служивших Глобочнику в деле уничтожения газом польских евреев, был предыдущий опыт работы в программе «эвтаназии». Самым главным из них был Кристиан Вирт, который был инспектором программы «эвтаназии». Как сказал глава гитлеровской канцелярии, «большая часть моей организации» должна была использоваться «для решения еврейского вопроса, которое расширится вплоть до предельно возможных последствий»[7].

Глобочник был не единственным, кто пользовался опытом команды «эвтаназии». Газовые камеры в Хелмно (в Вартеланде) тоже использовали технический опыт программы «эвтаназии». Если Люблинский округ Глобочника был экспериментальной площадкой деструктивной стороны гиммлеровской программы «германизации», то Вартеланд Артура Грейзера был площадкой самой актуальной депортации: сотни тысяч поляков были перевезены в Генерал-губернаторство, а сотни тысяч немцев прибыли из Советского Союза. Грейзер столкнулся с той же проблемой, что и Гитлер, но в меньших масшта-

[6] *Evans R.J.* The Third Reich at War. – Pp. 84–90.

[7] Цит.: *Gerlach C.* The Wannsee Conference. – P. 782. Также см.: *Rieß V.* Christian Wirth – Inspekteur der Vernichtungslager // Karrieren der Gewalt: Nationalsozialistische Täterbiographien / Ed. by Mallmann K.-M., Paul G. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. – P. 244; *Pohl D.* Znaczenie dystryktu lubelskiego w «ostatecznym rozwiązaniu» kwestii żydowskiej. – P. 45; *Poprzeczny J.* Odilo Globocnik, Hitler's Man in the East. – Jefferson: McFarland & Company, 2004. – P. 163. О роли Вирта см.: *Black P.* Prosty żołnierz «akcji Reinhard». Oddziały z Trawnik i eksterminacja polskich Żydów // Akcja Reinhardt: Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie / Ed. by Libionka D. – Warszawa: IPN, 2004. – P. 105; *Scheffler W.* Probleme der Holocaustforschung // Deutsche – Pole – Juden. Ihre Beziehungen von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert / Ed. by Jersch-Wenzel S. – Berlin: Colloquium Verlag, 1987. – Pp. 270, 276. Программа «эвтаназии» продолжалась с большими ухищрениями: теперь использовались летальные инъекции и передозировки лекарств. За несколько следующих лет погибнут еще десятки тысяч немцев.

бах: после всех перевозок евреи все еще оставались и к концу 1941 года не наблюдалось никакого правдоподобного места для их депортации. Грейзеру удалось депортировать несколько тысяч евреев в Генерал-губернаторство, но на их место прибыли евреи, депортированные из других частей Германии[8].

Глава Службы безопасности (СД) в столице грейзеровского округа, городе Познань, предложил свое решение 16 июля 1941 года: «Этой зимой есть опасность, что евреев будет нечем кормить. Нужно очень серьезно подумать, не будет ли самым гуманным выходом прикончить евреев, которые не могут работать, каким-нибудь быстродейственным способом. Это в любом случае будет лучше, чем дать им умереть с голоду». «Быстродейственным способом» был угарный газ, уже использовавшийся в программе «эвтаназии». Газенваген был опробован на советских военнопленных в сентябре 1941 года; после этого газенвагены использовались в оккупированных Беларуси и Украине, особенно для уничтожения детей. Машиной убийства в Хелмно был газенваген, который работал под наблюдением Герберта Ланге, травившего газом калек по программе «эвтаназии». Начиная с 5 декабря, немцы использовали центр в Хелмно для уничтожения евреев на территории Вартеланда. В Хелмно в 1941 и 1942 годах были уничтожены около 145 301 евреев. Центр в Хелмно продолжал работать до тех пор, пока еврейское население Вартеланда не сократилось до очень функционального трудового лагеря в гетто города Лодзь. Однако убийства приостановились в начале апреля – тогда, когда начались убийства в Люблинском округе[9].

Белжец должен был стать новой моделью, более эффективной и долговечной, чем Хелмно. Скорее всего, Глобочник после консультации с Виртом решил построить постоянный центр, где можно будет травить газом большое количество людей одновременно внутри помещения (как в программе «эвтаназии»), но где угарный газ будет надежно вырабатываться двигателями внутреннего сгорания (как в газенвагенах). Вместо того, чтобы парковать автомо-

---

[8] *Kershaw I.* Hitler, the Germans, and the Final Solution. – New Haven: Yale University Press, 2008. – P. 71; *Mazower M.* Hitler's Empire. – P. 191 (и по тексту).

[9] Цит.: *Kershaw I.* Hitler, the Germans, and the Final Solution. – P. 66. Также см.: *Mallmann K.-M.* Rozwiązać przez jakikolwiek szybko działający środek: Policja Bezpieczeństwa w Łodzi a Shoah w Kraju Warty // Zagłada Żydów na polskich terenach scielonych do Rzeszy / Ed. by A. Namysło. – Warszawa: IPN, 2008. – Pp. 85–95 (дата указана на с. 95); *Horwitz G.J.* Ghettostadt: Łódź and the Making of a Nazi City. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – P. 154; *Friedlander H.* The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995. – Pp. 314–318. О Ланге см.: *Friedlander H.* The Origins of Nazi Genocide. – P. 286; *Kershaw I.* Hitler, the Germans, and the Final Solution. – P. 71.

биль, как в Хелмно, предполагалось снять двигатель с машины, подсоединить его трубками к специально построенной газовой камере, окружить эту камеру забором, а затем соединить фабрику смерти с населенными центрами посредством железной дороги. Такими были простые инновации в Белжеце, но их было достаточно[10].

Нацистское руководство всегда считало польских евреев корнем еврейской «проблемы». Немецкая оккупация разделила евреев, которые были польскими гражданами, на три разные политические зоны. С декабря 1941 года около трехсот тысяч польских евреев жили в Вартеланде и на других польских землях, аннексированных Германией. Теперь их умерщвляли газом в Хелмно. Примерно 1,3 миллиона польских евреев на восточной стороне от линии Молотова-Риббентропа были расстреляны, начиная с июня 1941 года, и большая их часть была уничтожена в 1942 году. Самую большую группу польских евреев во время немецкой оккупации составляли евреи в различных гетто Генерал-губернаторства. До июня 1941 года в Генерал-губернаторстве содержалась половина довоенного населения польских евреев – примерно 1 613 000 человек. (Когда Галиция была добавлена к Генерал-губернаторству после вторжения Германии в Советский Союз, число евреев в Генерал-губернаторстве достигло 2 143 000 человек. Эти около полумиллиона евреев Галиции, которая была расположена на восток от линии Молотова-Риббентропа, были объектом расстрелов)[11].

Когда Гиммлер и Глобочник начали в марте 1942 года уничтожать польских евреев в Генерал-губернаторстве, они взялись за недвусмысленную политику ликвидации самого многочисленного еврейского населения в Европе. 14 марта 1942 года Гиммлер провел ночь в Люблине и разговаривал с Глобочником. Через два дня немцы приступили к депортации евреев из Люблинского округа в Белжец. В ночь на 16 марта около тысячи шестисот евреев, у которых не было документов, были схвачены в Люблине во время облавы, отосланы в

[10] Согласно Араду, дизайн разработал Вирт (см.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 24).

[11] См.: *Pohl D.* Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens; *Sandkühler T.* «Endlösung» in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Tettungsinitiativen von Berthold Beitz, 1941–1944.

Белжец и отравлены газом. Во второй половине марта 1942 года немцы начали очищать Люблинский округ от евреев – село за селом, город за городом. Герман Гёфле, заместитель Глобочника по «переселению», возглавил команду, которая разрабатывала необходимые методы. Евреи из маленьких гетто были переведены в большие. Затем евреи, имевшие опасные связи, предполагаемые коммунисты, а также ветераны польской армии были расстреляны. На последнем подготовительном этапе население было отфильтровано и мужчинам помоложе, подходящим для работы, выдали новые документы[12].

На запад от линии Молотова-Риббентропа немцы устроили так, чтобы самим меньше заниматься непосредственными убийствами. Институты гетто – юденрат и еврейская полиция – были обращены на уничтожение самого гетто. Люди Глобочника, начиная акцию в определенном городке или большом городе, связывались с местной Полицией безопасности, а затем собирали силы немецкой полиции. Если в распоряжении немцев были силы еврейской полиции (а они у них были в общинах любого размера), тогда от еврейских полицейских требовалось провести б*о*льшую часть непосредственной работы по сбору их собственных соплеменников для перевозки. В городах у еврейской полиции не было оружия, они могли использовать только физическую силу против своих собратьев-евреев. Иногда мужчины из Травников тоже оказывали в этом помощь[13].

Немецкая полиция приказывала еврейской полиции собрать еврейское население в условленном месте к условленному времени. Поначалу евреи часто приходили к назначенному месту, соблазнившись обещаниями еды или более привлекательной работы «на востоке». Затем, в ходе облав, проводившихся по нескольку дней подряд, немецкие и еврейские полицейские оцепляли определенные кварталы или дома и принуждали их жителей идти к месту сбора. Маленьких детей, беременных женщин, калек и стариков немцы убивали на месте. В городах покрупнее, где требовалось больше одной облавы, процедура повторялась с нарастающей жестокостью. Немцы планировали ежедневные квоты, чтобы наполнить поезда, и иногда передавали эти квоты еврейским полицейским, которые несли ответственность за их выполнение (рискуя по-

---

[12] *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – Pp. 44, 56; *Młynarczyk J.A.* Judenmord in Zentralpolen. – Pp. 252, 257. О 14 марта см.: *Rieger B.* Creator of the Nazi Death Camps: The Life of Odilo Globocnik. – P. 108. О 1600 евреях, у которых не было документов на работу, см.: *Poprzeczny J.* Odilo Globocnik, Hitler's Man in the East. – P. 226.

[13] *Młynarczyk J.A.* Judenmord in Zentralpolen. – P. 260.

терять работу, а значит, и жизнь). Гетто было оцеплено во время проведения акции и после нее, так что немецкая полиция могла мародерствовать без сопротивления со стороны местного населения[14].

Оказавшись в Белжеце, евреи были обречены. Они прибывали безоружными в закрытое и охраняемое заведение, имея мало шансов на осознание собственного положения, а тем более на сопротивление немцам и вооруженным «травникам». Как и пациентам центров «эвтаназии», им говорили, что им придется войти в определенное здание для прохождения дезинфекции. Они должны были снять одежду и сдать ценности под предлогом, что те будут продезинфицированы, а затем возвращены. Затем их голыми отводили в камеры, куда закачивались выхлопные газы от двигателя, содержащие угарный газ. Только двое или трое евреев, привезенных в Белжец, выжили; остальные, 434 508 человек, погибли. Вирт командовал этой фабрикой смерти до лета 1942 года и, кажется, преуспел в исполнении своих обязанностей. После этого он был инспектором Белжеца и двух других фабрик смерти, построенных по той же самой модели[15].

Эта система была доведена почти до совершенства в Люблинском округе Генерал-губернаторства. Депортации в Белжец из Краковского округа начались немного позже, но результаты были схожими. Евреи из дистрикта Галиции страдали от накладки двух немецких методов уничтожения: начиная с лета 1941 года их расстреливали, а с марта 1942 года – травили газом в Белжеце. Галиция находилась на восток от линии Молотова-Риббентропа, поэтому тамошние евреи подвергались расстрелам, но она была присоединена к Генерал-губернаторству и поэтому евреев отправляли также и в газовые камеры. Томаш Гехт, галицкий еврей, которому удалось выжить, рассказал о некоторых способах, которыми могли умереть евреи Галиции: двух его теть, дядю и двоюродного брата отравили газом в Белжеце; отца, одного из братьев, тетю, дядю и двоюродного брата расстреляли; другой его брат умер в трудовом лагере[16].

---

[14] О ежедневных квотах и вообще см.: *Młynarczyk J.A*. Judenmord in Zentralpolen. – P. 260; *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – P. 94.

[15] О цифре 434 508 см.: *Witte P., Tyas S.* A New Document on the Deportation and Murder of Jews During «Einsatz Reinhardt» 1942 // Holocaust and Genocide Studies. – 2001. – № 15 (3). – P. 472. Пол пишет о трех выживших (см.: *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – P. 95). О Вирте см.: *Black P*. Prosty żołnierz «akcji Reinhard». – P. 104. С августа 1942 года комендантом Белжеца стал Готлиб Геринг.

[16] О Кракове см.: Życie i zagłada Żydów polskich 1939–1945. – P. 3; *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – P. 89; *Hecht T.T.* Life Death Memories. Charlottesville:

Тем временем люди Глобочника и его «травники» строили еще одну фабрику смерти по модели Белжеца в Люблинском округе: в Собиборе, к северо-востоку от Люблина. Работая с апреля 1942 года, эта фабрика уничтожила – тем же самым методом, что и Белжец, – около ста восьмидесяти тысяч евреев; выжили только около сорока человек. Глобочник и его люди освоили необходимые процедуры для выполнения главных элементов операции: организацию оцепления в гетто людьми Гёфле, немецкой полицией и местными; поддерживание порядка в лагере силами «травников», нескольких немцев и большой группой еврейских рабочих; проведение самых массовых убийств посредством отравления выхлопными газами от двигателя внутреннего сгорания[17].

Достигнув в Белжеце и Собиборе уровня смертности 99,99%, Гиммлер приказал 17 апреля 1942 года построить третье заведение, на этот раз в Варшавском округе Генерал-губернаторства. Команда с опытом «эвтаназии» в сопровождении «травников» была отправлена в место возле села Треблинка, где строительство фабрики смерти началось 1 июня 1942 года. Рабочими были местные евреи, которых после завершения проекта убили. Человек, руководивший строительством, был, как и начальники Белжеца и Собибора, ветераном программы «эвтаназии». Однако, в отличие от Франца Штангля (в Собиборе) и Кристиана Вирта (в Белжеце), Ирмфрид Эберль был врачом, а не начальником полиции. Он руководил двумя заведениями «эвтаназии»[18].

Эберль, казалось, был доволен своим последним назначением. «Для меня все складывается очень хорошо, – писал он жене во время постройки фабрики смерти в Треблинке. – Уйма работы, и она интересная». Когда постройка лагеря подходила к концу, он был «доволен и горд этим достижением». Он был счастлив, что люблинская модель Глобочника будет теперь действовать и в Варшаве[19].

Варшава была родиной многих образованных поляков и самым большим в Европе средоточием евреев; это был метрополис, которому не было места в нацистском мировоззрении. Весной 1942 года более трехсот пятидесяти тысяч евреев все еще были живы в Варшавском гетто.

Leopolis Press, 2002. – P. 66.

[17] *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – P. 95.

[18] О 17 апреля см.: *Pohl D.* Znaczenie dystryktu lubelskiego w «ostatecznym rozwiązaniu» kwestii żydowskiej. – P. 49. О 1 июня см.: Obóz zagłady Treblinka // Biuletyn Glownej Komisji Badania Zbrodni Niemieckich w Polsce. – 1946. – № 1. – P. 134.

[19] *Grabher M.* Irmfried Eberl. – Pp. 70, 74.

Варшава была самым крупным городом Генерал-губернаторства, но не его административным центром. Ганс Франк, генерал-губернатор, предпочитал управлять из Кракова, забрал себе древний польский королевский замок и изображал из себя современного расового аристократа. В октябре 1939 года он сорвал попытки решить еврейскую «проблему», отправив евреев в Люблинский округ Генерал-губернаторства. В декабре 1941 года Франк сказал своим подчиненным, что они «должны избавиться от евреев». Тогда у него еще не было идеи, как этого добиться, но к весне 1942 года Франк уже нашел решение. У Люблина было что предложить Франку: это больше был не округ, который привлекал все большее количество евреев в Генерал-губернаторство, а место, где евреев, которые уже жили в Генерал-губернаторстве, можно было уничтожать. Эта идея нашла одобрение. «Травники» прибыли в Варшаву в феврале и апреле. Летом 1942 года Франк передал СС контроль над еврейскими работниками, а затем и над самими гетто[20].

Предлогом для последующей эскалации событий стало убийство одного из очень крупных начальников СС. После Гитлера и Гиммлера Рейнхард Гейдрих был самым важным архитектором политики уничтожения евреев. Он также был типичным примером нацистской тенденции давать одному человеку несколько должностей: будучи главой службы безопасности Рейха, он отвечал за Протекторат Богемии и Моравии – чешские земли, аннексированные Германией в 1939 году. 27 мая 1942 года на него было совершено покушение чехами и словаками, нанятыми британской разведкой; он был ранен и умер 4 июня. Гитлер и Гиммлер были раздосадованы тем, что он ездил без охраны, которая, как Гейдрих полагал, ему была не нужна, поскольку он был популярен среди чехов. В чешских землях, в отличие от оккупированной Польши и Советского Союза, немцы не применяли репрессивных методов; Гейдрих делал особый акцент на хорошем обращении с чешским рабочим классом[21].

Убийство Гейдриха означало потерю одного из архитекторов «окончательного решения», но вместе с тем и обретение мученика. Гитлер и Гиммлер встречались и разговаривали 3, 4 и 5 июня 1942 года. Гиммлер составил панегирик: «Наша святая обязанность – отомстить за его смерть, продолжить его

[20] О Франке см.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 46; Berenstein. Praca. – P. 87; *Kershaw I.* Hitler, the Germans, and the Final Solution. – P. 106. О «травниках» см.: *Młynarczyk J.A.* Akcja Reinhardt w gettach prowincjonalnych dystryktu warszawskiego 1942–1943. – P. 55.

[21] Цит.: *Longerich P.* Heinrich Himmler. – P. 588.

работу и уничтожить врагов нашего народа без жалости или слабости». Одно чешское село, Лидице, было полностью разрушено в отместку за убийство Гейдриха: мужчин расстреляли на месте, женщин увезли в немецкий концлагерь Равенсбрюк, а детей отравили газом в Хелмно[22].

Нацистская политика полного истребления польских евреев в Генерал-губернаторстве теперь получила название «Операция “Рейнхард”» как дань памяти Гейдриха. Упоминание об убийстве делало из немцев жертв и позволяло преподносить массовое уничтожение евреев как расплату. Согласно нацистскому мировоззрению, убийство Гейдриха в мае 1942 года сыграло такую же роль, что и провозглашение войны Америкой в декабре 1941 года: оно подняло дух праведной солидарности среди якобы жертв нападения (нацистов) и отвлекало внимание от действительных источников немецких трудностей и политики. Гейдрих стал выдающейся «жертвой» мнимого международного еврейского заговора, на котором и лежала ответственность за войну[23].

Евреев уничтожали, потому что Гитлер сделал это целью войны, но даже после того, как он обнародовал свои желания, время их смерти зависело от того, как немцы воспринимали течение войны и связанные с этим экономические приоритеты. У евреев было больше шансов погибнуть, когда немцев беспокоил вопрос нехватки продовольствия, и меньше шансов погибнуть, когда немцев беспокоила нехватка рабочей силы.

Гитлер озвучил свое решение убить всех евреев вскоре после того, как объявил, что советских военнопленных нужно использовать как рабочую силу, а не убивать их. В начале 1942 года выжившие советские военнопленные были интегрированы в состав рабочей силы в Германии, а Ганс Франк преуспел в организации колониальной польской экономики в своем Генерал-губернаторстве. С немедленно гарантированными поставками рабочей силы продовольствие стало главным поводом для беспокойства как в Рейхе, так и в оккупированной Польше. Герингу пришлось объявить об урезании продуктовых пайков для немцев Рейха в апреле 1942 года; в том году в Рейхе действительно значительно снизилось среднее потребление калорий. Франк со своей сторо-

[22] *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 349.

[23] *Gerlach C.* The Wannsee Conference. – P. 791. Также см.: *Pohl D.* Znaczenie dystryktu lubelskiego w «ostatecznym rozwiązaniu» kwestii żydowskiej. – P. 49.

ны был обеспокоен улучшением поставок продовольствия своему польскому рабочему классу[24].

Таким образом, летом 1942 года экономические соображения – как их понимали немцы – скорее ускорили, чем затормозили план уничтожения всех польских евреев. Когда главным предметом беспокойства стало продовольствие, а не рабочая сила, евреи превратились в «дармоедов», и даже те, кто работал на благо немецкой экономики и Вермахта, подверглись опасности. К концу 1942 года Ганс Франк снова захотел рабочей силы больше, чем продовольствия, и поэтому решил оставшихся евреев держать в живых. К тому времени большинство польских евреев уже погибли. Немецкая экономика была подобна натянутому канату, по которому евреев заставляли ходить босиком, с завязанными глазами и без страховочной сетки внизу. Только этот канат и отделял их от смерти; он был кровавым и предательским и не мог не подвести их[25].

Строительство фабрики смерти в Треблинке было завершено 11 июля 1942 года. Через восемь дней, 19 июля 1942 года, Гиммлер приказал закончить «переселение всего еврейского населения Генерал-губернаторства к 31 декабря 1942 года». Это касалось прежде всего Варшавы[26].

В Варшаве 22 июля 1942 года специалист Глобочника по «переселению» Герман Гёфле и его СС-группа по зачистке гетто проинструктировали Полицию безопасности в Варшаве, а затем нанесли визит Адаму Чернякову – главе юденрата. Гёфле сказал Чернякову, что тот на следующий день должен привести пять тысяч евреев на перевалочный пункт, называемый «Умшлагплац». Черняков, знавший о других чистках в гетто Люблинского округа, кажется, догадался, что затевается. Вместо того, чтобы принять ответственность за часть работы по координации уничтожения своих соплеменников, он покончил с собой. После смерти Чернякова немцы прибегли к обману, приказав еврейской полиции повесить объявления, обещавшие хлеб и повидло тем, кто

[24] *Tooze A.* The Wages of Destruction. – Pp. 365, 549.

[25] *Gutman I.* Resistance: The Warsaw Ghetto Uprising. – Boston: Houghton Mifflin, 1994. – P. 198. Сравните: *Aly G., Heim S.* Architects of Annihilation. – P. 211.

[26] Цит.: *Witte P., Tyas S.* A New Document on the Deportation and Murder of Jews During «Einsatz Reinhardt» 1942. – P. 477.

придет на Умшлагплац. Первая партия из приблизительно пяти тысяч евреев отправилась из Варшавы в Треблинку 23 июля. По воспоминаниям Блюмы Б., голодающие люди сделали бы все что угодно за кусок еды, «даже если знаешь, что тебя убьют»[27].

Так началась операция в Варшавском гетто, которую немцы назвали «Большой операцией». Гёфле и его команда расположились в этом гетто по адресу Железная, 103. Как они делали в других городах и городках Люблинского, Краковского округов и дистрикта Галиция в Генерал-губернаторстве, они вместе с местной Полицией безопасности теперь прибегли к принуждению. С помощью нескольких сотен «травников» и примерно двух тысяч еврейских полицейских немцы устраивали облавы в Варшавском гетто почти ежедневно в течение последующих двух месяцев. Когда самых голодных увезли, еврейская полиция принялась за группы беспомощных: сирот, бедняков, бездомных и заключенных. У стариков и маленьких детей вообще не было никаких шансов. Дети до пятнадцати лет полностью исчезли из гетто. Совсем малышей, больных, калек и стариков немцы расстреливали на месте[28].

Поначалу еврейские полицейские могли справляться с работой с минимальным наблюдением со стороны немцев. После нескольких дней депортаций голодных и беспомощных немцы применили в Варшавском гетто тот же самый метод, что и в других местах: неожиданное оцепление здания или части улицы, проверка документов и депортация всех евреев, которые годились к работам. Еврейская полиция под присмотром немецкой полиции провела первое оцепление 29 июля 1942 года. Немцы решали, какие территории надо зачистить в какое время; еврейские полицейские на рассвете вскрывали заклеенный конверт с инструкциями о том, где в тот день должна пройти зачистка. В целом, ради выполнения квоты немцы проводили по две операции ежедневно[29].

---

[27] *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 61; *Młynarczyk J.A.* Akcja Reinhardt w gettach prowincjonalnych dystryktu warszawskiego 1942–1943. – P. 55; *Urynowicz M.* Gross Aktion – Zagłada Warszawskiego Getta // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2007. – № 7. – P. 108; *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 428; *Hilberg R.* The Ghetto as a Form of Government // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1980. – № 450. – P. 108. Об обещании хлеба и повидла см.: *Berenstein T.* Praca przymusowa Żydów w Warszawie w czasie okupacji hitlerowskiej // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1963 – № 45–46. – P. 142. Цитата: FVA 2327.

[28] *Engelking B., Leociak J.* The Warsaw Ghetto: A Guide to the Perished City. – New Haven: Yale University Press, 2009. – Pp. 661–665; *Gutman I.* Resistance: The Warsaw Ghetto Uprising. – P. 142.

[29] *Urynowicz M.* Gross Aktion – Zagłada Warszawskiego Getta. – Pp. 108–109; *Trunk I.* Judenrat: The Jewish Councils in Eastern Europe Under Nazi Occupation. – New York: Macmillan, 1972. – P. 507.

Отбор для работы сохранял некоторым людям жизнь, но разрушал коллективный дух сопротивления. Хотя немцы были далеки от точности в своих наблюдениях за разницей между зарегистрированными работниками и другими, отбор создавал принципиальное социальное разделение между евреями, у которых были документы, и теми, у кого их не было, и вызывал всеобщую обеспокоенность по поводу личной безопасности. Люди полагали, что они и их семьи могут оставаться в гетто, имея правильную работу и правильные документы. Такая приватизация надежды была приговором для чувства солидарности. Имеющаяся энергия расходовалась на охоту за документами, а не на координацию действий по сопротивлению. Никто (пока) не пытался вырвать монополию силы внутри гетто из рук немецкой и еврейской полиции. Пока не было группы евреев, желающих сопротивляться еврейской полиции, облавы и депортации могли продолжаться под немецким надзором, но при довольно ограниченном немецком контингенте[30].

К августу 1942 года немцы потребовали, чтобы каждый еврейский полицейский приводил для депортации ежедневно по пять евреев, а иначе начнут депортировать членов их семей. Это привело к тому, что зачистили тех, кто не мог себя защитить. Большие приюты для сирот опустели 5 августа. Известный педагог Януш Корчак повел обоих своих детей на Умшлагплац. Он держал их за руки и шел, высоко подняв голову. Среди 6623 человек, депортированных в тот день вместе с ним, были педагоги и воспитатели сирот в гетто, например, его коллега Стефания Вильчинска и многие другие. Полицейские привозили на умшлагплац старых и малых на повозках. Еврейские полицейские забрали маленькую девочку из дома в то время, когда ее мать бегала где-то по делам. Ее последние слова перед депортацией в Треблинку были записаны: «Я знаю, что вы хороший человек, пан. Пожалуйста, не увозите меня. Моя мама ушла только на минуту. Она вернется через мгновение – а меня нет; будьте так добры, не забирайте меня»[31].

---

[30] *Urynowicz M.* Gross Aktion – Zagłada Warszawskiego Getta. – Pp. 109–111. Также см.: *Gutman I.* Resistance: The Warsaw Ghetto Uprising. – P. 142.

[31] О Корчаке см:. *Kassow S.D.* Who Will Write Our History? – P. 268; *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 429. Цит.: *Engelking B., Leociak J.* The Warsaw Ghetto: A Guide to the Perished City. – P. 676.

За первые два месяца «Большой операции» около 265 040 евреев забрали на Умшлагплац и еще около 10 380 были уничтожены в самом гетто. Осталось приблизительно шестьдесят тысяч евреев. Это в основном были сильные молодые мужчины[32].

Каждая стадия массового уничтожения варшавских евреев была настолько ужасной, что порождала надежду на ближайшее будущее, которое, по крайней мере, должно быть лучше недавнего прошлого. Некоторые евреи действительно верили, что работа на востоке будет лучше, чем их жизнь в гетто. Собравшимся на Умшлагплац евреям можно простить то, что они предпочитали погрузку на поезда неопределенному ожиданию под палящим солнцем без еды, воды и туалетов. Присматривать за Умшлагплац было поручено еврейской полиции, которая иногда освобождала своих знакомых или людей, которые могли себе позволить подкупить полицейских. Эмануэль Рингельблюм записал, что еврейские полицейские иногда требовали в дополнение к наличке еще и плату «натурой», то есть секса с женщинами, которых они спасали[33].

Уже в поезде иллюзии улетучивались. Хотя евреев уверяли, что они едут в трудовой лагерь «на востоке», некоторые из них, должно быть, подозревали, что это вранье: в конце концов, именно люди с рабочими сертификатами остались в Варшаве. Если целью была физическая работа, тогда почему первыми отправляли самых старых и самых маленьких? Эти поезда имели самый низкий приоритет в системе железнодорожных перевозок, и часто требовалось несколько дней, чтобы добраться до места назначения, которое на самом деле было расположено близко к Варшаве – Треблинка была всего в сотне километров на северо-восток. Евреям не давали ни еды, ни воды, они массово умирали во многих железнодорожных партиях. Дети слизывали друг с друга капли пота. Матери иногда выбрасывали маленьких детей с поезда, надеясь, что у них будет больше шансов выжить в поле, чем там, куда направлялся поезд.

[32] О вышеуказанных цифрах см.: *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 230. Более высокие цифры приведены в: *Drozdowski M.M.* The History of the Warsaw Ghetto in the Light of the Reports of Ludwig Fischer. – P. 192 (315 тысяч человек); *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – P. 195 (310 322 человека).

[33] Treblinka // Dokumenty i materialy. Obozy. / Ed. by Blumental M. – Łódź: Wydawnictwa Centralnej Żydowskiej Komisji Historycznej, 1946. – P. 174. Об оплате «натурой» см.: *Trunk I.* Judenrat. – P. 512.

Некоторые родители объясняли своим очень маленьким детям, рожденным в гетто, то, что те могли рассмотреть из окон вагона или сквозь щели в дверях. Самые маленькие никогда до этого не видели ни полей, ни лесов. И никогда больше не увидят[34].

Поляки кричали вслед проезжавшим поездам. Некоторые из выживших евреев с ненавистью вспоминали характерный жест – приставленное к горлу ребро ладони: этим жестом евреям пытались дать понять, что они умрут, хотя поляки не обязательно желали им этого. Некоторые поляки просили денег; другие, видимо, более милосердные, а может, с другими потребностями, просили отдать им детей. Янкель Верник вспоминал о собственной отправке из Варшавы в числе самых первых: «Мои глаза вбирали в себя всех и все, однако я не мог осознать всей чудовищности беды». Никто не мог[35].

В каждом составе было по пятьдесят семь – шестьдесят вагонов, то есть примерно по пять–шесть тысяч человек. По прибытии на ближайшую к Треблинке железнодорожную станцию поезд останавливался. Затем, после ожидания, тянувшегося по нескольку часов или даже дней, подтягивался другой локомотив и увозил девятнадцать–двадцать вагонов (тысячу семьсот – две тысячи человек) на подъездной путь внутри фабрики смерти Треблинки. Второй локомотив толкал вагоны, а не тянул их, так что машинист двигался спиной вперед, никогда сам не видел фабрики смерти и не входил в нее[36].

Из каждого вагона евреев, которые еще были живы, выгоняли «травники», размахивая винтовками и щелкая кнутами. Почти все евреи, депортированные в Треблинку, погибли за первые несколько недель, но не так «гладко», как в Белжеце и Собиборе, и не так, как немцы планировали. Регулярные и массивные партии евреев переполнили маленькие газовые камеры в Треблинке очень быстро, поэтому немцам и «травникам» пришлось прибегнуть к расстрелам. «Травников» к выполнению такого задания не готовили, они плохо с

[34] Про пот см.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 64. О полях и лесах см.: *Wdowinski D.* And Are We Not Saved. – New York: Philosophical Library, 1985. – P. 69.

[35] О Вернике см.: *Kopówka E.* Treblinka. Nigdy więcej. – Siedlce: Muzeum Rejonowe, 2002. – P. 28.

[36] *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 81; *Młynarczyk J.A*. Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard» // Aktion Reihardt, Der Völkermord an den Juden im Generalgouvernement 1941–1944 / Ed. by Musial B. – Osnabrück: Fibre, 2004. – P. 266; Obóz zagłady Treblinka. – P. 141; *Królikowski J.* Budiwałem most kolejowy w pobliżu Treblinki // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1964. – № 49. – P. 49.

ним справлялись, но все же выполняли. К августу подъездной путь к фабрике смерти в Треблинке был окружен горами трупов.

Оскар Бергер, прибывший с новой партией 22 августа, вспоминал «сотни тел, лежащих вокруг». Янкель Верник вспоминал свое прибытие 24 августа: «Лагерный двор был устелен трупами, некоторые все еще в одежде, а некоторые голые, с лицами, обезображенными страхом и ужасом, черные и вспухшие, глаза широко раскрыты, языки высунуты, черепа разбиты, тела покорежены». Еврей, прибывший накануне, 23 августа, едва сам не угодил в эту кучу. Его отобрали для работы, что преимущественно означало прибирать человеческие останки. Он вспоминал, как проводилось уничтожение в первые недели действия Треблинки: «После того, как мы вышли из вагона, немцы и украинцы с кнутами в руках погнали нас во двор, где приказали лечь на землю лицом вниз. Затем они прошлись и расстреляли нас в затылок». Адам Кжепицки, прибывший 25 августа, записал похожие воспоминания: «Трупы людей разного возраста, в разных позах, с разным выражением на лицах в тот момент, когда они перестали дышать. Вокруг только земля, небо и трупы!» Эдвард Вейнштейн запомнил следующий день, 26 августа: «И я выглянул и увидел Ад. Горы тел на платформе доставали до окон вагонов для скота». Франц Штангль, немецкий (австрийский) офицер полиции, командовавший фабрикой смерти в Собиборе, был направлен расследовать хаос в Треблинке. Он был человеком, которого нелегко было потрясти видом смерти и который, в отличие от прибывающих евреев, имел некоторое представление о том, чего ожидать. Он, тем не менее, был потрясен увиденным: «Запах был неописуемым; сотни, нет, тысячи тел повсюду, разлагающихся, гниющих»[37].

Ирмфрид Эберль, немецкий (австрийский) доктор, возглавлявший Треблинку, возжелал доказать, чего он стоит. Он хотел убить столько людей, чтобы это перевыполнило нормы всех других начальников других фабрик смерти – шефов полиции в Белжеце и Собиборе. Он продолжал принимать партии в августе 1942 года, даже когда количество людей, которых предстояло уничтожить, намного превысило вместительность фабрики смерти, на которой их травили газом. Смерть тогда вышла наружу: от газовых камер к месту ожидания во

---

[37] О 22 августа см.: *Evans R.J.* The Third Reich at War. – P. 290. О 23 августа см.: *Młynarczyk J.A*. Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard». – P. 262. О 24 августа см.: *Wiernik Y.* A Year in Treblinka. – New York: General Jewish Workers' Union of Poland, 1944. – P. 8. О 25 августа см.: *Krzepicki A*. Treblinka // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1962. – № 43–44. – P. 98. О 26 августа см.: Shoah FVA. 02694. Цитату Штангля см.: *Sereny G.* Into That Darkness: From Mercy Killing to Mass Murder. – New York: McGraw Hill, 1974. – P. 157.

дворе, а со двора – к вагонам, стоящим на станции или на рельсах, или еще дальше по территории оккупированной Польши. Евреи все равно погибали, почти все, но теперь нескольким удалось сбежать с поездов, что очень редко случалось во время первых партий, доставленных в Собибор и Белжец[38].

Убежавшие с поездов пробирались назад в Варшавское гетто и часто имели представление о том, чего им удалось избежать. Дезорганизация также привлекала внимание сторонних наблюдателей. Из-за всевозможных проволочек у поездов с немецкими солдатами, следовавшими на восточный фронт, были все шансы проехать мимо или застрять позади одного из таких поездов смерти; многие соглядатаи делали фотографии, других выворачивало от зловония. Некоторые из этих солдат направлялись на юго-восток Советской России для участия в наступлении на Сталинград. Те немецкие солдаты, которые видели партии, направляющиеся в Треблинку, понимали (если хотели понимать), за что именно они сражаются[39].

Эберля разжаловали с занимаемой должности за некомпетентность, и в августе 1942 года командование Треблинкой принял Штангль. Штангль, который позже скажет, что считал массовое отравление евреев газом своей «профессией» и что ему «это нравилось», быстро навел в Треблинке порядок. Он распорядился временно прекратить поставки и приказал еврейским работникам похоронить трупы. Когда фабрика смерти вновь открылась в первых числах сентября 1942 года, ее работа гораздо больше напоминала машину, которой она и должна была быть[40].

Штанглю помогал командовать особо жестокий помощник Курт Франц, которого за тщеславие и красоту еврейские рабочие прозвали «Лялькой». Франц любил устраивать боксерские поединки евреев, любил наблюдать, как сторожевые псы кидались на евреев, и вообще любил наблюдать за животными: в какой-то момент он приказал еврейским работникам соорудить зоопарк. Немцам помогали несколько десятков «травников», которые служили охранниками и выполняли некоторые важные функции в лагере, например, загоняли евреев в газовые камеры и запускали угарный газ. Остальные работы выполняли несколько сотен евреев, оставленных в живых только для того, чтобы

[38] *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 87.

[39] *Wdowinski D.* And Are We Not Saved. – P. 78; *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 65.

[40] Цитата Штангля: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 186.

выполнять поручения, связанные с массовым уничтожением и грабежами, и обреченных на быструю смерть, если проявляли признаки малодушия. Как Белжец и Собибор, Треблинка была устроена так, чтобы функционировать за счет еврейской рабочей силы, с тем чтобы «травникам» приходилось меньше работать, а немцам – почти совсем не приходилось[41].

По мере распространения слухов о Треблинке немцы занялись пропагандой. Польское правительство в изгнании, находясь в Лондоне, передавало своим британским и американским союзникам рапорты о газовых камерах и о других убийствах немцами польских граждан. Все лето оно призывало британцев и американцев принять ответные меры по отношению к немецким гражданским лицам, но тщетно. Офицеры польского сопротивления (Армии Крайовой) подумывали о нападении на Треблинку, но так и не предприняли его. Немцы отрицали использование газа для убийств. Начальник еврейской полиции в Варшаве и официальный «уполномоченный по переселению» Юзеф Шерински утверждал, что получал открытки из Треблинки. В Варшавском гетто действительно была почта, которая работала даже в течение тех недель. Почтальоны носили фуражки с яркими оранжевыми козырьками, чтобы их не забрали во время облавы. Но они, конечно же, не могли приносить известий из Треблинки[42].

Доставки партий из Варшавы в Треблинку возобновились 3 сентября 1942 года. В последней партии «Большой операции» 22 сентября 1942 года были еврейские полицейские и их семьи. Когда еврейские полицейские подъезжали к станции, они выбрасывали из окон свои фуражки и другие символы их бывшей миссии или социального статуса (еврейские полицейские часто были выходцами из зажиточных семей). Такое поведение было предусмотрительным, поскольку еврейских полицейских могли недобро встретить в концлагере их соплеменники. Однако Треблинка не была лагерем. Она была фабрикой смер-

---

[41] О Франце см.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 189; *Kopówka E.* Treblinka. – P. 32; *Glazar R.* Die Falle mit dem grünen Zaun: Überleben in Treblinka. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1992. – P. 118; Treblinka. – P. 194.

[42] О польском правительстве см.: *Libionka D.* ZWZ-AK i Delegatura Rządu RP wobec eksterminacji Żydów polskich // Polacy i Żydzi pod okupacją niemiecką 1939–1945 / Ed. by Żbikowski A. – Warszawa: IPN, 2006. – Pp. 36–53. О планировавшемся нападении см.: *Libionka D.* Polska konspiracja wobec eksterminacji Żydów w dystrykcie warszawskim // Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / Ed. by Engelking B., Leociak J., Libionka D. – Warszawa: IfiS PAN, 2007. – P. 482. О почтовых открытках см.: *Hilberg R.* The Judenrat. – P. 34. О работе почты см.: *Sakowska R*. Ludzie z dzielnicy zamkniętej. Żydzi w Warszawie w okresie hitlerowskiej okupacji. – Warszawa: PAN, 1975. – P. 312.

ти, так что их действия ничего не меняли. Полицейских травили газом, как и всех остальных.

За несколько месяцев Штангль изменил внешний вид Треблинки и таким образом увеличил ее летальную функциональность. Евреев, прибывающих в Треблинку в конце 1942 года, выгружали не просто на платформу, окруженную мертвыми телами, а внутри псевдожелезнодорожной станции, разрисованной еврейским работником так, что она выглядела как настоящая. Тут были часы, расписание и билетные кассы. Когда евреи выходили на «станции», они слышали звуки музыки, которую играл оркестр под управлением варшавского музыканта Артура Голда. Евреев, которые хромали, с трудом двигались или еще как-то на этом этапе демонстрировали свою слабость, забирали в «лазарет». Еврейские работники с красными повязками на рукавах помогали им добраться к зданию, на котором был знак красного креста. Позади этого здания немцы, переодетые в докторов, убивали больных евреев выстрелом в затылок над ямой. Главным палачом был Август Мите, которого еврейские работники называли «Ангелом смерти» (Malach Ha-Mavet). Евреи, которые могли двигаться, делали несколько шагов вперед, в своего рода дворик, где мужчин и женщин разделяли: мужчин – направо, женщин – налево, как им приказывали на немецком и на идиш[43].

Во дворе евреев заставляли раздеться догола под предлогом, что их нужно продезинфицировать перед последующей переправкой «на восток». Евреи аккуратно складывали свою одежду в кучку и связывали обувь шнурками. Они обязаны были сдать все ценности; женщинам устраивали досмотр полостей тела. В этот момент некоторых женщин из некоторых партий отбирали для изнасилования, а некоторых мужчин из некоторых партий отбирали для работы. Женщины затем разделяли судьбу всех остальных, а мужчины жили еще несколько дней, недель или даже месяцев как подневольная рабочая сила[44].

[43] О «лазарете» см.: Obóz zagłady Treblinka. – P. 137; *Glazar R.* Die Falle mit dem grünen Zaun. – P. 51; *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 122; *Młynarczyk J.A.* Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard». – P. 267. О «станции» см.: Obóz zagłady Treblinka. – P.137; *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 123; *Willenberg S.* Revolt in Treblinka. – Warsaw: Jewish Historical Institute, 1992. – P. 96. Про оркестр см.: Treblinki. – P. 40; Treblinki. – P. 193. Об идише см.: *Krzepicki A.* Treblinka. – P. 89.

[44] Treblinki. – P. 178; *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 37; *Młynarczyk J.A.* Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard». – P. 269. Об изнасилованиях см.: *Willenberg S.* Revolt in Treblinka. – P. 105.

Все женщины шли в газовые камеры без одежды и без волос. Каждая должна была сидеть перед еврейским «парикмахером». Религиозные женщины, носившие парики, обязаны были их сдать. Даже в этот самый последний момент перед смертью люди реагировали по-разному, индивидуально. Для одних женщин обстригание было подтверждением истории про «дезинфекцию», для других – подтверждением того, что их собираются убить. Из женских волос потом изготовляли чулки для немецких работников железной дороги, а также стельки для обуви немецких подводников[45].

Обе группы – сначала женщин, а затем мужчин, голых, униженных и беспомощных – заставляли бежать сквозь тоннель. Он был несколько метров в ширину и примерно сто метров в длину; немцы называли его «дорогой в рай». В его конце евреи видели большую звезду Давида на стене над входом в темную комнату. Там же висел церемониальный занавес с надписью на иврите: «Это ворота к Б-гу. Праведники пройдут». Наверное, немногие из них замечали эти детали, когда их загоняли внутрь два охранника, стоящие возле входа, оба – «травники». Один из «травников» держал кусок газовой трубы, другой – саблю; оба орали на евреев и били их. Затем один из них закрывал дверь на замок, а другой кричал «Воду!» – самые последние элементы обмана, не нужные больше этой обреченной группе, запертой в газовой камере, но предназначавшиеся для тех, кто ждал своей очереди. Третий «травник» поворачивал рычаг, и мотор танка заполнял камеру выхлопным газом[46].

Приблизительно через двадцать минут «травники» открывали заднюю дверь газовой камеры и еврейские работники уносили тела. Из-за лихорадочной борьбы и предсмертной агонии тела были переплетены между собой, конечность к конечности, и были иногда очень хрупкими. По воспоминаниям работника Треблинки, Хиля Райхмана, они претерпевали «жуткую метаморфозу». Трупы, как и сама камера, были покрыты кровью, калом и мочой. Еврейские работники должны были помыть камеру, чтобы следующая группа продолжала верить в ложь о дезинфекции и не запаниковала, войдя в камеру. Затем им нужно было разъединить тела и положить их лицом вверх на землю, чтобы команда еврейских «стоматологов» могла выполнить свою работу – вы-

---

[45] *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 108; *Młynarczyk J.A.* Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard». – P. 267; *Willenberg S.* Revolt in Treblinka. – P. 65.

[46] *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 119; *Młynarczyk J.A.* Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard». – Pp. 259, 269.

тащить золотые коронки. Иногда лица были совсем черные, будто обожженные, а скулы сведены так сильно, что «стоматологи» еле могли открыть рты. После того, как золотые коронки были удалены, еврейские работники тащили тела к ямам на захоронение. Весь процесс, от высадки с поезда живых евреев до закапывания их тел, занимал не более двух часов[47].

Зимой 1942–1943 года немцы начали делить евреев не на две, а на три группы: на мужчин, женщин постарше и молодых женщин. Молодых женщин в газовую камеру отправляли последними, потому что любили смотреть на их голые тела на морозе. К этому времени трупы сжигали, а не закапывали. Погребальный костер устраивали на колосниках, сооруженных из железнодорожных рельсов, положенных на цементные плиты, примерно тридцать метров в ширину. К весне 1943 года костры в Треблинке горели днем и ночью, иногда поглощая останки разложившихся тел, выкопанные из земли еврейскими работниками, иногда тела тех, кого только что отравили газом. Женщины, из-за большего запаса жировой ткани, горели лучше мужчин, поэтому работники научились класть их на самое дно. Животы беременных женщин имели тенденцию взрываться, и внутри можно было увидеть плод. Холодными ночами весной 1943 года немцы стояли у огня, пили и грелись. Опять же, человеческие существа были сведены до уровня калорий, единиц отопления. Огонь должен был поглотить любые доказательства преступления, но еврейские работники старались помешать этому: они оставляли целые скелеты неповрежденными и закапывали записки в бутылках, чтобы их смогли найти другие[48].

Жертвам было очень трудно оставить после себя хоть какой-то след. Хилю Райхману довелось приехать в Треблинку с сестрой. Как только он увидел заведение, он поставил чемоданы на землю. Сестра не поняла почему. «Бесполезно», – это были последние слова, которые он ей сказал. Его отобрали в работники. Перебирая вещи, он «наткнулся на платье, которое носила сестра. Я остановился, взял платье, держал его в руках, смотрел на него». Затем платье забрали, а он продолжал работу. Тамара и Итта Билленберг оставили свои вещи лежать рядышком. Их брат Самуэль, еврейский работник, случай-

[47] *Kopówka E.* Treblinka. – P. 34; *Młynarczyk J.A*. Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard». – Pp. 263, 269. О «метаморфозе» см.: *Rajchman C.* Je suis le dernier Juif / Transl. by Rozier Gilles. – Paris: Éditions des Arenes, 2009. – P. 88.

[48] *Rajgrodzki J.* Jedenaście miesięcy w obozie zagłady w Treblince // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1958. – № 25. – P. 107; *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 174. О греющихся у огня немцах см.: *Wiernik Y.* A Year in Treblinka. – P. 29. О голых женщинах на холоде см.: *Rajchman C.* Je suis le dernier Juif. – P. 96.

но нашел одежду, переплетенную вместе, «как будто в сестринских объятиях». Поскольку женщинам отрезали волосы, у них было несколько последних мгновений, когда они могли поговорить с евреями, которые, возможно, выживут и будут помнить их слова. Руфь Дорфман смогла получить от своего парикмахера утешение, что ее смерть будет быстрой, и поплакать вместе с ним. Ханна Левинсон просила своего парикмахера бежать и рассказать о том, что происходит в Треблинке[49].

Только тщательно все наперед продумав, евреи могли контролировать свои вещи, хотя бы самым незначительным образом. В основном, инстинкт подсказывал им хранить драгоценности (если они были) на себе в надежде потом их на что-то выменять или использовать для подкупа. Иногда евреи, понимая, что их ожидает, выбрасывали деньги и ценности с поезда, чтобы те не достались их убийцам. Обычно это было возле Треблинки. На территории фабрики смерти в обязанности еврейских работников входило искать ценности, и они, конечно же, кое-что припрятывали для себя. Они отдавали ценности (в обмен на продовольствие из соседних сел) «травникам», которые могли свободно выходить за территорию и возвращаться. «Травники» отдавали ценности местным женщинам и проституткам, которые, видимо, приезжали из самой Варшавы. Подцепив венерические болезни, «травники» консультировались с еврейскими врачами из числа рабочих. Таким образом, существовал особый замкнутый круг местной экономики, о котором один свидетель вспоминал как об украшенной драгоценностями и деградировавшей «Европе»[50].

Благодаря таким связям, еврейские рабочие, которые были живы в 1943 году, узнавали кое-что о внешнем мире и течении войны. «Травники» обычно умели читать по-русски и умудрялись доставать советские пропагандистские материалы и советскую прессу. Они были из числа миллионов советских граждан, работавших на немцев в том или ином качестве, и поэтому интересовались слухами. Они знали, а от них узнавали и еврейские работники, о поражении немцев под Сталинградом в феврале 1943 года. Рабочие и сами видели, что отправка партий в 1943 году уменьшилась, и боялись (вполне обоснованно), что им самим недолго оставаться в живых. К тому времени огромное большин-

[49] О «Бесполезно» см.: *Rajchman C.* Je suis le dernier Juif. – P. 33. Об объятиях и Руфи Дорфман см.: *Willenberg S.* Revolt in Treblinka. – Pp. 56, 65.

[50] О местной экономике см.: *Willenberg S.* Revolt in Treblinka. – P. 30; *Rusiniak M.* Obóz zagłady Treblinka II w pamięci społecznej (1943–1989). – Warszawa: Neriton, 2008. – P. 26. О «Европе» см.: *Rusiniak M.* Obóz zagłady Treblinka II. – P. 27.

ство польских евреев уже были мертвы. Догадываясь, что их заведение скоро закроется, некоторые еврейские работники восстали 2 августа 1943 года, овладев оружием, и частично подожгли фабрику смерти. Несколько сотен работников проскочили через дыру в заборе, несколько десятков пережили войну. Хиль Райхман и другие работники, написавшие мемуары о Треблинке, были в их числе[51].

Лагерь действительно закрылся 17 ноября 1943 года. Его последними жертвами стали тридцать еврейских работников, занимавшихся демонтажем. В самом конце их расстреливали группами по пять человек, и остающиеся евреи кремировали каждую группу. Последнюю группу из пяти человек кремировали «травники». Примерно в это же время немцы провели операцию по массовому расстрелу других евреев, которые все еще работали в концлагерях Генерал-губернаторства. Около сорока двух тысяч евреев были убиты в ходе этой операции, известной как «Праздник сбора урожая»[52].

Один из примерно пятидесяти выживших в Треблинке, Саул Куперхенд, понимал, что в Треблинке «главное – цифры». Депортированных в ходе «Большой операции» 265 040 варшавских евреев тщательно сосчитали. За каких-то четырнадцать недель, с 4 августа и до середины ноября, по крайней мере триста десять тысяч евреев Радомского округа Генерал-губернаторства были отравлены газом в Треблинке. Всего же 780 863 человек были уничтожены в Треблинке, и в большинстве своем это были польские евреи из Генерал-губернаторства. Большинство евреев из Генерал-губернаторства, которых не отравили газом в Белжеце или Собиборе, уничтожили газом в Треблинке. Всего в ходе операции «Рейнхард» лишились жизни около 1,3 миллиона польских евреев[53].

[51] *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 598. О Сталинграде см.: *Rajgrodzki J.* Jedenaście miesięcy w obozie zagłady w Treblince. – P. 109.

[52] О демонтаже см.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 373. Об операции «Эрнтефест» см.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 366. Около пятнадцати тысяч евреев из Белостока также были расстреляны (см.: *Bender S.* The Jews of Białystok During the Second World War, 1939–1943: Ph.D. Dissertation. – Hebrew University, 1994. – P. 25).

[53] Источники подсчета по Треблинке: *Witte P., Tyas S.* A New Document on the Deportation and Murder of Jews During «Einsatz Reinhardt» 1942. – P. 472 (приведен немецкий подсчет от 1942 года – 713 555 человек (перехвачено британцами)); *Młynarczyk J.A*. Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard». – P. 281 (приведен подсчет 1943 года – 67 308 человек). О количестве евреев из Радомского округа см.: *Młynarczyk J.A*. Judenmord in Zentralpolen. – P. 275. Верник утверждает, что было две партии необрезанных поляков (см.: *Wiernik Y.* A Year in Treblinka. – P. 35). В рапорте, опубликованном в Варшаве в начале 1946 года, приведена цифра 731 600 человек и предоставлено гораздо больше основной информации (см.: Obóz zagłady Treblinka).

Цель Треблинки была очень явной по мере продолжения войны: избавить сужающуюся расовую империю от еврейского населения и таким образом утвердить зыбкую победу и ее страшные плоды. Тело можно сжечь ради тепла или им можно накормить микроорганизмы, которые делают почву более плодородной. Даже человеческий пепел удобряет землю. После демонтажа Треблинки немцы использовали кирпичи от газовых камер для постройки сельского дома и превратили поля уничтожений в фермерские поля. Двое «травников» согласились остаться и работать фермерами. В этом состояло слишком буквальное толкование нацистской фантазии о регенерации земли путем уничтожения евреев. Трупы и пепел евреев должны были удобрять землю для урожаев, которые достанутся немцам. Однако до сбора урожая так и не дошло[54].

Как только Треблинка перестала функционировать, центр Холокоста сместился на запад – в очень особое заведение на аннексированных территориях Польши, присоединенных к Рейху, – в Аушвиц. Этот лагерь был основан в 1940 году на территории, которую Германия аннексировала у Польши. Аушвиц уже действовал как концентрационный лагерь почти за год до того, как Германия вторглась в Советский Союз, и более чем за год до того, как Гитлер объяснил, что означает «окончательное решение». В отличие от фабрик смерти в Треблинке, Собиборе и Белжеце, которые были основаны с единственной целью уничтожения польских евреев, комплекс в Аушвице возник, когда немецкая политика по отношению к евреям и другим народам стала меняться. Развитие Аушвица иллюстрирует трансформацию мечты о восточной колонизации в программу истребления евреев.

Немецкий лагерь, основанный в Аушвице в 1940 году, должен был устрашить польское население. После нападения на Советский Союз летом 1941 года к полякам добавились советские военнопленные и лагерь использовался как место экзекуции и тех, и других. Гиммлер желал, чтобы Аушвиц стал примером эсэсовской колониальной экономики, при которой захваченные земли вражеской нации могут быть переданы немецкой фирме, использующей каторжный труд для производства товаров, необходимых немецкой военной

[54] *Rusiniak M.* Obóz zagłady Treblinka II. – P. 20.

экономике. Поскольку в Аушвице была хорошо налажена поставка воды и имелось в наличии хорошее железнодорожное сообщение, Гиммлер (как и высший руководящий состав концерна «IG Farben») видел в нем идеальное место для изготовления искусственной резины. Гиммлер искал еврейских рабочих в Словакии, чье руководство радо было от них избавиться. Гиммлер изложил свои соображения в октябре 1941 года, и в течение года Словакия депортировала 57 628 своих еврейских граждан. Почти все они погибнут[55].

В 1942 году к комплексу было добавлено второе крупное заведение, и Аушвиц стал фабрикой смерти, концлагерем и местом экзекуций. Комендант лагеря, Рудольф Хёсс, был ветераном концлагерей в Дахау и Бухенвальде, а не фабрик смерти по программе «эвтаназии». Под его командованием Аушвиц стал гибридом особого сорта – рабочим лагерем и прикрепленной к нему фабрикой смерти. Нееврейские работники продолжали прибывать и работать в ужасных условиях. Евреев теперь отбирали для работы, когда они прибывали в Аушвиц, а тех, кого нельзя было использовать для работ (ощутимое большинство), немедленно травили газом. В 1942 году приблизительно 140 146 евреев, не отобранных для работ, были отравлены газом в камерах, известных в Аушвице как бункер-1 и бункер-2. После февраля 1943 года большинство евреев стали уничтожать в новых газовых камерах, сооруженных в Биркенау по соседству, а тела сжигали в пристроенном крематории. В газовых камерах Аушвица-Биркенау гранулы «Циклона Б» при контакте с воздухом выделяли газ, убивающий в соотношении один миллиграмм на один килограмм массы тела. Цианид убивает на клеточном уровне, подавляя способность митохондрии в клетках вырабатывать энергию для поддержания жизни[56].

Подобно другим пяти фабрикам смерти, Аушвиц был расположен в оккупированной Польше, но служил как место уничтожения еврейского населения *за пределами* Польши. Хотя некоторых непольских евреев убивали на других пяти фабриках смерти, подавляющее большинство их жертв были все же польскими евреями. Аушвиц был единственной из шести фабрик смерти, где польские евреи не составляли большинства жертв. Он стал фабрикой смерти

---

[55] *Kamenec I.* The Holocaust in Slovakia // Slovak Contributions to 19th International Congress of Historical Sciences / Ed. by Kováč D. – Bratislava: Veda, 2000. – Pp. 200–201; *Kamenec I.* The Deportation of Jewish Citizens from Slovakia // The Tragedy of the Jews of Slovakia, Oświęcim: Auschwitz-Birkenau State Museum and Museum of the Slovak National Uprising, 2002. – Pp. 116, 123 (цифра указана на с. 130).

[56] *Hilberg R.* The Destruction of the European Jews. – Vol. III. – Pp. 939, 951; *Browning C.R.* The Origins of the Final Solution. – P. 421.

примерно в то же самое время, когда немецкая политика уничтожения вышла за пределы оккупированной Польши и оккупированного Советского Союза и распространилась на другие группы европейских евреев. В главном отделении службы безопасности Рейха Адольф Эйхман и мужчины из его еврейской секции организовали депортации из Франции, Бельгии и Нидерландов в 1942 году. В 1943 году Эйхман организовал депортацию партии евреев из Греции и оккупированной Италии. Фашистская Италия не отсылала своих евреев Гитлеру, пока Муссолини был у власти, а Германия и Италия были союзницами. Однако после того, как американцы, британцы, канадцы и поляки высадились в южной Италии и итальянцы капитулировали, немцы оккупировали северную часть страны и депортировали евреев самостоятельно. В 1943 году около двухсот двадцати тысяч евреев были отравлены газом в Аушвице[57].

В 1944 году расстреливать советских евреев уже было невозможно, потому что немцев вытеснили из Советского Союза, а заведения Операции «Рейнхард» были закрыты из-за приближения Красной армии; в том году Аушвиц стал центральным местом «окончательного решения». Почти все из приблизительно шестисот тысяч евреев, уничтоженных немцами в 1944 году, погибли в Аушвице. Большинство из них были венгерскими евреями. Венгрия, как и Италия, не посылала своих евреев на фабрики смерти, пока была суверенной страной и союзницей Германии. (Обычно евреям приходилось не так худо в странах, союзничавших с Германией, как в странах, оккупированных Германией). После попытки венгерского руководства переметнуться на другую сторону в марте 1944 года немцы установили свое собственное правительство. Новый венгерский фашистский режим начал в мае депортировать своих евреев. Около четырехсот тридцати семи тысяч венгерских евреев прибыли в Аушвиц через восемь недель. Из них около ста десяти тысяч были отобраны для работ, и многие из них выжили; по самым низким оценкам, триста двадцать семь тысяч были отравлены газом. В течение войны около трехсот тысяч польских евреев были отправлены в Аушвиц, из них примерно двести тысяч были уничтожены. Венгерские и польские евреи вместе взятые составляют большинство еврейских жертв Аушвица[58].

[57] Сравните с: *Brandon R*. Holocaust in 1942; *Dwork D., Pelt R.J. van*. Auschwitz. – P. 326.

[58] *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – P. 107; *Hilberg R.* The Destruction of the European Jews. – Vol. III. – P. 959; *Stark T.* Hungarian Jews During the Holocaust and After the Second World War. – P. 30; *Długoborski W.* Żydzi z ziem polskich wcielonych do Rzeszy w KL Auschwitz-Birkenau // Zagłada Żydów na polskich terenach wcielonych do Rzeszy / Ed. by Namysło A. – Warszawa: IPN, 2008. – P. 147.

Аушвиц был апогеем Холокоста, достигнут в тот момент, когда большинство советских и польских евреев под немецким правлением уже погибли. Из примерно миллиона советских евреев, уничтоженных в ходе Холокоста, менее 1% погибли в Аушвице. Из приблизительно трех миллионов польских евреев, убитых в ходе Холокоста, только около 7% погибли в Аушвице. Почти 1,3 миллиона польских евреев были уничтожены (в основном через расстрел) на восток от линии Молотова-Риббентропа. Еще примерно 1,3 миллиона польских евреев были отравлены газом в ходе операции «Рейнхард» в Генерал-губернаторстве (более чем семьсот тысяч в Треблинке, ровно четыреста тысяч в Белжеце, сто пятьдесят тысяч в Собиборе и пятьдесят тысяч в Майданеке). Еще триста пятьдесят тысяч были отравлены газом на землях, аннексированных Рейхом (кроме двухсот тысяч в Аушвице и около ста пятидесяти тысяч в Хелмно). Большинство остальных польско-еврейских жертв были застрелены во время зачисток в гетто (около ста тысяч человек), или в ходе операции «Эрнтефест» («Праздник сбора урожая») (сорок две тысячи человек), или в ходе множества других, меньших по размеру операций и в ходе индивидуальных экзекуций. Многие умерли от голода и болезней в гетто или на принудительных работах в концлагерях[59].

Значительное число погибших в Аушвице (более ста тысяч человек) составляли неевреи. В Аушвице также погибли около семидесяти четырех тысяч поляков-неевреев и около пятнадцати тысяч советских военнопленных: они были либо казнены, либо до смерти замучены работой. За исключением советских военнопленных, которых травили газом в ходе эксперимента, этих людей не отправляли в газовые камеры. А вот ромов и синти отправляли.

Хотя их не преследовали с таким же рвением, как евреев, ромы и синти (цыгане) подпадали под убийственную политику там, где простиралась немецкая власть. Их расстреливали айнзацгруппы в оккупированном Советском Союзе (около восьми тысяч задокументированных случаев); их включали в приказы об уничтожении в карательных операциях в Беларуси; их убивала полиция в оккупированной Польше; их расстреливали в карательных операциях вместе с евреями в Сербии; их убивали в концлагере немецкой марионеточ-

[59] Хотя мы знаем число погибших в этих заведениях с некоторой точностью, точное число польских евреев трудно вычленить из большой цифры. Хотя Треблинка, Собибор и Белжец были основными центрами по уничтожению польских евреев Генерал-губернаторства, другие люди тоже гибли в этих трех местах, особенно в 1943 году: чехословацкие евреи, немецкие евреи, датские евреи, французские евреи, а также этнические поляки и цыгане.

ной союзницы Хорватии (около пятнадцати тысяч человек); от них зачищали территории, завоеванные союзницей Германии, Румынией; их травили газом в Хелмно в январе 1942 года (около четырех тысяч четырехсот человек), а затем в Аушвице в мае 1943 года (около тысячи семисот человек) и в августе 1944 года (около двух тысяч девятисот человек после того, как еще большее количество их погибло от голода, болезней и жестокого обращения). Немцы уничтожили по меньшей мере сто тысяч представителей ромов и синти (а скорее всего, в два или три раза больше)[60].

Хотя в газовых камерах Аушвица не выжил никто, более ста тысяч человек уцелели в концлагере под таким же названием. Название это будут помнить после войны как темную тень за железным занавесом, как намек на еще большую тьму на востоке. Менее ста еврейских работников увидели фабрику смерти Рейнхарда изнутри и уцелели. Однако даже Треблинка оставила после себя какие-то следы.

Узники пели в Треблинке – по приказу немцев, но также и для самих себя. Поминальную молитву «Эль мале рахамим» пели ежедневно по погибшим евреям. Эсэсовцы стояли снаружи и слушали. «Травники» принесли с собой с востока, как вспоминал один еврейский работник, «странный дар» к «чудесной песне». Это была более приземленная музыка, народные польские песни, которые напоминали рабочим Треблинки о жизни за пределами лагеря и помогали им набраться мужества для подготовки к побегу. В тех песнях пелось о любви и глупостях, а значит, о жизни и свободе. В Треблинке было сыграно несколько свадеб между рабочими и женщинами, которые выполняли для немцев домашнюю работу[61].

Еврейские парикмахеры, стригшие волосы тысячам женщин, запомнили красивых.

[60] О ромах см.: *Pohl D.* Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – Pp. 113–116; *Evans R.J.* The Third Reich at War. – Pp. 72–73, 531–535; *Klein P.* Curt von Gottberg. – P. 99.

[61] О «чудесной песне» см.: *Glazar R.* Die Falle mit dem grünen Zaun. – P. 57. О «революционной» музыке см.: *Rajgrodzki J.* Jedenaście miesięcy w obozie zagłady w Treblince // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1958. – № 25. – P. 109. Об «el male rachamim» см.: *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – P. 216.

РАЗДЕЛ 9

СОПРОТИВЛЕНИЕ И ИСПЕПЕЛЕНИЕ

Ночь на 21 июня 1944 года принадлежала советским партизанам Беларуси. Тремя годами ранее Вермахт быстро завоевал Беларусь на пути к Москве, до которой так никогда в общем-то и не дошел. Советские солдаты теперь продвигались к линии Молотова-Риббентропа и далее к Варшаве и Берлину. Группа армий «Центр» Вермахта вернулась в Беларусь, но уже при отступлении. Командиры Красной армии спланировали массивное летнее наступление, начало которого было приурочено к третьей годовщине операции «Барбаросса» с тем, чтобы напомнить немцам про их провальные амбиции. Советские партизаны заложили тысячи взрывчаток в железнодорожном полотне в Беларуси. Когда советские солдаты атаковали, немецкие войска не могли получить подкрепления и быстро отступить. Поэтому день 22 июня 1944 года принадлежал солдатам Первого, Второго и Третьего Беларусских фронтов Красной армии. Они, а также две другие армейские группы насчитывали более миллиона солдат, и это было вдвое больше того, что было в распоряжении группы армий «Центр» Вермахта. Наступление, операция «Багратион», принесло СССР одну из самых важных побед в этой войне[1].

Двумя неделями ранее американцы присоединились к битве за Европу. Одержав победу над японским флотом в Тихом океане, Соединенные Штаты открыли крупный европейский фронт в войне 6 июня 1944 года. Американская армия (вместе с британской и армиями других западных союзников) высадила

---

[1] *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 246; *Zaloga S.J.* Bagration 1944: The Destruction of Army Group Center. – Westport: Praeger, 2004. – Pp. 27, 28, 43, 56.

сто шестьдесят тысяч солдат на пляжи Нормандии. Однако американская сила была также представлена и в глубине Беларуси, где советские моторизированные соединения, оснащенные американскими грузовиками и джипами, взяли в кольцо незадачливых немецких солдат. Немецкая тактика оцепления была освоена в сжатые сроки и направлена против самих же немцев. Советский прорыв в Беларуси был более драматичным, чем американское продвижение через Францию. Немецких солдат по численности было меньше, а у офицеров не было запасной стратегии. Немецкие командующие ожидали, что советское наступление пройдет через Украину, а не через Беларусь. Немцы потеряли около четырехсот тысяч пропавшими без вести, ранеными и убитыми. Группа армий «Центр» была разгромлена, путь на Польшу – открыт[2].

Красная армия быстро пересекла линию Молотова-Риббентропа и вошла в регион Люблинского округа Генерал-губернаторства. Василий Гроссман, советский писатель и фронтовой корреспондент, видел картину, которую оставили после себя немцы. Красная армия дошла до лагеря в Майданеке 24 июля 1944 года. В начале августа Гроссман увидел еще больший ужас, которого не могло бы придумать бедное воображение. Оказавшись в Треблинке, он быстро понял, что произошло: евреев Польши отравили в газовых камерах, тела сожгли, а пепел и кости закопали в полях. Он ощущал, что «земля колеблется под ногами... как морская пучина», и находил останки: фотографии детей в Варшаве и Вене, фрагмент украинской вышивки, мешок волос – светлых и темных[3].

К этому времени польские земли были под немецкой оккупацией уже почти пять лет. Для евреев Варшавы (или же почти для всех из них) операция «Багратион» была освобождением, которое так и не пришло. Среди пепла и костей, которые Гроссман увидел в Треблинке, находились останки более двухсот пятидесяти тысяч варшавских евреев.

---

[2] *Zaloga S.J.* Bagration 1944. – Pp. 7, 69, 71. Американцы были в Италии с 1943 года.

[3] *Гроссман В.С.* Треблинский ад // Все течет... : повести, рассказы, очерки. – Москва: Эксмо, 2010. – С. 264–265. Также см.: *Furet F.* Le passé d'une illusion. – P. 536; *Gerard J.G.* The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vassily Grossman. – New York: Free Press, 1996. – Pp. 187–189. Возможно, Гроссман не понимал, что знаки массового уничтожения были видны, потому что местное польское население искало ценности. Он бы не мог написать, что охранники в Треблинке были советскими гражданами.

В 1939 году оккупантов Польши было двое – Германия и Советский Союз. Для поляков-неевреев Варшавы, которые организовывали сопротивление немецкому режиму, операция «Багратион» предвещала прибытие очень сомнительного союзника. Она означала второе за время Второй мировой войны вторжение Красной армии на польскую территорию.

В этом была разница между опытом войны поляков и поляков-евреев. Поляки-неевреи жутко страдали и от немецких, и от советских оккупантов, но примерно одинаково от обоих. Поляки-неевреи, у которых было желание сопротивляться, могли иногда делать выбор, какому оккупанту противостоять и при каких обстоятельствах.

У выживших польских евреев были все причины предпочитать коммунистов немцам и видеть в Красной армии освободителей. Многие из примерно шестидесяти тысяч евреев, которые все еще были живы в Варшавском гетто после «Большой операции» лета 1942 года, выбрали сопротивление. Однако они не могли выбирать для него время и место. Все, что они могли, – это бороться.

Варшава была центром городского сопротивления нацистскому правлению в оккупированной Европе. В течение двух лет, с сентября 1942 года (когда Треблинка забрала жизни большинства евреев Варшавы) по сентябрь 1944 года (когда о том, что в ней творилось, написал Гроссман в своей статье «Треблинский ад»), как поляки, так и евреи (порознь и вместе) поднимали восстания против немецкой оккупации в апреле 1943-го и августе 1944 года.

Последствия еврейского и польского сопротивления в Варшаве были одинаковыми – разрушение. Когда в январе 1945 года Красная армия (а с ней и Гроссман) вошла в город, он представлял собой обломки и пепел. Половина населения погибла, а выжившие сбежали. Гроссман прибегнул к знакомому читателям литературному образу: последние люди, евреи и поляки, которых он нашел в руинах одного из зданий, были варшавскими «робинзонами», как Робинзон Крузо, герой романа Даниэля Дефо, потерянный для цивилизации и живущий на безлюдном острове много лет. Польский поэт Чеслав Милош, который во время войны жил в Варшаве, в свое время написал литературно-критический очерк именно об этом романе. Для него Робинзон Крузо был «легендой острова», идеей того, что моральные изъяны происходят от опыта, а оставшись наедине с собой, мы могли

ФИНЛЯНДИЯ
ШВЕЦИЯ
озеро Ладога
Хельсинки
Балтийское море
Ленинград янв. 1944
ЛЕНИНГРАДСКИЙ
Таллин
Тихвин
Новгород янв. 1944
3-й БАЛТИЙСКИЙ
ГРУППА АРМИЙ «СЕВЕР»
Псков
Демьянск
Волга
Рига
Холм
2-й БАЛТИЙСКИЙ
Калинин
Великие Луки
СССР
Невель
Ржев
Данциг
РЕЙХСКОМИССАРИАТ ОСТЛАНД
Витебск июнь 1944
1-й БАЛТИЙСКИЙ
Москва
Каунас
ГЕРМАНИЯ
Вильнюс июль 1944
Смоленск
3-й БЕЛОРУССКИЙ
Ока
ГРУППА АРМИЙ «ЦЕНТР»
Рязань
Минск июль 1944
Линия фронта 19 августа 1944 г.
Белосток июль 1944
2-й БЕЛОРУССКИЙ
Бобруйск
Брянск
Варшава
Лодзь
Орел
Брест июль 1944
Пинск
Припять
Гомель
1-й БЕЛОРУССКИЙ
Полесские болота
Люблин июль 1944
Чернигов
Курск
Воронеж
Краков
Луцк
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВО
Ровно февраль 1944
Львов июль 1944
Житомир
Киев дек. 1943
Белгород
1-й УКРАИНСКИЙ
РЕЙХСКОМИССАРИАТ УКРАИНА
Харьков авг. 1943
Дон
Днестр
4-й УКРАИНСКИЙ
Линия фронта 17 июля 1943 г.
Винница
Днепр
ВЕНГРИЯ
ГРУППА АРМИЙ «СЕВЕРНАЯ УКРАИНА»
Черновцы
Днепропетровск
Сталино
2-й УКРАИНСКИЙ
Кишинев
Таганрог
Ростов
Мариуполь
Николаев
Мелитополь
ГРУППА АРМИЙ «ЮЖНАЯ УКРАИНА»
Одесса
Азовское море
3-й УКРАИНСКИЙ
РУМЫНИЯ
Крым
Керчь
Бухарест
Дунай
Севастополь Май 1944
Новороссийск
София
Черное море
БОЛГАРИЯ
СОВЕТСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ 1943–1944 г.
ГРЕЦИЯ
Стамбул
Лето 1944
Весна 1944
Осень 1943
ТУРЦИЯ

бы быть хорошими. В этом эссе и в своей поэзии о поляках и евреях Варшавы Милош предлагает обратную мысль: единственная надежда на этику состоит в том, чтобы каждый помнил об одиночестве другого[4].

В Варшаве во время Второй мировой войны поляки и евреи были одиноки так или иначе, не имея помощи от внешнего мира и даже от тех, кого они считали друзьями и союзниками. Они были одиноки по-разному, так как их ждала разная участь в одной и той же войне. У них был общий город, который был центром польской и еврейской цивилизаций. Теперь города не было и все, что от него осталось, – это легенда или, точнее, две легенды: польская и еврейская, существующие между солидарностью и одиночеством, знающие друг о друге, но одинокие в послевоенном мире.

Польский и еврейский заговор против немецкой власти (они отличались друг от друга, но были связаны) начался намного раньше, после немецкого вторжения в Польшу в сентябре 1939 года.

27 сентября 1939 года в подвале здания банка восемь мужчин и женщин (большинство из них были «Вольными каменщиками») положили начало заговору, из которого образовалась Польская подпольная армия. Сначала известную как «Служба победе Польши», армию возглавлял генерал, приказавший организовать национальное подполье. В 1940 году, когда правительство Польши обосновалось в изгнании во Франции, вооруженное подполье дома получило название «Союз вооруженной борьбы». В 1940-м и 1941 годах его основным заданием было объединять сотни меньших по размеру групп сопротивления, которые возникли в Польше, и собирать секретную информацию для польского правительства и его союзников. Союз вооруженной борьбы активно действовал в зоне немецкой оккупации; попытки же создать агентурную сеть в зоне советской оккупации пресекались НКВД. После вторжения Германии в Советский Союз в июне 1941 года польское сопротивление могло действовать на всей территории оккупированной Польши[5].

---

[4] *Engelking B., Libionka D.* Żydzi w powstańczej Warszawie. – Warszawa: Polish Centre for Holocaust Research, 2009. – P. 260. Также см.: *Miłosz C.* Legends of Modernity: Essays and Letters from Occupied Poland, 1942–43. – New York: Farrar, Strauss, and Giroux, 2005; *Snyder T.* Wartime Lies // The Nation. – 06.01.2006.

[5] *Tokarzewski-Karaszewicz M.* U podstaw tworzenia Armii Krajowej // Zeszyty Hitoryczne. – 1981. – № 56. – Pp. 124–157.

В начале 1942 года Союз вооруженной борьбы трансформировался в Армию Крайову. Армия Крайова должна была быть эквивалентом Польской армии, воевавшей за границей с союзниками на Западном фронте. Как и польское правительство, которое теперь находилось в изгнании в Лондоне, Армия Крайова олицетворяла все политические и социальные силы страны. Она боролась за восстановление Польши в ее довоенных границах как демократической республики с равными правами для всех граждан. Большинство поляков, выбравших сопротивление, оказались в Армии Крайовой, хотя крайне левые коммунисты и крайне правые националисты основали собственные партизанские силы: коммунисты – Гвардию Людову, позже известную как Народная армия, которая была тесно связана с Советским Союзом и НКВД; националисты, считавшие коммунистов и советский строй врагами худшими, нежели немцы, сражались в рядах Национальных вооруженных сил[6].

Еврейское сопротивление в Варшаве пошло другим путем, хотя это стало понятно не сразу. В первые месяцы немецкой оккупации Польши 1939 года в еврейском сопротивлении как таковом, казалось, было мало смысла. Поначалу не было ясно, что судьба польских евреев будет настолько отличаться от судьбы неевреев. Немало варшавских евреев, которые больше всего были напуганы немецким вторжением, сбежали в советскую оккупационную зону Польши, откуда многих из них депортировали в Казахстан. Тот факт, что в 1940 году было основано гетто, не обязательно говорил польским евреям, что их судьба хуже, чем у поляков-неевреев, которых в это время массово расстреливали и высылали в концлагеря. В 1940 году поляков за пределами гетто высылали в Аушвиц, а евреев обычно не высылали, но наличие гетто означало, что еврейское сопротивление будет ответом на специфически еврейскую беду. Когда немцы насильно отделяли евреев от поляков-неевреев в Варшаве в октябре 1940 года, они создавали новую социальную реальность, создавали категории, определявшие разные судьбы[7].

Однако гетто не принесло евреям согласия по вопросу о том, как действовать против немцев и действовать ли вообще. У польских евреев в Варшавском гетто уже были политические обязательства, благодаря оживленной внутриеврейской политической жизни в межвоенной Польше. Евреи прини-

[6] О борьбе за восстановление Польши как демократической республики см.: *Libionka D.* ZWZ-AK. – Pp. 19, 23, 34. Об НКВД см.: *Engelking B., Libionka D.* Żydzi w powstańczej Warszawie. – P. 147.

[7] *Libionka D.* ZWZ-AK. – P. 24.

мали участие в местных и национальных выборах в Польше, а также в выборах внутри своей общины. Партий насчитывалось великое множество, а партийная преданность была глубокой. На крайнем правом крыле спектра располагались сионисты-ревизионисты, которые готовились перед войной к вооруженному сопротивлению британцам в Палестине. Они в числе первых поверили, что вооруженная борьба против немцев в условиях гетто необходима и возможна. Ревизионисты и члены их молодежной организации «Бетар» узнали об убийстве евреев в Вильнюсе от братьев по партии еще летом 1941 года. Они также узнали про ликвидацию гетто в Люблине весной 1942 года приблизительно в то время, когда она и происходила. Они имели некоторое представление о распространении «окончательного решения» с востока от линии Молотова-Риббентропа до запада от нее, от пуль до газа[8].

Только «Большая операция» в Варшаве в июле–сентябре 1942 года подтолкнула ревизионистов к формированию Еврейского воинского союза. Его военным командиром был Павел Френкель; членами его политического комитета были Михал Стрыковски, Леон Родал и Давид Вдовински. Союз уходил корнями в довоенные традиции сотрудничества с Польским государством, что может объяснить его хорошее вооружение. В конце 1930-х годов польский режим надеялся вывезти большую часть своего еврейского населения на Ближний Восток. Польское руководство поэтому налаживало близкие отношения с сионистами-ревизионистами, которые надеялись повести большинство польско-еврейского населения в Палестину. Ревизионисты были готовы использовать насилие для создания еврейского государства, и польские власти симпатизировали такому подходу. До войны юные сионисты-ревизионисты из «Бетара» готовились в довоенной Польше воевать за Палестину. Как и молодых людей из организации «Иргун» (организация сопротивления в Палестине, к которой часть из них примкнула), их иногда обучали представители Польской армии. Внутри гетто в 1942 году ревизионисты также собирали деньги (и грабили для этого богатых евреев) на покупку вооружения за пределами гетто[9].

Если история Еврейского воинского союза – это история милитаристской

---

[8] *Wdowinski D.* And Are We Not Saved. – P. 205.

[9] *Wdowinski D.* And Are We Not Saved. – Pp. 79, 82; *Libionka D., Weinbaum L.* Pomnik Apfelbauma, czyli klątwa «majora» Iwańskiego // Więż. – 2007. – № 4. – P. 110; *Libionka D., Weinbaum L.* Deconstructing Memory and History: The Jewish Military Union (ZZW) and the Warsaw Ghetto Uprising // Jewish Political Studies Review. – 2006. – № 18 (1/2). – P. 4; *Libionka D.* Apokryfy z dziejów Żydowskiego Związku Wojskowego i ich autorzy // Zagłada Żydów. Studia i materiały. – 2005. – № 1. – P. 166.

правой партии, которая адаптировалась к условиям даже более жестким, чем те, которых она ожидала, то история другой группы сопротивления в Варшавском гетто – Еврейской боевой организации – это история множественных центристских и левых политических партий, которые сошлись на том, что евреям могут помочь только военные действия.

Подобно правому Еврейскому воинскому союзу, Еврейская боевая организация возникла как результат «Большой операции». Самые старые и самые маленькие уже почти все были депортированы и погибли. Возможно, депортации (хотя они затронули все группы) уничтожили консервативный центр еврейской политики – ортодоксально-иудейскую и политически приспособленческую организацию «Агудас Израиль». До войны ее платформа состояла в сотрудничестве с польским правительством в обмен на общинную и религиозную автономию. Этот компромиссный подход был опробован в ходе антисемитского насилия и антисемитского законодательства в Польше в конце 1930-х годов, но остался популярным среди старшего поколения варшавских религиозных евреев, которые к этому времени почти все погибли в Треблинке. Никакой предыдущий польский опыт не подготовил «Агудас» к нацистам, которые отплатили за компромиссы уничтожением[10].

После сентября 1942 года Варшавское гетто было, по сути, еврейским рабочим лагерем, в котором жили преимущественно молодые мужчины. Отцов, которые, возможно, раньше боялись подвергать свои семьи опасности, теперь уже ничего не сдерживало. Политики левого крыла выступили на передний план. Еврейские левые в довоенной Польше были разделены из-за множества фундаментальных споров: ехать в Палестину или оставаться в Польше, доверять или не доверять Советскому Союзу, заниматься ли агитацией на идиш, польском либо иврите и так далее. В это время среди варшавских евреев снова появилось самое радикальное из левых политических движений – коммунизм. Сталин, распустивший Коммунистическую партию Польши в 1938 году, позволил ее возродить как Польскую рабочую партию в январе 1942 года. Некоторые ее польско-еврейские активисты тогда пробрались в Варшавское гетто, где призывали к вооруженному сопротивлению. Крупнейшая еврейская социалистическая партия «Бунд» была гораздо менее склонна использовать силу. В общем, эти организации продолжали свою деятельность совершенно

[10] Об «Агудас Израиль» см.: *Bacon G.C.* The Politics of Tradition: Agudat Yisrael in Poland, 1916–1939. – Jerusalem: Magnes Press, 1996.

порознь. За три месяца после «Большой операции» было достигнуто общее согласие по поводу необходимости вооруженного сопротивления. Еврейская боевая организация была основана в декабре 1942 года. Как группа политиков с небольшой военной подготовкой или вообще без нее и без какого-либо оружия, она прежде всего нуждалась именно в оружии. Ее первым шагом было обращение к Армии Крайовой с просьбой об оружии[11].

За пределами гетто «Большая операция» вынудила Армию Крайову заняться еврейской политикой. Польское сопротивление уже приняло четкую позицию в 1941 году, например, осуждая работу охранников в концлагерях как «национальное предательство». Однако Армия Крайова до лета 1942 года имела тенденцию рассматривать бедственное положение Польши и бедственное положение поляков как одно и то же. Армия Крайова после массовых расстрелов польских евреев на востоке создала еврейскую секцию в феврале 1942 года. Она собирала доказательства уничтожения, которые передала союзникам и «Би-Би-Си» в апреле 1942 года. Депортации летом 1942 года побудили поляков-католиков организовать операцию по спасению под кодовым названием «Жегота», которую к декабрю проспонсировало Польское правительство. (Поляков карали смертью за помощь евреям). Некоторые офицеры Армии Крайовой принимали участие в этих действиях. Офицеры разведки Армии Крайовой обеспечивали документами евреев, скрывавшихся за пределами гетто. Когда Еврейская боевая организация попросила оружие в декабре 1942 года, Армия Крайова предложила помочь евреям сбежать из гетто, возможно, чтобы те потом могли присоединиться к вооруженной борьбе. Это предложение Еврейская боевая организация отклонила. Ее лидеры хотели сражаться, поэтому отказались от стратегии ухода[12].

Варшавские командиры Армии Крайовой выдвигали стратегические аргументы против вооружения евреев вообще. Хотя Армия Крайова тяготела к партизанской деятельности, она боялась, что восстание в гетто спровоцирует всеобщее восстание в городе, который немцы тогда сметут. К такому Армия Крайова в конце 1942 года не была готова. Командиры Армии Крайовой рассматривали преждевременное восстание как коммунистическое

[11] История создания Еврейской боевой организации сложна. См.: *Sakowska R.* Ludzie z dzielnicy zamkniętej. – Pp. 322–325; *Zuckerman Y.* A Surplus of Memory: Chronicle of the Warsaw Ghetto Uprising. – Berkeley: University of California Press, 1993.

[12] Об организации спасения см.: *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – P. 16; *Libionka D*. ZWZ-AK. – Pp. 27, 33, 36, 39, 56.

искушение, которого надо избегать. Они знали, что СССР (а следовательно, и польские коммунисты) подстрекает местное население немедленно взять в руки оружие против немцев. СССР хотел спровоцировать партизанскую войну в Польше, чтобы ослабить немцев, но еще и чтобы воспрепятствовать польскому сопротивлению советской власти, когда она придет. Задание Красной армии облегчилось бы, если бы немецкие войска погибли в партизанской войне; точно так же и НКВД было бы легче, если бы польскую элиту истребили за сопротивление немцам. Еврейская боевая организация включала в себя коммунистов, которые придерживались советской линии и верили, что Польша должна подчиняться Советскому Союзу. Командование Армии Крайовой не могло забыть, что Вторая мировая война началась, когда немцы *вместе с* советскими солдатами вторглись в Польшу. Половина Польши провела половину войны в составе Советского Союза. СССР хотел получить назад Восточную Польшу, а возможно, и больше. С точки зрения Армии Крайовой советский режим был ненамного лучшим, чем нацистский. Ее целью была независимость. Вряд ли можно было чем-нибудь оправдать организацию, которая выступала за независимость Польши и при этом вооружала бы коммунистов внутри Польши[13].

Несмотря на эти предостережения, Армия Крайова все-таки дала Еврейской боевой организации несколько пистолетов в декабре 1942 года. Еврейская боевая организация использовала их, чтобы выиграть авторитет и власть внутри гетто. Для сопротивления юденрату и еврейской полиции достаточно было вооружиться палками, пистолетами и храбростью. Убивая (или пытаясь убить) еврейских полицейских и стукачей гестапо в конце 1942-го – начале 1943 года, Еврейская боевая организация создала ощущение, что в гетто рождается новый моральный закон. Юзеф Шерински, начальник еврейской полиции, получил выстрел в шею, но не умер. Еврейская боевая организация убила Якуба Лейкина, который возглавлял полицию во время главной операции по депортации, а позже и Мечислава Бжезинского, который загонял своих собратьев-евреев в поезд на Умшлагплац. Еврейская боевая организация напечатала листовки, объясняющие, что коллаборация с врагом – преступление и карается смертью. Таким образом, Еврейская боевая организация вытеснила юденрат, начальник которого вынужден был признать, что ему больше не принадлежит «власть в гетто, здесь другая власть». Без эффективной еврейской

[13] *Libionka D.* ZWZ-AK. – Pp. 60, 71.

администрации и аппарата принуждения немцы больше не могли делать в гетто все, что им заблагорассудится[14].

На немецкое решение про судьбу гетто и его оставшихся обитателей влияли соображения, которых евреи не понимали. Для немцев Варшавское гетто сначала было транзитным пунктом для планировавшейся депортации в Люблинский округ, на Мадагаскар или в Советский Союз; затем временным трудовым лагерем, а затем транзитным пунктом для депортаций в Треблинку. В конце 1942-го – начале 1943 года это снова был трудовой лагерь (временный и уменьшенный в размерах), в котором работниками были те, кого отобрали для этого во время «Большой операции». Хотя Гиммлер никогда не колебался в своем намерении уничтожать евреев при немецкой власти, другие начальники хотели (по крайней мере, в этот момент) сохранять жизни еврейских работников. Ганс Франк волновался о нехватке работников в своем Генерал-губернаторстве. Многие поляки трудились в Германии, так что еврейская рабочая сила в оккупированной Польше стала более важной. Евреи поддерживали военную экономику Германии, поэтому Вермахт тоже был заинтересован в сохранении им жизни[15].

Гиммлер был способен на компромиссы. В начале 1943 года он собирался позволить большинству выживших евреев из Варшавского гетто пожить немного подольше, но в то же время он собирался ликвидировать и само гетто, которое считал центром политического сопротивления, беспорядков и болезней. Гиммлер собирался уничтожить евреев, которые жили в гетто нелегально, без рабочих документов. Затем он хотел депортировать остающихся евреев в качестве работников в другие концлагеря, где они будут продолжать работать. Во время своего посещения Варшавы 9 января 1943 года, Гиммлер приказал распустить гетто. Около восьми тысяч евреев, которые находились в нем нелегально, были отправлены в Треблинку и отравлены газом, а остальных приблизительно пятьдесят тысяч должны были послать в концлагеря. Однако когда через девять дней немцы вошли в гетто, чтобы привести в исполнение приказы Гиммлера, евреи прятались или оказывали сопротивление.

[14] *Bartoszewski W., Lewinówna Z.* Ten jest z ojczyzny mojej: Polacy z pomocą Żydom 1939–1945. – Warszawa: Świat Książki, 2007. – P. 32; *Sakowska R.* Ludzie z dzielnicy zamkniętej. – P. 321 (цитата Марека Лихтенбаума на с. 326).

[15] *Gutman I.* Resistance: The Warsaw Ghetto Uprising. – Boston: Houghton Mifflin, 1994. – P. 198.

Несколько евреев выстрелили в первых вошедших в гетто немцев, застав их врасплох, что привело к панике. Немцы убили около 1170 евреев на улицах и депортировали около пяти тысяч человек. После четырех дней немцам пришлось удалиться и пересмотреть свое решение. Варшавские командиры Армии Крайовой были впечатлены. Оружию, которое они дали Еврейской боевой организации, нашлось хорошее применение[16].

Это был не первый случай, когда евреи в Польше сопротивлялись немцам. В рядах самой Армии Крайовой было очень много людей еврейского происхождения. Хотя об этом факте было известно командирам Армии Крайовой, его почти никогда не обсуждали. Многие люди еврейского происхождения в Армии Крайовой считали себя поляками, а не евреями. Другие же скрывали свою еврейскую идентичность, поскольку в Варшаве военного времени не стоило распространяться о своем еврействе. Хотя антисемитов в Армии Крайовой было меньшинство, даже одно предательство могло означать смерть. Новым явлением в январе 1943 года стало то, что евреи использовали оружие против немцев как евреи, в ходе открытого *еврейского* акта сопротивления. Это был мощный удар по антисемитскому стереотипу, утвердившемуся в Армии Крайовой и вообще в польском обществе, согласно которому евреи не сражаются. Теперь варшавское командование Армии Крайовой передало Еврейской боевой организации значительную часть собственного скромного запаса вооружения: винтовки, амуницию, взрывчатку[17].

Гиммлер в Берлине был взбешен. 16 февраля 1943 года он решил, что гетто должно быть уничтожено не только как сообщество людей, но и как физическое место. Этот район Варшавы не представлял никакой ценности для расы господ, поскольку здания, как выразился Гиммлер, «использованные недочеловеками», были непригодны для проживания в них немцев. Немцы планировали провести налет на гетто 19 апреля. Опять-таки, его немедленной целью было не уничтожить всех евреев, а скорее перенаправить их рабочую силу в концлагеря, а затем разрушить гетто. Гиммлер не сомневался, что это сработает. Он думал наперед о возможностях использования места: в долговременной перспективе оно станет парком, но, пока не будет выиграна война,

---

[16] *Engelking B., Leociak J.* The Warsaw Ghetto. – P. 763; *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau: Historia i następstwa. – Warszawa: IPN, 2007. – Pp. 33–34.

[17] О вооружении см.: *Libionka D.* ZWZ-AK. – P. 69; *Moczarski K.* Rozmowy z katem. – Cracow: Znak, 2009. – P. 232. Об антисемитском меньшинстве см.: *Engelking B., Libionka D.* Żydzi w powstańczej Warszawie. – P. 193 (и по тексту).

тут будет концлагерь. Еврейские работники из Варшавы будут трудиться на износ в других местах[18].

Прямо перед запланированным нападением на Варшавское гетто Йозеф Геббельс, шеф немецкой пропаганды, внес в это дело свой собственный вклад. В апреле 1943 года немцы обнаружили Катынь – одно из мест, где НКВД уничтожил военнопленных в 1940 году. Геббельс заявил: «Катынь – это моя победа». Он выбрал день 18 апреля 1943 года, чтобы объявить об обнаружении трупов польских офицеров. Катынь можно было использовать для создания проблем в отношениях между СССР и Польшей, а также поляками и евреями. Геббельс рассчитывал (и небезосновательно), что доказательство расстрела советским НКВД тысяч польских офицеров значительно усложнит сотрудничество между Советским Союзом и польским правительством в изгнании. Между этими двумя союзниками и без того были напряженные отношения, и польское правительство никогда так и не получило удовлетворительного ответа от советских властей относительно пропавших офицеров. Геббельс также хотел использовать Катынь, чтобы продемонстрировать антипольскую политику якобы еврейского руководства Советского Союза и тем самым отдалить поляков от евреев. Такой была пропаганда накануне немецкого нападения на Варшавское гетто[19].

У Еврейской боевой организации тоже были свои планы. То, что немцы не довели до конца зачистку гетто в январе 1943 года, подтверждало опасения еврейского руководства насчет того, что приближается окончательная расправа. Зрелище убитых немцев на улицах сломило барьер страха, а вторая партия оружия от Армии Крайовой придала уверенности. Евреи в гетто считали, что дальнейшая депортация будет проводиться прямиком в газовые камеры. Это было не совсем так: если бы они не боролись, их (по крайней мере, большинство из них) отослали бы как работников в концлагеря, но только на несколько месяцев. Выжившие варшавские евреи были совершенно правы в своих суждениях. «Последняя стадия переселения, – написала одна из них, – это смерть». Немногие из них погибнут в Треблинке, но почти все они погибнут до конца 1943 года. Они были правы, считая, что сопротивление вряд ли

---

[18] Цитата Гиммлера: *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – P. 36.

[19] Wojna żydowsko-niemiecka / Ed. by Szapiro P. – London: Aneks, 1992. – P. 9; The Stroop Report / Ed. by Milton S. – New York: Random House, 1979 (по тексту); *Libionka D.* Polska kospiracja wobec eksterminacji Żydów w dystrykcie warszawskim // Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / Ed. by Engelking B., Leociak J., Libionka D. – Warszawa: IfiS PAN, 2007. – P. 472.

уменьшит их шансы на выживание. Если немцы выиграют войну, они будут убивать оставшихся евреев в своей империи. Если немцы продолжат проигрывать в войне, они будут убивать еврейских работников в качестве предосторожности по мере приближения советских войск. Пока еще далекая, но приближающаяся Красная армия означала еще какой-то момент жизни в каторжной работе на немцев, но Красная армия на пороге будет означать газовую камеру или выстрел[20].

Убежденность евреев во всеобщей гибели обеспечила возможность для сотрудничества с еврейским сопротивлением. Пока немецкая политика внушала евреям веру в то, что некоторые из них выживут, отдельные люди могли надеяться, что они станут исключением, и социальное разъединение было неизбежным. Теперь же, когда немецкая политика убедила оставшихся евреев Варшавского гетто, что они все погибнут, еврейское общество в гетто проявило впечатляющую сплоченность. В период с января по апрель 1943 года евреи построили себе множественные бункеры в подвалах, иногда связанные между собой тайными переходами. Еврейская боевая организация установила собственную структуру командования. Главным командиром был Мордехай Анелевич; руководителями трех обозначенных секторов гетто были Марек Эдельман, Израиль Канал и Исхак Цукерман (которого в последний момент заменил Элиэзер Геллер). Это позволило получить больше оружия и обучить всех членов им пользоваться. Некоторые евреи, работавшие на немецких заводах вооружения, умудрялись красть материалы для самодельной взрывчатки. Еврейская боевая организация узнала о планах немцев напасть на гетто за день до этого, поэтому, когда немцы пришли, все было готово[21].

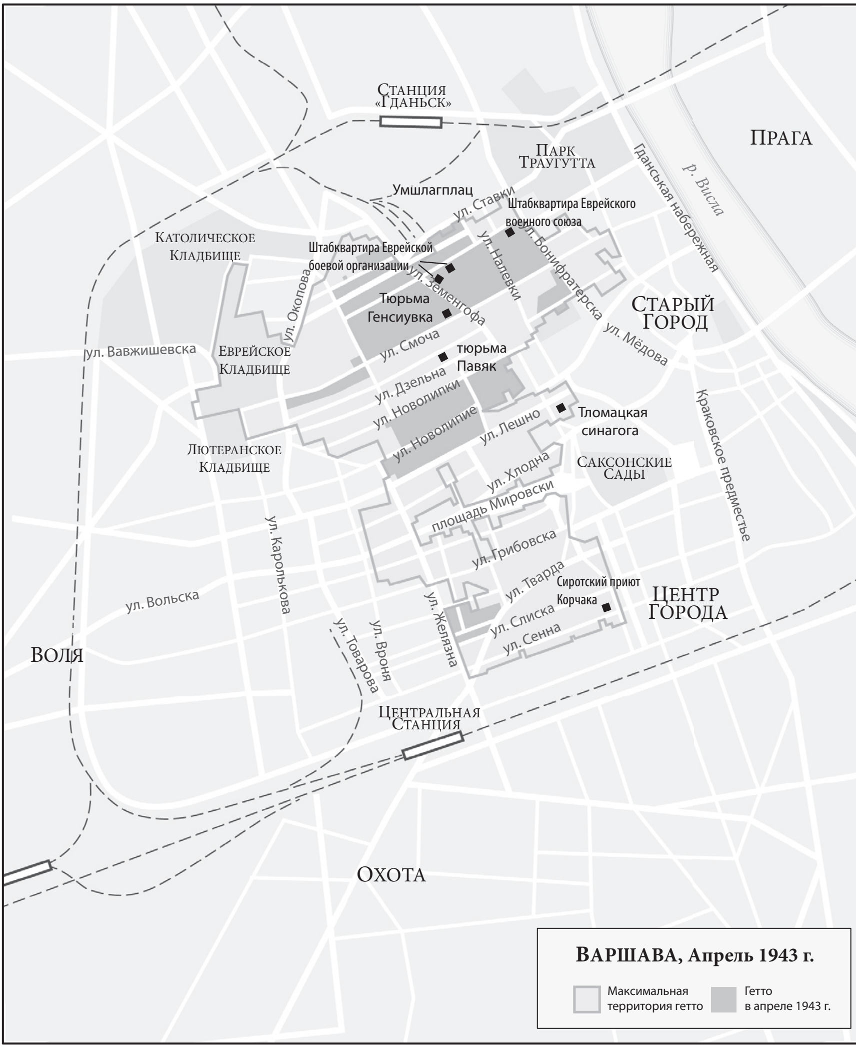
Некоторые члены Армии Крайовой с удивлением и восхищением называли это «еврейско-немецкой войной»[22].

Когда СС, Полиция порядка и «травники» вошли в гетто 19 апреля 1943 года, их встретили снайперским огнем и «коктейлями Молотова». Им даже пришлось отступить из гетто. Немецкие командующие докладывали, что в битве потеряли двенадцать своих людей. Мордехай Анелевич написал письмо своему товарищу

[20] Цитату Густавы Ярецкой см.: *Kassow S.D.* Who Will Write Our History? – P. 183.

[21] *Engelking B., Leociak J.* The Warsaw Ghetto. – P. 774; *Engelking B., Leociak J.* Getto warszawskie: Przewodnik po nieistniejącym mieście. – Warszawa: OFiS PAN, 2003. – P. 733; *Gutman I.* Resistance. – P. 201.

[22] Wojna żydowsko-niemiecka (passim); *Libionka D*. ZWZ-AK. – P. 82.

по Еврейской боевой оргинazиции, Исхаку Цукерману, который в то время был за пределами гетто, о том, что еврейская контратака «превзошла наши самые смелые мечты: немцы дважды бежали из гетто». Пресса Армии Крайовой написала про «неизмеримо сильное и решительное вооруженное восстание»[23].

Члены Еврейского военного союза, организации правого толка, забрались

[23] Цит.: *Zuckerman Y.* A Surplus of Memory. – P. 357; Wojna żydowsko-niemiecka. – P. 35.

на верхушку самого высокого здания в гетто и водрузили два флага: польский и сионистский. Отряды Еврейского военного союза боролись с большой решимостью возле своего штаба на Мурановской площади. 20 апреля был отстранен от должности начальник СС и полиции Варшавского округа Фердинанд фон Заммерн-Франкенэгг. Его заменил Юрген Штроп, получивший звонок от разъяренного Гиммлера: «Вы должны снять эти флаги любой ценой!» Немцы их все же сняли 20 апреля (в день рождения Гитлера), хоть и понесли при этом потери. В этот день немцы умудрились войти в гетто и остаться там, хотя их шансы по зачистке населения казались слабыми: большинство евреев прятались, а многие были вооружены. Немцам пришлось разработать новую тактику[24].

С самого первого дня восстания в Варшавском гетто евреи гибли в бою. Когда немцы находили евреев, которые не могли работать, они тоже их убивали. Немцы знали, что им нет никакой пользы от тех, кого они найдут в госпитале на улице Генся, – там был последний в Варшаве еврейский госпиталь. Марек Эдельман нашел там десятки трупов в больничной одежде. В гинекологическом и акушерском отделениях немцы убили беременных женщин и рожениц вместе с новорожденными. На углу улиц Генся и Заменгофа кто-то подложил живого ребенка к обнаженной груди мертвой женщины. Хотя еврейское сопротивление выглядело для посторонних как война, но немцы не соблюдали никаких законов или обычаев войны внутри гетто. Простое существование еврейских недочеловеков для СС было преступлением само по себе, а их сопротивление приводило в ярость и оправдывало любые ответные действия[25].

Штроп решил, что единственный способ очистить бункеры и дома – сжечь их. Поскольку Гиммлер уже приказал физически уничтожить гетто, то сжечь дотла дома в нем потерей не считалось. И действительно, поскольку Гиммлер не знал, как разрушить здания, огонь решил две нацистских проблемы одним махом. 23 апреля 1943 года люди Штропа начали сжигать здания гетто, квартал за кварталом. Вермахт играл небольшую роль в этом сражении, но его саперы и огнеметчики были задействованы в разрушении жилых домов и бункеров. Эдельман вспоминал об «огромных огненных бурях, которые накрывали целые улицы». У задыхающихся евреев не было другого выхода, кроме как выбираться из своих бункеров. По воспоминаниям одного из выживших, они

---

[24] О флагах см.: The Stroop Report. Цит.: *Moczarski K.* Rozmowy z katem. – P. 200.
[25] Показания Эдельмана см.: Proces Stroopa Tom I. – SWMW-874, IVk 222/51 (теперь в IPN).

думали: «Пусть нас лучше застрелят, чем сгореть в огне». Евреи, застигнутые пожаром на верхних этажах зданий, прыгали вниз. Немцы захватили много узников с переломами ног. Этих людей допросили, а затем расстреляли. Единственным путем для евреев выбраться из подожженных зданий было перебираться из одного бункера в другой днем, а ночью – из одного дома в другой. В течение нескольких дней СС не будут себя чувствовать в безопасности на улицах гетто в темноте, поэтому еврейские бойцы и гражданское население могли в ночные часы передвигаться и перегруппировываться. Однако поскольку они не могли остановить пожара, их дни были сочтены[26].

Немцы атаковали гетто 19 апреля 1943 года, в канун праздника Песах. Пасха выпадала на следующее воскресенье, 25 апреля. Польский поэт Чеслав Милош описал христианский праздник по другую сторону гетто, вспоминая в своем стихотворении «Campo di Fiori», что люди катались на карусели на площади Красинского, прямо за стеной гетто, когда евреи боролись и умирали. «Я думал тогда, – писал Милош, – об одиночестве погибающих». Карусель работала ежедневно в течение всего восстания. Она стала символом еврейской изолированности: евреи погибали в собственном городе, когда поляки за стенами гетто жили и смеялись. Многим полякам было безразлично, что происходит с евреями в гетто. Однако были и неравнодушные, некоторые пытались помочь и даже погибли при этом[27].

В течение целого года перед тем, как началось восстание в Варшавском гетто, Армия Крайова сообщала британцам и американцам о польских евреях в газовых камерах. Армия Крайова передала донесения про лагерь смерти в Хелмно, и польские власти проследили, чтобы они дошли до британской прессы. Западные союзники не предпринимали никаких действий. В 1942 году Армия Крайова проинформировала Лондон и Вашингтон о депортациях из Варшавского гетто и о массовом уничтожении евреев в Треблинке. Точнее сказать, эти события всегда преподносились польским правительством как элемент более крупной трагедии граждан Польши. Ключевая информация, однако, сообщалась. Поляки, как и евреи, (ошибочно) полагали, что распространением информации о депортациях можно их остановить. Польское правительство убеждало союзников отвечать на массовое уничтожение поль-

[26] *Moczarski K.* Rozmowy z katem. – P. 252 (цитата на с. 253).
[27] *Engelking B., Leociak J.* The Warsaw Ghetto. – P. 794.

ских граждан (в т.ч. евреев) убийством немецкого гражданского населения. Великобритания и Соединенные Штаты все так же ничего не предпринимали. Польский президент и польский посол в Ватикане просили Папу римского выступить с речью о массовом уничтожении евреев, но безрезультатно[28].

Среди западных союзников только польские власти предприняли хоть какие-то прямые действия, чтобы остановить уничтожение евреев. К весне 1943 года «Жегота» помогла примерно четырем тысячам евреев, которые скрывались. Армия Крайова объявила, что будет расстреливать поляков, шантажирующих евреев. 4 мая, когда евреи Варшавского гетто сражались, премьер-министр Владислав Сикорски издал обращение: «Я призываю всех сограждан предоставлять помощь и убежище тем, кого убивают, и в то же время, перед лицом всего человечества, которое слишком долго хранит молчание, я осуждаю эти преступления». Как понимали и евреи, и поляки, варшавское командование Армии Крайовой не могло спасти гетто, даже если бы отдало всех своих бойцов и оружие для этой цели. У него на этот момент почти не было боевого опыта. Тем не менее, семь из первых восьми вооруженных операций, проведенных Армией Крайовой в Варшаве, были направлены в поддержку тех, кто сражался в гетто. Двое поляков погибли в самом начале восстания в Варшавском гетто, пытаясь пробить его стены. Провалились и несколько последующих попыток проломить стены гетто. Всего Армия Крайова сделала около одиннадцати попыток помочь евреям. Советские же пропагандисты, воспользовавшись случаем, утверждали, что Армия Крайова отказала в помощи сражавшимся в гетто[29].

Арье Вильнер, которого поляки Армии Крайовой знали как Юрека, был важным связным между Еврейской боевой организацией и Армией Крайовой. Он был убит во время восстания в Варшавском гетто, но до этого передал своим польским связным важное сообщение, ставшее само по себе почти легендой. Именно он распространил описание еврейского сопротивления, кото-

---

[28] *Puławski A.* W obliczu Zagłady. Rząd RP na Uchodźstwie, Delegatura Rządu RP na Kraj, ZWZ-AK wobec deportacji Żydów do obozów zagłady (1941–1942). – Lublin: IPN, 2009. – Pp. 412, 420–421, 446; *Libionka D.* Głową w mur. Interwencje Kazimierza Papée, polskiego ambasadora przy Stolicy Apostolskiej, w sprawie zbrodni niemieckich w Polsce, listopad 1942–styczeń 1943 // Zagłada Żydów. Studia i materiały. – 2006. – № 2. – Pp. 292–314.

[29] Цит.: *Engelking B., Leociak J.* The Warsaw Ghetto. – P. 795. Об одиннадцати попытках помочь евреям см.: *Engelking B., Leociak J.* Getto warszawskie. – P. 745; *Libionka D.* ZWZ-AK. – P. 79. О советской пропаганде см.: *Redlich S.* Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR, 1941–1948. – Boulder: East European Monographs, 1982. – P. 49.

рое одобрила Армия Крайова и сама же напечатала: что восстание в гетто было не столько вопросом спасения жизни евреев, сколько вопросом спасения человеческого достоинства. Это понимали в терминах польского Романтизма – так, что дела нужно судить по намерениям, а не по результатам, что жертвование облагораживает, а жертвование жизнью облагораживает навечно. Суть сказанного Вильнером часто оставалась незамеченной или забывалась: еврейское сопротивление в Варшаве касалось не только достоинства евреев, но и достоинства человечества как такового, в том числе поляков, британцев, американцев и советских людей – всех, кто мог бы сделать больше, но вместо этого делал меньше[30].

Шмуэль Зигельбойм, представитель «Бунда» в польском правительстве в экзиле, которое находилось в Лондоне, знал, что гетто подожгут. Он получил четкое представление об общем развитии Холокоста от Яна Карского, курьера Армии Крайовой, который в 1942 году приносил руководителям стран Альянса известия о массовых уничтожениях. Зигельбойм не знал деталей, но уяснил себе общее развитие событий и сделал попытку рассказать о них остальному миру. В осторожной предсмертной записке от 12 мая 1943 года, адресованной польскому президенту и премьер-министру, но предназначенной и для руководителей стран Альянса, он написал: «Хотя ответственность за преступление уничтожения всего еврейского народа лежит прежде всего на преступниках, непрямую вину несет на себе и все человечество». На следующий день он покончил с собой, разделив таким образом, как он написал, судьбу своих собратьев-евреев в Варшаве[31].

Евреи Варшавы продолжали сражаться, не имея надежды. К маю 1943 года рапорты от Штропа к его начальникам стали более спокойными и методичными – все больше о цифрах. Неизвестно, сколько евреев были сожжены заживо или покончили с собой в бункерах; 56 065 человек были схвачены, из них около семи тысяч были застрелены на месте; 6929 были отосланы в Треблинку, а остальные (большинство) в качестве подневольной рабочей силы были отправлены в трудовые лагеря, такие как Майданек. Штроп 16 мая провозгласил победу над Варшавским гетто, взорвав динамитом Тломацкую синагогу.

[30] О Вильнере см.: *Sakowska R.* Ludzie z dzielnicy zamkniętej. – P. 326.

[31] Цит.: *Engelking B., Leociak J.* Getto warszawskie. – P. 750; *Gutman I.* Resistance. – P. 247; *Marrus M.R.* Jewish Resistance to the Hohocaust // Journal of Contemporary History. – 1995. – № 30 (1). – P. 98: *Friedländer S.* The Years of Extermination. – P. 598.

Теперь, как и приказал Гиммлер, немцы начали уничтожать все, что осталось от гетто. Все остававшиеся здания были разрушены, а подвалы и канализационные каналы затоплены. 1 июня 1943 года Гиммлер отдал приказ построить новый концлагерь на тлеющих руинах гетто[32].

Некоторые евреи все же выжили после восстания в гетто, но им некуда было податься за его пределами. В 1943 году Армия Крайова была даже больше обеспокоена коммунизмом, чем в 1942 году. Вследствие ареста и авиакатастрофы летом 1943 года на место более сочувствующего польского командующего и премьер-министра пришли менее сочувствующие. Несмотря на свои обещания, Армия Крайова так и не создала еврейский отряд из ветеранов восстания в Варшавском гетто. В 1943 году соединения Армии Крайовой иногда убивали вооруженных евреев в селах как бандитов. Имели место несколько случаев, когда солдаты Армии Крайовой убили евреев, чтобы завладеть их имуществом. С другой стороны, Армия Крайова действительно казнила поляков, которые выдавали евреев или пытались их шантажировать[33].

Та же самая немецкая трудовая кампания, которая спровоцировала восстание в Варшавском гетто, также переориентировала польское сопротивление. Во время того своего визита в Варшаву в январе 1943 года, когда он впервые потребовал ликвидировать гетто, Гиммлер приказал проводить массивные облавы на поляков, чтобы забирать их на принудительные работы. Беспорядочная охота на работников, которая за этим последовала, была крайне разрушительна для польского общества, поскольку женщины и дети неожиданно оказались без мужей и отцов. За первые три месяца 1943 года около трех тысяч варшавских поляков были высланы в Майданек. Там к ним в мае того же года присоединились тысячи варшавских евреев, привезенных из Варшавского гетто после потерпевшего неудачу восстания. Варшавские поляки и евреи, разделенные стенами гетто в 1941-м и 1942 годах, оказались в 1943

[32] О вышеприведенных цифрах см.: *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – P. 256. О 1 июня 1943 года см.: *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – P. 39.

[33] См.: *Zimmerman J.D.* The Attitude of the Polish Home Army (AK) to the Jewish Question During the Holocaust: The Case of the Warsaw Ghetto Uprising // Varieties of Antisemitism: History, Ideology, Discourse / Ed. by Baumgarten M., Kenez P., Thompson B. – Newark: University of Delaware Press, 2009. – P. 120; *Libionka D.* ZWZ-AK. – Pp. 119–123.

году за одной колючей проволокой. Майданек к тому времени был трудовым лагерем с прикрепленной к нему газовой камерой, как Аушвиц, хоть и гораздо меньшего размера. Там погибли около пятидесяти тысяч польских евреев и приблизительно десять тысяч поляков-неевреев[34].

Знание о таких местах депортации, как Майданек, настраивало мужчин и женщин вступать в Армию Крайову. Поскольку их могли в любой момент схватить и отправить на работы в концлагерь, жизнь в подполье казалась безопаснее, чем открытая жизнь в Варшаве. Подполье также обеспечивало дух товарищества как антидот страху и возможность отмщения как бальзам от бессилия. Немцы пытались помешать созданию организованного сопротивления их облавам путем уничтожения польского образованного класса (десятки тысяч человек во время вторжения 1939 года), а затем тысяч человек в ходе операции «АБ» в 1940 году. Те, кто планировал эти операции, подразумевали именно эту проблему, с которой теперь столкнулись в реальности: обращение с Польшей как с безмозглым трудовым ресурсом приведет к сопротивлению, если останется в живых хоть кто-то, способный повести поляков против немцев. Однако польские просвещенные классы намного превосходили ожидания немцев, и в условиях угнетения не было недостатка в людях, желающих взять командование на себя.

Командиры Армии Крайовой предпочитали оставаться в подполье, организовывать, собирать бойцов (мужчин и женщин) и выжидать самого удобного момента для общего восстания. Такая терпеливость и расчет становились все более трудными в 1943 году. Советские радио и печатная пропаганда подстрекали поляков начать восстание как можно скорее. Поляки, зная о судьбе евреев в своей стране, боялись, что их самих могут уничтожить, если немецкое правление будет продолжаться. Особым шоком было выполнение «Генерального плана “Ост”» в Люблинском округе Генерал-губернаторства. Хотя этот массивный немецкий план колонизации в целом был отсрочен, но Одило Глобочник претворял его в жизнь. Начиная с ноября 1942 года и в течение первой половины 1943 года немцы опустошили триста польских сел вокруг Замосця, чтобы создать на этой территории расово немецкую колонию. Около ста тысяч поляков были депортированы в ходе этой операции «Замосць», многие – в Майданек и Аушвиц. Поскольку операция «Замосць» начиналась тогда, когда заканчивалась операция «Рейнхард», и проходила там же, где операция «Рей-

[34] *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – P. 242.

нхард» начиналась, многие поляки считали, что это и было началом «окончательного решения» польской проблемы. Это было не совсем так, поскольку «Генеральный план “Ост”» предполагал уничтожение большинства поляков, но не всех их; но таков был логический вывод в тех обстоятельствах[35].

По мере изменения немецкой трудовой политики и в ходе восстания варшавских евреев многие поляки в Варшаве и в других городах также переходили к более решительной форме сопротивления. Если евреи в гетто не видели другого выхода, кроме как броситься на борьбу по принципу «пан или пропал», то у поляков-неевреев была возможность модулировать свое сопротивление на некой шкале: от подпольного заговора до открытого сражения. В марте 1943 года Армия Крайова вышла из тени и занялась покушениями и партизанской войной. Попытки помогать борцам гетто были среди ее самых ранних и все еще довольно непрофессиональных публичных актов вооруженного сопротивления. Со временем проводимые операции стали более эффективными. Члены Армии расстреливали немецких полицейских, а также польских граждан, сотрудничавших с Гестапо. За август 1943 года немцы насчитали 942 случая партизанского сопротивления в Варшавском округе Генерал-губернаторства и 6214 подобных инцидентов по всему Генерал-губернаторству[36].

Переход Армии Крайовой к вооруженному сопротивлению повлек за собой ответ немцев. Цикл террора и контртеррора продолжился и в следующем году. 13 октября 1943 года немцы начали применять технику блокирования (которую довели до совершенства в Варшавском гетто во время «Большой операции» летом 1942 года) к другим районам Варшавы. Мужчин хватали без разбору для публичных карательных расстрелов, предназначенных для того, чтобы запугать население и сокрушить нараставшее сопротивление. Арестованных забирали группами в наперед объявленое время и место по пять–десять человек с завязанными глазами и расстреливали. Мужчины перед расстрелом громко выкрикивали «Да здравствует Польша!», поэтому немцы

[35] *Madajczyk C.* Vom «Generalplan Ost». – P. 15; *Rutherford P.T.* Prelude to the Final Solution. – P. 218; *Aly G., Heim S.* Architects of Annihilation. – P. 275; *Ahonen P., Corni G., Kochanowski J., Schulze R., Stark T., Stelzl-Marx B.* People on the Move: Forced Population Movements in the Second World War and Its Aftermath. – Oxford: Berg, 2008. – P. 39.

[36] О марте 1943 года см.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944 / Transl. by Harshav B. – Madison: University of Wisconsin Press, 2001. – P. 41. Об уничтожении евреев как мотиве см.: *Puławski A.* W obliczu Zagłady. – P. 442. О 6214 случаях партизанского сопротивления см.: BA-MA, RH 53–23 (WiG). – P. 66.

стали затыкать их кляпами, надевать мешки на голову или заклеивать рты. Поляки действительно приходили смотреть на расстрелы, но было неясно, усваивают ли они урок, который им преподносят немцы. После расстрелов женщины собирали землю, политую кровью, клали ее в кувшины и уносили с собой в церковь[37].

Немцы смирились с провалом пропаганды, но продолжали массово уничтожать поляков в Варшаве – иногда людей, действительно причастных к сопротивлению, иногда случайных заложников. Они перенесли место экзекуции на территорию бывшего гетто, где расстрелы не были видны. Крупная тюрьма, где держали поляков, также находилась в стенах бывшего гетто. Большое количество поляков, а также несколько евреев, обнаруженных в руинах, были расстреляны там осенью 1943 года. Например, 9 декабря 1943 года были расстреляны сто тридцать девять поляков, шестнадцать еврейских женщин и еврейский ребенок. 13 января 1944 года были расстреляны более трехсот поляков. Эти расстрелы в гетто все еще были «публичными», хотя никому не позволялось при них присутствовать. Семьям сообщали о судьбе их родных. После 15 февраля 1944 года поляки просто исчезали из своих домов или с улиц, их расстреливали в гетто без какого-либо публичного упоминания о произошедшем. Около девяти с половиной тысяч человек были расстреляны на руинах гетто с октября 1943 года по июль 1944 года, некоторые из них были выжившими евреями, но большинство – поляками-неевреями[38].

С завязанными глазами и связанные, эти поляки не могли знать, что их доставляют на смерть в новейший гиммлеровский концлагерь. Концлагерь «Варшава», открывшийся 19 июля 1943 года на руинах Варшавского гетто, был одним из самых ужасных порождений нацистского режима[39].

Сначала немцы заставили евреев жить в обозначенном месте Варшавы и дали ему название – гетто. Затем они приказали провести депортации из соседних регионов в переполненное гетто, обеспечив тем самым десятки тысяч смертей от голода и болезней. Затем они депортировали более двухсот пятидесяти тысяч евреев из гетто в газовые камеры Треблинки, расстреляв еще около семнадцати тысяч человек во время этих депортаций. Затем они лик-

[37] О 13 октября 1943 года см.: *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – P. 286. О заклеивании ртов и земле см.: *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – Pp. 58–59.

[38] *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – Pp. 331, 348, 376, 378, 385, 427 (график).

[39] *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – P. 40.

видировали гетто, свое собственное творение. Они задавили вызванное этим сопротивление, расстреляв еще около четырнадцати тысяч евреев. Затем они сожгли дотла здания в Варшавском гетто. Наконец, они построили новый лагерь на этом опустошенном месте.

Это был Варшавский концлагерь. Это был остров очень условной жизни, расположенный в городской зоне смерти. Вокруг стояли кварталы сожженных зданий, внутри которых гнили человеческие останки. Варшавский концлагерь был окружен широким кольцом стен бывшего гетто и узким кольцом колючей проволоки и сторожевых вышек. Узниками были несколько сотен поляков и несколько сотен евреев. Это по большей части не были польские евреи, а евреи из других частей Европы. Их депортировали из их родных стран в Аушвиц, отобрали там для работы, а не отравили газом, а затем выслали в Варшавский концлагерь. Они были из Греции, Франции, Германии, Австрии, Бельгии и Нидерландов, а в 1944 году – еще и из Венгрии. Условия, в которых они находились в Варшавском концлагере, были настолько ужасными, что некоторые из них просили отправить их назад в Аушвиц и отравить газом[40].

Еврейские работники Варшавского концлагеря должны были выполнять на руинах три основных задания: разрушать здания бывшего гетто, которые все еще стояли после поджогов в апреле и мае 1943 года; искать ценности, которые могли остаться после евреев, а также выманивать все еще прячущихся евреев и вынуждать их прийти и сдаться. Некоторых из еврейских рабочих также посылали работать за стенами бывшего гетто в их полосатой форме и деревянных башмаках. Дружба между этими иностранными евреями и поляками Варшавы крепла, несмотря на языковой барьер. Один из этих рабочих вспоминал сцену за стенами гетто: «Польский мальчик, где-то лет четырнадцати, плохо одетый, стоял прямо возле нас с корзинкой, в которой было несколько яблочек. Он посмотрел на нас, подумал мгновение, а затем схватил свою корзинку и бросил ее нам. Затем побежал к другим мальчикам, продававшим продукты, и неожиданно хлеб и фрукты посыпались на нас дождем со всех сторон. Сначала эсэсовцы, охранявшие нас, не знали, что делать, – настолько они были удивлены этим неожиданным выражением солидарности. Затем они начали кричать на мальчиков, наставлять на них дула автоматов и бить нас за то, что принимали еду. Но нам не было больно, мы

[40] *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – Pp. 46, 53, 75.

не обращали на них внимания. Мы знаками показывали свою благодарность тем мальчикам»[41].

После октября 1943 года евреев Варшавского концлагеря заставляли выполнять еще одну работу: избавляться от тел поляков, привезенных из Варшавы и казненных на руинах гетто. Поляков привозили на грузовиках группами по пятьдесят или шестьдесят человек на территорию бывшего гетто, где их расстреливали в Варшавском концлагере или близко к нему из автоматов местные СС и отряд полиции. Еврейские узники должны были сформировать «команду смерти», которая уничтожала следы экзекуции. Они делали костер из дров, собранных на руинах гетто, а затем перекладывали тела и дрова слоями. Потом евреи обливали костер бензином и поджигали. Но это была «команда смерти» в несколько более широком смысле: в то время, как горели тела поляков, эсэсовцы расстреливали еврейских работников, которые возводили костер, и бросали их тела в огонь[42].

В стихотворении Милоша «Бедный христианин смотрит на гетто», написанном в 1943 году, говорится о неземной силе, способной среди серости обломков и сажи различить «пепел каждого отдельного человека». Однако никакая земная сила не могла отделить еврейский пепел от польского.

Летом 1944 года в таком городе сопротивление было неизбежно, а вот его форма и направление не имели определенного характера. Командиры Армии Крайовой и польское правительство в Лондоне должны были принять очень сложное решение. Их люди страдали больше, чем жители столицы любой другой страны Альянса, но они находились в суровом стратегическом положении: полякам доводилось думать о тогдашней немецкой оккупации в свете угрозы будущей советской оккупации. После успеха операции «Багратион», проведенной Красной армией в конце июня, немецкие солдаты устремились в июле через Варшаву. Казалось, что немцы уже были на пороге поражения, и это было хорошей новостью, но также казалось, что советские солдаты скоро их заменят в Варшаве, и это хорошей новостью не являлось. Если Армия Крайова открыто сразится с немцами и победит, то сможет приветствовать входящую Красную армию как хозяйка собственного дома. Если же она открыто сразится с немцами и проиграет, то будет жалкой и бессильной, когда войдут советские войска.

[41] Цитата: *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – P. 69.
[42] *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – P. 60.

Если поляки ничего не сделают, у них не будет оснований для ведения переговоров ни с советскими, ни с западными союзниками[43].

Если их британские и американские союзники могли себе позволить иллюзии насчет Сталина, то польские офицеры и политики не могли. Они не забыли, что Советский Союз был союзником нацистской Германии в 1939–1941 годах и что его оккупация Восточной Польши была беспощадной и репрессивной. Поляки знали о депортациях в Казахстан и Сибирь, знали они и о расстрелах в Катыни. Сталин оборвал дипломатические отношения с польским правительством из-за того, что вскрылись обстоятельства Катыни, которая была еще одной причиной не доверять Советскому Союзу. Если Сталин использовал собственную бойню как причину для прекращения отношений с польским правительством, как можно с ним честно договариваться о чем бы то ни было? И если Советский Союз не признавал легитимное польское правительство во время совместной войны против нацистской Германии, то каковы шансы, что он будет поддерживать польскую независимость, когда война завершится, а советская позиция значительно укрепится?

У американцев и британцев были еще б*о*льшие сомнения. Красная армия побеждала в войне против Вермахта на Восточном фронте, и Сталин был более важным союзником, чем любое польское правительство. Британцы и американцы чувствовали себя комфортнее, принимая лживую версию о катынской бойне и обвиняя в ней немцев. Им было значительно проще подговаривать польских союзников к компромиссу, чем стараться одержать победу над Сталиным. Они хотели, чтобы поляки приняли ложную версию о том, что это немцы, а не советский режим, уничтожили польских офицеров, и предпочли бы, чтобы Польша отдала восточную половину своей территории Советскому Союзу, что было неприемлемым действием для любого суверенного правительства.

По этому поводу Лондон и Вашингтон в конце 1943 года уже договорились, что Советский Союз заберет восточную половину довоенной Польши после войны. Западная советская граница, предоставленная Сталину Гитлером, была подтверждена Черчиллем и Рузвельтом. Лондон и Вашингтон одобрили (с небольшими изменениями) линию Молотова-Риббентропа как будущую советско-польскую границу. В этом смысле Польшу предал не только Советский Союз, но и ее западные союзники, которые подговаривали поляков

[43] О связи с операцией «Багратион» см.: *Zaloga S.J.* Bagration 1944. – P. 82.

идти на компромиссы в то время, когда с помощью этих компромиссов можно было достигнуть еще меньшего, чем поляки думали. Половина их страны уже была сдана без их участия[44].

Преданное собственными союзниками, польское правительство в Лондоне уступило инициативу польским бойцам в Варшаве. Не видя другой надежды, кроме польского суверенитета, Армия Крайова сделала выбор в пользу восстания в столице, которое должно было начаться 1 августа 1944 года.

Варшавское восстание в августе 1944 года состоялось в рамках операции «Буря» – хорошо спланированного национального восстания, которое должно было обеспечить польским войскам выдающуюся роль в освобождении довоенной польской территории. К концу июля, однако, операция «Буря» уже провалилась. Армия Крайова планировала сражаться с немецкими подразделениями, когда те отступали от Красной армии на территории бывшей Восточной Польши. Невозможно было заключить предварительные соглашения с Советским Союзом об условиях этого сотрудничества, поскольку Сталин разорвал дипотношения. Польские командующие действительно вступили в локальные соглашения с советскими командующими летом 1944 года, но дорогой ценой. Переговоры означали, что поляки должны были выходить из укрытий и называть свои настоящие имена, а советская власть воспользовалась польской уязвимостью по максимуму. К полякам, которые раскрывались, чтобы присоединиться к совместной борьбе против немцев, относились как к людям, которые могли сопротивляться будущему советскому режиму. Советский Союз не имел ни малейшего намерения поддерживать какой-либо институт, утверждавший, что представляет независимую Польшу. Советское руководство и НКВД относились к каждой польской политической организации (за исключением коммунистов) как к части антисоветского заговора[45].

В июле 1944 года польским соединениям было позволено помогать Красной армии в наступлении на Вильнюс и Львов (главные города довоенной Восточной Польши), но затем они были разоружены своими советскими союзниками. Польским солдатам предложили выбор: либо они воюют под со-

---

[44] Члены Альянса обсудили будущее польских границ на Тегеранском саммите 28 ноября – 1 декабря 1943 года (см.: *Ciechanowski J.M.* Powstanie Warszawskie. – Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989. – P. 121).

[45] Операція «Сейм» 1944–1946/Operacja «Sejm» 1944–1946. – Warszawa-Київ: IPN, 2007. – С. 5 (и по тексту).

ветским командованием, либо тюрьма. После разоружения НКВД арестовал всех, у кого было политическое прошлое. Советским партизанам было разрешено принять участие в победоносной кампании против немцев, а польским партизанам – нет. Действительно, в некоторых случаях советских партизан настроили против польских бойцов. Партизанский отряд Тувии Бельского, например, принимал участие в разоружении Армии Крайовой. Трагедия операции «Буря» была тройной: Армия Крайова потеряла людей и оружие; польское правительство осознало крах своей военной стратегии; поляки лишились жизни или свободы, сражаясь за землю, которую Польша ни в коем случае не могла получить обратно, поскольку Черчилль и Рузвельт уже отдали ее Сталину[46].

И все же новости из Германии давали некоторую надежду польским командирам в Варшаве. 20 июля 1944 года немецкие военные офицеры пытались убить Адольфа Гитлера, но потерпели поражение. Новость заставила некоторых командиров Армии Крайовой полагать, что Германия потеряла волю сражаться и поэтому смелый удар может прогнать немцев из Варшавы. Еще одним стимулом польского сопротивления стало то, что 22 июля СССР представил в Люблине собственный состав временного правительства для Польши. Лаборатория нацистской экспериментальной политики теперь стала центром будущего коммунистического марионеточного правительства. Сталин заявлял о своем праве определять, кто будет формировать польское правительство. Если Армия Крайова ничего не сделает, то на должности в Варшаве будут поставлены его люди и Польша перейдет прямиком от нацистской оккупации к советской. Как в 1939 году, так и в 1944 году тот факт, что у поляков были западные союзники, значил очень мало или же совсем ничего не значил. К июлю 1944 года, когда Красная армия уже оккупировала более половины довоенной Польши, было ясно, что страну будут освобождать советские вооруженные силы. В конце июля американцам оставался месяц ходу до Парижа (где они поддержат французское восстание); шансов, что американские войска освободят Польшу, не было. Любое политическое сопротивление советским планам должно было исходить от самих поляков[47].

25 июля 1944 года польское правительство предоставило Армии Крайо-

[46] О партизанском отряде Бельского см.: *Libionka D.* ZWZ-AK. – P. 112. О множественных точках зрения на Бельского см.: *Snyder T.* Caught Between Hitler and Stalin // New York Review of Books. – 2009. – № 56/7 (April 30).

[47] О 22 июля 1944 года см.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 64.

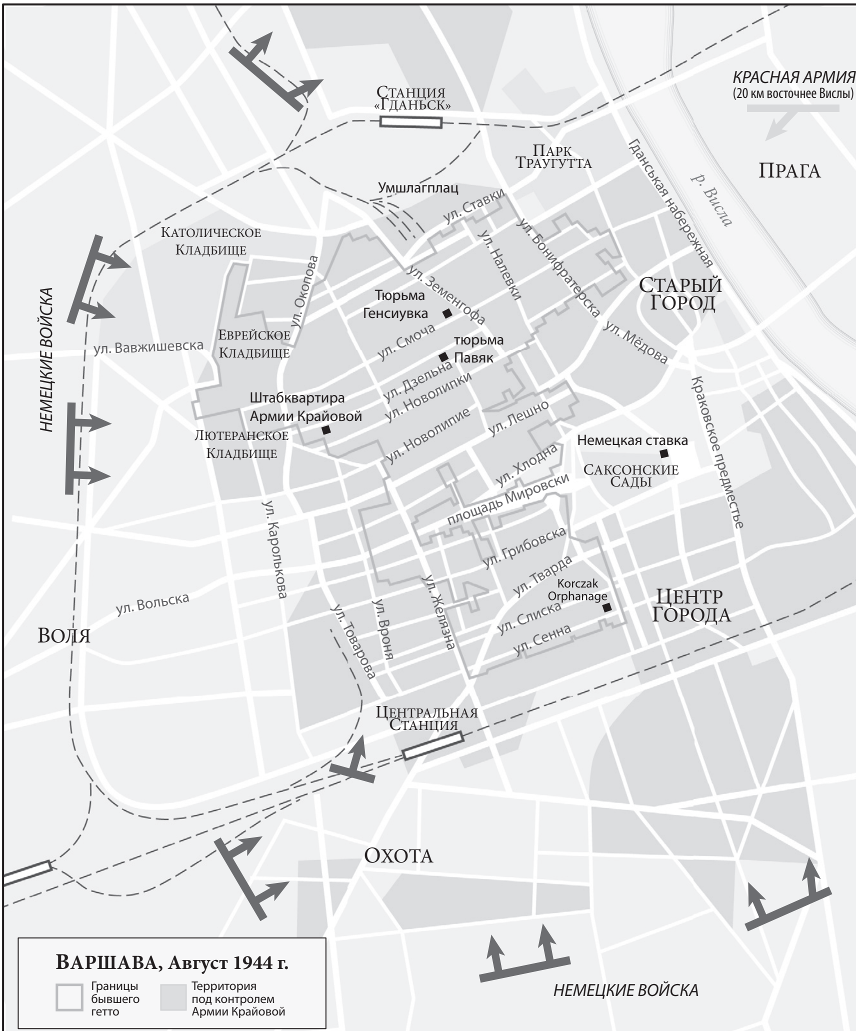
вой в Варшаве полномочия начать восстание в столице, выбрав время на свое усмотрение. Сама Варшава была исключена из планов операции «Буря»; Варшавский округ Армии Крайовой отослал много своего вооружения на восток страны, где его конфисковали советские войска. Понять логику немедленного восстания в Варшаве многим было непросто. Командование Польской армии на Западном фронте, возглавляемое генералом Владиславом Андерсом, было исключено из обсуждений. Учитывая немецкую антипартизанскую тактику, восстание в глазах многих выглядело самоубийством. Немцы убивали поляков в массивных карательных акциях в течение всей войны; если восстание провалится, рассуждали некоторые командующие в Варшаве, пострадает все гражданское население. Аргументом в пользу восстания было то, что бунт не может провалиться: независимо от того, победят поляки немцев или нет, Красная армия быстро продвигается и прибудет в Варшаву через несколько дней. Согласно этой превалирующей логике, единственный вопрос стоял так: сделают ли поляки первыми усилие по освобождению своей столицы?[48]

Поляки оказались между приближавшейся Красной армией и оккупационными немецкими силами. Они не могли самостоятельно победить немцев, поэтому надеялись, что советское наступление вынудит немцев отступать и что между уходом Вермахта и приходом Красной армии будет какой-то промежуток времени. Они надеялись, что этот интервал не будет слишком коротким и они смогут установиться как польское правительство до прихода советских войск.

На деле же промежуток времени оказался слишком долгим.

Польские солдаты в форме и с нарукавными повязками начали нападение на немецкие позиции после обеда 1 августа 1944 года. Подавляющее большинство были из Армии Крайовой; меньшие по размеру отряды крайне правых Национальных вооруженных сил и коммунистическая Народная армия также присоединились к борьбе. В этот первый день Варшавского восстания Армия Крайова захватила большую часть центра города и Старый город, но не смогла захватить большинство стратегических военных объектов. Немцы особо не готовились к этому, но не были застигнуты совсем уж врасплох. Тяжело было скрыть мобилизацию, проводившуюся в самом городе. Немецкие силы поднялись по тревоге в 4:30, за полчаса до начала восстания. Поляки решили атаковать при солнечном свете долгого летнего дня и по этой причине понесли

[48] Об исключении и оружии см.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 61.

много потерь среди бойцов. Неопытным и слабо вооруженным войскам было особенно тяжело иметь дело с охраняемыми и фортифицированными объектами. Тем не менее, настрой среди бойцов и в самом городе был эйфорийный[49].

Там, где в те ранние августовские дни 1944 года польская власть вы-

[49] Об атмосфере сражений и их описание см.: *Davis N.* Rising ’44: «The Battle for Warsaw». – London: Macmillan, 2003. – P. 44. О том, что не были захвачены основные стратегические объекты, см.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 75.

тесняла немецкую, из своих укрытий к полякам выходили уцелевшие евреи. Многие просили разрешить им повоевать. По воспоминаниям Михала Зильберберга: «Еврейская точка зрения исключала пассивность. Поляки подняли оружие против смертельного врага. Наша обязанность как жертв и сограждан помогать им». Другие бойцы Варшавского восстания были ветеранами восстания в гетто 1943 года. Большинство этих евреев присоединились к Армии Крайовой, другие – к Народной армии или даже антисемитским Национальным вооруженным силам. Некоторые евреи (или поляки еврейского происхождения) были уже записаны в Армию Крайову или Народную армию. Почти наверняка больше евреев сражалось в августе 1944 года во время Варшавского восстания, чем в восстании Варшавского гетто в апреле 1943 года[50].

В начале августа, когда Армия Крайова не смогла занять важные немецкие позиции в Варшаве, ее солдаты все-таки одержали одну победу. Офицеры собрали добровольцев для опасной атаки на тщательно охраняемую позицию. 5 августа солдаты Армии Крайовой вошли в руины гетто, атаковали Варшавский концлагерь, победили охранявших его девяносто эсэсовцев и освободили остававшихся в нем триста сорок восемь узников (преимущественно иностранных евреев). Одним из солдат Армии Крайовой, принимавшим участие в этой операции, был Станислав Аронсон, которого в свое время депортировали из гетто в Треблинку. Другой солдат вспоминал еврея, который приветствовал их со слезами; третий вспоминал, как еврей умолял дать ему оружие и форму, чтобы он мог воевать. Многие из освобожденных евреев, которые были подневольной рабочей силой, действительно присоединились к Армии Крайовой, сражаясь в полосатой лагерной одежде, в деревянных башмаках и, по воспоминаниям одного из польских солдат, «с полным безразличием к жизни и смерти»[51].

Теперь Гиммлер снова увидел возможность, как и во время восстания в Варшавском гетто, продемонстрировать свою силу и одержать символическую победу. Несмотря на ожидания поляков, Красная армия прекратила

---

[50] О Зильберберге см.: *Engelking B., Libionka D.* Żydzi w powstańczej Warszawie. – P. 91 (и пассим); National Armed Forces. – Pp. 62, 86, 143.

[51] Об Аронсоне см.: *Engelking B., Libionka D.* Żydzi w powstańczej Warszawie. – P. 61; о Национальных вооруженных силах см.: Pp. 62, 86, 143; *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – Pp. 42, 101 (цитата о «безразличии»).

свое быстрое продвижение. При наличии Вермахта, упрямо державшего позиции на реке Висле прямо на востоке от центра Варшавы, с восстанием справятся СС и немецкая полиция. Это были институты Гиммлера, и он желал сделать это восстание своим, чтобы еще раз продемонстрировать Гитлеру свою роль как беспощадного вершителя ситуации[52].

В отличие от восстания в гетто, однако, эта кампания требовала подкрепления. После отступления немцев из Беларуси в наличии были опытные отряды по борьбе с партизанами. Эриху фон Бах-Зелевски, руководителю немецких антипартизанских формирований и ветерану партизанской войны в Беларуси, было поручено полное командование в Варшаве. Были призваны и другие ветераны антипартизанской войны в Беларуси. СС-команда Дирлевангера была отправлена из северо-восточной Польши, отряд Каминского – из юго-западной Польши. Они были подкреплены отрядами полиции, присланными из Познани, и несколькими сотнями иноземных солдат, преимущественно азербайджанцев, которые дезертировали из Красной армии. Приблизительно половина из тех людей, которые боролись в Варшаве в немецкой форме, не говорили по-немецки. Это, видимо, сделало операцию не менее кровавой, но более запутанной даже для самих немцев[53].

Каминский и его русские люди получили от Гиммлера персональное разрешение мародерствовать и с удовольствием восприняли эту часть своего задания. Они вошли в Охоту, юго-западную часть Варшавы, 4 августа 1944 года. В течение следующих десяти дней они концентрировались на кражах, а также убили несколько тысяч мирных поляков. Один из офицеров Каминского вспоминал: «Массовые расстрелы польских граждан без всякого разбирательства являлись обычным явлением». Солдаты также занимались систематическими изнасилованиями. Они сожгли госпиталь Института Марии Кюри, убив всех, кто в нем находился, но перед этим изнасиловали всех медсестер. Один из людей Каминского так охарактеризовал происходившее в Охоте: «Они насиловали монашек, и мародерствовали, и грабили все, что попадалось под руку». Немецкие командиры жаловались, что Каминский и его люди интересовались только «мародерством, кражами, пьянством и насилием над женщинами». Бах приказал схватить и казнить Каминского – не за убийства или сексуальное насилие, а за его

[52] *Krannhals H. von.* Der Warschauer Aufstand 1944. – Frankfurt am main: Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen, 1964. – P. 124.

[53] *Krannhals H. von.* Der Warschauer Aufstand 1944. – Pp. 124–127.

привычку красть для себя лично, а не для казны Рейха[54].

Действия спецкоманды СС Дирлевангера были еще хуже. Это была пестрая группа уголовников, иностранцев и эсэсовцев, отпущенных из лагерей наказания. Дирлевангер и сам был недисциплинированным: Гиммлеру довелось дважды приказывать ему идти на Варшаву. Отряд только что участвовал в беларусской кампании, где уничтожил десятки тысяч гражданских лиц в селах и городках. Теперь он уничтожит еще больше гражданских в огромном городе. Самый известный отряд Ваффен-СС в Беларуси теперь стал самым известным отрядом Ваффен-СС в Польше. Отряд Дирлевангера был ядром боевой группы под командованием Хайнца Райнефарта, генерал-лейтенанта войск СС и полиции в Вартегау – крупнейшем округе оккупированной Польши, аннексированном Германией[55].

Райнефарт получил от Гиммлера чрезвычайный приказ, состоящий из трех частей: уничтожить всех польских бойцов; всех остальных поляков, в том числе женщин и детей; сам город стереть до основания. Полицейские формирования и Спецкоманда СС Дирлевангера выполнили этот приказ точь-в-точь 5 и 6 августа 1944 года, расстреляв около сорока тысяч гражданских только за эти два дня. У них была военная цель: они должны были пройти через западно-центральный район «Воля» и освободить немецкую штаб-квартиру в парке Саксонские Сады. Они убрали баррикады Армии Крайовой на улице Воля, пригнав к ним поляков и заставив их сделать всю работу, используя женщин и детей как живой щит и изнасиловав некоторых из женщин. Двигаясь на восток, они разрушили все здания, одно за другим, с помощью бензина и ручных гранат. Улица Воли шла на юг от территории, на которой располагалось гетто, и через какие-то его самые южные части, поэтому их работа по деструкции превратила в руины и соседние районы[56].

---

[54] *Wroniszewski J.* Ochota 1939–1946. – Warszawa: MON, 1976. – Pp. 567, 568, 627, 628, 632, 654, 694; *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. – Pp. 79–82. Об Институте Марии Кюри см.: *Hanson J.K.M.* The Civilian Population and the Warsaw Uprising of 1944. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – P. 90. Цит.: Варшавское восстание 1944/Powstanie Warszawskie 1944 / Ed. by Mierecki P., Christoforow W. et al. – Москва-Warshawa: IHRAN-IPN, 2007. – P. 642 (про «массовые расстрелы»); *Dallin A.* The Kaminsky Brigade. – P. 81 («Они насиловали...»); Варшавское восстание. – Pp. 802–803 («мародерством, кражами...»).

[55] Ludność cywilna w Powstaniu Warszawskim / Ed. by Madajczyk C., Getta M., Janowski A. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. – P. 61.

[56] О приказе Гиммлера см.: *Sawicki J.* Sburzenie Warszawy. – Pp. 32, 35; *Krannhals H. von.* Der Warschauer Aufstand 1944. – P. 420. О живых щитах (и других ужасах) см.: *Stang K.* Dr. Oskar Dirlewanger. – P. 71; *Serwański E.* Życie w powstańczej Warszawie. – Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1965. – P. 64; Варшавское восстание. – Pp. 547, 751; *MacLean F.* The Cruel Hunters. –

Люди из бригады Дирлевангера сожгли три госпиталя вместе с пациентами. В одном из них раненым немцам оказали помощь польские доктора и медсестры, которым пообещали, что поляки не пострадают. Но это было не так. Люди бригады Дирлевангера убили польских раненых. Они привели в тот вечер медсестер в свой лагерь, как было заведено: каждую ночь офицеры стегали хлыстом отобранных женщин, а затем, прежде чем убить, происходило групповое изнасилование. Этот вечер был необычным даже по тем стандартам: под аккомпанемент мелодии флейты мужчины соорудили виселицу, а затем повесили врачей и голых медсестер[57].

Когда горели дома в Воле, люди искали пристанища на заводах, которые тогда стали для немецких СС и отрядов полиции удобными местами уничтожения. На одном заводе были расстреляны две тысячи человек, на другом – пять тысяч. Ванда Лурье, одна из немногих уцелевших в массовых расстрелах на заводе Урсуса, ждала ребенка. «Я вошла последней и держалась позади, все время отставала в надежде, что они не убьют беременную женщину. Однако меня взяли с последней группой. Я видела гору тел высотой примерно метр». Она потеряла своих детей: «Первый залп попал в старшего сына, второй – в меня, а третий – в моих младших детей». Она упала раненая, но потом смогла вырыться из-под мертвых тел. Позже она родила здорового ребенка. Массовое уничтожение приостановилось 6 августа, возможно, потому, что было мало пуль, а они нужны были для других дел[58].

Бойня в Воле не имела ничего общего с боевыми действиями. Немцы потеряли шесть человек убитыми и убили около двадцати солдат Армии Крайовой, при этом уничтожив по крайней мере тридцать тысяч человек гражданского населения. Соотношение убитых гражданских и военных было более чем 1000:1, даже если учитывать военные жертвы с обеих сторон. 13 августа Бах отменил приказы Гиммлера убивать, и организованные массовые расстрелы гражданского населения прекратились. Еще

P. 182. Также см.: *Ingrao C.* Les chasseurs noirs. – P. 180. О сорока тысячах убитых гражданских см.: *Hanson J.K.M.* The Civilian Population and the Warsaw Uprising of 1944. – P. 90; *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 81. Инграо пишет о 12 500 расстрелянных отрядом Дирлевангера за один только день (см.: *Ingrao C.* Les chasseurs noirs. – P. 53).

[57] О трех госпиталях см.: *Hanson J.K.M.* The Civilian Population and the Warsaw Uprising of 1944. – P. 88; *MacLean F.* The Cruel Hunters. – P. 182. О групповых изнасилованиях и убийствах см.: *Ingrao C.* Les chasseurs noirs. – Pp. 134, 150.

[58] О заводе, где были расстреляны 2000 человек, см.: Варшавское восстание. – P. 547. Цит.: *Hanson J.K.M.* The Civilian Population and the Warsaw Uprising of 1944. – P. 88.

много поляков будет убито, однако в ходе более-менее незапланированных действий. Когда немцы взяли Старый город, они уничтожили автоматным и минометным огнем семь тысяч раненых в полевых госпиталях. Около тридцати тысяч гражданских погибнут в Старом городе до окончания восстания[59].

В районе Воля, где происходили самые ужасные убийства, нужно было найти и убрать тела. Немцы организовали группу польских подневольных работников, которых назвали «команда по кремации». С 8 по 23 августа 1944 года этим людям было приказано обойти руины района Воля, вытащить разлагающиеся тела и сжечь их на кострах. В Воле остатки гетто были повсюду. Рабочие прошлись по улицам Воле, Электоральной и Холодной, с востока на запад, проходя в обратном направлении путь немецкой полиции и бригады Дирлевангера. Пять первых костров они зажгли сразу к востоку от гетто, следующие тринадцать – к западу от него. Польские работники (среди них был один еврей) сжигали тела, а их охранники-эсэсовцы играли в карты и смеялись[60].

Варшавское восстание не принесло победы над немцами, но у советского режима оно вызвало нечто большее, чем легкую досаду. Красную армию остановил неожиданно сильный отпор немцев прямо на подходах к Варшаве. Немцы напоследок оказывали сопротивление в Польше: Вермахт на Висле, а СС и полиция – в Варшаве. Несмотря на надежды некоторых поляков, нацистский режим не рухнул после покушения на Гитлера. Вместо этого немцы консолидировались на Восточном фронте. Операция «Багратион» сломила группу армий «Центр», но не весь Вермахт целиком. Она привела Василия Гроссмана к месту, где были убиты варшавские евреи, но не в саму Варшаву. Тем временем Украинский фронт Красной армии сражался в ходе крупных операций где-то на юго-востоке. У Сталина не было большой нужды брать Варшаву именно в августе 1944 года.

---

[59] *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 81.

[60] *Klimaszewski T.* Verbrennungskommando Warschau. – Warszawa: Czytelnik, 1959. – Pp. 25–26, 53, 69, 70. О еврейском рабочем см.: *Engelking B., Libionka D.* Żydzi w powstańczej Warszawie. – P. 210. Также см.: *Białoszewski M.* Pamiętnik z Powstania Warszawskiego. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczny, 1970. – P. 28.

В том, чтобы *подбить* поляков на восстание, а затем не поддержать его, был абсолютный сталинский смысл. Вплоть до последнего момента советская пропаганда призывала к восстанию в Варшаве, обещая советскую помощь. Восстание состоялось, а помощь не пришла. Хотя нет причины полагать, что Сталин умышленно остановил военные операции около Варшавы, проволочка на Висле устраивала его политически. С советской точки зрения, восстание в Варшаве было желательным, поскольку оно уничтожит немцев, а также поляков, готовых рисковать собственной жизнью ради независимости. Немцы сделают необходимую работу по ликвидации оставшейся польской интеллигенции и солдат Армии Крайовой, поскольку эти группы пересекались. Как только солдаты Армии Крайовой взялись за оружие, Сталин назвал их авантюристами и преступниками. Позже, когда Советский Союз получил контроль над Польшей, за сопротивление Гитлеру карали как за преступление, исходя из того соображения, что вооруженная операция, не контролирующаяся коммунистами, подрывала авторитет коммунистов, а коммунизм был единственным легитимным режимом для Польши.

Британцы и американцы не могли предоставить значимой помощи полякам Варшавы. Уинстон Черчилль, чья личная настойчивость была ключевым элементом войны, мало что мог сделать, кроме как подговаривать поляков, британских союзников, идти на компромисс с СССР. Летом 1944 года Черчилль советовал польскому премьер-министру Станиславу Миколайчику посетить Москву и заключить некоторые договоренности, которые позволят восстановить советско-польские дипломатические отношения. Когда Миколайчик прибыл в Москву в конце июля 1944 года, британский посол посоветовал ему уступать во всем: отдать восточную половину страны и принять советскую версию побоища в Катыни (то есть признать, что в нем виновны немцы, а не советский режим). Миколайчик знал, что и Рузвельт также предпочитает не оспаривать советскую версию Катыни. Начало Варшавского восстания застало Миколайчика в Москве. В этой неожиданной позиции он был вынужден просить Сталина о помощи, которую Сталин предоставить отказался. Тогда Черчилль попросил Сталина помочь полякам. Сталин от него отмахнулся 16 августа, сказав, что не собирается помогать «глупой авантюре»[61].

---

[61] Цит.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 91. Также см.: *Ciechanowski J.M.* Powstanie Warszawskie. – Pp. 138, 145.

Великобритания вступила в войну пять лет тому назад из-за вопроса польской независимости, которую теперь была неспособна защитить от советских союзников. Британская пресса часто повторяла сталинскую фразу, описывая поляков как авантюристов и своенравных людей, а не как британских союзников, которые пытаются вернуть себе собственную столицу. И Джордж Оруэлл, и Артур Кёстлер протестовали: Оруэлл говорил о «непорядочности и малодушии» британцев, которые отрицают обязанность союзников помочь восстанию, а Кёстлер называл бездействие Сталина «одним из величайших позоров этой войны»[62].

Американцам тоже не везло. Если бы американские самолеты можно было заправлять на советской территории, тогда они могли бы лететь из Италии в Портланд, бомбя немецкие позиции и поставляя снабжение полякам. В тот же день, когда Сталин резко отказал Черчиллю, 16 августа 1944 года, американские дипломаты добавили польские мишени в операцию «Фрэнтик» – кампанию авиационных бомбардировок в Восточной и юго-восточной Европе. Сталин не дал американским союзникам разрешения на дозаправку для этой миссии. Младший представитель американского дипломатического корпуса Джордж Кеннан понял, в чем состоит логика: отказ был «вызовом, брошенным со злорадным ликованием». В сущности, Сталин сказал американцам, что возьмет контроль над Польшей, и предпочитал, чтобы польские бойцы погибли, а восстание провалилось. Месяцем позже, когда восстание было практически подавлено, Сталин продемонстрировал свою силу и интеллект и изменил историческое решение: в середине сентября, когда для Варшавы это не играло уже никакой роли, он, наконец, позволил американские бомбардировки и провел несколько своих[63].

К тому времени Армия Крайова контролировала так мало территории Варшавы, что парашюты с провизией падали к немцам. Польские войска отступили, их силы сузились до всего лишь нескольких очагов сопротивления. Тогда, как в свое время и еврейские бойцы до них, они пытались бежать через коллекторы канализации. Немцы, подготовленные к этому собственным опытом 1943 года, сожгли или отравили их там газом.

---

[62] Цит.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 94.

[63] Цит.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 94. Также см.: *Davis N.* Rising ’44. – P. 44.

В начале октября 1944 года Гиммлер сказал Паулю Гейбелю, начальнику СС и полиции в Варшаве, что у Гитлера нет большего желания, чем разрушить город. От него не должно остаться камня на камне. Это было и желанием самого Гиммлера. Война как таковая была явно проиграна: британцы освободили Антверпен, американцы приближались к Рейну, а советская армия скоро возьмет Будапешт. Однако Гиммлер видел возможность достичь одной из его собственных военных целей – разрушить славянские и еврейские города, согласно «Генеральному плану “Ост”».

Гиммлер издал приказы (очевидно, 9 и 12 октября) о том, что вся Варшава должна быть разрушена – здание за зданием, квартал за кварталом. В этот момент огромные районы города уже лежали в руинах: гетто, прилегающий район Воля и здания, в которые попали немецкие бомбы в сентябре 1939-го или в августе 1944 года, когда немецкие самолеты бомбили Варшаву, делая вылеты из ее собственного аэропорта. Но большая часть города все еще стояла и многие ее обитатели все еще были живы. Теперь немцы эвакуировали выживших во временный лагерь в городе Прушкове, откуда около шестидесяти тысяч человек будут отправлены в концлагеря, а еще около девяноста тысяч – на принудительные работы в Рейх. Немецкие подрывники, оснащенные динамитом и огнеметами, имея опыт разрушения гетто, сожгли их фирмы, школы и дома[64].

Решение Гиммлера разрушить Варшаву служило определенному в*и*дению нацистского Востока, но не поддерживало цели немецкого военного дела во Второй мировой войне. Эрих фон дем Бах-Зелевски демонстрировал желание завербовать Армию Крайову как будущего союзника в финальном сражении против СССР; он отменил гиммлеровский приказ убивать в середине августа, не имея на то, казалось бы, достаточных полномочий, а затем согласился вести переговоры с командованием Армии Крайовой как с побежденным противником в конце сентября. По условиям сдачи в плен 2 октября 1944 года офицеры и солдаты Армии Крайовой, мужчины и женщины, должны были получить права, предоставляемые военнопленным согласно международному закону. По этим же причинам Бах противостоял тому завершению восстания, которое предпочитал Гиммлер, – полному разрушению города.

---

[64] О Гиммлере см.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – Pp. 79, 141; Варшавское восстание. – P. 807; *Krannhals H. von.* Der Warschauer Aufstand 1944. – P. 329 (и опыт гетто); *Ingrao C.* Les chasseurs noirs. – P. 182.

Вряд ли Бах мог найти многих союзников в Варшаве по тем же причинам, по которым нашел мало союзников в Беларуси: действия людей Дирлевангера и других немецких антипартизанских формирований были слишком незабываемо кровавыми. Немецкая реакция была такой невероятно разрушительной, что у польских бойцов не было другой альтернативы, кроме как ждать советского освобождения. Один из солдат Армии Крайовой написал в своем стихотворении: «Мы ждем тебя, красная чума, / Как избавления от черной смерти». Как и Бах, Вермахт противился гиммлеровской политике. Немецкие войска удерживали Красную армию на Висле и надеялись использовать Варшаву как крепость или, по крайней мере, ее здания в качестве укрытий. Все это не имело значения. Бах был переведен, армию проигнорировали, Гиммлер настоял на своем, и европейская столица была разрушена. В тот день, когда в Варшаву вошли советские войска, немцы сожгли последнюю библиотеку[65].

Ни у какой другой европейской столицы не было подобной судьбы: она была разрушена физически и потеряла почти половину своего населения. Приблизительно сто пятьдесят тысяч польских граждан были уничтожены немцами только в августе и сентябре 1944 года – за время Варшавского восстания. Приблизительно такое же количество польских неевреев из Варшавы уже погибли в концлагерях, в местах экзекуций в гетто, от немецких бомбардировок или в бою. Количество погибших варшавских евреев было большим в абсолютных цифрах и в процентном отношении. Процент погибших евреев из Варшавы (более 90%) превосходил процент погибших неевреев (около 30%). Только судьба городов, расположенных дальше на восток, таких как Минск и Ленинград, была похожа на судьбу Варшавы. Всего около половины обитателей погибли в городе, чье довоенное население составляло примерно 1,3 миллиона человек[66].

Размежевание на поляков и евреев для некоторых жертв было искусственным. Людвик Ландау, например, мог быть убит немцами потому, что был офицером Армии Крайовой и эффективным пропагандистом за независимую Польшу. Но случилось так, что он был убит как еврей. Некоторые судьбы были крепко переплетены. Еврейский историк Эмануэль Рингельблюм се-

---

[65] О Бахе и Вермахте см.: *Sawicki J.* Sburzenie Warszawy. – P. 284; *Krannhals H. von.* Der Warschauer Aufstand 1944. – Pp. 330–331. О последней библиотеке см.: *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 141.

[66] Подсчет: *Ingrao C.* Les chasseurs noirs (200 тысяч), *Borodziej W.* The Warsaw Uprising of 1944. – P. 130 (185 тысяч), Pohl. Verfolgung. – P. 121 (170 тысяч): *Krannhals H. von.* Der Warschauer Aufstand 1944. – P. 124 (166 тысяч).

кретно создавал архивы внутри гетто, на основании которых в будущем станет возможно воссоздать историю евреев в военной Варшаве. Его забрали в концлагерь после поражения восстания в гетто, но он был спасен с помощью офицера Армии Крайовой. Его приютили поляки в Варшаве, пока другой поляк не выдал его немцам. Затем его и поляков, которые укрывали его у себя, расстреляли на руинах Варшавского гетто. Представители Армии Крайовой разыскали и убили поляка, предавшего этих людей[67].

Тем не менее, когда восстание завершилось и на смену польской власти пришла немецкая, бедственное положение евреев вновь стало явственным. После разрушения города им в буквальном смысле слова не было где спрятаться. Они старались раствориться в колоннах высылаемых гражданских или в некоторых случаях найти советские войска и присоединиться к ним. До Варшавского восстания около шестнадцати тысяч евреев все еще прятались вместе с поляками за пределами бывшего гетто. После восстания в живых оставалось приблизительно двенадцать тысяч[68].

Немцы выиграли вторую битву за Варшаву, но политическая победа досталась СССР. Немцы применили ту же тактику, которую использовали в Беларуси, подчиняясь приказам практически той же цепочки людей: Гиммлер – Бах – Дирлевангер. На этот раз антипартизанская война сработала не потому, что патриоты Армии Крайовой были менее решительными, чем беларусские партизаны, а потому, что они были более изолированы. Советский Союз поддерживал партизан-коммунистов, которых мог контролировать, и действовал против тех некоммунистических бойцов, которых контролировать не мог. Польские войска сражались против немцев, но еще и за свою свободу. Они были обречены на гибель. Сталин с радостью поддерживал значительно меньшую по численности Народную Армию – коммунистическую силу, которая также сражалась в восстании. Если бы восстание возглавила не Армия Крайова, а Народная Армия, его отношение могло бы быть совершенно иным.

[67] О Ландау и Рингельблюме см.: *Bartoszewski W.* Warszawski pierścień śmierci. – P. 385. Отдельно о Рингельблюме см.: *Engelking B., Leociak J.* The Warsaw Ghetto. – P. 671. Также см.: *Kassow S.D.* Who Will Write Our History?

[68] Подсчет количества людей, которые прятались, см.: *Paulsson G.S.* Secret City: The Hidden Jews of Warsaw 1940–1945. – New Haven: Yale University Press, 2002. – P. 198.

Однако тогда сама история Польши была бы совершенно иной. Народная Армия имела некоторую поддержку среди населения, но гораздо меньшую, чем была у Армии Крайовой. Польская политика сместилась влево во время войны, как это случилось по всей оккупированной Европе. Однако коммунизм не был популярен. Поляки испытали на себе советский коммунизм во время самой войны на восточной половине страны. Суверенная Польша никогда бы не стала коммунистической. Варшавское восстание, уничтожив многих самых ярких и самых смелых представителей поколения, сделало будущее сопротивление гораздо более трудным. А еще, как и надеялись некоторые из самых прозорливых (и хладнокровных) его командиров, Варшавское восстание привлекло внимание американцев и британцев к сталинской жестокости. Американский дипломат Джордж Кеннан был прав: сталинский цинизм по отношению к Армии Крайовой был пощечиной его британским и американским союзникам. В этом смысле Варшавское восстание было началом конфронтации, которая будет иметь место после окончания Второй мировой войны.

Пока Красная армия медлила на востоке от Вислы с начала августа 1944 года до середины января 1945 года, немцы убивали евреев на западе от Вислы. В течение тех пяти месяцев Красная армия находилась менее чем в ста километрах от Лодзи – города с самым большим к тому времени еврейским населением, оставшимся в оккупированной Польше, и менее чем в ста километрах от Аушвица, где польских и европейских евреев все еще уничтожали в газовых камерах. Остановка Красной Армии на Висле обрекла на смерть не только польских борцов и гражданское население Варшавы, но и евреев Лодзи. Их количество очень уменьшилось после серии депортаций в Хелмно с декабря 1941 года по сентябрь 1942 года. Но в 1943-м и 1944 годах число евреев было относительно стабильным: оно составляло около девяноста тысяч еврейских работников и членов их семей. Немецкие гражданские власти, которые иногда предпочитали убивать людей посредством каторжной работы, держались тут значительно дольше, чем в других местах. Евреи Лодзи изготавливали оружие, поэтому Вермахт тоже предпочитал, чтобы они жили.

Большинство из оставшихся евреев Лодзи погибли в интервале между началом операции «Багратион» и последним советским наступлением через

Вислу. На следующий день после начала операции «Багратион», 23 июня 1944 года, гражданские власти Лодзи подчинились Гиммлеру и СС и позволили ликвидировать гетто в Лодзи. Газовая камера в Хелмно была вновь открыта на короткий период, и с 23 июня по 14 июля 7196 евреев Лодзи были там уничтожены. Затем фабрику смерти в Хелмно снова закрыли. Тем временем евреи Лодзи знали, что Красная армия недалеко. Они верили, что если смогут продержаться в гетто еще несколько дней или недель, то выживут. Первого августа, в день, когда началось Варшавское восстание, юденрат Лодзи был проинформирован, что все евреи будут «эвакуированы». Немецкий мэр города даже пытался убедить евреев, что они должны поспешить сесть на поезда до прихода Красной армии, потому что советские солдаты будут мстить людям, изготавливавшим оружие для Германии. Пока бушевало Варшавское восстание, а Красная армия выжидала, около шестидесяти семи тысяч евреев Лодзи были депортированы в Аушвиц в августе 1944 года. Большинство из них погибли в газовых камерах сразу же по прибытии[69].

Когда советские солдаты наконец перешли через Вислу и вошли 19 января 1945 года в разрушенную Варшаву, очень немногие здания сохранились. Варшавский концлагерь, однако, все еще стоял. Советский НКВД забрал его помещения и использовал для подобной цели: здесь в 1945 году, так же, как это делали немцы в 1944 году, допрашивали и расстреливали солдат Армии Крайовой[70].

19 января 1945 года, через два дня после того, как они вошли в Варшаву, советские солдаты уже были в Лодзи. 27 января они дошли до Аушвица. Оттуда до Берлина им было идти чуть больше трех месяцев. Пока Красная Армия продвигалась, лагерные охранники-эсэсовцы перевозили евреев из Аушвица в трудовые лагеря Германии. В этих поспешных и брутальных перебросках лишились жизни еще тысячи евреев. Эти действия, которые оставили выжив-

[69] *Strzelecki A.* Deportacja Żydów z getta łódzjiego do KL Auschwitz i ich zagłada. – Oświęcim: Państwowe Muzeum Auschwitz Birkenau, 2004. – Pp. 25, 35–37; *Długoborski W*. Żydzi z ziem polskich wcielonych do Rzeszy w KL Auschwitz-Birkenau // Zagłada Żydów na polskich terenach wcielonych do Rzeszy / [Ed. by Namysło Aleksandra]. – Warszawa: IPN, 2008. – P. 147; *Löw A.* Juden im Getto Litzmannstadt: Lebensbedingungen, Selbstwahrnehmung, Verhalten. – Göttungen: Wallsteun Verlag, 2006. – Pp. 455, 466, 471 (о Брадфише и поездах на с. 472, 476).

[70] *Kopka B.* Konzentrationslager Warschau. – Pp. 51, 116.

ших евреев в Германии, были последними нацистскими злодеяниями. Беларусский фронт Красной армии начал бомбить Берлин 20 апреля 1945 года, в день рождения Гитлера; к началу мая он встретился с Украинским фронтом в столице Германии. Берлин пал, и война была закончена. Гитлер приказал подчиненным применить к самой Германии политику выжженной земли, но его не послушались. Хотя при защите Берлина напрасно погибло много молодых немцев, Гитлер больше не мог оказывать влияния на политику массового уничтожения[71].

В эти последние несколько месяцев войны, с января по май 1945 года, узники немецких концлагерей массово гибли: примерно триста тысяч человек умерли в немецких лагерях за этот период от голода и болезней. Американские и британские солдаты, освобождавшие умирающих узников из лагерей в Германии, верили, что обнаружили ужасы нацизма. Те образы трупов и живых скелетов в Берген-Бельзене и Бухенвальде, запечатленные их фотографами и кинооператорами, казалось, передавали самые ужасные преступления Гитлера. Но евреи и поляки Варшавы, а также Василий Гроссман и солдаты Красной армии знали, что это было далеко от истины. Самое ужасное было погребено в руинах Варшавы, на полях Треблинки, в болотах Беларуси и в ямах Бабьего Яра.

Красная армия освободила все эти территории и все «кровавые земли». Все места смерти и города смерти оказались за железным занавесом, в Европе, которую Сталин делал своей собственностью, освобождая ее от Гитлера.

Гроссман написал статью о Треблинке, когда советские войска простаивали на Висле, наблюдая за тем, как немцы уничтожают Армию Крайову в ходе Варшавского восстания. Пепел Варшавы все еще не остыл, когда началась Холодная война.

---

[71] *Strzelecki A.* Deportacja Żydów z getta łódzjiego do KL Auschwitz i ich zagłada. – P. 111.

РАЗДЕЛ 10

ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ

К тому времени, когда Красная армия подошла к руинам Варшавы в январе 1945 года, Сталин знал, какую именно Польшу он хочет построить. Он знал, где будут проходить ее границы, кто в принудительном порядке будет жить в пределах этих границ, а кого надо силой заставить оттуда уйти. Польша будет коммунистическим государством и этнически однородной страной. Хотя Сталин не будет проводить политику массового уничтожения в задуманной им восточноевропейской империи, Польша должна была стать центром зоны этнической чистоты. Германия будет для немцев, Польша – для поляков, а западная часть Советской Украины – для украинцев. Он ожидал от польских коммунистов (включая тех, кто сами являлись представителями этнических меньшинств), что они очистят свою страну от нацменьшинств. Сталин возродил Польскую Коммунистическую партию, выбрал для нее руководителей и отправил их в Польшу. Он знал, что получит поддержку не только поляков, но также американцев и британцев, если устранит большое количество немцев. Гитлеровская политика перемещения немцев во время войны давала возможность представить, как к немцам будут относиться после ее завершения. Немецкая колонизация времен войны делала неизбежным насильственные перемещения определенного количества населения. Единственный вопрос состоял в том, сколько немцев и с каких территорий следует переселить. У Сталина были конкретные ответы, даже если у его американских и британских союзников их не было[1].

[1] О значении немецких прецедентов см.: *Brandes D.* Der Weg zur Vertreibung: Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» aus der Tschechoslowakei und aus Polen. – Munich: Oldenbourg, 2005. – Pp. 58, 105, 199 (и по тексту); *Ahonen P.* After the Expulsion: West Germany and Eastern Europe, 1945–1990. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – Pp. 15–25.

На Ялтинской конференции с британскими и американскими союзниками в феврале 1945 года Сталин озвучил свои желания, не имея оснований для возражений. Рузвельт и Черчилль не протестовали, когда Сталин снова забрал земли, полученные им от Гитлера: половину Польши, а также государства Балтии и северо-восток Румынии. Сталин возместит ущерб Польше, его коммунистической Польше, наказав Германию. Польша подвинется на запад, поглотив немецкие территории, до линии, обозначенной реками Одер и Ныса-Лужицка (или Нейсе на немецком языке). На землях, которые Сталин собирался передать Польше, жили не менее десяти миллионов немцев. Выселить их за пределы Польши и не впускать обратно будет заданием правительства, в котором доминирующую позицию займут польские коммунисты. Они воспользуются желанием многих поляков убрать немцев и присвоят себе заслугу за достижение этой цели (этнической чистоты), которая уже к концу войны казалась самоочевидной большинству ведущих польских политиков. Коммунисты обзаведутся поддержкой среди поляков, раздавая земли, оставленные немцами, и сохранят эту поддержку, напоминая полякам, что только Красная армия могла не допустить возвращения немцев и их претензий на утраченное имущество[2].

Польские коммунисты согласились с этими границами и с тем, что им нужно избавиться от немцев. «Мы должны выдворить их, – сказал в мае 1945 года Владислав Гомулка, генеральный секретарь Польской Коммунистической партии, – поскольку все страны построены на национальных, а не многонациональных принципах». Само по себе передвижение Польши на запад не сделает из Польши «национального» государства: сдвиг границ просто заменил большое украинское и беларусское нацменьшинство очень большим немецким нацменьшинством. Польше понадобится массовое переселение миллионов немцев, чтобы стать «национальной» в том смысле, который имел в виду Гомулка. Из них около полутора миллиона человек были немецкими администраторами и колонистами, которые никогда бы не оказались в Польше, если бы не гитлеровская война. Они жили в домах и квартирах поляков, изгнанных (или убитых) во время войны, либо убитых евреев. Еще более миллиона человек были немцами, которые родились в Польше и жили в рамках границ довоенной Польши. Остальным восьми миллионам

[2] О польском и чешском планах по депортации во время войны (которые обычно были менее радикальными, чем достигнутое в конечном итоге) см.: *Brandes D.* Der Weg zur Vertreibung. – Pp. 57, 61, 117, 134, 141, 160, 222, 376 и по тексту.

или около того доведется потерять свои дома на землях, которые находились на территории Германии еще до гитлеровской экспансии и в течение столетий были населены преимущественно немцами[3].

Создавая свою Польшу, Сталин поставил гитлеровский «Генеральный план “Ост”» с ног на голову. Германия вместо расширения на восток для создания огромной сухопутной империи будет ограничена западной частью. СССР, США и Великобритания вместе оккупировали Германию, и ее ближайшее политическое будущее не было очевидным. Очевидным было только то, что это будет Германия для немцев, но не в гитлеровском смысле слова. Это будет компактная территория в центре Европы, отмежеванная от Австрии, отмежеванная от Судетов, отобранных у Чехословакии, куда соберутся немцы с Востока, вместо того, чтобы отправлять их туда в ка-

[3] Цит.: Niemcy w Polsce: Wybór dokumentów / Ed. by Borodziej W., Lemberg H., Kraft C. – Warszawa: Neriton, 2000. – Vol. 1. – P. 61. Подразумевается разница в польском языке между «narodowy» и «narodowościowy».

честве колонизаторов. Немцы будут не расой господ, понукающей рабами на бравом новом восточном рубеже, а еще одной гомогенной нацией. Однако, в отличие от Гитлера, Сталин не воспринимал слово «переселение» как эвфемизм массового уничтожения. Он знал, что люди будут умирать в ходе массовых перемещений, но уничтожение немецкой нации не было его целью.

Ведущие польские политики (как коммунисты, так и не коммунисты) соглашались со Сталиным, что Польшу следует передвинуть как можно дальше на запад и что немцы должны уйти. Когда Армия Крайова инициировала Варшавское восстание 1 августа 1944 года, польское правительство в Лондоне отобрало у немцев гражданство и заставило их покинуть страну. Станислав Миколайчик, премьер-министр польского правительства в Лондоне, был не менее категоричен, чем его враги-коммунисты, по поводу того определения послевоенного обустройства для немцев: «Опыт с пятой колонной и с методами немецкой оккупации делает невозможным совместное проживание польского и немецкого населения на территории одного государства». Такая позиция представляла консенсус не только внутри польского общества, но также среди лидеров стран Альянса. Рузвельт сказал, что немцы «заслуживают» быть изгнанными посредством террора (а его предшественник, Герберт Гувер, называл переселение «героической мерой»). Черчилль пообещал полякам «тщательную уборку»[4].

В Ялте в феврале 1945 года американцы и британцы согласились в принципе, что границы Польши нужно передвинуть на запад, но не были уверены, что до самой линии Одера-Нейсе. Тем не менее, как и ожидал Сталин, они склонились к его позиции до следующего, июльского, саммита в Потсдаме. К тому времени бо́льшая часть его намерений уже была реализована на местах. К марту Красная армия захватила все немецкие земли, которые Сталин собирался уступить Польше. К маю Красная армия вошла в Берлин и война в Европе была завершена. Советские войска пронеслись по Восточной Германии

---

[4] Цитата Миколайчика: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – Zielona Góra: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Tadeusza Kotarbińskiego, 1999. – P. 41; *Naimark N.* Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. – Cambridge: Harvard University Press, 2001. – P. 124. О Рузвельте см.: *Brandes D.* Der Weg zur Vertreibung. – P. 258. О Гувере см.: *Kersen K.* Forced Migration and the Transformation of Polish Society in the Postwar Period // Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948 / Ed. by Ther P., Siljak A. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. – P. 78. О Черчилле см.: *Frank M.* Expelling the Germans: British Opinion and Post-1945 Population Transfers in Context. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 74. О восстании см.: Niemcy v Polsce. – P. 109.

с такой невиданной поспешностью и жестокостью, что неожиданно все показалось возможным. Около шести миллионов немцев были эвакуированы немецкими властями или сбежали до прихода Красной армии, тем самым создав базовые предпосылки для сталинской этнической и географической версии Польши. Многие из них попытаются вернуться после капитуляции Германии, но очень немногим это удастся[5].

В Великобритании Джордж Оруэлл в последний раз подал голос в феврале 1945 года, назвав запланированное изгнание немцев «тяжким преступлением», которое нельзя было предпринимать. Он ошибся. Политическое воображение единственный раз подвело его[6].

Во время марша на Берлин Красная армия придерживалась чрезвычайно простой процедуры в восточных землях Рейха (территории, предназначенные для Польши): солдаты насиловали немецких женщин и забирали мужчин (и некоторых женщин) для работ. Такое поведение продолжалось и когда армия дошла до немецких земель, которые должны были остаться Германии, а затем и до Берлина. Красноармейцы насиловали женщин и в Польше, и в Венгрии, и даже в Югославии, где коммунистическая революция сделала страну союзницей Советского Союза. Югославские коммунисты жаловались Сталину на поведение советских войск, но он прочитал им небольшую лекцию про солдат и «развлечения»[7].

Размах изнасилований увеличился, когда советские солдаты дошли до самой Германии. Трудно сказать, почему. Советский Союз, который в принципе был эгалитарным обществом, не прививал уважение к женскому телу в самом элементарном смысле. Даже если отстраниться от их опыта с немцами, красноармейцы были продуктом советской системы и часто – самых ужасных ее институтов. Сражаться на фронт отпустили около мил-

[5] См.: *Brandes D.* Der Weg zur Vertreibung. – Pp. 267–272.

[6] *Frank M.* Expelling the Germans. – P. 89.

[7] О Венгрии см.: *Ungvary K.* Die Schlacht im Budapest: Stalingrad an der Donau, 1944/45. – Munich: Herbig, 1998. – Pp. 411–432; *Naimark N.* The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. – Cambridge: Harvard University Press, 1995. – P. 70. О Польше см.: *Curp D.T.* A Clean Sweep? The Politics of Ethnic Cleansing in Western Poland, 1945–1960. – Rochester: University of Rochester Press, 2006. – P. 51. Цитату о Югославии см.: *Naimark N.* The Russians in Germany. – P. 71.

лиона ГУЛАГовских заключенных. Казалось, все советские солдаты были фрустрированы абсолютной бессмысленностью нападения Германии на их бедную страну. Дом любого немецкого рабочего выглядел лучше, чем их дома. Солдаты иногда говорили, что нападают только на «капиталистов», но с их точки зрения простой немецкий фермер был немыслимо богат. И однако, несмотря на свой очевидно более высокий уровень жизни, немцы пришли в Советский Союз грабить и убивать. Возможно, для советских солдат изнасилование немецких женщин было способом унизить и обесчестить немецких мужчин[8].

Поскольку Красная армия, продвигаясь на запад, несла огромные потери, ее ряды пополнялись за счет призывников из Беларусской и Украинской Советских республик, чьи семьи страдали от рук немцев и чьи молодые жизни сформировала немецкая оккупация. У многих советских солдат были личные причины одобрять пропаганду, которую они читали и слышали и которая иногда обвиняла весь немецкий народ в советской трагедии. Преимущественное большинство красноармейцев не мстили за Холокост как таковой, но читали пропагандистские материалы людей, глубоко потрясенных массовым уничтожением евреев. Илья Эренбург, советский еврейский писатель, теперь работающий журналистом в военной газете «Красная звезда», был на тот момент специалистом по пропаганде ненависти. В 1942 году он писал: «Мы поняли: немцы не люди»[9].

Какой бы ни была их мотивация, взрыв насилия против немецких женщин был колоссальным. Мужчин, пытавшихся защитить своих дочерей и жен, избивали, а иногда и убивали. У женщин было мало защитников-мужчин: они либо погибли в бою (около пяти миллионов немецких мужчин погибли на войне к этому времени), либо их забрал Вермахт, либо призвали на срочную гражданскую оборону, либо советская власть угнала их на работу. Большинство оставшихся мужчин были пожилыми или же инвалидами. В некоторых селах изнасиловали всех женщин поголовно, независимо от возраста. Как много

---

[8] О случаях изнасилований во время предыдущей оккупации см.: *Gross J.T.* Revolution from Abroad. – P. 40; *Шумук Д.* Пережите і передумане. – С. 17. Стоит ознакомиться с показаниями жертвы: *Anonyma*. Eine Frau in Berlin: Tagebuchaufzeichnungen vom. 20. April bis 22. Juni 1945. – Munich: btb Verlag, 2006. – P. 61.

[9] Цит.: *Salomini A.* L'Union soviétique et la Shoah / Transl. by Saint-Upéry M. – Paris: La Découverte, 2007. – P. 123, а также 62, 115–116, 120, 177. О призывниках упомянуто между прочим в Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945–1948: Bericht des Budesarchivs vom 28 Mai 1974. – Bonn: Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1989. – P. 26.

позже узнал немецкий писатель Гюнтер Грасс, его мать предложила себя, чтобы спасти его сестру. Не спаслась ни та, ни другая. Групповые изнасилования были обычным делом. Немало женщин умерло от травм, полученных в результате множественных изнасилований[10].

Немецкие женщины часто совершали самоубийства или пытались их совершить, чтобы предотвратить изнасилование или смыть его позор. Одна из них вспоминала о своем бегстве: «С темнотой наступил неописуемый страх. Там было много женщин и девушек, их насиловали русские». Слыша их крики, они с сестрой порезали себе вены на запястьях, но выжили: видимо, было слишком холодно и они не истекли кровью, а на следующий день им оказал помощь советский врач. Их не тронули ночью, вероятно, потому, что они потеряли сознание и казались мертвыми. В самом деле, смерть была одним из немногих средств защиты от изнасилования. Марта Курцман и ее сестра избежали изнасилования только потому что хоронили свою мать: «Как только мы обмыли мертвую маму, чтобы одеть ее, вошел русский и хотел нас изнасиловать». Он плюнул и вышел вон. Это был исключительный случай[11].

Изнасилованных женщин иногда забирали как подневольную рабочую силу, но большинство рабсилы составляли мужчины. Советские власти захватили приблизительно пятьсот двадцать тысяч немцев – где-то десятую часть угнанных немцами на работу из Советского Союза. Советские власти также захватили около двухсот восьмидесяти семи тысяч человек как подневольную рабсилу из восточноевропейских стран и депортировали по крайней мере сорок тысяч поляков, которые считались опасными для советской власти или будущего коммунистического режима. Они угоняли венгерское гражданское население в Будапеште, относились к ним как к военнопленным и заставляли работать в лагерях. Немцев посылали на грязную и опасную работу в шахтах польской Силезии, Восточной Украины, Казахстана или Сибири. Смертность среди немцев была намного выше, чем среди советских граждан. В лагере-517 в Карелии немцев умирало в пять раз больше обычного показателя по ГУЛАГу[12].

---

[10] Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945–1948: Bericht des Budesarchivs vom 28 Mai 1974. – Bonn: Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1989. – P. 33. Превосходное обсуждение этой темы см.: *Naimark N.* The Russians in Germany. – Pp. 70–74. О Г. Грассе см.: *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. – P. 321.

[11] О похоронах матери см.: Vertreibung. – P. 197.

[12] О 520 тысячах немцев см.: *Urban T.* Der Verlust: Die Vertreibung der Deutschen und Polen im 20. Jahrhunert. – Munich: C.H. Beck, 2004. – P. 517. О 40 тысячах поляков см.: Zwolski Mar-

Около шестисот тысяч немцев, взятых в конце войны в качестве военнопленных или угнанных на работы, погибнут. Примерно сто восемьдесят пять тысяч немецких гражданских умерли в советском плену во время и после войны и еще приблизительно тридцать тысяч – в польских лагерях. Около трехсот шестидесяти трех тысяч немецких военнопленных также погибли в советских лагерях (уровень смертности – 11,8%, по сравнению с 57,5% уровня смертности советских солдат в немецких лагерях). Значительно больше узников погибли по дороге в лагеря или были застрелены после сдачи в плен и не были зарегистрированы как военнопленные[13].

Как и в других многочисленных случаях, сталинские преступления стали возможны из-за гитлеровской политики. По большому счету, немецких мужчин можно было угонять, а немецких женщин насиловать потому, что нацисты не смогли организовать систематической эвакуации. В последние несколько недель войны немецкие войска бежали на запад, чтобы сдаться британским или американским, а не советским властям, но гражданское население часто было лишено такой возможности.

Гитлер преподносил войну как вопрос воли и поэтому акцентировал внимание на тенденции, которая всегда присутствует на войне, – отрицать

---

cin. Deportacje internowanych Polaków w głąb ZSRS w latach 1944–1945 // Exodus: Deportacje i migracje (wątek wschodni) / Ed. by Zwolski M. – Warszawa: IPN, 2008. – P. 49. Гурьянов называет цифру 39–48 тысяч (см.: Гурьянов. Обзор. – С. 205). Еще больше поляков было депортировано из Советской Беларуси (см.: Szybieka. Historia Białorusi. – P. 362). О венгерских гражданских см.: Ungvary. Die Schlacht. – Pp. 411–432. О шахтах см.: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – P. 71. О 287 тысячах, угнанных на работы, и о лагере-517 см.: *Wheatcroft S.G.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–45 // Europe-Asia Studies. – 1996. – № 48 (8). – P. 1345.

[13] О 185 тысячах немецких гражданских см.: *Urban T.* Der Verlust. – P. 117. О 363 тысячах немецких военнопленных см.: *Overmans R.* Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. – Munich: Oldenbourg, 1999. – P. 286. Виткрофт указывает цифру 356 687 человек (см.: *Wheatcroft S.G.* The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–45. – P. 1353). Десятки тысяч итальянских, венгерских и румынских солдат также погибли, сдавшись Красной армии. Что касается итальянцев, то называют цифру 60 тысяч человек (см.: *Schlemmer T.* Die Italiener an der Ostfront. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2005. – P. 74); венгров – 200 тысяч (эта цифра выглядит неправдоподобно высокой) (см.: *Stark T.* Hungary's Human Losses in World War II. – Uppsala: Centre for Multiethnic Research, 1995. – P. 33). Также см.: *Biess F.* Vom Opfer zum Überlebenden des Totalitarismus: Westdeutsche Reaktionen auf die Rückkehr der Kriegsgefangenen aus der Sowjetunion, 1945–1953 // Kriegsgefangenschaft im Zweiten Welkrieg: Eine vergleichende Perspektive / Ed. by Bischof G., Overmans R. – Ternitz-Pottschach: Gerhard Höller, 1999. – P. 365.

поражение и таким образом усугублять его последствия. Он рассматривал вооруженный конфликт как экзамен для немецкой расы: «либо Германия будет мировой державой, либо Германии не будет вообще». Его национализм всегда был особенным: он полагал, что немецкий народ потенциально велик, но ему нужен имперский вызов, чтобы очистить себя от дегенерации. Таким образом, немцы были в фаворе, пока продолжалась война и пока она продолжалась успешно. Если немцы разочаровали Гитлера, не сумев очистить себя кровью побежденного врага, то в этом была их вина. Гитлер указал им путь, но немцы не сумели по нему пройти. Если немцы упустили свой шанс к спасению, то для их выживания больше не было причин. Для Гитлера любое страдание немцев было последствием их собственной слабости: «Если немецкий народ не готов бороться за собственное сохранение, – ну, что же, пускай гибнет»[14].

Сам Гитлер предпочел самоубийство. У него не было прагматических взглядов, необходимых для сохранения жизни гражданского населения. Гражданские власти в Восточной Германии, гауляйтеры, были верными членами нацистской партии и самыми преданными последователями Гитлера. В трех самых главных округах гауляйтеры не смогли организовать эвакуацию. В Восточной Пруссии гауляйтером был Эрих Кох – тот самый, который был рейхскомиссаром Украины. Он однажды сказал, что ему придется застрелить любого украинца, который достоин есть с ним за одним столом. Теперь, в январе 1945 года, армия, состоящая довольно существенно из украинцев, напирала на его немецкий округ и он, казалось, не мог в это поверить. В Померании Франц Шведе-Кобург даже пытался остановить поток немецких беженцев. В Нижней Силезии Карл Ханке был озабочен тем, что бегство населения может разрушить его замысел по превращению Бреслау (ныне Вроцлав) в крепость, способную остановить Красную армию. Фактически, Красная армия окружила Бреслау так быстро, что люди оказались в западне. Поскольку немецкое гражданское население эвакуировалось слишком поздно, спаслось значительно меньше людей, чем могло бы спастись. Советский флот потопил двести шесть из семисот девяноста суден с эвакуированными немцами, отходившими от Балтийского побере-

---

[14] О психологических причинах проблемы с эвакуацией см.: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – P. 48. Цит.: *Hillgruber A.* Germany and the Two World Wars. – Cambridge: Harvard University Press, 1981. – P. 96. Также см.: *Steinberg J.* The Third Reich Reich Reflected. – Pp. 26–29.

жья. Об одном из них, «Вильгельме Густлоффе», позже напишет Гюнтер Грасс в своем романе «Траектория краба»[15].

Немцы, бежавшие посуху, часто оказывались, в прямом смысле слова, меж двух огней – Красной армией и Вермахтом. Снова и снова советские танковые соединения врезались в колонны немецких гражданских, которые двигались пешком и на запряженных лошадьми телегах. Ева Янц вспоминает, что было потом: «Нескольких мужчин застрелили, женщин насиловали, а детей били и забирали у матерей». Грасс, который был свидетелем такой сцены в качестве солдата Ваффен-СС, «видел, как кричала женщина, но не мог услышать ее крика»[16].

Новую Польшу основали в тот момент, когда бегство стало депортацией. Конец военных действий принес организованную этническую чистку на новые западные земли Польши, официально известные как «обретенные территории». 26 мая 1945 года Центральный комитет Польской Коммунистической партии постановил, что все немцы на польской территории должны быть переселены. К тому времени немцы уже возвращались назад. Они сбежали от Красной армии, но не хотели терять все свое имущество и покидать родину. Они не могли знать, что их возвращение бессмысленно, что их родина станет Польшей и что их дома отдадут полякам. К июню 1945 года вернулись около миллиона из примерно шести миллионов немецких беженцев. Польские коммунисты решили послать вновь созданную армию, которая теперь была под их командованием, «вычистить» этих немцев с территории, которая в их понимании была польской[17].

Летом 1945 года польские коммунисты нервно ожидали условий окончательного мирного договора. Если они не смогут держать немцев к западу от линии Одера-Нейсе, то, возможно, им не отдадут эти территории. Они также

[15] О гауляйтерах и кораблях см.: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – Pp. 52–60.

[16] О Янц см.: Verbrechen der Wehrmacht. – P. 227. Цит.: *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. – P. 170.

[17] *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – P. 135; *Jankowiak S.* «Cleansing» Poland of Germans: The Province of Pomerania, 1945–1949 // Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948 / Ed. by Ther P., Siljak A. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. – Pp. 88–92. О числе вернувшихся (1,25 миллиона человек) см.: *Ahonen P., Corni G., Kochanowski J., Schulze R., Stark T., Stelzl-Marx B.* People on the Move. – P. 87.

следовали примеру находящейся прямо к югу от них демократической Чехословакии: ее президент, Эдвард Бенеш, был ярым адвокатом депортации немцев во время войны. Он сказал своим гражданам 12 мая, что немецкий народ «перестал быть человечным». Днем ранее руководитель Чехословацкой Коммунистической партии объявил послевоенную Чехословакию «республикой чехов и словаков». Чехословаки, среди которых немецкое нацменьшинство составляло около трех миллионов человек (четверть населения), выгоняли своих немецких сограждан за границу, начиная с мая. Тридцать тысяч немцев были убиты в ходе этих выдворений; 5558 немцев совершили самоубийство в Чехословакии в 1945 году. Гюнтер Грасс, к тому времени военнопленный в одном из американских лагерей в Чехословакии, задавался вопросом, стерегут ли американские солдаты его либо же защищают немцев от чехов[18].

Офицеры новой польской армии говорили своим войскам, чтобы те обращались с немецкими крестьянами, как с врагами. Весь немецкий народ был виновным и не был достоин сочувствия. Командующий генерал издал инструкции «обращаться с ними так, как они обращались с нами». До этого не дошло, но условия военных депортаций 20 июня – 20 июля 1945 года отражали поспешность, безразличие и примат высокой политики. Армия депортировала людей, живущих ближе всего к линии Одера-Нейса, чтобы создать впечатление, будто эти территории готовы к передаче их Польше. Армия окружала села, давала людям несколько часов на сборы, строила их в колонны, а затем переводила через границу. Армия доложила о таком переселении около 1,2 миллиона человек, хотя это, вероятно, очень большое преувеличение; некоторых людей депортировали дважды, поскольку пробраться назад после ухода солдат не составляло особого труда[19].

[18] *Staněk T.* Odsun Němců z Československa 1945–1947. – Prague: Akademia Naše Vojsko, 1991. – Pp. 55–58. Также см.: *Naimark N.* Fires of Hatred. – Pp. 115–117; *Glassheim E.* The Mechanics of Ethnic Cleansing: The Expulsion of Germans from Czechoslovakia, 1945–1947 // Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948 / Ed. by Ther P., Siljak A. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. – Pp. 206–207; *Ahonen P., Corni G., Kochanowski J., Schulze R., Stark T., Stelzl-Marx B.* People on the Move. – P. 81. Чешско-немецкая Совместная комиссия приводит цифры жертв от 19 до 30 тысяч человек (см.: Czech-German Joint Commission of Historians. A Conflictual Community, Catastrophe, Detente / Transl. by Tusková. – Prague: Ústav Mezinarodnuích Vztahů, 1996. – P. 33). Около 160 тысяч немцев из Чехословакии потеряли свои жизни, сражаясь в Вермахте. О Грассе см.: *Grass G.* Beim Häuten der Zwiebel. – P. 186.

[19] Цит.: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – P. 136; Niemcy v Polsce. – P. 144. О переводе 1,2 миллиона человек см.: *Jankowiak S.* Wysiedlenie i emigracja ludności niemieckiej w polityce władz polskich w latach 1945–1970. – Warszawa: IPN, 2005. – Pp. 93, 100. Бородзей приводит цифру 300–400 тысяч человек (см.: Niemcy v Polsce. – P. 67); Карп – 350 тысяч (см.: *Curp D.T.* A Clean Sweep? – P. 53). Также см.: *Jankowiak S.* «Cleansing»

По всей видимости, эти польские усилия летом 1945 года не оказали влияния на финальный результат. Хотя британцы и американцы согласились между собой, что они должны противостоять сталинским планам относительно польской западной границы, они пошли на уступки по этому вопросу на Потсдамской конференции в июле 1945 года. Они приняли предложенную Сталиным границу Польши по линии Одера-Нейсе; единственным условием, которое Сталин, видимо, считал витриной для польско-американских избирателей, было то, что следующие польское правительство должно быть избрано в результате свободных выборов. Три державы согласились, что трансферы населения из Польши и Чехословакии (и Венгрии) должны продолжиться, но только после паузы, необходимой для обеспечения более гуманных условий переселения людей. Немецкие земли были под совместной оккупацией: северо-восток был оккупирован СССР, запад – Великобританией, юг – США. Американцы и британцы выражали обеспокоенность, что дальнейшие хаотичные передвижения населения принесут беспорядки на их оккупационные зоны в Германии[20].

После Потсдамской конференции правительство Польши как раз старалось создать нечеловеческие условия для немцев в Польше, чтобы немцы решили уехать. Сталин сказал Гомулке, что тот «должен создать такие условия для немцев, чтобы они сами захотели сбежать». Начиная с июля 1945 года, польские власти именно так и поступали под предлогом-эвфемизмом «добровольных репатриаций». Политика непрямого выдворения была, пожалуй, самой вопиющей в Силезии, где уполномоченный правительства запретил использовать немецкий язык в общественных местах, запретил немецкие школы, отобрал немецкое имущество и приказал немцам-мужчинам работать в шахтах. Самым, пожалуй, бесхитростным (или циничным) был подход в городе Ольштын, который ранее находился в Восточной Пруссии, где немцам предложили «добровольно» уйти в Германию к концу октября 1945 года и попутно проинформировали, что «те, кто оказывает сопротивление, будут направлены в лагеря»[21].

Poland of Germans. – Pp. 89–92.

[20] О Потсдамской конференции см.: *Brandes D.* Der Weg zur Vertreibung. – Pp. 404, 458, 470; *Naimark N.* Fires of Hatred. – P. 111.

[21] Цит.: *Naimark N.* Fires of Hatred. – P. 109. О воеводе Силезии, Александре Завадском, см.: *Urban T.* Der Verlust. – P. 115; *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – P. 144. Об Ольштыне см.: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w

Польские тюрьмы, временные лагеря для уголовников и трудовые лагеря были в это время заполнены немцами, с которыми, как и со всеми остальными узниками, обращались очень плохо. Тюрьмы и лагеря поместили под юрисдикцию возглавляемого коммунистами Министерства общественной безопасности, а не под юрисдикцию Министерства юстиции или внутренних дел. В это время польское правительство все еще было коалицией, но в нем доминировали коммунисты, которые всегда обеспечивали контроль таких институтов, как общественная безопасность. Лагерных начальников обычно сверху никто не контролировал, в лагерях царил хаос и часто происходили убийства. В селе Нешава в центрально-северной части Польши в реку Вислу сбросили тридцать восемь мужчин, женщин и детей; мужчин и женщин сначала расстреляли, а детей – нет. В лагере города Любранец начальник выплясывал на немке, которую так избили, что она не могла пошевелиться. При этом он выкрикивал: «Мы закладываем фундамент новой Польши»[22].

Кое-где месть была довольно-таки настоящая. В лагере в Ламбиновице Чеслав Губорски сознательно смоделировал законы немцев (невзирая на приказы) и открыто провозгласил свое желание отомстить. 4 октября 1945 года сорок узников в Ламбиновице были убиты; всего же 6488 немцев погибли там в 1945 и 1946 годах. Губорски сидел в тюрьме при немцах; у других начальников польских лагерей были свои причины для мести. Изидор Цедровски, начальник лагеря в Потулице, был евреем, выжившим в Аушвице; всю его семью полностью расстреляли немцы. В этих лагерях и немцы, и другие ежедневно умирали сотнями от холода, болезней и издевательств. Всего около двухсот тысяч немцев работали в польских лагерях, из которых очень большое число (где-то около тридцати тысяч) погибли в 1945-м или 1946 годах[23].

latach 1945–1949. – P. 158.

[22] Об Общественной безопасности см.: Niemcy v Polsce. – P. 80. Цит.: *Stankowski W*. Obozy i inne miejsca odosobnienia dla niemieckiej ludności cywilnej w Polsce w latach 1945–1950. – Bydgoszcz: Akademia Bydgoska, 2002. – P. 261.

[23] О 6488 немцах, погибших в лагере в Ламбиновице, см.: *Stankowski W*. Obozy i inne miejsca odosobnienia dla niemieckiej ludności cywilnej w Polsce w latach 1945–1950. – P. 280. Урбан пишет, что из 200 тысяч немцев в польских лагерях умерли 60 тысяч (см.: *Urban T*. Der Verlust. – P. 129), но последняя цифра кажется завышенной в свете показателей по отдельным лагерям. Станковски указывает цифру 27 847–60 000 погибших (см.: *Stankowski W*. Obozy i inne miejsca odosobnienia dla niemieckiej ludności cywilnej w Polsce w latach 1945–1950. – P. 281). О Губорском и Кедровском см.: *Stankowski W*. Obozy i inne miejsca odosobnienia dla niemieckiej ludności cywilnej w Polsce w latach 1945–1950. – Pp. 255–256. Об убитых 4 октября 1945 года сорока узниках см.: Niemcy v Polsce. – P. 87.

Ко второй половине 1945 года у немцев были причины «добровольно» уезжать из Польши, хотя уезжать было так же опасно, как и оставаться. Теперь для транспортировки выделяли поезда (хотя это были товарные составы, часто с открытыми вагонами). Если вагоны не были открытыми, немцы иногда боялись, что их отравят газом. Такого, конечно, не случалось, хотя это свидетельствует о том, что немцы знали, как других еще совсем недавно травили газом в закрытых помещениях. Действительно, в лагере города Штуттгоф, из которого немцев теперь выгоняли, немцы использовали железнодорожный вагон как газовую камеру[24].

Поезда двигались очень медленно, превращая поездки, которые должны были длиться несколько часов, в жуткие одиссеи. Немцы, садящиеся в вагоны, нередко были очень голодны или больны. Им разрешалось взять с собой только то, что они могли унести на спине, да и это имущество у них быстро отбирали бандиты или польская милиция, которая должна была их охранять. Одной из причин, по которой поезда останавливались так часто, было желание дать возможность бандитам отобрать у людей то, что у них еще оставалось. В таких ситуациях смертность в поездах была высокой, хотя должна была быть незначительной. Немцам приходилось хоронить мертвых в дороге, на безымянных остановках, в глухомани, без надписей или обозначений, по которым можно было потом вернуться и найти могилу. Некому было в Польше защитить их интересы, и очень часто их никто не встречал на месте прибытия. Около шестисот тысяч немцев добрались до Германии таким образом во второй половине 1945 года[25].

Союзники согласились с планом дальнейших депортаций в ноябре 1945 года, а Великобритания и СССР приготовились принять тех немцев, которые должны были прибыть в 1946 году, и позаботиться о них. Поскольку смерть и беспорядки преимущественно были результатом условий погрузки, советские и британские власти теперь отправили своих представителей наблюдать за депортациями на польской стороне. Ожидалось (и в основном ожидания оправдались), что более упорядоченная транспортировка уменьшит хаос по

[24] О товарняках см.: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – P. 154.

[25] Об ограблениях см.: *Urban T.* Der Verlust. – P. 123; Niemcy v Polsce. – P. 109. По одним подсчетам, в это время пересекли границу 594 тысячи немцев (*Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – P. 161), по другим – 600 тысяч (*Ahonen P., Corni G., Kochanowski J., Schulze R., Stark T., Stelzl-Marx B.* People on the Move. – P. 93).

прибытии в Германию. За 1946 год еще около двух миллионов немцев отправили поездами в британскую и советскую оккупационные зоны Германии; еще примерно шестьсот тысяч – в 1947 году. Хотя условия были далеки от человеческих, смертность во время этих перевозок была значительно ниже: не более нескольких тысяч, самое большее – несколько десятков тысяч человек[26].

К концу 1947 года около 7,6 миллиона немцев покинули Польшу: ровно половина из них – как беженцы, спасающиеся от Красной армии, а другая половина – как депортированные. Эти пропорции и эти цифры нельзя с точностью перепроверить, поскольку многие бежали, возвращались и были депортированы; других же депортировали по нескольку раз. Многие из тех, кто во время войны (или даже до нее) представлялись немцами, теперь утверждали, что они – поляки, и таким образом уклонялись от отправки. (К этому времени правительство Польши, которое было больше заинтересовано в работниках, чем в этнической чистоте, в спорных случаях шло навстречу просьбам людей считать их поляками. И к этому времени многие люди, которые раньше называли себя поляками, представлялись немцами, полагая, что экономическое будущее Германии лучше, чем у Польши). Однако общий баланс ясен: подавляющее большинство людей, считающих себя немцами, покинули Польшу к концу 1947 года. За все время бегства и перевозок, с начала 1945 года до конца 1947 года, где-то четыреста тысяч немцев, рожденных на землях, аннексированных Польшей, погибли: большинство из них – в советских и польских лагерях, а вторая по величине группа погибла, оказавшись между двумя армиями, или утонула в море[27].

Последние недели войны и запоздалая эвакуация были гораздо более опас-

---

[26] О ноябрьском плане см.: *Ahonen P., Corni G., Kochanowski J., Schulze R., Stark T., Stelzl-Marx B.* People on the Move. – P. 93. Приведенные цифры см.: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – Pp. 182, 230. Сравните с Янковяком, который указывает цифру 2 189 286 как общее число для 1946 и 1947 годов (это только отправленные зарегистрированным транспортом) (см.: *Jankowiak S.* Wysiedlenie i emigracja ludności niemieckiej. – P. 501). Уровень смертности при перевозках в британскую оккупационную зону приведен в книге: *Frank M.* Expelling the Germans. – Pp. 258–259; *Ahonen P., Corni G., Kochanowski J., Schulze R., Stark T., Stelzl-Marx B.* People on the Move. – P. 141.

[27] О 400 тысячах погибших немцев, начальные цифры см.: Vertreibung. – Pp. 40–41; о договоре см.: *Nitschke B.* Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – P. 231; Niemcy v Polsce. – P. 11. Об обсуждениях и неявном одобрении см.: *Overmans R.* Personelle Verluste der deutschen Bevölkerung durch Flucht und Vertreibung // Dzieje Najnowsze. – 1994. – № 26 (2). – Pp. 52, 59, 60. Критику преувеличения цифр см.: *Haar I.* Die deutschen «Vertreibungsverluste» – Zur Entstehungsheschichte der «Dokumentation der Vertreibung» // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte. – 2007. – № 35. – Pp. 262–270. Агонен приводит цифру 600 тысяч жертв (см.: *Ahonen P., Corni G., Kochanowski J., Schulze R., Stark T., Stelzl-Marx B.* People on the Move. – P. 140).

ны, чем выселения, последовавшие за окончанием войны. В последние четыре месяца войны немцы страдали так, как другие гражданские страдали в течение предыдущих четырех лет войны на Восточном фронте, во время наступления и отступления Вермахта. Миллионы людей бежали от нападения немцев в 1941 году, миллионы людей с 1941 по 1944 год были угнаны на работы, миллионы людей заставил эвакуироваться отступавший в 1944 году Вермахт. Гораздо больше советских и польских граждан погибли, спасаясь от немцев, чем погибло немцев, бежавших от советских солдат. Хотя такие перемещения не были политикой преднамеренного уничтожения (и по этой причине почти не были затронуты в настоящей монографии), бегство, эвакуация и принудительные работы привели – прямо или косвенно – к смерти нескольких миллионов советских и польских граждан. (Немецкая политика преднамеренного массового уничтожения погубила *дополнительно* десять миллионов человек)[28].

Война велась во имя немецкой расы, а закончилась безразличием к немецкому гражданскому населению. Таким образом, огромная часть ответственности за смерти, связанные с бегством и выселением, лежит на нацистском режиме. Немецкое гражданское население достаточно знало о немецкой политике времен войны, чтобы понимать, что им придется бежать, но их бегство не было хорошо организовано Германским государством. Без сомнения, высшее командование позволяло соответствующее поведение многих советских солдат, а Сталин даже ожидал его, однако Красной армии не было бы в Германии, если бы Вермахт не вторгся в Советский Союз. Сталину нравилась этническая гомогенность, но эту идею сделала неизбежной политика Гитлера, а не только Москвы. Выселения сами по себе были результатом международных договоренностей между победителями и жертвами.

В конечном итоге, выдворения были еще одним способом, которым Сталин выиграл гитлеровскую войну. Забрав у Германии столько территории от имени Польши, Сталин гарантировал, что поляки будут признательны советской военной мощи. Кто, если не Красная армия, мог защитить эту западную польскую границу от восставшей Германии в будущем?[29]

[28] Об обсуждении разницы между политикой преднамеренного уничтожения и другими формами смертности см. разделы «Вступление» и «Заключение».

[29] Саймонс хорошо пишет о геополитических проблемах (см.: *Simons T.W.* Eastern Europe in

В те годы Польша была нацией, пребывающей в движении. Тогда как немцам пришлось двигаться на запад, в Западную Германию, полякам тоже пришлось двигаться на запад, в западную Польшу. Когда немцев вычистили из коммунистической Польши, поляков вычистили из Советского Союза. Несмотря на то, что все польские политические партии, в том числе коммунисты, были против этого, Советский Союз снова аннексировал земли, которые составляли Восточную Польшу. У людей, которых потом «репатриировали» (Сталин использовал такое название-эвфемизм) в Польшу, не было причин любить коммунизм или Сталина. Однако они были прикреплены к коммунистической системе. Коммунисты могли забрать землю, а могли и дать ее; могли выгнать людей, а могли дать им пристанище. Люди, которые одновременно потеряли свои старые дома и приобрели новые, очень зависели от тех, кто мог их защитить. А это могли быть только польские коммунисты, которые обещали, что Красная армия будет защищать приобретения Польши. Как идеология коммунизм мало что мог предложить Польше и никогда не был там очень популярен, но сталинская этническая геополитика заняла место классовой борьбы, создав новому режиму прочную базу поддержки (если не сказать, легитимности)[30].

Американцы и британцы поддержали идею выселения на Потсдамской конференции в ожидании демократических выборов в Польше. Этого, однако, не произошло. Вместо этого первое послевоенное правительство, в котором доминировали коммунисты, запугивало и арестовывало оппонентов. Американцы тогда начали видеть линию Одера-Нейсе как зацепку, которую можно использовать против Советского Союза. Когда американский госсекретарь поставил под сомнение постоянство этой линии в сентябре 1946 года, он усиливал американское и ослаблял советское влияние на Германию среди немцев, не смирившихся с потерей территории и с выселениями. Но он также помогал упрочить советскую позицию в Польше. Польский режим провел парламентские выборы в январе 1947 года, но результаты сфальсифицировал. Американцы и британцы тогда поняли, что их шансы влиять на Польшу исчезли. Станислав Миколайчик, премьер-министр

---

the Postwar World. – New York: St. Martin's, 1993).

[30] О связи между войной и захватом власти коммунистами вообще см.: *Abrams B.* The Second World War and the East European Revolution // East European Politics and Societies. – 2003. – № 16 (3). – Pp. 623–664; *Gross J.T.* The Social Consequences of War: Preliminaries for the Study of the Imposition of Communist Regimes in Eastern Europe // East European Politics and Societies. – 1989. – № 3. – Pp. 198–214; *Simons T.W.* Eastern Europe in the Postwar World.

польского правительства в изгнании, вернулся, чтобы принять участие в выборах как глава крестьянской партии. Теперь ему пришлось бежать[31].

Польский режим мог делать мощное заявление о том, что лишь его советский союзник может защитить новые западные территории от немцев, которых американцы только подначивали. К 1947 году поляки сами, независимо от того, что они думали о коммунистах, не могли думать о потере «обретенных территорий». Гомулка верно предвидел, что изгнание немцев «объединит нацию в систему». Одаренный коммунистический идеолог Якуб Берман полагал, что коммунисты должны получить максимальную выгоду от этнических чисток. «Обретенные территории» дали многим полякам, пострадавшим во время войны, лучшие дома или лучшее фермерское хозяйство. Они дали возможность земельной реформы – первый шаг любого захвата власти коммунистами. Возможно, больше всего они дали миллиону польских мигрантов из Восточной Польши (аннексированной СССР) – место, куда идти. Именно из-за того, что Польша потеряла так много на востоке, запад был для нее настолько ценным[32].

Первые этнические вычистки немцев с новых польских территорий имели место в конце войны. Однако это было второй частью советской политики, которую начали внедрять намного раньше, еще во время войны, на довоенных землях Восточной Польши на восток от линии Молотова-Риббентропа. Так же как немцы вынуждены были покинуть земли, которые больше не принадлежали Германии, так и полякам доводилось уходить з земель, которые больше не были польскими. Хотя Польша вообще-то была в числе победителей в этой войне, она отдала почти половину (47%) своей довоенной территории Советскому Союзу. После войны поляки (и польские евреи) больше не были желанными на землях, которые стали западной Беларусью и Советской Украиной, а также Вильнюсской областью Литовской Советской республики[33].

[31] О государственном секретаре Джеймсе Бирнсе и меняющейся американской позиции см.: *Ahonen P.* After the Expulsion. – Pp. 26–27. Также см.: Niemcy v Polsce. – P. 70.

[32] Цит.: *Brandes D.* Der Weg zur Vertreibung. – P. 437. Также см.: *Kersen K.* Forced Migration and the Transformation of Polish Society in the Postwar Period. – P. 81; *Sobór-Świderska A*. Jakub Berman: biografia komunisty. – Warszawa: IPN, 2009. – P. 202; Torańska. Oni. – P. 273.

[33] См.: *Snyder T.* The Reconstruction of Nations.

Изменение структуры населения Восточной Польши в ущерб полякам и евреям началось раньше, во время самой войны. СССР депортировал сотни тысяч человек в период своей первой оккупации, в 1940-м и 1941 годах. Диспропорциональное число этих людей составляли поляки. Многие проделали путь из ГУЛАГа через Иран и Палестину, чтобы сражаться вместе с союзниками на Западном фронте, и некоторые добрались до Польши в конце войны, но почти никто их них не вернулся домой. Немцы уничтожили около 1,3 миллиона евреев в бывшей Восточной Польше в 1941-м и 1942 годах с помощью местных полицаев. Некоторые из этих украинских полицаев помогали сформировать украинскую партизанскую армию в 1943 году, которая под предводительством украинских националистов зачищала некогда бывшую юго-восточную Польшу (которую она считала Западной Украиной) от оставшихся поляков. ОУН-Бандеровцы, националистическая организация, руководившая партизанской армией, давно обещала освобо-

дить Украину от нацменьшинств. Ее способность убивать поляков зависела от немецкой натренированности, а решимость убивать поляков была связана с желанием очистить территорию от предполагаемого врага до финальной конфронтации с Красной армией. УПА (как называлась партизанская армия) убила десятки тысяч поляков и спровоцировала месть поляков по отношению к украинскому гражданскому населению[34].

Хотя УПА была непримиримым (пожалуй, самым непримиримым) противником коммунизма, этнический конфликт, который она начала, только усилил сталинскую империю. Сталин завершил то, что начали украинские националисты. Он продолжил удалять поляков, присоединяя оспариваемые территории к своей Советской Украине. Польские коммунисты подписали договор в сентябре 1944 года об обмене населением между Польшей и Советской Украиной (а также Советской Беларусью и Литвой). В Советской Украине поляки хорошо помнили недавнее советское правление, а теперь над ними нависла угроза со стороны украинских националистов. Таким образом, у них были все причины принять участие в этих «репатриациях». Около семисот восьмидесяти тысяч поляков были переправлены в коммунистическую Польшу (в ее новых границах) и приблизительно такое же количество поляков из Советской Беларуси и Литвы. К середине 1946 года Советский Союз покинули 1 517 983 поляков, а также несколько сотен тысяч тех, кто не регистрировался для официальной отправки. Из этих людей около ста тысяч были евреями: советская политика состояла в том, чтобы удалить как этнических поляков, так и этнических евреев из бывшей Восточной Польши, но оставить там беларусов, украинцев и литовцев. Около

[34] Документацию планов УПА относительно операций против поляков можно найти в ЦДАВО: 3833/1/86/6а; 3833/1/131/13–14; 3833/1/86/19–20; 3933/3/1/60. Также интерес представляют документы: DAR 30/1/16=USHMM RG-31.017M-1; DAR 301/1/5=USHMM RG-31.017M-1; DAR 30/1/4=USHMM RG-31.017M-1. Эти военные декларации ОУН-Б и УПА совпадают с послевоенными допросами (см.: GARF, R-9478/1/398) и воспоминаниями выживших поляков (о бойне 12–13 июля 1943 года, например, см.: AW, II/737, II/1144, II/2099, II/2650, II/953, II/775), а также выживших евреев (например, ŻIH 301/2519; *Adini Y.* Dubno: sefer zikaron. – Tel Aviv: Irgun yots’e Dubno be-Yisra’el, 1966. – Pp. 717–718). Фундаментальная монография – *Motyka G.* Ukraińska partyzantka 1942–1960. – Warszawa: Rytm, 2006. Также см.: *Ільюшин І.І.* ОУН-УПА і українське питання в роки Другої світової війни в світлі польских документів. – Київ: НАН України, 2000; *Armstrong J.* Ukrainian Nationalism. – New York: Columbia University Press, 1963. Я пытался рассмотреть этот конфликт в нескольких моих монографиях (см.: *Snyder T.* The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing, 1943 // Past and Present. – 2003. – № 179. – Pp. 197–234; The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1956–1999; The Life and Death of West Volhynian Jews, 1921–1945; Sketches from a Secret War: A Polish Artist’s Mission to Liberate Soviet Ukraine).

миллиона польских граждан были переселены на земли, ранее принадлежавшие Восточной Германии, а теперь ставшие «обретенными территориями» западной Польши. Тем временем 483 099 украинцев были отправлены из коммунистической Польши в Советскую Украину в 1944–1946 годах, большинство из них – насильно[35].

Даже когда советский режим отсылал людей через границу, он в то же время отправлял собственных граждан в лагеря и спецпоселения. Большинство новых узников ГУЛАГа были людьми с земель, которые Сталин в 1939 году взял с согласия Германии, а затем еще раз забрал в 1945 году. Например, с 1944-го по 1946 год 182 543 украинцев были депортированы из Советской Украины в ГУЛАГ не за совершение какого-то преступления и даже не за то, что сами были украинскими националистами, а за то, что были связаны или знакомы с украинскими националистами. Примерно тогда же, в 1946-м и 1947 годах, советские власти посадили 148 079 ветеранов-красноармейцев в ГУЛАГ за коллаборационизм с немцами. Никогда в ГУЛАГе не было так много советских граждан, как в те послевоенные годы; в самом деле, число советских граждан в лагерях и спецпоселениях возрастало с каждым годом, начиная с 1945 года и до смерти Сталина[36].

У коммунистической Польши не было ГУЛАГа, но в 1947 году ее руководство предложило «окончательное решение» «украинской проблемы»: разбросать оставшихся украинцев далеко от их дома, но в пределах Польши. С апреля по июль 1947 года польский режим сам провел еще одну операцию против украинцев на своей территории под кодовым названием «Висла». Около 140 660 украинцев (или людей, идентифицированных как украинцы) были переселены насильно из южной и юго-восточной части страны

---

[35] О 780 тысячах поляков, отправленных в коммунистическую Польшу, см.: Депортації / За ред. Сливки І. – Львів: Національна Академія наук України, 1996. – P. 25. Об отправленных 483 099 человек из Польши в Советскую Украину см.: Teczka specjalna J.W. Stalina / Ed. by Cariewskaja T., Chmielarz A., Paczkowski A., Rosowska E., Rudnicki S. – Warsaw: Rytm, 1995. – P. 544. О 100 тысячах евреев см.: *Szaynok B.* Z historią i Moskwą w tle: Polska a Izrael 1944–1968. – Warszawa: IPN, 2007. – P. 40. Об операции «Висла» см.: *Snyder T.* The Reconstruction of Nations; *Snyder T.* «To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All»: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947 // Journal of Cold War Studies. – 1999. – № 1 (2). – Pp. 86–120.

[36] О 182 543 украинцах, депортированных из Советской Украины в ГУЛАГ, см.: *Weiner A.* Nature, Nurture, and Memory in a Socialist Utopia: Delineating the Soviet Socio-Ethnic Body in the Age of Socialism // American Historical Review. – 1999. – № 104 (4). – P. 1137. О 148 079 красноармейцах-ветеранах см.: *Polian P.* La violence contre les prisonniers de guerre soviétiques. – P. 129. Также см.: *Applebaum A.* Gulag. – P. 463.

на запад и север – на «обретенные территории», которые еще недавно были Германией. Операция «Висла» должна была принудить украинцев в Польше (или, по крайней мере, их детей) ассимилироваться с польской культурой. В то же самое время польские силы разбили соединения украинской армии УПА на польской земле. Бойцы УПА в Польше получили новый шанс как защитники людей, не желающих быть депортированными. Но когда почти всех украинцев депортировали, позиция УПА в Польше стала несостоятельной. Одни бойцы УПА бежали на Запад, другие – в Советский Союз: продолжать борьбу[37].

Операция «Висла», вначале имевшая кодовое название «Операция “Восток”», была проведена полностью польскими силами при минимальной советской помощи внутри Польши. Но главные разработчики операции были советскими, и она точно координировалась с Москвой. Она проходила в то же время, что и серия других советских операций с похожими кодовыми названиями на прилегающих советских территориях. Наиболее очевидно связанной с нею была операция «Запад», проходившая на прилегающих территориях Советской Украины. Когда операция «Висла» завершилась, СССР приказал депортировать украинцев из Западной Украины в Сибирь и Центральную Азию. За несколько октябрьских дней 1947 года 76 192 украинца были высланы в ГУЛАГ. В Западной Украине войска НКВД сражались с УПА в ходе неимоверно кровавого конфликта. Обе стороны совершали злодеяния, в том числе публичное демонстрирование изувеченных трупов врага или предполагаемых коллаборантов. Но, в конце концов, технология депортаций принесла СССР решающее преимущество. ГУЛАГ продолжал наполняться[38].

После успеха на украинско-польской границе СССР занялся другими европейскими границами и использовал похожие средства в ходе аналогичных операций. В ходе операции «Весна» в мае 1948 года были депортирован 49 331 литовец. В марте следующего года в ходе операции «Прибой» из Литвы убрали еще 31 917 человек, а также 42 149 из Латвии и 20 173 – из Эстонии. Всего в период с 1941-го по 1949 год Сталин депортировал около двухсот

---

[37] Подробности о 140 660 человек, насильно переселенных, см.: *Snyder T.* The Reconstruction of Nations или *Snyder T.* «To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All».

[38] Snyder. The Reconstruction of Nations; *Snyder T.* «To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All»; *Motyka G.* Ukraińska partyzantka 1942–1960. – P. 535. Также см.: *Burds J.* Agentura: Soviet Informants Networks and the Ukrainian Underground in Galicia // East European Politics and Societies. – 1997. – № 11 (1). – Pp. 89–130.

тысяч человек из трех маленьких Балтийских государств. Как и все трижды оккупированные (сначала СССР, потом немцами, затем снова СССР) земли на восток от линии Молотова-Риббентропа, Балтийские государства вошли в состав СССР в 1945 году, потеряв большую часть своей элиты и значительную часть населения[39].

При Сталине Советский Союз медленно и сбивчиво эволюционировал из революционного марксистского государства в огромную многонациональную империю под прикрытием марксистской идеологии и с традиционной озабоченностью по поводу безопасности границ и национальных меньшинств. Поскольку Сталин унаследовал, поддерживал и усовершенствовал аппарат госбезопасности революционных лет, от этих опасений можно было избавиться во время вспышек убийств по национальному признаку в 1937–1938-х и 1940 годах и в приступах национальных депортаций, которые начались в 1930 году и продолжались до самой смерти Сталина. Военные депортации продолжили определенную эволюцию советской депортационной политики: от традиционного расселения людей, которых считали классовыми врагами, и до этнических чисток, которые привязывали людей к границам расселения.

В довоенный период депортации в ГУЛАГ всегда преследовали две цели: рост советской экономики и исправление советского населения. В 1930-х годах, когда СССР начал массово депортировать людей по этническому признаку, целью стало передвинуть нацменьшинства подальше от чувствительных приграничных регионов вглубь территории. Эти национальные депортации вряд ли можно рассматривать как определенное наказание отдельным людям, но они все еще основывались на предположении о том, что те, кого депортировали, могут лучше ассимилироваться с советским обществом, когда будут отделены от своих домов и родной земли. Национальные операции во время Большого террора унесли жизни четверти миллиона человек в 1937-м и 1938 годах, но в то же время отправили сотни тысяч людей в Сибирь и Казахстан, где они должны были работать на государство и реформировать себя. Даже депортации 1940–1941 годов

[39] *Polian P*. Against Their Will. – Pp. 166–168. В ходе операции «Юг» было депортировано 35 796 человек в ночь на 5 июля 1949 года с территорий, которые СССР аннексировал у Румынии.

с аннексированных польских, балтийских и румынских территорий можно рассматривать в советских терминах классовой войны. Мужчин из элитных семей убили в Катыни и других местах, а их жен, детей и родителей оставили на милость казахских степей. Там они либо интегрировались в советское общество, либо погибали.

Во время войны Сталин провел карательные операции, направленные на нацменьшинства за их связь с нацистской Германией. Около девятисот тысяч советских немцев и восемьдесят девять тысяч финнов были депортированы в 1941-м и 1942 годах. Пока Красная армия продвигалась вперед после победы под Сталинградом в начале 1943 года, шеф госбезопасности Лаврентий Берия предложил депортировать все народы, которые обвинялись в коллаборационизме с немцами. Это по большей части были мусульманские народы Кавказа и Крыма[40].

Когда советские войска снова заняли Кавказ, Сталин и Берия запустили маховик. За один день 19 ноября 1943 года советский режим депортировал всех карачаев – 69 267 человек – в Казахстан и Киргизию. За два дня, 28 и 29 декабря 1943 года, в Сибирь были сосланы 91 919 калмыков. Берия лично поехал в Грозный провести депортацию чеченцев и ингушей 20 февраля 1944 года. Возглавляя примерно сто двадцать тысяч войск НКВД, он окружил и выселил 478 479 человек всего за неделю. В его распоряжении были американские студебеккеры, полученные во время войны. Поскольку на месте не должно было остаться ни чеченцев, ни ингушей, то людей, которых нельзя было перевезти, расстреливали. Села сжигали дотла; в некоторых местах сжигали и сараи, полные людей. За два дня, 8 и 9 марта 1944 года, в Казахстан выселили балкарцев – всех 37 107 человек. В апреле 1944 года, когда Красная армия дошла до Крыма, Берия предложил и Сталин согласился переселить всех крымских татар. За три дня, 18–20 мая 1944 года, 180 014 человек были депортированы, большинство – в Узбекистан. Позже в 1944 году Берия депортировал из Советской Грузии 91 095 турок-месхетинцев[41].

На фоне, по сути, непрекращающихся национальных чисток сталинское решение зачистить советско-польскую границу кажется не удивительным

---

[40] *Polian P*. Against Their Will. – P. 134.

[41] Все вышеуказанные цифры см.: *Polian P.* Against Their Will. – Pp. 134–155. Также см.: *Naimark N.* Fires of Hatred. – P. 96; *Lieberman B.* Terrible Fate: Ethnic Cleansing in the Making of Modern Europe. – Chicago: Ivan R. Dee, 2006. – Pp. 206–207; *Burleigh M.* The Third Reich: A New History. – New York: Hill and Wang, 2000. – P. 749.

шагом в эволюции общей политики. С советской точки зрения, украинские, балтийские и польские крестьяне были просто бандитами, создающими проблемы на периферии, и с ними нужно было обращаться с позиции превосходящей силы и депортаций. Было, однако, важное отличие. Все «кулаки» и члены нацменьшинств, депортированные в 1930-х, оказались хоть и далеко от дома, но все же в СССР. То же самое касается крымских татар, а также народов Кавказа и Балтийских стран, депортированных во время войны или же вскоре после нее. Однако в сентябре 1944 года Сталин принялся выселять поляков (и польских евреев), украинцев и беларусов за *государственную* границу ради создания этнической однородности. Эта же логика (но в значительно больших масштабах) применялась по отношению к немцам в Польше.

Работая параллельно, а иногда и совместно, советский и польский коммунистический режимы достигли любопытного результата за 1944–1947 годы: они удалили этнические меньшинства по обе стороны советско-польской границы, которые делали приграничные регионы смешанными, и в то же время они удалили этнических националистов, которые больше всех боролись именно за такую чистоту. Коммунисты переняли программу своих врагов. Советская власть стала этнической чисткой, очищенной от этнических чистильщиков.

Территория послевоенной Польши была географическим центром сталинской кампании по послевоенным этническим чисткам. За время этой кампании немцы потеряли больше своих домов, чем какая-либо другая группа. Около 7,6 миллиона немцев покинули Польшу к концу 1947 года, а еще около трех миллионов были депортированы из демократической Чехословакии. Около девятисот тысяч поволжских немцев были депортированы во время войны в пределах СССР. Количество немцев, потерявших свои дома во время войны и после нее, превышало двенадцать миллионов человек.

Каким бы огромным ни было это число, оно не составляло подавляющего большинства принудительных переселений во время войны и после нее. В этот же послевоенный период советская (или же польская коммунистическая) власть депортировала примерно два миллиона человек, которые не являлись немцами. Еще восемь миллионов человек, большинство их них – подневоль-

Белое море
Архангельск
Карело-Финская АССР
Норвегия
Швеция
Финляндия
озеро Ладога
РСФСР
Осло
Хельсинки
Ленинград
Стокгольм
Таллин
Эстонская ССР
Новгород
Волга
Северное море
Калинин
Рига
Латвийская ССР
Москва
Дания
Копенгаген
Балтийское море
Литовская ССР
Витебск
СССР
Смоленск
Калининград (РСФСР)
Каунас
Вильнюс
Гданьск
Минск
Брянск
Гамбург
Бремен
Щецин
Польша
Белосток
Белорусская ССР
Воронеж
Брит.
Берлин
СССР
Познань
Варшава
Пинск
Курск
Германия
Лейпциг
Лодзь
Радом
Чернигов
Дон
Дрезден
Вроцлав
Люблин
Луцк
Киев
Харьков
Шклярска-Поремба
Житомир
Франция
Саар
США
Прага
Висла
Краков
Львов
Днепр
Чехословакия
Украинская ССР
Днепропетровск
Сталино
Днестр
Франция
СССР
Мюнхен
Вена
Братислава
Молдавская ССР
США
Австрия
Будапешт
Кишинев
Швейцария
Франция
Брит.
Клуж
Одесса
Азовское море
Венгрия
Крым (РСФСР)
Венеция
Триест
Загреб
Румыния
Севастополь
Ялта
Белград
Бухарест
Дунай
Югославия
Сараево
Черное море
Италия
Болгария
Рим
София
Скопье
Тирана
Стамбул
Албания
Анкара
Греция
Турция
Афины
Запад Советского Союза и Восточная Европа 1945 г.
Средиземное море

ная рабочая сила, угнанная немцами, были за это же время возвращены в Советский Союз. (Поскольку многие, если не большинство, из них предпочли бы не возвращаться, на самом деле их, наверное, было вдвое больше). В Советском Союзе и Польше более двенадцати миллионов украинцев, поляков, беларусов и представителей других народов бежали либо были переселены во время войны или же вскоре после нее. Это не считая десяти миллионов человек, преднамеренно уничтоженных немцами, большинство из которых были так или иначе перемещены до того, как убиты[42].

Бегство и депортации немцев, хотя и не являлись результатом политики преднамеренного уничтожения, составили главный инцидент послевоенных этнических чисток. Во всех гражданских конфликтах, бегстве, депортациях и переселениях, спровоцированных возвращением Красной армии в 1943–1947 годах, погибло около семисот тысяч немцев, по крайней мере, сто пятьдесят тысяч поляков и примерно двести пятьдесят тысяч украинцев. Как минимум еще триста тысяч советских граждан погибли во время или вскоре после советских депортаций с Кавказа, из Крыма, Молдавии и стран Балтии. Если считать борьбу литовских, латвийских и эстонских националистов против восстановления на их землях советской власти сопротивлением против депортаций (которой она до определенной степени и была), тогда еще около ста тысяч человек нужно добавить к общему числу смертей, связанных с этническими чистками[43].

В относительном выражении, процент переселенных немцев (от общего количества немецкого населения) был значительно ниже процента людей с Кавказа или из Крыма, которых депортировали – всех до последнего человека. Процент немцев, которые выехали или были переселены в конце войны, был выше, чем процент поляков, беларусов, украинцев и балтийцев. Однако разница исчезает, если передвижения народов, вызванные действиями немцев во время войны, прибавить к тем, которые были вызваны советской оккупацией в конце войны. За период 1939–1947 годов у поляков, украинцев, беларусов и

---

[42] О 8 миллионах человек, возвращенных в Советский Союз, см.: *Polian P.* La Violence. – P. 127. О 12 миллионах украинцев, беларусов и поляков см.: *Gerlach C.* Kalkulierte Morde. – P. 1160 (Герлах детально исследовал эту тему и заключил, что только в одной Беларуси были перемещены три миллиона человек).

[43] Вайнер пишет, что СССР докладывал об убийстве 110 825 украинских националистов с февраля 1944 по май 1946 года (*Weiner A.* Nature, Nurture, and Memory in a Socialist Utopia. – P. 1137). По подсчетам НКВД, 144 705 чеченцев, ингушей, балкаров и карачаев погибли в результате депортаций или вскоре после переселения (к 1948 году) – см.: *Lieberman B.* Terrible Fate. – P. 207.

балтийцев были примерно такие же (плюс-минус) шансы быть насильно перемещенными, как и у немцев, но если все перечисленные народы сталкивались с враждебной политикой как Советского Союза, так и Германии, то немцы (за некоторым исключением) подвергались репрессиям только со стороны СССР.

В послевоенный период у немцев были такие же шансы лишиться жизни, как и у поляков, которых преимущественно высылали на запад, на национальную родину. У немцев и поляков было значительно меньше шансов погибнуть, чем у украинцев, румынов, прибалтов, а также народов Кавказа и крымских татар. Меньше чем один из десяти немцев и поляков погиб во время или вследствие бегства, ссылки или депортации; среди прибалтов и советских граждан соотношение было – каждый пятый. В целом, чем восточнее происходила депортация и чем непосредственнее в нее была вовлечена советская власть, тем более фатальным был результат. Это видно в случае самих немцев: подавляющее большинство немцев, сбежавших из Польши и Чехословакии, выжили, тогда как огромный процент тех, кого транспортировали на восток внутри Советского Союза или в СССР извне, погибли.

Лучше было быть сосланным на запад, чем на восток, и лучше было быть сосланным на ожидающую тебя родину, чем в далекую и чужую советскую республику. Лучше было осесть в развитой (хоть и разбомбленной и разорванной войной) Германии, чем на советских пустырях, которые депортированные должны были сами же и обустраивать. Лучше было быть встреченным британскими и американскими властями в оккупированных зонах, чем местным НКВД в Казахстане или Сибири.

Довольно быстро, примерно за два года после окончания войны Сталин создал свою новую Польшу и новые пограничные территории и переселил народы в соответствии с этими границами. К 1947 году могло показаться, что война наконец-то закончена и что Советский Союз действительно и бесспорно одержал военную победу над немцами и их союзниками, а также политическую победу над оппонентами коммунизма в Восточной Европе.

Поляки, всегда являющиеся проблематичной группой, были вывезены из Советского Союза в новую коммунистическую Польшу, которая была привязана к Советскому Союзу, как якорь коммунистической империи. Польша, как

могло показаться, подчинилась: дважды в нее вторгались, дважды она была объектом депортаций и уничтожения, с переделанными границами и демографией, управляемая партией, зависящей от Москвы. Германия была совершенно разбита и унижена. Ее территория периода 1938 года была разделена на несколько оккупационных зон, которые превратятся в пять разных суверенных государств: Федеративная республика Германия (Западная Германия), Германская Демократическая Республика (Восточная Германия), Австрия, Польша и СССР (в Калининграде). Япония потерпела полное поражение от американцев, ее города были разбомблены, а в самом конце разрушены атомным оружием. Она больше не была мощной державой в континентальной Азии. Традиционная угроза для Сталина была устранена. Довоенный кошмар о японско-польско-германском окружении улетучился.

Во Второй мировой войне советских граждан погибло больше, чем любых других народов в истории любой другой войны. У себя дома советские идеологи воспользовались преимуществом этого горя, чтобы оправдать сталинское правление как необходимую цену победы в так называемой «Великой Отечественной войне». Отечеством, конечно же, была Россия, а также Советский Союз; Сталин сам поднял известный тост «за великий русский народ» сразу же после окончания войны, в мае 1945 года. Русские, говорил он, выиграли войну. Если быть точным, около половины населения Советского Союза составляли русские и поэтому в цифровом смысле русские сыграли в победе б*о*льшую роль, чем другие народы. Но сталинская идея содержала намеренную путаницу: война на советской территории проводилась и была выиграна преимущественно в Советских Беларуси и Украине, а в не в Советской России. Еврейского, беларусского и украинского гражданского населения было уничтожено больше, чем российского. Поскольку Красная армия несла такие колоссальные потери, ее ряды восполнялись за счет местных беларусских и украинских новобранцев как в начале, так и в конце войны. Депортированные кавказские и крымские народы по этой причине имели б*о*льший процент молодежи, погибавшей в рядах Красной армии, чем русские. У еврейских солдат было больше шансов получить награду за мужество, чем у российских солдат.

Еврейскую трагедию, в частности, нельзя было включить в советский опыт, и поэтому она была угрозой для послевоенного советского мифотворчества. Около 5,7 миллиона еврейских гражданских лиц были уничтожены

немцами и румынами, из них около 2,6 миллиона были советскими гражданами в 1941 году. Это значит, что не только еврейских гражданских лиц в абсолютных цифрах было уничтожено больше, чем представителей любой другой советской национальности. Это также значит, что более половины катаклизма произошло за пределами послевоенных границ Советского Союза. С позиции Сталина, даже опыт массового уничтожения собственных народов был волнующим примером того, что СССР выставил свою подноготную напоказ всему миру. В 1939–1941 годах, когда Советский Союз аннексировал Польшу и немцы еще не вторглись в СССР, советские евреи общались с польскими евреями, которые напоминали им о религиозных и языковых традициях, о мире их дедов. Советские и польские евреи в тот короткий и важный период жили вместе. Затем, после вторжения Германии, они вместе умирали. Именно потому, что уничтожение было общей судьбой евреев вне зависимости от границ, воспоминания о нем нельзя было сузить всего лишь до фрагмента Великой Отечественной войны.

Сталина волновало именно саморазоблачение перед Западом, даже когда его система была воссоздана в нескольких государствах Восточной и Центральной Европы. В межвоенный период советские граждане действительно уверовали, что им живется лучше, чем массам, страдающим от капиталистической эксплуатации на Западе. Теперь Америка вышла из Второй мировой войны как непревзойденная экономическая держава. В 1947 году она предложила экономическую помощь в форме Плана Маршалла европейским странам, желающим сотрудничать друг с другом в элементарных вопросах торговли и финансовой политики. Сталин мог отвергнуть помощь Маршалла и заставить своих подопечных тоже от нее отказаться, но не мог ничего поделать с тем, что советские граждане узнали за время войны: каждый возвращающийся советский солдат и остарбайтер знал, что стандарты жизни в остальной Европе, даже в таких сравнительно бедных странах, как Румыния и Польша, куда выше, чем в Советском Союзе. Украинцы вернулись в страну, где снова бушевал голод. Около миллиона человек умерли от голода за два послевоенных года. И именно Западная Украина со своим частным сельскохозяйственным сектором, который советский режим еще не успел коллективизировать, спасала остальную Советскую Украину от значительно худшей беды[44].

---

[44] Пережившие тот голод пишут об этом в своих воспоминаниях (см.: *Potichnij P.J.* The

Россияне представляли собой более безопасную основу для сталинской легенды о войне. Битвы за Москву и Сталинград принесли победы. Россияне были самой большой нацией, их язык и культура доминировали, и их республика была подальше от Запада – как от его нацистской, так и от нарождающейся теперь американской инкарнации. Россия огромна: немцы никогда даже не задавались целью колонизировать больше территорий, чем ее западная пятая часть, и никогда не завоевывали больше территорий, чем ее западная десятая часть. Советская Россия не была полностью оккупирована в течение месяцев и лет в отличие от Балтийских стран, Беларуси и Украины. Каждый, кто остался в Беларуси и Украине, испытал на себе немецкую оккупацию, а преобладающее большинство жителей Советской России – нет. Советская Россия значительно меньше понесла жертв Холокоста, чем Украина или Беларусь, просто потому, что немцы прибыли туда позже и убили меньше евреев (около шестидесяти тысяч человек, или 1% от жертв Холокоста). И в этом смысле Советская Россия тоже была дальше от опыта войны.

Когда война завершилась, заданием было изолировать российский народ (и, конечно, другие народы тоже) от культурной инфекции. Одним из самых опасных видов интеллектуальной чумы была бы интерпретация войны, отличавшаяся от личного варианта Сталина.

Победа коммунизма советского пошиба в Восточной Европе принесла столько же переживаний, сколько и триумфа. Политические победы, несомненно, впечатляли: коммунисты в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии и Югославии доминировали в своих странах к 1947 году, благодаря советской помощи, но также и благодаря собственной подготовке, беспощадности и искусности. Коммунисты оказались довольно хороши по части мобилизации человеческих ресурсов для решения насущных проблем послевоенной реконструкции, например, в Варшаве.

Но как долго могла советская экономическая модель быстрой индустриализации обеспечивать развитие в странах, более индустриализованных, чем был Советский Союз времен первой пятилетки, и чьи граждане ожидали более высоких стандартов жизни? Как долго могли общества Восточной Евро-

1946–1947 Famine in Ukraine: A Comment on the Archives of the Underground // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – P. 185).

пы принимать коммунизм в качестве национального освобождения, если их коммунистические руководители были очевидно обязаны чужой державе – Советскому Союзу? Сколько могла Москва поддерживать образ Запада как постоянного врага, если Соединенные Штаты, казалось, представляли собой и процветание, и свободу? Сталину нужно было, чтобы назначенные им восточноевропейские руководители делали то, чего он хотел, эксплуатировали национализм и изолировали свои народы от Запада, что было очень труднодостижимой комбинацией.

Это было заданием Андрея Жданова – нового начальника Управления пропаганды и любителя искать решения в безвыходных ситуациях. Жданов должен был разработать теорию неизбежной победы Советского Союза в послевоенном мире, а пока что защищать чистоту России. В августе 1946 года Коммунистическая партия Советского Союза приняла резолюцию, осуждающую западное влияние на советскую культуру. Загрязнение проистекало из Западной Европы и Америки, а также и через культуры, расположенные на пересечении границ, например, еврейскую, украинскую или польскую. Жданову также приходилось считаться с новым соперничеством между Советским Союзом и Соединенными Штатами таким образом, чтобы восточноевропейские руководители могли понять и перенять это по отношению к собственным странам.

В сентябре 1947 года лидеры европейских коммунистических партий собрались в Польше заслушать новую линию Жданова. Встреча проводилась в бывшем немецком курортном городе Шклярска-Поремба, донедавна известном как Шрейберхау; участникам сказали, что их партии станут членами «Коммунистического Информационного бюро», или «Коминформа». С помощью Коминформа Москва будет сообщать линию и координировать политику. Собранные коммунистические лидеры узнали, что мир разделен на «два лагеря» – прогрессивный и реакционный, – и Советскому Союзу предназначено возглавить «народные демократии» Восточной Европы, а Соединенные Штаты обречены унаследовать все изъяны дегенеративного капитализма, которые еще недавно можно было наблюдать в нацистской Германии. Необратимые законы истории гарантировали окончательную победу прогрессивных сил[45].

---

[45] См.: *Mastny V.* The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – P. 30. О сердечном приступе Жданова см.: *Sebag M.S.* Stalin. – P. 506.

Коммунистам нужно было только играть отведенную им роль прогрессивного лагеря, возглавляемого, конечно же, Советским Союзом, и избегать искушения пойти к социализму по отдельной национальной тропе. Так что все было хорошо.

Затем у Жданова случился сердечный приступ – он был первым из нескольких. Не так уж и хорошо все было.

РАЗДЕЛ 11

СТАЛИНСКИЙ АНТИСЕМИТИЗМ

В январе 1948 года Сталин убил одного еврея. Соломон Михоэлс, председатель Еврейского антифашистского комитета и директор Московского государственного еврейского театра, был откомандирован в Минск, чтобы оценить пьесу для Сталинской премии. По прибытии он был приглашен на дачу к главе МГБ БССР Лаврентию Цанаве, который приказал его убить вместе с неудобным свидетелем. Тело Михоэлса, раздавленное грузовиком, оставили на глухой улице.

Всего несколько лет тому назад Минск был свидетелем жестоких массовых уничтожений, проводившихся немцами. Ирония того, что советский режим убил еще одного советского еврея в Минске, заключается в том, что Цанава был чекистом-историком. Он заканчивал писать историю беларусского партизанского движения, в которой игнорировались особое бедственное положение евреев и их борьба во время немецкой оккупации. Советская история еврейского партизанского движения была написана, но ее не печатали. Евреи пострадали больше, чем кто-либо другой в Минске во время войны; казалось, что освобождение города красноармейцами не положило конец страданиям советских евреев. Казалось, что и история Холокоста в СССР останется ненаписанной[1].

[1] Об убийстве см.: *Rubenstein J., Naumov V.* Stalin’s Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee. – New Haven: Yale University Press, 2005. – P. 1. О Цанаве см.: *Mavrogordato R., Ziemke E.* The Polotsk Lowland // Soviet Partisans in World War II / Ed. by Armstrong J. – Madison: University of Wisconsin Press, 1964. – P. 527; *Smilovitsky L.* Antisemitism in the Soviet Partisan Movement. – P. 207.

Михоэлс боролся за то, чего Сталин старался избегать. Он был лично знаком с людьми еврейского происхождения в сталинском ближайшем окружении, такими как член Политбюро Лазарь Каганович и жены членов Политбюро Вячеслава Молотова и Климента Ворошилова. Еще хуже было то, что Михоэлс старался приблизиться к Сталину, чтобы поговорить с ним о судьбе евреев во время войны. Как и Василий Гроссман, Михоэлс был членом официального Еврейского антифашистского комитета СССР во время войны. По сталинским инструкциям Михоэлс работал над тем, чтобы донести до мира беду советских евреев ради сбора денег на советские военные нужды. После войны Михоэлс понял: он не может допустить, чтобы массовое уничтожение евреев было предано историческому забвению, и не желал, чтобы особые страдания евреев растворились в общем страдании советских людей. В сентябре 1945 года он принес пепел из Бабьего Яра в хрустальной вазе на лекцию в Киеве и продолжал в течение лет после войны открыто говорить про ямы смерти. Михоэлс в 1947 году также ходатайствовал перед начальником Управления пропаганды Андреем Ждановым о получении разрешения на публикацию «Черной книги советского еврейства» под редакцией Гроссмана, Ильи Эренбурга и других – сборника документов и свидетельских показаний о массовых расправах. Все напрасно. Ждановская эра в советской культуре не могла принять еврейской истории войны. В послевоенном Советском Союзе на мемориальных обелисках не могло быть звезд Давида – только пятиконечные красные звезды. В западной части Советского Союза, на землях, аннексированных СССР во время войны, а затем еще раз после ее окончания, на землях, где были уничтожены около 1,6 миллиона евреев, монументы Ленину возводились на пьедесталах еврейских могильных плит. Синагога, в которой ковельские евреи оставили свои прощальные послания, использовалась как зернохранилище[2].

Дочь Сталина, Светлана Аллилуева, слышала, как ее отец обсуждал с Цанавой ложную версию убийства – «автомобильную аварию». Михоэлс занимал определенное положение в советской культуре, и его политическая кампания была весьма некстати. Однако враждебность Сталина к Михоэлсу как еврею, видимо, объяснялась в такой же мере наследственностью, как и политикой. Сын Сталина,

---

[2] О «Черной книге советского еврейства» см.: *Kostyrchenko G.* Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia. – Amherst: Prometheus Books, 1995. – P. 68. О звездах см.: *Weiner A*. Nature, Nurture, and Memory in a Socialist Utopia. – P. 1150; *Weiner A*. Making Sense of War. – P. 382. О синагоге как зернохранилище см.: ŻIH/1644; *Rubenstein J., Naumov V.* Stalin's Secret Pogrom. – P. 38. Также см.: *Veidlinger J.* The Moscow State Yiddish Theatre: Jewish Culture on the Soviet Stage. – Bloomington: Indiana University Press, 2000. – P. 277.

Яков, погибший в немецком плену, женился на еврейке. Первой любовью Светланы был еврейский актер, которого Сталин назвал британским шпионом и сослал в ГУЛАГ. Первым мужем Светланы также был еврей; Сталин говорил, что он скупой и трусливый, и вынудил дочь развестись, чтобы она вышла замуж за сына Жданова – сталинского чистильщика советской культуры. От такого брака попахивало созданием королевской семьи, которая была менее еврейской, чем собственные привязанности Светланы. У Сталина всегда были близкие сотрудники-евреи, и самым известным из них был Каганович. Однако теперь, когда Сталин приближался к своему семидесятилетию и когда мысли о преемниках, видимо, все больше его одолевали, его отношение к евреям, казалось, поменялось[3].

После смерти Михоэлса комиссариат госбезопасности, ставший теперь Министерством государственной безопасности, задним числом указал причину, по которой убийство отвечало советским интересам, – еврейский национализм. Виктор Абакумов, глава МГБ, сделал вывод в марте 1948 года, что Михоэлс был еврейским националистом, который связался с опасными американцами. По советским меркам, это было довольно простое обвинение. Михоэлс как член Еврейского антисемитского комитета получил во время войны задание от советского руководства взывать к национальным чувствам евреев. В 1943 году он полетел в Соединенные Штаты, чтобы собрать денег, и там с симпатией высказывался о сионизме. По совершенной случайности его самолет несколько часов стоял на взлетной полосе в Палестине, где он по собственной инициативе послал воздушный поцелуй Святой Земле. В феврале 1944 года Михоэлс присоединился к кампании за то, чтобы сделать из Крымского полуострова, очищенного советской властью от подозреваемых мусульман-врагов после 1943 года, в «Еврейскую Социалистическую республику». Крым на Черном море был морским пограничьем Советского Союза. Идея о том, чтобы сделать из него родину советских евреев, поднималась несколько раз, и ее поддерживали некоторые выдающиеся американцы-евреи. Сталин предпочел советское решение – Биробиджан, еврейский автономный округ на советском Дальнем Востоке[4].

---

[3] *Rubenstein J., Naumov V.* Stalin's Secret Pogrom. – P. 35.

[4] О Крыме см.: *Redlich S.* War, Holocaust, and Stalinism: A Documented History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. – Luxembourg: Harwood, 1995. – P. 267; *Redlich S.* Propaganda and Nationalism in Wartime Russia. – P. 57. Также см.: *Lustiger A.* Stalin and the Jews: The Red Book. – New York: Enigma Books, 2003. – Pp. 155, 192; *Luks L.* Zum Slaninschen Antisemitismus: Brüche und Widersprüche // Jahrbuch für Historische Kommunismus-Forschung, 1997. – P. 28; *Veidlinger J.* Soviet Jewry as a Diaspora Nationality: The «Black Years» Reconsidered // East European Jewish Affairs. – 2003. – № 33 (1). – Pp. 9–10.

Учитывая то, что Вторая мировая война занимала центральное место в жизни всех восточных европейцев, в СССР и новых сателлитных государствах, каждый житель новой коммунистической Европы должен будет уяснить, что русская нация боролась и страдала, как никакая другая. Русские будут самыми великими победителями и самыми большими жертвами отныне и вовеки. Русское сердце страны, наверное, можно было защитить от опасного Запада с помощью других советских республик и новых сателлитных государств Восточной Европы. Противоречие было явным: у тех народов, которые составляли буфер, было меньше всего причин принимать утверждение Сталина о русском мученичестве и чистоте. Этого особенно сложно было добиться в таких местах, как Эстония, Латвия и Литва, где Вторая мировая война началась с советской оккупации и ею же и закончилась. Не проще с этим было и в Западной Украине, где партизаны-националисты сражались с советской властью еще в течение нескольких лет после окончания войны. Вряд ли поляки могли забыть, что Вторая мировая началась с вооруженного вторжения в Польшу Германии и СССР, которые были между собой союзниками.

В случае с евреями сложностей было еще больше. Поскольку немцы уничтожали советских евреев, затем польских евреев, а затем европейских евреев, Холокост вряд ли мог присутствовать в советской истории войны и менее всего – в той истории, которая смещала центр тяжести страдания на восток, в Россию, где погибло сравнительно мало евреев. Одно дело, если евреи будут считать советскую власть освободительницей, и совсем другое – признавать, что другие советские граждане пострадали больше, чем они. Евреи воспринимали Красную армию как освободительницу *именно потому*, что нацистская политика предполагала их уничтожить. Однако это чувство благодарности – из-за его особых источников – не превращалось автоматически в политическую легенду о Великой Отечественной войне и России. Евреи, в конце концов, тоже воевали в Красной армии, и у них было больше шансов получить награду за мужество, чем у советских граждан в целом[5].

Количество евреев, уничтоженных немцами в Советском Союзе, было государственным секретом. Немцы уничтожили около миллиона коренных советских евреев, а также приблизительно 1,6 миллиона польских, литовских и латвийских евреев, привезенных в СССР после того, как эти земли были

[5] Про награды за храбрость см.: *Weiner A.* Nature, Nurture, and Memory in a Socialist Utopia. – P. 1151; *Lustiger A.* Stalin and the Jews. – P. 138.

аннексированы Советским Союзом в 1939–1940 гг. Румыны тоже уничтожали евреев, преимущественно на территориях, которые после войны оказались в составе Советского Союза. Эти цифры были явно секретными, поскольку демонстрировали то, что, даже в сравнении с чудовищными страданиями советских народов, евреи пострадали особенно. Евреи составляли менее 2% населения, а русские – более половины; немцы убили больше еврейского гражданского населения, чем русского в оккупированном Советском Союзе. Евреи составляли особую категорию, даже по сравнению со славянскими народами, которые пострадали больше россиян, такими как украинцы, беларусы и поляки. Советское руководство знало об этом, знали и советские граждане, жившие на землях, оккупированных немцами. Холокост, тем не менее, не мог стать частью советской истории о войне[6].

Это огромное количество убитых евреев также поднимало волнующий вопрос о том, как немцам удалось уничтожить в оккупированном Советском Союзе столько гражданского населения за столь короткое время. Им помогали советские граждане. Каждый, у кого был опыт войны, знал, что немецкая армия была громадной, но немецких оккупационных сил в тылу было немного. В немецких оккупационных властях и полиции было недостаточно народу, чтобы управлять западной частью Советского Союза в какой-либо форме, а тем более тщательно внедрять политику массового уничтожения. Местные власти продолжали делать свою работу при новых хозяевах, местные молодые люди добровольно шли в полицию, а в гетто некоторые евреи взяли на себя функцию контроля над остальными. В расстрелы на востоке от линии Молотова-Риббентропа были вовлечены (так или иначе) сотни тысяч советских граждан. (Надо сказать, что большую часть основной работы на фабриках и в лагерях смерти к западу от ли-

[6] О государственном секрете см.: *Lustiger A*. Stalin and the Jews. – P. 108. О вышеуказанных цифрах речь шла в предыдущих разделах и будет идти в «Заключении». Относительно гибели евреев в СССР см.: *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. – Pp. 521, 524. Филимошин (*Филимошин М.В.* Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны / Под ред. Евдокимова Р.Б. – С.-Петербург: РАН, 1995. – С. 124) называет цифру 1,8 миллиона гражданских лиц, намеренно уничтоженных во время немецкой оккупации; к этому я бы добавил приблизительно миллион погибших от голода военнопленных и около 400 тысяч неучтенных жертв при блокаде Ленинграда. Таким образом, включая гражданских и военнопленных – и очень приблизительно, – я бы назвал цифру 2,6 миллиона евреев и 3,2 миллиона жителей Советской России, уничтоженных как гражданское население или как военнопленные. Если военнопленных считать как боевые жертвы, тогда цифра жертв среди евреев превысит цифру жертв среди россиян.

нии Молотова-Риббентропа в оккупированной Польше выполняли советские граждане. Нельзя было упоминать, что советские граждане работали в Треблинке, Собиборе и Белжеце). То, что немцам нужны были коллаборанты и они их находили, – неудивительно. Но коллаборационизм подрывал миф о сплоченном советском народе, защищающем честь Отечества, сопротивляясь ненавистным фашистским захватчикам. Распространенность этого мифа была еще одной причиной, по которой о массовом уничтожении евреев надо было забыть.

Во время войны СССР и его союзники в целом пребывали в согласии относительно того, что войну не нужно понимать как войну по освобождению евреев. С разных точек зрения и советское, и польское, и американское, и британское руководство – все верили, что страдания евреев надо воспринимать как один из аспектов ужасной немецкой оккупации вообще. Хотя лидеры союзных держав достаточно знали о происходящем Холокосте, никто из них не считал его причиной начинать войну с нацистской Германией или привлекать особое внимание к страданиям евреев. Еврейский вопрос в пропаганде обычно опускался. Когда Сталин, Черчилль и Рузвельт подписали «Декларацию об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» в Москве в октябре 1943 года, они упомянули среди преступлений нацистов «массовый расстрел польских офицеров», имея в виду Катынь (хотя в действительности это было советское преступление), «казнь французских, датских, бельгийских и норвежских заложников», а также «критских крестьян», но не евреев. Были упомянуты «народы» Польши и Советского Союза, но не еврейское национальное меньшинство обеих стран. К тому времени, когда было напечатано заключение про гитлеровские зверства, более пяти миллионов евреев были расстреляны или отравлены газом за то, что были евреями[7].

В своей более просвещенной форме замалчивание убийств по расовому признаку отражало принципиальное колебание по поводу принятия гитлеровского расового понимания мира. Рассуждали так: евреи не были гражданами какой-то одной страны и поэтому сгруппировать их вместе – значит признать их единство как расы и принять гитлеровский расовый взгляд на мир. В своей менее просвещенной форме эта точка зрения была уступкой

[7] Франклин Рузвельт, Уинстон Черчилль и Иосиф Сталин. Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. 30.10.1943. Она была частью Московской декларации.

популярному антисемитизму, который был весьма распространен в Советском Союзе, Польше, Британии и Соединенных Штатах. Для Лондона и Вашингтона эта напряженность разрешилась с победой в войне в 1945 году. Американцы и британцы не освобождали какой-либо части Европы, где проживало значительное еврейское население до войны, они не видели основных немецких лагерей смерти. Политика послевоенного экономического, политического и военного сотрудничества в Западной Европе относительно мало касалась еврейского вопроса.

Территория сталинского увеличившегося государства включала большинство из немецких полей убийств, а его послевоенная империя (в том числе коммунистическая Польша) охватывала все те места, где располагались немецкие фабрики смерти. Сталину и его Политбюро довелось после войны иметь дело с продолжавшимся отпором возвращению советской власти, который придавал неизбежность вопросу о судьбе евреев военных лет в контексте идеологии и политики. Послевоенное сопротивление на западе Советского Союза было продолжением войны в двух смыслах: это были земли, которые СССР захватил в самом начале, и земли, где огромное количество людей взяли в руки оружие, чтобы сражаться с советским режимом. В странах Балтии, Украине и Польше некоторые партизаны были откровенными антисемитами и продолжали использовать тактику нацистов, ассоциируя советскую власть с евреями.

В этой ситуации у СССР были все политические мотивы дистанцировать себя и свое государство от страданий евреев и приложить особые усилия к тому, чтобы антисемиты не отождествляли возвращение советской власти с возвращением евреев. В Литве, вновь включенной в состав Советского Союза, генеральный секретарь местной советской Коммунистической партии считал, что евреев уничтожали во время Холокоста как «сынов нации», как литовцев, которые мученически умирали за коммунизм. Никита Хрущев, член Политбюро и генеральный секретарь партии в Украине, пошел еще дальше. Он был ответственным за борьбу по уничтожению украинских националистов на землях тогдашней юго-восточной Польши, которые до войны были густо заселены евреями и поляками. Германия уничтожила евреев, а СССР депортировал поляков. Хрущев хотел, чтобы украинцы были благодарны Советскому Союзу за «унифицирование» их сел за счет Польши и за «зачистку» польских землевладельцев. Зная, что националисты выступают

за этническую чистоту, он хотел, чтобы советская власть символизировала именно ее[8].

Восприимчивый к настроениям населения, Сталин искал способ представить войну так, чтобы это льстило русским и при этом маргинализировало бы евреев (равно как и все остальные народы Советского Союза). Вся целиком советская идея о Великой Отечественной войне была основана на том, что война началась в 1941 году, когда Германия вторглась в Советский Союз, а не в 1939 году, когда Германия совместно с Советским Союзом вторглись в Польшу. Другими словами, согласно официальной версии, территории, поглощенные в результате советской агрессии 1939 года, следовало считать территориями, которые всегда и были советскими землями, а не добычей, захваченной в результате войны, которую Сталин помог Гитлеру начать. В противном случае Советский Союз фигурировал бы как одна из двух держав, развязавших войну, как один из агрессоров, а это, конечно же, было неприемлемо.

В советской версии войны не могло идти речи об одном из ее ключевых фактов: совместная немецкая и советская оккупация была хуже, чем только одна немецкая оккупация. Население на запад от линии Молотова-Риббентропа, которое пережило одну немецкую и две советских оккупации, страдало больше, чем население любого другого региона Европы. С советской точки зрения, все смерти в той зоне можно было просто приплюсовать к советским потерям, даже если люди, о которых шла речь, были советскими гражданами в течение всего нескольких месяцев до момента своей смерти и даже если многие из них были уничтожены НКВД, а не СС. Таким образом, смерти поляков, румынов, литовцев, беларусов и украинцев, причиненные советскими, а не германскими силами, служили для того, чтобы трагедия Советского Союза (а для невнимательных – России) выглядела еще более масштабной.

Огромные потери, которые понесли советские евреи, – это в основном были смерти евреев на землях, в которые только что вторгся Советский Союз. Эти евреи были гражданами Польши, Румынии и стран Балтии, привезенные силой, под советским контролем, всего за двадцать один месяц до немецкого вторжения в случае Польши и за двадцать четыре месяца до этого вторжения в случае северо-восточной Румынии и стран Балтии. Советские граждане, которые больше всего пострадали в войне, были насильно подчинены советской

[8] О «сынах нации» см.: *Arad Y.* The Holocaust in the Soviet Union. – P. 539. О Хрущеве см.: *Salomini A*. L’Union soviétique et la Shoah. – P. 242; *Weiner A*. Making Sense of War. – P. 351.

власти непосредственно перед тем, как пришли немцы, в результате альянса СССР с нацистской Германией. Это была неловкая ситуация. История войны должна была начинаться в 1941 году, и эти люди должны были считаться «мирными советскими гражданами».

Евреи на землях к востоку от линии Молотова-Риббентропа – совсем недавно захваченные Советским Союзом – были первыми, до которых добрались айнзацгруппы, когда Гитлер предал Сталина и Германия вторглась в Советский Союз в 1941 году. Советская пресса защищала их от информации о немецкой политике по отношению к евреям в 1939-м и 1940 году. У них фактически не было времени эвакуироваться, поскольку Сталин отказывался верить в немецкое вторжение. Они подвергались террору и депортациям в расширенном Советском Союзе в 1939–1941 годах в течение того периода, когда Сталин и Гитлер были союзниками, а затем оказались предоставлены немецким силам, когда этот альянс был сломан. Евреи этой маленькой зоны составили более четверти всех жертв Холокоста.

Чтобы сталинская идея о войне возобладала, нужно было забыть о том факте, что евреи были ее основной жертвой. Также нужно было забыть, что Советский Союз был союзником нацистской Германии, когда война началась в 1939 году, и что Советский Союз был не готов к нападению Германии в 1941 году. Уничтожение евреев было не только нежелательным воспоминанием само по себе – оно вызывало другие нежелательные воспоминания. О нем необходимо было забыть.

После Второй мировой войны советскому руководству было значительно сложнее контролировать ментальность советских граждан. Хотя аппарат цензуры оставался в силе, слишком много людей познали жизнь за пределами Советского Союза, чтобы советские нормы оставались единственными нормами, а советский образ жизни – лучшим. Саму войну нельзя было уместить в границах отечества (российского или же советского) – она затронула слишком много других людей и ее последствия сформировали не только страну, но и весь мир. В частности, основание государства Израиль сделало советскую политическую амнезию относительно судьбы евреев невозможной. Даже после Холокоста в Советском Союзе проживало больше евреев, чем в Палестине, но

именно Палестина должна была стать национальной родиной евреев. Если у евреев будет национальное государство, станет ли это ударом по британскому империализму на Ближнем Востоке, который стоит поддержать, или же испытанием лояльности советских евреев, которого надо бояться?[9]

Поначалу советское руководство, казалось, ожидало, что Израиль будет социалистическим государством, дружественным Советскому Союзу, и коммунистический блок поддерживал Израиль так, как никто другой не был способен его поддержать. Во второй половине 1947 года около семидесяти тысячам евреев было разрешено уехать из Польши в Израиль; многих из них только что выгнали из Советского Союза в Польшу. После того, как ООН признала государство Израиль в мае 1948 года (Советский Союз проголосовал «за»), в новое государство вторглись его соседи. Его зарождающаяся армия защищалась и в нескольких десятках случаев очистила свою территорию от арабов. Поляки тренировали еврейских солдат на их собственной территории, а затем отправляли в Палестину. Чехословаки посылали оружие. Как написал Артур Кёстлер, поставки оружия «вызывали чувство благодарности у евреев к Советскому Союзу»[10].

Однако в конце 1948 года Сталин решил, что евреи влияют на советское государство больше, чем советское государство влияет на еврейское государство. Спонтанные проявления привязанности к Израилю были очевидны в Москве и в сталинском окружении. Москвичи, казалось, обожали нового израильского посла Голду Меир (рожденную в Киеве и выросшую в Соединенных Штатах). Высокие праздники отмечали с необыкновенным размахом. Рош Ха-Шана[11] в Москве отмечало самое большое количество народа за последние двадцать лет. Около десяти тысяч евреев собрались внутри Хоральной Синагоги и вокруг нее. Когда затрубил шофар[12] и люди обещали друг

[9] Глубокомысленные вступительные статьи о послевоенной советской культуре: *Kozlov D.* «I have Not Read, But I Will Say»: Soviet Literary Audiences and Changing Ideas of Social Membership, 1958–1966 // Kritika. – 2006. – № 7 (3). – Pp. 557–597; *Kozlov D.* The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–1991 // Kritika. – 2001. – № 2 (2). – Pp. 577–600.

[10] О семидесяти тысячах евреев, которым разрешили уехать из Польши в Израиль, см.: *Szaynok B.* Z historią i Moskwą w tle: Polska a Izrael 1944–1968. – P. 49. О Кёстлере см.: *Kostyrchenko G.* Out of the Red Shadows. – P. 102.

[11] Еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние месяца тишрей по еврейскому календарю (приходится на сентябрь или октябрь) (*прим. пер.*).

[12] Еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного. В него трубят во время синагогального богослужения на Рош Ха-Шана, Йом-Кипур и в ряде других случаев (*прим. пер.*).

другу встретить «следующий Новый год в Иерусалиме», воцарилась эйфория. Полина Жемчужина, жена министра иностранных дел Вячеслава Молотова, видела Голду Меир 7 ноября, в день годовщины большевистской революции, и призвала ее продолжать ходить в синагогу. Хуже того, Жемчужина сказала это на идиш – языке своих родителей и родителей Меир: в той параноидальной обстановке это было свидетельством национального единения евреев на международном уровне. Слышали и то, как Екатерина Горбман, жена другого члена Политбюро, Климента Ворошилова, воскликнула: «Теперь и у нас есть своя родина!»[13]

В конце 1948-го – начале 1949 года общественная жизнь в Советском Союзе повернулась в сторону антисемитизма. Новую линию непрямо, но ощутимо установила газета «Правда» 28 января 1949 года. Со статьи о «непатриотичных театральных критиках», «носителях безгосударственного космополитизма», началась кампания по разоблачению евреев во всех сферах профессиональной жизни. Сама «Правда» избавилась от евреев в своих рядах в начале марта. Еврейских офицеров увольняли из рядов Красной армии, а еврейских активистов снимали с руководящих постов в Компартии. Несколько десятков еврейских поэтов и писателей, работавших под русскими литературными псевдонимами, обнаружили, что их теперешние или бывшие имена печатают в скобках после псевдонима. Еврейские писатели, проявившие интерес к культуре идиш либо к уничтожению евреев немцами, оказались под арестом. Гроссман вспоминал: «Казалось, в СССР одни лишь евреи воруют, берут взятки, преступно равнодушны к страданиям больных, пишут порочные и халтурные книги»[14].

Еврейский антифашистский комитет был официально распущен в ноябре 1948 года, и более сотни еврейских писателей и активистов были арестованы. Писатель Дер Нистер, к примеру, был арестован в 1949 году и умер в следующем году в заключении. В его романе «Семья Машбер» был образ,

[13] О Рош Ха-Шана и синагоге см.: *Veidlinger J.* Soviet Jewry as a Diaspora Nationality. – Pp. 13–16; Szajnok. Polska a Izrael. – P. 159. О Жемчужиной см.: *Rubenstein J., Naumov V.* Stalin's Secret Pogrom. – P. 46. О Горбман см.: *Luks L.* Zum Slaninschen Antisemitismus. – P. 34. Об изменении политики вообще см.: *Szaynok B.* Z historią i Moskwą w tle: Polska a Izrael 1944–1968. – Pp. 40, 82, 106, 111–116.

[14] О статье в «Правде» см.: *Kostyrchenko G.* Out of the Red Shadows. – P. 152. Об уменьшении количества евреев в высших эшелонах власти (с 13% в 1945 году до 4% в 1952 году) см.: *Костырченко Г.В.* Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации 1938–1953. – Москва: Материк, 2005. – С. 352. Цитата Гроссмана: Все течет... // Все течет... : повести, рассказы, очерки. – Москва: Эксмо, 2010. – С. 506–507.

Восточная Европа и Израиль, 1949 г.
Сателлиты СССР
Другие коммунистические страны
Осло
Норвегия
Финляндия
Хельсинки
озеро Ладога
Ленинград
РСФСР
Стокгольм
Таллин
Эстонская ССР
Новгород
Швеция
Волга
Рига
Калинин
Дания
Латвийская ССР
Копенгаген
Балтийское море
Москва
Литовская ССР
Калининград (РСФСР)
Каунас
Витебск
Смоленск
СССР
Гданьск
Вильнюс
Минск
Бремен
Щецин
Брянск
Берлин
Польша
Белосток
Белорусская ССР
Познань
Варшава
Курск
Воронеж
Восточная Германия
Лодзь
Пинск
Чернигов
Радом
Вроцлав
Люблин
Дон
Западная Германия
Прага
Луцк
Киев
Харьков
Краков
Висла
Житомир
Дунай
Чехословакия
Львов
Днепр
Украинская ССР
Днестр
Днепропетровск
Мюнхен
Вена
Братислава
Сталино
Австрия
Молдавская ССР
Будапешт
Кишинев
Венгрия
Клуж
Одесса
Азовское море
Триест
Загреб
Венеция
Румыния
Крым (РСФСР)
Белград
Югославия
Бухарест
Севастополь
Ялта
Сараево
Дунай
Италия
Черное море
София
Рим
Болгария
Скопье
Тирана
Стамбул
Албания
Анкара
Греция
Турция
Измир
Афины
Конья
Адана
Алеппо
Сирия
Средиземное море
Бейрут
Ливан
Дамаск
Триполи
Западный берег реки Иордан
Израиль
Тель-Авив
Иерусалим
Амман
Сектор Газа
Газа
Бенгази
Киренаика
Триполитания
Иордания
Каир
Синайский полуостров
Нил
Египет
Саудовская Аравия

который теперь, когда советские действия, казалось, совпадают с нацистской моделью, выглядел пророческим: «...паровоз, который тащил тяжелый длинный товарный состав – одинаковые красные вагоны, одинаковые черные колеса, – и издали казалось, будто поезд не двигается вперед, а стоит на одном месте». Евреи Советского Союза находились в состоянии сильного напряжения. МГБ рапортовал о страхах евреев в Советской Украине, которые понимали, что указания, должно быть, спущены сверху, и беспокоились о том, что «никто не знает, какую форму это примет». Прошло всего пять лет после окончания немецкой оккупации и всего одиннадцать лет после окончания Большого террора[15].

Советским евреям теперь угрожали два эпитета: они были «еврейскими националистами» и «безродными космополитами». Хотя эти два обвинения могли казаться взаимоисключающими, поскольку националист подчеркивает свои корни, но по сталинской логике они могли существовать параллельно. Евреи были «космополитами», так как их привязанность к советской культуре и русскому языку была как бы неискренней. На них нельзя было положиться в вопросе защиты Советского Союза или русской нации от проникновения разных течений с Запада. В этом качестве еврея неизбежно привлекали Соединенные Штаты, куда евреи (Сталин считал, что евреи так думают) могли поехать и разбогатеть. Американская индустриальная мощь была очевидна для СССР, который использовал «студебеккеры» для депортаций собственного населения. Технологическое превосходство (и простая беспощадность) также было продемонстрировано в конце войны в Японии, атомными бомбами, сброшенными на Хиросиму и Нагасаки.

Мощь Америки была видна и во время блокады Берлина во второй половине 1948 года. Германия все еще была оккупирована четырьмя державами-победительницами: СССР, США, Великобританией и Францией. Берлин, находившийся в советской зоне, был под совместной оккупацией. Западные союзники объявили, что введут в Германии новую денежную единицу (дойчмарку) в подконтрольных им зонах. СССР блокировал Западный Берлин с очевидной целью заставить западных берлинцев принять поставки из СССР, а значит, и советский контроль над их обществом. Тогда американцы принялись

[15] О расформировании Еврейского антифашистского комитета см.: *Kostyrchenko G.* Out of the Red Shadows. – P. 104. Цитату о поезде см.: *Дер Н.* Семья Машбер / Пер. с идиша Михаила Шамбадала. – Москва: Эшколот, 2012. – С. 30. О рапорте МГБ см.: *Костырченко Г.В.* Государственный антисемитизм. – С. 327.

обеспечивать продовольствием изолированный город с воздуха, что, как Москва считала, никогда не сработает. В мае 1949 года Советскому Союзу пришлось снять блокаду. Американцы вместе с британцами доказали, что могут поставлять по воздуху тысячи тонн провианта ежедневно. В ходе одной этой операции были продемонстрированы и добрая воля, и достаток, и мощь. Когда началась Холодная война, Америка и американцы, казалось, могли делать то, чего до сих пор не делал никто из их московских соперников, – представлять универсальное и привлекательное видение жизни. Все это было хорошо, и легко было объединять американцев с нацистами в единый реакционный «лагерь», но евреи (и, конечно же, не только они) считали такую ассоциацию невозможной.

Советских евреев также называли «сионистами», так как они могли предпочесть Израиль, еврейское национальное государство, Советскому Союзу, своей Родине. Израиль после войны, как Польша, Латвия или Финляндия до войны, был национальным государством, которое могло привлечь лояльность представителей диаспорной национальности в Советском Союзе. В межвоенный период советская политика сначала старалась поддерживать все национальности в их культурном развитии, но затем остро повернулась против определенных национальных меньшинств, таких как поляки, латвийцы и финны. Советский Союз мог предложить образование и ассимиляцию евреям (равно как и другим группам), но что, если эти образованные советские евреи после основания Израиля и триумфа Соединенных Штатов учуют лучшие возможности на стороне?

Советский еврей мог казаться и «безродным космополитом», и «сионистом», поскольку Израиль – в возникающем видении СССР – рассматривался как сателлит Америки. Еврей, которого привлекала Америка, мог поддерживать нового подопечного Америки; еврей, которого привлекал Израиль, поддерживал нового патрона Израиля. В любом их этих случаев (или в обоих этих случаях) советские евреи больше не были надежными гражданами Советского Союза. Так, видимо, казалось Сталину.

Теперь, когда еврейство и еврейские связи с Соединенными Штатами стали подозрительны, Виктор Абакумов, начальник МГБ, пытался найти способ превратить бывших активистов распущенного Еврейского антифашистского комитета в агентов американской разведки. В каком-то смысле

сделать это было легко. Комитет был создан, чтобы разрешить советским евреям говорить с евреями всего мира, поэтому его членов можно легко было назвать и еврейскими националистами, и космополитами. Однако такая логика не оправдывала немедленной операции массового террора или модели национальных операций 1937–1938 годов. Наверху были недовольны Абакумовым. Без прямого одобрения Сталина он не мог втянуть никого из по-настоящему важных евреев в этот сценарий, а тем более начать какое-то подобие массовой операции.

Во время национальных операций 1937–1938 годов никто из членов Политбюро не принадлежал к какой-либо из затронутых национальностей. Другое дело – возможная еврейская операция. В 1949 году Лазарь Каганович больше не был ближайшим соратником Сталина и его предполагаемым преемником, но все еще был членом Политбюро. Любое заявление о том, что проникновение еврейских националистов в высшие органы советской власти (по аналогии с проникновением польских националистов в 1937–1938 годах), должно было начинаться с Кагановича. Сталин отказался позволить следствие в отношении Кагановича, единственного еврея среди членов Политбюро. В то время пять из двухсот десяти полных членов и кандидатов в Центральный комитет советской Коммунистической партии были еврейского происхождения; никто из них не был под следствием.

Поиски Абакумовым еврейских шпионов докатились до семей членов Политбюро. Полина Жемчужина, жена Молотова, была арестована в январе 1949 года. Она отрицала обвинения в предательстве. Молотов, проявив неповиновение, воздержался при голосовании за осуждение жены. Позже, однако, он извинился: «Я признаю свое тяжелое чувство раскаяния за то, что не удержал Жемчужину, очень дорогого мне человека, от совершения ошибок и от установления контактов с антисоветскими еврейскими националистами, такими как Михоэлс». На следующий день ее арестовали. Жемчужину приговорили к исправительным работам в лагере, и Молотов с ней развелся. Она провела пять лет в ссылке в Казахстане, среди «кулаков» – людей, к депортации которых ее муж приложил усилия в 1930-е годы. Кажется, они помогали ей выжить. Молотов же потерял должность комиссара иностранных дел. Его назначили не эту должность в 1939 году, частично потому что он (в отличие от предшественника, Литвинова) не был евреем, а Сталину тогда нужен был кто-то, с кем Гитлер мог бы вести

переговоры. Он лишился этой роботы в 1949 году отчасти потому, что его жена *была* еврейкой[16].

Те люди, которые находились под следствием, не очень охотно с ним сотрудничали. Когда четырнадцать более-менее известных советских евреев были наконец выбраны для суда в мае 1952 года, результатом этого стал необычайный юридический хаос. Только двое из обвиняемых сознались по всем пунктам обвинения во время следствия; остальные сознались лишь по некоторым пунктам обвинения или же полностью отвергли их. Затем, во время самого суда, каждый из них сказал, что невиновен. Даже Ицик Фефер, который все время был информатором, а во время суда – свидетелем обвинения, отказался в конце сотрудничать с властями. Тринадцать из четырнадцати обвиняемых были приговорены к смерти в августе 1952 года и расстреляны. Хотя суд создал прецедент для казни евреев за шпионаж в пользу Америки, его политическая ценность была небольшой. Подсудимые были не настолько известными людьми, чтобы вызвать пристальный интерес, а их манера держаться была неподходящей для показательного процесса[17].

Если Сталин действительно хотел зрелищного еврейского процесса, ему нужно было поискать в другом месте.

Коммунистическая Польша выглядела как многообещающее место для антисемитского показательного процесса, хотя в конечном итоге он так и не состоялся. Еврейский вопрос был даже более болезненным в Варшаве, чем в Москве. Польша до войны была домом для более чем трех миллионов евреев; к 1938 году она превратилась в национально гомогенное польское государство, управляемое коммунистами, из которых была часть еврейского происхождения. Поляков объединила бывшая немецкая собственность на западе и бывшая еврейская собственность в городах: в польском языке появились слова, означающие «бывшая немецкая» и «бывшая еврейская» применительно к собственности. Однако если украинцев и немцев депортировали *из* коммуни-

---

[16] Цитата Молотова: *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. – Oxford: Oxford University Press, 2004. – P. 76. Также см.: *Redlich S.* War, Holocaust, and Stalinism. – P. 149.

[17] *Redlich S.* War, Holocaust, and Stalinism. – P. 152; *Rubenstein J., Naumov V.* Stalin's Secret Pogrom. – Pp. 55–60.

стической Польши, то евреев депортировали *в* Польшу (около ста тысяч человек из Советского Союза). Поляки вряд ли могли не заметить, что высшее руководство Коммунистической партии и органы госбезопасности остаются многонациональными, даже когда в стране проводятся этнические чистки: непропорционально большая часть руководителей партии и госбезопасности были еврейского происхождения. Евреи, решившие остаться в Польше после войны, часто были коммунистами с чувством миссии, которые верили в преобразование страны на благо всех[18].

Польша была центром еврейской жизни в Европе в течение пятисот лет; теперь, казалось, эта история завершилась. Около 90% довоенного еврейского населения Польши было уничтожено во время войны. Большинство из выживших польских евреев оставили свою Родину в течение нескольких послевоенных лет. Многие из них не могли вернуться в свои дома в любом случае, поскольку те находились теперь в Советском Союзе, который аннексировал Восточную Польшу. Согласно советской политике этнических чисток, украинцы, беларусы и литовцы должны были оставаться в советских республиках, носивших их названия, в то время как евреи и поляки должны были идти в Польшу. Евреи, которые пытались вернуться домой, часто сталкивались с недоверием и насилием. Некоторые поляки, наверное, тоже боялись, что евреи будут претендовать на собственность, которую они утратили во время войны, поскольку поляки так или иначе украли эту их собственность (часто после того, как их собственные дома были разрушены). Однако евреев часто переселяли в бывшую германскую Силезию, «обретенную территорию», отобранную у Германии, где этот вопрос нельзя было поднимать. При всем этом тут, как и в других местах послевоенной Польши, евреев били, убивали и угрожали им до такой меры, что большинство выживших решали уехать прочь. Конечно, имел значение тот факт, что у них было куда ехать – в Соединенные Штаты или Израиль. Чтобы добраться туда, польские евреи сначала ехали в Германию, в лагеря для перемещенных лиц.

Добровольное переселение переживших Холокост в Германию было не только грустной иронией – это было и самой поздней частью путешествия, вскрывающего ту ужасную политику, которой подвергались евреи и не только они. Евреи в лагерях для перемещенных лиц в Германии часто были жителя-

[18] О ста тысячах евреев из Советского Союза см.: *Szaynok B.* Z historią i Moskwą w tle: Polska a Izrael 1944–1968. – P. 40.

ми Западной и Центральной Польши, которые сбежали от немцев в 1939 году или были депортированы советским режимом в ГУЛАГ в 1940 году только затем, чтобы вернуться в послевоенную Польшу, где люди хотели оставить себе их собственность и обвиняли их лично в действиях советской власти. Быть евреем в послевоенной Польше было очень опасно, хотя не более, чем быть украинцем, немцем или поляком в антикоммунистическом подполье. Эти группы людей часто хотели остаться на своей родине. Однако у евреев была особая причина быть неуверенными в себе, находясь в собственной стране: три миллиона их собратьев только что были уничтожены в оккупированной Польше.

Отъезд польских евреев в Израиль и Соединенные Штаты сделал роль еврейских коммунистов в польской политике даже еще более заметной, чем если бы этого не произошло. Польский коммунистический режим столкнулся с двойной политической помехой: он не был национальным в геополитическом смысле, поскольку зависел от поддержки Москвы, и не был национальным в этническом смысле, поскольку некоторые из его выдающихся представителей были евреями (и эти люди во время войны находились в Советском Союзе)[19].

Польские коммунисты еврейского происхождения могли быть у власти в 1949 году из-за международной политики начала Холодной войны в 1948 году. По причинам, никак не связанным с Польшей, но полностью связанным с крупным разрывом внутри коммунистического блока, Сталин летом 1948 года уделял больше внимания риску национализма большинства, чем риску еврейского «космополитизма» или «сионизма».

Поскольку Сталин пытался координировать и контролировать новую группу своих коммунистических союзников, идеологическая линия Москвы реагировала на кажущееся отсутствие лояльности в Восточной Европе. Как Сталин, должно быть, заметил, лидерам коммунистических режимов было значительно труднее следовать советской линии, чем лидерам коммунистических партий до войны: этим товарищам надо было заниматься реальным управлением внутри своих стран. Сталину также довелось приспособить свою идеологическую линию к реалиям американской мощи. Эти опасения вышли на передний план летом 1948 года, и тревога по поводу людей ев-

[19] Это было верно для большинства послевоенных режимов, в т.ч. для чехословацкого, румынского и венгерского.

рейского происхождения тотчас же отступила на второй план. Для Польши это было очень важно, поскольку позволяло коммунистам еврейского происхождения заручиться властью, а затем позаботиться о том, чтобы не было никакого антисемитского показательного процесса.

Летом 1948 года главным беспокойством для Сталина в Восточной Европе была коммунистическая Югославия. В этой важной балканской стране коммунизм предполагал восхищение Советским Союзом, но не зависимость от советской мощи. Тито (Иосиф Броз), лидер югославских коммунистов и югославских партизан, сумел взять власть без советской помощи. После войны Тито демонстрировал признаки независимости от Сталина во внешней политике. Он говорил о балканской федерации после того, как Сталин отказался от этой идеи. Он поддерживал коммунистических революционеров в соседней Греции – стране, которая, как Сталин считал, попала под сферу американского и британского влияния. Президент Гарри Трумэн ясно дал понять (в своей «доктрине», объявленной в марте 1947 года), что американцы готовы на определенные действия, чтобы предотвратить распространение коммунизма в Греции. Сталина больше заботила стабилизация его приобретений в Европе, чем дальнейшие революционные авантюры. Он явно полагал, что может свергнуть Тито и заменить его более сговорчивым югославским руководством[20].

Раскол между Сталиным и Тито влиял на международный коммунизм. Независимая позиция Тито и последовавшее изгнание Югославии из Коминформа сделали его негативным примером «национального коммунизма». С апреля по сентябрь 1948 года сателлитным Москве режимам рекомендовалось озаботиться якобы опасностью национализма («правое отклонение» от партийной линии), а не (еврейской) космополитической опасностью («левое отклонение»). Когда польский генеральный секретарь Владислав Гомулка возразил этой линии, он открыл себя для обвинений в том, что он тоже олицетворяет национальную «девиацию». В июне 1948 года Андрей Жданов дал инструкции соперничающим польским коммунистам свергнуть Гомулку. Член польского Политбюро Якуб Берман согласился с тем, что польская Компартия страдает от национальной девиации. В августе того же года Го-

[20] *Banac I.* With Stalin Against Tito: Cominformist Splits in Yugoslav Communism. – Ithaca: Cornell University Press, 1988. – Pp. 117–142; *Kramer M.* Die Konsolidierung des kommynistischen Blocks in Osteuropa 1944–1953 // Transit. – 2009. – № 39. – Pp. 81–84. Также см.: *Gaddis J.L.* The United States and the Coming of the Cold War. – New York: Columbia University Press, 1972.

мулку убрали с поста генерального секретаря. В конце августа он был вынужден выступить с самокритикой перед собравшимся Центральным комитетом Польской партии[21].

Гомулка вообще-то представлял национальный коммунизм, и польские товарищи еврейского происхождения были, наверное, правы, что боялись его. Он не был евреем (но у него была жена еврейка), и считалось, что он проявляет больше внимания к интересам поляков-неевреев, чем его товарищи. В отличие от Якуба Бермана и некоторых других ведущих коммунистов, он остался в Польше во время войны и поэтому был менее известен советскому руководству в Москве, чем те товарищи, которые сбежали в Советский Союз. Он, несомненно, извлек выгоду из национальных вопросов: он руководил двусторонними этническими чистками немцев и украинцев и нес личную ответственность за переселение поляков на западные «обретенные территории». Он пошел так далеко, что произнес речь перед Центральным комитетом, в которой критиковал определенные традиции польских левых за их несоразмерное внимание к евреям.

После своего падения Гомулка был замещен триумвиратом, состоящим из Болеслава Берута, Якуба Бермана и Хилари Минца (двое последних были еврейского происхождения). Новая польская троица пришла к власти как раз вовремя, чтобы избежать антисемитской операции в Польше. На их беду, линия из Москвы менялась именно в те недели, когда они пытались консолидировать свою позицию. Хотя правое отклонение все еще было возможно, самые явные сигналы Сталина осенью 1948 года касались роли евреев в коммунистических партиях Восточной Европы. Он ясно дал понять, что сионисты и космополиты больше не приветствуются. Возможно, чувствуя новое настроение, Гомулка обратился к Сталину в декабре: в польском партийном руководстве было слишком много «еврейских товарищей», которые «не чувствуют связи с польской нацией». Это, согласно утверждениям Гомулки, привело к отстраненности партии от польского общества и грозило привести к «национальному нигилизму»[22].

---

[21] О Гомулке и Бермане см.: *Sobór-Świderska A.* Jakub Berman – Pp. 219, 229, 240; *Paczkowski A.* Trzy twarze Józefa Światła. Przyczynek do historii komunizmu w Polsce. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2009. – P. 109; *Torańska T.* Oni. – London: Aneks, 1985. – Pp. 295–296.

[22] О переписке Сталина с Гомулкой см.: *Naimark N.* Gomułka and Stalin: The Antisemitic Factor in Postwar Polish Politics // Varieties of Antisemitism: History, Ideology, Discourse / Ed. by Baumgarten M., Kenez P., Thompson B. – Newark: University of Delaware Press, 2009. – P. 244. Цитата: *Sobór-Świderska A.* Jakub Berman – P. 258.

Таким образом, 1949 год принес в Польшу определенный сорт сталинизма. У еврейских сталинистов была огромная власть, но они оказались между сталинским антисемитизмом Москвы и народным антисемитизмом в собственной стране. Ни тот, ни другой антисемитизм не был силен настолько, чтобы сделать их правление невозможным, но нужно было следить за тем, чтобы эти два вида антисемитизма не сошлись воедино. Еврейским коммунистам приходилось делать акцент на том, что их политическая идентификация с польской нацией столь сильна, что стирает их еврейское происхождение и исключает всякую возможность особой еврейской политики.

Поразительным примером этой тенденции было переписывание истории восстания в Варшавском гетто в 1943 году – самого большого примера еврейского сопротивления Холокосту – как польского национального бунта под предводительством коммунистов. Герш Смоляр, польско-еврейский коммунист, герой Минского гетто, теперь убирал все еврейское из еврейского сопротивления нацистам. Он описывал восстание в Варшавском гетто в обязательных идеологических терминах Жданова: внутри гетто существовали «два лагеря» – прогрессивный и реакционный. Те, кто говорил об Израиле, принадлежали теперь, как и тогда, к реакционному лагерю. Прогрессивными были коммунисты – именно они и сражались. Это было неимоверным искажением картины: коммунисты действительно поощряли вооруженное восстание в гетто, но у левых сионистов и «Бунда» было больше народной поддержки, а у правых сионистов – больше оружия. Смоляр обещал устроить репрессии еврейским политическим активистам, которые не приняли польского национального коммунизма: «И если среди нас найдутся люди, которые собираются зудеть, как мухи, о каких-то вроде бы более высоких и более неотъемлемых еврейских национальных целях, тогда мы устраним этих людей из нашего общества, подобно тому, как борцы гетто оттолкнули в сторону предателей и слабовольных»[23].

Всякое сопротивление фашизму по определению осуществлялось под предводительством коммунистов; если его не возглавляли коммунисты, тогда это было не сопротивление. Историю восстания в Варшавском гетто 1943 года необходимо было переписать так, чтобы было ясно, что коммунисты возглавляли польских евреев, точно так же, как они якобы возглавляли польское

---

[23] Цитата Смоляра: *Shore M.* Język, pamięć i rewolucyjna awangarda. Kształtowanie historii powstania w getcie warszawskim w latach 1944–1950 // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1998. – № 3 (188). – P. 56.

антинацистсткое сопротивление в целом. В политически приемлемой истории Второй мировой войны сопротивление в гетто имело мало общего с массовым уничтожением евреев и много общего – с мужеством коммунистов. Этот фундаментальный сдвиг акцентов затмевал пережитое евреями за время войны, ибо Холокост стал не более чем частным случаем фашизма. И именно коммунисты еврейского происхождения должны были разработать и распространить эти ложные представления, чтобы их не обвинили в том, будто они преследуют еврейские, а не польские интересы. Чтобы выглядеть правдоподобными коммунистическими лидерами Польши, коммунистам еврейского происхождения нужно было изъять из истории единственный и самый важный пример сопротивления нацистам, мотивированного не коммунистической идеологией, а еврейской. Наживку в политической ловушке Сталина оставил Гитлер[24].

Это была самозащита польско-еврейских сталинистов от антисемитизма самого Сталина. Если сами герои еврейского сопротивления соглашались отрицать значение гитлеровского антисемитизма для еврейской жизни и политики, а в некоторых случаях и для их собственного желания сопротивляться немецкой оккупации, тогда, конечно же, они доказывали свою преданность. Сталинизм предполагал отрицание самых очевидных исторических фактов и их самой насущной персональной значимости: в случае восстания в Варшавском гетто в 1943 году польско-еврейские коммунисты справились и с тем, и с другим. Для сравнения: оклеветание Армии Крайовой и Варшавского восстания 1944 года было легким делом. Поскольку его не возглавляли коммунисты, это не было восстанием. Поскольку солдаты Армии Крайовой не были коммунистами, они были реакционерами, действующими против интересов трудящихся масс. Польские патриоты, которые погибли, освобождая свою столицу, были фашистами, ненамного лучшими, чем Гитлер. Армия Крайова, которая сражалась с немцами с гораздо большей решимостью, чем польские коммунисты, превратилась в «оплеванного карлика реакции»[25].

Якуб Берман был членом Политбюро, ответственным как за идеологию, так и за безопасность в 1949 году. Он повторял ключевой аргумент Сталина в защиту террора: когда революция приближается к завершению, ее вра-

---

[24] *Shore M.* Język, pamięć i rewolucyjna awangarda. – P. 60. При всем этом были польско-еврейские историки, проводившие ценные исследования о Холокосте в послевоенные годы, без которых была бы невозможна моя монография.

[25] Это было частью слогана одного из наиболее агрессивных пропагандистских плакатов, выпущенных Владимиром Закревским.

ги сражаются еще отчаянней, поэтому преданные революционеры должны прибегать к самым крайним мерам. Притворяясь глухим по отношению к советской линии, он представлял борьбу как войну против правого (т.е. национального) отклонения. Никто не мог обвинить Бермана в нехватке внимания к национализму после разрыва Тито и Сталина. Вместе с тем, никто не мог сделать больше, чем Берман, для обесценивания памяти евреев о массовом уничтожении их немцами в оккупированной Польше. Берман, который потерял многих членов собственной семьи в Треблинке в 1942 году, осуществлял руководство польским национальным коммунизмом, в котором – всего через несколько лет – газовые камеры отошли на задний план истории[26].

Холокост привлек многих евреев к коммунизму – идеологии советских освободителей; однако же теперь, чтобы править Польшей и ублажить Сталина, ведущие еврейские коммунисты должны были отрицать значение Холокоста. Берман уже сделал первый важный шаг в этом направлении в декабре 1946 года, когда распорядился, чтобы официальная цифра погибших поляков-неевреев была значительно увеличена, а погибших евреев – несколько уменьшена с тем, чтобы количество жертв было равным – по три миллиона человек. Холокост уже был политикой, причем опасной и трудной. Его, как и любое историческое событие, надо было понимать «диалектически», в терминах, то есть в соответствии с идеологической линией Сталина и политическими интересами текущего момента. Возможно, евреев погибло больше, чем поляков-неевреев, но, вероятно, это создавало политическое неудобство, возможно, было бы лучше, если бы цифры были равными. Позволить собственному ощущению действительности или справедливости вмешаться в такое диалектическое регулирование означало потерпеть поражение как коммунисту. Вспоминать о смерти в газовой камере собственных членов семьи было чистым буржуазным сентиментализмом. Успешный коммунист должен смотреть вперед (что Берман и делал), дабы видеть, чего требует настоящий момент от истины, и действовать соответствующим образом и решительно. Вторая мировая война, как и Холодная война, была борьбой прогрессивных сил против сил реакционных – и точка[27].

---

[26] *Torańska T.* Oni. – Pp. 241, 248.

[27] *Gniazdowski M.* «Ustalić liczbę zabitych na 6 milionów ludzi»: dyrektywy Jakuba Bermana dla Biura Odszkodzowań Wojennych przy Prezydium Rady Minisrów // Polski Przegląd Diplomatyczny. – 2008. – № 1 (41). – Pp. 100–104 (и по тексту).

Берман, очень умный человек, все это понимал так же хорошо, как и любой другой, и привел эти исходные условия к их логическому заключению. Он осуществлял руководство аппаратом безопасности, который арестовывал членов Армии Крайовой, выполнявших специальное задание по спасению евреев. Они и их действия не имели исторического резонанса внутри сталинского мировоззрения: евреи пострадали не более, чем кто-либо другой, а солдаты Армии Крайовой были не лучше фашистов.

Наиболее явной провинностью Бермана с точки зрения самого Сталина было то, что он сам был еврейского происхождения (хотя по документам он значился поляком). Это не было особым секретом: Берман сочетался браком под хупой[28]. В июле 1949 года советский посол пожаловался в записке в Москву, что в польском руководстве доминируют евреи, такие как Берман, и что в органах безопасности одни евреи, – это было преувеличением, хотя и небезосновательным. В период 1944–1954 годов сто шестьдесят семь из четырехсот пятидесяти офицеров высших рангов Министерства госбезопасности были евреями по самоопределению или по происхождению, значит, около 37% в стране, где евреев было меньше 1% от общего населения. Большинство людей еврейского происхождения (хотя и далеко не все) в высших эшелонах службы безопасности по документам были поляками. Это могло отражать (а возможно, и не отражало) то, кем они себя считали; эти вопросы редко были простыми. Но национальность в паспорте, даже когда она отражала (а она часто действительно отражала) искреннюю идентификацию с польским государством или нацией, не спасала людей еврейского происхождения от того, чтобы большинство польского населения или советское руководство считали их евреями[29].

Берман, самый важный коммунист еврейского происхождения в Польше, был очевидной мишенью любого потенциального антисемитского показательного процесса. Он прекрасно это понимал. Еще хуже было то, что он мог быть связан с ведущими актерами главной драмы Холодной войны – братьями Фил-

[28] На иврите «хупа» буквально означает «балдахин» или «полог», под которым стоит еврейская пара во время церемонии бракосочетания. Обычно это ткань, натянутая над четырьмя шестами. Символизирует будущий дом, который пара построит вместе. Хупа считается основной составляющей еврейской свадьбы (*прим. пер.*).

[29] О советском после см.: Sobór-Świderska. Jakub Berman. – P. 202; *Paczkowski A.* Trzy twarze Józefa Światła. – P. 114. О проценте офицеров высшего ранга в МГБ, которые были евреями по самоопределению или по происхождению, см.: *Eisler J.* 1968: Jews, Antisemitism, Emigration // Polin. – 2008. – № 41.

дами. Американцы Ноэль и Герман Филды находились к тому времени под арестом в Чехословакии и Польше как американские шпионы. Ноэль Филд был американским дипломатом, но еще и агентом советской разведки; он был дружен с Алленом Даллесом – начальником американской разведки, руководителем резидентуры Управления стратегических служб в Берне (Швейцария); он также руководил организацией по оказанию помощи, которая помогала коммунистам после войны. Филд приехал в Прагу в 1949 году, видимо, полагая, что советской власти опять понадобились его услуги; там его и арестовали. Брат Герман приехал, чтобы разыскать его, и был арестован в Варшаве. Оба под пытками сознались в том, что организовали огромную шпионскую организацию в Восточной Европе[30].

Хотя самих братьев Филдов не судили, но инкриминируемая им деятельность предоставила сценарий для серии показательных процессов, которые впоследствии проводились по всей коммунистической Восточной Европе. Например, в Венгрии в сентябре 1949 года показательно судили и расстреляли Ласло Райка как агента Ноэля Филда. Венгерское следствие якобы обнаружило ячейки организации братьев Филдов и в братских коммунистических странах. Как оказалось, Герман Филд знал секретаршу Бермана и однажды передал через нее для него письмо. Братья Филды были опасны именно потому, что действительно знали многих коммунистов, действительно могли быть связаны с американской разведкой и теперь, под пытками, могли сказать все что угодно. В какой-то момент Сталин и сам спросил Бермана о Филде[31].

Якуб Берман также мог быть причислен к еврейской политике такого сорта, которая больше не была разрешена. Он знал членов Еврейского антифашистского комитета, поскольку встречался с Михоэлсом и Фефером до их визита в Соединенные Штаты в 1943 году. Он происходил из семьи, которая представляла некий спектр еврейской политики в Польше: брат Мечислав (погибший в Треблинке) был членом правой группировки «Поалей Цион» – ветви организации сионистов-социалистов. Другой брат, Адольф, выжил в Варшавском гетто, был членом левой фракции «Поалей Цион». Адольф Берман организовал социальные службы для детей в Варшавском гетто, а после войны руководил Центральным комитетом польских евреев. Когда Польша стала

[30] Proces z vedením protistátního spikleneckého centra v čele s Rodolfem Slánským. – Prague: Ministerstvo Spravedlnosti, 1953. – P. 9 (и по тексту); *Lukes I.* The Rudolf Slansky Affair: New Evidence // Slavic Review. – 1999. – № 58 (1). – P. 171.

[31] *Torańska T.* Oni. – Pp. 322–323.

коммунистической, он остался в левой фракции сионистов с убеждением, что эти политические позиции можно было как-то примирить[32].

В 1949 году становилось ясно, что таким людям, как Адольф Берман, не было места в послевоенной Польше. Действительно, именно в его адрес Смоляр высказал резкие слова о реакционном характере сионизма и необходимости убрать предателей евреев из польского общества. Таким образом, Смоляр создавал своего рода сталинскую защиту против самого Сталина: если евреи-коммунисты в Польше станут нарочито антисионистски и пропольски настроенными, то им удастся избежать обвинений в сионизме и космополитизме. Однако совсем неясно было, сможет ли даже такой категоричный подход защитить Якуба Бермана от связи с его братом. Сталинскому антисемитизму не так просто было противостоять с помощью индивидуальной преданности и верности.

Якуб Берман выжил, потому что его защищал друг и союзник Болеслав Берут – генеральный секретарь Польской партии и нееврейское лицо ее правящего триумвирата. Сталин однажды спросил Берута, кто ему больше нужен – Берман или Минц, но Берут был слишком умен, чтобы попасться в такую ловушку. Берут поместил себя между Сталиным и Берманом, что означало пойти на риск. В целом, польские коммунисты никогда не позволяли себе такой брутальности по отношению друг к другу, какая имела место в Чехословакии, Румынии или Венгрии. Даже скомпрометированного Гомулку никогда не принуждали подписывать унизительных признаний или стоять перед судом. Польские коммунисты, стоявшие у власти в конце 1940-х годов, обычно знали (по личному опыту), что произошло с их товарищами в 1930-х годах. Тогда Сталин подал команду; польские коммунисты надлежащим образом доносили друг на друга, что привело к массовым убийствам и к финалу самой партии. Хотя все иностранные коммунисты страдали во время Большого террора, этот польский опыт был уникальным и, наверное, создал определенное ощущение беспокойства по поводу жизни собственных ближайших товарищей[33].

Пока нарастало давление со стороны Советского Союза, Берман в 1950 году таки разрешил службам безопасности принять антиеврейскую линию.

---

[32] См.: *Shore M.* Children of the Revolution: Communism, Zionism, and the Berman Brothers // Jewish Social Studies. – 2004. – № 10 (3).

[33] Объяснение тому, почему не было кровавых коммунистических чисток в Польше, можно найти среди прочего в книге *Luks L.* Zum Slaninschen Antisemitismus. – P. 47. Один польский коммунистический лидер якобы убил другого во время войны – это тоже могло стать основанием для осторожности.

Польские евреи подпадали под особое подозрение как американские или израильские шпионы. Не обходилось без некоторой неловкости, поскольку те, кто стряпал дела против польских евреев, сами иногда были польскими евреями. Даже аппарат безопасности Польши был зачищен от некоторых еврейских офицеров. Поскольку евреи часто репрессировали других евреев, соответствующий отдел аппарата безопасности неформально называли бюро «самоуничтожения». Им руководил Юзеф Святло, чья сестра уехала в Палестину в 1947 году[34].

Однако Берман, Минц и Берут держались, доказывая недоверчивому обществу и сомневавшемуся Сталину, что они истинные поляки, истинные коммунисты и истинные патриоты. Хотя евреи, коммунисты и не комуннисты, были принуждены заглушить память Холокоста, в Польше в те годы не проводилось общественных кампаний против сионистов и космополитов. Идя на уступки и полагаясь на преданность своего друга Берута, Берман смог утверждать, что в Польше основная угроза исходила от польского, а не от еврейского национального отклонения.

Когда в июле 1951 года Гомулку все же арестовали, два офицера госбезопасности, пришедшие за ним, как он хорошо помнил, были еврейского происхождения.

В 1950–1952 годах, когда поляки медлили, Холодная война перешла в военную конфронтацию. Корейская война обострила беспокойство Сталина по поводу американского могущества.

В начале 1950-х годов Советский Союз, казалось, был в гораздо более выгодном положении, чем до войны. Три державы, которые, как тогда считалось, окружали Советский Союз – Германия, Польша и Япония, – все были существенно ослаблены. Польша теперь была советским сателлитом, чей министр обороны был советским офицером. Советские войска дошли до Берлина и остались там. В октябре 1949 года советская оккупационная зона Германии была трансформирована в Германскую демократическую республику – советского сателлита, управляемого немецкими коммунистами. Восточную Пруссию (бывший округ Германии на Балтийском море) разделили между коммунистической

[34] *Paczkowski A.* Trzy twarze Józefa Światła. – P. 103.

Польшей и СССР. Япония – серьезная угроза в 1930-х годах – потерпела поражение и была разоружена. Однако здесь Советский Союз не сделал своего вклада в победу и поэтому принял небольшое участие в оккупации. Американцы строили военные базы в Японии и учили японцев играть в бейсбол[35].

Даже потерпев поражение, Япония изменила политику в Восточной Азии. Японское вторжение в Китай в 1937 году в конечном итоге только помогло китайским коммунистам. В 1944 году японцы провели успешное наземное наступление против китайского национального правительства. Это не повлияло на результат войны, но смертельно ослабило националистический режим. Когда японцы сдались, их войска были отведены с материкового Китая. Затем у китайских коммунистов, как и у российских коммунистов тридцать лет назад, был свой момент. Япония во Второй мировой войне играла такую же роль, что и Германия в Первой мировой войне: не сумев создать великой империи для себя, она была служанкой для коммунистической революции у соседа. В октябре 1949 года была провозглашена Народная республика Китай[36].

Хотя в Вашингтоне китайский коммунизм выглядел как продолжение мировой коммунистической революции, это была неоднозначная новость для Сталина. Мао Цзедун, лидер китайских коммунистов, не был личным клиентом Сталина, в отличие от многих восточноевропейских коммунистов. Хотя китайские коммунисты приняли сталинскую версию марксизма, Сталин никогда лично не контролировал их партию. Сталин знал, что Мао будет неоднозначным и непредсказуемым соперником. «Битва Китая, – сказал он, – еще не закончена». Вырабатывая политику в Восточной Азии, Сталин теперь должен был сделать так, чтобы Советский Союз поддерживал свою позицию лидера коммунистического мира. Это беспокойство впервые возникло из-за Кореи, где коммунистическое государство тоже только что было основано. Япония, которая правила Кореей с 1905 года, ушла из страны после войны. Корейский полуостров затем был оккупирован Советским Союзом с севера и Соединенными Штатами – с юга. Северокорейские коммунисты основали народную республику в Северной Корее в 1948 году[37].

Весной 1950 года Сталину пришлось решать, что говорить Ким Ир Сену – коммунистическому лидеру Северной Кореи, который хотел вторгнуться в южную часть полуострова. Сталин знал, что американцы счита-

---

[35] Советский Союз аннексировал Курильские острова.
[36] *Weinberg G.* A World at Arms. – P. 81.
[37] Цитата: *Sebag M.S.* Stalin. – P. 536.

ют, будто Корея находится за пределами «оборонного периметра», который они строили в Японии и на Тихом океане, потому что госсекретарь США так сказал в январе. Армия США ушла с полуострова в 1949 году. Ким Ир Сен сказал Сталину, что его войска быстро разобьют армию Южной Кореи. Сталин благословил Ким Ир Сена на войну и послал советские войска северокорейцам, которые вторглись на юг 25 июня 1950 года. Сталин даже отправил несколько сотен советских корейцев из Центральной Азии бороться на стороне Северной Кореи – это были те люди, которых депортировали по приказу Сталина всего тринадцать лет тому назад[38].

Корейская война была очень похожа на вооруженное столкновение между коммунистическим и капиталистическим миром. Американцы отреагировали быстро и твердо, послав войска из Японии и других баз на Тихом океане, и смогли выдавить северных корейцев за первоначальную границу. В сентябре Трумэн одобрил рапорт «NSC-68», секретное и официальное подтверждение американской большой стратегии сдерживания

[38] *Service R.* Stalin: A Biography. – Cambridge: Harvard University Press, 2004. – P. 554. О Центральной Азии см.: *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. – P. 324.

коммунизма во всем мире, идею которого сформулировал Джордж Кеннан. В октябре китайцы вступили в войну на стороне Северной Кореи. До 1952 года Соединенные Штаты и их союзники вели войну против коммунистической Северной Кореи и коммунистического Китая, в которой американские танки сражались с советскими, а американские самолеты – с советскими истребителями.

Сталин, казалось, боялся более широкомасштабной войны, возможно, войны на два фронта. В январе 1951 года он созвал лидеров своих восточноевропейских государств-сателлитов и приказал им создать собственные армии для подготовки к войне в Европе. В 1951-м и 1952 годах численность личного состава Красной армии удвоилась[39].

Именно в эти же годы, в 1951-м и 1952-м, идея о том, что советские евреи являются тайными агентами Соединенных Штатов, казалось, набрала резонанса в сознании Сталина. Проигнорированный в Берлине, фрустрированный в Польше и ведущий бои в Корее, Сталин снова оказался (по крайней мере, в своем все более воспаляющемся воображении) в окружении врагов. Как в 1930-х годах, так и в 1950-х Советский Союз можно было считать объектом международного заговора, управляемого уже не из Берлина, Варшавы и Токио (с Лондоном на заднем плане), а из Вашингтона (опять же с Лондоном на заднем плане). Сталин, видимо, верил, что Третья мировая война неизбежна, и реагировал на то, что считал приближающейся угрозой, так же, как он это делал в конце 1930-х годов.

В каком-то смысле международная ситуация могла казаться теперь более угрожающей, чем тогда. Великая депрессия, по крайней мере, принесла бедность капиталистическому миру, но к началу 1950-х годов казалось, что страны, освобожденные западными державами, быстро восстановят свое экономическое здоровье. В 1930-х годах капиталистические державы были настроены друг против друга. В апреле 1949 года самые важные из них были объединены в новый военный альянс – Организацию Североатлантического договора (НАТО)[40].

[39] *Kramer M.* Die Konsolidierung des kommynistischen Blocks in Osteuropa 1944–1953. – Pp. 86–90.

[40] О разнице между 1930-ми и 1950-ми годами см.: *Zubok V.M.* A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007. – P. 77. *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. – P. 97.

В июле 1951 года Сталин нашел способ повернуть собственные секретные службы против воображаемого еврейского заговора внутри Советского Союза. Заговор, как выяснилось во второй половине того года, состоял из двух частей: русские, которые могли быть настроены против евреев, были убиты, а их убийц покрывал советский аппарат госбезопасности.

Одной из якобы жертв был Александр Щербаков, военный пропагандист, который утверждал, что русские «приняли на себя основную тяжесть» войны. По приказу Сталина он осуществлял надзор за Еврейским антифашистским комитетом и занимался зачисткой газет от еврейских журналистов. Другой жертвой был Андрей Жданов, сталинский ревнитель советской культуры, заблокировавший публикацию «Черной книги советского еврейства». Смерть обоих якобы стала началом волны еврейского медицинского терроризма, проплаченной американскими хозяевами, которая должна была завершиться только после уничтожения всего советского руководства.

Одним из мнимых убийц был врач-еврей Яков Этингер, который умер в заключении в марте 1951 года. Виктор Абакумов, министр госбезопасности, будто бы не доложил об этом заговоре, потому что сам в нем участвовал. Чтобы никто не узнал о его роли, он намеренно убил Этингера. Из-за того, что Абакумов убил Этингера, тот не мог признаться во всем спектре своих преступлений[41].

Первый набросок этих экстраординарных утверждений был представлен при обличении Абакумова – его отослал Сталину Михаил Рюмин, подчиненный Абакумова по МГБ. Выбор, павший на Этингера, отражал опасения Сталина. Этингер был арестован не как участник какого-то медицинского заговора, а как еврейский националист. Проявив расторопную инициативу, Рюмин связал воедино еврейский национализм, с недавних пор тревожащий Сталина, с медицинским убийством – предметом собственной постоянной озабоченности. Конечно же, ни одно из утверждений Рюмина не имело особого смысла. Щербаков умер на следующий день после того, как вопреки рекомендациям врачей принял участие в Параде Победы. Жданов тоже проигнорировал предписания врачей отдохнуть. Что касается врача-еврея Этингера, его убил не Абакумов, а *сам Рюмин* в марте 1951 года. Рюмин доконал Этингера непрерывными допросами, известны-

[41] О Щербакове см.: *Brandenberger D.* National Bolshevism. – P. 119 (и по тексту); *Kuromiya H.* World War II, Jews, and Post-War Soviet Society // Kritika. – 2002. – № 3 (3). – Pp. 523, 525; *Zubok V.* A Failed Empire. – P. 7.

ми как «конвейерный метод», после того, как врачи сказали, что это опасно для его жизни[42].

Однако Рюмин додумался до связующей цепочки, которая, по его мнению, понравилась бы Сталину: еврейские врачи-террористы убивают выдающихся (русских) коммунистов. После этого направление расследования было ясным: очистить МГБ от евреев и их пособников, а также найти врачей-убийц. Абакумов был в надлежащем порядке арестован 4 июля 1951 года и заменен Рюминым, который начал антиеврейские чистки в рядах МГБ. Центральный комитет затем приказал провести дальнейшее расследование «террористической активности Этингера» 11 июля. Спустя пять дней МГБ арестовало электрокардиолога Софию Карпай. Она была чрезвычайно важной фигурой для всего следствия: единственным на тот момент еврейским врачом, которого можно было как-то связать со смертью советского руководителя. Она действительно дважды снимала и интерпретировала показания сердца Жданова. Однако под арестом она отрицала версию о медицинском убийстве и отказалась впутать еще кого бы то ни было[43].

Дело было слабым, но дальнейшие доказательства еврейского заговора можно было поискать в других местах.

Еще один советский сателлит, коммунистическая Чехословакия, устроит антисемитский показательный процесс, которого не устроила Польша. Через неделю после ареста Софии Карпай, 23 июля 1951 года, Сталин дал сигнал Клементу Готтвальду, президенту-коммунисту Чехословакии, что тот должен избавиться от своего близкого соратника Рудольфа Сланского, который якобы олицетворял «еврейский буржуазный национализм». Сланского убрали с поста генерального секретаря 6 сентября[44].

---

[42] О параде в День Победы см.: *Brandenberger D.* Stalin’s Last Crime? Recent Scholarship on Postwar Soviet Antisemitism and the Doctors’ Plot // Kritika. – 2005. – № 6 (1). – P. 193. Об Этингере см.: *Brent J., Naumov V.* Stalin’s Last Crime: The Plot Against the Jewish Doctors 1948–1953. – New York: HarperCollins, 2003. – P. 11. Также см.: *Lustiger A.* Stalin and the Jews. – P. 213. Опасения Сталина насчет медицинского терроризма уходят корнями, по крайней мере, в 1930-е годы (см.: Справа «Спілки Визволення України» / За ред. Пристайка В., Шаповала Ю. – Київ: Інтел, 1995. – С. 49).

[43] О Карпай см.: *Brent J., Naumov V.* Stalin’s Last Crime. – P. 296.

[44] *Lukes I.* The Rudolf Slansky Affair. – P. 165.

Явное неодобрение Москвы спровоцировало реальный шпионский заговор или, по крайней мере, плохо состряпанную попытку такового. Чехи, работавшие на американскую разведку, заметили, что Москва не прислала поздравлений Сланскому по случаю его пятидесятилетнего юбилея (31 июля 1951 года). Они решили подговорить Сланского бежать из Чехословакии. В начале ноября они послали ему письмо, в котором предложили убежище на Западе. Курьер, который должен был доставить письмо, был на самом деле двойным агентом, работавшим на службу безопасности коммунистической Чехословакии. Он передал письмо своему руководству, а оно – советскому. 11 ноября 1951 года Сталин послал личного гонца к Готтлибу с требованием немедленного ареста Сланского. Хотя ни Сланский, ни Готтлиб еще не видели письма, Готтлиб теперь, видимо, понял, что у него нет выбора. Сланского арестовали 24 ноября и допрашивали целый год[45].

Конечный результат дела Сланского был зрелищным: чехословацкий сталинский показательный процесс по советской модели 1936 года, приправленный неприкрытым антисемитизмом. Хотя некоторые из наиболее известных жертв московских показательных процессов 1936 года были евреями, их судили не за еврейство. В Праге одиннадцать из четырнадцати обвиняемых были еврейского происхождения и значились как таковые в судебных документах. Слово «космополит» использовалось так, как будто это был термин юриспруденции и его значение было всем известно. 20 ноября 1952 года Сланский задал тон политическому сеансу, призывая духи коммунистов, которые погибли до него: «Я признаю полностью свою вину и хочу честно и правдиво описать все, что я сделал, и преступления, которые совершил». Он совершенно очевидно следовал отрепетированному сценарию. В какой-то момент суда он ответил на вопрос, который прокурор забыл задать[46].

Сланский сознался в заговоре, содержавшем весь диапазон обязательных навязчивых идей того времени: о титоистах, сионистах, свободных масонах и офицерах американской разведки, которые нанимали только евреев. Среди якобы совершенных им преступлений было медицинское убийство Готтвальда. Рудольф Марголиус, один из обвиняемых, был принужден разоблачить

---

[45] *Lukes I.* The Rudolf Slansky Affair. – Pp. 178–180; *Lustiger A*. Stalin and the Jews. – P. 264.

[46] Цитату и соотношение (одиннадцать из четырнадцати обвиняемых еврейского происхождения) см.: Proces z vedením. – Pp. 44–47. О разоблачениях см.: *Kovály H.M*. Under a Cruel Star: A Life in Prague 1941–1968 / Transl. by Epstein F., Epstein H. – New York: Holmes and Maier, 1997. – P. 141.

собственных родителей, которые погибли в Аушвице. Как и во время Большого террора, различные заговоры координировались «центром», в данном случае – Антигосударственным конспиративным центром. Все четырнадцать обвиняемых просили для себя смертного приговора, и одиннадцать из них его действительно получили. Когда 3 декабря 1952 года на шею Сланского надели петлю, он поблагодарил палача и сказал: «Я получаю по заслугам». Тела одиннадцати повешенных обвиняемых были кремированы; их пепел был позже использован для заполнения дорожных выбоин[47].

В такой момент казалось возможным, что дальше последует общественный процесс над советскими евреями. Тринадцать советских граждан были казнены в Москве в августе 1952 года по обвинению в шпионаже в пользу Соединенных Штатов на основании обвинений в космополитизме и сионизме, а не на основании надежной информации. Это были люди, которым инкриминировался еврейский национализм и американский шпионаж на основании показаний, выбитых под пытками; суд над ними был секретным. Одиннадцать чехословацких граждан были казнены в Праге в декабре 1952 года во многом на таких же основаниях, но после публичного суда, который напоминал процесс времен Большого террора. Теперь даже польский режим начал арестовывать людей как израильских шпионов[48].

Осенью 1952 года еще несколько советских врачей оказались под следствием. Ни один из них не имел никакого отношения к Жданову либо Щербакову, но они лечили других советских или иностранных коммунистических сановников перед их смертью. Один из них был личным врачом Сталина, который в начале 1952 года советовал вождю уйти на пенсию. По сталинским точным и повторяемым приказам этих людей жестоко избивали, после чего некоторые из них дали правильные, заранее составленные признания. Мирон Вовси, который приходился двоюродным братом Соломону Михоэлсу, сделал признание роботизированным языком сталинизма: «Обдумывая все заново, я пришел к выводу, что, невзирая на низость

[47] О признании Сланского см.: Proces z vedením. – Pp. 66, 70, 72. О смертном приговоре и палаче см.: *Lukes I.* The Rudolf Slansky Affair. – Pp. 160, 185. О Марголиусе см.: *Kovály H.M.* Under a Cruel Star. – P. 141.

[48] О Польше см.: *Paczkowski A.* Trzy twarze Józefa Światła. – P. 162.

моих преступлений, я должен открыть следствию ужасную правду моей подлой работы, проводимой с целью разрушения здоровья и укорочения жизни определенных руководящих государственных работников Советского Союза»[49].

Когда эти признания были получены, старый человек, должно быть, решил, что время пришло. Сталин обычно планировал свой удар наперед, но сейчас, казалось, торопился. 4 декабря 1952 года, через день после казни Сланского, советский Центральный комитет признал существование «дела врачей», в котором главную роль играли «еврейские националисты». Одним из заговорщиков был врач Сталина, русский по национальности; те, кто были евреями по происхождению, значились евреями. Сталин теперь замыслил обвинить своего терапевта, человека, который посоветовал ему прекратить политическую карьеру. Сталин демонстрировал и другие признаки того, что его политические переживания связаны с его личными страхами. Он в буквальном смысле вцепился в свою дочь Светлану, танцуя во время празднования своего семидесятитрехлетия 21 декабря 1952 года[50].

Казалось, что в том декабре Сталин хотел избавиться от собственной смерти. Коммунист не может верить в бессмертие души, но он должен верить в Историю – ту, которая проявляется в изменениях способа производства, в подъеме пролетариата, ту, которую представляет коммунистическая партия, выкристализованная Сталиным и созданная его волей. Если жизнь – не более чем социальная конструкция, тогда, возможно, и смерть тоже только социальная конструкция, и все можно повернуть вспять с помощью бесстрашной и сознательной диалектики. Врачи стали причиной смерти вместо того, чтобы оттянуть ее; человек, предупредивший о приближающейся смерти, был убийцей, а не советчиком. Требовалось только правильное исполнение. Соломон Михоэлс был прекрасен в роли короля Лира – правителя, который передал власть слишком рано и недостойным преемникам. Теперь Михоэлс уничтожен, как призрак бессилия. Несомненно, его еврейский народ и все, за что он боролся (риск осквернения Советского Союза, риск другой истории Второй мировой войны, риск неправильного будущего), – все это также можно было искоренить[51].

---

[49] Цитата: *Brent J., Naumov V.* Stalin’s Last Crime. – P. 250.

[50] *Kostyrchenko G.* Out of the Red Shadows. – P. 264; *Brent J., Naumov V.* Stalin’s Last Crime. – P. 267. О танце см.: Service. Stalin. – P. 580.

[51] О Михоэлсе как короле Лире см.: *Veidlinger J.* The Moscow State Yiddish Theatre.

Сталин, больной человек семидесяти трех лет, не слушая ничьих советов, кроме собственных, напряженно двигался вперед. В декабре 1952 года он сказал, что «каждый еврей – националист и агент американской разведки», – такая формулировка была параноидальной даже по его стандартам. В том же месяце он сказал, что евреи «верят, будто их нацию спасли Соединенные Штаты». Это была легенда, которая еще даже не возникла, но Сталин не был совсем уж неправ. С характерной для него проницательностью, Сталин верно предсказал один из основных мифов Холодной войны и даже нескольких десятилетий после ее окончания. Никто из стран Альянса не приложил особых усилий для спасения евреев; американцы никогда даже не видели основных мест их уничтожения[52].

Партийная газета «Правда» рассказала 13 января 1953 года об американском заговоре, целью которого было уничтожение советского руководства медицинскими методами. Врачи, как всем было понятно, были евреями. Новостное агентство ТАСС назвало «террористическую группу врачей» «извергами человеческого рода». Однако, несмотря на язвительную риторику, попахивающую временами Большого террора, не все еще были готовы к действию. Названные в статье люди еще не все сознались в своих якобы преступлениях, что было предпосылкой для любого показательного процесса. Обвиняемые должны были сознаться лично до того, как сделать это на публике: это было минимальным условием сценографии сталинизма. От обвиняемых нельзя было ожидать, чтобы они подыгрывали суду в открытом зале суда, если они не соглашались на это в стенах камеры допросов[53].

София Карпай, кардиолог, центральная обвиняемая, не созналась вообще ни в чем. Она была еврейкой и женщиной, возможно, следователи считали, что она первой сломается, но в конечном итоге она оказалась единственной из всех обвиняемых, у кого была сила стоять на своем и защищать собственную невиновность. На своем последнем допросе, 18 февраля 1953 года, она держалась твердо, открыто отрицая все обвинения. Как и Сталин, она была больна и умирала, но, в отличие от него, должно быть, понимала это. Казалось, она верила, что важно говорить правду. Поступая так, она

[52] Цитату «каждый еврей...» см.: *Rubenstein J., Naumov V.* Stalin’s Secret Pogrom. – P. 62. Цитату «их нацию спасли...» см.: *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. – P. 220.

[53] Цит.: *Kostyrchenko G.* Out of the Red Shadows. – P. 290. Также см.: *Lustiger A.* Stalin and the Jews. – P. 250.

тормозила следствие. Она пережила Сталина всего на несколько дней; возможно, благодаря ей Сталина пережили и другие[54].

В феврале 1953 года советское руководство писало и переписывало коллективное еврейское саморазоблачение, включая фразы, которые могли прийти прямиком из нацистской пропаганды. Его должны были подписать выдающиеся советские евреи, и оно должно было быть напечатано в «Правде». Василий Гроссман был среди тех, кого вынудили подписаться под письмом. В злобных нападках прессы неожиданно выяснилось, что его недавно напечатанный роман о войне «За правое дело» был недостаточно патриотичным. «За правое дело» был большим романом о битве за Сталинград, написанным преимущественно в рамках сталинских традиций. (Теперь точка зрения Гроссмана изменилась. В продолжении романа, шедевральном произведении «Жизнь и судьба», Гроссман устами нацистского следователя говорит о будущем: «Сегодня вас пугает наша ненависть к иудейству. Может быть, завтра вы возьмете себе наш опыт»). В самом последнем известном варианте письма, от 20 февраля 1953 года, подписанты должны были подтвердить, что среди евреев существует «два лагеря» – прогрессивный и реакционный. Израиль находился в реакционном лагере: его лидеры были «еврейскими миллионерами, связанными с американскими монополистами». Советские евреи также должны были признать, что «народы Советского Союза и прежде всего великий русский народ» спасли человечество и евреев[55].

Письмо осуждало империализм вообще и евреев из «дела врачей» в частности. В сталинских терминах его можно было прочитать как оправдание широкомасштабных чисток советских евреев, которые не были настроены достаточно антиимпериалистическим образом, или даже как приглашение к этим чисткам. Советским гражданам, которые должны были подписать письмо, нужно было идентифицировать себя как евреев (не все из них были таковыми или считали себя таковыми) и как лидеров сообщества, которое точно подвергалось опасности. Илья Эренбург, как и Гроссман, советский писатель еврейского происхождения, разрешил Сталину поставить его имя под полемической статьей об Израиле. Теперь, однако, он колебался, одобрить ли та-

[54] О Карпай см.: *Костырченко Г.В.* Государственный антисемитизм. – С. 466; *Brent J., Naumov V.* Stalin's Last Crime. – P. 296.

[55] О переписывании письма см.: *Костырченко Г.В.* Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации 1938–1953. – С. 470–478. О Гроссмане см.: *Brandenberger D.* Stalin's Last Crime? – P. 196. Также см.: *Luks L.* Zum Slaninschen Antisemitismus. – P. 47. Цитату Гроссмана см.: *Гроссман В.С.* Жизнь и судьба. – С. 403.

кой документ. Он написал неискреннее письмо Сталину, спрашивая его, как поступить. Он выстроил такую же защиту, как и Берман с еврейскими коммунистами несколько лет тому назад: поскольку евреи – не нация, а мы лично – верные коммунисты, то как мы можем принимать участие в кампании против нас самих как представителей какого-то коллективного национального образования, известного как еврейство?[56]

Сталин не ответил. Его нашли в состоянии комы 1 марта 1953 года, а через четыре дня он скончался. Можно было только догадываться, чего хотел Сталин; возможно, он и сам толком этого не знал; возможно, он ждал реакции советского общества на первые прощупывания. Мучимый мыслями о смерти и сомнениями по поводу своего преемника, беспокоящийся о влиянии евреев на советскую систему, ведя Холодную войну против могущественного противника, которого он понимал лишь туманно, он прибегнул к традиционным способам самозащиты – к судам и репрессиям. Исходя из распространенных в то время слухов, советские граждане без труда представляли себе возможные последствия: врачей бы показательно судили вместе с советскими руководителями, как бы их союзниками; остальных евреев вычистили бы из НКВД и вооруженных сил; тридцать пять тысяч советских врачей-евреев (и, вероятно, научных сотрудников) могли быть депортированы в лагеря и, возможно, евреи как таковые подверглись бы насильственному переселению или даже массовым расстрелам[57].

Такая операция, если бы ее осуществили, стала бы еще одним звеном в цепочке национальных операций и этнических депортаций, которые начались в 1930 году с поляков, а затем продолжались в течение Большого террора, во время Второй мировой войны и после нее. Все это происходило бы в духе предыдущих сталинских практик и подходило бы под традиционную логику. Национальными меньшинствами, которых нужно было бояться и карать, были те, кто имел явные связи с несоветским миром. Хотя война принесла смерть 5,7 миллиона евреев, она в то же время способствовала воссозданию еврейской национальной родины, недосягаемой для Сталина. Как и у вражеских наций 1930-х годов, у евреев теперь были причины для недовольства в Советском Союзе (четыре года репрессий и официального антисемитизма), внешний покровитель за пределами Советского Союза (Израиль) и роль в ме-

[56] Об Эренбурге см.: *Brandenberger D.* Stalin's Last Crime? – P. 197.

[57] О слухах см.: *Brandenberger D.* Stalin's Last Crime? – P. 202. О количестве врачей см.: *Luks L.* Zum Slaninschen Antisemitismus. – P. 42.

ждународной борьбе (которую вели Соединенные Штаты). Прецеденты были ясны, а логика известна. Но эпоха сталинизма подходила к концу.

Учитывая все судебные процессы в Советском Союзе и Восточной Европе, а также всех умерших в заключении, Сталин уничтожил не более чем несколько десятков евреев за последние годы своей жизни. Если он действительно хотел проведения финальной террористической операции (а это далеко не ясно), то не мог довести ее до завершения. Есть соблазн считать, что только его смерть предотвратила такой результат, что Советский Союз стремительно двигался к еще одной национальной чистке, сопоставимой по масштабам с чистками 1930-х годов, но доказательств этому недостаточно. Собственные действия Сталина были на удивление неуверенными, а реакция органов его власти – медленной.

В отличие от ситуации 1930-х годов, Сталин не был хозяином своей страны в 1950-х, да и страна уже была совсем не та. Он стал скорее культом, чем личностью. Он не посещал заводов, колхозов или правительственных учреждений после Второй мировой войны и сделал только три публичных выступления в период с 1946-го по 1953 год. К 1950 году Сталин больше не управлял Советским Союзом в качестве тирана-одиночки, как он это делал предыдущие пятнадцать лет. В 1950-е годы ключевые члены Политбюро регулярно встречались во время его долгих отлучек из Москвы, и у них были свои сети клиентов среди советских бюрократов. Как и Большой террор 1937–1938 годов, массовые смертоносные чистки евреев создали бы в советском обществе возможности для социального продвижения. Но не было ясно, хотели ли советские граждане (несмотря на то, что многие их них точно были антисемитами) получить такую возможность такой ценой[58].

Особенно поражала суетливость всего происходившего. Во время Большого террора предложения Сталина трансформировались в приказы, приказы – в квоты, квоты – в трупы, трупы – в цифры. Ничего подобного не происходило в случае с евреями. Хотя большую часть последних пяти лет своей жизни Сталин был занят вопросом советских евреев, он не мог найти начальника гос-

[58] *Khlevniuk O.* Stalin as Dictator: The Personalization of Power // Stalin: A New History / Ed. by Davis S., Harris J. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Pp. 110, 118. О том, что Сталин не посещал заводов, колхозов и госучреждений после войны, см.: *Service R.* Stalin. – P. 539.

безопасности, который бы слепил из этого правильное дело. В старые времена Сталин избавлялся от начальников безопасности после того, как те выполняли какую-то массовую операцию, а затем обвинял их в перегибах. Теперь же офицеры МГБ, что, наверное, не удивительно, казалось, колебались, совершали перегибы. Сначала Сталин заставил Абакумова состряпать дело, хотя начальником НКВД был Лаврентий Берия. Затем он позволил, чтобы Абакумова разоблачил Рюмин, который в свою очередь пал в ноябре 1952 года. У пришедшего на смену Рюмина случился сердечный приступ в первый же день работы. Наконец, расследование принял С.А. Гоглидзе, клиент Берии[59].

Сталин утратил свою некогда безмерную власть, которая позволяла ему вовлекать людей в свой вымышленный мир. Ему доводилось угрожать начальникам безопасности вместо того, чтобы давать им инструкции. Его подчиненные понимали, что Сталин хотел признаний и совпадений, которые можно представить как факты. Однако им постоянно мешало определенное внимание к бюрократическим приличиям и даже, до определенной степени, к законности. Судья, который вынес приговор членам Еврейского антифашистского комитета, сказал подсудимым об их праве на обжалование. В процессе преследования советских евреев начальники безопасности иногда с трудом заставляли своих подчиненных (и, наверное, что самое главное, подсудимых) понимать, чего от них ожидают. Допросы, хотя и были брутальными, не всегда давали нужные доказательства. Пытки, хотя и имели место, были последним средством и именно на них лично настаивал Сталин[60].

Сталин был прав, что волновался о влиянии войны и Запада и о продолжении существования советской системы в том виде, какой он ей придал. В послевоенные годы далеко не все советские граждане были готовы принять то, что 1940-е годы оправдывали события 1930-х годов, что победа над Германией ретроспективно оправдывала репрессии по отношению к советским гражданам. Такова, конечно же, была логика Большого террора в то время: приближается война, поэтому опасные элементы нужно убрать. В сознании

[59] О начальниках службы безопасности Сталина см.: *Brent J., Naumov V.* Stalin's Last Crime. – P. 258.

[60] Сталин приказал избивать арестованных 13 ноября (см.: *Brent J., Naumov V.* Stalin's Last Crime. – P. 224). О суде см.: *Lustiger A*. Stalin and the Jews. – P. 250.

Сталина приближающаяся война с американцами, видимо, оправдывала еще один виток упреждающих репрессий в 1950-х годах. Неясно, хотели ли советские граждане пойти на такой шаг. Хотя многие поддерживали антисемитскую истерию начала 1950-х годов, отказываясь, например, ходить к врачам-евреям или покупать лекарства у фармацевтов-евреев, однако это не являлось одобрением возврата массового террора.

Советский Союз просуществовал почти четыре десятилетия после смерти Сталина, но его органы госбезопасности никогда больше не устраивали голода или массовых расстрелов. Преемники Сталина, какими бы брутальными они ни были, отказались от практики массового террора в сталинском смысле слова. Никита Хрущов, в конечном счете победивший в борьбе за право наследия Сталина, выпустил большинство украинских заключенных, которых отправил в ГУЛАГ десятилетием ранее. Не то чтобы Хрущев лично не был способен на массовое уничтожение: он был достаточно кровожадным во время террора 1937–1938 годов и повторного захвата Западной Украины после Второй мировой войны, но полагал, что Советский Союз больше не может существовать таким способом. Он даже обнародовал некоторые преступления Сталина в докладе на съезде КПСС в феврале 1956 года, хотя и делал ударение на страданиях элиты коммунистической партии, а не на группах, которые пострадали гораздо больше, – крестьянах, рабочих и представителях нацменьшинств.

Восточноевропейские государства оставались сателлитами Советского Союза, но ни одно из них не пошло от показательных процессов (прелюдия к Большому террору конца 1930-х годов) дальше, к массовому уничтожению. Большинство из них (Польша была исключением) коллективизировали сельское хозяйство, но никогда не забирали у крестьян права на частные земельные наделы. В сателлитных государствах, в отличие от Советского Союза, не было голода. При Хрущеве Советский Союз вторгнется в коммунистическую сателлитную Венгрию в 1956 году. Хотя в последовавшей за этим гражданской войне погибли тысячи людей, а интервенция привела к смене руководства, за этим не последовало массовых кровавых репрессий. Относительно мало людей были преднамеренно уничтожены в коммунистической Восточной Европе после 1953 года. Цифры были на несколько порядков ниже, чем во время эры массового уничтожения (1933–1945) и этнических чисток (1945–1947).

Сталинский антисемитизм после смерти Сталина еще долго преследовал Европу. Он редко определял основные методы правления, но всегда был доступен в моменты политического стресса. Антисемитизм позволял лидерам пересматривать историю военных страданий (как страданий исключительно славянских народов), а также историю самого сталинизма (которую изображали как деформированную еврейскую версию коммунизма).

В Польше в 1968 году, через пятнадцать лет после смерти Сталина, Холокост был пересмотрен в целях коммунистического национализма. К этому времени Владислав Гомулка вернулся к власти. В феврале 1956 года, когда Хрущев критиковал некоторые аспекты сталинского правления, он подрывал позицию восточноевропейских коммунистических лидеров, связанных со сталинизмом, и укреплял влияние тех, кто мог называть себя реформаторами. Это был конец триумвирата Бермана, Берута и Минца. Гомулку выпустили из тюрьмы, реабилитировали и позволили ему вернуться к власти в октябре того же года. Для одних поляков он олицетворял надежду на реформу коммунизма, для других – надежду на более национально ориентированный коммунизм. Польша уже взяла что могла из послевоенной реконструкции и быстрой индустриализации; попытки улучшить экономическую систему оказались либо контрпродуктивными, либо политически рискованными. После того, как все попытки исправить экономическую систему провалились, национализм остался[61].

В Польше 1968 года режим Гомулки предпринял антисионистские репрессии, напоминавшие риторику последних лет Сталина. Через двадцать лет после того, как он сам впал в немилость в 1948 году, Гомулка отыгрался на польско-еврейских коммунистах или, лучше сказать, на некоторых из их детей. Как в Советском Союзе в 1952-м и 1953 годах, так и в Польше в 1967-м и 1968 годах возник вопрос преемственности. Гомулка провел у власти долгое время. Подобно Сталину, он желал дискредитировать соперников посредством их связи с еврейским вопросом и особенно их мягкости по вопросу предполагаемой сионистской угрозы.

Слово «сионизм» вернулось на страницы польской прессы после победы Израиля в Шестидневной войне в июне 1967 года. В Советском Союзе война подтвердила статус Израиля как американского сателлита – этой линии теперь

---

[61] О деталях «антисионистской кампании» 1968 года см.: *Stola D.* Kampania antysyjonistyczna w Polsce 1967–1968. – Warszawa: IH PAN, 2000; *Paczkowski A.* Pół wieku dziejów Polski. – Warszawa: PWN, 2005.

должны были следовать коммунистические государства Восточной Европы. Однако поляки иногда поддерживали Израиль («наших еврейчиков», как говорили люди) против арабов, которых поддерживал Советский Союз. Некоторые поляки считали в то время Израиль тем же, чем и себя: преследуемой жертвой, против которой выступает Советский Союз и которая представляет Западную цивилизацию. Для таких людей победа Израиля над арабскими государствами была воплощением мечты о победе Польши над Советским Союзом[62].

Официальная позиция коммунистической Польши была совсем другой. Польское коммунистическое руководство идентифицировало Израиль с нацистской Германией, а сионизм – с национал-социализмом. Такие заявления часто делали люди, которые видели Вторую мировую войну или даже принимали участие в ее сражениях. Однако эти гротескные сравнения исходили из определенной политической логики, которая была теперь типичной для коммунистических лидеров Польши и Советского Союза. В коммунистической картине мира не евреи, а славяне (русские в СССР и поляки в Польше) были центральными фигурами (и как победители, и как жертвы) Второй мировой войны. Евреи – всегда огромная проблема для этой истории страданий – были ассимилированы к ней в послевоенные годы, их считали, если было необходимо, «советскими гражданами» в СССР и «поляками» в Польше. В Польше евреи-коммунисты проделали огромную работу, чтобы убрать евреев из истории о немецкой оккупации в Польше. Выполнив это задание к 1956 году, евреи-коммунисты потеряли власть. Именно коммунист-нееврей Гомулка эксплуатировал легенду об этнической невинности Польши.

Такое изложение Второй мировой войны было также и приемом пропаганды в Холодной войне. Поляки и русские, славянские жертвы последней немецкой войны, были соответственно все еще напуганы Германией, то есть Западной Германией и ее патроном, Соединенными Штатами. В мире Холодной войны это было не так уж и неубедительно. Тогдашний канцлер Западной Германии был бывшим нацистом. Карты Германии в немецких школьных учебниках включали земли, которые были отданы Польше в 1945 году (они обозначались как находящиеся «под польской администрацией»). Западная Германия не признала послевоенную Польшу на дипломатическом уровне. В странах западной демократии, как и в Западной Германии, происходило мало публичных обсуждений о военных преступлениях Германии. Приняв в 1955

[62] *Rozenbaum W.* The March Events: Targeting the Jews // Polin. – 2008. – № 21. – P. 68.

году Западную Германию в НАТО, Соединенные Штаты, в сущности, закрыли глаза на злодеяния своего еще совсем недавнего немецкого врага.

Как и в 1950-е годы, сталинский антисемитизм приписывал Израилю вероломную роль в Холодной войне. Подхватив тему из советской прессы января 1953 года, польская пресса в 1967 году объясняла, что Западная Германия передала нацистскую идеологию Израилю. Политические мультфильмы изображали израильскую армию, как Вермахт. Таким образом, заявление Израиля о том, что его существование морально санкционировано Второй мировой войной и Холокостом, предполагалось переиначить: с точки зрения польских коммунистов, капитализм привел к империализму, примером которого был национал-социализм. В то время лидером империалистического лагеря были Соединенные Штаты, в чьей игре Израиль и Западная Германия в равной мере были всего лишь пешками. Израиль был всего лишь очередным воплощением империализма, подпирающим мировой порядок, который генерировал преступления против человечества, а не маленьким государством с особой исторически оправданной претензией на роль жертвы. Коммунисты хотели монополизировать претензию на роль жертвы для себя[63].

Эти сравнения нацизма с сионизмом начались в коммунистической Польше со времени Шестидневной войны в июне 1967 года, но в полной мере проявились они тогда, когда польский режим следующей весной репрессировал своих оппонентов. Студенты польских университетов, протестуя против запрета на театральную постановку, созвали мирную демонстрацию против режима 8 марта 1968 года. Тогда режим сурово осудил их лидеров как «сионистов». В предыдущем году евреев в Польше называли «пятой колонной», поддерживающей врагов Польши за рубежом. Теперь в проблемах Польши в целом были виноваты евреи, которых снова называли, как и в СССР пятнадцать лет назад, «сионистами» и «космополитами». Как и в Советском Союзе, это было всего лишь очевидным противоречием: «сионисты» предположительно поддерживали Израиль, а «космополитов» предположительно тянуло к Соединенным Штатам, но и те, и другие были союзниками империализма, а потому – врагами польского государства. Они были аутсайдерами и предателями, безразличными к Польше и польскости[64].

[63] О предыдущих советских практиках см.: *Szaynok B.* Z historią i Moskwą w tle: Polska a Izrael 1944–1968. – P. 160.

[64] *Stola D.* The Hate Campaign of March 1968: How Did It Become Anti-Jewish? // Polin. – 2008. – № 21. – Pp. 19, 31. О «пятой колонне» см.: *Rozenbaum W.* The March Events: Targeting the Jews // Polin. – 2008. – №. 21. – P. 70.

Благодаря этому проворному маневру польские коммунисты присвоили старый европейский антисемитский аргумент. Нацистский стереотип «жидобольшевизма» (собственная идея Гитлера о том, что коммунизм – это еврейский заговор) был довольно распространен в довоенной Польше. Выдающееся положение польских евреев во время раннего коммунистического режима хоть и было продуктом особых исторических обстоятельств, однако не помогло развеять бытующее отождествление евреев с коммунистами. Теперь, весной 1968 года, польские коммунисты играли на этом стереотипе, утверждая, что проблемой сталинизма была его еврейскость. Если в коммунистической Польше в 1940-е и 1950-е годы что-то шло не так, то это была вина евреев, имевших слишком большой контроль над партией, а следовательно, деформирующих всю систему. Подразумевалось, что некоторые коммунисты могли навредить полякам, но эти коммунисты были евреями. Однако польский коммунизм, как следовало далее, можно было очистить от таких людей или, по крайней мере, от их сыновей и дочерей. Режим Гомулки таким образом пытался сделать коммунизм этнически польским.

Выход был только в том, чтобы вычистить евреев из общественной жизни и позиций политического влияния. Но кто был евреем? В 1968 году пресса уделяла непропорционально большое внимание студентам с еврейскими фамилиями или родителями-сталинистами. Польские власти использовали антисемитизм, чтобы отделить остальное население от студентов, организуя огромные демонстрации рабочих и солдат. Польский рабочий класс стал (по официальным заявлениям руководителей страны) этнически польским. Но не все было так просто. Режим Гомулки был счастлив использовать еврейское клеймо, чтобы освободить себя от критики в целом. Еврей, по определению партии, не всегда был человеком, чьи родители были евреями. Характерным для кампании была определенная нечеткость в отношении евреев: часто «сионистом» был просто интеллектуал или тот, кого не устраивал режим[65].

Кампания была умышленно нечестной, нарочно провокационной и абсурдной по своей исторической бессодержательности. Она, однако, не была убийственной. Антисемитские риторические выражения польского коммунизма напоминали поздний сталинизм, а значит, стереотипы, знакомые по нацистской Германии. Но плана уничтожать евреев не было. Хотя, по крайней мере, один

[65] *Stola D.* The Hate Campaign of March 1968. – P. 20.

случай самоубийства и множественные побои, нанесенные людям полицией, можно было связать с «антисионистской кампанией», но никого не убивали. Режим произвел 2591 арест, отправил на военную службу несколько сотен студентов в гарнизоны, расположенные далеко от Варшавы, и посадил некоторых студенческих лидеров в тюрьму. Около семнадцати тысяч польских граждан (преимущественно еврейского происхождения, хотя и не только) приняли предложение режима на билет в одну сторону и уехали из страны[66].

Жители Варшавы не могли не заметить, что они уезжали с железнодорожной станции недалеко от Умшлагплац, откуда евреев Варшавы депортировали поездом в Треблинку всего двадцать шесть лет тому назад. По крайней мере, три миллиона евреев жили в Польше до Второй мировой войны. После эпизода с коммунистическим антисемитизмом их осталось приблизительно тридцать тысяч. Для польских коммунистов и тех, кто им верил, евреи не были жертвой в 1968 году или до того – они были людьми, которые замышляли забрать у поляков их право притязать на невиновность и героизм.

Сталинский антисемитизм в Польше 1968 года изменил жизни десятков тысяч людей и покончил с верой в марксизм у многих образованных молодых мужчин и женщин Восточной Европы. У марксизма, конечно, были другие проблемы. К этому времени экономический потенциал сталинской модели был исчерпан в коммунистической Польше, как и во всем коммунистическом блоке. Коллективизация не была благом для аграрной экономики. Принудительная индустриализация могла стимулировать быстрый рост только до какого-то предела. После этого предела становилось более-менее ясно, что Западная Европа является более процветающим обществом, чем коммунистический мир, и пропасть между ними все увеличивается. Принимая антисемитизм, польские коммунисты-руководители подспудно признавали, что их систему нельзя улучшить. Они отдалили многих людей, которые раньше могли верить в реформу коммунизма, и сами не имели понятия, как исправить систему. В 1970 году Гомулка уйдет из власти после попытки повысить цены и его заменит идеологически нейтральный преемник, который будет пытаться привести Польшу к процветанию посредством политики займов. Провал этой схемы привел к возникновению движения «Солидарность» в 1980 году[67].

---

[66] О цифре 2591 арестованных см.: *Stola D.* The Hate Campaign of March 1968. – P. 17. О железнодорожной станции Гданьск см.: *Eisler J.* 1968. – P. 60.

[67] *Judt T.* Postwar: A History of Europe Since 1945. – New York: Penguin, 2005. – Pp. 422–483; Simons. Eastern Europe bn Postwar World.

Когда польские студенты падали под ударами полицейских дубинок в марте 1968 года, чехословацкие коммунисты пытались реформировать марксизм в Восточной Европе. Во время Пражской весны коммунистический режим разрешил свободу публичного выражения, надеясь заручиться поддержкой для экономических реформ. Как можно было предугадать, дискуссия пошла совсем в другом направлении, чем режим ожидал. Несмотря на давление со стороны СССР, Александр Дубчек, генеральный секретарь чехословацкой партии, разрешил продолжать собрания и дебаты. В августе того года советские (а также польские, восточнонемецкие, болгарские и венгерские) войска вторглись в Чехословакию и задавили Пражскую весну.

Советская пропаганда подтвердила, что эксперимент польского руководства с антисемитизмом не был отклонением. В советской прессе много внимания было посвящено реальному или воображаемому еврейскому происхождению чешских коммунистов-реформаторов. В Польше в 1970-е и 1980-е годы НКВД привлекал всеобщее внимание к еврейскому происхождению некоторых членов оппозиции. Когда в Советском Союзе в 1985 году как реформатор пришел к власти Михаил Горбачев, оппоненты его реформ пытались эксплуатировать русский антисемитизм для защиты старой системы[68].

Сталинизм переместил восточноевропейских евреев с их исторической позиции жертв Германии и вместо этого поместил их в основание империалистического заговора против коммунизма. Оставался только маленький шаг до того, чтобы представить их частью их собственного заговора. И поэтому нежелание коммунистов указать на главное преступление Гитлера и дать ему определение по прошествии десятилетий подтверждало один из аспектов гитлеровского мировоззрения.

Сталинский антисемитизм в Москве, Праге и Варшаве уничтожил только небольшое количество людей, но спутал европейское прошлое. Холокост усложнял сталинскую теорию страданий советских граждан как таковую и смещал русских и славян с их позиции самых виктимизированных групп. Именно коммунистов и их верных славянских (и не только) последователей нужно было считать одновременно победителями и жертвами Второй миро-

[68] *Brown A.* The Rise and Fall of Communism. – P. 396.

вой войны. Схема славянской невиновности и западной агрессии должна была применяться и к Холодной войне, даже если это означало, что евреев, которых отождествляли с Израилем и Америкой (странами из империалистического западного лагеря), следовало считать агрессорами истории.

Пока коммунисты управляли большей частью Европы, Холокост не мог считаться тем, чем он был. Именно потому, что столько миллионов неевреев в Восточной Европе действительно погибли на полях сражений, в дулагах и шталагах, в осажденных городах и в ходе карательных операциях по селам, ударение, которое делали коммунисты на страданиях неевреев, всегда имело под собой историческую основу. Коммунистические руководители, начиная со Сталина, могли правдиво сказать, что на Западе мало кто ценит роль Красной армии в разгроме Вермахта и страдания, которые перенесли народы Восточной Европы под немецкой оккупацией. Понадобилась всего одна модификация, а именно погружение Холокоста в общую картину страданий, чтобы убрать из картины то, что некогда было так значимо для Восточной Европы, – еврейскую цивилизацию. Во время Холодной войны естественным ответом Запада был акцент на огромном страдании, которое сталинизм принес гражданам Советского Союза. Это тоже было правдой, но, как и в случае с советскими отчетами, это была не единственная или же неполная правда. В этом соперничестве за память Холокост, другая немецкая политика массового уничтожения и сталинские массовые уничтожения стали тремя разными историями, хотя как исторический факт они происходили в одном и том же месте и в одно и то же время.

Как и огромное большинство массовых уничтожений гражданского населения и нацистским, и советским режимами, Холокост происходил на «кровавых землях». После войны традиционная родина европейских евреев находилась в коммунистическом мире, как и фабрики смерти и поля убийств. Введя в мир новый тип антисемитизма, Сталин преуменьшил значение Холокоста. Когда в 1970-х и 1980-х годах возникла новая международная коллективная память о Холокосте, она основывалась на опыте немецких и западноевропейских евреев, которые составляли значительно меньшие по численности группы выживших, и на Аушвице, где погиб только приблизительно каждый шестой от общего числа уничтоженных евреев. У историков и всех, кто писал и говорил о Холокосте в Западной Европе и в Соединенных Штатах, была тенденция корректировать это сталинское искажение в другую сторону, лишь

мельком упоминая о более чем пяти миллионах неевреев, уничтоженных к востоку от Аушвица, и почти пяти миллионах неевреев, уничтоженных нацистами. Лишенный своей еврейской отличительной особенности на Востоке и своей географии на Западе, Холокост никогда, в общем-то, не стал частью европейской истории, даже когда европейцы и многие другие согласились с тем, что о нем должны помнить все.

Сталинская империя покрыла гитлеровскую. Железный занавес опустился между Западом и Востоком, между выжившими и погибшими. Теперь, когда он поднят, мы сможем – если захотим – увидеть историю Европы между Гитлером и Сталиным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

У каждого из живых было имя. Мальчика, представлявшего, что он видит в полях пшеницу, звали Юзеф Соболевски. Он умер от голода в 1933 году в голодной Украине, так же, как его мама и пятеро братьев и сестер. Его единственного выжившего брата расстреляли в 1937 году, во время Большого террора. Уцелела только сестра Ганна, вспоминавшая о Юзефе и его надеждах. Молодого человека, который предугадал, что встретится со своей арестованной женой Марией «под землей», звали Станислав Выгановски. Их обоих расстрелял НКВД в Ленинграде в 1937 году. Польского офицера, написавшего о своем обручальном кольце, звали Адам Сольски. Дневник нашли, когда эксгумировали тела в Катыни, где его расстреляли в 1940 году. Он, наверное, спрятал обручальное кольцо, а палачи, вероятно, его нашли. Одиннадцатилетнюю русскую девочку, которая вела свой простой дневник в осажденном и голодающем Ленинграде в 1941 году, звали Таня Савичева. Одной из ее сестер удалось переправиться по замерзшей Ладоге на другой берег; Таня и остальные члены семьи погибли. Двенадцатилетнюю еврейскую девочку, писавшую отцу в Беларусь в 1942 году про смертные ямы, звали Юнита Вишнятская. Ее маму, писавшую рядом с ней, звали Злата. Их обеих убили. «Прощайте навсегда, – так заканчивалось письмо Юниты. – Целую тебя крепко, крепко».

Каждый погибший превратился в цифру. Вместе нацистский и сталинский режимы уничтожили на «кровавых землях» более четырнадцати миллионов человек. Уничтожение началось с политического голодомора, которым Сталин руководил в Советской Украине и который унес жизни более трех миллионов человек. Оно продолжилось во время сталинского Большого террора 1937-го и 1938 годов, в ходе которого были расстреляны около семисот тысяч чело-

век; большинство из них были крестьянами и представителями национальных меньшинств. Затем СССР и Германия сотрудничали в деле уничтожения Польши и ее просвещенных классов, убив около двухсот тысяч человек в период с 1939-го по 1941 год. Затем Гитлер предал Сталина и отдал приказ о вторжении в Советский Союз; немцы морили голодом советских военнопленных и жителей осажденного Ленинграда, забрав жизни более четырех миллионов человек. В оккупированном Советском Союзе, Польше и странах Балтии немцы расстреляли и отравили газом около 5,4 миллиона евреев. Германия и СССР провоцировали друг друга на еще большие преступления, как в партизанских войнах на территории Беларуси и Варшавы, где немцы уничтожили около полумиллиона человек гражданского населения.

Злодеяния происходили на одной и той же территории в одно и то же самое время – на «кровавых землях» с 1933-го по 1945 год. Описать их – значит, назвать центральное событие европейской истории. Сравнение нацистской Германии и Советского Союза будет неадекватным без указания всех основных шагов политики уничтожения в их общем европейском контексте. Теперь, когда история «кровавых земель» завершена, остается провести это сравнение.

Нацистскую и сталинскую системы необходимо сравнивать не столько для того, чтобы понять ту или другую, а чтобы осознать наше с вами время и нас самих. Ханна Арендт писала об этом в 1951 году, объединив оба режима под рубрикой «тоталитаризм». Из русской литературы XIX века она взяла идею о «лишнем человеке». Рауль Хильберг, первый историк Холокоста, позже показал ей, как бюрократическое государство могло уничтожать таких людей в XX веке. Арендт составила устойчивый портрет современного лишнего человека, которого заставило таковым себя почувствовать давление массового общества, которого сделали лишним тоталитарные режимы, способные вплести смерть в канву истории о прогрессе и счастье. Арендт составила описание эпохи-убийцы, которое выдержало испытание временем, – описание людей (жертв и палачей в равной мере), постепенно утрачивающих человеческий облик, теряя его сначала в анонимности массового общества, а затем в концентрационном лагере. Образ этот мощный, и его необходимо подправить, прежде чем начать историческое сравнение нацистского и советского уничтожения[1].

[1] Сравните: *Moyn S.* In the Aftermath of Camps // Histories of the Aftermath: The Legacies of the Second World War / Ed. by Biess F., Mueller R. – New York: Berghahn Books, 2010. Тут интерпретация отталкивается от аргументов, представленных в разделах, поэтому аннотация ограничена.

Места уничтожения, которые более всего подходят под такое определение, были немецкими лагерями для военнопленных. Они были единственным типом заведений (как немецких, так и советских), в которых цель концентрации людей состояла в их уничтожении. Советские военнопленные, согнанные вместе десятками тысяч, без еды и медицинской помощи, гибли быстро и массово: около трех миллионов человек, большинство из них – в течение нескольких месяцев. Однако у этого основного примера уничтожения путем концентрации мало общего с концепцией Арендт относительно современного общества. Ее анализ обращает наше внимание на Берлин и Москву как на столицы отдельных государств, которые служат примером тоталитарных систем, каждая из которых воздействовала на собственных граждан. Однако советские военнопленные погибали в результате *взаимодействия* обоих систем. Описание тоталитаризма Арендт сосредоточено на дегуманизации *внутри* современного массового индустриального общества, а не на историческом наложении *друг на друга* немецких и советских амбиций и власти. Решающим моментом для этих солдат было взятие их в плен, когда они переходили из-под контроля советских офицеров и НКВД под контроль офицеров Вермахта и СС. Их судьбу нельзя рассматривать как постепенное отчуждение внутри одного современного общества – она была следствием воинствующего столкновения двух обществ и следствием преступной политики Германии на территории Советского Союза.

В других местах концентрация обычно не являлась частью процесса уничтожения, а была скорее методом выправления мозгов и физической эксплуатации. За одним важным исключением, которое составляли немецкие лагеря для военнопленных, ни Германия, ни СССР не уничтожали людей намеренно путем концентрации. Лагеря чаще были альтернативой, а не прелюдией к экзекуции. Во время Большого террора в Советском Союзе были возможны два вердикта: смерть или ГУЛАГ. Первый означал пулю в затылок, второй – работу в далекой местности, в темной шахте, морозном лесу или в открытой степи, но еще он обычно означал и жизнь. Под немецким правлением концлагеря и фабрики смерти работали по другим принципам. Приговор к концлагерю в Бельзене означал одно, а отправка на фабрику смерти Белжец – нечто совсем иное: первый означал голод и работу, но еще и возможность выжить; второй – немедленную и верную смерть от отравления газом. По иронии, именно поэтому люди помнят о Бельзене, но не о Белжеце.

Стратегии по уничтожению не возникли из стратегий по концентрации. Система советских концлагерей была неразрывной частью политэкономии, которая, как предполагалось, будет долговечной. ГУЛАГ существовал до, во время и после голода начала 1930-х годов, а также до, во время и после расстрельных операций конца 1930-х годов. Он достиг наибольшего размаха в начале 1950-х годов, после того, как СССР прекратил массово убивать собственных граждан (и частично именно по этой причине). Немцы начали массовое уничтожение евреев летом 1941 года в оккупированном Советском Союзе, расстреливая их из ружей над ямами, а не убивая через систему концлагерей, которая уже на то время функционировала в течение восьми лет. За считанные дни второй половины 1941 года немцы расстреляли на Востоке больше евреев, чем у них было всего пленников в концлагерях. Газовые камеры были разработаны не для концлагерей, а для медицинских убийственных заведений программы по «эвтаназии». Затем последовали мобильные газенвагены для уничтожения евреев на востоке Советского Союза, затем – запаркованный газенваген в Хелмно для уничтожения польских евреев на землях, аннексированных Германией, а затем – стационарные газовые камеры в Белжеце, Собиборе и Треблинке в Генерал-губернаторстве. Газовые камеры позволяли продолжать на запад от линии Молотова-Риббентропа стратегию, проводимую в оккупированном Советском Союзе, – массовое уничтожение евреев. Подавляющее большинство евреев, уничтоженных во время Холокоста, никогда не были в концлагере[2].

Образ немецких концентрационных лагерей как наихудшего элемента национал-социализма – это иллюзия, темный мираж над безвестной пустыней. В первые месяцы 1945 года, когда Германское государство пало, в концлагерях системы СС массово гибли преимущественно нееврейские узники. Их судьба очень походила на судьбу узников ГУЛАГа в Советском Союзе в 1941–1943 годах, когда советская система была истощена вторжением Германии и оккупацией. Некоторых измученных голодом жертв запечатлели на кинопленке британцы и американцы. Эти кадры заставили западных европейцев и американцев сделать ошибочное заключение о немецкой системе. В концлагерях в конце войны действительно были уничтожены сотни тысяч людей, но сами концлагеря, в отличие от фабрик смерти, не были предназначены для немед-

[2] Примерно миллион человек погибли в немецких лагерях (в противовес фабрикам смерти, а также местам расстрелов и голодоморов) – см.: *Orth K.* Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Eine politische Organisationsgeschichte. – Hamburg: Hamburg Edition, 1999.

ленного массового уничтожения. Хотя одни евреи оказались там как политзаключенные, а других туда отправляли как рабочую силу, концлагеря не были предназначены преимущественно для евреев. Евреи, оказавшиеся там, вошли в число евреев, которые выжили. Это еще одна причина, благодаря которой мы знаем о концлагерях: их описывали выжившие, люди, которые погибли бы от физического изнурения работой, но которых освободили в конце войны. Немецкая стратегия уничтожения всех евреев Европы была применена не в концлагерях, а надо рвами, в газенвагенах и на фабриках смерти Хелмно, Белжеца, Собибора, Треблинки, Майданека и Аушвица[3].

Как отметила Арендт, Аушвиц был необычной комбинацией индустриального лагерного комплекса и фабрики смерти. Он служит символом и концентрации, и уничтожения, что порождает некоторую путаницу: в лагере сначала держали поляков, затем советских военнопленных, а затем евреев и ромов. Когда начала действовать фабрика смерти, некоторых из прибывавших евреев отбирали для работы, чтобы они работали на износ до полного изнурения, а потом отправляли в газовую камеру. Таким образом, преимущественно в Аушвице можно найти пример того, о чем писала Арендт, – постепенного отчуждения, заканчивавшегося смертью. Это толкование совпадает с тем, что написали об Аушвице выжившие – Тадеуш Боровски, Примо Леви и Эли Визель. Однако эта последовательность – исключение, она не отражает обычного протекания Холокоста даже в Аушвице. Большинство евреев, погибших в Аушвице, были отравлены газом сразу же по прибытии, они не находились в лагере. Путь евреев из лагеря в газовые камеры был малой частью истории комплекса Аушвиц, и он обманчив в качестве путеводителя по Холокосту или массовому уничтожению вообще.

Аушвиц действительно был одним самых значительных мест в истории Холокоста: примерно каждый шестой из уничтоженных евреев погиб именно там. Однако хотя фабрика смерти в Аушвице прекратила функционировать последней, ее технология уничтожения была не на высоте: самые эффективные расстрельные команды убивали быстрее, голод убивал быстрее и Треблинка убивала быстрее. Аушвиц также не был основным местом, где были уничтожены две самых больших группы европейских евреев – польские и советские. Большинство советских и польских евреев во время не-

[3] Сравните: *Keegan J.* The Face of Battle. – New York: Viking, 1976. – P. 55; *Gerlach C., Werth N. State* Violence – Violence Societies // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared / Ed. by Geter M., Fitzpatrick S. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 133.

мецкой оккупации уже были уничтожены к тому времени, когда Аушвиц стал крупной фабрикой смерти. Когда газовая камера и комплексы крематориев в Биркенау начали действовать весной 1943 года, более 3/4 евреев, погибших во время Холокоста, уже были мертвы. Если на то пошло, подавляющее большинство всех людей, преднамеренно уничтоженных советским и нацистским режимами (гораздо более 90%), уже погибли к тому времени, когда газовые камеры в Биркенау начали свою смертоносную работу. Аушвиц – это кода смертельной фуги.

Арендт пишет, что, возможно, нацистское и советское массовые уничтожения были знаком какой-то более глубокой дисфункции современного общества, но, прежде чем мы сделаем такие теоретические выводы (о современности или о чем-либо еще), мы должны понять, что же на самом деле произошло во время Холокоста и на «кровавых землях» вообще. На данный момент европейская эпоха массового уничтожения затеоретизирована и недопонята.

В отличие от Арендт, которая была экстраординарным экспертом в пределах доступной документации, у нас нет оправдания для этой диспропорции между теорией и знанием. Количество погибших известно нам теперь достаточно хорошо (с большей или меньшей точностью), чтобы передать ощущение деструктивности каждого из режимов. В соответствии с политикой, которая предполагала убийство гражданского населения и военнопленных, нацистская Германия уничтожила около десяти миллионов человек на «кровавых землях» (и, возможно, одиннадцать миллионов человек всего), а Советский Союз при Сталине уничтожил более четырех миллионов человек на «кровавых землях» (и около шести миллионов всего). Если добавить предполагаемые смерти от голода, этнических чисток и долгого пребывания в лагерях, сталинский показатель поднимется примерно до девяти миллионов человек, а нацистский – до примерно двенадцати миллионов. Эти огромные цифры невозможно указать с точностью, не в последнюю очередь потому, что миллионы человек гражданского населения, смерть которых была непрямым результатом Второй мировой войны, стали так или иначе жертвами *обеих* систем.

Регион, более всего пострадавший как от нацистского, так и от сталинского режимов, – это «кровавые земли»: сегодня это Санкт-Петербург и западный край Российской Федерации, бóльшая часть Польши, страны Балтии, Беларусь и Украина. Именно здесь мощь и злоба нацистского и советского режи-

мов пересекались и взаимодействовали. «Кровавые земли» важны не только потому, что большинство жертв были их обитателями, но еще и потому, что они были центром основной политики, которая убивала людей, прибывавших из других мест. Например, немцы уничтожили около 5,4 миллиона евреев. Из них более четырех миллионов были жителями «кровавых земель» – это были польские, советские, литовские и латвийские евреи. Большинство остальных были евреями из других европейских стран. Венгерские евреи, составляющие самую большую группу еврейских жертв, прибывших из-за пределов региона, погибли на «кровавых землях», в Аушвице. Если учитывать еще и Румынию с Чехословакией, то восточноевропейские евреи составили почти 90% жертв Холокоста. Меньшие по размеру группы евреев из Западной и Южной Европы были депортированы на «кровавые земли», чтобы погибнуть.

Подобно еврейским жертвам, нееврейские жертвы либо были жителями «кровавых земель», либо их привезли туда погибать. В тамошних лагерях военнопленных, а также в Ленинграде и других городах немцы заморили голодом более четырех миллионов человек. Большинство жертв (хотя и не все) этой целенаправленной политики голодомора составили жители «кровавых земель» и примерно миллион советских граждан из-за пределов региона, большинство которых были русскими. Жертвы сталинской политики массового уничтожения жили по всему Советскому Союзу – самому большому государству в мировой истории. Даже при этом сталинский удар сильнее всего пришелся по западным советским приграничным землям, там, где были «кровавые земли». Советский режим заморил голодом более пяти миллионов человек во время коллективизации, большинство из них – в Советской Украине. Советский режим задокументировал уничтожение 681 691 человека во время Большого террора 1937–1938 годов, из которых непропорционально большое число составляли советские поляки и крестьяне Советской Украины – две группы, населявшие западный Советский Союз, а следовательно, «кровавые земли». Эти цифры сами по себе не составляют сравнения двух систем, но они – точка отсчета, возможно, обязательная точка[4].

В мае 1941 года Арендт бежала в Соединенные Штаты, где приложила всю мощь своего немецкого философского образования к исследованию вопроса о происхождении национал-социалистического и советского режимов. Через не-

[4] Большинство остальных голодающих находились в Казахстане. Я считаю смерти в Украине как преднамеренные, а в Казахстане – как предсказуемые. Дальнейшие исследования могут изменить подсчет преднамеренности.

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ
2010
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
Москва
Волгоград
Волга
Дон
Курск
Харьков
Донецк
Смоленск
Новгород
Санкт-Петербург
ФИНЛЯНДИЯ
Хельсинки
Таллин
ЭСТОНИЯ
Рига
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
Вильнюс
РОС. ФЕД.
Калининград
Минск
БЕЛАРУСЬ
Киев
Днепр
УКРАИНА
Крым
Черное море
Одесса
Кишинев
МОЛДОВА
Львов
Люблин
Варшава
Лодзь
Висла
ПОЛЬША
Краков
Познань
Гданьск
Балтийское море
Стокгольм
ШВЕЦИЯ
Осло
НОРВЕГИЯ
ДАНИЯ
Северное море
Гамбург
Берлин
ГЕРМАНИЯ
Дрезден
Прага
ЧЕХИЯ
СЛОВАКИЯ
Братислава
Вена
AUSTRIA
Будапешт
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
Бухарест
Дунай
СЕРБИЯ
БОСНИЯ И ГЕРЦОГОВИНА
ХОРВАТИЯ
СЛОВЕНИЯ
ИТАЛИЯ
Мюнхен
ШВЕЙЦАРИЯ
ФРАНЦИЯ
ЛЮКС.
Рейн
БЕЛЬГИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
ГРУЗИЯ

сколько недель после ее отъезда Германия вторглась в Советский Союз. В ее родной Европе нацистская Германия и Советский Союз возникли порознь, а затем заключили между собой союз.

В Европе Василия Гроссмана, основателя второй традиции сравнения, между Советским Союзом и нацистской Германией шла война. Гроссман, автор художественных произведений, ставший военным корреспондентом, видел на Восточном фронте много важных сражений и доказательств всех крупных немецких (а также советских) преступлений. Как и Арендт, он пытался объяснить массовое уничтожение евреев немцами на востоке в универсальных терминах. Для него это означало поначалу не критику современности как таковой, а осуждение фашизма и Германии. Когда Арендт опубликовала свои «Истоки тоталитаризма», Гроссман освободился от этих политических рамок благодаря личному опыту антисемитизма в Советском Союзе. Затем он нарушил табу столетия, поместив преступления нацистского и советского режимов рядом, на те же самые страницы, в те же самые сцены в двух романах, репутация которых с годами только возрастала. Гроссман намеревался не отождествить обе системы аналитически внутри одной социологической схемы (такой, как тоталитаризм Арендт), а скорее освободить их от их собственного идеологического значения и таким образом приподнять завесу над бесчеловечностью обеих.

В романе «Жизнь и судьба» (он был закончен в 1959 году, а издан за рубежом в 1980 году) один из героев Гроссмана, такой себе блаженный, вспоминает на одном дыхании и немецкие расстрелы евреев в Беларуси, и каннибализм в Советской Украине. В романе «Все течет» (на момент смерти Гроссмана в 1964 году он не был завершен, а за рубежом издан в 1970 году) он использует сходство со сценами немецких концлагерей, чтобы описать голод в Украине: «А крестьянские дети: видел ты, в газете печатали – дети в немецких лагерях? Одинаковы: головы, как ядра, тяжелые, шеи тонкие, как у аистов, на руках и на ногах видно, как каждая косточка под кожей ходит, как двойные соединяются, весь скелет кожей, как желтой марлей, затянут». Гроссман возвращается к этому сравнению нацистского и советского режимов снова и снова – не для того, чтобы вступить в полемику, а чтобы создать условность[5].

Как восклицает одна из героинь Гроссмана, ключом и к национал-социализму, и к сталинизму было их умение отбирать у групп людей их право считаться людьми. Таким образом, единственное, что остается, – провозгла-

[5] *Гроссман В.С.* Все течет... – С. 586. Также см.: *Гроссман В.С.* «Жизнь и судьба». – С. 39.

шать снова и снова, что это попросту неправда. Евреи и «кулаки» – «Люди! Люди они! Вот что я понимать стала. Все люди!»[6]. Это литература действует против того, что Арендт называла вымышленным миром тоталитаризма. Она пишет, что людей можно массово уничтожать, потому что лидеры, такие, как Сталин и Гитлер, могут вообразить мир без «кулаков» или без евреев, а затем заставить реальный мир подчиниться (пускай и не полностью) своему воображению. Смерть теряет свой моральный вес не потому, что ее скрывают, а потому, что она проникнута историей, которая привела к этой смерти. Мертвые тоже теряют свой человеческий образ; они беспомощно реинкарнированы как актеры в драме прогресса, даже когда этой истории противостоит идеологический враг (или, пожалуй, именно тогда). Гроссман извлек жертв из какофонии столетия и сделал их голоса слышимыми в нескончаемой полемике.

Итак, возьмем у Арендт и Гроссмана две простые идеи: первая – легитимное сравнение нацистской Германии и сталинского Советского Союза должно не только объяснить преступления, но и принять человечность всех, кто был к ним так или иначе причастен, включая жертв, палачей, сторонних наблюдателей и лидеров государств. Вторая – легитимное сравнение должно начинаться с жизни, а не со смерти. Смерть – это не решение проблемы, а только тема для разговора. Она должна быть источником беспокойства, а не удовлетворенности. И более всего она не должна быть яркой риторической кульминационной точкой, которая подведет историю к предопределенному концу. Поскольку жизнь придает значение смерти, а не наоборот, важный вопрос состоит не в том, какое политическое, интеллектуальное, литературное или психологическое примирение со случившимся можно извлечь из факта о массовом уничтожении. Примирение со случившимся – это мнимая гармония, это песня сирены, маскирующаяся под лебединую песню.

Важным является вот какой вопрос: как могли (как могут) столько человеческих жизней быть приведены к насильственному концу?

И в Советском Союзе, и в нацистской Германии утопии продвигались, корректируемые реальностью, а затем воплощались в массовом уничтожении: осенью 1932 года – Сталиным, а осенью 1941 года – Гитлером. Сталинская

[6] Цит.: *Гроссман В.С.* Все течет... – С. 579.

утопия состояла в том, что Советский Союз можно коллективизировать за девять–двенадцать недель; гитлеровская – в том, что за такое же время Советский Союз можно завоевать. В ретроспективе каждая из этих утопий кажется ужасно непрактичной. Однако каждая из них была воплощена – под прикрытием большой лжи и даже когда провал был очевиден. Мертвые человеческие существа приводили ретроспективные аргументы в пользу правильности политики. Таким образом, и у Гитлера, и у Сталина была определенная политика тирании: они привели к катастрофам, обвинили определенного (по своему выбору) врага, а затем использовали смерти миллионов человек для утверждения необходимости или желательности своей политики. У каждого из них была трансформационная утопия и группа людей, которую можно было обвинить, когда реализация этой утопии оказывалась невозможной, а затем политика массового уничтожения, которую можно было провозгласить своего рода эрзац-победой.

Как в случае с коллективизацией, так и с «окончательным решением» массовые жертвоприношения были нужны, чтобы оградить лидера даже от помыслов о том, что он может ошибаться. После того, как коллективизация принесла сопротивление и голод на земли Советской Украины, Сталин обвинил «кулаков», украинцев и поляков. После того, как Вермахт был остановлен у Москвы, а американцы вступили во Вторую мировую войну, Гитлер обвинил евреев. Так же, как «кулаки», украинцы и поляки несли вину за препоны на пути построения советской системы, евреи несли вину за препоны на пути ее разрушения. Сталин выбрал коллективизацию, Гитлер – войну, но им и их соратникам было удобнее переложить на других ответственность за связанные с коллективизацией и войной катастрофы. Сталинская интерпретация оправдывала голодомор в Украине, а затем – массовые расстрелы «кулаков» и представителей национальных меньшинств; гитлеровская интерпретация оправдывала расстрелы и газовые камеры для всех евреев. После того, как коллективизация принесла голодную смерть миллионам людей, Сталин преподнес это как свидетельство победоносной классовой борьбы. Гитлер в еще более ясных терминах преподносил расстрелы евреев, а затем уничтожение их в газовых камерах как цель войны саму по себе. Когда война была проиграна, Гитлер назвал массовое уничтожение евреев своей победой.

Сталин умел переформулировать утопии. Сам сталинизм был отступлением от импульса к европейской революции, который вдохновил большевиков

в 1917 году к защите Советского Союза после того, как европейская революция не произошла. Когда Красная армия не сумела распространить по Европе коммунизм в 1920 году, Сталин прибег к запасному плану: социализм будет построен в отдельно взятой стране – в Советском Союзе. Когда же его пятилетний план по построению социализма обернулся катастрофой, он взял на себя руководство голодной смертью миллионов человек. Однако он объяснил, что произошедшее было частью политики, и извлек для себя выгоду, став грозным отцом нации и доминантной фигурой в Политбюро. После того, как в 1937–1938 годах он использовал НКВД против «кулаков» и национальных меньшинств, он объяснил, что это было необходимо ради безопасности родины социализма. После отступления Красной армии в 1941 году и, безусловно, после ее победы в 1945 году он воззвал к российскому национализму. Когда началась Холодная война, он обвинил евреев (и, конечно же, не только их) в уязвимости Советского Союза.

Гитлер тоже умел пересматривать утопии. Десятки миллионов жертв, предусмотренных «Планом голода» и «Генеральным планом “Ост”», стали миллионами смертей из-за политики голода и депортаций. Война спровоцировала сдвиг в его мышлении, который касался природы того, что нацисты называли «окончательным решением». Вместо того, чтобы ждать победы в войне, а затем «решать» еврейскую «проблему», Гитлер одобрил политику уничтожения во время самой войны. Уничтожение евреев в Советском Союзе активизировалось в июле 1941 года, через месяц после начала войны, не принесший убедительных результатов, а затем снова активизировалось, когда Москва не пала в декабре 1941 года. Политика уничтожения определенных евреев сначала базировалась на риторике военной необходимости и имела некоторую связь с политическим и экономическим планированием, но ее эскалация после изменения военной ситуации и после того, как те политические и экономические планы были отброшены или отложены, показывает, что уничтожение евреев было для Гитлера самоцелью.

Финальная версия «окончательного решения», в отличие от сталинских импровизаций, не предназначалась для защиты Лидера или его системы. Она была не столько шагом в логическом плане, сколько элементом эстетического видения. Начальные оправдания убийства евреев уступили место постоянно присутствующему антисемитскому заклинанию о вселенском еврейском заговоре, борьба против которого была по определению добродетелью Герма-

нии. Для Сталина политическая борьба всегда имела политическое значение. Его достижение в этом смысле было почти противоположным гитлеровскому: если Гитлер трансформировал республику в революционную колониальную империю, то Сталин перевел поэтику революционного марксизма на язык долговечной будничной политики. Сталинский классовый конфликт всегда мог быть выражен на публике как советская линия; цепь, привязавшая советских граждан и иностранных коммунистов к его персоне, была логической. Для Гитлера борьба сама по себе была добром, а борьба по уничтожению евреев должна была только приветствоваться. Если немцы оказались побеждены, то в этом была только их вина.

Сталин был способен воплощать в жизнь свой выдуманный мир, но при необходимости – и сдерживать себя. Гитлер же с помощью способных соратников, таких как Генрих Гиммлер и Рейнхард Гейдрих, перешел из одного вымышленного мира в другой, забрав с собой немало представителей немецкого народа.

Только полное принятие сходства между нацистской и советской системами позволяет понять отличия между ними. Обе идеологии противостояли либерализму и демократии. В обеих политических системах значение слова «партия» было опрокинуто: вместо одной из нескольких групп, соревнующихся за власть, согласно принятым правилам, партия стала единственной группой, определяющей правила. И нацистская Германия, и Советский Союз были однопартийными государствами. Как в нацистской, так и в советской форме правления партия играла ведущую роль в вопросах идеологии и социальной дисциплины. Ее политическая логика требовала исключения аутсайдеров, а ее экономическая элита полагала, что определенные группы являются лишними или вредными. В обеих администрациях люди, ответственные за экономическое планирование считали, что в сельской местности проживает значительно больше людей, чем необходимо. Сталинская коллективизация убрала лишних крестьян из села и послала их в город или же в ГУЛАГ на работы. Если они умирали с голоду, то это не имело большого значения. Гитлеровская колонизация предполагала смерть от голода и депортации десятков миллионов человек[7].

[7] О непрерывном обсуждении темы моральной экономики земли и уничтожения см.: *Kiernan B.* Blood and Soil: A World History of Genocide and Extermination from Sparta to Darfur. – New Haven: Yale University Press, 2007.

Как советская, так и нацистская политическая экономия полагалась на коллективы, контролирующие социальные группы и изымающие их ресурсы. Колхоз, инструмент сталинской великой трансформации советского села с 1930 года, использовался немецкими оккупационными властями с 1941 года. В оккупированных польских, литовских, латвийских и советских городах немцы добавили новую форму коллектива – гетто. Городские еврейские гетто, которые изначально планировались как точки переселения, стали зонами изымания еврейской собственности и эксплуатации еврейского труда. На номинальную еврейскую власть в гетто, юденрат, обычно можно было полагаться в вопросе сбора «контрибуций» и организации трудовых бригад. Администрация гетто и колхозов состояла из местных людей. И нацистское, и советское государства строили огромные системы концентрационных лагерей. Если бы Гитлер мог, то использовал бы советские лагеря для евреев и других предполагаемых врагов, но Германия так и не завоевала достаточной территории Советского Союза, чтобы это осуществить.

Хотя инструменты местной эксплуатации выглядели одинаковыми (иногда они и в самом деле были одинаковыми), они служили разному видению будущего. В видении национал-социализма неравенство между группами было врожденным и желательным. Неравенство, существующее в мире, например, между более богатой Германий и более бедным Советским Союзом, должно было только усиливаться. Советская система после своего расширения принесла другим советскую версию равенства. Не существовало более драматичного плана, чем этот, а он был достаточно драматичен. Если советская система сталкивалась с номадами, она вынуждала их стать оседлыми; если с крестьянами, то вынуждала их поставлять государству продовольствие. Если она сталкивалась с нациями, то уничтожала высшие слои их общества путем кооптации, депортации либо ликвидации. Если на пути ей встречались уже состоявшиеся общества, то она требовала от них принять советскую систему как самую лучшую в мире. В этом особом смысле она была инклюзивной. Если Германия исключила большинство обитателей собственной империи из рядов равноправных членов государства, то СССР включал практически всех в свою версию равенства.

Сталин не меньше Гитлера говорил о ликвидациях и чистках, однако сталинское обоснование необходимости уничтожения всегда связывалось с защитой советского государства или продвижением социализма. В сталинском

понимании массовые уничтожения не могли быть ничем иным, кроме как успешной защитой социализма или же составляющей истории о прогрессе на пути к социализму; они никогда не были политическими победами сами по себе. Сталинизм был проектом самоколонизации, который расширялся, когда позволяли обстоятельства. Нацистская же колонизация, наоборот, полностью зависела от немедленного и полного завоевания огромной новой Восточной империи, по сравнению с размерами которой довоенная Германия казалась бы лилипутом. Немецкая колонизация считала уничтожение десятков миллионов мирных граждан предварительным условием этого предприятия. На практике же Германия обычно уничтожала людей, которые не были немцами, тогда как СССР обычно уничтожал людей, являющихся советскими гражданами.

Советская система была наиболее смертоносной, когда Советский Союз не воевал. Нацисты же, напротив, до начала войны уничтожили не более нескольких тысяч человек. Во время захватнической войны Германия уничтожила миллионы человек быстрее, чем любая другая страна за всю историю (на тот момент)[8].

На огромном временном расстоянии мы можем выбирать, сравнивать ли нацистскую и советскую системы или не сравнивать. У сотен миллионов европейцев, которых коснулись оба эти режима, не было такой роскоши.

Сравнение между лидерами и системами началось в тот момент, когда Гитлер пришел к власти. С 1933-го по 1945 год сотням миллионов европейцев приходилось взвешивать, что они знают о национал-социализме и сталинизме, принимая решение, которое зачастую предопределяло их судьбу. Так было в начале 1933 года с безработными немецкими рабочими, которым довелось решать, за кого голосовать: за социал-демократов, коммунистов или нацистов. Так же и в то же самое время было и с голодающими украинскими крестьянами – некоторые из них надеялись на немецкое вторжение, которое могло бы спасти их от беды. Так было и с европейскими политиками второй половины 1930-х годов, которым надо было решить, присоединяться к сталинским Народным фронтам или нет. Эту дилемму в те годы остро ощущали в Варшаве, когда польские дипломаты старались сохранить равную дистанцию между своими могущественными соседями – Германией и СССР – в надежде избежать войны.

[8] Гитлеровскую Германию превзошел Китай под предводительством Мао во время голода 1958–1960 годов, из-за которого погибли около тридцати миллионов человек.

Когда Германия и Советский Союз совместно вторглись в Польшу в 1939 году, польским офицерам пришлось решать, кому они сдадутся в плен, а польским евреям (и другим польским гражданам) – бежать ли в другую оккупационную зону. После того, как Германия вторглась в Советский Союз в 1941 году, некоторые советские военнопленные взвешивали риск коллаборации с немцами и перспективу умереть с голоду в лагерях для военнопленных. Беларусской молодежи довелось решать, податься ли в советские партизаны или в немецкую полицию, пока их силой не принуждали пойти либо туда, либо сюда. Евреям Минска в 1942 году пришлось делать выбор: остаться в гетто или бежать в лес к советским партизанам. Командирам польской Армии Крайовой в 1944 году пришлось решать, попытаться ли освободить Варшаву от немцев самим или подождать советскую армию. Большинство выживших в украинском голодоморе 1933 года позже перенесли немецкую оккупацию; большинство выживших в немецких голодных лагерях 1941 года вернулись в сталинский Советский Союз; большинство выживших в Холокосте и оставшихся в Европе также испытали на себе коммунизм.

Эти европейцы, населявшие ключевую часть Европы в решающий момент времени, были обречены сравнивать. У нас, при желании, есть возможность рассматривать две системы в изоляции, но людям, жившим при них, довелось испытать наложение и интерференцию обеих систем. Нацистский и советский режимы иногда бывали союзниками, как при совместной оккупации Польши, а иногда у них как у врагов были похожие цели: например, когда Сталин решил не помогать восставшим в Варшаве в 1944 году и таким образом позволить немцам уничтожить людей, которые позже сопротивлялись бы установлению коммунистического режима. Франсуа Фюре назвал это их «враждующим соучастием». Часто Германия и Советский Союз подстрекали друг друга к эскалациям военных действий, унесшим больше жизней, чем политика каждого из государств забрала бы по отдельности. Партизанская война была главным поводом для каждого из лидеров подбить другого на дальнейшую брутальность. С 1942 года Сталин поощрял партизанские действия в оккупированной Советской Беларуси, зная, что это приведет к массивным карательным акциям против его собственных граждан. Гитлер же приветствовал возможность убивать «любого, кто даже смотрит на нас косо»[9].

[9] Про «враждующее соучастие» см.: *Furet F., Notle E.* Fascism and Communism. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2001. – P. 2. Сравните: *Edele M., Geyer M.* States of Exception // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compares / Ed. by Geyer M., Fizpatrick S. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – P. 348. Цитату Гитлера см.: *Lück M.F.* Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. – P. 228.

Во время Второй мировой войны «кровавые земли» подверглись не одному вторжению, а двум-трем, находились не под одним оккупационным режимом, а под двумя-тремя. Массовое уничтожение евреев началось, когда немцы пересекли земли, которые СССР сам аннексировал только несколько месяцев тому назад, из которых он депортировал десятки тысяч людей всего несколько недель назад и на которых он расстрелял тысячи заключенных всего несколько дней назад. Немецкие айнзацгруппы сумели мобилизовать местную злобу за расстрел узников советским НКВД. Около двадцати тысяч евреев, уничтоженных в ходе этих оркестрированных погромов, были только малой толикой (менее 0,5%) жертв Холокоста. Однако именно наложение друг на друга советской и немецкой власти позволило нацистам пропагандировать собственное описание большевизма как еврейского заговора (где зоны идеологических интересов совпадали).

Другие эпизоды массового уничтожения были результатом этой же аккумуляции нацистского и советского правления. В оккупированной Беларуси одни беларусы убивали других беларусов: одни из них были полицейскими на службе у немцев, другие – советскими партизанами. В оккупированной Украине полицейские бежали от службы у немцев, чтобы присоединиться к отрядам партизан-националистов. Эти люди затем убили десятки тысяч поляков и своих же украинцев во имя национально-освободительной борьбы. Такой тип аккумуляции мог влиять на жизни (и обрывать их) миллионов людей, находившихся за тысячи километров от «кровавых земель». Массы советских граждан бежали с «кровавых земель» на восток, в центральную часть советского государства, которая была слабо оснащена для того, чтобы поддержать их. Уровень смертности в ГУЛАГе во время войны резко увеличился как результат нехватки продовольствия и тыловых проблем, связанных с немецким вторжением. Из-за этого погибло более полумиллиона человек, ставших жертвами войны и жертвами обоих режимов.

И все же воздействие множественной продолжительной оккупации было более выразительным на землях, которые Гитлер уступил Сталину по секретным протоколам пакта о ненападении от 1939 года, затем отобрал у него в первые дни нападения в 1941 году, а затем снова потерял в 1944 году. До Второй мировой войны эти земли были Эстонией, Латвией, Литвой и Восточной Польшей. Хотя в этих государствах существовали авторитарные националистические режимы и популярный национализм находился тогда на подъеме,

количество людей, уничтоженных государством или же в гражданском противостоянии в 1930-е годы, составляло не более нескольких тысяч на все эти страны вместе взятые. Под советской властью в период 1939–1941 годов сотни тысяч людей из этой зоны были депортированы в Казахстан и Сибирь, а десятки тысяч – расстреляны. Регион был сердцем еврейского поселения в Европе, и эти евреи оказались в ловушке, когда немцы вторглись в только что расширенный Советский Союз в 1941 году. Почти все евреи, проживавшие в том регионе, были уничтожены. Именно здесь украинские партизаны занимались этническими чистками поляков в 1943 году, прежде чем советские войска, начиная с 1944 года, стали проводить этнические чистки как среди украинцев, так и среди поляков.

Именно в этой зоне, на восток от линии Молотова-Риббентропа, начался Холокост *и там же* СССР дважды расширял свои границы на запад. На этом особом отрезке территории внутри «кровавых земель» происходило большинство преследований НКВД в 1940-е годы, было уничтожено немцами более четверти всех еврейских жертв, а также проводились массовые этнические чистки. Европа Молотова-Риббентропа была продуктом совместного производства советской власти и нацистов.

Трансформации, воображаемые и Гитлером, и Сталиным, носили экономический характер, а последствия их экономической политики наиболее болезненно ощущались на «кровавых землях». Хотя национал-социалистическая и сталинская идеологии были изначально разными, нацистские и советские плановики занимались определенными базовыми экономическими проблемами, а нацистские и советские лидеры существовали в рамках одной и той же мировой политической экономики, которую желали изменить. Идеология не может функционировать без экономики, а экономика в то время и в том месте была в значительной степени вопросом контроля территории. И армия, и сельское хозяйство все еще полагались на ручной труд людей и труд животных. Капитал тогда был менее мобильным и его было меньше. Продовольствие было природным ресурсом, как и нефть, полезные ископаемые и ценные металлы. Первая мировая война задержала глобализацию, а после Великая депрессия сдерживала развитие свободной торговли.

С точки зрения марксизма, сельские общества не имели права на существование в современном мире. С нацистской точки зрения, славянские крестья-

не (однако не немецкие фермеры) были лишними. Немецкие фермеры освоят плодородные земли собственным п*о*том и чужой кровью. Конечно же, это были идеологические перспективы, но, как и все идеологии, они возникли из определенного понимания экономических интересов и к ним же апеллировали. По мере того, как теория становилась практикой, нацистская колонизация и советская самоколонизация могли функционировать только тогда, когда экономические интересы и идеологические предпосылки, казалось, подчинялись друг другу. Лидерам, плановикам и убийцам нужно было видеть золото, а также чувствовать запах чернил. Политика массового уничтожения как Гитлера, так и Сталина представляла собой три экономических измерения: 1) элемент грандиозных планов политико-экономической трансформации, 2) причины (восходящей и нисходящей) модуляции политики массового уничтожения, 3) мародерство на местах во время массового уничтожения и после него.

Согласно сталинскому грандиозному плану, коллективизация сельского хозяйства должна была трансформировать Советский Союз в индустриальную державу более-менее в рамках его тогдашних границ. Коллективизация породила голод, который Сталин сознательно направил против украинцев. Она также внесла свою лепту в Большой террор, вначале нацеленный на отчуждение крестьян, которые могли бы встать на сторону вторгнувшейся иностранной державы. Грандиозный план Гитлера представлял собой нечто более-менее противоположное: он начался с террора за рубежом, когда Гитлер уничтожал людей, которых считал лидерами Советского Союза, таким образом свергая режим. Затем он эксплуатировал колхозы, чтобы перенаправить запасы продовольствия в Германию. В долгосрочной перспективе он создал бы огромную фронтирную империю, управляемую Германией, очищенную от евреев и скудно населенную славянами, живущими на правах рабов. Гитлер всегда хотел избавить Европу от евреев. Однако он бы никогда не правил и не уничтожил миллионы евреев Польши, Советского Союза и стран Балтии, если бы с помощью военной силы не добивался воплощения в жизнь этого представления о восточных колониях.

Когда Гитлеру и Сталину пришлось решать, кто должен терпеть последствия нехваток (запланированных и незапланированных), они также продемонстрировали идеологические приоритеты. Для Сталина прибыль от экспорта зерна в 1933 году была важнее жизни миллионов крестьян. Он решил, что крестьяне будут гибнуть, а заодно решил, каких именно крестьян погибнет

больше всего, – тех, которые населяли Советскую Украину. Зерно, которое могло бы сохранить им жизнь, прямо у них на глазах отправляли вагонами на юг, в порты Черного моря. Вермахт, оказалось, удерживал огромное количество советских военнопленных осенью 1941 года. Большинство из них умрут от голода и сопутствующих болезней. Однако даже в дулагах и шталагах, где обычные убийства были правилом, существовали определенные приоритеты: евреев расстреливали сразу же, русских и беларусов преимущественно оставляли умирать голодной смертью, а этнических немцев (а затем украинцев) скорее всего нанимали на работу.

Определенное количество адаптаций к обстоятельствам заметно даже в немецкой политике по отношению к евреям. Уничтожение евреев Европы всегда было намерением Гитлера, но это уничтожение стало частью явной политики, начиная с конца 1941 года. Тем не менее, даже политика полного уничтожения могла быть адаптирована под экономические требования момента. Зимой 1941 года, например, евреи Минска выживали, потому что шили зимние шинели и сапоги для окруженного Вермахта. Совершенно очевидно, что это не было жестом гуманности: Гитлер послал свою армию на войну без зимнего обмундирования и необходимость спасти солдат от холодной смерти временно перевесила приказ убивать евреев. Большинство из этих еврейских работников были позже убиты. Летом 1942 года продовольственное снабжение казалось более важным, чем поставка рабочей силы, что стало аргументом в пользу ускорения политики уничтожения газом евреев оккупированной Польши. Начиная с 1943 года, наличие рабочих рук казалось более важным, чем продовольствие, и некоторых из еще остающихся евреев оставили в живых подольше и замучили работой до смерти вместо того, чтобы расстреливать или травить газом.

Массовое уничтожение делало возможным грабежи имущества и продвижение вверх по социальной лестнице. Это ставило людей в позицию обязанности перед режимом, а иногда – перед его идеологией. Депортация более зажиточных крестьян в Советском Союзе в 1930 году позволяла разграбить их имущество, так же как и депортация польской элиты десять лет спустя. Большой террор позволил молодым партийным кадрам сделать карьеру после того, как их начальники были расстреляны или депортированы. Холокост позволил неевреям занять квартиры и дома евреев. Конечно же, сами режимы тоже крали. Очень часто бывало так, что у поляков и других восточных европейцев, которые забирали себе имущество евреев, их собственное имущество

отбирали немцы. Польские офицеры в Катыни должны были сдать наручные часы и обручальные кольца перед расстрелом. Немецкие дети носили носки еврейских детей, расстрелянных в Минске, немецкие мужчины – часы еврейских мужчин, расстрелянных в Бабьем Яру, а немки – меховые шубы евреек, расстрелянных в концлагере «Малый Тростянец».

Цветан Тодоров сказал: «…учитывая цели, которые они перед собой поставили, выбор Сталина и Гитлера был, увы, рациональным». Это не всегда было правдой, но часто все же являлось ею. Рациональность в том смысле, который он имеет в виду (а это узкий смысл, используемый в экономике) касается только того, выбирает ли кто-то правильные средства для достижения конечного результата. Это не имеет ничего общего с самим конечным результатом, с тем, чего хотели лидеры. О политических целях надо судить отдельно по какому-то этическому критерию. Обсуждения рациональности и иррациональности не могут заменить обсуждений того, что такое хорошо и что такое плохо. Внимание нацистского (и советского) руководства к экономике не является моральным извинением преступлений обоих режимов. Оно, пожалуй, демонстрирует общее безразличие к индивидуальной человеческой жизни, которое так же ужасно, как любой другой аспект их правления. Модуляция и разграбление имущества, если на то пошло, являются даже большими причинами для морального осуждения. Экономические соображения не заменяют идеологии кровожадного расизма. Они скорее подтверждают и наглядно иллюстрируют его силу[10].

При колонизации идеология взаимодействует с экономикой; при администрации она взаимодействует с оппортунизмом и страхом. Как в нацистском, так и в советском случаях периоды массового уничтожения были также периодами ревностного (или, по крайней мере, единообразного) административного управления. Нечто напоминающее сопротивление внутри бюрократического аппарата происходило в начале эры массового уничтожения в Советской Украине среди активистов украинской Компартии, которые пытались докладывать о голоде. Их быстро заставили замолчать, угрожая исключением из партии, арестом или депортацией. Некоторые из тех, кто посмел усомниться, позже стали ярыми исполнителями кампании по голодомору. Во время Большого

---

[10] *Todorov T.* Mémoire du mal, Tentacion du Bien: Enquête sur le siècle. – Paris: Reober Laffont, 2000. – P. 90.

террора 1937–1938 годов и первой волны уничтожения евреев в 1941 году сигналы сверху приводили к расстрелам на местах, а часто еще и к просьбам увеличить квоты. В это же самое время проводились чистки и внутри самого НКВД. В 1941 году на западе Советского Союза офицеры СС, как и офицеры НКВД несколькими годами ранее, соревновались между собой за то, кто убьет больше людей и таким образом продемонстрирует свою компетентность и верность. Человеческие жизни превратились в момент удовольствия подчиненного, рапортующего своему начальнику.

Конечно же, СС и НКВД представляли из себя определенного сорта элиту, специально отобранную и идеологически подготовленную. Когда бывали задействованы другие кадры (полицейские, солдаты, местные коллаборанты), иногда нужно было нечто большее, чем простой сигнал сверху. И Гитлер, и Сталин преуспели в постановке перед организациями моральных дилемм, в решении которых массовое уничтожение казалось меньшим злом. Члены украинской Компартии колебались в 1932 году, реквизировать ли зерно, но осознали, что от выполнения плана зависят их собственные карьера и жизнь. Не все офицеры Вермахта были склонны морить голодом жителей советских городов, но когда они полагали, что выбор стоит между советским гражданским населением и их собственными людьми, они принимали решение, казавшееся самоочевидным. Среди населения риторика войны (а точнее, упреждающей самозащиты) была убедительной или, по крайней мере, достаточно убедительной, чтобы упредить сопротивление[11].

В течение десятилетий после окончания европейской эры массового уничтожения большая доля ответственности возлагалась на «коллаборантов». Классическим примером коллаборации были советские граждане, служившие у немцев полицейскими или охранниками во время Второй мировой войны, в чьи обязанности входило уничтожение евреев. Почти никто из этих людей не был коллаборантом по идеологическим соображениям, и только у незначительного меньшинства были для этого какие-то видимые политические мотивы. Точнее, некоторые коллаборанты сотрудничали с оккупационным режимом, потому что разделяли его политические взгляды, например, литовские националисты, которые бежали от советской оккупации и которых немцы привезли с собой в Литву в 1941 году. В Восточной Европе сложно найти

---

[11] По-прежнему остается актуальной статья: *Milgram S.* Behavior Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1963. – № 67 (2). – Pp. 371–378.

примеры политической коллаборации с немцами, которая не была бы связана с предыдущим опытом советского правления. Но даже там, где политика или идеи все же имели значение, идеологическое совпадение было невозможно. Немцы не могли считать тех, кто немцем не являлся, равными себе, и ни один уважающий себя националист, который не был немцем, не принимал нацистского утверждения о немецком расовом превосходстве. Часто существовал перехлест идеологии и интересов между нацистами и местными националистами в деле разрушения Советского Союза и (что бывало реже) уничтожения евреев. Значительно больше коллаборантов просто говорили правильные вещи или ничего не говорили, а выполняли то, что им скажут.

У местных полицаев на службе у немцев в оккупированной Советской Украине или Беларуси было мало власти или вовсе ее не было внутри самих режимов. Не были они и на самом дне иерархии: евреи были ниже их, конечно, как и те люди, которые не были полицаями. Однако их позиция была достаточно низкой и их поведение требует меньше (а не больше) объяснений, чем поведение эсэсовцев, членов партии, солдат и полицейских. Этот тип местной коллаборации точно так же предсказуем (возможно, даже более предсказуем), как повиновение властям. Для немцев, отказывавшихся расстреливать евреев, серьезных последствий не бывало. Местные же, которые решили не идти в полицаи, либо те, кто выбирал для себя уход из полиции, наоборот, шли на риск, который был неведом немцам: голод, депортации и подневольный труд. Советский военнопленный, принявший немецкое предложение о коллаборации, мог избежать голодной смерти. Советский крестьянин, работающий полицаем, знал, что сможет остаться дома, собрать урожай и что его семья не будет голодать. Это был отрицательный оппортунизм – надежда избежать для себя гораздо худшей доли. Еврейские полицейские в гетто – это пример крайнего варианта негативного оппортунизма, даже если в конечном счете сделанный ими выбор не спас никого, в том числе их самих.

Дать определение категории «коллаборанта» внутри советской системы сложнее. В отличие от немцев, советский режим уничтожил значительно больше мирного населения в мирное время, чем за время войны, и обычно не оккупировал территорию долгое время без того, чтобы аннексировать ее в состав Советского Союза или же дать ей формальную независимость. Вместе с тем, внутри Советского Союза определенная политика преподносилась в качестве кампании или борьбы. В этой атмосфере, например, активистов

украинской Коммунистической партии заставляли морить голодом собственных сограждан. Независимо от того, называть ли реквизирование продовольствия у голодающих «коллаборантством» или нет, – это был яркий пример того, как режим добивался сотрудничества в деле политики, в ходе которой сосед убивал соседа. Смерть от голода – ужасная, жестокая и долгая, а партийным активистам и местному начальству доводилось наблюдать смерти людей, которых они знали, и быть причиной этих смертей. Арендт считала голод вследствие коллективизации инаугурацией моральной изоляции, когда люди оказывались беспомощными перед могуществом современного государства. Как догадывался Лешек Колаковски, это была только половина правды. Вовлеченность практически каждого в голодомор (в качестве тех, кто отбирал продовольствие, или тех, кто его потом поглощал), создала «новый вид морального единства»[12].

Если бы люди служили режиму только исходя из собственных предыдущих идеологических предпочтений, коллаборации было бы мало. Большинство нацистских коллаборантов на «кровавых землях» получили образование в Советском Союзе. На восток от линии Молотова-Риббентропа, где национальная независимость поддалась сначала советскому и только затем – немецкому правлению, некоторые люди сотрудничали с немцами, потому что до этого уже сотрудничали с советским режимом. Когда советская оккупация сменилась немецкой, тот, кто был советским милиционером, стал полицаем на службе у немцев. Местные жители, которые сотрудничали с советским режимом в 1939–1941 годах, знали, что могут очиститься в глазах нацистов, если будут уничтожать евреев. Некоторые украинские националисты-партизаны ранее служили и немцам, и советской власти. В Беларуси часто простой случай определял, кто из молодежи уйдет в советские партизаны, а кто станет немецким полицаем. Бывшие советские солдаты, которым внушили идеи коммунизма, работали в немецких лагерях смерти. Исполнители Холокоста, которым внушили идеи расизма, шли в советские партизаны.

Идеологии искушают и тех, кто их отвергает. Идеология, лишенная своих политических или экономических связей по прошествии времени или из-за отсутствия горячей поддержки, становится морализаторствующей формой

---

[12] *Kołakowski L.* Main Currents of Marxism, Vol. 3: The Breakdown. – Oxford: Oxford University Press, 1978. – P. 43.

объяснения массового уничтожения, которая комфортно отделяет объясняющих от убийц. Удобно считать преступником того, кто является носителем неправильной идеи и именно поэтому отличается от других. Весьма утешительно было бы игнорировать важность экономики и осложнения политики – факторы, которые могли на самом деле быть общими для исторических преступников и для тех, кто позже наблюдал со стороны за их действиями. Значительно привлекательнее, по крайней мере, сегодня на Западе, идентифицировать себя с жертвами, чем понять исторический контекст, в котором они находились вместе с преступниками и сторонними наблюдателями на «кровавых землях». Идентифицирование себя с жертвами подтверждает радикальное размежевание с преступниками. Охранник в Треблинке, запускавший мотор, или офицер НКВД, нажимавший на курок, – это не я, это он убивал таких, как я. Однако не ясно, умножает ли познания эта идентификация себя с жертвами и является ли этот вид отстранения себя от убийц этической установкой. Отнюдь не очевидно, что редуцирование истории до театральных пьес «моралите» делает хоть кого-нибудь более моральным.

К сожалению, принятие статуса жертвы само по себе не обеспечивает верного этического выбора. И Сталин, и Гитлер в течение своей политической карьеры утверждали, что являются жертвами. Они убедили миллионы других людей, что те тоже жертвы – жертвы международного капитализма или еврейского заговора. Во время вторжения Германии в Польшу немецкий солдат считал, что гримаса смерти на лице поляка подтверждает иррациональную ненависть поляков к немцам. Во время голода украинский коммунист находил на своем крыльце трупы умерших от голода. И тот, и другой считали себя жертвами. Ни большая война, ни акт массового уничтожения в XX веке не начинались без того, чтобы агрессор или преступник сначала не объявил бы себя невинной жертвой. В XXI веке мы видим вторую волну агрессивных войн с объявлением себя жертвой, в которых лидеры не только выставляют свои народы жертвами, но и открыто ссылаются на массовые уничтожения XX столетия. Человеческая способность к субъективной виктимизации, по-видимому, безгранична, и люди, верящие в то, что они являются жертвами, могут совершать акты крайней жестокости. Австрийский полицейский, расстреливавший младенцев в Могилеве, рисовал в своем воображении картины того, что сделали бы с его детьми советские солдаты.

Жертвами были люди; чтобы действительно идентифицировать себя с ними, нужно осмыслить их жизнь, а не их смерть. Жертвы по определению мертвы и не могут защитить себя от того, что другие используют их смерть в своих целях. Легко освящать политику или идентичность смертями жертв. Менее привлекательно (но, с моральной точки зрения, крайне необходимо) понять действия преступников. Моральная опасность, в конце концов, состоит не в том, что кто-то мог стать жертвой, а в том, что этот кто-то мог быть преступником или сторонним наблюдателем. Так и тянет сказать, что нацистский убийца находится за чертой понимания. Выдающиеся политики и интеллектуалы (например, Эдвард Бенеш и Илья Эренбург) поддались этому искушению во время войны. Чехословацкий президент и советско-еврейский писатель оправдывали отмщение немцам как таковое. Люди, называвшие других недочеловеками, сами были недочеловеками. Однако отказывать человеческому существу в праве на человеческую сущность означает считать этику невозможной[13].

Поддаться этому искушению, считать других нелюдями – значит, сделать шаг по направлению к нацистской позиции, а не прочь от нее. Считать, что других людей невозможно понять, – значит, отказаться от поиска понимания, а следовательно, отказаться от истории.

Отмахнуться от нацистского или советского режимов как от находящихся за пределами человеческого или исторического понимания, – значит попасться в их моральную ловушку. Более безопасный путь – понять, что их мотивы массового уничтожения, какими бы омерзительными они ни были, имели для них смысл. Генрих Гиммлер говорил, что хорошо было видеть сотню, пять сотен или тысячу трупов, лежащих рядышком. Он имел в виду, что убить другого человека – это пожертвовать чистотой своей души и что такая жертва ставит убийцу на более высокий моральный уровень. Это выражение преданности особого сорта. Это был пример (хотя и экстремальный) одной из нацистских ценностей, которая не совсем чужда нам: жертва одного человека во имя людей. Герман Геринг говорил, что его совесть зовут Адольф Гитлер. Для немцев, принявших Гитлера в качестве своего Лидера, вера была очень важна. Вряд ли можно было выбрать худший объект для веры, но их способность верить нельзя отрицать.

[13] О международной позиции сторонних наблюдателей см.: *Power S.* «A Problem from Hell»: America and the Age of Genocide. – New York: Basic Books, 2002.

Ганди подметил, что зло зависит от добра в том смысле, что те, кто собрался вместе для совершения злодеяний, должны быть преданы друг другу и верить в свое дело. Преданность и вера не делали немцев хорошими, но они делают их людьми. Как и всем остальным, им было доступно этическое мышление, даже если их собственное мышление было чудовищно ложным[14].

Сталинизм тоже был моральной и политической системой, в которой невиновность и виновность были как психологической, так и юридической категориями, а моральное мышление было широко распространено. Молодой активист украинской Компартии, отбиравший продовольствие у голодающих, был убежден, что помогает приблизить триумф социализма: «Я верил, потому что хотел верить». Он был восприимчив к морали, хоть и ошибочной. Маргарите Бубер-Нюман, которая была в ГУЛАГе, в Караганде, одна из узниц сказала: «Нельзя сделать яичницу, не разбив яиц». Многие сталинисты и их сторонники объясняли, что человеческие жертвы во время голода и Большого террора необходимы для построения справедливого и защищенного Советского государства. Казалось, чем большим был размах смерти, тем привлекательнее становилась такая надежда.

Однако романтическое оправдание массового уничтожения (состоящее в том, что настоящее зло, если его правильно объяснить, – это будущее добро) является попросту неправильным. Возможно, гораздо лучше было бы вообще ничего не делать. А может быть, с помощью более мягкой политики можно было бы достичь желаемых результатов. Вера в то, что должна быть связь между огромными страданиями и огромным прогрессом, – это своего рода алхимический мазохизм, когда наличие боли – признак некоего имманентного или только зарождающегося добра. Развивать далее это рассуждение – алхимический садизм: если я причинил боль, то сделал я это потому, что имел известную мне высшую цель. Поскольку Сталин представлял Политбюро, представлявшее Центральный комитет, который представлял партию, представлявшую рабочий класс, который представлял историю, у него было особое право говорить от имени исторической необходимости. Такой статус позволял ему избавить себя от всяческой ответственности и перекладывать вину за собственный провал на других[15].

---

[14] *Fest J.C.* Das Gesicht des Dritten Reiches. – Munich: Piper, 2006. – Pp. 108, 162.

[15] Как заметил Гарольд Джеймс, теории жестокой модернизации вообще приносят плохие результаты в экономическом смысле (см.: *James H.* Europe Reborn: A History, 1914–2000. – Harlow: Pearson, 2003. – P. 26). Цит.: *Buber-Neumann M.* Under Two Dictators: Prisoner of Hitler and Stalin. – London: Pimlico, 2008 [1949]. – P. 35.

Невозможно отрицать, что массовый голодомор приносит политическую стабильность особого сорта. Вопрос должен стоять так: желателен ли этот тип мира, должен ли он быть желательным? Массовое уничтожение действительно объединяет преступников с теми, кто дает им приказы. Является ли это правильным типом политической лояльности? Террор консолидирует определенный тип режима. Предпочтителен ли такой тип режима? Уничтожение гражданского населения находится в интересах определенного типа лидеров. Вопрос не в том, является ли все это исторической правдой; вопрос в том, что является желательным. Хороши ли эти лидеры и эти режимы? Если нет, тогда вопрос звучит так: как можно подобную политику предотвратить?

В нашей современной культуре поминовения считается само собой разумеющимся, что память предотвращает смерть. Если люди погибали в таких огромных количествах, то очень хочется думать, что они, по крайней мере, погибли за что-то трансцендентно важное, что можно открыть, развить и сберечь при правильном типе политической памяти, – тогда трансцендентное станет национальным. Миллионы жертв должны были погибнуть, чтобы Советский Союз мог победить в Великой Отечественной войне или Америка – в войне, которую считала справедливой. Европа должна была усвоить свой пацифистский урок, у Польши должна была быть своя легенда о свободе, у Украины должны были быть свои герои, Беларусь должна была доказать свою доблесть, евреи должны были выполнить свое сионистское предназначение. Однако у всех этих позднейших рационализаций (хотя они и передают важные истины о национальной политике и национальной психологии) мало общего с памятью как таковой. О мертвых помнят, но мертвые не помнят. У кого-то другого была власть, и этот кто-то решил, как им умирать. Позже еще кто-то решит, почему они умерли. Если значимость извлекается из гибели, то есть риск, что чем больше будет погибших, тем большей будет значимость.

Здесь, где-то между записью о смерти и ее постоянной реинтерпретацией, пожалуй, и находится цель истории. Только история массового уничтожения может соединить цифры и воспоминания. Без истории воспоминания становятся частными (сегодня это означает национальными), а цифры – публичными, то есть инструментом в международном соревновании за мученичество. Память – моя, и у меня есть право делать с ней все, что пожелаю; цифры – объективны, и вы должны принять мои подсчеты независимо от того, нра-

вятся они вам или нет. Такое рассуждение позволяет националисту гладить себя одной рукой, а другой – бить соседа. После окончания Второй мировой войны, а затем и после кончины коммунизма националисты на всех «кровавых землях» (а также за их пределами) предались количественному преувеличению мученичества, таким образом отстаивая свою презумпцию невиновности.

В XXI веке руководство России ассоциирует свою страну с более или менее официальными цифрами советских потерь во Второй мировой войне: десять миллионов военных жертв и от четырнадцати до семнадцати миллионов жертв среди гражданского населения. Эти цифры являются в высшей мере спорными. В отличие от большинства цифр, представленных в этой книге, они базируются не на подсчете, а на демографических проекциях. Впрочем, независимо от того, верны они или нет, они составляют *советские* потери, а не российские. Какими бы ни были реальные советские цифры потерь, *российские* должны быть намного меньше. Высокие советские показатели включают Украину, Беларусь и страны Балтии. Особенно важны земли, которые Советский Союз оккупировал в 1939 году: Восточная Польша, Балтийские государства и северо-восточная Румыния. Там люди гибли в устрашающих количествах, и многие из них погибли не от немецких, а от советских захватчиков. Самые важные из всех высоких показателей потерь составляют евреи: не евреи России, которых погибло только около шестидесяти тысяч, а евреи Советской Украины и Беларуси (почти миллион человек) и те, чью родину оккупировал Советский Союз до того, как их уничтожили немцы (еще 1,6 миллиона человек).

Немцы намеренно уничтожили около 3,2 миллиона человек гражданского населения и военнопленных из Советской России: это меньше *в абсолютных цифрах*, чем в Советской Украине или в Польше, которые являются намного меньшими по размеру странами, в каждой из которых население составляет приблизительно пятую часть от населения России. Более высокие показатели потерь среди гражданского населения России, которые иногда указываются, позволили бы (если бы были верными) интерпретировать их двумя вероятными способами. Первый состоит в том, что советских солдат погибло больше, чем значится в советской статистике, и люди, указанные как гражданское население, были на самом деле солдатами. Или же эти люди (представленные как военные потери) не были убиты непосредственно немцами, но умерли от голода, депривации и *советских* репрессий во время войны. Вторая версия не

исключает возможности, что во время войны на землях, контролируемых Сталиным, преждевременно умерло больше россиян, чем на землях, контролируемых Гитлером. Это очень даже может быть правдой, хотя вина за многие эти смерти – совместная[16].

Взять, к примеру, ГУЛАГ. Большинство советских концлагерей были расположены в Советской России, на значительном удалении он зоны немецкой оккупации. Когда Германия вторглась в Советский Союз в июне 1941 года, в ГУЛАГе находились около четырех миллионов советских граждан. Советские власти во время войны приговорили к лагерям более двух с половиной миллионов своих соотечественников. НКВД работал повсюду, куда не дошли немцы, в том числе и в осажденном и голодном Ленинграде. С 1941-го по 1943 год было зарегистрировано около 516 841 смертей среди узников ГУЛАГа, и эта цифра могла быть выше. Этих сотен тысяч дополнительных смертей, наверное, не было бы, если бы немцы не вторглись в Советский Союз, но погибшие люди не были бы так уязвимы, если бы не находились на тот момент в ГУЛАГе. Людей, погибших в советских концлагерях, нельзя просто считать жертвами Германии, даже если война Гитлера и ускорила их гибель[17].

Другие люди, такие, как население Советской Украины, страдали под Сталиным и Гитлером больше, чем жители Советской России. В довоенном Советском Союзе у россиян было значительно меньше шансов пострадать

---

[16] Самым значительным немецким преступлением в Советской России был намеренно устроенный голод в Ленинграде, в результате которого погибло около миллиона человек. Немцы уничтожили сравнительно небольшое количество евреев в Советской России, примерно 60 тысяч человек. Они также уничтожили в дулагах и шталагах по крайней мере миллион военнопленных из Советской России. В советской и российской статистике этих людей обычно засчитывали как военные потери; поскольку я считаю их жертвами намеренно убийственной политики, я *увеличиваю* цифру 1,8 миллиона, поданную в книге Филимошина (см.: *Филимошин М.В.* Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны / Под ред. Евдокимова Р.Б. – С.-Петербург: РАН, 1995. – С. 124). Я полагаю, что российский подсчет жертв Ленинграда слишком занижен, примерно на 400 тысяч человек, поэтому я прибавил их. Если Борис Соколов прав и советские военные потери были значительно выше традиционно указываемых цифр, тогда большинство этих людей были солдатами. Если правы Эллман и Максудов и советские военные потери были в действительности ниже, тогда большинство этих людей были гражданскими и часто гражданскими не при немецкой оккупации (см.: *Sokolov B.* How to Calculate Human Losses During the Second World War // Journal of Slavic Military Studies. – 2009. – № 22 (3). – Pp. 451–457; *Ellman M., Maksudov S.* Soviet Deaths in the Great Patriotic War: A Note // Europe-Asia Studies. – 1994. – № 46 (4). – Pp. 674–680.

[17] О смерти 516 841 узника см.: *Земсков В.Н.* Смертность заключенных в 1941–1945 гг. // Людские потери СССР в период Второй мировой войны / Под ред. Евдокимова Р.Б. – С.-Петербург: РАН, 1995. – С. 176. О четырех миллионах советских граждан в ГУЛАГе (включая спецпоселения) см.: *Khlevniuk O.* The History of the Gulag. – P. 307.

от сталинского Большого террора (хотя многих из них он и затронул), чем у представителей небольших национальных меньшинств, и значительно меньше шансов, что им будет угрожать голод (хотя многим он угрожал), чем у украинцев или казахов. В Советской Украине все население было под немецкой оккупацией большую часть войны и смертность была значительно выше, чем в России. Земли сегодняшней Украины находились в центре как сталинской, так и нацистской убийственной политики во время эры массового уничтожения. Около трех с половиной миллионов человек стали жертвами сталинской убийственной политики с 1933-го по 1938 год, а затем еще три с половиной миллиона человек – жертвами немецкой убийственной политики в 1941–1944 годах. Еще примерно три миллиона жителей Украины погибли в сражениях или в результате непрямых последствий войны.

При всем этом независимое украинское государство иногда демонстрирует политику преувеличения. В Украине, которая была одним из основных мест и сталинского Голодомора 1932–1933 годов, и Холокоста 1941–1944 годов, число украинцев, погибших во время Голодомора, преувеличивалось с тем, чтобы превысить количество евреев, уничтоженных во время Холокоста. С 2005 по 2009 год украинские историки, связанные с госучреждениями, повторяли цифру десять миллионов погибших от Голодомора без какой-либо попытки ее аргументировать. В начале 2010 года официальный дискретный подсчет смертей от Голодомора показал 3,94 миллиона человек. Эта похвальная (и необычная) корректировка в сторону уменьшения привела официальную позицию ближе к правде. (В расколотой стране новый президент отрицал специфичность украинского Голодомора)[18].

Беларусь была центром советско-нацистской конфронтации, и ни одна другая страна столько не претерпела за время немецкой оккупации. Ее военные потери были выше, чем в Украине. Беларусь пострадала от социального обезглавливания даже больше, чем Польша: сначала НКВД уничтожил в 1937–1938 годах интеллигенцию как шпионов, затем советские партизаны в 1942–1943 годах уничтожили школьных учителей как немецких коллаборантов. Столица, город Минск, обезлюдела из-за немецких бомбежек, бегства беженцев и голодающих, а также из-за Холокоста; затем, после войны, город был отстроен как в высшей степени советский метрополис. Однако даже Бе-

[18] Брандон и Лоуэр насчитали 5,5–7 миллионов жертв Украины в войне (*Brandon R., Lower W.* Introduction // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – P. 11).

ларусь следует общей тенденции. 20% довоенного населения беларусских территорий было уничтожено во время Второй мировой войны, но молодежь учат (и, кажется, она этому верит), что погиб не каждый пятый, а каждый третий. Правительство, принимающее советское наследие, отрицает смертоносность сталинизма, возлагая всю вину на немцев или же вообще на Запад[19].

Пример Германии показывает, что преувеличивание – это не только постсоветский или посткоммунистический феномен. Вообще-то, немецкий подсчет жертв Холокоста является исключительным и образцовым. Проблема состоит не в этом. Поминовение Германией массового уничтожения евреев немцами – единичный пример однозначной политической, интеллектуальной и педагогической ответственности за массовое уничтожение и главный источник надежды на то, что этому же примеру последуют и другие страны. Немецкие журналисты и некоторые историки, однако, преувеличили количество немцев, погибших во время войны и послевоенной эвакуации, бегства или депортации после окончания Второй мировой войны: все еще без каких-либо аргументов приводят цифру миллион или даже два миллиона погибших.

Еще в 1974 году в рапорте архивов ФРГ указывалось, что число погибших немцев, бежавших или депортированных из Польши, составляло примерно четыреста тысяч человек; эту цифру замалчивали, так как она была слишком низкой, чтобы служить политической цели документирования жертвенности. В этом рапорте также указывалось примерное количество погибших немцев из Чехословакии – двести тысяч человек. Согласно совместному рапорту чешских и немецких историков, эта вторая цифра преувеличена примерно в десять раз. Таким образом, цифру четыреста тысяч немцев, погибших при выезде из Польши (она указана в Разделе 10), можно, пожалуй, считать максимальной, а не минимальной.

Судьба немцев, которые бежали или были эвакуированы во время войны, была схожа с судьбой огромного количества советских и польских граждан, которые бежали или были эвакуированы во время немецкого наступления и немецкого же отступления. Опыт немцев, депортированных в конце войны, сопоставим с опытом огромного количества советских и польских граждан, которых депортировали во время войны и после нее. Опыт бежавших, эвакуированных и депортированных немцев, однако, нельзя сравнить с опытом

[19] Вступление к культуре см.: *Goujon A.* Memorial Narratives of WWII Partisans and Genocide in Belarus // East European Politics and Societies. – 2010. – № 24 (1). – Pp. 6–25.

десяти миллионов польских, советских, литовских и латвийских граждан (как евреев, так и неевреев), подвергшихся намеренной немецкой политике массового уничтожения. Этнические чистки и массовое уничтожение, хотя и связанные между собой различными способами, – это не то же самое. Несмотря на все ужасы, которые довелось пережить бежавшим или депортированным немцам, это не были ужасы убийственной политики в смысле планированного голодомора, террора и Холокоста[20].

За пределами Польши мера польского страдания недооценена. Даже польские историки редко вспоминают советских поляков, которых морили голодом в Советском Казахстане и Советской Украине в начале 1930-х годов, или советских поляков, расстрелянных во время сталинского Большого террора в конце 1930-х годов. Никто не пишет, что советские поляки страдали больше, чем представители любого другого европейского национального меньшинства в 1930-х годах. Редко вспоминают тот поразительный факт, что советский НКВД произвел больше арестов в оккупированной Восточной Польше в 1940 году, чем на остальной территории СССР. Во время бомбардировок Варшавы в 1939 году погибло примерно столько же поляков, сколько немцев во время бомбардировок Дрездена в 1945 году. Для поляков те бомбардировки были лишь началом одной из самых кровавых оккупаций войны, во время которой немцы уничтожили миллионы польских граждан. Только за время Варшавского восстания погибло больше поляков, чем японцев во время атомных взрывов в Хиросиме и Нагасаки. У поляка-*нееврея* в Варшаве, который был жив в 1933 году, были приблизительно такие же шансы дожить до 1945 года, как и у еврея в Германии, который был жив на момент 1933 года. Поляков-*неевреев* было уничтожено во время войны почти столько же, сколько было отравлено газом европейских евреев в Аушвице. Фактически, больше поляков-*неевреев* погибло в Аушвице, чем евреев в любой из европейских стран, за исключением двух (Венгрии и самой Польши).

Польский литературный критик Мария Янион сказала о вступлении Польши в Европейский Союз: «...в Европу, да, но вместе с нашими мертвыми». Важно знать как можно больше об этих мертвых, в том числе и о том, сколько их было. Невзирая на свои огромные потери, Польша тоже являет собой пример политики непомерно высокой жертвенности. Поляков учат, что шесть миллионов по-

[20] Цифры, представленные здесь и в других местах «Заключения», обсуждались в предыдущих разделах книги.

ляков и евреев были уничтожены во время войны. Эту цифру, кажется, вывел в декабре 1946 года ведущий сталинист Якуб Берман для внутриполитических целей создания видимого баланса погибших поляков и евреев. Примерное число, которое он «исправил», 4,8 миллиона человек, видимо, ближе к истине. Это все равно колоссальная цифра. Польша потеряла, наверное, около миллиона человек нееврейского гражданского населения из-за немцев и около ста тысяч человек – из-за советского режима. Возможно, еще миллион поляков погибли в результате жестокого обращения и как военные жертвы. Эти цифры чрезвычайно высоки. Судьба поляков-неевреев была невообразимо трудной в сравнении с судьбой людей, находившихся под немецкой оккупацией в Западной Европе. Даже при этом у еврея в Польше было в пятнадцать раз больше шансов быть намеренно убитым во время войны, чем у поляка-нееврея[21].

Четырнадцать миллионов человек были намеренно уничтожены двумя режимами за двенадцать лет. Мы едва начали понимать этот факт, не говоря уже о том, чтобы полностью изучить его. Повторяя преувеличенные цифры, европейцы запускают в свои культуры миллионы призраков людей, которых никогда не существовало. К сожалению, подобные фантомы обладают властью. То, что начинается как соревновательная мартирология, может закончиться мартирологическим империализмом. Войны в Югославии в 1990-х начались частично потому, что сербы верили, будто их во Второй мировой войне погибло значительно больше, чем на самом деле. Когда историю удаляют, цифры ползут вверх, а воспоминания уходят вовнутрь, подвергая всех нас опасности.

Могут ли мертвые кому-то принадлежать? Из более чем четырех миллионов польских граждан, уничтоженных немцами, приблизительно три миллиона были евреями. Все эти три миллиона евреев засчитаны как польские граждане, которыми они и являлись. У многих из них была сильная идентификация с Польшей; некоторые люди, погибшие как евреи, даже не считали себя таковыми. Более миллиона этих евреев были также засчитаны как советские граждане, потому что они жили на той половине Польши, которую СССР аннексировал в начале войны. Большинство из этого миллиона жили на землях, которые теперь принадлежат независимой Украине.

---

[21] *Janion M.* Do Europy: tak, ale razem z naszymy umarłymi. – Warszawa: Sic!, 2000. О Бермане см.: *Gniazdowski M.* «Ustalić liczbę zabitych na 6 milionów ludzi»: dyrektywy Jakuba Bermana dla Biura Odszkodzowań Wojennych przy Prezydium Rady Minisrów // Polski Przegląd Diplomatyczny. – 2008. – № 1 (41). – Pp. 99–113.

Чьей истории принадлежит еврейская девочка, нацарапавшая на стене ковельской синагоги прощальную записку для своей мамы, – польской, советской, израильской или украинской? Она писала по-польски; другие же евреи в той синагоге в тот день писали на идиш. А как быть с еврейской мамой Дины Проничевой, призывавшей свою дочь на русском языке бежать из Бабьего Яра, который находится в Киеве, столице теперешней независимой Украины? Большинство евреев Ковеля и Киева (как и большей части Восточной Европы) не были ни сионистами, ни поляками, ни украинцами, ни коммунистами. Можно ли говорить, что они погибли за Израиль, Польшу, Украину или Советский Союз? Они были евреями, они были польскими или советскими гражданами, их соседи были украинцами, поляками или русскими. Они до определенной меры принадлежали истории четырех стран, поскольку истории этих четырех стран действительно отличаются друг от друга.

Жертвы оставляли после себя скорбящих по ним людей. Убийцы после себя оставляли цифры. Попасть после смерти в большое число – значит раствориться в потоке анонимности. Быть посмертно вписанным в соревнующиеся национальные воспоминания, подкрепленные цифрами, частью которых стала твоя жизнь, – это значит принести в жертву индивидуальность. Это значит быть покинутым историей, которая начинается с предположения о том, что каждый человек незаменим. При всей своей сложности, история – это то, что есть у нас всех, чем мы все можем поделиться. Поэтому даже когда у нас есть правильные цифры, мы должны проявлять осторожность. Одной лишь правильной цифры еще не достаточно.

Каждая запись о гибели предполагает (хотя и не может возместить) уникальную жизнь. Мы должны уметь не только подсчитывать количество погибших в цифрах, но и подсчитать каждую жертву как личность. Одна из очень больших цифр, поддающихся тщательному исследованию, – это Холокост, в ходе которого погибли 5,7 миллиона евреев, из которых 5,4 миллиона были уничтожены немцами. Однако эту цифру, как и все остальные, надо рассматривать не как 5,7 миллиона (потому что это абстракция, которую только немногие из нас могут постичь), а 5,7 миллиона, *помноженные на один*. Это не какой-то усредненный образ еврея, передающийся через какую-то абстрактную идею смерти 5,7 миллиона раз. Это бесчисленные индивидуумы, которых, тем не менее, нужно посчитать в расцвете их жизни: Добцю Каган, девочку в ковельской синагоге и всех других, находив-

шихся рядом с ней, и всех индивидуальных человеческих существ, которые были уничтожены как евреи в Ковеле, Украине, на Востоке и в Европе.

Культуры памяти оперируют округленными цифрами, округленными до десятков, но помнить мертвых легче, когда цифры не округлены, когда последнее число – не ноль. Таким образом, говоря о Холокосте, возможно, легче думать о 780 863 разных людях в Треблинке, где конечная цифра «три» могла быть Тамарой и Иттой Вилленберг, чьи одежды прильнули друг к другу после того, как их отравили газом, а также Руфью Дорфман, которая плакала вместе с мужчиной, подстригавшем ее волосы, прежде чем она вошла в газовую камеру. Или, может быть, легче представить одного человека в конце цифры 33 761 еврея, расстрелянного в Бабьем Яру, скажем, маму Дины Проничевой, хотя в действительности каждый отдельный еврей, расстрелянный там, мог им быть, должен быть этой единицей, является тем самым одним человеком.

В истории массового уничтожения на «кровавых землях» воспоминания должны включать миллион (помноженный на одного) ленинградцев, заморенных голодом во время осады города, 3,1 миллиона (помноженных на одного) отдельных советских военнопленных, уничтоженных немцами в 1941–1944 годах, или 3,3 миллиона (помноженных на одного) украинских крестьян, которых советский режим заморил голодом в 1932–1933 годах. Эти цифры никогда с точностью не будут установлены, но они тоже вмещают в себя индивидуумов: это крестьянские семьи, делавшие страшный выбор, заключенные, согревающие друг друга в землянках, дети, такие как Таня Савичева, на чьих глазах гибли их семьи в Ленинграде.

У каждого из 681 692 человек, расстрелянных во время Большого террора в 1937–1938 годах, была своя отдельная жизненная история: цифра «два» в конце могла быть Марией Юревич или Станиславом Выгановским – мужем и женой, воссоединившимися «под землей». Каждый из 21 892 польских военнопленных, расстрелянных НКВД в 1940 году, находился в расцвете жизни. «Два» в конце может означать Добеслава Якубовича – отца, мечтавшего увидеть дочь, и Адама Сольского – мужа, написавшего о своем обручальном кольце в день, когда пуля прошла сквозь его голову.

Нацистский и советский режимы превращали людей в цифры, причем некоторые из них мы можем подсчитать только приблизительно, а некоторые реконструировать с достаточной точностью. Мы, ученые, должны искать эти

цифры и объяснять их в более широком контексте. Мы, гуманисты, должны снова превратить цифры в людей. Если мы не можем этого сделать, тогда Гитлер и Сталин сформировали не только наш мир, но и нашу человечность.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВЫ
(с сокращениями, использованными в сносках)

АВПРФ	Архив внешей политики Российской Федерации (Москва)
ДАР	Державний архів Рівненської області
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ЦДАВО	Центральний Державний архів вищих органів влади та управління (Київ)
AAN	Archiwum Akt Nowych (Warszawa)
AMP	Archiwum Muzeum Polskiego (London)
AW	Archiwum Wschodnie, Ośrodek Karta (Warszawa)
BA-MA	Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg, Germany)
CAW	Centralne Archiwum Wojskowe (Rembertów, Polska)
FVA	Fortunoff Video Archive for Holocaust Testimonies (Yale University, New Haven, Connecticut)
HI	Hoover Institution Archive (Stanford University, California)
IfZ(M)	Institute für Zeitgeschichte (Munich)
IPN	Instytut Pamięci Narodowej (Warszawa)
SPP	Studium Polski Podziemnej (London)
USHMM	United States Memorial Museum (Washington, D.C.)
ŻIH	Żydowski Instytut Historyczny (Warszawa)

ЛИТЕРАТУРА

Білас І. Репресивно-каральна система в Україні, 1917–1953. – Київ: Либідь, 1994.

Варшавское восстание 1944/Powstanie Warszawskie 1944 / Ed. by Mierecki P., Christoforow W. et al. – Москва–Warshawa: IHRAN-IPN, 2007.

Васильєв В. Ціна голодного хліба. Політика керівництва СРСР і УРСР в 1932–1933 рр. // Командири великого голоду: Поїздки В. Молотова і Л. Кагановича в Україну та на Північний Кавказ 1932–1933 рр. / За ред. Васильєва В. та Шаповала Ю. – Київ: Генеза, 2001. – С. 12–81.

Вашлин А.Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. – Москва: Росспэн, 2004.

Вирок остаточний: винні! // Дзеркало тижня. – 15–22.01.2010. – С. 1.

Гогун А. Сталинские коммандос: Украинские партизанские формирования, 1941–1944. – Москва: Центрполиграф, 2008.

Голод 1932–1933 років на Україні: Очима істориків, мовою документів / За ред. Рудих Ф.М., Кураса І.Ф., Панчука М.І., Пирога П.Я., Солдатенка В.Ф. – Київ: Видавництво політичної літератури України, 1990.

Голод в СССР, 1930–1934 гг. – Москва: Федеральное архивное агентство, 2009.

Горлов С. Совершенно секретно, Москва–Берлин, 1920–1933: Военно-политические отношения между СССР и Германией. – Москва: РАН, 1999.

Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах / Под ред. Криевошеева Г. – Москва: Воениздат, 1993.

Гроссман В.С. Жизнь и судьба. – Москва: Эксмо, 2011.

Гроссман В.С. Все течет... : повести, рассказы, очерки. – Москва: Эксмо, 2010.

Гурьянов А. Е. Обзор советских репрессивных кампаний против поляков и польских граждан // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Под ред. Липатова А.В., Шайтанова И.О. – Москва: Индрик, 2000. – С. 199–207.

Гурьянов А. Е. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. Гурьянова А.Е. – Москва: Звенья, 1997.

Депортації / За ред. Сливки І. – Львів: Національна Академія наук України, 1996.

Дугас И.А., Черон Ф.Я. Вычеркнутые из памяти: Советские военнопленные между Гитлером и Сталиным. – Париж: YMCA Press, 1994.

Дугас И.А., Черон Ф.Я. Советские военнопленные в немецких концлагерях (1941–1945). – Москва: Авуар консалтинг, 2003.

Єфименко Г. Національна політика Кремля в Україні після Голодомору 1932–33 рр. // Harvard Ukrainian Studies.

Земсков В.Н. Смертность заключенных в 1941–1945 гг. // Людские потери СССР в период Второй мировой войны / Под ред. Евдокимова Р.Б. – С.-Петербург: РАН, 1995. – С. 174–177.

Земсков. В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. – Москва: Наука, 2003.

Золоторьов В. Начальницький склад НКВС УРСР у середині 30-х рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 2001. – №2. – С. 326–331.

Иванушкина П. Она написала блокаду // Аргументы и факты. - 01.05.1997.

Ільюшин І.І. ОУН-УПА і українське питання в роки Другої світової війни в світлі польських документів. – Київ: НАН України, 2000.

Канвеер сьмерци / Пад ред. Кузьняцоўа И. – Минск: Наша Нива, 1997.

Колективізація і голод на Україні 1929–1933 / За ред. Кульчицького С.В. – Київ: Наукова Думка, 1993.

Костырченко Г.В. Государственный антисемитизм в СССР от начала до кульминации 1938–1953. – Москва: Материк, 2005.

Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. – Москва: Международные отношения, 2001.

Круглов А.И. Энциклопедия Холокоста. – Киев: Еврейский совет Украины, 2000.

Кульчицький С.В. Трагічна статистика голоду // Голод 1932–1933 років на Україні: Очима істориків, мовою документів / За ред. Рудих Ф.М., Кураса І.Ф., Панчука М.І., Пирога П.Я., Солдатенко В.Ф. – Київ: Видавництво політичної літератури України, 1990. – С. 66–85.

Ленинградский мартиролог 1937–1938. – С.-Петербург: Российская национальная библиотека, 1996. – Т. 4.

Леонов С.В. Рождение Советской империи: Государство и идеологоия, 1917–1922 гг. – Москва: Диалог МГУ, 1997.

Максудов С. Расчеловечивание // Harvard Ukrainian Studies (forthcoming).

Марочко В., Мовчан О. Голодомор в Україні 1932–1933 років: Хроніка. – Київ: Києво-Могилянська Академія, 2008.

Материалы «Особой папки»: Политбюро Ц.К. РКП(б)-ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. / Под ред. Костюшко И.И. – Москва: РАН, 1997.

Наумов Л. Борьба в руководстве НКВД в 1936–1938 гг. – Москва: Модерн-А, 2006.

Наумов Л. Сталин и НКВД. – Москва: Яуза, 2007.

Никольський В.М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні. – Донецьк: Видавництво Донецького Національного університету, 2003.

Операція «Сейм» 1944–1946 / Operacja «Sejm» 1944–1946. – Warszawa–Київ: IPN, 2007.

Папуга Я. Західна Україна і голодомор 1932–1933 років. – Львів: Астролябія, 2008.

Петров Н.В., Рогинский А.Б. Польская операция НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. Гурьянова А.Е. – Москва: Звенья, 1997. – С. 22–43.

Петров Н., Скоркин К.В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. – Москва: Звенья, 1999.

Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами / Под ред. Кена О.Н., Рупасова А.И. – С.-Петербург: Европейский Дом, 2001.

Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии 1941–1944 / Под ред. Белуги З.И. – Минск: Беларусь, 1965.

Протько Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси: 1917–1941 гг. – Минск: Тесей, 2002.

Рубльов О., Репрінцев В. Репресії проти поляків в Україні у 30-ті роки // З архівів В.У.Ч.К, Г.П.У., Н.К.В.Д., К.Г.Б. – 1995. – № 1 (2). – С. 119–146.

«Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Сахарова А.Н. и др. – Москва: РАН, 2002. – Т. 6.

«Совершенно секретно»: Лубянка-Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / Под ред. Севостьянова Г.Н. и др. – Москва: РАН, 2001. – Т. 4.

Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 / Под ред. Волокитиной Т.В. и др. – Москва: Сибирский хронограф, 1997.

Соколов А.К. Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период мировой войны / Под ред. Евдокимова Р.Б. – С.-Петербург: РАН, 1995. – С. 18–24.

Справа «Спілки Визволення України» / За ред Пристайка Володимира, Шаповала Юрія. – Київ: Інтел, 1995.

Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание / Под ред. Данилова В. И др. – Москва: Росспен, 1999–2000. – Т. 1–2.

Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание / Под ред. Зеленина И. и др. – Москва: Роспен, 2001. – Т. 3.

33-й: Голод: Народна книга-меморіал / Під ред. Коваленко Л., Маняка В. – Київ: Радянський письменник, 1991.

Филимошин М.В. Об итогах исчисления потерь среди мирного населения на оккупированной территории СССР и РСФСР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период Второй мировой войны / Под ред. Евдокимова Р.Б. – С.-Петербург: РАН, 1995. – С. 123–132.

Хаустов В. Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР (1934–1941 гг.). – Дис. на соиск... д. истор. н. : Академия Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации, 1997.

Чирко Б. Нацмен? Значить ворог. Проблеми національних меншин в документах партійних і радянських органів України в 20–30-х роках // З архівів В.У.Ч.К., Г.П.У., Н.К.В.Д., К.Г.Б. – 1995. – № 2. – Т. 1. – С. 90–115.

ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: Особи, факти, документи / За ред. Шаповала Ю., Пристайка В., Золотарьова В. – Київ: Абрис, 1997.

Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. Всеволод Балицький // ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: Особи, факти, документи. – Київ: Абрис, 1997.

Шаповал Ю. Голодомор і його зв'язок із репресіями в Україні у 1932–1934 роках // Harvard Ukrainian Studies.

Шаповал Ю. III конференція КП(б)У: пролог трагедії голоду // Командири великого голоду / За ред. Васильєва В., Шаповала Ю. – Київ: Генеза, 2001. – С. 152–165.

Шаповал Ю. Людина і система: Штрихи до портрету тоталітарної доби в Україні. – Київ: Національна Академія наук України, 1994.

Шумук Д. Пережите і передумане. – Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 1998.

Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. – Москва: Новый Хронограф, 2008.

Abramov V. The Murderers of Katyn. – New York: Hippocrene Books, 1993.

Ablažej N. Die ROVS-Operation in der Westsibirischen Region // Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938 / Ed. by Binner R., Bonwetsch B., Junge M. – Berlin: Akademie Verlag, 2010. – Pp. 287–308.

Abrams B. The Second World War and the East European Revolution // East European Politics and Societies. – 2003. – № 16 (3). – Pp. 623–664.

Abramson H. A Prayer for the Government: Ukrainians and Jews in Revolutionary Times. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1997.

Adini Y. Dubno: sefer zikaron. – Tel Aviv: Irgun yots’e Dubno be-Yisra’el, 1966.

Ahonen P., Corni G., Kochanowski J., Schulze R., Stark T., Stelzl-Marx B. People on the Move: Forced Population Movements in the Second World War and Its Aftermath. – Oxford: Berg, 2008.

Ahonen P. After the Expulsion: West Germany and Eastern Europe, 1945–1990. – Oxford: Oxford University Press, 2003.

Aly G., Heim S. Architects of Annihilation: Auschwitz and the Logic of Destruction. – Princeton: Princeton University Press, 2002.

Anderson T. Incident at Baranivka: German Reprisals and the Soviet Partisan Movement in Ukraine, October-December 1941 // Journal of Modern History. – 1999. – № 71 (3). – Pp. 585–623.

Andrew C., Gordievsky O. KGB: The Inside Story of Foreign Operations from Lenin to Gorbachev. – London: Hodder & Stoughton, 1990.

Angrick A., Klein P. The «Final Solution» in Riga: Exploitation and Annihilation, 1941–1994. – New York: Berghahn Books, 2009.

Angrick A. Besatzungspolitik und Massenmord: Die Einsatzgruppe D in der südlichen Sowjetunion 1941–1943. – Hamburg: Hamburger Edition, 2003.

Anonyma. Eine Frau in Berlin: Tagebuchaufzeichnungen vom. 20. April bis 22. Juni 1945. – Munich: btb Verlag, 2006.

Applebaum A. Gulag: A History. – New York: Doubleday, 2003.

Arad Y. Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. – Bloomington: Indiana University Press, 1987.

Arad Y. The Holocaust in the Soviet Union. – Lincoln: University of Nebraska Press; Jerusalem: Yad Vashem, 2009.

Archiwum Ringelbuma. Tom 2: Dzieci – tajne nauczanie w getsie warszawskim / Ed. by Sakowska R. – Warszawa: ŻIH, 2000.

Arendt H. Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. – London: Faber and Faber, 1963.

Arendt H. In der Gegenwart. – Munich: Piper, 2000.

Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – New York: Harcourt Brace, 1951.

Arens M. The Jewish Military Organization (ŻZW) in the Warsaw Ghetto // Holocaust and Genocide Studies. – 2005. – № 19 (2). – Pp. 201–225.

Armstrong J. Ukrainian Nationalism. – New York: Columbia University Press, 1963.

Arnold K.J. Die Eroberung und Behandlung der Stadt Kiew durch die Wehrmacht im September 1941: Zur Radikalisierung der Besatzungspolitik // Militärgeschichtliche Mitteilungen. – 1999. – № 58 (1). – Pp. 23–64.

Autuchiewicz J. Stan i perspectywa nad deportacjami Polaków w głąb ZSRS oraz związane z nimi problemy terminologiczne // Exodus: Deportacje i migracje (wątek wschodni) / Ed. by Zwolski M. – Warszawa: IPN, 2008. – Pp. 13–30.

B. T. Waldemar Schön – Organizator Getta Warszawskiego // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1964. – № 49. – Pp. 85–90.

Baberowski J., Doering-Manteuffel A. The Quest for Order and the Pursuit of Terror // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared / [Ed. by Geyer M., Fitzpatrick S.]. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Pp. 180–227.

Baberowski J. Der Feind ist überall: Stalinismus im Kaukasus. – Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003.

Baberowski J. Der rote Terror: Die Geschichte des Stalinismus. – Munich: Deutsche Verlags-Anstalt, 2003.

Bacon G.C. The Politics of Tradition: Agudat Yisrael in Poland, 1916–1939. – Jerusalem: Magnes Press, 1996.

Ball A. Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. – Berkley: University of California Press, 1987.

Banac I. With Stalin Against Tito: Cominformist Splits in Yugoslav Communism. – Ithaca: Cornell University Press, 1988.

Bartoszewski W., Lewinówna Z. Ten jest z ojczyzny mojej: Polacy z pomocą Żydom 1939–1945. – Warszawa: Świat Książki, 2007.

Bartoszewski W. Warszawski pierścień śmierci. – Warszawa: Świat Książki, 2008.

Bartov O. Eastern Europe as the Site of Genocide // Journal of Modern History. – 2008. – № 80. – Pp. 557–593.

Bartov O. Hitler's Army: Soldiers, Nazis, and War in the Third Reich. – New York: Oxford University Press, 1991.

Bartov O. The Eastern Front 1941–1945: German Troops and the Barbarisation of Warfare. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001.

Bauer P. Generał Józef Dowbor-Muśnicki 1867–1937. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1988.

Bauer Y. Rethinking the Holocaust. – New Haven: Yale University Press, 2001.

Bayerlein B.H. Abschied von einem Mythos: Die UdSSR, die Komintern, und der Antifaschismus 1930–1941 // Osteuropa. – 2009. – № 59 (7/8). – Pp. 125–148.

Beauvois D. La Bataille de la terre en Ukraine, 1863–1914: Les polonais et les conflits socio-ethniques. – Lille: Presses Universitaires de Lille, 1993.

Beevor. The Battle for Spain: The Spanish Civil War 1936 – 1939. – London: Penguin, 2006.

Beinecke W. Die Ostgebiete der Zweiten Polnischen Republik. – Köln: Böhlau Verlag, 1999.

Bender S. The Jews of Białystok During the Second World War, 1939–1943: Ph.D. Dissertation. – Hebrew University, 1994.

Berenstein T. Praca przymusowa Żydów w Warszawie w czasie okupacji hitlerowskiej // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1963 – № 45–46. – Pp. 43–93.

Berkhoff K.C. Dina Pronicheva's Story of Surviving the Babi Yar Massacre: German, Jewish, Soviet, Russian, and Ukrainian Records // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 291–317.

Berkhoff K.C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine Under Nazi Rule. – Cambridge: Harvard University Press, 2004.

Berkhoff K.C. The Great Famine in Light of the German Invasion and Occupation // Harvard Ukrainian Studies. – 2008. – № 30 (1/4). – Pp. 165–181.

Berlin I. Personal Impressions. – Princeton: Princeton University Press, 2001.

Berling Z. Wspomnienia: Z łagrów do Andersa. – Warszawa: PDW, 1990.

Beyrau D. Schlachtfeld der Diktatoren: Osteuropa im Schatten Von Hitler und Stalin. - Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000.

Białoszewski M. Pamiętnik z Powstania Warszawskiego. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczny, 1970.

Biess F. Vom Opfer zum Überlebenden des Totalitarismus: Westdeutsche Reaktionen auf die Rückkehr der Kriegsgefangenen aus der Sowjetunion, 1945–1953 // Kriegsgefangenschaft im Zweiten Welkrieg: Eine vergleichende Perspektive / Ed. by Bischof G., Overmans R. – Ternitz-Pottschach: Gerhard Höller, 1999. – Pp. 365–389.

Bikont A. My z Jedwabnego. – Warsaw: Prószyński i S-ka, 2004.

Binner R., Junge M. «S etoj publikoj ceremonit'sja ne sleduet»: Die Zielgruppen des Befehls Nr. 00447 und der Große Terror aus der Sicht des Befehls Nr. 00447 // Cahiers du Monde russe. – 2002. – № 43 (1). – Pp. 181–228.

Binner R., Junge M. Wie der Terror «Gross» wurde: Massenmord und Lagerhaft nach Befehl 00447 // Cahiers du Monde russe. – 2001. – № 42 (2-3/4). – Pp. 557–614.

Birn R.B. Two Kinds of Reality? Case Studies on Anti-Partisan Warfare During the Eastern Campaing // From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941 / Ed. by Wegner B. – Providence: Berghahn Books, 1997. – Pp. 277–324.

Black P. Handlanger der Endlösung: Die Trawniki Männer und die Aktion Reinhard 1941–1943 // Aktion Renhardt, Der Völkermord an den Juden im Generalgouvernement 1941–1944 / Ed. by Musial B. – Osnabrück: Fibre, 2004. – Pp. 309–352.

Black P. Prosty żołnierz «akcji Reinhard». Oddziały z Trawnik i eksterminacja polskich Żydów // Akcja Reinhardt: Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie / [Ed. by Libionka D.]. – Warszawa: IPN, 2004. – Pp. 103–131.

Blackbourn D. The Long Nineteenth Century: A History of Germany, 1780–1918. – New York: Oxford University Press, 1986.

Böhler J. «Größte Härte»: Verbrechen der Wehrmacht in Polen September/Oktober 1939. – Osnabrück: Deutschs Historisches Institut, 2005.

Böhler J. Der Überfall: Deutschlands Krieg gegen Polen. – Frankfurt am Main: Eichborn, 2009.

Borodziej W. The Warsaw Uprising of 1944 / Transl. by Harshav B. – Madison: University of Wisconsin Press, 2001.

Borzęcki J. The Soviet-Polish Peace of 1921 and the Creation of Interwar Europe. – New Haven: Yale University Press, 2008.

Bracher K.D. Zeit der Ideologien: Eine Geschichte politischen Denkens im 20. Jahrhundert. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1984.

Braithwaite R. Moscow 1941: A City and Its People at War. – New York: Knopf, 2006.

Brakel A. Das allergefährlichste ist die Wut der Bauern': Die Versorgung der Partisanen und ihr Verhältnis zur Zivilbevölkerung. Eine Fallstudie zum Gebiet Baranowicze 1941–1944 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2007. – № 4. – Pp. 393–424.

Brakel A. Unter Rotem Stern und Hakenkruz: Baranowicze 1939 bis 1944. – Paderborn: Schöningh, 2009.

Brandenberger D. National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. – Cambridge: Harvard University Press, 2002.

Brandenberger D. Stalin's Last Crime? Recent Scholarship on Postwar Soviet Antisemitism and the Doctors' Plot // Kritika. – 2005. – № 6 (1). – Pp. 187–204.

Brandes D. Der Weg zur Vertreibung: Pläne und Entscheidungen zum «Transfer» aus der Tschechoslowakei und aus Polen. – Munich: Oldenbourg, 2005.

Brandon R., Lower W. Introduction // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 1–12.

Brandon R. The First Wave. – Unpublished manuscript, 2009.

Brandon R. The Holocaust in 1942. – Unpublished manuscript, 2009.

Brent J., Naumov V. Stalin's Last Crime: The Plot Against the Jewish Doctors 1948–1953. – New York: HarperCollins, 2003.

Brown A. The Rise and Fall of Communism. – New York: HarperCollins, 2009.

Brown K. A Biography of No Place. – Cambridge: Harvard University Press, 2004.

Browning C.R. The Nazi Decision to Commit Mass Murder: Three Interpretations. The Euphoria of Victory and the Final Solution: Summer–Fall 1941 // German Studies Review. – 1994. – № 17 (3). – Pp. 473–481.

Browning C.R. The Origins of the Final Solution: The Evolution of Nazi Jewish Policy, September 1939 – March 1942. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2004.

Bruski J.J. Hołodomor 1932–1933: Wielki głód na Ukrainie w dokumentach polskiej dyplomacji i wywiady. – Warszawa: PISM, 2008.

Buber-Neumann M. Under Two Dictators: Prisoner of Hitler and Stalin. – London: Pimlico, 2008 [1949].

Budzyńska C. Strzępy rodzinnej sagi. – Warsaw: Żydowski Instytut Historyczny, 1997.

Bullock A. Hitler and Stalin: Parallel Lives. – London: HarperCollins, 1991.

Burds J. Agentura: Soviet Informants Networks and the Ukrainian Underground in Galicia // East European Politics and Societies. – 1997. – № 11 (1). – Pp. 89–130.

Burleigh M. Germany Turns Eastwards: A Study of Ostforschung in the Third Reich. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Burleigh M. The Third Reich: A New History. – New York: Hill and Wang, 2000.

Burrin P. Fascisme, nazisme, autoritarisme. – Paris: Seuil, 2000.

Cameron S. The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934: Ph.D. Dissertation. – Yale University, 2010.

Case H. Between States: The Transnistrian Question an the European Idea During World War II. – Stanford: Stanford University Press, 2009.

Case W. Enemies Within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934–1939. – New Haven: Yale University Press, 2001.

Cesarini D. Eichmann: His Life and Crimes. – London: William Heinemann, 2004.

Chiari B. Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941–1944. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1998.

Cholawsky S. The Judenrat in Minsk // Pattern of Jewish Leadership in Nazi Europe / Ed. by Gutman Y., Haft C.J. – Jerusalem: Yad Vashem, 1979. – Pp. 113–132.

Ciechanowski J.M. Powstanie Warszawskie. – Warsaw: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1989.

Colley M.S. Gareth Jones: A Manchukuo Incident. – Newark: self-published, 2001.

Colley M.S. More Than a Grain of Truth: The Biography of Gareth Richard Vaughan Jones. – Newark: self-published, 2006.

Conquest R. The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. – New York: Oxford University Press, 1986.

Cotula L., Vermeulen S., Rbeca L., Keeley J. Land Grab or Development Opportunity? Agricultural investment and international land deals in Africa. – London: IIED/FAO/IFAD, 2009.

Courtois S., Werth N., Panné J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L. Le livre noir du communisme: Crimes, terruer, repression. – Paris: Robert Laffont, 1997.

Curp D.T. A Clean Sweep? The Politics of Ethnic Cleansing in Western Poland, 1945–1960. – Rochester: University of Rochester Press, 2006.

Cüppers M. Wegbereiter der Shoah. Die Waffen-SS, der Kommandostab Reichsführer-SS und die Judenvernichtung 1939–1945. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2005.

Czapski J. Wspomnienia starobielskie. – Nakład Oddziału Kultury i Prasy II Korpusu, 1945.

Czapski J. Na nieludzkiej ziemi. – Paris: Editions Spotkania, 1984.

Czech M. Wielki Glód // Gazeta Wyborcza. – 22–23.03.2003. – P. 22.

Czech-German Joint Commission of Historians. A Conflictual Community, Catastrophe, Detente / Tranl. by Tusková. – Prague: Ústav Mezinarodnuích Vztahů, 1996.

Dallin A. The Kaminsky Brigade: 1941–1944. – Cambridge: Russian Research Centre, 1956.

Dalrymple D.G. The Soviet Famine of 1932–1934 // Soviet Studies. – 1964. – № 15 (3). – Pp. 250–284.

Dalrymple D.G. The Soviet Famine of 1932–1934: Some Further References // Soviet Studies. – 1965. – № 16 (4). – Pp. 471–474.

Datner S. 55 Dni Wehrmachtu w Polsce. – Warsaw: MON, 1967.

Datner S. Zbrodnie Wehrmachtu na jeńcach wojennych w II Wojniej Światowej. – Warszawa: MON, 1964.

Davies R.W., Tauger M.B., Wheatcroft S.G. Stalin, Grain Stocks and the Famine of 1932–33 // Soviet Studies. – 1995. – № 54 (3). – Pp. 642–657.

Davies R.W., Wheatcroft S.G. The Years of Hunger: Soviet Agriculture, 1931–1933. – London: Palgrave, 2004.

Davis N. Rising ’44: «The Battle for Warsaw». – London: Macmillan, 2003.

Davis N. The Misunderstood Victory in Europe // New York Review of Books. – 1995. – № 42 (9) (May 25).

Dean M. Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Belorussia and Ukraine. – London: Macmillan, 2000.

Dean M. Jewish Property Seized in the Occupied Soviet Union in 1941 and 1942: The Records of the Reichhauptkasse Beutestelle // Holocause and Genocide Studies. – 2000. – № 14 (1). – Pp. 83–101.

Dean M. Robbing the Jews: The Confiscation of Jewish Property in the Holocaust, 1933 – 1945. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Dębski S. Między Berlinem a Moskwą. Stosunki niemiecko-sowieckie 1939–1941. – Warsaw: PISM, 2003.

Deletant D. Transnistria and the Romanian Solution to the «Jewish Problem» // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 156–189.

Deportacje obywateli polskich z Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w 1940/Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. – Warszawa: IPN, 2003.

Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42 / Ed. by Witte P., Wildt M., Voigt M., Pohl D., Klein P., Gerlach C., Dieckmann C., Angrick A. – Hamburg: Hans Christians Verlag, 1999.

Der Nister. The Family Mashber / Tranl. by Wolf L. – New York: NYRB, 2008.

Der ukrainische Hunger-Holocaust / Ed. by Zlepko D. – Sonnenbühl: Helmut Wild, 1988.

Die Halfsaktion für die Hungernden in Rußland // Reichsport. – 12.10.1933. – P. 1.

Diamond J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed. – New York: Penguin, 2005.

Die Judenausrottung in Polen. Die Vernichtungslager. – Geneva, 1944.

Die Weltgefahr des Bolschewismus. Rede des Reichskanzlers Adolf Hitler im Berliner Sportpalast // Deutschösterreichische Tageszeitung. – 03.03.1933. – P. 2.

Dimitrov and Stalin: Letters from the Soviet Archives / Ed. by Dallin A., Firsov F.I. – New Haven: Yale University Press, 2000.

Długoborski W. Żydzi z ziem polskich wcielonych do Rzeszy w KL Auschwitz-Birkenau // Zagłada Żydów na polskich terenach wcielonych do Rzeszy / Ed. by Namysło A. – Warszawa: IPN, 2008. – Pp. 127–149.

Dronin N.M., Bellinger E.G. Climate Dependence and Food Problems in Russia 1900–1990. – Budapest: Central European Press, 2005.

Drozdowski M.M. The History of the Warsaw Ghetto in the Light of the Reports of Ludwig Fischer // Polin. – 1988. – №3. – Pp. 189–199.

Dunin-Wąsowicz K. Akcja AB w Warszawie // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GRBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 19–27.

Duranty W. Russians Hungry, but not Starving // New York Times. – 31.03.1933. – P. 13.

Dwork D., Pelt R.J. van. Auschwitz. – New York: Norton, 1996.

Dziak J. Chekisty: A History of the KGB. – Lexington: Lexington Books, 1988.

Edele M., Geyer M. States of Exception // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compares / Ed. by Geyer M., Fizpatrick S. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Pp. 345–395.

Edelman R. Proletarian Peasants: The Revolution of 1905 in Russia's Southwest. – Ithaca: Cornell University Press, 1987.

Ehrenburg I., Grossman V. The Black Book: The Ruthless Murder of Jews by German-Fascist Invaders Throughout the Temporarily-Occupied Regions of the Soviet Union and in the Death Camps of Poland During the War of 1941–1945. – New York: Holocaust Publications, 1981.

Eiber L. Gewalt in KZ Dachau. Vom Angang eines Terrorsystems // Das Jahr 1933: Die nationalsozialistische Machteroberung und die deutsche Gsellschaft / Ed. by Wirsching A. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2009. – Pp. 169–184.

Eichholtz D. Krieg um Öl: Ein Erdölimperium als deutsches Kriegsziel (1938–1943). – Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006.

Einsatz im««Reichskommissariat Ostland»: Dokumente zum Völkermord im Baltikum und in Weißrußland 1941–1944 / Ed. by Benz W., Kwiet K., Matthäus J. – Berlin: Metropol, 1998.

Eisenstadt S.N. Die Vielfalt der Moderne. – Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2000.

Eisler J. 1968: Jews, Antisemitism, Emigration // Polin. – 2008. – № 21. – Pp. 37–62.

Ellman M., Maksudov S. Soviet Deaths in the Great Patriotic War: A Note // Europe-Asia Studies. – 1994. – № 46 (4). – Pp. 671–680.

Ellman M. A Note on the Number of 1933 Famine Victims // Soviet Studies. – 1991. – № 43 (2). – Pp. 375 – 379.

Ellman M. The Role of Leadership Perceptions and of Intent in the Soviet Famine of 1931–1934 // Europe-Asia Studies. – 2005. – № 57 (6). – Pp. 823–841.

Engelking B., Leociak J. Getto warszawskie: Przewodnik po nieistniejącym mieście. – Warszawa: OFiS PAN, 2003.

Engelking B., Leociak J. The Warsaw Ghetto: A Guide to the Perished City. – New Haven: Yale University Press, 2009.

Engelking Barbara, Libionka Dariusz. Żydzi w powstańczej Warszawie. – Warszawa: Polish Centre for Holocaust Research, 2009.

Engerman D. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. – Cambridge: Harvard University Press, 2003.

Epstein B. The Minsk Ghetto: Jewish Resistance and Soviet Internationalism. – Berkeley: University of California Press, 2008.

Evans R.J. The Coming of the Third Reich. – New York: Penguin, 2003.

Evans R.J. The Third Reich at War. – New York: Penguin, 2009.

Evans R.J. The Third Reich in Power. – London: Penguin, 2005.

«Existiert das Ghetto noch?» Weißrussland: Jüdisches Überleben gegen nationalsozialistische Herrschaft / [Ed. by Projektgruppe Belarus]. – Berlin: Assoziation A, 2003.

Falk B. Sowjetische Städte in der Hungersnot 1932/33. – Cologne: Böhlau Verlag, 2005.

Famine in Ukraine 1932–1933: Genocide by Other Means / Ed. by Hunczak T., Serbyn R. – New York: Shevchenko Scientific Society, 2007.

Ferguson N. The War of the World: History's Age of Hatred. – London: Allan Lane, 2006.

Fest J.C. Das Gesicht des Dritten Reiches. – Munich: Piper, 2006.

Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891–1924. – London: Penguin, 1998.

Fijałkowska B. Borejsza i Różański: Przyczynek do historii stalinizmu w Polsce. – Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1995.

Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. – Cambridge: Cambridge University Press, 1979.

Foreign News: Karakhan Out? // Time. – 11.09.1933.

Förster J. The German Army and the Ideological War against the Soviet Union // The Policies of Genocide: Jews and Soviet Prisoners of War in Nazi Germany / Ed. by Hirschfeld G. – London: Allen & Unwin, 1986. – Pp. 15–29.

France: Herriot a Mother // Time. – 31.10.1932.

Frank M. Expelling the Germans: British Opinion and Post-1945 Population Transfers in Context. – Oxford: Oxford University Press, 2007.

Friedlander H. The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1995.

Friedländer S. The Years of Extermination: Nazi Germany and the Jews, 1939–1945. – New York: HarperCollins, 2007.

Furet F., Notle E. Fascism and Communism. – Lincoln: University of Nebraska Press, 2001.

Furet F. Le passé d'une illusion: Essai sur l'idée communiste au XXe siècle. – Paris: Rober Laffont, 1995.

Gaddis J.L. The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. – Oxford: Oxford University Press, 1987.

Gaddis J.L. The United States and the Coming of the Cold War. – New York: Columbia University Press, 1972.

Gantt W.H. Russian Medicine. – New York: Paul B. Hoeber, 1937.

Gelb M. An Early Soviet Ethnic Deportation: The Far-Eastern Koreans // Russian Review. – 1995. – № 54 (3). – Pp. 389–412.

Gellately R. Lenin, Stalin, and Hitler: The Age of Social Catastrophe. – New York: Knopf, 2007.

Gerard J.G. The Bones of Berdichev: The Life and Fate of Vassily Grossman. – New York: Free Press, 1996.

Gerlach C., Werth N. State Violence – Violence Societies // Beyond Totalitarianism: Stalinism and Nazism Compared / Ed. by Geter M., Fitzpatrick S. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – Pp. 133–179.

Gerlach C. Failure of Plans for an SS Extermination Camp in Mogilёv, Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 1997. – № 11 (1). – Pp. 60–78.

Gerlach C. Kalkulierte Morde: Die deutsche Wirtschafts-und Vernichtungspolitik in Wießrußland 1941 bis 1944. – Hamburg: Hamburger Edition, 1999.

Gerlach C. Krieg, Ernährung, Völkermord: Forschungen zur deutschen Vernichtungspolitik im Zweiten Weltkrieg. – Hamburg: Hamburger Edition, 1998.

Gerlach C. The Wannsee Conference, the Fate of German Jews, and Hitler's Decision in Principle to Exterminate All European Jews // Journal of Modern History. – 1998. – № 70. – Pp. 759–812.

Getty J.A., Naumov O.V. Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. – New Haven: Yale University Press, 1999.

Getty J.A., Naumov O.V. Yezhov: The Rise of Stalin's «Iron Fist». – New Haven: Yale University Press, 2008.

Gilmore G. Defying Dixie: The Radical Roots of Civil Rights, 1919–1950. – New York: Norton, 2008.

Glassheim E. The Mechanics of Ethnic Cleansing: The Expulsion of Germans from Czechoslovakia, 1945–1947 // Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948 / [Ed. by Ther P., Siljak A.]. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. – Pp. 197–200.

Glazar R. Die Falle mit dem grünen Zaun: Überleben in Treblinka. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 1992.

Głębocki H. Pierwszy naród ukarany: świadectwa Polaków z Leningrau // Arcana. – 2005. – № 64–65. – Pp. 155–192.

Głód i represje wobec ludności polskiej na Ukrainie 1932–1947 / Ed. by Dzwonkowski R. – Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2004.

Głowacki A. Sowieci wobec Polaków na ziemiach wschodnich II Rzeczypospolitej 1939–1941. – Łódź: Wydawnictwo Uniwesytetu Łódzkiego, 1998.

Gniazdowski M. «Ustalić liczbę zabitych na 6 milionów ludzi»: dyrektywy Jakuba Bermana dla Biura Odszkodzowań Wojennych przy Prezydium Rady Minisrów // Polski Przegląd Diplomatyczny. – 2008. – № 1 (41). – Pp. 99–113.

Goeschel C., Wachsmann N. Introduction // Nazi Concentration Camps, 1933–39: A Documentary History / Ed. by Goeschel C., Wachsmann N. – Lincoln: Nebraska University Press, 2010.

Goldhagen D.J. Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust. – New York: Knopf, 1996.

Góral J. Eksterminacja inteligencji i tak zwanych warstw przywódczych w zachodnich powiatach Dystryktu Radomskiego (1939–1940) // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 71–82.

Gorlizki Y., Khlevniuk O. Cold Peace: Stalin and the Soviet Ruling Circle, 1945–1953. – Oxford: Oxford University Press, 2004.

Gott mit uns: Der deutsche Vernichtungskrieg im Osten 1939–1945 / Ed. by Klee E., Dreßen W. – Frankfurt: S. Fischer, 1989.

Goujon A. Kurapaty (1937–1941): NKVD Mass Killings in Soviet Belarus. – Unpublished paper, 2008.

Goujon A. Memorial Narratives of WWII Partisans and Genocide in Belarus // East European Politics and Societies. – 2010. – № 24 (1). – Pp. 6–25.

Goulder A. Stalinism: A Study of Internal Colonialism // Telos. – 1978. – № 34. – Pp. 5–48.

Goussef C. Les déplacements forcés des population aux frontières russes occidentales (1914–1950) // La violence de guerre 1914–1945 / Ed. by Audoin-Rouxeau S., Becker A., Ingrao Chr., Rousso H. – Paris: Ėditions Complexes, 2002. – Pp. 177–190.

Grabher M. Irmfried Eberl: «Euthanasie»-Arzt und Kommandant von Treblinka. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2006.

Grass G. Beim Häuten der Zwiebel. – Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag. – 2008.

Grass G. Im Krebsgang. – Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag. – 2004.

Graziosi A. Collectivization, révoltes paysannes et politiques gouvernementales a travers les rapports du GPU d'Ukraine de février-mars 1930 // Cahiers du Monde russe. – 1994. – № 34 (3). – Pp. 437–632.

Graziosi A. Italian Archival Documents on the Ukrainian Famine 1932–1933 // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – Pp. 27–48.

Graziosi A. The Great Soviet Peasant War. – Cambridge: Harvard University Press, 1996.

Graziosi A. The Soviet 1931–1933 Famines and the Ukrainian Holodomor: Is a New Interpretation Possible, and What Would Its Consequences Be? // Harvard Ukrainian Studies. – 2004–2005. – № 37 (1–4). – Pp. 97–115.

Gregory P.R. Terror by Quota: State Security from Lenin to Stalin. – New Haven: Yale University Press, 2009.

Gross J.T. Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland. – Princeton: Princeton University Press, 2001.

Gross J.T. Polish POW Camps in the Soviet-Occupied Western Ukraine // The Soviet Takeover of the Polish Eastern Provinces, 1939–1941 / Ed. by Sword K. – London: Macmillan, 1991.

Gross J.T. Polish Society Under German Occupation: The Generalgouvernement, 1939 – 1944. – Princeton: Princeton University Press, 1979.

Gross J.T. Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia. – Princeton: Princeton University Press, 2002.

Gross J.T. The Social Consequences of War: Preliminaries for the Study of the Imposition of Communist Regimes in Eastern Europe // East European Politics and Societies. – 1989. – № 3. – Pp. 198–214.

Gross J.T. Upiorna dekada: trzy eseje o sterotypach na temat Żydów, Polaków, Niemców, i komunistów, 1939–1948. – Krakow: Universitas, 1948.

Grossman V. The Road: Stories, Journalism, and Essays / Transl. by Chandler R. – New York: NYRB, 2010.

Gruszińska I., Gross J.T. War Through Children's Eyes: The Soviet Occupation and the Deportations, 1939 – 1941. – Stanford: Hoover Institution Press, 1981.

Gutman I. Resistance: The Warsaw Ghetto Uprising. – Boston: Houghton Mifflin, 1994.

Haar I. Die deutschen «Vertreibungsverluste» – Zur Entstehungsheschichte der «Dokumentation der Vertreibung» // Tel Aviver Jahrbuch für deutsche Geschichte. – 2007. – № 35. – Pp. 251–271.

Hahn E. Der Holodomor im Vergkeich: Zur Phänomenologie der Massenvernichtung // Osteuropa. – 2004. – № 54 (12). – Pp. 13–32.

Hahn E., Hahn H.H. Die Deutschen und «ihre» Vertreibung // Transit. – 2002. – № 23. – Pp. 103–116.

Hanson J.K.M. The Civilian Population and the Warsaw Uprising of 1944. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Hanson S. Time and Revolution: Marxism and the Design of Soviet Economic Institutions. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997.

Harrison M. Soviet Planning in Peace and War. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Hartmann C. Massensterben oder Massenvernichtung? Sowjetische Kriegsgefangene im «Unternehmen Barbarossa». Aus dem Tagebuch eines deutschen Lagerkommandanten // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. – 2001. – № 49 (1). – Pp. 97–158.

Hasegawa T. Racing the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. – Cambridge: Harvard University Press, 2005.

Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–39. – Houndsmills: Macmillan, 1984.

Haslam J. The Soviet Union and the Threat from the East. – Houndsmills: Macmillan, 1992.

Hauner M. India in Axis Strategy: Germany, Japan, and Indian Nationalists in the Second World War. – Stuttgard: Klett-Cotta, 1981.

Hecht T.T. Life Death Memories. Charlottesville: Leopolis Press, 2002.

Heim S. Kalorien-Agrarforschung, Ernährungswirtschaft und Krieg: Herbert Backe als Wissrnschaftspolitiker // Kalorien, Kautschuk, Karrieren: Pfanzenzüchtung und landwirtschaftliche Forschung in Kaiser-Wilhelm-Insituten, 1933–1945 / Ed. by Heim S. – Wallstein: Göttingen, 2003. – Pp. 23–63.

Heinzen J.W. Inventing a Soviet Countryside: State Power and the Transformation of Rural Russia, 1917–1929. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2003.

Helft den Christen in Sowjetrußland // Die Neue Zeitung. – 14.10.1933. – P. 1.

Herbert U. Best: Biographische Studien über Radikalismus, Weltanschauung und Vernunft, 1903–1989. – Bonn: J.H.W. Dietz, 1996.

Herf J. The Jewish Enemy: Nazi Propaganda During World War II and the Holocaust. – Cambridge: Harvard University Press, 2006.

Herzog D. Sex After Fascism: Memory and Morality in Twentieth-Century Germany. – Princeton: Princeton University Press, 2005.

Hilberg R. Perpetrators, Victims, Bystanders: The Jewish Catastrophe. – New York: HarperPerennial, 1993.

Hilberg R. The Destruction of the European Jews. – New Haven: Yale University Press, 2003. – 3 vols.

Hilberg R. The Ghetto as a Form of Government // Annals of the American Academy of Political and Social Science. – 1980. – № 450. – Pp. 98–112.

Hilberg R. The Judenrat: Conscious or Unconscious «Tool» // Patterns of Jewish Leadership in Nazi Europe / Ed. by Gutman Y., Haft C.J. – Jerusalem: Yad Vashem, 1979. – Pp. 31–44.

Hildebrand K. Vom Reich zum Weltreich: Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919–1945. – Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1969.

Hildermeier M. Sozialrevolutionäre Partei Russlands: Agrarsozialismus und Modernisierung im Zarenreich. – Cologne: Böhlau, 1978.

Hillgruber A. Germany and the Two World Wars. – Cambridge: Harvard University Press, 1981.

Himka J.-P. Ethnicity and Reporting of Mass Murder: Krakivski visti, the NKVD Murders of 1941, and the Vinnytsia Exhumation. – Unpublished paper, 2009.

Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. – Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Hobsbawm E. The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991. – London: Vintage, 1996.

Holly C. Between States: The Transylvanian Question and the European Idea During World War II. – Stanford: Stanford University Press, 2009.

Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russian’s Continuum of Crisis. – Cambridge: Harvard University Press, 2002.

Horwitz G.J. Ghettostadt: Łódź and the Making of a Nazi City. – Cambridge: Harvard University Press, 2008.

Hryciuk G. Victims 1939–1941: The Soviet Repressions in Eastern Poland // Shared History – Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland / Ed. by Barkan E., Cole E.A., Struve K. – Leipzig: Leipzig University-Verlag, 2007. – Pp. 173–200.

Hull I. Absolute Destruction: Military Culture and the Practices of War in Imperial Germany. – Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Hungersnot: Authentische Dokumente über das Massensterben in der Sowjetunion. – Vienna, 1933.

Ich werde es nie vergessen: Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004–2006. – Berlin: Ch. Links Verlag, 2007.

Ilic M. The Great Terror in Leningrad: A Quantative Analysis // Europe-Asia Studies. – 2000. – № 52 (8). – Pp. 1515–1534.

Ingrao C. Les chasseurs noirs: La brigade Dirlewanger. – Paris: Perrin, 2006.

Ingrao C. Violence de guerre, violence génocide: Les Einsatzgruppen // La violence de guerre 1914–1945 / Ed. by Audion-Rouzeau S., Becker A., Ingrao Chr., Rousso H. – Paris: Éditions Complexes, 2002. – Pp. 219–240.

Iwanow M. Pierwszy naród ukarany: Stalinizm wobec polskiej ludności kresowek 1921–1938. – Warszawa: Omnipress, 1991.

Jackson G.D. Jr. Comintern and Peasant in East Europe, 1919–1930. – New York: Columbia University Press, 1966.

Jahn E. Der Holodomor im Vergleich: Zur Phänomenologie der Massenvernivhtung // Osteuropa. – 2004. – № 54 (12). – Pp. 13 – 32.

James H. Europe Reborn: A History, 1914–2000. – Harlow: Pearson, 2003.

Janion M. Do Europy: tak, ale razem z naszymy umarłymi. – Warszawa: Sic!, 2000.

Jankowiak S. «Cleansing» Poland of Germans: The Province of Pomerania, 1945–1949 // Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948 / [Ed. by Ther P., Siljak A.]. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. – Pp. 87–106.

Jankowiak S. Wysiedlenie i emigracja ludności niemieckiej w polityce władz polskich w latach 1945–1970. – Warszawa: IPN, 2005.

Jankowski A. Akcja AB na Kielecczyżnie // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 65–82.

Jansen M., Petrov N. Stalin's Loyal Executioner: Nikolai Ezhov, 1895–1940. – Stanford: Hoover University Press, 2002.

Jasiewicz K. Zagłada polskich Kresów. Ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-Wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941. – Warszawa: Volumen, 1998.

Jolluck K.R. Exile and Identity: Polish Women in the Soviet Union During World War II. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.

Jones G. Famine grips Russia // New York Evening Post. – 30.03.1933.

Jones G. Will there be soup // Western Mail. – 17.10.1932.

Judt T. Postwar: A History of Europe Since 1945. – New York: Penguin, 2005.

Junt T. The Burden of Responsibility: Blum, Camus, Aron, and the French Twentieth Century. – Chicago: University of Chicago Press, 1998.

Kalbarczyk S. Przedmioty odnalezione w Bykowni a Kuropatach świadczą o polskości ofiar // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2007. – № 10–11. – Pp. 47–54.

Kamenec I. The Deportation of Jewish Citizens from Slovakia // The Tragedy of the Jews of Slovakia, Oświęcim: Auschwitz-Birkenau State Museum and Museum of the Slovak National Uprising, 2002. – Pp. 111–140.

Kamenec I. The Holocaust in Slovakia // Slovak Contributions to 19th International Congress of Historical Sciences / Ed. by Kováč D. – Bratislava: Veda, 2000. – Pp. 195–206.

Kardinal Innitzer ruft die Welt gegen den Hungertod auf // Reichspost. – 20.08.1933. – P. 1.

Kassow S.D. Who Will Write Our History? Rediscovering a Hidden Archive from the Warsaw Ghetto. – New York: Vintage, 2009.

Katyn: A Crime Without Punishment / Ed. by Cienciala A.M., Lebedeva N.S., Materski W. – New Haven: Yale University Press, 2007.

Katzer N. Brot und Herrschatf: Die Hungersnot in der RSFSR // Osteuropa. – 1994. – № 54 (12). – Pp. 90–110.

Kay A.J. «Hierbei werden zweifellos zig Millionen Menschen verhungern»: Die deutsche Wirtschaftsplanung für die besetzte Sowjetunion und ihre Umsetzung, 1941 bis 1944 // Transit. – 2009. – № 38. – Pp. 57–77.

Kay A.J. Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941. – New York: Berghahn Books, 2006.

Keegan J. The Face of Battle. – New York: Viking, 1976.

Ken O. Collective Security or Isolation: Soviet Foreign Policy and Poland, 1930–1935. – Ст. Петербург: Европейский Дом, 1996.

Kennedy P.M. Aufstieg und Verfall der britischen Seemacht. – Herford: E.S. Mittler & Sohn, 1978.

Kersen K. Forced Migration and the Transformation of Polish Society in the Postwar Period // Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948 / Ed. by Ther P., Siljak A. – Lanham: Rowman and Littlefield, 2001. – Pp. 75–86.

Kersen K. The Establishment of Communist Rule in Poland. – Berkley: University of California Press, 1991.

Kershaw I. Fateful Choices: Ten Decisions That Changed the World, 1940–1941. – London: Penguin Books, 2007.

Kershaw I. Hitler, the Germans, and the Final Solution. – New Haven: Yale University Press, 2008.

Kershaw I. Hitler: A Biography. – New York: W.W. Norton, 2008.

Khlevniouk O. Le cercle du Kremlin: Staline et le Bureau politique dans les années 30: les jeux du pouvoir. – Paris: Éditions du Seuil, 1996.

Khlevniuk O.V. The History of the Gulag: From Collectivization to the Great Terror. – New Haven: Yale University Press, 2004.

Khlevniuk O. Party and NKVD: Power Relationships in the Years of the Great Terror // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Ed. by McLoughlin B., McDermott K. – New York: Palgrave Macmillan, 2003.

Khlevniuk O. Stalin as Dictator: The Personalization of Power // Stalin: A New History / [Ed. by Davis Sarah, Harris James]. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Pp. 109–120.

Khlevniuk O. The Objectives of the Great Terror, 1937–1938 // Soviet History 1917–1953: Essays in Honour of R.W. Davis / Ed. by Cooper J., Perrie M., Rhees E.A. – Houndmills: Macmillan, 1995. – Pp. 158–176.

Kiernan B. Blood and Soil: A World History of Genocide and Extermination from Sparta to Darfur. – New Haven: Yale University Press, 2007.

Kieszczyński L. Represje wobec kadry kierowniczej KPP // Tragedia Kommunistycznej Partii Polski / Ed. by Maciszewski J. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1989. – Pp. 198–216.

King C. The Moldovans: Russia, Romania, and the Politics of Culture. – Stanford: Hoover Institution, 2000.

King G., Rosen O., Tanner M., Wagner A.F. Ordinary Voting Behavior in the Extraordinary Election of Adolf Hitler // Journal of Economic History. – 2008. – № 68 (4). – Pp. 951–996.

Kingston-Mann E. Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. – New York: Oxford University Press, 1983.

Kirschenbaum L.A. The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Klein P. Curt von Gottberg – Siedlungsfanktionär und Massenmörder // Karrieren der Gewalt: Nationalsozialistische Täterbiographien / Ed. by Mallmannn K.-M. – Darmstadt: Wissenschftliche Buchgesellschaft, 2004. – Pp. 95–103.

Klein P. Zwischen den Fronten. Die Zivilbevölkerung Weißrusslands und der Krieg der Wehrmacht gegen die Partisanen // Wir sind die Herren dieses Landes. Ursachen Verlauf und Folgen des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion / Ed. by Quinkert B. – Hamburg: VSA Verlag, 2002. – Pp. 82–103.

Klimaszewski T. Verbrennungskommando Warschau. – Warszawa: Czytelnik, 1959.

Koenen G. Der Russland-Komlex: Die Deutschen und der Osten, 1900–1945. – Munich: Beck, 2005.

Koestler A. «Vorwort», to Alexander Weißberg-Cybulski, *Im Verhör*. – Vienna: Europaverlag, 1993 [1951]. – Pp. 9–18.

Koestler A. Darkness at Noon. – New York: Macmillan, 1941.

Koestler A. The Yogi and the Commissar. – New York: Macmillan, 1946.

Koestler A. Untitled // The God That Failed / Ed. by Crossman R. – London: Hamilton, 1950. – Pp. 25–82.

Kołakowski L. Main Currents of Marxism, Vol. 3: The Breakdown. – Oxford: Oxford University Press, 1978.

Kołakowski P. NKWD i GPU na ziemiach polskich 1939–1945. – Warszawa: Bellona, 2002.

Kopka B. Konzentrationslager Warschau: Historia i następstwa. – Warszawa: IPN, 2007.

Kopówka E. Stalag 366 Siedlce. – Siedlce: SKUNKS, 2004.

Kopówka E. Treblinka. Nigdy więcej. – Siedlce: Muzeum Rejonowe, 2002.

Kornat M. Polityka równowagi: Polska między Wschodem a Zachodem. – Cracow: Arcana, 2007.

Kornat M. Polska 1939 roku wobec paktu Ribbentrop-Mołotow. – Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2002.

Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time / Transl. by Tribe K. – Cambridge: MIT Press, 1985.

Kostyrchenko G. Out of the Red Shadows: Anti-Semitism in Stalin's Russia. – Amherst: Prometheus Books, 1995.

Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. – Berkeley: University of California Press, 1995.

Kotkin S. Peopling Magnitostroi: The Politics of Demography // Social Dimensions of Soviet Industrialization / Ed. by Rosenberg W.G., Siegelbaum L.H. – Bloomington: Indiana University Press, 1993. – Pp. 63–104.

Kovály H.M. Under a Cruel Star: A Life in Prague 1941–1968 / Transl. by Epstein F., Epstein H. – New York: Holmes and Maier, 1997.

Kowalski T. Z badań nad eksterminacją inteligencji w Rzeszowskim w okresie II wojny światowej // Auserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 83–89.

Kozaczyńska B. Wysiedlenie mieszkańców Zamojszczyzny do dystryktu warszawskiego w latach 1942 – 1943 i los deportowanych // Exodus: Deportacje i migracje (wątek wschodni) / Ed. by Zwolski M. – Warszawa: IPN, 2008. – Pp. 70–92.

Kozlov D. «I have Not Read, But I Will Say»: Soviet Literary Audiences and Changing Ideas of Social Membership, 1958–1966 // Kritika. – 2006. – № 7 (3). – Pp. 557–597.

Kozlov D. The Historical Turn in Late Soviet Culture: Retrospectivism, Factography, Doubt, 1953–1991 // Kritika. – 2001. – № 2 (2). – Pp. 577–600.

Kramer M. Die Konsolidierung des kommynistischen Blocks in Osteuropa 1944–1953 // Transit. – 2009. – № 39. – Pp. 78–95.

Krannhals H.von. Der Warschauer Aufstand 1944. – Frankfurt am main: Bernard & Graefe Verlag für Wehrwesen, 1964.

Kravchenko V. I Chose Freedom: The Personal and Political Life of a Soviet Official. – New York: Charles Scribner's Sons, 1946.

Krebs G. Japan and the German-Soviet War, 1941 // From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941 / Ed. by Wegner B. – Providence: Berghahn Books, 1997. – Pp. 541–560.

Kroener B.R. The «Frozen Blitzkrieg»: German Strategic Planning against the Soviet Union and the Causes of Its Failure // From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941 / Ed. by Wegner B. – Providence: Berghahn Books, 1997. – Pp. 135–150.

Królikowski J. Budiwałem most kolejowy w pobliżu Treblinki // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1964. – № 49. – Pp. 46–57.

Krüger P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985.

Kruglov A. Jewish Losses in Ukraine // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 272–290.

Krzepicki A. Treblinka // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1962. – № 43–44. – Pp. 84–109.

Księga świadects. Skazani na karę śmierci w czasach stalinowskich i ich losy / Ed. by Madeja K., Żaryn J., Żurek J. – Warszawa: IPN, 2003.

Kulczycki S. Hołodomor: Wielki głód na Ukrainie w latach 1932–1933 jako ludobójstwo. – Wrocław: Kolegium Europy Wschodniej, 2008.

Kupczak J. Polacy na Ukrainie w latach 1921–1939. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994.

Kuromiya H., Libera P. Notatka Włodzimierza Bączkowskiego na temat współpracy polsko-japońskiej wobec ruchu prometejskiego (1938) // Zeszyty Historyczne. – 2009. – Pp. 114–135.

Kuromiya H., Mamoulia G. Anti-Russian and Anti-Soviet Subversion: The Caucasian-Japanese Nexus, 1904–1945 // Europe-Asia Studies. – 2009. – № 61 (8). – Pp. 1415–1440.

Kuromiya H., Pepłoński A. Między Warszawą a Tokio: Polsko-japońska współpraca wywiadowcza 1904–1944. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2009.

Kuromiya H., Pepłoński A. Stalin und die Spionage // Transit. – 2009. – № 38. – Pp. 20–33.

Kuromiya H. Accounting for the Great Terror // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2003. – № 53 (1). – Pp. 86–101.

Kuromiya H. Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Kuromiya H. Stalin. Harlow: Pearson Longman, 2005.

Kuromiya H. The Great Terror and «Ethnic Cleansing»: The Asian Nexus, 2009 (unpublished paper).

Kuromiya H. The Voices of the Dead: Stalin's Great Terror in the 1930s. – London: Yale University Press, 2007.

Kuromiya H. World War II, Jews, and Post-War Soviet Society // Kritika. – 2002. – № 3 (3). – Pp. 521–531.

Kuśnierz R. Ukraina w latach kolektywizacji i wielkiego głodu. – Toruń: Grado, 2005.

Lagrou P. La «Guerre Honorable» et une certaine idée de l'Occident. Mémoires de guerre, racisme et réconciliation après 1945 // Les Résistances, miroir des régimes d'oppression / Ed. by Marcot F., Musiedlak D. – Allemagne, France, Italie, Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006. – Pp. 395–412.

Lee S.J. European Dictatorship 1918–1945. – London: Routledge, 2000.

Lesczyńska Z. Z badań nad stratami inteligencji na Lubelszczyźnie w latach 1939–1944 // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkoski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1922. – Pp. 58–70.

Levine H. In Search of Sugihara. – New York: The Free Press, 1996.

Libionka D., Weinbaum L. Deconstructing Memory and History: The Jewish Military Union (ZZW) and the Warsaw Ghetto Uprising // Jewish Political Studies Review. – 2006. – № 18 (1/2). – Pp. 1–14.

Libionka D., Weinbaum L. Pomnik Apfelbauma, czyli klątwa «majora» Iwańskiego // Więź. – 2007. – № 4. – Pp. 100–111.

Libionka D. Apokryfy z dziejów Żydowskiego Związku Wojskowego i ich autorzy // Zagłada Żydów. Studia i materiały. – 2005. – № 1. – Pp. 165–198.

Libionka D. Głową w mur. Interwencje Kazimierza Papée, polskiego ambasadora przy Stolicy Apostolskiej, w sprawie zbrodni niemieckich w Polsce, listopad 1942–styczeń 1943 // Zagłada Żydów. Studia i materiały. – 2006. – № 2. – Pp. 292–314.

Libionka D. Polska kospiracja wobec eksterminacji Żydów w dystrykcie warszawskim // Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / Ed. by Engelking B., Leociak J., Libionka D. – Warszawa: IfiS PAN, 2007. – Pp. 443–504.

Libionka D. ZWZ-AK i Delegatura Rządu RP wobec eksterminacji Żydów polskich // Polacy i Żydzi pod okupacją niemiecką 1939–1945 / Ed. by Żbikowski A. – Warszawa: IPN, 2006. – Pp. 15–208.

Lieberman B. Terrible Fate: Ethnic Cleansing in the Making of Modern Europe. – Chicago: Ivan R. Dee, 2006.

Lih L.T. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. – Berkeley: University of California Press, 1990.

Longerich P. Heinrich Himmler: Biographie. – Berlin: Siedler, 2008.

Longerich P. Politik der Vernichtung: Eine Gesamtdarstellung der nationalsozialistischen Judenverfolgung. – Munich: Piper, 1998.

Longerich P. The Unwritten Order: Hitler's Role in the Final Solution. – Stroud: Tempus, 2001.

Löw A. Juden im Getto Litzmannstadt: Lebensbedingungen, Selbstwahrnehmung, Verhalten. – Göttungen: Wallsteun Verlag, 2006.

Lower W. «On Him Rests the Weight of the Administration»: Nazi Civilian Rulers and the Holocaust in Zhytomyr // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 224–227.

Lower W. Nazi Empire-Building and the Holocaust in Ukraine. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2005.

Lück M.F. Partisanenbekämpfung durch SS und Polizei in Weißruthenien 1942. Die Kampfgruppe von Gottberg // Im Auftrag: Polizei, Verwaltung und Verantwortung / Ed. by Kenkmann A., Christoph S. – Essen: Klartext Verlag, 2001. Pp. 225–247.

Ludność cywilna w Powstaniu Warszawskim / Ed. by Madajczyk C., Getta M., Janowski A. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. – Vol. 2.

Lukacs J. Five Days in London, May 1940. – New Haven: Yale University Press, 1999.

Lukacs J. June 1941: Hitler and Stalin. – New Haven: Yale University Press, 2007.

Lukacs J. The Last European War. – New Haven: Yale University Press, 1976.

Lukes I. The Rudolf Slansky Affair: New Evidence // Slavic Review. – 1999. – № 58 (1). – Pp. 160–187.

Luks L. Zum Slaninschen Antisemitismus: Brüche und Widersprüche // Jahrbuch für Historische Kommunismus-Forschung, 1997. – Pp. 9–50.

Lustiger A. Stalin and the Jews: The Red Book. – New York: Enigma Books, 2003.

MacLean F. The Cruel Hunters: SS-Sonderkommando Dirlewanger: Hitler's Most Notorious Anti-Partisan Unit. – Atglen: Schiffer Military History, 1998.

MacLean F. The Field Men: The SS Officers Who Led the Einsatzkommandos. – Atglen: Schiffer, 1999.

MacQueen M. Nazi Policy Toward the Jews in the Reichskommissariat Ostland, June-December 1941: From White Terror to Holocaust in Lithuania / Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR / Ed. by Gitelman Z. – Bloomington: Indiana University Press, 1997. – Pp. 91–103.

Madajczyk C. Vom «Generalplan Ost» zum «Generalsidlungsplan» // Der «Generalplan Ost»: Hauptlinien der nationalsozialistischen Planungs-und Vernichtungspolitik / Ed. by Rössler M., Schleiermacher S. – Berlin: Akademie Verlag, 1993. – Pp. 12–19.

Maksudov S. Victory over the Peasantry // Harvard Ukrainian Studies. – 2001. – № 25 (3/4). – Pp. 187–236.

Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855. – Cambridge: Harvard University Press, 1961.

Mallmann K.-M., Bühler J., Matthäus J. Einsatzgruppen in Polen: Darstellung und Dokumentation. – Darmstadt: WGB, 2008.

Mallmann K.-M. Rozwiązać przez jakikolwiek szybko działający środek: Policja Bezpieczeństwa w Łodzi a Shoah w Kraju Warty // Zagłada Żydów na polskich terenach scielonych do Rzeszy / Ed. by Namysło A. – Warszawa: IPN, 2008. – Pp. 85–115.

Mańkowski Z. Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNO-IPN, 1922. – Pp. 6–18.

Manoschek W. «Serbien ist judenfrei»: Militärische Besatzungspolitik und Judenvernichtung in Serbien 1941/1942. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1993.

Marples D. Kuropaty: The Investigation of a Stalinist Historical Controversy // Slavic Review. – 1994. – № 53 (2). – Pp. 513–523.

Marrus M.R. Jewish Resistance to the Holocaust // Journal of Contemporary History. – 1995. – № 30 (1). – Pp. 83–110.

Marszałek J. Akcja AB w dystrykcie lubelskim // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 48–57.

Martin T. Affirmative Action Empire. – Ithaca: Cornell University Press, 2001.

Martin T. The 1932–1933 Ukrainian Terror: New Documentation on Surveillance and the Thought Process of Stalin // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – Pp. 97–114.

Martin T. The Origins of Soviet Ethnic Cleansing // Journal of Modern History. – 1998. – № 70 (4). – Pp. 813–861.

Mastny V. The Cold War and Soviet Insecurity: The Stalin Years. – Oxford: Oxford University Press, 1996.

Mastny V. The Czechs Under Nazi Rule: The Failure of National Resistance, 1939–1942. – New York: Columbia University Press, 1971.

Materski W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1994.

Matthäus J. Controlled Escalation: Himmler's Men in the Summer of 1941 and the Holocaust in the Occupied Soviet Territories // Holocaust and Genocide Studies. – 2007. – № 21/2 (Fall). – Pp. 218–242.

Matthäus J. Reibungslos und planmäßig: Die Zweite Welle der Judenvernichtung im Generalkommissariat Weißruthenien (1942–1944) // Jahrbuch für Antisemitismusforschung. – 1995. – № 4 (4). – Pp. 254–274.

Mavrogordato R., Ziemke E. The Polotsk Lowland // Soviet Partisans in World War II / Ed. by Armstrong J. – Madison: University of Wisconsin Press, 1964.

Mazower M. Dark Continent: Europe's Twentieth Century. – New York: Vintage, 2000.

Mazower M. Hitler's Empire: Nazi Rule in Occupied Europe. – London: Allen Lane, 2008.

Mazower M. Violence and the State in the Twentieth Century // American Historical Review. – 2002. – № 107 (4). – Pp. 1147–1167.

McLoughlin B. Mass Operations of the NKVD, 1937–8: A Survey // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Ed. by McLoughlin B., McDermott K. – Houndsmill: Palgrave, 2003. – Pp. 118–152.

Megargee G. War of Annihilation: Combat and Genocide on the Eastern Front, 1941. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2007.

Mendelsohn E. The Jews of East Central Europe Between the World Wars. – Bloomington: Indiana University Press, 1983.

Merridale C. Ivan's War: Life and Death in the Read Army, 1939–1945. – New York: Henry Holt, 2006.

Merridale C. Night of Stone: Death and Memory in Twentieth-Century Russia. – New York: Viking, 2000.

Michniuk W. Z historii represji politycznych przeciwko Polakom na Białorusi w latach trzydziestych // Polska-Białoruś 1918–1945: Zbiór studiów i materiałów / Ed. by Balcerak W. – Warszawa: IH PAN, 1993. – Pp. 112–120.

Mieszkowska A. Matka dzieci Holocaustu: Historia Ireny Sendlerowej. – Warshawa: Muza SA, 2008.

Milgram S. Behavior Study of Obedience // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1963. – № 67 (2). – Pp. 371–378.

Millward J.A. Eurasian Crossroads: A History of Xinjiang. – London: Hurst & Company, 2007.

Miłosz C. Legends of Modernity: Essays and Letters from Occupied Poland, 1942–43. – New York: Farrar, Strauss, and Giroux, 2005.

Milward A.S. The German Economy at War. – London: Athlone Press, 1965.

Mironowicz E. Białoruś. – Warszawa: Trio, 1999.

Młynarczyk J.A. Akcja Reinhardt w gettach prowincjonalnych dystryktu warszawskiego 1942–1943 // Prowincja noc. Życie i zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / Ed. by Engelking B., Leociak J., Libionka D. – Warshawa: IfiS PAN, 2007. – Pp. 39–74.

Młynarczyk J.A. Judenmord in Zentralpolen: Der Distrikt Radom im Generalgouvernement 1939–1945. – Darmstadt: WGB, 2007.

Młynarczyk J.A. Treblinka – ein Todeslager der «Aktion Reihard» // Aktion Reihardt, Der Völkermord an den Juden im Generalgouvernement 1941–1944 / Ed. by Musial B. – Osnabrück: Fibre, 2004. – Pp. 257–281.

Młynarski B. W niewoli sowieckiej. – London: Gryf Printers, 1974.

Moczarski K. Rozmowy z katem. – Cracow: Znak, 2009.

Morris J. The Polish Terror: Spy Mania and Ethnic Cleansing in the Great Terror // Europe-Asia Studies. – 2004. – № 56/5 (July). – Pp. 751–766.

Motyka G. Tragedia jeńców sowieckich na ziemiach polskich podczas II wojny światowej. – Неопубликованная рукопись, 2009.

Motyka G. Ukraińska partyzantka 1942–1960. – Warszawa: Rytm, 2006.

Moyn S. In the Aftermath of Camps // Histories of the Aftermath: The Legacies of the Second World War / Ed. by Biess F., Mueller R. – New York: Berghahn Books, 2010.

Mulligan T.P. The Politics of Illusion and Empire: German Occupation Policy in the Soviet Union, 1942–1943. – New York: Praeger, 1988.

Musiał B. Na zachód po trupie Polski. – Warszawa: Prószyński, 2009.

Musiał B. Przypadek modelowy dotyczący eksterminacji Żydów: Początki «akcji Reinhardt» – planowanie masowego mordu Żydów w Generalnym Gubernatorstwîe / Akcja Reinhardt. Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie / Ed. by Libionka D. – Warszawa: IPN, 2004. – Pp. 15–38.

Musial B. Sowjetische Partisanen 1941–1944: Mythos und Wirklichkeit. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2009.

Naimark N. Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe. – Cambridge: Harvard University Press, 2001.

Naimark N. Gomułka and Stalin: The Antisemitic Factor in Postwar Polish Politics // Varieties of Antisemitism: History, Ideology, Discourse / Ed. by Baumgarten M., Kenez P., Thompson B. – Newark: University of Delaware Press, 2009. – Pp. 237–250.

Naimark N. The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. – Cambridge: Harvard University Press, 1995.

Naumann M. Die Mörder von Danzig // Die Zeit. – 10.09.2009. – Pp. 54–55.

Niemcy w Polsce: Wybór dokumentów / Ed. by Borodziej W., Lemberg H., Kraft C. – Warszawa: Neriton, 2000. – Vol. 1.

Nikol'skij V. Die «Kulakenoperaion» im ukrainischen Donbass // Stalimismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938 / Ed. by Binner R., Bonwetsch B., Junge M. – Berlin: Akademie Verlag, 2010. – Pp. 613–640.

Nitschke B. Wysiedlenie ludności niemieckiej z Polski w latach 1945–1949. – Zielona Góra: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Tadeusza Kotarbińskiego, 1999.

Nolte H.-H. Partisan War in Belorussia, 1941–1944 // A World at Total War: Global Conflict and the Politics of Destruction, 1937–1945 / Ed. by Chickering R., Förster, Greiner B. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – Pp. 261–276.

Nowak A. Polska a trzy Rosje. – Cracow: Arcana, 2001.

Obóz zagłady Treblinka // Biuletyn Glownej Komisji Badania Zbrodni Niemieckich w Polsce. – 1946. – № 1. – Pp. 133–144.

Olaru-Cemirtan V. Wo die Züge Trauer trugen: Deportation in Bessarabien, 1940–1941 // Osteuropa. – 2009. – № 59 (7–8). – Pp. 219–226.

Orth K. Das System der nationalsozialistischen Konzentrationslager. Eine politische Organisationsgeschichte. – Hamburg: Hamburg Edition, 1999.

Orwell G. Homage to Catalonia. – San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1980.

Orwell G. Orwell and Politics. – London: Penguin, 2001.

Overmans R. Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. – Munich: Oldenbourg, 1999.

Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg / Ed. by Echternkamp J. – Munich: Deutsche Verlags-Anstalt. – 2005. – № 9/2.

Overmans R. Personelle Verluste der deutschen Bevölkerung durch Flucht und Vertreibung // Dzieje Najnowsze. – 1994. – № 26 (2). – Pp. 50–65.

Paczkowski A. Pół wieku dziejów Polski. – Warszawa: PWN, 2005.

Paczkowski A. Pologne, la «nation ennemie» // Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, repression / Ed. by Courtois S., Werth N., Panné J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L. – Paris: Robert Laffont, 1997.

Paczkowski A. Trzy twarze Józefa Światła. Przyczynek do historii komunizmu w Polsce. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2009.

Pamiętniki znalezione w Katyniu. – Paris: Editions Spotkania, 1989.

Pankowicz A. Akcja AB w Krakowie // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 43–47.

Parris M. The Lesser Terror: Soviet State Security, 1939–1953. – Santa Barbara: Praeger, 1996.

Paulsson G.S. Secret City: The Hidden Jews of Warsaw 1940–1945. – New Haven: Yale University Press, 2002.

Pawlowitch S.L. Hitler's New Disorder: The Second World War in Yugoslavia. – New York: Columbia University Press, 2008.

Petrov N., Roginskii A. The «Polish Operation» of the NKVD // Stalin's Terror: High Politics and Mass Repression in the Soviet Union / Ed. by McLoughlin B. and McDermott K. – Houndsmill: Palgrave, 2003. – Pp. 153–172.

Pianciola N. The Collectivization Famine in Kazakhstan // Hunger by Design: The Great Ukrainian Famine in Its Soviet Context / Ed. by Hryn H. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – Pp. 103–116.

Pietrzykowski J. Akcja AB na ziemi częstochowskiej i radomszczańskiej // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 107–123.

Pietrzykowski J. Akcja AB w Częstochowie. – Katowice: Wydawnictwo Śląsk, 1971.

Pinkus B. The Deportation of the German Minority in the Soviet Union, 1941–1945 // From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941 / Ed. by Wegner B. – Providence: Berghahn Books, 1997. – Pp. 449–462.

Pipes R. Struve. – Cambridge: Harvard University Press, 1970–1980. – 2 vols.

Pipes R. The Formation of the Soviet Union. – Cambridge: Harvard University Press, 1997.

Pohl D. Die Herrschaft der Wehrmacht: Deutsche Militärbestazung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. – Munich: R. Oldenbourg, 2008.

Pohl D. Nationalsozialistische Judenverfolgung in Ostgalizien: Organisation und Durchführung eines staatlichen Massenverbrechens. – Munich: Oldenbourg, 1996.

Pohl D. Schauplatz Ukraine: Der Massenmord an den Juden im Militärverwaltungsgebiet und im Reichskommissariat 1941–1943 // Ausbeutung, Vernichtung, Öffentlichkeit: Neue Studien zur nationalsozialistischen Lagerpolitik / Ed. by Frei N., Steinbacher S., Wagner B.C. – Munich: K.G. Sur, 2000. – Pp. 135–179.

Pohl D. Ukrainische Hilfskräfte beim Mord an den Juden // Die Täter der Shoah / Ed. by Paul G. – Göttingen: Wallstein Verlag, 2002.

Pohl D. Verfolgung und Massenmord in der NS-Zeit 1933–1945. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2008.

Pohl D. Znaczenie dystryktu lubelskiego w «ostatecznym rozwiązaniu kwestii żydowskiej // Akcja Reinhardt: Zagłada Żydów w Generalnym Gubernatorstwie / Ed. by Libionka D. – Warszawa: IPN, 2004. – P. 39–53.

Polacy na Ukrainie: Zbiór dokumentów 1917–1939 / Ed. by Stępień S. – Przemyśl: Południowo-Wschodni Instytut Naukowy, 1998.

Polian P. Against Their Will: The History and Geography of Forced Migrations in the USSR. – Budapest: CEU Press, 2004.

Polian P. Hätte der Holocaust beinahe nicht stattgefunden? Überkegungen zu einem Schriftwechsel im Wert von zwei Millionen Menschenleben // Besatzung, Kollaboration, Holocaust / Ed. by Hurter J., Zarusky J. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2008. – Pp. 1–20.

Polian P. La violence contre les prisonniers de guerre soviétiques dans le IIIe Reich et un URSS // La violence de guerre 1914–1945 / Ed. by Audoin-Rouzeau S., Becker A., Ingrao Chr., Rousso H. – Paris: Éditions Complexes, 2002. – Pp. 117–131.

Polonsky A. Politics in Independent Poland 1921–1939: The Crisis of Constitutional Government. – Oxford: Clarendon Press, 1972.

Polska 1939-1945. Straty osobowe i ofiary represji pod dwiema okupacjami / Ed. by Materski W., Szarota T. -- Warsaw: IPN, 2009.

Polskie dziezi na tułzczych szlakach 1939–1950 / Ed. by Wróbel J., Żelazko J. – Warszawa: IPN, 2008.

Poprzeczny J. Odilo Globocnik, Hitler's Man in the East. – Jefferson: McFarland & Company, 2004.

Potichnij P.J. The 1946–1947 Famine in Ukraine: A Comment on the Archives of the Underground // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – Pp. 185–189.

Potocki R. Polityka państwa polskiego wobec zagadnienia ukraińskiego w latach 1930–1939. – Lublin: IEŚW, 2003.

Power S. «A Problem from Hell»: America and the Age of Genocide. – New York: Basic Books, 2002.

Proces z vedením protistátního spikleneckého centra v čele s Rodolfem Slánským. – Prague: Ministerstvo Spravedlnosti, 1953.

Prusin A.V. A Community of Violence: The SiPo/SD and its Role in the Nazi Terror System in Generalbezirk Kiew // Holocaust and Genocide Studies. – 2007. – № 21 (1). – Pp. 1–30.

Puławski A. W obliczu Zagłady. Rząd RP na Uchodźstwie, Delegatura Rządu RP na Kraj, ZWZ-AK wobec deportacji Żydów do obozów zagłady (1941–1942). – Lublin: IPN, 2009.

Radice E.A. Economic Developments in Eastern Europe Under German Hegemony // Communist Power in Europe 1944–1949 / Ed. by McCauley M. – New York: Harper and Row, 1977. – Pp. 3–21.

Radice E.A. General Characteristics of the Region Between the Wars // An Economic History of Eastern Europe / Ed. by Kaser M. – New York: Oxford University Press, 1984. – Vol. 1.

Rajchman C. Je suis le dernier Juif / Transl. by Rozier G. – Paris: Éditions des Arenes, 2009.

Rajgrodzki J. Jedenaście miesięcy w obozie zagłady w Treblince // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1958. – № 25. – Pp. 101–118.

Raleigh D.J. The Russian Civil War, 1917–1922 // Cambridge History of Russia / Ed. by Suny R.G. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Vol. 3. – Pp. 140–167.

Redlich S. Propaganda and Nationalism in Wartime Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR, 1941–1948. – Boulder: East European Monographs, 1982.

Redlich S. War, Holocaust, and Stalinism: A Documented History of the Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. – Luxembourg: Harwood, 1995.

Reguła J.A. [Mitzenmacher Józef or Mützenmacher Mieczysław]. Historia Komunistycznej Partji Polski. – Toruń: Portal, 1994 (1934).

Rein L. Local Collaboration in the Execution of the «Final Solution» in Nazi-Occupied Belarussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – № 20 (3). – Pp. 381–409.

Relacje dwóch zbiegów z Treblinki II // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1961. – № 40. – Pp. 78–88.

Reworking the Past: Hitler, the Holocaust, and the Historians' Debate / Ed. by Baldwin P. – Boston: Beacon Press, 1990.

Rieber A.J. Civil Wars in the Soviet Union // Kritika. – 2003. – № 4 (1). Pp. 129–162.

Rieger B. Creator of the Nazi Death Camps: The Life of Odilo Globocnik. – London: Vallentine Mitchell, 2007.

Rieß V. Christian Wirth – Inspekteur der Vernichtungslager // Karrieren der Gewalt: Nationalsozialistische Täterbiographien / Ed. by Mallmann K.-M., Paul G. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. – Pp. 239–251.

Rittersporn G. Stalinist Simplifications and Soviet Complications: Social Tensions and Political Conflict in the USSR, 1933–1953. – Chur: Harwood, 1991.

Roberts L.H. Rumania: Political Problems of an Agrarian State. – New Haven: Yale University Press, 1951.

Romanowsky D. Nazi Occupation in Northeastern Belarus and Western Russia // Bitter Legacy: Confronting the Holocaust in the USSR / Ed. by Gitelman Z. – Bloomington: Indiana University Press, 1997. – Pp. 230–252.

Römer F. Der Kommissarbefehl: Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2008.

Roos H. Polen und Europa: Studien zur polnischen Außenpolitik. – Tübingen: J.C.B. Mohr, 1957.

Roseman M. The Villa, the Lake, the Meeting: Wannsee and the Final Solution. – New York: Penguin, 2003.

Rozenbaum W. The March Events: Targeting the Jews // Polin. – 2008. – №. 21. – Pp. 70.

Rossino A.B. Hitler Strikes Poland: Blitzkrieg, Ideology, and Atrocity. – Lawrence: University Press of Kansas, 2003.

Rothschild J. Piłsudski's Coup d'Etat. – New York: Columbia University Press, 1966.

Rotner S.P. Japanese Diplomats and Jewish Refugees: A World War II Dilemma. – Westport: Praeger, 1998.

Rousset D. L'univers concentraionnaire. – Paris: Éditions du Pavois, 1946.

Rozenbaum W. The March Events: Targeting the Jews // Polin. – 2008. – № 21. – Pp. 62–93.

Rubenstein J., Naumov V. Stalin's Secret Pogrom: The Postwar Inquisition of the Jewish Anti-Fascist Committee. – New Haven: Yale University Press, 2005.

Rusiniak M. Obóz zagłady Treblinka II w pamięci społecznej (1943–1989). – Warszawa: Neriton, 2008.

Russia: Starvation and Surplus // Time. – 22.01.1934.

Ruß H. Wer war verantwortlich für das Massaker von Babij Jar? // Militärgeschichtliche Mitteilungen. – 1999. – № 57 (2). – Pp. 483–508.

Rutherford P.T. Prelude to the Final Solution: The Nazi Program for Deporting Ethnic Poles, 1939–1941. – Lowrence: University Press of Kansas, 2007.

Sakowska R. Ludzie z dzielnicy zamkniętej. Żydzi w Warszawie w okresie hitlerowskiej okupacji. – Warszawa: PAN, 1975.

Salisbury H.E. The 900 Days: The Siege of Leningrad. – New York: Harper & Row, 1969.

Salomini A. L'Union soviétique et la Shoah / Transl. by Saint-Upéry M. – Paris: La Découverte, 2007.

Sandkühler T. «Endlösung» in Galizien: Der Judenmord in Ostpolen und die Tettungsinitiativen von Berthold Beitz, 1941–1944. – Bonn: Dietz, 1997.

Šapoval J. Die Behandlung der «ukrainischen Nationalisten» im Gebiet Kiev // Stalinismus in der sowjetischen Provinz 1937–1938 / Ed. by Binner R., Bonwetsch B., Junge M. – Berlin: Akademie Verlag, 2010. – Pp. 334–351.

Šapoval J. Lügen und Scherigen: Die underdrückte Erinnerung an den Holodomor // Osteuropa. – 2009. – № 54 (12). – Pp. 131–145.

Sawicki J. SburzenieWarszawy. – Katowice: Awir, 1946.

Scheffler W. Probleme der Holocaustforschung // Deutsche – Pole – Juden. Ihre Beziehungen von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert / Ed. by Jersch-Wenzel S. – Berlin: Colloquium Verlag, 1987. – Pp. 259–281.

Schenke C. Nationalstaat und nationale Frage: Polen und die Ukraine 1921–1939. – Hamburg: Dölling und Galitz Verlag, 2004.

Schlemmer T. Die Italiener an der Ostfront. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2005.

Schlögel K. Terror und Traum: Moskau 1937. – Munich: Carl Hanser Verlag, 2008.

Sebag Montefiore S. Stalin: The Court of the Red Tsar. – New York: Knopf, 2004.

Sefer Lutsk. – Tel Aviv: Irgun Yots'e Lutsk be-Yisrael, 1961.

Seidel R. Deutsche Besatzungspolitik in Polen: Der Distrikt Radom 1939–1945. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2006.

Sen A. Poverty and Famines: An Essay on Entitlement and Deprivation. – Oxford: Oxford University Press, 1982.

Serbyn R. Lemkin on Genocide of Nations // Journal of International Criminal Justice. – 2009. – № 7 (1). – Pp. 123–130.

Serbyn R. The Ukrainian Famine of 1932–1933 and the United Nations Convention on Genocide // Famine in Ukraine by 1932–1933: Genocide by Other Means / Ed. by Hunczak T. and Serbyn R. – New York: Shevchenko Scientific Society, 2007. – Pp. 34–83.

Sereny G. Into That Darkness: From Mercy Killing to Mass Murder. – New York: McGraw Hill, 1974.

Service R. Stalin: A Biography. – Cambridge: Harvard University Press, 2004.

Serwański E. Życie w powstańczej Warszawie. – Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1965.

Shapoval I. Vsevolod Balickij, bourreau et victime // Cahiers du Monde russe. – 2003. – № 44 (2–3). – Pp. 371–384.

Shearer D.R. Social Disorder, Mass Repression, and the NKVD During the 1930s // Cahiers du Monde russe. – 2002. – № 42 (2–3/4). – Pp. 506–534.

Shepherd B. War in the Wild East: The German Army and Soviet Partisans. – Cambridge: Harvard University Press, 2004.

Shore M. Caviar and Ashes: A Warsaw Generation's Life and Death in Marxism. – New Haven: Yale University Press, 2006.

Shore M. Children of the Revolution: Communism, Zionism, and the Berman Brothers // Jewish Social Studies. – 2004. – № 10 (3). – Pp. 23–86.

Shore M. Język, pamięć i rewolucyjna awangarda. Kształtowanie historii powstania w getcie warszawskim w latach 1944–1950 // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1998. – № 3 (188). – Pp. 43–60.

Shore Z. What Hitler Knew: The Battle for Information in Nazi Foreign Policy. – Oxford: Oxford University Press, 2003.

Shumejko M.F. Die NS-Kriegsgefangenenlager in Weißrussland in den Augen des Militärarztes der Roten Armee, L. Atanasyan // Sowjetische und deutsche Kriegsgefangene in den Jahren des Zweiten Weltkriegs / Ed. by Selemenev V. at al. – Dresden-Minsk, 2004.

Siegelbaum L., Sokolov A. Stalinism as a Way of Life. – New Haven: Yale University Press, 2004.

Siegelbaum L. Soviet State and Society Between Revolutions. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Simons G. Holodomor als Waffe: Stalinismus, Hunger und der ukrainische Nationalismus // Osteuropa. – 2004. – № 54 (12). – Pp. 37–56.

Simons T.W. Jr. Eastern Europe in the Postwar World. – New York: St. Martin's, 1993.

Slepyan K. Stalin's Guerillas: Soviet Partisans in World War II. – Lawrence: University of Kansas Press, 2006.

Slepyan K. The Soviet Partisan Movement and the Holocaust // Holocaust and Genocide Studies. – 2000. – № 14 (1). – Pp. 1–27.

Slezkine Y. The Jewish Century. – Princeton: Princeton University Press, 2006

Smilovitsky L. Antisemitism in the Soviet Partisan Movement, 1941–1944: The Case of Belorussia // Holocaust and Genocide Studies. – 2006. – № 20 (2). – Pp. 207–234.

Smith J. The Bolsheviks and the National Question. – New York: St. Martins, 1999.

Smolar H. The Minsk Ghetto: Soviet-Jewish Partisans Against the Nazis. – New York: Holocaust Library, 1989.

Snyder T. «To Resolve the Ukrainian Problem Once and for All»: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947 // Journal of Cold War Studies. – 1999. – № 1 (2). – Pp. 86–120.

Snyder T. Caught Between Hitler and Stalin // New York Review of Books. – 2009. – № 56/7 (April 30).

Snyder T. Nazis, Soviets, Poles, Jews // New York Review of Books. – 2009. – № 56/19 (December 3).

Snyder T. Sketches from a Secret War: A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. – New Haven: Yale University Press, 2005.

Snyder T. The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing, 1943 // Past and Present. – 2003. – № 179. – Pp. 197–234.

Snyder T. The Life and Death of West Volhynian Jews, 1921–1945 // The Shoah in Ukraine: History, Testimony, and Memorialization / Ed. by Brandon R., Lower W. – Bloomington: Indiana University Press, 2008. – Pp. 77–113.

Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1956 – 1999. – New Haven: Yale University Press, 2003.

Snyder T. Wartime Lies // The Nation. – 06.01.2006.

Sobór-Świderska A. Jakub Berman: biografia komunisty. – Warszawa: IPN, 2009.

Sohn-Rethel A. Industrie und Nationalsozialismus: Aufzeichnungen aus dem «Mittleleuropäischen Wirtschaftstag» / Ed. by Freytad C. – Wagenbach: Berlin, 1992.

Sokolov B. How to Calculate Human Losses During the Second World War // Journal of Slavic Military Studies. – 2009. – № 22 (3). – Pp. 437–458.

Solomon P.J. Soviet Criminal Justice Under Staling. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Solonari V. Purifying the Nation: Population Exchange and Ethnic Cleansing in Nazi-Allied Romania. -- Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2010.

Sowjetische Partisanen in Weißrussland: Innenansichten aus dem Gebiet Baranoviči / Ed. by Musial B. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 2004.

Spector S. The Holocaust of Volhynian Jews 1941–1944. – Jerusalem: Yad Vashem, 1990.

Spector S. Żydzi wołyńscy w Polsce międzywojennej i w okresie II wojny światowej (1920–1944) // Europa Nieprowincjonalna / Ed. by Jasiewicz K. – Warszawa: Instytut Studiów Politycznych PAN, 1999. – Pp. 566–578.

Sprawozdania świetliczanek z getta warszawskiego // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1975. – № 94. – Pp. 57–70.

Stalin's Letters to Molotov / Ed. by Lih L.T., Naumov O.V., Khlevniuk O. – New Haven: Yale University Press, 1995.

Staněk T. Odsun Němců z Československa 1945–1947. – Prague: Akademia Naše Vojsko, 1991.

Stang K. Dr. Oskar Dirlewanger – Protagonist der Terrorkriegsführung // Karrieren der Gewalt: Nationalsozialistische Täterbiographien / Ed. by Mallmann K.-M. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. – Pp. 66–75.

Stankowski W. Obozy i inne miejsca odosobnienia dla niemieckiej ludności cywilnej w Polsce w latach 1945–1950. – Bydgoszcz: Akademia Bydgoska, 2002.

Stark T. Hungarian Jews During the Holocaust and After the Second World War: A Statistical Review. – Boulder: East European Monographs, 2000.

Stark T. Hungary's Human Losses in World War II. – Uppsala: Centre for Multiethnic Research, 1995.

Steinberg J. The Third Reich Reich Reflected: German Civil Administration in the Occupied Soviet Union // English Historical Review. – 1995. – № 110 (437). – Pp. 620–651.

Stola D. Kampania antysyjonistyczna w Polsce 1967 – 1968. – Warszawa: IH PAN, 2000.

Stola D. The Hate Campaign of March 1968: How Did It Become Anti-Jewish? // Polin. – 2008. – № 21. – Pp. 16–36.

Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. – New York: Penguin, 1998.

Streim A. Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im «Fall Barbarossa». – Heidelberg: C.F. Müller Juristischer Verlag, 1981.

Streit C. Keine Kamaraden: Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangen 1941–1945. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1978.

Streit C. The German Army and the Policies of Genocide // The Policies of Genocide: Jews and Soviet Prisoners of War in Nazi Germany / Ed. by Hirschfeld G. – London: Allen & Unwin, 1986.

Stroński H. Deportacja – masowe wywózki ludności polskiej z Ukrainy do Kazachstanu w 1936 roku // Przegłąd Polonijny. – 1997. – № 23 (3). – Pp. 108–121.

Stroński H. Represje stalinizmu wobec ludności polskiej na Ukrainie w latach 1929–1939. – Warszawa: Wspólnota Polska, 1998.

Strzelecki A. Deportacja Żydów z getta łódzjiego do KL Auschwitz i ich zagłada. – Oświęcim: Państwowe Muzeum Auschwitz Birkenau, 2004.

Subtelny O. German Diplomatic Reports on the Famine of 1933 // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – Pp. 13–26.

Sullivan G.R. et al. National Security and the Threat of Climate Change. – Alexandra: CNA Corporation, 2007.

Suny R.G. Reading Russia and the Soviet Union in the Twentieth Century: How «the West» Wrote Its History of the USSR // Cambridge History of Russia / Ed. by Suny R.G. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – Vol. 3. – Pp. 5–64.

Swianiewicz S. In the Shadow of Katyń. – Calgary: Borealis, 2002.

Szaynok B. Z historią i Moskwą w tle: Polska a Izrael 1944–1968. – Warszawa: IPN, 2007.

Szporluk R. Russia, Ukraine, and the Breakup of the Soviet Union. – Stanford: Hoover Press, 2000.

Szybeika Z. Historia Białorusi, 1795–2000. – LublinL IESW, 2002.

Taylor S.J. A Blanket of Silence: The Response of the Western Press Corps in Moscow to the Ukrainian Famine of 1932–1933 // Famine-Genocide in Ukraine, 1932–1933 / Ed. by Isajiw W. – Toronto: Ukrainian Canadian Research and Documentation Centre, 2003. – Pp. 77–95.

Tec N. Defiance: The Bielski Partisans. – New York: Oxford University Press, 1993.

Teczka specjalna J.W. Stalina / Ed. by Cariewskaja T., Chmielarz A., Paczkowski A., Rosowska E., Rudnicki S. – Warsaw: Rytm, 1995.

The Crime of Katyń: Facts and Documents. – London: Polish Cultural Foundation, 1965.

The Dark Side of the Moon. – London: Faber and Faber, 1946.

The Einsatzgruppen Reports / Ed. by Arad Y., Krakowski S., Spector S. – New York: Holocaust Library, 1989.

The Five-Year Plan // New York Times. – 01.01.1933.

The Stalin Record // New York Times. – 11.01.1933.

The Stalin-Kaganovich Correspondence 1931–36 / Ed. by Davies R.W., Khlevniuk Oleg V., Rhees E.A., Kosheleva Liudmila P., Rogovaya Larisa A.. – New Haven: Yale University Press, 2003.

The Stroop Report / Ed. by Milton S. – New York: Random House, 1979.

The Unknown Black Book: The Holocaust in the German-Occupied Soviet Territories / Ed. by Rubenstein J., Altman I. – Bloomington: Indiana University Press, 2008.

The War Against the Peasantry, 1927–1930: The Tragedy of the Soviet Countryside / Ed. by Viola L., Danilov V.P., Ivnitskii N.A., Kozlov D. – New Haven: Yale University Press, 2005.

Ther P. Deutsche und polnische Vertriebene: Gesellschaft und Vertriebenenpolitik in SBZ/DDE und in Polen 1945–1956. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998.

Todorov T. Face à l'extrême. – ParisL Editions de Seiul, 1991.

Todorov T. Les Aventuriers de l'Absolu. – Paris: Robert Laffont, 2006.

Todorov T. Mémoire du mal, Tentacion du Bien: Enquête sur le siècle. – Paris: Reober Laffont, 2000.

Tokarzewski-Karaszewicz M. U podstaw tworzenia Armii Krajowej // Zeszyty Hitoryczne. – 1981. – № 56. – Pp. 124–157.

Tomaszewski J. Preludium Zagłady. Wygnanie Żydów polskich z Niemiec w 1938 r. – Łódź: PWN SA, 1998.

Tomkiewicz M. Zbrodnia w Ponarach 1941–1944. – Warszawa: IPN, 2008.

Tooze A. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. – New York: Viking, 2007.

Torańska T. Oni. – London: Aneks, 1985.

Torzecki R. Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923–1939. – Cracow: Wydawnictwo Literackie, 1989.

Treblinka // Dokumenty i materialy. Obozy. / Ed. by Blumental M. – Łódź: Wydawnictwa Centralnej Żydowskiej Komisji Historycznej, 1946. – Pp. 173–195.

Trunk I. Judenrat: The Jewish Councils in Eastern Europe Under Nazi Occupation. – New York: Macmillan, 1972.

Turner H.A. Stresemann and the Politics of the Weimar Republic. – Princeton: Princeton University Press, 1963.

Ungvary K. Die Schlacht im Budapest: Stalingrad an der Donau, 1944/45. – Munich: Herbig, 1998.

Urban T. Der Verlust: Die Vertreibung der Deutschen und Polen im 20. Jahrhunert. – Munich: C.H. Beck, 2004.

Urbański K. Zagłada Żydów w dystrykcie radomskim. – Crakow: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2004.

Urynowicz M. Gross Aktion – Zagłada Warszawskiego Getta // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2007. – № 7. – Pp. 105–115.

Valentino B. Final Solutions: Mass Killing and Genocide in the Twentieth Century. – Ithaca: Cornell University Press, 2004.

Vallin J., Meslé F., Adamets S., Pyrozhkov S. A New Estimate of Ukrainian Population Losses During the Crises of the 1930s and 1940s // Population Studies. – 2002. – № 56 (3). – Pp. 249–264.

Veidlinger J. Soviet Jewry as a Diaspora Nationality: The «Black Years» Reconsidered // East European Jewish Affairs. – 2003. – № 33 (1). – Pp. 4–29.

Veidlinger J. The Moscow State Yiddish Theatre: Jewish Culture on the Soviet Stage. – Bloomington: Indiana University Press, 2000.

Verbrechen der Wehrmacht: Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. – Hamburg: Institut für Sozialforschung, 2002.

Vertreibung und Vertreibungsverbrechen 1945 – 1948: Bericht des Budesarchivs vom 28 Mai 1974. – Bonn: Kulturstiftung der Deutschen Vertriebenen, 1989.

Viola L. Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Popular Resistance. – New York: Oxford University Press, 1996.

Viola L. Selbstkolonisierung der Sowjetunion // Transit. – 2011. – № 38. – Pp. 34–56.

Viola L. The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. – Oxford: Oxford University Press, 1987.

Viola L. The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements. – New York: Oxford University Press, 2007.

Vulpius R. Ukrainische Nation und zwei Konfessionen. Der Klerus und die ukrainische Frage 1861–1921 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 2001. – № 49 (2). – Pp. 240–256.

Walicki A. The Controversy over Capitalism: Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists. – Oxford: Clarendon Press, 1969.

Walsdoeff M. Westorientierung und Ostpolitik: Stresemanns Rußlandpolitik in der Locarno-Ära. – Bremen: Schünemann Universitätsverlag, 1971.

Wandycz P. Soviet-Polish Relations, 1917–1921. – Cambridge: Harvard University Press, 1969.

Wandycz P. Z Piłsudskim i Sikorskim: August Zaleski, minister spraw zagranicznych w latach 1926–1932 i 1939–1941. – Warszawa: Wydawnictwo Sejmowe, 1999.

Wasser B. Himmlers Raumplannung im Osten. – Basel: Birkhäuser Verlag, 1993.

Wdowinski D. And Are We Not Saved. – New York: Philosophical Library, 1985.

Weber E. The Hollow Years: France in the 1930s. – New York: Norton, 1994.

Weinberg G.L. A World at Arms: A Global History of World War II. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Weinberg G.L. The Foreign Policy of Hitler's Germany. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. – Princeton: Princeton University Press, 2001.

Weiner A. Nature, Nurture, and Memory in a Socialist Utopia: Delineating the Soviet Socio-Ethnic Body in the Age of Socialism // American Historical Review. – 1999. – № 104 (4). – Pp. 1114–1155.

Weiss-Wendt A. Murder Without Hatred: Estonians and the Holocaust. – Syracuse: Syracuse University Press, 2009.

Weissberg-Cybulski A. Wielka czystka / Transl. by Ciołkosz A. – Paris: Institut Litteraire, 1967.

Weitz E.D. From the Vienna to the Paris System: International Politics and the Entangled Histories of Human Rights, Forced Deportations, and Civilizing Missions // American Historical Review. – 2008. – № 113 (5). – Pp. 1313–1343.

Wendt B.-J. Großdeutschland: Außenpolitik und Kriegsvorbereiterung des Hitler-Regimes. – Munich: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1987.

Werth N. La terreur et le désarroi: Staline et son système. – Paris: Perrin, 2007.

Werth N. Un État contre son peuple // Le livre noir du communisme: Crimes, terreur, repression / Ed. by Courtois S., Werth N., Panné J.-L., Paczkowski A., Bartosek K., Margolin J.-L. – Paris: Robert Laffont, 1997.

Westermann E.B. «Ordinary Men» or «Ideological Soldiers»? Police Battalion 310 in Russia, 1942 // German Studies Review. – 1998. – № 21 (1). – Pp. 41–68.

Wheatcroft S.G. Agency and Terror: Evdokimov and Mass Killing in Stalin's Great Terror // Australian Journal of Politics and History. – 2007. – № 53 (1). – Pp. 20–43.

Wheatcroft S.G. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930–45 // Europe-Asia Studies. – 1996. – № 48 (8). – Pp. 1319–1353.

Wheatcroft S.G. Towards Explaining the Changing Levels of Stalinist Repression in the 1930s: Mass Killings // Challenging Traditional Views of Russian History / Ed. by Wheatcroft S.G. – Houndmills: Palgrave, 2002. – Pp. 112–138.

Wheeler-Bennett J.W. Brest-Litovsk: The Forgotten Peace. – London: Macmillan, 1938.

Wieczerkiewicz P.P. Łańcuch śmierci. Czystka w Armii Czerwonej 1937–1939. – Warszawa: Rytm, 2001.

Wieliczko M. Akcja AB w Dystrykcie Krakowskim // Ausserordentliche Befriedungsaktion 1940 Akcja AB na ziemiach polskich / Ed. by Mańkowski Z. – Warszawa: GKBZpNP-IPN, 1992. – Pp. 28–40.

Wiernik Y. A Year in Treblinka. – New York: General Jewish Workers' Union of Poland, 1944.

Wilhelm Hans-Heinrich. Die Einsatzgruppe A der Sicherherispolizei und des SD 1941/1942. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1996.

Willaims K. The Prague Spring and Its Aftermath: Czechoslovak Politics, 1968–1970. – New York: Cambridge University Press, 1997.

Willenberg S. Revolt in Treblinka. – Warsaw: Jewish Historical Institute, 1992.

Wirsching A. Die Weimarer Republik in ihrer inneren Entwicklung: Politik und Gesellschaft. – Munich: Oldenbourg, 2000.

Witte P., Tyas S. A New Document on the Deportation and Murder of Jews During «Einsatz Reinhardt» 1942 // Holocaust and Genocide Studies. – 2001. – № 15 (3). – Pp. 368–486.

Wnuk R. «Za pierwszego Sowieta». Polska konspiracjz na Kresach Wschodnich II Rzeszypospolitej. – Warszawa: IPN, 2007.

Wojna żydowsko-niemiecka / Ed. by Szapiro P. – London: Aneks, 1992.

Wokół Jedwabnego / Ed. by Machcewicz P., Persak K. – Warszawa: Instytut Panięci Narodowej, 2002. – 2 vols.

Writing the Siege of Leningrad / Ed. by Simmons C., Perlina N. – Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2002.

Wroniszewski J. Ochota 1939–1946. – Warszawa: MON, 1976.

Yang D.L. Calamity and Reform in China: State, Rural Society, and Institutional Change Since the Great Leap Famine. – Stanford: Stanford University Press, 1996.

Yekelchyk S. Stalin's Empire of Memory: Russian-Ukrainian Relations in the Soviet Historical Imagination. – Toronto: University of Toronto Press, 2004.

Zagłada polskich elit. Akcja AB-Katyń. – Warszawa: Instytut Pamięci Narodowej, 2006.

Zaloga S.J. Bagration 1944: The Destruction of Army Group Center. – Westport: Praeger, 2004.

Zarusky J. «Hitler bedeutet Krieg»: Der deutsche Weg zum Hitler-Stalin-Pakt // Osteuropa. – 2009. – № 59 (7–9). – Pp. 97–114.

Żbikowski A. Lokalne pogromy Żydów w czerwcu i lipcu 1941 r. na wschodnich rubieżach II Rzeczypospolitej // Biuletyn Żydowskiego Instytutu Historycznego. – 1992. – № 162–163. – Pp. 3–18.

Żbikowski A. Żydowscy przesiedleńcy z dystryktu warszawskiego w getcie warszawskim, 1939–1942 // Prowincja noc. Życie I zagłada Żydów w dystrykcie warszawskim / Ed. by Engelking B., Leociak J., Libionka D. – Warszawa: IfiS PAN, 2007. – Pp. 223–279.

Zimmerman J.D. The Attitude of the Polish Home Army (AK) to the Jewish Question During the Holocaust: The Case of the Warsaw Ghetto Uprising // Varieties of Antisemitism: History, Ideology, Discourse / Ed. by Baumgarten M., Kenez P., Thompson B. – Newark: University of Delaware Press, 2009. – Pp. 105–126.

Ziółkowska E. Kurapaty // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej. – 2009. – № 96– 97. – Pp. 44–53.

Zubok V.M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2007.

Zuckerman Y. A Surplus of Memory: Chronicle of the Warsaw Ghetto Uprising. – Berkeley: University of California Press, 1993.

Zwolski M. Deportacje internowanych Polaków w głąb ZSRS w latach 1944–1945 // Exodus: Deportacje i migracje (wątek wschodni) / Ed. by Zwolski M. – Warszawa: IPN, 2008. – Pp. 40–49.

Życie i zagłada Żydów polskich 1939–1945: Relacje świadków / Ed. by Grynberg M., Kotowska M. – Warsaw: Oficyna Naukowa, 2003.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

ОТЗЫВЫ НА КНИГУ ТИМОТИ СНАЙДЕРА «КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ»

Оригинальность работы Снайдера состоит в том, что он представляет все эти эпизоды – украинский Голодомор, Холокост, сталинские массовые экзекуции, преднамеренное морение голодом советских военнопленных, послевоенные этнические чистки – как различные грани одного и того же феномена. Вместо того, чтобы, подобно многим другим, исследовать по отдельности нацистские и советские преступления, он сопоставляет их. Однако Снайдер не просто сравнивает две системы. Его намерение состоит в том, чтобы показать, что обе системы совершали одинаковые преступления в одно и то же время и в одних и тех же местах, что они содействовали друг другу и подстрекали друг друга, и, конечно же, что их взаимодействие привело к более массовым убийствам, чем каждая из них могла бы привести водиночку». – Энн Эпплбаум, *Нью-Йорк Ревю оф Букс.*

«Скрупулезная и нюансированная книга господина Снайдера отстоит далеко от бесплодного, представленного в виде лозунгов, обмена мнениями по поводу того, был ли Сталин таким же плохим, как и Гитлер, или того, является ли массовое уничтожение в Украине (или где-либо еще) моральным эквивалентом уничтожения евреев нацистами. Вместо этого книга объясняет и записывает и делает это превосходно. Обе тоталитарные империи превратили людей в статистику, а их гибель – в необходимый шаг вперед на пути к светлому будущему. Книга господина Снайдера объясняет (с сочувствием, честностью и инсайтом), как это произошло и с кем». – *Экономист.*

«Тимоти Снайдер… заставляет нас непосредственно посмотреть на полный спектр деструкции, проводимой сначала сталинским режимом, а затем гитлеровским Рейхом. Каждый из них смоделировал жуткую оргию преднамеренного массового уничтожения… Снайдер перемежает свое обширное и убедительное повествование с короткими свидетельствами отдельных жертв, палачей и свидетелей». – *Нью-Йорк Таймс Бук Ревю.*

«С 1933-го по 1945 год в Восточной Европе было уничтожено 14 миллионов человек. Книга “Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным” каталоги-

зирует, как, где и почему погибли эти миллионы человек. Кумулятивный эффект заставляет вас переосмыслить каждый аспект современной Европы и Второй мировой войны. В процессе этого рассказа Снайдер достигает большего: он отвоевывает хотя бы малость человеческого достоинства для погибших, а не обращается с ними исключительно как с жертвами». – *Нью Репаблик*, рубрика «Выбор редактора: лучшие книги 2010 года».

«Исследование Снайдера – аккуратное и основательное, его нарратив – мощный… Включив в тематику своей книги советские и немецкие массовые преступления, Тимоти Снайдер поднимает необходимое, но все еще табуированное, рассмотрение абсолютной порочности тотальной войны в том виде, в котором она велась в XX веке, до тех пор, как появление ядерного оружия предрешило ее ход». – *Вашингтон Пост.*

«Историю Второй мировой войны (как и большинства войн) обычно рассказывают победители. Дипломатические и военные записи находятся преимущественно на Западе, и главная роль в борьбе с фашизмом в них отводится нравственно безупречным членам Антигитлеровской коалиции – США, Великобритании и Советскому Союзу. Холокост получает свою отдельную историю – как отдельно стоящий случай в его геноцидном намерении и человеческой трагедии. Книга Тимоти Снайдера “Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным” вызывает драматичный сдвиг в этих взглядах… Кроме других намеченных целей, в “Кровавых землях” господин Снайдер пытается поставить Холокост в контекст – в определенном смысле восстановить его в истории более масштабного европейского конфликта. Это задание, на которое ни один историк не может пойти без риска возбудить полемику. Однако “Кровавые земли”, отнюдь не приуменьшая страдания евреев, создают более полную картину нацистской убийственной машины». – *Волл Стрит Джорнал.*

«Как Сталин и Гитлер сделали возможными преступления друг друга и уничтожили 14 миллионов человек на пространстве от Балтийского до Черного моря? Дело всей жизни историка Йельского университета, который заслуживает того, чтобы его читали и перечитывали». – *Экономист* (рубрика «Книги года»).

«Эта превосходная и душераздирающая история рассказывает о 14 миллионах человек, уничтоженных на землях, расположенных между Берлином и Москвой, в период с 1933 по 1945 годы, – не только о тех, кто погиб во время Холокоста, но и о 3,3 миллиона жертв сталинского голодомора в Советской Украине, о многих загубленных представителях польской элиты, а также о русских, беларусах и украинцах, которых Гитлер заставил голодать». – *Файненшиал Таймс*, праздничный обзор.

«В деле намеренного массового уничтожения все еще никто не превзошел Гитлера и Сталина. Хотя у нас есть огромное количество информации об их преступлениях, мы, возможно, до сих пор неверно понимаем их характер и размах – не в последнюю очередь потому, что не можем понять, как взаимодействовали две большие диктатуры. Мы упускаем из виду значимость того, где происходили самые страшные ужасы в период с середины 1930-х и до середины 1940-х: в Польше, на

западе России, там, где теперь Украина, Беларусь и государства Балтии. Так утверждает Тимоти Снайдер в книге "Кровавые земли", которая убедительно и волнующе старается предложить новую интерпретацию кошмара, происходившего в Европе в середине XX века». – Стефан Хау, *Индепендент* (Лондон), рубрика «Книга года».

«Снайдер показывает, что именно происходило с 1930-го по 1945 год в Балтийских государствах, Беларуси, Польше и Украине. От сталинских голодоморов до маршей смерти и массовых этнических чисток, эти пограничные земли были фокусом как сталинских, так и гитлеровских идеологических навязчивых идей». – Энтони Бивор, *Телеграф* (Лондон), рубрика «Книга года».

«Книга Тимоти Снайдера открывает новые горизонты – не потому, что предоставляет новую информацию о Второй мировой войне и ее преступлениях, а потому, что предлагает переосмысление (и в хронологическом, и в географическом смысле), позволяющее нам увидеть те исторические события в новом свете». – *Форвард* (рубрика «Пять лучших книг нехудожественного жанра 2010 года»).

«Блестящее и леденящее кровь описание Снайдером сталинских и гитлеровских убийственных полей, в котором использовано множество новых архивных материалов, заставляет задуматься о том, как те, кто сегодня отрицает советские преступления… отреагировали бы, например, на представленную им цифру 100 000 поляков, уничтоженных во время репрессий 1937–1938 годов, или шесть миллионов, погибших в результате преднамеренных голодоморов». – *Ризон* (рубрика «Лучшие книги 2010 года»).

«Самая существенная из когда-либо написанных книг о преступлениях Гитлера и Сталина… Одна из самых шокирующих книг, которые я читал в своей жизни… написанная гением, Тимоти Снайдером, преподавателем Йельского университета. Это действительно бесподобная книга… Мне кажется, что я сам все это видел и слышал, хотя я лишь читал». – Майкл Сэвидж, популярный автор *Нью-Йорк Таймс* и ведущий «Майкл Сэвидж Шоу».

«Книга Тимоти Снайдера "Кровавые земли" – это часть захватывающего переосмысления истории Восточной Европы при Гитлере и Сталине; она открывает перед читателем катастрофический ландшафт». – Девид Герман, *Нью Стэйтсмен* (Лондон), рубрика «Книги 2010 года».

«Книга Тимоти Снайдера "Кровавые земли" – разоблачительная оценка массовой гибели, которую учинили нацисты и коммунисты в Украине, Беларуси, Польше, западной части России и землях Балтики». – Джон Грэй, *Нью Стэйтсмен* (Лондон), рубрика «Книги 2010 года».

«Миллионы жителей Восточной Европы оказались в ловушке между Германией и Советским Союзом – двумя самыми убийственными режимами в европейской истории. Их трагедия находится в центре выдающейся книги Тимоти Снайдера... "Кровавые земли" хорошо написаны, ясны и доступны. Книга наполнена совре-

менными статистическими данными (некоторые из них просто ошеломляющие), но также и трогательными историями людей... Кое-что из этого уже знакомо, однако большая часть – нет. Снайдер – ключевая фигура в этом новом видении Восточной Европы, которое трансформирует то, что мы думаем о сталинизме, нацизме и Холокосте... Снайдер собрал воедино огромное количество новых идей и исследований, большинство из которых еще не переведены. Это огромная научная работа, которая разрушает многие мифы и открывает нам новую историю Европы». – *Нью Стэйтсмен* (Лондон).

«В этой скрупулезно исследованной истории... Снайдер не приводит доводы в пользу морального знака равенства между уничтожением евреев Гитлером и уничтожением “кулаков” Сталиным перед этим. Наоборот, индустриальная эксплуатация трупов и их пепла была уникальным гитлеровским злодеянием – уникальным примером человеческой низости. Тем не менее, это первая книга на английском языке, в которой исследуются вместе и советские, и германские массовые уничтожения. В качестве истории политического массового убийства “Кровавые земли” служат делу прояснения политической болезни, которая свела 14 миллионов человек к статусу не-людей». – Иан Томсон, *Телеграф* (Лондон).

«Талантливый историк и искусный рассказчик [Снайдер] мастерски повествует невероятно сложную историю, разоблачая мифы, корректируя ложные представления и предоставляя в равной мере контекст, анализ и человеческую заинтересованность, всегда с симпатией прислушиваясь к жертвам... “Кровавые земли” – отличная, авторитетная и образная книга, с абсолютной ясностью рассказывающая зловещую историю о величайшей трагедии человеческой демографии в истории Европы. Снайдер намеревался очеловечить миллионы жертв тоталитаризма. Ему это замечательно удалось». – Роджер Мурхауз, *Би-Би-Си Хистори Мэгэзин* (Лондон)

«Книга “Кровавые земли” меняет наше представление об этом ужасающем периоде... Снайдер настаивает, что колоссальные преступления на страницах его “Кровавых земель” должны быть помещены внутрь единых исторических рамок. Рассматривать их порознь (например, рассматривать преступления Гитлера как “настолько огромные, что они стоят особняком в истории”, или сталиниские преступления как чудовищное средство достижения модернизации) – значит, позволить двум диктаторам “определять за нас их деяния”... Незабываемо описанный в этой книге голодомор в Украине убедительно показывает, что Сталин знал о событиях на селе, но решил позволить им продолжаться... Цифры настолько огромны и настолько ужасны, что от скорби можно оцепенеть. Однако Снайдер, являющийся благородным писателем и великим исследователем, знает об этом. Он просит нас не мыслить этими округленными цифрами». – *Гардиан* (Лондон).

«Важная новая история… Одним из крупнейших достижений Снайдера в книге “Кровавые земли” является то, что он сохраняет ощущение исключительности еврейского опыта, даже когда показывает его сложную связь с ужасным опытом народов, среди которых жили евреи... Связь между евреями и коммунизмом, наверное, самая взрывоопасная из всех тем, к которым обращается Снайдер, и здесь ему

больше всего помогают те сильные стороны, которые он демонстрирует на протяжении всей книги: широкие познания, глубокое сострадание, а также ясные и осторожные моральные суждения... Любой, кто старается полностью осознать Холокост (по крайней мере, настолько, насколько его можно осознать), должен прочитать "Кровавые земли", которые показывают, сколько зла должно быть совершено, прежде чем станет возможным совершение абсолютного зла». – Адам Кирш, *Тэблет.*

«Ревизионистская история Снайдера описывает то, как около 14 миллионов человек погибли на землях, находившихся между Германией и Советским Союзом, и предлагает свежий взгляд на трагедии, происходившие во время Второй мировой войны». – *Ролл Колл.*

«Удивительно творчески плодовитый, [Снайдер] основывает свою работу на заслуживающем доверия владении фактами, поднимая на поверхность фолианты информации на множестве языков, и блестяще синтезирует полученные данные. Книга "Кровавые земли", как минимум, ценна благодаря изумительной интеграции нарратива о страшной эре европейской истории… Будучи необычайно талантливым прозаиком, [Снайдер] стремится к нравственному императиву, соответствующему гнетущим темам, к которым он обращается, и редко прибегает к банальностям». – Сэмюэл Мойн, *Нэйшен.*

«Статистика – важная часть нарратива господина Снайдера, но при этом он не забывает, что за каждой цифрой когда-то стоял человек… Эта книга – зловещий, но важный материал для чтения». – *Вашингтон Таймс.*

«Для нас на Западе ужасы Второй мировой войны ассоциируются с названиями Аушвиц, Иодзима и Хиросима. Не отрицая значения этих мест, Снайдер – чрезвычайно талантливый историк Йельского университета – радикально меняет наше понимание массового уничтожения, которое продолжалось в течение нескольких лет, убедительно показывая, где и как большинство жертв встретили свой конец. "Кровавые земли" переполнены потрясающими фактами и откровениями… В заключении, которое должно быть обязательным к прочтению всеми, Снайдер пишет о моральных вопросах, поставленных убийственной историей, признавая такие оттенки виновности, из-за которых подчас трудно четко отделить жертв от палачей. Он также проливает столь необходимый свет на опасность "сравнительной мартирологии" недавнего прошлого, поскольку народы "кровавых земель" попытались оспорить статус самой большой жертвы». – *Сиэттл Таймс.*

«Снайдер представляет читателю материал, который, бесспорно, свеж; более того, он получен из источников на языках, с которыми знакомы немногие представители западной академии. Успех "Кровавых земель" на самом деле состоит в эффективной презентации изобилия непредвзятых и крепких научных знаний». – *Файненшиал Таймс.*

«Цельная и рассудительная научная работа». – *Буклист.*

«Пугающе систематизированное исследование массового уничтожения, осуществляемого взаимно Советским Союзом и нацистской Германией… Значительная работа, сочетающая внушительные цифры и научные знания». – *Киркус Ревюз*.

«Безупречно исследованная история… Одной из самых сильных сторон книги Снайдера является то, что она возвращает к жизни …забытые голоса тех, кто погиб на “кровавых землях”. Нацистский и советский режимы превратили людей в цифры, но Снайдер снова соединяет широкий нарратив ни с чем не сравнимой трагедии Восточной Европы с ее глубоко личным влиянием на жизни людей». – *Айриш Таймс* (Лондон).

«Эта книга революционизирует представление читателей о середине XX века... Снайдеру удалось выполнить одновременно два трудных задания: он исследует часто рассматриваемый период и показывает его в совершенно новом свете; он также проливает свет на малоисследованные исторические события, пропуская их через призму региона (Восточной Европы), где часто история, по мере своего развития, оставляет мало свидетелей... “Кровавые земли” обязательны для прочтения всем, кто интересуется историей XX века, и особенно тем, кого интересует, как создаются и поддерживаются исторические нарративы. То, как Снайдер исследует прошлое, стоит взять на вооружение в ближайшем будущем». – *Праг Пост* (Чешская республика).

«Очень захватывающе и провокативно». – *Вашингтон Мансли.*

«Блестящий, важный и очень оригинальный взгляд на кусок территории, включающий не только Польшу, но и Беларусь, Украину и Балтийские государства».– *Джуиш Джорнал.*

«Потрясающая и важная новая книга… Снайдер пишет со смелостью, от которой некоторым людям будет дискомфортно. Он ставит под сомнение полезность слова “геноцид”, предпочитая ему термин “массовое уничтожение”. Поместив деяния Сталина в контекст гитлеровского “окончательного решения”… Снайдер не занимается поверхностным поиском эквивалентов; масштаб его аргументов тщательно ограничен. Он показывает, как нацистская Германия и Советский Союз создавали взаимоусиливаемую динамику, приведшую к гибели 14 миллионов человек в Польше, Литве, Украине и Беларуси». – *Нэшенал* (Абу-Даби).

«Смелая, блестящая, вызывающая дискомфорт книга, которая стремится сопоставить нацистские и советские ужасы середины XX столетия и уместить их в рамках одного нарратива. Сосредотачиваясь на областях, где эти два режима накладывались друг на друга и соперничали (а именно на Польше, Балтийских государствах, Украине и Беларуси – то есть на “кровавых землях” из названия книги), Снайдер придает человеческое лицо бессчетному числу жертв тоталитаризма. Это своевременная, авторитетная и хорошо написанная книга, которая, по моему мнению, является событием года в области истории». – Роджер Мурхауз, *Хистори Тудей* (Лондон).

«Тимоти Снайдер написал нюансированный, оригинальный и пронизывающий

анализ убийственных полей Европы двадцатого века, расположенных между Россией и Германией, основываясь на многих малоизвестных источниках. Представляя собой историю высокого порядка, “Кровавые поля” могут также помочь нам сделать выводы относительно нашего с вами времени». – Тимоти Гартон-Эш, преподаватель европейских студий Оксфордского университета, автор книги «Дело: личная история».

«Спустя почти семьдесят лет после Дня Победы, Вторую мировую войну продолжают рассматривать через узкую западную точку зрения, а многие основные проблемы, касающиеся войны 1939–1945 гг. остаются нерешенными. В “Кровавых землях”, под которыми подразумевается огромный пояс территории от Германии до России, Тимоти Снайдер исследует малоизвестное пространство Европейского континента, на которое Сталин и Гитлер обрушили бедствия, и приходит к довольно неутешительным выводам. Совместив недюжинные лингвистические способности и умение вести детективное расследование с тонким чувством беспристрастности, он берется за решение насущных вопросов, которые отпугнули менее смелых историков: где и когда было уничтожено больше всего жертв? Кем были преступники и какая этническая и национальная группа подвергалась виктимизации? Как можно подсчитать и перепроверить цифры? Эта книга заставит читателей переосмыслить историю». – Профессор Норман Дейвис.

«Историки нацистской Германии проанализировали гитлеровскую войну по разрушению Востока, “окончательное решение”, огромную расовую революцию и проект колонизации по “Генеральному плану Ост”. Историки Советского Союза проанализировали сталинскую коллективизацию, Большой террор, архипелаг ГУЛАГ, депортацию и изгнание не вызывающих доверие меньшинств, а также скорую советизацию только что аннексированных территорий на западной границе. В обоих случаях фокус чаще был сосредоточен на политике диктатур и на принятии ими решений, нежели на судьбе их жертв. Потрясающий вклад книги Тимоти Снайдера состоит в том, что она представляет синтетический труд историка-специалиста по Восточной Европе, в центре внимания которого – географическая зона, где смертоносная политика Гитлера и Сталина взаимодействовали друг с другом, накладывались друг на друга и взаимно подстегивали друг друга. Как четко демонстрирует Снайдер, их совместный эффект на людей, проживавших на “кровавых землях”, был самой огромной искусственно созданной демографической катастрофой и человеческой трагедией в европейской истории». – Кристофер Браунинг, преподаватель истории университета Северной Каролины (г. Чапел-Хилл).

«На протяжении более десяти лет в середине XX столетия земли между Россией и Германией были убийственными полями Европы. Власти и армии Советского Союза и нацистской Германии морили голодом, избивали, расстреливали и травили газом десятки миллионов граждан Польши, Украины, Литвы и Беларуси. Нам кажется, что мы знаем эту историю, и мы ставим на нее привычные клише: Аушвиц, Гулаг. В своем новаторском и часто отважном исследовании европейских “кровавых земель” Тимоти Снайдер показывает, насколько более сложной была история. Его описание методов и мотивов убийственных режимов (как внутри своей страны, так и за границей) подвергнет радикальному пересмотру наше понимание логики

массового уничтожения в недавнем прошлом. “Кровавые земли” – исследование, проведенное безупречно, с соответствующей чувствительностью к его взрывоопасному материалу, – самая важная книга на эту тему, написанная за несколько последних десятилетий, и она, вне сомнения, станет источником ссылок в своей научной области». – Тони Джадт, автор книг «После войны: история Европы с 1945 года» и «Беда шагает по земле».

«Представляя собой тщательно проведенное исследование, амбициозная в своем размахе, книга “Кровавые земли” предлагает захватывающее, хотя и в высшей степени тяжелое, повествование о некоторых из самых больших зол двадцатого столетия». – *Этикс энд Интернешенал Аффеар.*

«Мастерски представленная история… Снайдер заставляет многих из нас изменить наше понимание Второй мировой войны». – *Маклеанс* (Торонто).

«Важная книга… Впечатляюще последовательный нарратив». – *Кэнэдиан Джуиш Ньюз*

«Перед нами дилеммы и ужас, с которыми столкнулось население “кровавых земель”: как они выживали, сотрудничали с режимом, сопротивлялись, любили, надеялись, были свидетелями, жили и умирали. [Снайдер] вырывает исторический нарратив из рук Сталина и Гитлера и помещает его в руки жертв. Все это подчеркивается мощной прозой Снайдера: он не только опытный историк, который собирает воедино сотни источников, написанных на нескольких языках, но еще и прозаик, пишущий пронзительно и волнующе». – *Киев Пост* (Киев, Украина)

«Книга “Кровавые земли” заслуживает быть прочитанной. Это поучительная история во всех смыслах этого слова». – *Виннипег Фри Пресс* (Канада).

«“Кровавые земли” Тимоти Снайдера – это не книга, час которой пришел, а книга, которая давно уже должна была появиться на свет. Чем быстрее массовый читатель Восточной Европы впитает в себя этот том, тем больше шансов, что будет сделан реальный прогресс в деле “урегулирования” некоторых особо затянувшихся желчных двусторонних отношений в регионе». – *Москоу Ньюз* (Россия).

ПОСЛЕДНИЕ ПУБЛИКАЦИИ Т. СНАЙДЕРА ОБ УКРАИНЕ

Україна без Путіна // Критика, грудень 2013.

A Way out for Ukraine? // The New York Review of Books, 5 December 2013.

Ukraine: Putin's Denial // The New York Review of Books, 13 December 2013.

Ukraine: The New Dictatorship // The New York Review of Books, 18 January 2014.

Ukraine: a Coup or a Revolution? // Democracy Now!, 2 February 2014.

Don't Let Putin Grab Ukraine // New York Times, 4 February 2014.

Ukraine's Promise of Peace is Overtaken by Fresh Tragedy // Financial Times, 19 February 2014.

What the West Owes Ukraine // CNN, 25 February 2014.

Dear Kremlin: Careful with Crimea // Foreign Policy, 26 February 2014.

Забавки з минулим // Критика, березень 2014.

Beneath the Hypocrisy, Putin is Vulnerable. Here's Where His Soft Spots Are // The New Republic, 1 March 2014.

Ukraine: the Haze of Propaganda // The New York Review of Books, 1 March 2014.

Who is Provoking the Unrest in Ukraine? A Debate on the Role of Russia, United States in Regional Crisis // Democracy Now!, 3 March 2014.

China's Stake in the Uraine-Russia Conflict // The Takeaway with John Hockenberry, 4 March 2014.

If Russia Swallows Ukraine, the European System is Finished // CNN, 5 March 2014.

Crimea: Putin vs. Reality // The New York Review of Books, 7 March 2014.

Russia ha invadido Crimea kustificación alguna // ABC Madrid, 9 March 2014.

Freedom in Russian Exists only in Ukraine // London Evening Standard, 17 March 2014.

Far-Right Forces are Influencing Russia's Actions in Crimea // The New Republic, 17 March 2014.

Fascism, Russia, and Ukraine // The New York Review of Books, 20 March 2014.

Putins Ideologie hat faschistische Wurzel // Die Welt, 29 March 2014.

US-Historiker Timothy Snyder kritisiert Medien wegen Ukraine // Der Tagesspiegel, 29 March 2014.

Propagandasumusse mattunud Ukraine // Avramus, 30 March 2014.

Snyder: «la Crimée a été occupée pour détruire l'Etat ukrainien // RFI, 31 March 2014.

Stand up! With Pete Dominick, 31 March 2014.

Wessen Blut auf wessen Boden? // Sueddeutsche.de, 31 March 2014.

Europe and Ukraine: Past and Future // Eurozine, 16 April 2014.

Putin's Project // Frankfurter Allgemeine, 16 April 2014.

Ukrainian Extremists Will Only Triumph if Russia Invades // New Republic, 17 April 2014.

Putinův project. Ukrajina mezi Evropou a Eurasií // Echo24.cz, 20 April 2014.

Russia's Propaganda War is a Danger for Ukraine's Jews // The Guardian, 27 April 2014.

Professor Snyder chairs session 7. for the conference «The 2004 EU Enlargement – Ten Years After», 28 April 2014.

Schauplatz Wein // Sueddeutsche Zeitung, 3 May 2014.

Putins Eurasien: Die Ideologie hinter Russlands Expansionskurs // 3Sat.de, 9 May 2014.

The Battle in Ukraine Means Everything: Fascism Returns to the Continent it Once Destroyed // New Republic, 11 May 2014.

Briefing Dedicated to the Start of the Conference «Ukraine: Thinking Together».

Not Even Past: Ukrainian Histories, Russian Politics, European Futures: Public Lecture, Kyiv, Ukraine.

Closing Remarks at the Conference «Ukraine: Thinking Together. Ukrainian Crisis Media Center», May 19, 2014□.

Ukraine: The Edge of Democracy // New York Review of Books, 22 May 2014.

Europe's New Status Quo: Ukraine is Fighting Our Battle // Spiegel Online International. 23 May 2014.

Ukraine: the Antidote to Europe's Fascists? // New York Review of Books, 27 May 2014.

Will Election Unite Ukraine? Dozens Killed in Airport Battle as President-Elect Vows Russia Talks // Democracy Now!, 27 May 2014.

Крайнодесниту партии са инструментът на Русия за разрушаване на ЕС // dnevnik.bg, 5 June 2014.

Митовете за Украйна – историкът от Йейл Тимъти Снайдър // bnt.bg, 6 June 2014.

Русия вече не е държава, а проект // capital.bg, 6 June 2014.

Not Even Past History, Russia, Ukraine and Europe // The Red House Centre for Culture and Debate and the Centre for Liberal Strategies, 7 June 2014.

Минало несвършено: Русия, Украйна и Европа // kultura.bg, 7 June 2014.

Залогът «Украйна» и ролята на България в Европейския процес // Euranet Plus, 9 June 2014.

Diaries and Memoirs of the Maidan: Ukraine from November 2013 to February 2014 // Eurozine, 26 June 2014 (with Tatiana Zhurzhenko).

An Atrocity Waiting to Happen in Putin's Mad, Lying World // The Sunday Times, 20 July 2014.

Mais pressão sobre a Rússia // Mundo, 20 July 2014.

Heft 45: Maidan – Die unerwartete Revolution // Transit, Summer 2014.

To Understand Putin, Read Orwell. Ukraien, Russia and the Big Lie // Politico, 3

L'histoire de l'Ukraine est typiquement européenne // Libération, 7 September 2014.

Die Ukraine-Krise als Abiturprüfung // Frankfurter Allgemeine, 10 September 2014.

Inaugural Lecture for 20th Academic Year at Ukrainian Catholic University, 16 September 2014.

Europe after 1914: Integrations and Disintegrations: Lecture for the Visual Culture Research Center, Kyiv, 18 October 2014.

Russia's War, Ukraine's History, and the West's Options: Lecture for Center for Strategic and International Studies (CSIS), Washington D.C. 27 October 2014.

Lithuanian Diplomacy Star Awarded to Yale Professor and Author Timothy Snyder // Delfi, 28 October 2014.

JAV istorikas: tikrasis V. Putino taikinys buvo visai ne Ukraina // Delft.lt, 29 October 2014.

Ukraine: From Propaganda to Reality // Chicago Humanities Festival. Sunday 9 November 2014.

Putin's New Nostalgia // New York Review of Books. 10 November 2014.

Presenting at the Metropolitan Andrey Sheptysky Award Ceremony, 18 November 2014.

Als Stalin Hitlers Verbuendeter War // FAZ, 18 December 2014.

Russia, Ukraine, and the Central Significance of Civil Society, Prague. 27 January 2015.

Keynote Speaker at Education International's Holocaust Remembrance Event, 29 January 2015

Fourth Annual 'Let My People Live!' Forum, Prague. 26-27 January 2015.

The Ukraine Crisis Fuels Tensions Between Russia and the West // ABC.net.au, 5 February 2015.

Путін намагається послабити та розробити ЄС // Voice of America, 9 February 2015.

Ukraine: Democracy at the Edge, Brown University. 20 February 2015.

Platform Ukraine: the War for Truth, Platform Ukraine. 25 February 2015.

Ukraine and the Fog of Memory, 27 February 2015. University of Cambridge.

Ukraine, Russland und die EU, Konferenz, Berlin. 2 March 2015.

Lecture at Claremont McKenna College, 9 March 2015.

The War in Ukraine: Propaganda and Reality, Los Angeles Pubic Library. 10 March 2015.

Russland neokoloniales Project // FAZ, 16 March 2015.

Ukraine: The War for History, Brandeis University, 15 April 2015.

Americký expert: Anexia Krymu? To je, ako keby Maďarsko obsadilo Bratislavu// HNOnline.Sk, 20 April 2015.

War and Peace: 1945-2015, 6 May 2015.

A Common European Memory: Promise, Illusion, or Challenge?, Fifth Networking Meeting at the Museum of Occupations, Tallinn, 4 May 2015.

When Stalin was Hitler's Ally// Eurozine, 8 May 2015.

ТИМОТИ СНАЙДЕР

КРАТКАЯ НАУЧНАЯ БИОГРАФИЯ

Тимоти Снайдер – профессор истории Йельского университета, действительный член академии «Института гуманитарных наук». В 1997 году он защитил докторскую диссертацию в Оксфордском университете, стал лауреатом престижной стипендии Маршалла. До начала своей преподавательской карьеры в Йельском университете (в 2001 году) Снайдер выиграл ряд грантов на проведение научных исследований в Париже, Вене, Варшаве, а также получил Академическую стипендию в Гарвардском университете. Около десяти лет Снайдер провел в Европе, говорит на пяти (и читает на десяти) европейских языках.

Снайдер является автором нескольких научных монографий: «Национализм, марксизм и современная Центральная Европа: Биография Казимежа Келлес-Крауза» (1998), «Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва и Беларусь, 1569–1999» (2003), «Зарисовки секретной войны: миссия польского артиста по освобождению Советской Украины» (2005), «Красный принц: тайные жизни габсбургского эрцгерцога» (2008) и «Кровавые земли: Европа между Гитлером и Сталиным» (2010), «Черная земля: Холокост как история и предупреждение» (2015).

Книги Т.Снайдера отмечены многочисленными премиями и переведены на многие языки мира. «Кровавые земли» получили 9 первых премий, в том чи-

сле Премию Эмерсона в области гуманитарных наук, литературную премию Американской Академии искусств и литературы, Лейпцигскую премию за понимание Европы, а также премию им. Ханны Арендт в области политической мысли. «Кровавые земли» Тимоти Снайдера были названы «книгой года» по результатам двенадцати литературных списков.

Книга была издана в переводе на тридцать языков, в том числе на украинский (К.: Грани-Т, 2011, перевод М.Климчука и П. Грицака), была признана книгой года по результатам двенадцати различных списков и стала бестселлером в шести странах.

В соавторстве Снайдер написал книги «Стена вокруг Запада: Государственные границы и иммиграционный контроль в Европе и Северной Америке» (2001), «Сталин и Европа: террор, война, доминирование» (2013), «Обдумывая двадцатое столетие» (2012, совместно с Тони Джадтом). Статьи Снайдера об украинской революции были опубликованы в сентябре 2014 на русском и украинском языках и составили книгу «Украинская история, российская политика, европейское будущее».

Член редакционной коллегии «Журнала современной европейской истории» и «Восточно-европейских политики и обществ», член Комитета по свободе совести Американского мемориального музея Холокоста, член консультативного совета Института еврейских исследований ИВО.

Наукове видання

Тимоти СНАЙДЕР (Timothy SNYDER)

КРОВАВЫЕ ЗЕМЛИ: ЕВРОПА МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ

Переклад з англійської *Лукії Зурнаджи*
Науковий редактор перекладу *Марина Гримич*
Літературний редактор *Тарас Лисенко*
Художнє оформлення, макет і верстка *Андрія Кучерука*

З 1933-го по 1945 р. у Східній Європі було знищено 14 мільйонів чоловік. Книга професора Єльського університету (США), блискучого історика і вправного оповідача Тімоті Снайдера, «Криваві землі: Європа між Гітлером і Сталіним» присвячена трагічним сторінкам в історії Східної Європи. Український Голодомор, сталінські масові екзекуції, Голокост, розстріл німцями цивільного населення під час антипартизанських операцій, навмисне знищення голодом радянських військовополонених, післявоєнні етнічні чистки... Два тоталітарні режими здійснювали однакові злочини у той самий час, у тих самих місцях, сприяючи один одному і підбурюючи один одного.

Книга Тімоті Снайдера миттєво стала світовим бестселером, пережила 29 видань на 26 мовах світу. Російською мовою публікується вперше.

Формат 70x100 $^{1}/_{16}$ Ум. друк. арк. 31,8
Тираж 10000 пр. Зам. № .....

Видавець:
ПП «Дуліби»
Адреса для листування:
Київ-54, 01054, а/с 40
тел. (044) 383 17 50; 094 927 87 50
E-mail: duliby@ukr.net
сайт: www.duliby.com.ua
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 2297
від 21.09.2005

Друк:
Поліграфічна фірма «ТОВ «Друкарня «Бізнесполіграф»»
вул. Віскозна, 8, Київ
Тел. (044) 503 00 45
Свідоцтво суб’єкта видавничої справи ДК № 27152715
від 07.12.2006 р.